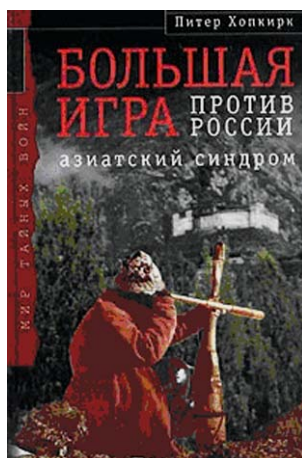


Питер Хопкирк Большая Игра против России: Азиатский синдром



Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром: Рипол Классик; М.; 2004

ISBN 5-7905-1816-8

Оригинал: Peter Hopkirk, The great game: On Secret Service in High Asia, 1990

Перевод: И. И. Кубатъко

Питер Хопкирк

БОЛЬШАЯ ИГРА ПРОТИВ РОССИИ: АЗИАТСКИЙ СИНДРОМ

*«Теперь мне предстоит продвигаться все дальше и дальше на север,
участвуя в Большой Игре...»*

Редьярд Киплинг, «Ким», 1901

*Но нет Востока и Запада нет, что — племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?*

Редьярд Киплинг, Баллада «О Востоке и Западе», 1889

БОЛЬШАЯ ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

История и хитросплетения Большой Игры — так с легкой руки Р. Киплинга была названа борьба Британской и Российской империй, Китая за сферы влияния в Центральной Азии в XVIII — XX веках — мало известны не только рядовому российскому читателю, но и исследователям этого огромного внутриконтинентального региона. В этом автор убедился сам, когда в середине 90-х годов прошлого века оказался в местах, где полтора века назад разворачивались события Большой Игры с участием ее главных исполнителей.

Дважды в 1995 и 1997 годах судьба приводила меня по Каракорумскому шоссе в Северные провинции Пакистана, закрытые для индийцев и русских (по вполне понятным причинам — Кашмирский и Афганский конфликты). Однако мои поездки были абсолютно легальными. Посольство Пакистана в Москве выдало мне визы с указанием мест, которые я имел право посещать. В числе последних были Гилгит и Хунза, бывшее княжество, а ныне Северная автономия, находящаяся под прямым управлением Исламабада, граничащая с Китаем на севере, Афганистаном на северо-западе, и Индией на востоке.

Итак, 1997 год. Город Каримабад, последний город на стратегическом Каракорумском шоссе, ведущем в Китай, ныне открыт для туристов (высший шик — спуститься на горном велосипеде с пограничного с Синьцзянем перевала Хунджераб (4700 м) до Исламабада, проделав путь в несколько сот километров!). Наша небольшая международная группа, созданная Ага Ханом *note 1* и Президентом Таджикистана Э. Рахмоновым, работавшая над концепцией Университета Центральной Азии *note 2*, прибыла в этот высокогорный район, где Гималаи «встречаются» с Каракорумом и Памиром, для знакомства с результатами Программы Ага Хана по поддержке сельского населения.

Город Каримабад находится в сердце этого высокогорного массива, где расположены высочайшие вершины мира — К-2 (8616 м), «гора-убийца» Нанга-Парбат (8125-м) и красавица Ракопоши (7788-м). Здесь живут около 30 тысяч *хунзахутов* или *канджутов* (в старой русской транскрипции), русоволосых и зеленоглазых. Их происхождение связывают с весьма красивой легендой. Три солдата из армии Александра Македонского, которая прошла через Пакистан в 325 году до н. э., заметили красивую долину Хунзы и поселились здесь со своими персидскими женами (отсюда — зеленые и голубые глаза), основав три деревни — Алтит, Балтит и Ганеш, которые существуют и поныне. Эта легенда, увы, не имеет строгих доказательств, но для нас важно зафиксировать один безусловный факт: это отдаленное княжество не было изолировано от остального мира и было объектом внимания (и нападений) более крупных и влиятельных сил, находящихся далеко за пределами его границ. Александр Македонский был, наверное, первым «западным игроком» на арене военных действий в Центральной Азии.

В свою очередь и *хунзахуты* были далеко не невинными овечками: располагаясь на южном ответвлении Великого Шелкового пути, соединяющем Китай с Индией, они брали бакшиш с торговых караванов, делая это решительно и жестоко. Как и для многих горных племен, грабеж купцов и взятие в плен странников, с последующей продажей их в рабство или получением выкупа, были важными источниками существования *хунзахутов*.

В Каримабаде мы посетили бывший дворец *эмиров* Хунзы — форт Балтит, который был построен более 700 лет назад. До 1950 года в его 53 комнатах жили правители княжества. После реставрации в 1996 году он был открыт как музей, при котором был создан Международный

Note1

Ага Хан IV, 49-й имам и духовный лидер исмаилитов. Широко известен в международных политических кругах, учредитель Фонда своего имени, который оказывает финансовую поддержку экономическим и гуманитарным проектам развития. Его дед, сэр Султан Мухаммед Ага Хан был первым главой Лиги Наций.

Note2

Университет Центральной Азии — учрежден Ага Ханом и Президентами стран Центральной Азии А. Акаевым, Н. Назарбаевым и Э. Рахмоновым. Его главная цель состоит в предоставлении услуг в области образования и развития людям, проживающим в горных регионах Центральной Азии и за их пределами.

информационный центр с историческим архивом.

Знакомство с некоторыми экспозициями и документами в форте Балтит, повергло меня в легкий шок. Хотя я в течение почти 50 лет изучал природу и позднее проблемы социально-экономического развития горных территорий Центральной Азии и мог считать себя знатоком Средней Азии, однако мои познания об истории противостояния Российской и Британской империй в этом регионе оказались, мягко говоря, весьма неполными. Более того, имена некоторых участников этого противостояния — Бронислава Громбчевского, Френсиса Янгхасбенда, Нея Елиаса, — которые знал любой мальчишка в Балтите или Керимабаде, я услышал впервые. Я решил во что бы то ни стало ликвидировать этот пробел в моих знаниях. Век живи, век учись!

Оказавшись через пару дней в Гилгите, где располагался центр британской экспансии в Каракоруме (100 км южнее Каримабада), я случайно обнаружил на развале книжного магазина книгу Питера Хопкирка «Большая Игра. Секретные службы в Центральной Азии». Это воистину был дар судьбы! Я прочитал ее не отрываясь. Передо мной открывалась драматическая и увлекательная история имперских игр, проходивших в течение почти двух столетий на сцене театра под названием Центральная Азия. Это была история человеческих амбиций, интриг и кровавых столкновений, изложенная британским исследователем. Безусловно, она отражала позиции «противной стороны» (по отношению к России), но в то же время давала полную и широкомасштабную картину борьбы всех наиболее значимых в регионе сил, прежде всего — России и Великобритании. Ничего подобного мне не доводилось читать в отечественной литературе. Эта книга заставила меня по-другому взглянуть на многие события новейшей истории Центральной Азии и Кавказа — советскую авантюру в Афганистане (1979 — 1989), последовавшие за этим гражданские войны в Афганистане и Таджикистане, войну в Чечне, взлет и крушение власти талибов (крушение ли?) и негибаемую стойкость афганцев. Книга оказалась на удивление актуальной!

Тогда же мне пришла в голову мысль о том, насколько полезно было бы ознакомить русскоязычного читателя с историей Большой Игры, рассказанной разными авторами, разным языком и в разных жанрах. Ведь знаменитый «Ким» Редьярда Киплинга рассказывал именно о технике и технологиях шпионажа в горах Каракорума и Памира, а не был книгой, «знакомящей читателя с экзотикой тропических стран», как это черным по белому написано в одном из современных изданий!

Прошло довольно много времени, прежде чем эта идея, благодаря Издательскому дому «Рипол Классик», получила свое реальное воплощение: в планах издательства стоит выпуск книг, объединенных в одну серию под общим названием «Мир тайных войн». Книга Питера Хопкирка заслуженно открывает эту серию. Следующей будет книга профессора А. Постникова «Схватка на крыше мира. Политики, шпионы и географы в борьбе за Памир в XIX веке». Это книга о тех же местах и событиях, но написанная русским ученым. За ней последует книга Карла Мейера и Шарен Брисак «Театр теней. Большая Игра и имперские гонки в Центральной Азии» (1999, издана в Вашингтоне). Эта книга также о Большой Игре, но ее действие продлевается до конца XX века и описывает новых игроков в Большой Игре — Керзона, Гитлера, Рузвельта, Сталина, а также не менее известные имена — Свена Хедина, Николая Рериха, Ильи Толстого. И написана она американскими авторами.

Последнее весьма примечательно, так как свидетельствует о появлении на центральноазиатской арене нового игрока. Известные американские политологи определяют интересы США в Центральной Азии как стратегические, о чем сказано в отчете «Стратегическая оценка Центральной Евразии», подготовленном в декабре 2000 года для новой администрации Бушана³. Вероятно, после событий 11 сентября 2001 года, планка интересов США в этом регионе поднимется до высшей отметки — жизненно важных интересов США. Размещение военных баз США и их союзников в странах Центральной Азии, еще недавно

Note3

Strategic Assessment of Central Eurasia. 2000. The Atlantic Council of The United States & Central Asia — Caucasus Institute. Ch. Fairbanks, S. Frederic Starr, C. Richard Nelson, Kenneth Weisbrode. Report prepared for the Middle East Division, J-5, Joint Chiefs of Staff.

входивших в состав СССР, свидетельствуют о новых тектонических подвижках в политическом ландшафте региона. Пишутся новые главы и страницы в многотомной истории Большой Игры.

Предлагаемая читателю книга Питера Хопкирка Большая Игра, очевидно, вызовет разную реакцию у читателей. Многие покажутся спорным и тенденциозным, со многими оценками можно не соглашаться, но многие события и факты для русскоязычного читателя окажутся новыми и ранее неизвестными, потребуют их осмысления и раздумий. В этом мне представляется ценность этой книги, впервые переведенной на русский язык. На достижение этих же целей направлено и издание всей серии «Большая Игра».

И последнее. Когда читаешь эту и многие другие книги о Большой Игре, тебя постоянно преследует одна подспудная мысль: как мало значит жизнь простых людей — пахарей, кочевников, воинов, мужчин и женщин — для героев драмы под названием «Большая Игра». «Что племя, родина, род, когда сильный с сильным лицом к лицу...» И эта, отчеканенная Кипплингом истина напоминает нам о цене «Больших Игр» и заставляет задуматься о сути человеческой жизни и ее истинных ценностях...

Профессор Ю. П. Баденков

Предисловие Большая Игра

Уже после того, как была написана эта книга, в регионе Большой Игры произошли важные события, существенно повысившие значение моего рассказа. После долгих лет почти полного забвения Центральная Азия и Кавказ неожиданно снова попали в заголовки газет, то есть туда, где они регулярно пребывали на протяжении всего девятнадцатого века — в разгар Большой Игры.

После крушения коммунизма и распада московской «империи зла» в Азии на ее руинах неожиданно возникли восемь совершенно новых государств. Русские фамилии были стерты с карт, исторические книги переписаны от корки до корки, иностранные посольства открылись в совершенно новых столицах. Уже после того, как были сведены старые счета, регион потрясли новые войны — в Грузии, Азербайджане, Чечне и Таджикистане, а также в окрестностях Афганистана.

Но это еще не все. Дело в том, что сегодня в Центральной Азии разгорается новая схватка между странами, расположенными вне этого региона, но соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум, оставшийся после неожиданного ухода Москвы. Политические аналитики и авторы передовиц уже называют это новой Большой игрой. Ведь ни для кого не секрет, что Центральная Азия располагает одним из величайших сокровищ двадцать первого века — фантастическими запасами нефти и природного газа, намного превышающими потенциал Саудовской Аравии и прочих государств Персидского залива. Добавьте к этому золото, серебро, медь, цинк, свинец, железную руду, уголь и хлопок — и станет ясно, почему внешние силы так усиленно обхаживают новые власти Центральной Азии.

Однако новая Большая Игра — это гораздо больше, чем просто безжалостная гонка за контрактами и концессиями. Для некоторых игроков она может иметь важные и далеко идущие последствия. Самый могущественный из современных игроков — Вашингтон — рассматривает новую Центральную Азию как продолжение Среднего Востока, обремененного такими же угрозами и проблемами. Опасаясь кошмарных последствий для всего мира в том случае, если там возьмут верх обладающие ядерным оружием религиозные фанатики, он стремится разрядить ситуацию и сохранить в этом чрезвычайно взрывоопасном регионе стабильность. Огромные проблемы создает и потенциал Центральной Азии как огромной наркоимперии.

Вторым мощнейшим участником современной Большой Игры является Россия, старый соперник Британии в этом регионе. Неотступно преследуемая трагическими воспоминаниями о монгольском нашествии семивековой давности, Москва решительно настроена на то, что никакой варварской силе впредь не будет позволено угрожать европейской России. Для Кремля, как и для Белого дома, настоящим кошмаром стали оснащенные оружием массового поражения мусульманские фундаменталисты, использующие Центральную Азию как базу для своих зарубежных авантур. В то же время многие русские, особенно военные, до глубины души возмущены тем, что старая Центральноазиатская империя от них ускользнула.

Помимо Соединенных Штатов и России, не говоря уже о мощном Европейском сообществе, главными претендентами на определение будущего Центральной Азии являются ее ближайшие соседи Турция, Иран и Пакистан, а также Япония, Корея и Китай. У последнего и помимо торговли хватает причин для налаживания добрых отношений с новыми республиками Центральной Азии. Там особенно опасаются националистических волнений, подогреваемых и вооружаемых из-за рубежа; это может вызвать волнения в их собственных мусульманских районах. С известной опаской наблюдает за развитием событий в Центральной Азии еще и Индия, окруженная воинственными исламскими державами с запада и севера и экспансионистским Китаем с востока.

В момент написания книги еще невозможно было предсказать, как развернутся события в новой постсоветской Центральной Азии, или предположить, какая из многих соперничающих держав или сил, участвующих в нынешней Большой Игре, возьмет политический или экономический верх. Неожиданный финал продолжавшегося более столетия русского

правления вновь швырнул Центральную Азию в кипящий котел истории. Там может случиться почти все, что угодно, и только смелый — или неумный — человек может заявить, что он предвидит будущее. По этой причине я не пытался осовременить мое повествование, кроме добавления этого небольшого предисловия. Однако среди всех неопределенностей представляется совершенно очевидным одно. К добру или к худу, но Центральная Азия вновь оказалась в центре внимания и, весьма вероятно, еще долго будет там оставаться.

Питер Хопкирк

Лондон, 1997

Благодарности

Сорок лет тому назад, 19-летним младшим офицером, я прочел классическую работу Фицроя Маклина о путешествиях по Центральной Азии «Восточные подступы». Увлекательная книга об удивительных приключениях и политических событиях, происходивших на Кавказе и в Туркестане в мрачные годы правления Сталина, произвела на меня, как, без сомнения, и на многих других, огромное впечатление. С того времени я делал все возможное, чтобы поближе познакомиться с Центральной Азией, и едва она стала доступна для иностранцев, отправился туда. Таким образом, хотя бы и только косвенно, сэр Фицрой частично несет ответственность — некоторые могут сказать, что заслуживает порицания — за написанные мной четыре книги о Центральной Азии, включая и эту последнюю. Посему я должен выразить ему огромную признательность за то, что он развернул меня в сторону Тбилиси и Ташкента, Кашгара и Коканда. О Центральной Азии не написано книги прекрасней, чем «Восточные подступы», и даже сегодня, если случается взять ее в руки, я не могу сдержать дрожь восхищения.

Собирая материал для этого повествования, я оказался в огромном долгу перед теми замечательными людьми, которые участвовали в Большой Игре и оставили отчеты о своих приключениях и невзгодах среди пустынь и гор. Их рассказы составили большинство драматических эпизодов данной повести, и без них она никогда не обрела бы такой формы.

Немалую ценность представляют и существующие биографии целого ряда участников той Игры. Для описания политических и дипломатических основ этой борьбы я в полном объеме использовал самые последние открытия историков — специалистов по данному периоду, которым также весьма признателен. Я должен также поблагодарить коллектив работников Лондонской индийской библиотеки и архива за то, что они обеспечили мне доступ к многочисленным документам и снабдили другими материалами из обширного хранилища истории Британской империи.

Человек, которому я, вероятно, обязан больше всего, — это моя жена Кэт, чья всеобъемлющая скрупулезность стала огромным вкладом в исследование вопроса и написание как этой, так и предыдущих книг на всех стадиях работы над ними. На ней я проверял отдельные части моей работы по мере их появления на свет. Помимо изготовления рисунков для пяти карт она составила еще и указатель. И наконец, мне очень повезло, что мне достался такой редактор, как Гейл Пиркис. Его внимательнейший профессионализм, спокойный и добрый юмор, а также неизменный такт оказались огромной поддержкой в течение долгих месяцев подготовки книги к публикации. Стоит добавить, что Гейл, вместе с издательством «Оксфорд Юниверсити Пресс», помог спасти от забвения ряд важных работ по Центральной Азии, по крайней мере две из которых были посвящены героям Большой Игры, и организовать новую их публикацию.

Замечание относительно транскрипции

Многие названия народов и местностей, встречающиеся в этом повествовании, в различные годы писались по-разному. Например Тартар/Татар, Эрзерум/Эрзурум, туркестанец/туркмен, Кашгар/Карши, Тифлис/Тбилиси. Ради логичности и простоты я в большинстве случаев пользовался теми написаниями, которые были привычными для участников тех событий.

Пролог

Июньским утром 1842 года в среднеазиатском городе Бухаре можно было видеть две фигуры в лохмотьях, опустившиеся на колени в пыль перед дворцом эмира. Руки их были крепко связаны за спиной, сами они имели плачевный вид. Грязные полуголые тела их были покрыты язвами, в волосах, бородах и одежде кишели вши. Неподалеку ждали две свежеврытые могилы. На них молча взидала небольшая кучка местных жителей. Обычно в этом отдаленном и все еще жившем в средневековье караванном городе казни не привлекали большого внимания — при жестоком и деспотическом правлении эмира они были достаточно частым явлением. Но в данном случае дело обстояло несколько иначе. Двое мужчин, стоявших на коленях под палящим полуденным солнцем у ног палача, были британскими офицерами.

Уже несколько месяцев эмир держал их в темной зловонной яме под глинобитной крепостью, где компанию им составляли только крысы и прочая нечисть. И теперь эти двое — полковник Чарльз Стоддарт и капитан Артур Конолли — готовы были вместе принять смерть за 4000 миль от дома, на том месте, где сегодня иностранные туристы выходят из русских автобусов, не подозревая, что тут когда-то случилось. Стоддарт и Конолли заплатили эту цену за свое участие в чрезвычайно опасной операции — Большой Игре. Под таким названием она была известна тем, кто, играя в нее, рискуя, рисковал их шеями. Ирония судьбы заключается в том, что первым произнес это словосочетание именно Конолли, хотя обесмертил его много лет спустя Киплинг в своем романе «Ким».

Первым в то июньское утро должен был умереть Стоддарт, его другу предстояло наблюдать за этим. Полковник был направлен в Бухару Ост-Индской компанией, чтобы заключить с эмиром союз против русских, чье продвижение в Центральную Азию вызывало все большие опасения относительно их будущих намерений. Однако обстоятельства сложились крайне неудачно. Когда Конолли, добровольно вызвавшийся попытаться освободить товарища, прибыл в Бухару, он в конце концов тоже оказался в мрачной подземной тюрьме эмира. Через несколько секунд после того, как был обезглавлен Стоддарт, казнили и Конолли; днем останки двоих офицеров вместе с многими другими жертвами эмира были погребены на ужасном заброшенном кладбище где-то неподалеку.

Стоддарт и Конолли были всего лишь двумя из немалого числа как британских, так и русских офицеров и исследователей, которые на протяжении большей части столетия участвовали в Большой Игре. Их приключения и невзгоды составили содержание этой книги. Огромная шахматная доска, на которой разворачивалась эта скрытная борьба за политическую власть, простиралась от снежных пиков Кавказа на западе через бескрайние пустыни и горные массивы Центральной Азии до китайского Туркестана и Тибета на востоке. Главным же призом, как опасались в Лондоне и Калькутте и как очень надеялись служившие в Азии честолюбивые русские офицеры, была Британская Индия.

А началось это в первые годы девятнадцатого века, когда русские войска принялись с боями прокладывать путь на юг через Кавказ, населенный тогда безжалостными мусульманскими и христианскими племенами, в сторону Северной Персии. Поначалу казалось, что аналогично великому походу русских на восток через Сибирь два столетия назад это не представляет особой угрозы британским интересам. Хотя Екатерину Великую действительно забавляла идея похода в Индию, а сын ее Павел в 1801 году зашел так далеко, что даже отправил в ту сторону войска для вторжения. Их спешно отзывали после последовавшей вскоре его кончины. Но в те дни никто не принимал русских всерьез: их ближайшие пограничные посты находились слишком далеко, чтобы представлять какую-то реальную угрозу владениям Ост-Индской компании.

Затем в 1807 году в Лондон поступили донесения, всерьез встревожившие как британское правительство, так и директоров компании. Наполеон Бонапарт, ободренный серией своих блестящих побед в Европе, предложил наследнику Павла, царю Александру I, совместно

вторгнуться в Индию и освободить ее от британского господства. Возможно, он сулил Александру, что, объединив свои армии, они смогут покорить весь мир и разделить его между собой. Для Лондона и Калькутты не было секретом, что Наполеон «положил глаз» на Индию. Заодно он жаждал отомстить за оскорбительное поражение, нанесенное его соотечественникам англичанами в предыдущем раунде борьбы за обладание этой жемчужиной.

Впечатляющий план заключался в том, что 50 000 французских солдат пересекут Персию и Афганистан, а затем соединятся с казаками Александра для окончательного удара по Индии через Инд. Но это была не Европа с готовыми базами снабжения, дорогами, мостами и умеренным климатом. Наполеон имел лишь слабое представление об ужасных трудностях и препятствиях, которые предстояло преодолеть армии, выбравшей такой маршрут. Его невежество относительно земель, по которым предстояло пройти войскам вторжения, с их огромными безводными пустынями и горными хребтами, могло сравниться только с аналогичным невежеством самих англичан. До того момента англичане, первоначально прибывшие морем, уделяли мало внимания стратегическим сухопутным дорогам в Индию, сосредоточившись на охране морских путей.

Но теперь их самоуверенности пришел конец. В то время как русские сами по себе большой угрозы не представляли, объединенные армии Наполеона и Александра, особенно ведомые несомненным полководческим гением Наполеона, были бы гораздо опаснее. Последовали поспешные приказы тщательно исследовать и нанести на карту дороги, по которым агрессоры могли бы достичь Индии, чтобы руководство компании выбрало, где их лучше всего остановить и разгромить. Одновременно к персидскому шаху и афганскому эмиру, через земли которых предстояло пройти агрессорам, отправились дипломатические миссии в надежде отговорить их от каких-либо связей с врагом.

Угроза никогда не воплотилась в жизнь, поскольку Наполеон с Александром вскоре поссорились. Когда французские войска вторглись в Россию и вошли в горящую Москву, Индия временно была забыта. Но после того как Наполеон с ужасными потерями отступил обратно в Европу, для Индии возникла новая угроза. На этот раз ее представляли самоуверенные и честолюбивые русские, и не похоже было, что на сей раз пронесет. Когда закаленные в боях русские войска снова начали движение через Кавказ на юг, опасения за безопасность Индии серьезно возросли.

Разгромив кавказские племена, в чьем длительном и отчаянном сопротивлении участвовала и горстка англичан, русские перевели свой алчный взгляд на восток. В обширном районе гор и пустынь к северу от Индии лежали древние ханства Хивы, Бухары и Коканда. По мере продвижения к ним русских тревога в Лондоне и Калькутте все нарастала. Этой огромной, политически ничейной земле вскоре предстояло стать ареной больших приключений честолюбивых офицеров и исследователей обеих сторон, занятых составлением карт перевалов и пустынь, по которым пришлось бы двигаться их армиям в случае войны.

В середине девятнадцатого века Центральная Азия не сходилась с газетных полос, так как древние караванные города и ханства на бывшем Шелковом пути один за другим попадали в руки русских. Каждая неделя приносила новости о том, что стремительные казаки, мчавшиеся перед наступающей армией, продвигались все ближе и ближе к плохо защищенным границам Индии. В 1865 году русскому царю покорился большой укрепленный город Ташкент. Три года спустя наступила очередь Самарканда и Бухары, а еще через пять лет русские со второй попытки овладели Хивой. Потери от русских пушек среди отважных, но недостаточно благоразумных для отказа от сопротивления защитников города были ужасающими. «Но в Азии, — как объяснил один русский генерал, — чем сильнее вы их бьете, тем дольше они сидят спокойно».

Несмотря на постоянные заверения Санкт-Петербурга об отсутствии враждебных намерений по отношению к Индии, в том, что каждое очередное наступление станет последним, многим казалось, что все они — только часть гигантской затеи подчинить царской власти всю Центральную Азию. Существовали опасения, что когда этот план будет выполнен, начнется последнее наступление на величайшее сокровище империи — Индию. Не было секретом, что над планом такого вторжения работали самые способные царские генералы, а что касается людей, то в русской армии их всегда было достаточно.

По мере того как две линии фронта сближались, Большая Игра становилась все интенсивнее. Несмотря на опасности, главным образом со стороны враждебных племен и правителей, не было недостатка в бесстрашных молодых офицерах, готовых рискнуть жизнью по ту сторону границы, чтобы заполнить белые пятна на картах, следить за передвижениями русских и попытаться завоевать расположение недоверчивых ханов. Как мы уже видели, Стоддарт и Конолли были отнюдь не единственными, не вернувшимися с коварного севера. Большинство участников этой скрытой борьбы были профессионалами, офицерами индийской армии или политическими агентами, которых их начальники в Калькутте отправили для сбора информации любого рода. Но хватало и не менее способных любителей, часто независимых путешественников, предпочитавших то, что один из царских министров назвал «игрой теней». Одни действовали, переодевшись и маскируясь, другие — при всех регалиях.

Некоторые районы считались чересчур опасными или политически слишком чувствительными для того, чтобы там появлялись европейцы, даже скрываясь под чужой личиной. Тем не менее в интересах защиты Индии эти районы следовало изучить и нанести на карту. И вскоре было найдено оригинальное решение этой проблемы. Секретным методам разведки обучали индийских горцев, обладавших недюжинным умом и физическими способностями, и затем их перебрасывали через границу под видом мусульманских проповедников или буддистских паломников. Таким образом, зачастую с немалым риском для жизни, они тщательнейшим образом нанесли на карты тысячи квадратных миль прежде не обследованных территорий. Русские, со своей стороны, использовали для проникновения в районы, считавшиеся слишком опасными для европейцев, монгольских буддистов.

Что бы ни говорили историки сегодня, в то время русская угроза Индии представлялась весьма реальной. В конце концов она казалась очевидной для любого, бросающего взгляд на карту. Четыре столетия подряд Российская империя неуклонно расширялась со скоростью примерно 55 квадратных миль в день или около 20 000 квадратных миль в год. В начале девятнадцатого века Российскую и Британскую империи разделяло в Азии более 2000 миль. К концу столетия это расстояние сократилось до нескольких сотен миль, а в отдельных районах Памира оно не превышало двух десятков. Поэтому ничего удивительного, что многие боялись, что казаки всего лишь сдерживают своих лошадей, пока в Индии делается то же самое.

Помимо тех, кто участвовал в Большой Игре профессионально, появилось множество стратегов-любителей, следивших за ней со стороны и щедро раздававших свои советы в потоке книг, статей, страстных брошюр и писем в газеты. По большей части эти комментаторы и критики были русофобами с ярко выраженными «ястребиными» взглядами. Они утверждали, что единственный способ остановить продвижение русских заключается в проведении наступательной политики. Это означало, что следует действовать первыми — либо вторжением, либо созданием покладистых буферных государств — сателлитов на вероятных путях вторжения. К сторонникам наступательной политики относились и честолюбивые молодые офицеры индийской армии и политического департамента, включившиеся в новый бодрящий спорт в пустынях и на перевалах Высокой Азии. Участие означало приключения и продвижение по службе, а возможно, даже место в истории империи. Альтернативой была скука полковой жизни на душных и знойных равнинах Индии.

Но не все были убеждены, что русские намерены попытаться вырвать Индию из британских рук или что они в военном отношении способны это сделать. Эти противники наступательной политики утверждали, что для Индии лучшая защита — ее уникальное географическое положение, окружающие ее могучие горные системы, полноводные реки, безводные пустыни и воинственные племена. Они утверждали, что когда, преодолев все эти препятствия, русские войска достигнут Индии, они так ослабнут, что не в состоянии будут тягаться с поджидающей британской армией. Потому казалось более разумным заставить противника чрезвычайно растянуть линии коммуникаций, чем проделать то же самое самим. Такая политика — «оборонительная», или «искусного бездействия», как ее называли, обладала еще одним дополнительным преимуществом: она обошлась бы гораздо дешевле, чем соперничающая с ней политика наступательная. Однако для каждой из них должно было подойти свое время.

Там, где можно, я старался передать историю не через исторические или геополитические

понятия, а через судьбы отдельных людей, принимавших участие в великой схватке империй как с той, так и с другой стороны. Книга не претендует на освещение истории англо-русских отношений того периода. Это было тщательно проделано такими видными историками, как Андерсон, Глизон, Ингрэм, Марриот и Япп, чьи работы перечислены в приводимой библиографии. Нет здесь места и для того, чтобы углубляться в сложные и непрерывно менявшиеся отношения Лондона и Калькутты. Эта тема, безусловно заслуживающая внимания, была детально исследована в многочисленных исторических работах о роли Британии в Индии, совсем недавно это сделал сэр Пендерел Мун в своем монументальном исследовании объемом в 1235 страниц «Британское завоевание и правление в Индии».

Повествуя главным образом о людях, эта книга изобилует множеством действующих лиц. В ней выведены больше сотни персонажей на протяжении трех поколений. Начинается она историей Генри Поттинджера и Чарльза Кристи в 1810 году и заканчивается Френсисом Янгхасбендом почти столетие спустя. Здесь присутствуют и русские участники игры, которые были во всех отношениях столь же способны, как и их британские оппоненты, начиная с бесстрашного Муравьева и таинственного Виткевича и кончая грозным Громбчевским и одиноким Бадмаевым. Придерживаясь совершенно противоположной точки зрения на эти события, современные советские исследователи начали проявлять больше интереса к подвигам своих участников этой игры и испытывать за них известную гордость. Не имея подходящего названия для этих событий, некоторые называют их Большой игрой. Описывая подвиги как британцев, так и русских, я старался оставаться максимально объективным, предоставляя фактам говорить самим за себя и оставляя читателям их право на оценку.

Если эта история и не расскажет ничего особенного, из нее по крайней мере станет ясно, что за последнюю сотню лет произошло не так уж много изменений. Взятие посольств неистовствующими толпами, убийства дипломатов, уничтожение военных кораблей в Персидском заливе — все это было знакомо еще нашим викторианским предкам. В самом деле, заголовки нынешних газет зачастую неотличимы от тех, что выходили сто и больше лет назад. И, похоже, из болезненных уроков прошлого мало что сумели извлечь. Если бы русские в декабре 1979 года вспомнили о печальном опыте англичан в Афганистане в 1842 году при довольно схожих обстоятельствах, они могли бы не попасть в ту же ужасную ловушку, унесшую 15 000 молодых русских жизней, не говоря о неисчислимом количестве невинных афганских жертв. Москва слишком поздно поняла, что афганцев победить нельзя. Они не только не утратили своих устрашающих боевых способностей, особенно на той территории, которую выбирают сами, но быстро освоили и новейшие методы ведения военных действий. Смертоносные длинноствольные ружья — джезайли, которые в свое время наводили ужас на британские красные мундиры, нашли достойное современное продолжение в реагирующих на тепло «стингерах», ставших столь смертоносными для русских штурмовых вертолетов.

Некоторые могут утверждать, что Большая Игра на самом деле никогда не прекращалась, что она была просто предшественницей холодной войны наших дней и питалась теми же страхами, подозрением и непониманием. Действительно, люди вроде Конолли и Стоддарта, Поттинджера и Янгхасбенда без труда узнали бы в битве двадцатого века ту, свою, только с куда более высокими ставками. Подобно холодной войне, Большая Игра также имела свои периоды *detente* (разрядки. — *фр.*), хотя они никогда не длились слишком долго, давая повод удивиться постоянству сегодняшних улучшившихся отношений. Поэтому теперь, спустя более восьмидесяти лет со дня ее официального окончания в результате подписания англо-русской конвенции 1907 года, Большая Игра все еще остается угрожающе актуальной.

Но перед тем как углубиться в заваленные снегом перевалы и коварные пустыни Центральной Азии, где развивается действие этой книги, сначала следует вернуться в русскую историю на семь веков назад. Ведь именно тогда свершился катаклизм, оставивший неизгладимый отпечаток на русском характере. Он не только породил у русских непреходящий страх окружения кочующими ордами — либо ядерными ракетами, — но и спровоцировал их неудержимое стремление на восток и юг — в Азию, к возможному столкновению с Британией в Индии.

НАЧАЛО

Поскреби русского — и найдешь татарина.
Русская пословица

1. Желтая опасность

Их тяжкий дух можно было учуять даже раньше, чем услышать топот копыт. Но и тогда было уже поздно. Через несколько мгновений проливался жуткий ливень стрел, заслонявший солнце и превращавший день в ночь. А потом обрушивались и они — убивая, насилая, грабя и сжигая. Подобно расплавленной лаве, на своем пути они уничтожали все подряд. Позади оставались дымящиеся пепелища городов да выбеленные кости, отмечавшие обратный путь на родину в Центральную Азию. «Воинами Антихриста, пришедшими жать свой ужасный урожай», назвал монгольские орды некий ученый тринадцатого века.

Исключительная скорость их лучников, словно родившихся в седле, их блестящая и непривычная тактика сокрушали армию за армией. Старые уловки, отработанные годами межплеменных войн, позволяли им громить много превышавшие по численности войска, отделяясь при этом незначительными потерями. Вновь и вновь их притворное бегство с поля боя соблазняло опытных и закаленных полководцев и обрекало их на смерть. Считавшиеся неприступными твердыни легко сокрушались благодаря варварской практике гнать перед штурмовыми отрядами толпы пленников — мужчин, женщин, детей, — чьими телами гатили рвы и котлованы. Тех, кто оставался в живых, заставляли тащить длинные приставные лестницы монголов к самым стенам крепости, другим приходилось под шквальным огнем воздвигать осадные машины. Зачастую защитники твердынь узнавали среди пленников своих родственников и друзей и отказывались в них стрелять.

Монголы продвигались через Азию, опустошая одно государство за другим и направляясь на дрожавшую от ужаса Европу. Как истинные мастера черной пропаганды они заботились, чтобы ужасные рассказы об их варварстве неслись впереди них. Утверждали, что одним из многих их грехов был каннибализм, говорили, что груди захваченных в плен девственниц сохраняют для старших монгольских военачальников. Хоть как-то рассчитывать на милосердие мог только тот, кто сразу же сдавался в плен. После очередной битвы потерпевших поражение вождей противника медленно давили насмерть под досками помоста, на котором пировали победившие монголы. Если нужды в пленных больше не было, население захваченных городов нередко истребляли поголовно, чтобы избежать возможной будущей угрозы. В других случаях всех поголовно продавали в рабство.

Чудовищный монгольский вихрь обрушился на мир в 1206 году. Руководил им неграмотный военный гений Темучин, прежде никому неизвестный вождь небольшого племени, славе которого суждено было затмить даже славу Александра Великого. Став известным под именем Чингисхан, он мечтал покорить весь мир, так как верил, что избран для этого Богом. За тридцать следующих лет ему и его преемникам это почти удалось. На вершине могущества их империя простиралась от *побережья* Тихого океана до польской границы. Она охватывала весь Китай, Персию, Афганистан, современную Центральную Азию, часть Северной Индии и Кавказ. Но для нашего повествования куда важнее то, что она включала обширные области России и Сибири.

В это время Россия состояла больше чем из дюжины княжеств, которые зачастую враждовали и воевали друг с другом. Между 1219 и 1240 годами все они, оказавшись не в состоянии объединиться и совместными усилиями противостоять общему врагу, одно за другим пали под ударами безжалостной военной машины монголов. Потом об этом пришлось долго сожалеть. Когда монголы покоряли какой-то регион, политика их заключалась в том, чтобы править через вассальных князей. Довольствуясь обильной данью, они редко вникали в детали, но не ведали жалости, если их требованиям не подчинялись. Результатом стало тираническое правление вассальных князей, тень которого по сей день тяжело висит над Россией, вместе с длительным обнищанием и отсталостью, с преодолением которых приходится бороться до сих пор.

Более двух столетий русские находились в состоянии застоя и страдали под монгольским игом, или игом Золотой Орды, как именовали себя эти торговцы смертью (наименование государства идет от большого шатра на золотых столбах, в котором помещалась штаб-квартира их западной империи). Помимо ужасающих разрушений, произведенных захватчиками, их хищническое правление привело к тому, что экономика России оказалась в руинах, торговля и промышленность застопорились, а русский народ оказался закрепощен. Годы татаро-монгольского ига, как называют русские столь черную главу своей истории, привели также к внедрению азиатских методов управления и других восточных обычаев, которые наложились на существовавшую византийскую систему. Более того, отрезанный от либерального влияния Западной Европы народ становился все более и более восточным по своему мировоззрению и культуре. Как говорится, «поскреби русского, и найдешь татарина».

Одновременно, пользуясь стесненными обстоятельствами и военной слабостью России, на ее территорию стали покушаться европейские соседи. Германские княжества, Литва, Польша и Швеция объединились. До тех пор, пока дань продолжала поступать регулярно, монголов это не волновало, их куда больше интересовали азиатские регионы. Там лежали Самарканд и Бухара, Герат и Багдад, богатством и роскошью которые, безусловно, затмевавшие рубленные из дерева русские города. У зажатых между европейскими врагами на западе и монголами на востоке русских выработался ужас перед вторжением и окружением, который до сих пор влияет на их международные отношения и внешнюю политику.

Редко когда опыт оставляет такие глубокие и устойчивые шрамы на психике народа, как это случилось с русскими. Это позволяет объяснить их историческую ксенофобию (особенно по отношению к восточным народам), их зачастую агрессивную внешнюю политику и покорное принятие тирании у себя дома. Вторжения Наполеона и Гитлера, хотя и окончившиеся неудачей, эти страхи лишь усилили. Только сейчас русские люди проявляют признаки избавления от столь несчастливого наследия. Маленькие жестокие всадники, которых обрушил на мир Чингисхан, несут ответственность за многое случившееся за четыреста с лишним лет после того, как их власть была окончательно свергнута и сами они канули в тот мрак, из которого когда-то появились.

Избавлением от монгольского господства русские обязаны Ивану III, известному под именем Ивана Великого, тогда Великого князя Московского. Во времена монгольского нашествия Москва была маленьким и незначительным провинциальным городком, находившимся в тени своих могущественных соседей и подчинявшимся им. Но, пожалуй, не было более усердных вассальных князей по уплате дани и проявлению почтения к чужеземным правителям, чем московские. В ответ на такую преданность ничего не подозревавшие монголы предоставляли им все больше власти и свободы. В течение ряда лет Москва, теперь уже Московское княжество, росла, набирала силу и увеличивалась в размерах и в итоге стала господствовать над всеми своими соседями. Занятые внутренними распрями монголы слишком поздно заметили, в какую угрозу превратилось Московское княжество.

Прозрение пришло в 1480 году. Как говорят, в приступе ярости Иван растоптал портрет властителя Золотой Орды Ахмед-Хана и приказал казнить его посланников. Однако одному удалось бежать, и он принес весть об этом невообразимом неповиновении своему властелину. Решив проучить бунтовщика и преподать ему незабываемый урок, Ахмед-Хан двинул свою армию против Московского княжества. К своему удивлению, на дальнем берегу реки Угра в 200 километрах от Москвы он обнаружил поджидавшую его большую и хорошо снаряженную армию. Несколько недель обе армии смотрели друг на друга через реку, и казалось, ни одна из сторон не собирается ее форсировать. Но с приближением зимы начало подмораживать. Жестокая битва казалась неизбежной.

И вот именно тогда произошло нечто невероятное. Без какого-то предупреждения обе армии неожиданно снялись и двинулись прочь, словно одновременно охваченные паникой. Несмотря на собственное бесславное поведение, русские поняли, что с тянувшимся столетиями рабством навсегда покончено. Стало ясно, что их угнетатели утратили вкус к битве. Когда-то столь ужасная монгольская военная машина больше не была непобедимой. Их централизованная власть на западе наконец-то рухнула, оставив последние осколки некогда могущественной империи Чингисхана и его преемников — три изолированных друг от друга

ханства: Казанское, Астраханское и Крымское. Хотя всеобъемлющая власть монголов была свергнута, три оставшиеся твердыни все еще таили угрозу. Чтобы чувствовать себя в безопасности, их еще предстояло сокрушить.

На долю одного из преемников Ивана Великого, Ивана Грозного, досталось овладеть первыми двумя из этих трех бастионов и присоединить их к быстро расширявшемуся Московскому царству. Его охваченные жаждой мести войска в 1553 году штурмом взяли крепость Казань в верховьях Волги и перебили ее защитников точно так же, как делали монголы, опустошая крупные русские города. Два года спустя такая же участь постигла Астраханское ханство, расположенное у впадения Волги в Каспийское море. Все еще держался только Крым, последний оставшийся татарский редут, и то только благодаря защите султанов Оттоманской Порты, рассматривавших его как ценный плацдарм против русских. Таким образом, если не считать случайных набегов крымских татар, монгольская угроза была ликвидирована навсегда. Это открыло дорогу величайшему колониальному предприятию в истории — русской экспансии на восток, в Азию.

Первая фаза этого предприятия состояла в продвижении московских первопроходцев, солдат и торговцев на 4000 миль через необозримую Сибирь с ее могучими реками, ледяными пустынями и непроходимыми лесами. Сравнимое по многим параметрам с завоеванием Запада первыми американскими поселенцами, оно заняло больше столетия и закончилось только тогда, когда русские достигли побережья Тихого океана и обосновались там. Но покорение Сибири, одна из величайших эпопей в истории человечества, остается вне рамок нашей истории. Этот обширный и негостеприимный регион лежал слишком далеко от других великих держав, так что только англичане в Индии могли чувствовать весьма незначительную угрозу с его стороны. Однако его колонизация была только первой фазой процесса экспансии, который не прекращался до тех пор, пока Россия не стала величайшей державой на земле и, по крайней мере в глазах англичан, не превратилась во все нарастающую угрозу для Индии.

* * *

Первым из царей, обратившим взор в сторону Индии, стал Петр Великий. Болезненно воспринимая чрезвычайную отсталость своей страны и ее уязвимость для нападения извне — что в значительной степени было результатом «потерянных» из-за монголов столетий, — он решил не только догнать остальную Европу экономически и социально, но и создать такую армию, которая сравнялась бы с армией любой другой державы. Чтобы это сделать, он отчаянно нуждался в деньгах, ведь казну опустошила война на два фронта — со Швецией и Турцией одновременно. Но по счастливому совпадению именно в этот момент к нему начали поступать из Центральной Азии донесения о том, что на берегах реки Оксус (Амударьи. — *Прим. пер.*), в отдаленном и враждебном регионе, где побывало лишь несколько русских или других европейцев, обнаружены большие залежи золота. Из донесений русских путешественников Петр знал, что за горами и пустынями Центральной Азии лежит Индия, страна легендарных богатств. Знал он и то, что эти богатства в широких масштабах вывозят морем его европейские соперники, и в частности англичане.

Так что его проницательный ум занялся составлением плана, как наложить руки одновременно на золото Центральной Азии и долю индийских сокровищ.

За несколько лет до того Петр сблизился с хивинским ханом, мусульманским владыкой, пустынные владения которого лежали по обе стороны реки Оксус. Тот искал его поддержки для подавления непокорных племен. В обмен на защиту русских хан предложил Петру стать его вассалом. Имея в то время весьма незначительные интересы в Центральной Азии (или не имея их вообще) и будучи занят делами дома и в Европе, Петр об этом предложении забыл. И только теперь ему пришло в голову, что обладание Хивой, которая лежит на полпути между его собственными границами и границами Индии, даст тот плацдарм, в котором он в том регионе так нуждался. Оттуда его геологи смогут вести поиски золота, это место сможет служить промежуточной перевалочной базой для караванов, которые, как он надеялся, скоро станут возвращаться из Индии с грузом экзотических сокровищ, предназначенных как для внутреннего, так и для европейских рынков. Используя прямой наземный путь, можно было

нанести серьезный ущерб существующей морской торговле, так как морем путь из Индии занимал почти год. Более того, дружески настроенный хан мог даже обеспечить его караваны вооруженным эскортом, что позволило бы сэкономить немалые средства, нужные для русских войск.

Петр решил направить в Хиву экспедицию с тяжелым вооружением, чтобы, хоть и с некоторым опозданием, принять предложение хана. В обмен тот получил бы постоянную русскую охрану для собственной защиты, а его семье гарантировалось бы наследственное владение тронем. Если бы выяснилось, что позиция хана изменилась или он оказался слишком недальновидным и попытался сопротивляться, приданная экспедиции артиллерия привела бы его в чувство, обратив в пыль глинобитную средневековую Хиву. После овладения Хивой, желательно на дружеской основе, можно было бы начать поиски золота Оксуса и разведку караванного пути в Индию. Возглавить эту важную экспедицию довелось мусульманскому князю с Кавказа, обращенному в христианство и в то время служившему офицером элитного лейб-гвардейского полка, — Александру Бековичу. Петр считал, что благодаря своему происхождению Бекович является идеальной фигурой для ведения дел с восточным приятелем. Его отряд насчитывал 4000 человек, включая пехоту, кавалерию, артиллерию и некоторое число русских купцов, а также 500 лошадей и верблюдов.

Помимо кочевавших в этом пустынном регионе враждебных туркменских племен главной опасностью, с которой предстояло столкнуться Бековичу, была обширная пустыня, раскинувшаяся больше чем на 500 миль между восточным побережьем Каспийского моря и Хивой. Преодолеть ее предстояло не только экспедиции, но, скорее всего, и грядущим тяжело груженным русским караванам, возвращающимся из Индии. Но здесь на помощь пришел дружественный туркменский вождь. Он рассказал Петру, что много лет назад, вместо того чтобы течь в Аральское море, река Оксус впадала в Каспийское море и была направлена местными племенами в ее нынешнее русло с помощью плотин. Петр резонно рассудил, что если это правда, то его инженерам не составит труда разрушить плотины и вернуть реку в прежнее русло. Тогда товары между Индией и Россией значительную часть пути можно было бы перевозить по воде и избежать опасного пути через пустыню. Эти перспективы начали казаться весьма многообещающими, когда русская изыскательская партия сообщила о находке в пустыне недалеко от побережья Каспия чего-то похожего на старое русло реки Оксус.

Отпраздновав Русскую Пасху, в апреле 1717 года Бекович с экспедицией отплыли под парусами из Астрахани, расположенной в северной оконечности Каспийского моря. Сопровождаемая по обширному внутреннему морю целой флотилией из примерно ста небольших судов, экспедиция везла с собой провизии почти на год. Но все предприятие заняло куда больше времени, чем предполагалось, и только в середине июня они вышли в пустыню и направились на восток в сторону Хивы. Вскоре люди начали страдать от необычайной жары и жажды и умирать из-за солнечных ударов и других болезней. Одновременно приходилось отражать нападения воинственных племен, стремившихся помешать их продвижению. Но о том, чтобы повернуть назад с риском навлечь на себя гнев царя, не могло быть и речи, так что экспедиция продолжала мужественно бороться с трудностями на пути в далекую Хиву. Наконец в середине августа после более двух месяцев путешествия по пустыне до столицы осталось всего несколько дней пути.

Далеко не уверенный в хорошем приеме, Бекович выслал вперед группу своих людей с богатыми дарами для хана и заверениями, что их миссия носит исключительно дружеский характер. Надежды на успешное ее завершение стали еще более многообещающими, когда хан сам прибыл приветствовать царского посланца. Обменявшись любезностями и совместно насладившись музыкой оркестра экспедиции, Бекович с ханом направились к городу верхом, причем несколько сокращенная охрана первого следовала чуть поодаль. Когда они приблизились к городским воротам, хан объяснил Бековичу, что не сможет разместить и накормить в Хиве такое множество людей. Вместо этого он предложил русским разделить на несколько групп, чтобы можно было надлежащим образом расселить и накормить их в окружающих селениях.

Опасаясь обидеть хана, Бекович согласился и приказал своему заместителю майору Франкенбургу разделить отряд на пять частей и направить их на назначенные квартиры.

Франкенбург возражал, высказывал свои опасения и предчувствие дурного исхода. Но Бекович продолжал настаивать на выполнении приказа. Поскольку Франкенбург продолжал возражать, Бекович предупредил, что предаст его по возвращении домой военному суду, если тот не выполнит приказ. В результате войска были разделены на небольшие группы. Произошло именно то, чего ждали хивинцы.

Они одновременно напали на ничего не подозревавших русских во всех точках. В числе первых погиб сам Бекович. Его схватили, сорвали мундир и на глазах хана изрубили на куски. Потом отрубили голову, набили соломой и вместе с головами Франкенбурга и других старших офицеров выставили на обозрение ликующей толпы. В это время русские войска, оставшиеся без старших офицеров, методично уничтожались. Примерно сорока из них удалось избежать кровавой бойни, но, когда все было кончено, хан велел их выстроить на главной площади, чтобы казнить на глазах у всего города. Однако их жизни были спасены благодаря вмешательству одного человека. Это был хивинский акын, или духовный лидер, который напомнил хану, что его победа одержана благодаря предательству и что безжалостное избиение пленных только увеличит его преступление в глазах Господа.

Такой поступок требовал немалого мужества, но на хана он произвел впечатление. Русских пощадили. Некоторых продали в рабство, другим позволили проделать мучительный путь через пустыню обратно к Каспию. Те, кто пережил путешествие, сообщили ужасные новости своим товарищам, остававшимся в двух маленьких деревянных фортах, построенных перед началом хивинского похода. Оттуда новости передали Петру Великому в его только что отстроенную столицу, Санкт-Петербург. В то же время, чтобы похвастаться своей победой над русскими, хивинский хан отправил голову Бековича — мусульманского князя, продавшего душу царю неверных, — своему соседу по Центральной Азии, эмиру Бухары. Тело несчастного было выставлено на всеобщее обозрение в Хиве. Но ужасный трофей был тотчас же поспешно возвращен, а его нервный получатель заявил, что не желает иметь ничего общего с подобным вероломством. Вероятнее всего, эмир просто убоился возможного гнева русских.

Хивинскому хану повезло куда больше, чем он сам, вероятно, рассчитывал, слабо представляя размеры и военную мощь своего северного соседа. Никакого возмездия не последовало. Хива была слишком далеко, а Петр, расширявший границы империи повсюду, особенно на Кавказе, слишком занят, чтобы послать карательную экспедицию мстить за Бековича и его людей. Это могло подождать, пока будут развязаны руки. Фактически прошло немало лет, пока русские снова предприняли попытку включить Хиву в число своих владений. Но если предательство хана осталось безнаказанным, то оно явно не было забыто и еще больше утвердило русских в недоверии к жителям Востока. В результате они мало кого щадили, завоеывая и подчиняя себе мусульманские племена Центральной Азии и Кавказа, да и в наши времена во время войны с муджахеддинами в Афганистане (хотя в этом случае дела у них шли менее успешно).

Так или иначе, Петр никогда больше не вернулся к своей мечте открыть золотой путь в Индию, по которому могли потечь невообразимые богатства. Он уже и так начал столько всего, что едва ли мог надеяться завершить в течение всей жизни, хотя большую часть все же выполнил. Но много лет спустя после его кончины, в 1725 году, по Европе стала упорно циркулировать странная история относительно последней воли Петра и его завещания. Как утверждали, со смертного одра он тайно приказал своим наследникам и последователям выполнить то, что считал исторической миссией России — добиться мирового господства. Обладание Индией и Константинополем является двойным ключом к такому господству, и Петр настойчиво призывал их не успокаиваться до тех пор, пока оба они не окажутся в русских руках. Самого документа никто никогда не видел, и большинство историков считает, что его никогда не существовало. Но трепет и страх перед Петром Великим были столь велики, что временами в этот документ начинали верить и принимались публиковать различные версии его предполагаемого текста. В конце концов это стало своеобразным наказом, оставленным неугомонным и амбициозным гением грядущим поколениям. Последующее движение России в сторону как Индии, так и Константинополя многим представляется достаточным подтверждением этого факта. Вплоть до совсем недавнего времени существовала прочная уверенность в том, что долгосрочной целью России является мировое господство.

Только сорок лет спустя, во времена правления Екатерины Великой, Россия снова начала выказывать признаки интереса к Индии, где британская Ост-Индская компания последовательно укрепляла свои позиции — главным образом за счет французов. Одна из предшественниц Екатерины, большая любительница наслаждений Анна фактически вернула все стоившие Петру такого труда завоевания на Кавказе персидскому шаху (что едва ли находилось в согласии с предполагаемой волей Петра) на том основании, что они истощают ее казну. Но Екатерина, подобно Петру, была склонна к экспансии. Не было секретом, что она мечтала выдворить турок из Константинополя и восстановить там правление Византии, хотя и под твердым своим контролем. Это обеспечило бы ее флоту доступ в Средиземное море, тогда в значительной мере походившее на «Британское озеро», из Черного моря, все еще сильно напоминавшего «Турецкое озеро».

Известно, что в 1791 году, в конце ее правления, у Екатерины был тщательно разработанный план, как вырвать Индию из все более крепнущей хватки Британии. Вероятно, нет ничего удивительного в том, что придумка эта была порождением ума француза, некоей таинственной личности по имени мсье де Сен-Жени. Он предложил Екатерине, чтобы ее войска по суше прошли через Бухару и Кабул, провозглашая при своем движении, что они намерены восстановить мусульманское правление Моголов во всей их былой славе. Он утверждал, что это привлечет под штандарты Екатерины армии расположенных на пути вторжения мусульманских ханств и побудит массы в Индии подняться против Британии. Хотя дальше плана дело не пошло (Екатерину отговорил ее главный министр и бывший любовник, одноглазый князь Потемкин), он стал первым из длинной цепочки подобных прожектов вторжения в Индию, с которыми русские государи забавлялись еще около столетия.

Хотя Екатерине и не удалось присоединить к своим владениям ни Индию, ни Константинополь, тем не менее ряд шагов в этом направлении она сделала и не только вновь отвоевала у персов возвращенные Анной кавказские территории, но и овладела Крымом, последним сохранившимся оплотом империи монголов. В течение трех веков он пользовался поддержкой турок, которые видели в нем ценную защиту от все разраставшегося на севере агрессивного колосса. Но к концу восемнадцатого века когда-то весьма воинственные крымские татары перестали быть силой, с которой следовало считаться. Используя преимущества территориальных завоеваний, сделанных за счет турок на северном побережье Черного моря, и внутренние раздоры среди татар, Екатерина смогла присоединить Крымское ханство к своим владениям без единого выстрела. Она добилась этого, по ее собственным словам, просто путем «расклеивания в наиболее важных местах объявлений, извещавших жителей Крыма, что она принимает их под свою руку». Обвинив в своих несчастьях турок, потомки Чингисхана смиренно приняли свою судьбу.

Теперь Черное море перестало быть «Турецким озером»: русские не только построили новую гигантскую военно-морскую базу и арсенал в Севастополе, теперь их боевые корабли могли в течение двух суток достичь Константинополя. Правда, к счастью для турок, вскоре после этого жестокий шторм отправил на дно весь русский черноморский флот, временно устранив угрозу. Но хотя к моменту смерти Екатерины великий город, раскинувшийся по обе стороны Босфора, который она мечтала освободить от мусульманского владычества, все еще твердо оставался в турецких руках, дорога к нему стала гораздо короче. Русское присутствие на Ближнем Востоке и на Кавказе впервые заставило задуматься высших должностных лиц Ост-Индской компании. Одним из первых почувствовал эту угрозу Генри Дандес, президент нового совета управляющих компании. Он предупредил об опасности вытеснения русскими из этих регионов турок и персов и об угрозе в дальней перспективе британским интересам, если сердечные отношения, существовавшие тогда между Лондоном и Санкт-Петербургом, когда-либо ухудшатся или совсем прервутся.

Правда, в свете дальнейших событий эти страхи мгновенно забылись. Неожиданно на сцену вышел новый призрак, представлявший куда более непосредственную угрозу положению Британии в Индии. В свои двадцать лет Наполеон Бонапарт горел желанием отомстить за

поражения французов от англичан. Он обратил свой хищный взгляд на восток. Под впечатлением одержанных побед в Европе он поклялся унижить неотесанных англичан, отрезав их от Индии, источника их могущества и богатства, и по возможности вообще отнять у них это величайшее сокровище империи. Он считал, что первым шагом в этом направлении станет стратегический плацдарм на Ближнем Востоке. «Чтобы завоевать Индию, нам сначала нужно стать хозяевами в Египте», — заявил он.

Наполеон не стал тратить времени на разговоры, а собрал все книги, посвященные этому региону, которые смог найти, и принялся их прорабатывать, жирно подчеркивая интересующие его места. «Я был полон мечтаний, — объяснял он много лет спустя. — Я видел, как я создаю новую религию, покоря Азию верхом на слоне, с тюрбаном на голове и новым Кораном в руках, который переписал по-своему». К весне 1798 года все было готово, и 19 мая армада с французскими войсками на борту тайно вышла из портов Тулона и Марселя.

2. Кошмар Наполеона

«Новый генерал-губернатор Индии лорд Уэлсли впервые услышал сенсационные и неприятные новости о том, что Наполеон высадился в Египте с сорокатысячной армией, из уст уроженца Бенгалии. Этот человек только что прибыл в Калькутту на борту быстроходного арабского судна из Джидды на Красном море. Прошла целая неделя, прежде чем новости официально подтвердили разведчики, прибывшие в Бомбей на британском военном корабле. Одна из причин задержки объяснялась тем, что французские силы вторжения смогли ускользнуть от британского средиземноморского флота, и несколько недель никто не знал, направляются они в Египет или намерены обогнуть мыс Доброй Надежды и двинуться в Индию.

Тот факт, что Наполеон наступает с такой большой армией, вызвал в Лондоне серьезную тревогу, особенно у лорда Дандеса и его коллег в совете управляющих. Дело в том, что положение Ост-Индской компании в Индии было далеко не безоблачным, хотя в тот момент она была там главной европейской силой и контролировала всю торговлю страны. Борьба с французами и прочими конкурентами поставила ее на грань банкротства и лишила возможности противостоять Наполеону. Поэтому там с известным облегчением узнали, что тот не собирается двигаться дальше Египта, хотя и это было уже достаточной угрозой. Широко распространялись различные догадки и гипотезы относительно возможных дальнейших шагов императора. Существовали две различные точки зрения. Одни считали, что Наполеон будет наступать по суше через Сирию или Турцию и нападет на Индию со стороны Афганистана или Белуджистана, тогда как другие были убеждены, что он придет морем, отправившись в плавание из какой-либо точки на египетском побережье Красного моря.

Дандес был убежден, что французы выберут сухопутный маршрут, и даже упрасивал правительство нанять русскую армию для перехвата. Собственные военные эксперты компании были уверены, что вторжение, если оно состоится, произойдет с моря, хотя Красное море большую часть года закрыто из-за встречных ветров. Чтобы противостоять этой опасности, британскую эскадру срочно направили вокруг мыса Доброй Надежды для блокады выхода из Красного моря, тогда как другую эскадру отправили из Бомбея. Стратегическое значение пути через Красное море не было секретом для Калькутты. Несколько лет назад новости о начале войны между Англией и Францией именно этим маршрутом в рекордное время достигли Индии, что позволило англичанам неожиданно обрушиться на ничего не подозревавших французов. Хотя в те времена в отличие от наших дней регулярного транспортного сообщения с Египтом через Красное море еще не существовало, срочные сообщения время от времени доставлялись именно этим путем, а не обычным маршрутом вокруг мыса Доброй Надежды, занимавшим в зависимости от ветра и погоды не меньше девяти месяцев. Правда, оккупация Египта Наполеоном на какое-то время нарушила этот кратчайший путь.

В отличие от высших должностных лиц в правительстве и официальных представителей компании в Лондоне, сам Уэлсли не слишком переживал по поводу пребывания Наполеона в Египте. Он был искренне убежден, что оттуда невозможно организовать успешное вторжение ни по суше, ни по морю. Тем не менее это не мешало ему использовать страхи тех, кто

находился в Лондоне, для собственной выгоды. Будучи твердо убежден, что политика всегда должна быть рассчитана на перспективу, он столь же энергично стремился подвигать границы индийских владений компании дальше, тогда как прочие директора старались удержать их на месте. Ведь они стремились получать прибыли для нетерпеливых акционеров, а не заниматься дорогостоящими территориальными приобретениями. Тем не менее, несмотря на их нежелание и большие затраты, компания оказалась в вакууме, возникшем в результате падения династии Моголов, и потому все больше втягивалась в правительственные и административные дела. В результате вместо обещанных акционерам ежегодных дивидендов руководство столкнулось с непрерывно нараставшими долгами и постоянной угрозой банкротства. Они понимали, что борьба со вторжением, даже если кончится успехом, разорит их окончательно. Ведь на помощь правительства, занятого схваткой не на жизнь, а на смерть с Францией, особо рассчитывать не приходилось.

Однако кризис предоставил Уэлсли ту возможность, в которой он нуждался. Он послужил оправданием для смещения и конфискации собственности тех местных правителей, которые проявляли дружеские чувства по отношению к французам, чьи агенты в Индии все еще были весьма активны. Но на этом Уэлсли останавливаться не собирался. Лондону пришлось развязать ему руки для защиты своих имущественных интересов, и эта возможность была в полной мере использована: под британский контроль перешли новые обширные области страны. Поскольку отчеты его очень долго добирались до Лондона, да и составлялись они нарочито туманно, Уэлсли получил возможность заниматься экспроприацией все семь лет своего пребывания на посту генерал-губернатора. Так что к моменту его отзыва в 1805 году территории, штаты и регионы, частично или полностью подконтрольные компании, заметно выросли. Вместо трех первоначальных районов вокруг Калькутты, Мадраса и Бомбея теперь они включали большую часть страны. Все еще сохраняли независимость только Синд, Пенджаб и Кашмир.

Первоначальным стимулом или предлогом для такого расширения империи послужило стремительное продвижение Наполеона. Впрочем, эта угроза, вызвавшая такую панику в Лондоне, оказалась чрезвычайно недолгой. Пытаясь искупить неудачу попыток найти и перехватить французскую армаду прежде, чем та достигла Египта, адмирал Горацио Нельсон в конце концов обнаружил ее стоящей в заливе Абукир к востоку от Александрии. Там он заманил французов в ловушку и уничтожил, так что спаслись бегством всего два корабля. Теперь он отрезал Наполеона от Франции, перерезал его линии снабжения, предоставив ломать голову, как выводить войска домой. Но если эта победа позволила руководству компании в Лондоне перевести дух, то юный Наполеон был далек от мысли расстаться со своей мечтой выдворить англичан из Индии и построить великую французскую империю на Востоке. Совершенно не обескураженный поражением в Египте, по возвращении во Францию он шествовал от одной твердыни к другой, одержав в Европе целый ряд блистательных побед.

Однако перед отплытием в Европу он получил удивительное предложение из Санкт-Петербурга. Поступившее в начале 1801 года от наследника Екатерины Великой царя Павла Первого, оно давало возможность отомстить англичанам и возвысить свои амбиции на Востоке. Павел Первый, разделявший нелюбовь Наполеона к англичанам, решил возродить план вторжения в Индию, разработанный Екатериной десять лет назад. В нем уже предусматривался глубокий рейд русских войск через Центральную Азию на юг. Но у Павла была идея получше. Следовало организовать совместное наступление русских и французов, что сделало бы победу над силами англичан почти очевидной. Тайно переслав свой грандиозный план Наполеону, которым Павел восхищался почти до безумия, царь стал ждать ответа.

Идея Павла заключалась в том, чтобы послать 35 000 казаков через Туркестан, вербуя по дороге воинственные туркменские племена обещаниями невообразимых трофеев, если те помогут выдворить из Индии англичан. В то же самое время французская армия примерно такой же численности должна была спуститься по Дунаю, пересечь на русских судах Черное море и на них же пройти по Дону, Волге и Каспийскому морю до Астрабада на его юго-восточном побережье. Здесь армии предстояло встретиться с казаками и затем двинуться на восток через Персию и Афганистан к реке Инд. Оттуда они должны были начать совместное массированное наступление на англичан. Павел распланировал движение войск с точностью

почти до часа. Он рассчитал, что французам понадобится двадцать дней, чтобы достичь Черного моря. Пятьдесят пять дней спустя вместе с русскими союзниками они должны вступить в Персию, а еще через сорок пять дней — увидеть Инд. Ровно четыре месяца от старта до финиша. Чтобы завоевать симпатии и привлечь к сотрудничеству персов и афганцев, через чьи территории придется продвигаться войскам, вперед будут высланы посланники для объяснения причин их появления. Говорить им предстояло следующее: «Страдания, от которых изнывает население Индии, вызвали сочувствие России и Франции, и две державы объединились с единственной целью освободить миллионы индийцев от тиранического и варварского ярма англичан».

Схема Павла впечатления на Наполеона не произвела. «Допустим, объединенная армия встретилась в Астрабаде, — спрашивал он царя, — как вы видите ее дальнейший поход в Индию через бесплодную и почти дикую страну на расстоянии почти в 1000 миль?» В ответ Павел писал, что регион, о котором идет речь, не является ни бесплодным, ни диким. Он настаивал, что его уже давно пересекли вполне проходимые дороги. «Почти на каждом шагу есть пресная вода. Нет нужды разыскивать траву на корм лошадям, так как там в изобилии растет рис». Неизвестно, от кого он получил столь красочное описание мрачного пути через пустыни и горы, которые предстояло преодолеть, чтобы достичь цели. Вполне возможно, царь был движим только собственным энтузиазмом. Павел закончил свое письмо таким призывом к своему герою: «Французская и русская армии стремятся к славе. Они смелы, терпеливы и неутомимы. Храбрость их солдат, непоколебимость и мудрость командиров позволят им преодолеть все препятствия». Но Наполеон продолжал сомневаться и отклонил приглашение Павла присоединиться к его рискованному предприятию. Тем не менее, как мы еще увидим, в его собственной голове начала складываться не слишком сильно отличающаяся схема. Разочарованный, но не отказавшийся от затеи Павел решил реализовать свой план самостоятельно.

* * *

24 января 1801 года Павел повелел атаману донских казаков выдвинуть крупные силы в пограничный город Оренбург для начала подготовки похода в Индию. Тем не менее там собралось только 22 000 человек, что было, по мнению советников Павла, куда меньше первоначально запланированного количества, необходимого для такой операции. В сопровождении артиллерии они должны были проследовать через Хиву и Бухару в направлении Инда, на что, по расчетам Павла, потребуется три месяца. Достигнув Хивы, им предстояло освободить русских пленников, которых держали там в рабстве, и то же самое сделать в Бухаре. Однако их главной задачей было выдворение англичан из Индии и перевод страны и всей ее торговли под власть Санкт-Петербурга. «Вы должны предложить мир всем, кто выступает против англичан, — наказывал Павел атаману казаков, — и заверить их в дружбе России!» Закончил он такими словами: «Ваши трофеями станут все сокровища Индии. Такой поход покроет вас бессмертной славой, обеспечит вам мое расположение, сделает вас богатыми, оживит нашу торговлю и нанесет врагу смертельный удар».

Совершенно очевидно, что Павел и его советники явно ничего не знали о дорогах в Индию, о самой стране и о позициях там англичан. Павел откровенно признавался, по крайней мере в своих письменных инструкциях руководителю экспедиции: «Мои карты (простираются) только до Хивы и реки Оксус. После этих мест уже вашей задачей будет собрать информацию о позициях англичан и о положении местного населения, пребывающего под их правлением». Павел советовал ему посылать вперед разведчиков для изучения маршрута и «ремонта дорог», хотя с чего он взял, что такие дороги в этом обширном, заброшенном и по большей части необитаемом регионе вообще существуют. Наконец в самую последнюю минуту он передал атаману казаков новую и подробную карту Индии, которую только что смог получить, сопроводив ее обещанием поддержать пехотой, как только та будет в его распоряжении.

Из всего этого становится ясно, что ни о каком серьезном планировании или обдумывании этой дикой авантюры и речи не было. Столь же ясно, и это наверняка понял Наполеон, что Павел, всю жизнь страдавший маниакальным психозом, быстро теряет рассудок. Но послушные

казаки, которые возглавили покорение русскими Сибири и которым вскоре предстояло сделать то же самое в Центральной Азии, никогда не ставили под сомнение мудрость царя или по крайней мере его здравомыслие. Поэтому кое-как экипированные и плохо снабженные провиантом для такого важного предприятия в разгар зимы они вышли из Оренбурга и отправились в далекую Хиву. Им предстояло пройти к югу почти 1000 миль. Поход оказался ужасен даже для закаленных казаков. С большим трудом они переправили артиллерию, 44 000 лошадей (каждый имел запасную) и запас продовольствия на несколько недель через замерзшую Волгу (вероятно, через реку Урал. — *Прим. пер.*) и вступили в заснеженную киргизскую степь. Об этом походе известно очень мало, сами англичане слышали о нем только много лет спустя, но за месяц казаки прошли около 400 миль и достигли северного побережья Аральского моря.

Именно там однажды утром один из наблюдателей заметил вдали в снегу крохотную фигурку. Несколько минут спустя их догнал мчавшийся галопом всадник. Он скакал день и ночь, чтобы сообщить им новости, и был совершенно измотан. Едва переведя дух, он сказал, что царь Павел мертв. В полночь 23 марта группа гвардейских офицеров, напуганных усиливавшейся манией величия царя (незадолго до того он приказал арестовать царицу и своего сына и наследника Александра), ворвалась к нему в спальню, намереваясь принудить его подписать отречение. Павел выскользнул из постели и попытался бежать через камин, но был схвачен. Когда он отказался подписать отречение, его безжалостно задушили. На следующий день царем провозгласили Александра, причем многие подозревали, что он осведомлен о заговоре. Не имея ни малейшего желания оказаться втянутым в ненужную войну с Британией из-за фантазий своего отца, он немедленно приказал отозвать казаков.

Приказав гонцу любой ценой остановить их, Александр, несомненно, предотвратил чудовищную катастрофу: ведь 22 000 казаков двигались навстречу почти неминуемой гибели. Даже храбрым и дисциплинированным воинам вряд ли удалось бы одолеть и половину пути до Инда. У них уже возникли трудности с прокормом и людей, и лошадей, хотя обморожения и болезни еще не начали собирать свою жатву. Тем же, кому удалось бы преодолеть эти трудности, предстояло пройти сквозь строй враждебных туркестанских кочевников, всегда готовых атаковать любого, кто вступал на их земли, не говоря уже об армиях Хивы и Бухары. Если же кому-нибудь чудесным образом все-таки удалось бы пройти через все это, остаться в живых и добраться до первых английских постов, ему пришлось бы столкнуться с самым мощным врагом — хорошо обученной и располагавшей артиллерией европейской армией и туземными полками армии Ост-Индской компании. Теперь же, благодаря расторопности Александра, они, уцелев, возвращались домой, чтобы принять участие в новых битвах.

* * *

Совершенно не подозревая о недружественных намерениях Санкт-Петербурга, англичане в Индии тем не менее все яснее понимали свою уязвимость от вторжения извне. Чем дальше расширяли они границы своих владений, тем неудобнее их становилось охранять. Хотя текущая угроза отступила из-за неудачи Наполеона в Египте, мало кто сомневался, что рано или поздно тот вновь устремит свои взоры на Восток. Действительно, уже ходили слухи об активизации его агентов в Персии. Если та подпадет под его влияние, это представит куда более серьезную угрозу, чем недолгое пребывание императора в Египте. Другим потенциальным агрессором был соседний Афганистан, воинственная держава, о котором тогда мало что было известно, разве что в прошлом за ним числился ряд опустошительных набегов на Индию. Уэлсли решил одним махом нейтрализовать обе эти угрозы.

Летом 1800 года к шахскому двору в Тегеране прибыла британская дипломатическая миссия, возглавляемая одним из самых способных молодых офицеров Уэлсли, капитаном Джоном Малкольмом. Тот получил первый офицерский чин всего в 13 лет, блестяще владел персидским языком и прекрасно держался в седле. В политический департамент компании его перевели после того, как он привлек благосклонное внимание самого генерал-губернатора. Начав путешествие от берегов Бенгальского залива, он прибыл в персидскую столицу с щедрыми дарами, сопровождаемый впечатляющим эскортом из 500 человек, включая 100

индийских всадников и пехотинцев и 300 слуг и помощников. Ему были даны инструкции любой ценой завоевать (если понадобится, купить) дружбу шаха и закрепить достигнутое, подписав договор о совместной обороне. Договор должен был преследовать двоякую цель: с одной стороны, в нем должны были содержаться гарантии, что ни единому французу не будет позволено появиться в подвластных шаху краях. Во-вторых, он должен был включать соглашение о том, что шах объявит войну своему давнему противнику Афганистану, если тот предпримет какие-то враждебные шаги против Индии. Англичане, со своей стороны, в случае, если французы или афганцы нападут на Персию, снабдят шаха всем «военным снаряжением», необходимым для их выдворения. Более того, в случае французского вторжения англичане обязывались послать в помощь шаху корабли и войска. К тому же они хотели получить возможность атаковать французские силы вторжения, предпринявшие попытку попасть в Индию через Персию, на территории шаха и в его территориальных водах.

Шах был восхищен убедительными речами Малкольма, в совершенстве овладевшего искусством восточной лести; еще более он был доволен прекрасными дарами, каждый из которых тщательно выбирали для того, чтобы разжечь восточную алчность. Там были богато украшенные ружья и пистолеты, усыпанные драгоценностями часы и другие приборы, мощные телескопы и огромные позолоченные зеркала для шахского дворца. Чтобы облегчить путь к подписанию договора, щедрые дары предусмотрели и для главных приближенных шаха. Когда в январе 1801 года облаченный в роскошные одежды Малкольм, сопровождаемый заверениями в вечной дружбе, с небывалой помпой покинул Тегеран и отправился в обратный путь, он вез тексты всех соглашений, за которыми прибыл. Два соглашения, одно политическое, а другое торговое, были подписаны Малкольмом и главным министром шаха от имени соответствующих правительств. Но поскольку они никогда не были формально ратифицированы, у Лондона оставались определенные сомнения в их обязательности. Эта юридическая тонкость, незамеченная персами, устраивала англичан. Шах, со своей стороны, вскоре обнаружил, что в обмен на свои торжественные обещания, за исключением щедрых подарков, получил очень мало или совсем ничего.

Вскоре после отъезда британской миссии из Персии на северной границе произошло нечто такое, что дало шаху — как он искренне верил — веские основания вознести хвалу за то, что ему удалось приобрести столь могущественного союзника и защитника. Угрозу он начал испытывать не со стороны Наполеона или афганцев, а со стороны могущественной России, предпринявшей определенные шаги на Кавказе. В этом диком и гористом регионе сходились границы его владений и царской империи. В сентябре 1801 года царь Александр присоединил древнее и независимое царство Грузию, которую Персия относил к собственной сфере влияния. Эти шаги привели к тому, что русские войска оказались слишком близко к Тегерану, чтобы шах чувствовал себя комфортно. Но хотя чувства персов и были изрядно уязвлены, реальная враждебность между двумя державами не проявлялась до июня 1804 года, когда русские продвинулись еще дальше на юг и осадили Эривань, столицу христианского владения шаха — Армении.

Шах обратился с темпераментным воззванием к англичанам, напоминая им о подписанном соглашении, в котором ему обещали помочь в случае агрессии. Но ситуация с тех пор переменилась. Теперь Россия и Британия стали союзниками в борьбе против нараставшей в Европе угрозы со стороны Наполеона. Разогнав в 1802 году состоявшую из пяти человек Директорию, которая правила Францией после революции, Наполеон назначил себя Первым консулом, а два года спустя короновался как император. Сейчас он находился на вершине могущества, и стало ясно, что он не удовлетворится до тех пор, пока вся Европа не будет лежать у его ног. Поэтому англичане предпочли игнорировать призывы шаха о помощи против русских. Впрочем, они были совершенно правы, ведь в соглашениях Малкольма не было ни слова о России, речь там шла только о Франции и Афганистане. Персы были глубоко оскорблены, усмотрев в этом предательство со стороны народа, который считали своим союзником, совершенное в тот час, когда они нуждались в помощи. Как бы там ни было, решение покинуть шаха на произвол судьбы очень скоро весьма дорого обошлось англичанам.

В начале 1804 года Наполеон, информированный своими агентами о произошедшем, предложил шаху помочь ему выдворить русских обратно в обмен на разрешение использовать

Персию как плацдарм для вторжения французов в Индию. Поначалу шах колебался, он все еще надеялся на англичан, находившихся совсем близко, рассчитывал, что те придут ему на помощь, и потому в переговорах с посланцами Наполеона тянул время. Но когда стало ясно, что ни из Калькутты, ни из Лондона никакой помощи не последует, 4 мая 1807 года шах подписал договор с Наполеоном, в котором соглашался разорвать все политические и торговые отношения с англичанами, объявить Британии войну и позволить французским войскам пройти в Индию. Одновременно он соглашался принять большую военную и дипломатическую миссию во главе с генералом, которая помимо прочего реорганизует и обучит его армию в соответствии с современными европейскими стандартами. Официально это позволяло шаху попытаться вернуть территории, уступленные русским, но у тех, кто отвечал за оборону Индии, не возникало никаких сомнений, что Наполеон в своих планах нашествия включает в расчет реформированные персидские войска.

Это был блестящий шаг со стороны Наполеона, но худшее было еще впереди. Летом 1807 года, покорив Австрию и Пруссию, он разбил русских под Фридландом, заставив их просить мира и присоединиться к так называемой континентальной системе — блокаде, призванной поставить Британию на колени. Мирные переговоры проходили в Тильзите в обстановке величайшей секретности на борту гигантского, выложенного дерном плота, стоявшего на якоре посреди реки Неман. Столь любопытное место встречи было выбрано для того, чтобы оградить переговоры двух императоров от подслушивания, особенно англичанами, чьи шпионы кишели повсюду. Но несмотря на эти предосторожности, британская секретная *служба*, годовой бюджет которой составлял 170 000 фунтов стерлингов, направляемых в основном на взятки, сумела внедрить на борт своего собственного агента — предателя из русских аристократов, — который сидел, спрятавшись под баржей с ногами в воде, и слышал каждое слово.

Правда это или нет, но Лондон вскоре обнаружил, что два императора, на скорую руку уладив свои разногласия, предлагают теперь объединить силы и разделить между собой весь мир. Франция должна была получить Запад, а Россия — Восток, включая Индию. Но, когда Александр потребовал себе Константинополь, точку соприкосновения Востока и Запада, Наполеон покачал головой. «Никогда! — сказал он. — Ведь это сделает вас императором всего мира». Вскоре после этого в Лондон поступило донесение о том, что, Наполеон, которому отец Александра в свое время представил план вторжения в Индию, теперь сам предложил своему новому русскому союзнику аналогичную, но значительно улучшенную схему. Первым шагом должен был стать захват Константинополя, который предлагалось разделить. Затем, пройдя маршем через поверженную Турцию и дружественную Персию, они должны были вместе напасть на Индию.

Весьма обеспокоенные такими новостями и прибытием крупной французской миссии в Тегеран, англичане действовали быстро — даже слишком быстро. Не проконсультировавшись друг с другом, Лондон и Калькутта направили в Персию специальных посланников, в задачу которых входило убедить шаха изгнать французов — «передовой отряд французской армии», как назвал их лорд Минто, сменивший Уэлсли на посту генерал-губернатора. Первым прибыл Джон Малкольм, спешно произведенный в бригадные генералы, чтобы придать ему больше веса на переговорах с шахом. В мае 1808 года, восемь лет спустя после своего предыдущего визита, Малкольм прибыл в Бушир на берегу Персидского залива. Там, к его глубокому возмущению, он и *был задержан* персами (как он был убежден, под давлением французов). В разрешении следовать дальше ему отказали. Истинная же причина задержки заключалась в том, что шах только что познакомился с секретным соглашением Наполеона с Александром и ему стало ясно, что французы, точно так же, как и прежде англичане, вовсе не собираются помогать ему в борьбе против русских. Посланники Наполеона понимали, что срок их пребывания в Тегеране ограничен, и пытались убедить колеблющегося шаха, что раз они теперь больше не воюют с русскими и даже стали их союзниками, то получили еще более сильную позицию, чтобы сдержать Александра.

До крайности обеспокоенный и раздраженный тем, что его держат в ожидании на побережье, пока французские соперники в столице нашептывают шаху на ухо, Малкольм направил персидскому правителю резкое послание, предупреждая о возможных тяжелых последствиях, если тот немедленно не выдворит французскую миссию. В конце концов разве в

соглашении, о котором он сам вел с ним переговоры, персы торжественно не обязались не иметь никаких дел с французами? Но шах, который уже давно разорвал соглашение, подписанное с англичанами, был крайне раздражен высокомерным ультиматумом Малкольма. В результате тому так и не разрешили прибыть в столицу, чтобы лично изложить британскую позицию. Когда это произошло, Малкольм решил немедленно вернуться в Индию, представить генерал-губернатору исчерпывающий доклад о непримиримой позиции шаха и постараться убедить его, что только силовые методы заставят того одуматься и поставят французов на место.

Вскоре после его отъезда прибыл эмиссар Лондона сэр Харфорд Джонс. К его счастью, он прибыл как раз в тот момент, когда шах смирился с мыслью, что придется выдворить французов, чтобы заставить русских уйти с его кавказских территорий. Персы проделали очередной поворот на 180 градусов. Французские генерал и его команда получили свои паспорта, а Джонс со свитой праздновали победу. Шах отчаянно искал друзей и был только рад забыть прошлое — особенно после того, как Джонс привез с собой в качестве подарка от короля Георга III один из самых крупных алмазов, который ему когда-либо приходилось видеть. Если шах и был удивлен прибытием друг за другом двух британских миссий, одна из которых буквально метала громы и молнии, а другая привезла подарки, то оказался достаточно тактичен, чтобы ничего об этом не сказать.

Хотя отношения между Британией и Персией вновь стали сердечными, нельзя сказать того же про отношения между Лондоном и Калькуттой. Остро переживая успех эмиссара Лондона после того, когда его собственный посланник потерпел неудачу, лорд Минто был решительно настроен вновь подтвердить свою ответственность за британские отношения с Персией. Последовавшая за этим недостойная ссора ознаменовала начало соперничества, испортившего отношения между Британской Индией и правительством метрополии на почти полтора столетия. Дабы вывести на первое место интересы Индии, генерал-губернатор хотел, чтобы переговоры относительно нового соглашения с шахом вел его собственный человек, Малкольм, тогда как Лондон против этого возражал. В конце концов был достигнут компромисс, позволивший обеим сторонам сохранить лицо. Решили, что опытный дипломат сэр Харфорд Джонс останется на месте и закончит переговоры, тогда как произведенный по такому случаю в генерал-майоры Малкольм будет направлен в Тегеран, где проследит, чтобы на этот раз условия соглашения неукоснительно соблюдались.

В соответствии с новым соглашением шах обязывался не позволять вооруженным силам какой-либо другой страны пересекать его территорию с целью нападения на Индию, а также не участвовать в каких-либо предприятиях, враждебных британским интересам, а также аналогичным интересам Индии. В обмен на это, если сама Персия подвергнется угрозе со стороны агрессора, Англия пошлет войска ей в поддержку. Если это окажется невозможным, она направит вместо этого достаточное количество вооружения и советников, чтобы выдворить агрессора, даже если будет находиться в мирных отношениях с последним. Было совершенно ясно, что имелась в виду Россия. Шах не намеревался повторять прежнюю ошибку. Дополнительно он получал ежегодную помощь в размере 120 000 фунтов стерлингов и содействие британских офицеров вместо французов в обучении и модернизации его армии. Наблюдение за последним обстоятельством возложили на Малкольма. Однако существовала и не менее серьезная причина, по которой лорд Минто так старался вернуть Малкольма в Тегеран.

Страхи перед франко-русским нападением на Индию показали тем, кто отвечал за ее оборону, сколь мало они знают о территориях, через которые предстояло пройти армиям вторжения. Следовало что-то немедленно предпринять, чтобы исправить положение: ведь никакие соглашения не остановят столь решительного агрессора, как Наполеон. С точки зрения Минто, никто не был лучше готов к этой миссии, чем Малкольм, уже знавший о Персии больше любого другого англичанина. Его сопровождала небольшая группа тщательно отобранных офицеров. Официально им предстояло обучать шахскую армию европейским методам ведения войны, но прежде всего они должны были выяснить все, что удастся, относительно военной географии Персии — точно так же, как раньше это делали люди Наполеона.

Однако этим дело не ограничивалось. Дальше на восток в диких пустынях Белуджистана

и Афганистана, через которые захватчикам предстояло пройти после Персии, на Малкольма уже работали другие британские офицеры, тайно изучавшие страну. Это была рискованная игра, требовавшая крепких нервов и истинной любви к приключениям и авантюрам.

3. Репетиция Большой Игры

Путешествуй кто-нибудь весной 1810 года по Северному Белуджистану, он мог бы заметить небольшую группу вооруженных людей на верблюдах, отправившихся из кишлака в отдаленном оазисе Нушки в сторону афганской границы. Яркие зарницы освещали вдалеке темное небо, в окружающих горах время от времени слышались раскаты грома. Казалось, надвигается сильная буря, и по мере углубления в пустыню всадники инстинктивно все сильнее кутались в свои одежды.

Один всадник ехал немного впереди, его кожа была явно светлее, чем у спутников. Те считали его татаринном, торговцем лошадьми; так сказал он сам, и они не видели основания сомневаться в его словах. Их наняли для того, чтобы сопровождать его в поездке через опасную, кишасую бандитами страну, лежащую между оазисом Нушки и расположенным в 400 милях к северо-западу на персидско-афганской границе древним укрепленным городом Гератом. Там, по словам торговца, он надеялся закупить лошадей для своего богатого хозяина, живущего где-то в далекой Индии. Дело в том, что Герат был одним из крупных центров на караванных путях Центральной Азии и особенно славился своими лошадьми. Так случилось, что он представлял немалый интерес для тех, кто отвечал за оборону Индии.

Путник прибыл в Нушки несколько дней назад в сопровождении спутника того же облика, которого представил своим младшим братом, работающим на того же индийского купца. В Нушки они прибыли из Келата — скопища глинобитных построек, именовавшегося столицей Белуджистана, где сошли на берег с небольшого местного судна, пришедшего из Бомбея. Путешествие от побережья заняло у них почти два месяца, ведь они не торопились, задавая по пути множество вопросов, хотя и старались не показаться слишком любопытными. В Нушки они разделились: старший со своими сопровождающими отправился в Герат, младший направился на запад и далее в сторону Кермана в Южной Персии. Там, по его словам, он тоже надеялся купить для хозяина лошадей.

Перед тем как отправиться в разные стороны, мужчины распрощались друг с другом в уединенном местном доме, который сняли на время недолгого пребывания в Нушки. Они были очень осторожны и тщательно убедились, что их не подслушивают. Действительно, если бы какому-то любопытному довелось заглянуть через щелку, он немало изумился бы тому, что сумел увидеть и услышать. Там происходило нечто куда большее, чем обычное прощание двух братьев. Понизив голоса и не спуская внимательных взглядов с двери, мужчины с не характерной для жителей Азии точностью обсуждали детали предстоящих путешествий и самые крайние меры на случай, если что-то пойдет не так. Обсуждали они и другие вопросы, которые подслушивающий вряд ли бы понял. Ведь если бы правда вышла наружу (а это означало немедленную смерть для них обоих), то оказалось бы, что ни один из них не был торговцем лошадьми, как, впрочем, и татаринном. И уж если речь зашла об этом, то они не были и братьями. Это были молодые английские офицеры, которым поручили выполнить для генерала Малкольма секретную разведывательную миссию в диких регионах, где не существовало никаких законов и в которые никогда до того не ступала нога исследователя.

Капитан Чарльз Кристи и лейтенант Генри Поттинджер из 5-го Бомбейского пехотного полка собирались приступить к самой опасной — и самой ценной для пославших их — части своей миссии. По ходу неспешного с виду путешествия от побережья им уже удалось собрать немало информации относительно здешних племен, их вождей и числа подвластных им воинов. Они тщательно фиксировали все данные относительно оборонных возможностей тех территорий, по которым путешествовали. Как иностранцы, даже и татары-мусульмане, они явно вызывали подозрение. Не раз им приходилось выпутываться из неприятностей, приукрашивая и улучшая свои легенды прикрытия, чтобы приспособить их к текущим обстоятельствам. Если бы страстно оберегавшие свою независимость белуджи обнаружили, кто они на самом деле, то сразу заключили бы, что англичане исследуют эти земли с намерением их

захватить. Но к счастью для Кристи и Поттинджера, ни один обитатель этих отдаленных краев никогда в глаза не видел европейца. Так что пока обман их оставался нераскрытым — или по крайней мере так казалось.

Тем не менее, пожелав на прощание друг другу удачи, они ясно понимали, что это могла быть их последняя встреча. Впрочем, если предположить, что все пройдет хорошо, после завершения миссии они планировали встретиться вновь на условленном месте в относительно безопасных владениях шаха. Если бы к определенной дате один из них не прибыл, другой должен был заключить, что тот либо оказался вынужден прервать путешествие, либо погиб. В таком случае прибывший на встречу должен был один отправиться в Тегеран и доложить обо всем генералу Малкольму. Если кто-то из них попадет в трудную ситуацию, он должен попытаться оповестить товарища или британскую миссию в Тегеране, чтобы можно было организовать какую-то помощь.

После отъезда 22 марта Кристи и его людей Поттинджер остался в Нушки, готовя свой собственный маленький караван. Малкольм поручил ему изучить обширные пустыни, которые, как предполагалось, лежат на западе. На них рассчитывали как на главное препятствие для наступающей армии. Но 23 марта поступили тревожные новости. Друзья, которыми они с Кристи обзавелись в столице Белуджистана Келате, предупреждали, что туда прибыли люди из расположенного неподалеку Синда с приказом арестовать их обоих. Те сказали хану Келата, что Кристи и Поттинджер такие же торговцы лошадьми, как они сами, и их легенда придумана для того, чтобы изучить страну в военных целях, что угрожало обоим народам.

Двух англичан следовало схватить и доставить в столицу Синда Хайдарабад, где их ждало жестокое наказание. Сообщение предупреждало, что воины Синда следуют за ними в Нушки и находятся всего в пятидесяти милях. Им с компаньоном советовали, пока еще есть время, скрыться, ведь воины Синда не делали секрета, что забьют их палками до смерти. Понимая, что это будет, пожалуй, самое меньшее, что может ждать его в Хайдарабате, Поттинджер решил немедленно тронуться в путь. На следующее утро в сопровождении вооруженной охраны из пяти белуджей он поспешно выехал на запад, с глубоки благодарностью вспоминая друзей из Келата, которые рисковали собственными жизнями, чтобы спасти его и Кристи.

* * *

В то же самое время, ничего об этом не зная, Кристи, чей маленький отряд приближался к афганской границе, столкнулся с иной опасностью. Незадолго до отъезда из Нушки знакомый пастух предупредил, что тридцать вооруженных афганцев собираются его ограбить и уже залегли в засаде в овраге на пути. В довершение к прочим неприятностям гроза, которая только собиралась, когда Кристи выехал из Нушки, теперь разразилась со страшной силой. Все промокли до нитки, все имущество тоже, ведь в этой бесплодной местности не было ни малейшего укрытия. Едва ли это можно было оценить как обнадеживающее начало невообразимо трудного предприятия, которое Кристи предстояло проделать в одиночку. Однако на следующее утро гроза прекратилась, вместе с ней рассеялись и их враги. Тем не менее опасность нападения бандитов в государстве, где законов просто не существовало, была постоянным испытанием и для Кристи, и для Поттинджера, и для всех последующих участников Большой Игры.

Надеясь заручиться хоть какой-то защитой от бандитов, Кристи решил отказаться от своей легенды о торговце лошадьми и принять личину набожного хаджи — мусульманского паломника, возвращающегося из Мекки. Планируя путешествие, он не вдавался в детали, но в этом превращении рассчитывал на помощь индийского купца, которому вез секретное послание. Тому предстояло помочь ему избавиться от одной охраны и нанять другую. Однако новая легенда создавала собственные проблемы и опасности, и вскоре ему пришлось здорово попотеть, когда местный мулла затеял с ним теологический спор. Разоблачения удалось избежать, объяснив, что он — суннит, а не шиит, как собеседник. Судя по всему, Кристи был исключительно находчивым человеком, так как в какой-то момент сумел получить фальшивый *laissez — passer* (пропуск — *фр.*) от местного хана, слывшего жестоким тираном, причем на пропуске стояла его настоящая печать. Этот пропуск обеспечил ему теплый прием у соседнего

хана, который даже пригласил его во дворец.

Теперь Кристи оставалось всего четыре дня пути до цели его путешествия — таинственного города Герат, который до того осмелился посетить только один европеец. Город лежал на границе Афганистана с Восточной Персией по обе стороны широкого трансзиатского караванного пути. Его базары были широко известны от Коканда до Кашгара, Бухары и Самарканда, Хивы и Мерва, тогда как другие дороги вели на запад к старинным караванным городам Персии — Мешхеду, Тегерану, Керману и Исфахану. Но для англичан в Индии, опасавшихся вторжения с запада, Герат имел более зловещее значение. Он стоял на одном из традиционных путей завоевателей Индии, по которому вражеские войска могли достичь любого из двух главных проходов — Хайберского или Боланского перевалов. Хуже того, в регионе обширных пустынь и непроходимых горных массивов он стоял в богатой и плодородной долине, которая, как полагали в Индии, была способна накормить и напоить целую армию. Задача Кристи заключалась в том, чтобы выяснить, так ли это на самом деле.

18 апреля — через четыре месяца после того, как они с Поттинджером отплыли из Бомбея, — Кристи миновал главные ворота Герата — большого города, обнесенного стеной. Он отказался от легенды о паломнике и снова превратился в торговца лошадьми, поскольку вез с собой рекомендательные письма для жившего в городе индийского купца. Кристи предполагал провести там около месяца, тщательно фиксируя все, что могло оказаться интересным для его целей. «Город Герат, — отмечал он, — расположен в долине, окруженной высокими горами». Долина, протянувшаяся с востока на запад, занимала тридцать миль в длину и пятнадцать в ширину. Долину орошала река, сбегавшая с гор; вся долина интенсивно обрабатывалась, всюду, куда доходил взгляд, были разбросаны кишлаки и сады. Сам город, занимавший около четырех квадратных миль, был окружен массивной стеной и рвом. На его северном конце, взбиравшемся на холм, высилась крепость из обожженного кирпича с башней на каждом углу. Ее окружал второй ров, через который был перекинут подъемный мост, а за ним шла еще одна высокая стена и третий ров, хотя и сухой. Все это выглядело очень эффектно для любого приезжего, но не произвело впечатления на Кристи. «В целом, — писал он, — как оборонительное сооружение все это выглядит весьма жалко».

Но если Кристи и не был восхищен способностью Герата к защите от атаки армии, вооруженной современной артиллерией, вроде той, какая была у Наполеона или царя Александра, на него произвели большое впечатление его очевидное процветание и изобилие, и потому — способность поддержать и снабдить любую армию вторжения, в чьи руки он может попасть. Вокруг города были великолепные пастбища с обильным кормом для лошадей и верблюдов, в изобилии росли пшеница, ячмень и фрукты всех сортов. Население Герата Кристи оценил примерно в 100 000 человек, включая 600 индусов, главным образом зажиточных купцов. 18 мая, удовлетворенный тем, что больше ничего искать не нужно, Кристи объявил, что, прежде чем вернуться в Индию с лошадьми для своего хозяина, он совершит недолгое паломничество в священный город Мешхед, расположенный в Персии в 200 милях к северо-западу. Это позволило ему покинуть Герат без покупки лошадей, нужных для поддержки его легенды. На следующий день с явным облегчением он уже пересекал Восточную Персию. После месяцев лжи и уверток Кристи наконец-то почувствовал себя в безопасности. Теперь даже если бы обнаружилось, что он — переодетый офицер Ост-Индской компании, установившиеся хорошие отношения Англии с Персией были залогом тому, что ничего серьезного ему не угрожало. Девять дней спустя он свернул со старой дороги паломников на Мешхед, направляясь на юго-запад в сторону Исфахана, куда, по его расчетам, уже должен был прибыть лейтенант Поттинджер.

* * *

За два месяца, прошедших с момента их расставания в Нушки, с его названным братом (Поттинджером. — *Прим. ред.*) много чего случилось. Без помощи карты (таких карт просто не существовало) 20-летнему младшему офицеру предстояло совершить путешествие через Белуджистан и Персию протяженностью в 900 миль. Он выбрал дорогу, которой за следующие сто лет не рискнул воспользоваться ни один европеец. Впрочем, прежние завоеватели

пользовались именно этим путем. Путешествие должно было продолжаться три месяца: на пути лежали две опасные пустыни, где только редкие ориентиры позволяли пробираться от родника к роднику среди банд кровожадных разбойников.

Несмотря на болезнь и другие проблемы, лейтенант вел тайные, но детальные ежедневные записи всего, что он видел и слышал и что могло иметь ценность для армии вторжения. Он отмечал родники и реки, посеvy сельскохозяйственных культур и прочую растительность, количество осадков и характер климата. Намечал лучшие места для обороны, описывал укрепления попадавшихся по пути кишлаков и детально перечислял индивидуальные черты местных ханов и их союзников. Он даже описывал развалины и памятники, мимо которых проезжал, хотя, не будучи археологом, вынужден был полагаться на сомнительные рассказы местных жителей относительно их возраста и истории. Кроме того, он тайно составлял кроки своего маршрута, которые позднее превратились в первую военную карту западных подступов к Индии. Правда, как он умудрялся это делать и остаться неразоблаченным, лейтенант в последующих описаниях своего путешествия умалчивал, видимо, желая сохранить свой секрет на будущее.

31 марта, обойдя по юго-восточному краю огромную пустыню Гельмунд и тем самым подтвердив слухи о ее существовании и приблизительном расположении, Поттинджер с небольшим отрядом из пяти человек вступили в первую из двух пустынь, которые им предстояло пересечь. Лейтенант понимал, что наличие на пути захватчика таких обширных естественных препятствий должно было стать чрезвычайно приятной новостью для тех, кто отвечал за оборону Индии. Вскоре он обнаружил, почему эти пустыни пользуются у белуджей столь дурной репутацией: на протяжении нескольких миль они ехали среди гряд почти вертикальных дюн из мелкого красного песка, некоторые из них достигали высоты в двадцать футов. «Большая их часть, — записывал он, — с подветренной стороны поднимается перпендикулярно земле... С большого расстояния их легко принять за новую кирпичную стену». Однако сторона, обращенная к ветру, плавно спускается к основанию следующей дюны, оставляя проход между ними». «Я старался держаться в этих местах до тех пор, пока позволяло направление, в котором нужно было двигаться, — добавляет он. — Заставить верблюдов двигаться по этим волнам было очень нелегко, особенно когда нужно было карабкаться на подветренные стороны дюн, причем в этих попытках мы потеряли очень много времени». На следующий день условия стали еще хуже. Непрерывное сражение с песчаными дюнами было, по словам Поттинджера, «пустынями по сравнению с физической болью, которую испытывали от летящих частичек песка не только я и мои люди, но и верблюды». Дело в том, что над пустыней висел слой абразивной красной пыли, попадавшей в глаза, ноздри и рот. Это вызывало ужасные страдания, не говоря уже о жажде, которая усиливалась палящим солнцем.

Вскоре они достигли сухого ложа реки шириной около 500 метров. Кишлак на ее берегу недавно был покинут обитателями из-за засухи. Там они остановились и после длительных раскопок сумели добыть два бурдюка воды. Характер пустыни изменился, и теперь вместо песка она была покрыта твердым черным гравием. Вскоре после этого стало душно, по пустыне закружились небольшие смерчи, а потом разразилась страшная гроза. «Дождь падал такими крупными каплями, которых мне никогда не приходилось видеть, — отмечает Поттинджер. — Вокруг так потемнело, что я был абсолютно не способен различить что-либо даже в пяти ярдах». Но проводник сказал, что эта гроза была еще терпимой по сравнению с теми, что обрушиваются на пустыню в разгар лета, когда она считается непроходимой для путешественников. Горячий как из печки ветер, сопровождающий эти грозы, был известен среди белуджей как «огонь» или «чума». В своей ярости он мог не только убить верблюдов, но и содрать живьем кожу с незащищенного человека. По словам спутников Поттинджера, которые утверждали, что сами были тому свидетелями, «мышцы несчастного страдальца каменели, кожа ссыхалась, по всему телу распространялось ужасное ощущение, что мышцы горят...». Кожа жертвы, уверяли они, покрывается «глубокими ранами, вызывающими кровотечение, которое быстро приканчивает жертву», хотя иногда агония страдальца может продолжаться несколько часов, если не дней. (То, что это было чрезвычайно сильным преувеличением, сегодня очевидно, но во времена Поттинджера очень мало знали насчет путешествий через пустыни, так что в таких неизученных регионах, как этот, должно было

казаться возможным все, что угодно.)

Поскольку в пустыне не было никаких наземных ориентиров, проводник прокладывал их путь, ориентируясь по отдаленной гряде гор. Но когда однажды Поттинджер решил выступить в полночь, чтобы избежать палящего дневного зноя, они быстро заблудились, не зная, в каком направлении двигаться дальше. У Поттинджера был компас, который он прятал на теле. Тайком от спутников он вытащил его, поднял крышку, нащупал пальцами стрелку и определил направление, в котором им следует идти. Когда на рассвете, оказалось, что они едут правильно, его люди были потрясены и несколько дней говорили об этом, как «об удивительном доказательстве моей мудрости». Обычно Поттинджер тайком пользовался компасом для составления своих кроков, но пару раз ему не удалось сделать все скрытно. Пришлось объяснить, что это Каббала-ноома, или указатель на Мекку, который показывает ему направление на Каббалу, или могилу Мухаммеда, чтобы во время молитвы простираться на земле в нужном направлении.

В тот день они не останавливались девятнадцать часов, проделав сорок восемь миль и доведя до изнеможения и людей, и верблюдов. Запасы еды и воды опасно таяли, и Поттинджер хотел продолжать путь, пока они не достигнут гор, где, по крайней мере, будет вода. Однако его люди слишком устали, так что пришлось остановиться на ночь. Они разделили остатки воды, но есть ничего не стали. На следующий день в полдень они приблизились к кишлаку Куллуган в славившемся своим беззаконием районе, известном как Макран. Проводник Поттинджера, который, как оказалось, был женат на дочери сардара, или главы деревни, настаивал, что должен войти в деревню первым, и объяснял, что таков в этом опасном районе обычай для чужеземцев. Вскоре он вернулся, чтобы сообщить, что Поттинджера будут рады видеть, но сардар приказал, чтобы ради своей собственной безопасности тот принял облик хаджи, иначе он не гарантирует безопасности даже в собственном доме.

«Вы больше не во владениях хана Келата! — объяснили ему. — Так что впредь не стоит рассчитывать на столь же любезный прием и безопасность. Вы теперь в Макране, где каждый от рождения бандит и где не поколеблются ограбить собственных братьев и соседей». Как торговец лошадьми, работающий на богатого купца в Индии, он был особенно уязвим, так как предполагалось, что у него должны быть деньги, даже пусть и чужие. О дурной репутации Макрана Поттинджера предупреждал еще сардар Нушки, так что он немедленно переделался, обретя новый облик и придав соответствующее религиозное выражение лицу.

Въехав в кишлак, он остановился и сошел с верблюда у мечети, где был официально принят сардаром и старейшинами. Позже его проводили в жилище, жалкую лачугу из двух комнат, где была приготовлена еда для него и его людей. Ничего не евшие в течение последних тридцати часов, они с аппетитом навалились на нее и уплели в два счета. Однако запастись продуктами для дальнейшего путешествия оказалось гораздо труднее. Как им объяснили, из-за засухи продовольствия очень мало, и в результате цены на него поднялись до астрономических высот. Так что им удалось достать только несколько фиников и немного ячменной муки из личных запасов сардара.

Поттинджера предупредили, что следующий кишлак на его 700-мильном пути до Кермана находится в состоянии войны с Куллуганом, его жители только три недели тому назад напали на них и ограбили. Попытаться пробраться туда было просто самоубийством; ему вообще не советовали двигаться дальше на запад без дополнительного конвоя. Проводник заявил, что не тронется с места без охраны, и вместо этого предложил проводить его обратно в Нушки. Поттинджер неохотно согласился нанять для следующего этапа путешествия еще шесть человек, вооруженных ружьями с фитильными замками, и был разработан новый маршрут, позволявший обойти опасного соседа.

В тот вечер старейшины кишлака, включая самого сардара, пришли в жилище Поттинджера, чтобы обсудить с ним различные вопросы, включая, к его немалому беспокойству, религиозные. Поскольку он выдавал себя за религиозного авторитета, его взгляды были очень интересны для людей и к его мнению почтительно прислушивались. Несмотря на свое почти полное невежество в мусульманской теологии, лейтенант удачно блефовал и не вызвал подозрений. Он не только сумел избежать элементарных ошибок, но даже разрешил некоторые споры, в том числе о природе солнца и луны. Один из жителей деревни

утверждал, что это одно и то же. Но, если это так, возражал другой, то почему мы иногда видим их одновременно? Ах, отвечал первый, просто одно является отражением другого. Они спросили мнение Поттинджера по этому поводу. Того начинала раздражать эта незваная публика, кроме того, он хотел спать, так что высказался в поддержку второй точки зрения, что решительно прекратило дебаты, которые, как он опасался, могли бы продолжаться ночь напролет — ведь местным жителям практически нечем было заняться.

На следующий день сардар предложил, чтобы Поттинджер перед отъездом посетил службу в мечети. Это было бы, как писал позднее Поттинджер, «актом двуличия, которого до сих пор мне удавалось избегать». Но у него не было выбора, так как сардар сам пришел за ним. «Я понял, что выбора не остается, — отмечает Поттинджер, — поэтому просто погрузился в прострацию, сосредоточив свой взгляд на сардаре и бормоча что-то про себя». К его удивлению, никто ни в чем его не заподозрил. Дружелюбно настроенный сардар, предложивший новую легенду для прикрытия, прекрасно знал, что его гость вовсе не святой, но по крайней мере полагал его правоверным мусульманином, не подозревая, что он-то — христианин и британский офицер. Это был не последний случай, когда необходимость выдавать себя за праведника вызывала у Поттинджера немалое беспокойство.

Проведя в седлах всю ночь, они добрались до деревни Гулл, где Поттинджера тепло встретил мулла и пригласил на завтрак. «Я увидел четверых или пятерых хорошо одетых почтенных мужчин, восседавших на ковре под тенистым деревом, в деревянных тарелках перед ними были хлеб и молочная пахта», — рассказывает Поттинджер. Они поднялись, чтобы приветствовать его, после этого он оказался сидящим справа от муллы. Когда все поели, один из мужчин предложил Поттинджеру произнести благодарственную молитву. «Это, — вспоминает Поттинджер, — было столь же неожиданно, сколь и неприятно, и на какое-то время я был основательно ошеломлен». К счастью, перед отъездом из Бомбея он не поленился выучить у своего слуги пару главных мусульманских молитв; при этом ему даже в голову не приходило, что когда-нибудь это сможет его спасти и избавить от весьма серьезных неприятностей. Они с Кристи намеревались выполнить свою миссию, выдавая себя за торговцев лошадьми, а не за паломников, иначе он взял бы на себя труд затвердить молитвы более тщательно. Отчаянно пытаясь вспомнить хотя бы одну из них, Поттинджер поднялся, понимая, что все взгляды устремлены на него. «Я принял очень важный вид, — рассказывал он, — со всей воображаемой важностью огладил бороду и пробормотал несколько фраз». Лейтенант внимательно следил за тем, чтобы произносить «достаточно отчетливо» такие слова, как Аллах, Русоол (Пророк) и Шукр (благодарю). Он чувствовал, что в молитве такого рода эти слова должны быть ключевыми. Столь рискованная уловка сработала вновь, раз ничего не подозревающий мулла и его односельчане благожелательно улыбались своему набожному гостю.

На следующий день в другой деревне Поттинджер вновь оказался на волосок от гибели. Он покупал на рынке пару обуви (один из его башмаков ночью утащил шакал), когда старик в толпе, собравшейся вокруг, указал на его ноги и заявил, что Поттинджер явно не из тех, кто привык жить тяжким трудом и знаком с бедностью. «Я немедленно надел башмаки, — рассказывает Поттинджер, — но несмотря на то, что настойчиво выставлял ноги на солнце, так никогда и не смог придать им тот загорелый вид, который имели мое лицо и руки». Стараясь избежать дальнейших вопросов, он вернулся к своему верблюду (а старик все не отставал) и поспешно покинул деревню.

Два дня спустя Поттинджер со своим отрядом прибыли в небольшой глинобитный кишлак Мугси, где собирались заночевать. Но, узнав о том, что там произошло, решили не задерживаться. Как им рассказали, всего за несколько дней до этого шайка вооруженных бандитов убила сардара и его семью и захватила кишлак. Одному из сыновей старосты удалось бежать, и именно в тот момент бандиты осадили дом, в котором тот укрылся. Все это показали Поттинджеру и его людям. Несчастному юноше, чей отец отказался наделять бандитов землей возле кишлака, заявили, что либо он выйдет из дома на расправу, либо его уморят голодом. Никто из жителей кишлака не попытался его защитить, и небольшой отряд Поттинджера был бессилен что-либо сделать. У них не оставалось другого выхода, как продолжить свой путь, предоставив несчастного его судьбе.

Три дня спустя Поттинджер поймал себя на мысли, не наступил ли и его собственный последний час. В селение Пухра он прибыл с рекомендательным письмом от сардара предыдущего кишлака. Письмо это он представил хану Пухры, который поручил своему чиновнику — мирзе — прочитать его вслух. К своему величайшему смущению, Поттинджер услышал высказанное в письме подозрение, что этот паломник, прошедший через их кишлак, на самом деле — человек высокого происхождения, возможно, даже хан, который отрекся от привилегированной жизни, чтобы вести скромную жизнь праведника. Поттинджер не сомневался, что все это было написано с самыми лучшими намерениями, чтобы обеспечить ему доброжелательный прием. Но одновременно это могло напрямую привести к тому, что его разоблачат не только как фальшивого паломника, но, более того, неверного, христианина и вдобавок англичанина. Причем его разоблачение последовало с самой неожиданной стороны.

Когда было прочитано письмо сардара, окружившая Поттинджера толпа жителей кишлака принялась с новым интересом его разглядывать. И именно в этот момент неожиданно подал голос мальчуган лет 10—12. «Если бы он не сказал, что он паломник, я бы поклялся, что он приходится братом тому европейцу Гранту, который приезжал в прошлом году в Бампур...». Наблюдательный малыш был недалек от правды. Годом раньше капитан В.П. Грант из Бенгальской туземной пехоты был направлен для обследования побережья Макрана с тем, чтобы выяснить, сможет ли вражеская армия пройти в Индию этим путем (он доложил, что это возможно). В ходе своей разведывательной миссии он на несколько дней проник внутрь страны, в город Бампур в Восточной Персии, к которому Поттинджер как раз приближался. По удивительно несчастливому стечению обстоятельств этот мальчик, вероятно единственный из присутствующих, видевший живого европейца, умудрился его встретить и подметить известное сходство.

Потрясенный Поттинджер постарался скрыть свое беспокойство. «Я попытался игнорировать замечание паренька, — писал он, — но мой смущенный вид меня выдал». Заметив это, хан спросил, правда ли, что он на самом деле европейец. К облегчению Поттинджера, он добавил, что, если это и так, ему нечего бояться, никакого вреда ему не причинят. Поняв, что продолжать заперяться не имеет смысла, Поттинджер признался, что он действительно европейец, но состоит на службе у богатого индийского купца. В начале путешествия подобное признание вполне могло стоить ему жизни, так как немедленно последовал бы вывод, что он — английский шпион. Но теперь он был совсем рядом с персидской границей и, следовательно, чувствовал себя в большей безопасности, хотя отнюдь не в полной. Более того, его легенда была раскрыта лишь частично. Его истинная профессия и действительная цель присутствия в этом районе оставались тайной.

К счастью, хан был восхищен его уловкой и не нашел ничего оскорбительного в том, что неверный выдает себя за мусульманского праведника. Но одураченный проводник Поттинджера принялся восхвалять его достоинства. Сначала он отказался поверить в признание Поттинджера и угостил хана и собравшуюся толпу рассказами о теологических дебатах, которые ему довелось вести с праведником. Хан смеялся от всего сердца, когда тот описывал, как Поттинджер брал над ним верх в вопросах религии, в которую, как теперь выяснилось, он не верил. Замешательство проводника еще более усилилось после того, как один из спутников Поттинджера заявил, что он с самого начала знал, что тот не паломник, хотя и не подозревал, что он — европейец.

Придя в ярость от того, что его аргументы были опровергнуты, проводник обвинил того, что он — сообщник в тщательно спланированном Поттинджером обмане. В конце концов положение спасло хорошее настроение хана, который заметил, что обманулись и все остальные, включая его самого. А к моменту их отъезда спустя сорок восемь часов Поттинджер обнаружил, что и проводник его простил. В промежутке между этими событиями Поттинджер превратился в знаменитость, и его жилище осаждали те, кого он описал как «толпу ленивых и шумных белуджей, пристававших ко мне с бестолковыми вопросами и замечаниями». Однако в полдень прибыл настоящий праведник, на этот раз индусский факир, что облегчило Поттинджеру «задачу развлекать весь кишлак».

Пять дней спустя Поттинджер въезжал в трудно описуемый словами кишлак Басман, последнее обитаемое место в Белуджистане к востоку от огромной пустыни, которую он

намеревался пересечь по дороге к безопасным землям шаха. 21 апреля, отдохнув до вечера в кишлаке, Поттинджер со спутниками отправились к пустыне, до которой добрались ранним утром. Здесь не было ни воды, ни какой-либо растительности, тогда как жара, как рассказывает Поттинджер, «была самой сильной и совершенно подавляющей по сравнению с тем, что мне приходилось испытывать после отправления из Индии». Их все время дразнили миражи — как их называли белуджи, сухраб, или «вода в пустыне».

В дневниковых записях Поттинджер постоянно преуменьшает опасности и неудобства своего путешествия, но при описании перехода через пустыню он впервые позволяет читателю разделить с ним мучительные страдания от жажды. «Человек с терпением и надеждой может выдержать, — пишет он, — усталость и голод, жару или холод, и даже длительное полное отсутствие естественного отдыха. Но чувствовать, что у вас в горле все пересохло так, что вы с трудом можете вздохнуть, опасаться пошевелить языком во рту, боясь при этом задохнуться, и не иметь возможности избавиться от этого ужасного ощущения, это... это самое страшное испытание, которое может ждать путешественника».

Через два дня такой тяжелой езды, обычно по ночам, чтобы избежать жары, путники достигли небольшого кишлака Реган на границе с Персией в дальнем конце пустыни. Тот был окружен мастерски выстроенной высокой стеной, длина которой по каждой стороне достигала 250 ярдов, а толщина у основания — 5 или 6 футов. Как потом узнал Поттинджер, жители кишлака пребывали в постоянном страхе нападения племен белуджей, которые, как он рассказывает, «редко пропускали возможность совершить один-два раза в год ужасный набег сюда или в какой-либо другой район персидской территории». Помимо охраны у единственных ворот вдоль стены через определенные интервалы располагались часовые, вооруженные фитильными ружьями. Они дежурили всю ночь, «часто аукаясь и перекликаясь, чтобы подбодрить друг друга и показать затаившемуся врагу, что они начеку».

Неожиданное появление из пустыни отряда Поттинджера вызвало испуг и напряжение. «Дело в том, что никто не мог понять, — писал он, — как мы могли незамеченными пересечь всю страну». Хан, который тепло его принял, выразил удивление по поводу того, что белуджи позволили ему пройти через их страну и притом оставили его в покое. Но все равно ему пришлось провести ночь вне крепости, так как существовало непреложное правило, по которому ни одному чужестранцу не позволялось спать за его стенами.

Теперь Поттинджер спешил к столице провинции Керману, крупному и сильно укрепленному городу, где правил персидский принц. По всей Центральной Азии город славился великолепными шальями и фитильными ружьями. Именно там они с Кристи договорились встретиться после завершения своих секретных миссий. Восемь дней спустя, покинув пустыню и миновав ухоженные кишлаки и снежные шапки гор, он прибыл туда и снял себе комнату в караван-сараях неподалеку от базара. Новость о его прибытии быстро разнеслась по городу, и вскоре у двери его жилища сгрудилась обычная любознательная толпа, на этот раз в несколько сотен человек, и начала донимать вопросами. Хотя теперь у него уже не было необходимости скрывать свою личность, Поттинджер все еще был одет как местный житель в выцветший голубой тюрбан, грубую рубашку белуджей и грязные и рваные штаны, которые когда-то были белыми. «Зато в тот вечер, — вспоминает он, — избавившись от своих мучителей и досыта поев, я всей душой отдыхал и спал с таким спокойствием, какого не испытывал ни в одну из ночей за последние три месяца».

По прибытии Поттинджер направил письмо принцу с просьбой об аудиенции. Одновременно он отправил курьера в Шираз, где, как он считал (ошибочно, как выяснилось впоследствии), должен был находиться его шеф, генерал Малкольм. В письме он сообщал, что благополучно прошел весь маршрут и что его миссия успешно завершена. Принц ответил письмом, в котором приветствовал его и приглашал назавтра к себе во дворец. Приглашение несколько озадачило Поттинджера, так как ясно было, что нельзя появиться перед принцем в том наряде, в котором он прибыл в город. Однако, по счастью, удалось одолжить одежду у жившего по соседству в караван-сараях индийского купца, и на следующий день в десять утра он стоял перед воротами дворца.

Миновав несколько внутренних двориков, лейтенант был встречен Урз Беги — или церемониймейстером, — который провел его в шахские покои. Принц, симпатичный бородатый

мужчина в черной каракулевой шапочке, сидел у окна футах в десяти от них и смотрел в маленький дворик с фонтаном в центре. «Мы низко ему поклонились, — рассказывал Поттинджер, — затем продвинулись на несколько метров и поклонились еще раз, а потом сделали то же самое в третий раз, причем на каждый наш поклон принц отвечал легким кивком головы». Поттинджер ждал, что ему предложат сесть. «Но моя одежда была не в лучшем состоянии, — писал он впоследствии. — Поэтому, полагаю, меня сочли недостаточно представительным для такой чести и препроводили во двор, где вдоль стен стояли вооруженные шахские гвардейцы. После этого принц спросил „очень громким голосом, где я был, что заставило меня предпринять такое путешествие и как мне удалось избежать тех опасностей, которые обязательно должны были в ходе него возникнуть“.

Хотя теперь лейтенант спокойно мог признать, что является европейцем, что на самом деле он английский офицер, но истинную цель путешествия не следовало раскрывать даже персам. Поэтому он рассказал принцу, что его и еще одного английского офицера направили в Келат для закупки лошадей для индийской армии. Его компаньон вернулся другой дорогой, тогда как он прошел сухопутным путем через Белуджистан и Персию, где надеялся встретиться с Малкольмом. Казалось, принц принял его версию и через полчаса его отпустил. Никаких признаков Кристи по-прежнему не было, никаких сообщений от него тоже не поступало, так что Поттинджер решил еще немного задержаться в Кермане, прежде чем отправиться на доклад к Малкольму. Принц не возражал, и Поттинджер с пользой проводил время, собирая любые сведения о характере и привычках персов, и в частности о городских укреплениях.

Когда он провел в Кермане несколько дней, ему представилась возможность познакомиться с персидской юстицией в действии. Сидя у того же окна, из которого он обращался к Поттинджеру, принц разбирал дело и вынес приговор нескольким людям, обвинявшимся в убийстве одного из его слуг. Город в тот день пребывал в ужасном возбуждении. Ворота были закрыты, вся жизнь практически замерла. Приговоры были приведены в исполнение немедленно на том самом месте, где несколько дней назад стоял Поттинджер, и принц с удовлетворением наблюдал за этим ужасающим спектаклем. «Некоторым, — писал Поттинджер, — выкололи оба глаза, отрезали уши, носы и губы, вырвали языки, отрубили одну или обе руки. Других лишили их мужских достоинств, а также отрубили пальцы на руках и на ногах, и после этого всех вывели на улицы, а жителям города было приказано не помогать им и не вступать с ними ни в какие беседы». Во время отправления судебной процедуры, как рассказывал Поттинджер, принц был одет в специальный желтый халат, который назывался гузуб-пшак, или одежда мести.

Вскоре после этого Поттинджер получил из первых рук подтверждение того, какими методами пользуется принц. Его тайно посетил дворцовый чиновник средних лет и попросил разрешения побеседовать частным образом. Только после того как Поттинджер закрыл дверь, его посетитель разразился длинной речью, в которой восхвалял достоинства христианства, а в конце заявил, что хочет его принять. Подозревая, что человек этот — провокатор, подсланный принцем, Поттинджер сказал, что он сожалеет, но не имеет ни каких-либо прав, ни достаточных знаний, чтобы обращать в какую бы то ни было религию. Тогда посетитель попробовал действовать по-другому. Он тотчас же заверил Поттинджера, что не меньше 6000 жителей Кермана мечтают, чтобы пришли англичане и освободили их от тиранического правления принца. А потом спросил, когда можно ожидать прибытия британской армии? Опасавшийся быть втянутым в такой опасный разговор, Поттинджер сделал вид, что не понял вопроса. В этот момент появился другой посетитель, и первый поспешил удалиться.

Поттинджер находился в Кермане уже около трех недель, но о его коллеге-офицере по-прежнему не было ни слуху ни духу. Услышав, что собирается караван в Исфахан, он решил присоединиться к нему. Одиннадцать дней спустя они достигли Шираза, а спустя еще шестнадцать дней прибыли в Исфахан, и только там он узнал, что Малкольм находится в Маргадже, в северо-западной Персии. Наслаждавшийся в Исфахане комфортом дворца для почетных гостей, Поттинджер однажды вечером был извещен, что с ним хотят поговорить. «Я спустился вниз, — писал он позднее, — и так как там было очень темно, то не смог рассмотреть посетителя». Несколько минут он объяснялся с чужестранцем, пока неожиданно не понял, что этот потрепанный, измученный путешествием человек и есть Кристи. Добравшись до

Исфохана, Кристи узнал, что в городе находится еще один фиринджи, или европеец, и попросил отвести к нему. Как и Поттинджер, он поначалу не узнал своего дочерна загоревшего друга в персидском наряде. Но спустя несколько секунд мужчины уже обнимались, преисполненные радости и облегчения от того, что видят друг друга живыми. «Тот момент, — писал Поттинджер, — стал одним из самых счастливых в моей жизни».

Случилось это 30 июня 1810 года, больше трех месяцев спустя после их расставания в Нушки. В конце концов после того, как он впервые вступил в Белуджистан, Кристи проехал по одной из самых опасных стран в мире 2250 миль, тогда как Поттинджер превысил этот рекорд еще на 162 мили. Это были удивительные примеры отваги и выносливости, не говоря уж о научной ценности их путешествий. Случись такое двадцать лет спустя, после основания Королевского географического общества, они оба наверняка были бы удостоены столь желанной золотой медали за исследования, которую получили за не менее опасные путешествия столько их последователей, участников Большой Игры.

Как позднее выяснилось, инициатива и смелость путешественников не остались незамеченными их начальниками, восхищенными ценностью доставленной разведывательной информации. Молодые офицеры были отмечены как обладающие выдающейся инициативой и соответствующими способностями. Лейтенанта Поттинджера, которому еще не было 21 года, ждало быстрое продвижение по службе, многолетняя работа и выдающаяся роль в приближавшейся Большой Игре и заслуженное рыцарское звание. Помимо секретных докладов, которые они с Кристи подготовили по военным и политическим аспектам путешествий, Поттинджер написал отчет об их приключениях, который потряс читателей на их родине и даже сегодня разыскивается коллекционерами редких и важных научных трудов. Дело в том, что их ход с маскировкой под паломников для проникновения в запретные районы был применен примерно за полвека до того, как аналогичный поступок увенчал бессмертной славой сэра Ричарда Бартона.

К сожалению, Кристи оказался не столь удачлив, как Поттинджер, его дни уже были сочтены. Когда Поттинджера отозвали в Индию, генерал Малькольм предложил Кристи остаться в Персии, чтобы согласно условиям нового соглашения помочь в обучении шахских войск для противостояния русской или французской агрессии. Два года спустя, командуя персидской пехотой, которую он обучал для борьбы с казаками на Южном Кавказе, Кристи был убит при необычайно драматических обстоятельствах.

Но нам следует продолжать наш рассказ, так как до того много чего случилось. В начале 1812 года, к огромному облегчению Лондона и Калькутты, рухнула пугающая дружба Наполеона с Александром. В июне того года Наполеон напал не на Индию, а на Россию и, к удивлению всего мира, потерпел самое катастрофическое поражение в истории. Угроза Индии исчезла. По крайней мере так казалось обрадованным англичанам.

4. Русский призрак

В прибалтийском городе Вильнюсе, через который войска Наполеона летом 1812 года двигались навстречу своей судьбе, сегодня стоит простой памятник с двумя табличками. Вместе они рассказывают поучительную историю. На табличке, обращенной к Москве, написано: «Наполеон Бонапарт прошел здесь в 1812 году в сопровождении 400 000 человек». На другой стороне слова: «Наполеон Бонапарт прошел здесь в сопровождении 9000 человек».

Новости о том, что Великая армия в полном беспорядке пробивается обратно через русские снега, поначалу были встречены в Британии с изрядным недоверием. Подавляющее превосходство сил, которые Наполеон бросил против русских, казалось, делало победу французов очевидной. Сообщение о том, что Москва захвачена наполеоновскими войсками и горит, это только подтверждало. Но затем, после нескольких недель противоречивых слухов, стала выходить наружу правда. Выяснилось, что совсем не французы, а сами русские подожгли Москву, чтобы лишить Наполеона продуктов и других припасов, которые он надеялся там найти. История о том, что за этим последовало, слишком хорошо известна, чтобы нужно было здесь ее пересказывать. В преддверии приближающейся зимы уже испытывавшие отчаянную нехватку продовольствия французы вынуждены были отступить, сначала к Смоленску, а в

конце концов и вообще из России.

Изнуряемым постоянными нападениями казаков и партизанских отрядов солдатам Наполеона пришлось есть собственных лошадей, чтобы выжить. Отступление превратилось в беспорядочное бегство, и вскоре французские солдаты погибали десятками тысяч, причем от обморожений, болезней и голода не меньше, чем от атак противника. Когда арьергард маршала Нея пересекал замерзший Днепр, лед провалился и две трети людей нашли там свою погибель. В конце концов из России смогли убежать только вдребезги разбитые и деморализованные остатки некогда великой армии Наполеона, предназначенной для завоевания Востока, включая Индию. Но Александр, убежденный, что именно ему Всевышним предначертано освободить мир от Наполеона, не собирался просто выбить его армию за свои границы. Он преследовал французов почти через всю Европу до Парижа, куда и вошел с триумфом 30 марта 1814 года.

В Британии, как и повсюду, новости о падении Наполеона были встречены с восторгом. Прежняя двуличность Александра, предлагавшего Наполеону объединить силы против Англии, была немедленно забыта, так как облегчение превысило все прочие соображения. Газеты соревновались друг с другом в нагромождении похвал в адрес русских и восхвалении их многочисленных добродетелей, как реальных, так и мнимых. Героизм и самоотверженность простого русского солдата, особенно великолепных казаков, буквально покорили воображение британской общественности. В Лондоне пересказывали трогательные истории о том, как дикие казаки предпочитали спать на соломенных тюфяках подле своих лошадей, а не в комфортабельных постелях лучших отелей и как они помогали хозяйкам домов, куда были определены на постой. Некий рядовой казак, прибывший той весной в Лондон, встретил столь же восторженный прием, как и казацкий атаман, который четырнадцать лет назад по приказу царя Павла повел своих людей в неудачную экспедицию против Индии. Если вы помните, они ничего не добились. Тем не менее он был осыпан почестями, включая почетную степень Оксфорда, и отправлен домой, нагруженный подарками.

Однако роману с Россией не была суждена долгая жизнь. Дело в том, что у некоторых уже начало возникать беспокойное чувство, что на месте Наполеона появляется новое чудовище. Среди них был министр иностранных дел Великобритании лорд Кестлридж. Когда на Венском конгрессе, созванном в 1814 году, чтобы перекроить карту Европы, Александр потребовал передать под его контроль всю Польшу, Кестлридж резко возразил, считая, что Россия в Европе и так достаточно сильна. Но царь настаивал, и две державы оказались на грани войны, которой удалось избежать, только когда Александр согласился разделить Польшу с Австрией и Пруссией. Однако львиная доля отошла к России. Тем не менее после того, как Наполеона благополучно отправили в ссылку на остров святой Елены, границы, которые в конце концов получила Россия в Европе, положили предел ее экспансии в Европе на предстоящее столетие. Однако в Азии, где не было Венского конгресса, способного обуздать амбиции Санкт-Петербурга, вскоре развернулась совершенно другая история.

* * *

Если потребуется назвать человека, ответственного за создание мифа о русской опасности, то им окажется заслуженный английский генерал сэра Роберт Вильсон. Ветеран многих кампаний, обладавший репутацией человека горячего и вспыльчивого как на поле боя, так и вне его, он давно и внимательно интересовался делами России. Именно он первым предал гласности известные сейчас слова Александра, когда тот в 1807 году поднимался на борт плота в Тильзите: «Я ненавижу Англию точно так же, как и вы, и готов помогать вам в любом предприятии против них». Один из агентов Вильсона слышал, как он это сказал. Поначалу Вильсон немало восхищался русскими и даже потом остался с ними в хороших отношениях. Когда Наполеон двинулся на Россию, Вильсона в качестве официального британского наблюдателя прикомандировали к войскам Александра. Несмотря на свой нейтральный статус, он при первой возможности вступал в бой с агрессорами. Такая храбрость завоевала ему восхищение и дружбу царя, который добавил русский дворянский титул к уже имевшимся у генерала австрийскому, прусскому, саксонскому и турецкому. Генерал стал свидетелем пожара Москвы и был первым, кто прислал недоверчивым англичанам известия о разгроме Наполеона.

Но по возвращении в Лондон Вильсон навлек на себя гнев властей как человек, единолично организовавший кампанию против русских союзников Британии, в глазах большинства народа выглядевших спасителями Европы. Он принялся опровергать романтические рассказы о рыцарстве русских солдат, особенно любимцев печати и общественности — казаков. Вильсон утверждал, что жестокости и зверства, творимые ими по отношению к французским пленным, ужасны с точки зрения принятых в европейских армиях стандартов. Множество беззащитных пленных были погребены заживо, других крестьяне, вооруженные палками и цепями, выстраивали в ряд и забивали до смерти. Пока они ждали своей очереди, их беспощадно грабили, отбирали всю одежду и держали голыми на снегу. Он утверждал, что особое варварство по отношению к тем французам, которые имели несчастье попасть к ним в руки, проявляли русские женщины. Мало кто из соотечественников был в состоянии возразить Вильсону, уважаемому и очень опытному воину, который был очевидцем всех этих событий, включая акты каннибализма. Не щадил он и царских генералов, все еще гревшихся в лучах славы своих побед. Их он обвинил в профессиональной некомпетентности, ставшей причиной неудачи преследования отступавших французов, в результате чего самому Наполеону удалось бежать вместе с целым армейским корпусом. По его мнению, они удовольствовались тем, что захватчиков добила русская зима. «Будь у меня 10 000 или, быть может, даже 5000 солдат, — отмечал он в то время в своем дневнике, — Буонапарте никогда бы не вернулся на французский трон». Он даже заявлял, что царь признавался ему в неверии в способности своего главнокомандующего маршала Кутузова, но объяснял, что не может снять его, так как у того много влиятельных друзей.

Но самая яростная атака Вильсона была еще впереди. В 1817 году, четыре года спустя после возвращения из России, успев успешно пройти в парламент, он напечатал резкий обличительный памфлет против британского союзника. Озаглавленный «Описание военной и политической мощи России» и опубликованный анонимно (хотя в его авторстве никто не сомневался), тот быстро стал бестселлером и выдержал целых пять изданий. В нем он утверждал, что воодушевленная своим неожиданным могуществом Россия планирует выполнить предполагаемое предсмертное завещание Петра Великого и завоевать весь мир. Первой целью русских должен стать Константинополь, а затем последует поглощение остатков обширной, но угасающей империи султана. После этого должен был прийти черед Индии. В поддержку своего сенсационного утверждения Вильсон указывал на продолжающееся широкое строительство вооруженных сил России и неумолимое расширение владений царя. «Александр, — предупреждал он, — уже имеет куда более сильную армию, чем того требуют интересы обороны или могут выдержать его финансы, и все же он продолжает усиливать свои войска».

Вильсон подсчитал, что за шестнадцать лет своего пребывания на троне Александр присоединил к своей империи 200 000 квадратных миль с тринадцатью миллионами новых подданных. Чтобы подчеркнуть это, его книга содержала складную карту, на которой новейшие границы России были обозначены красным цветом, а прежние — зеленым. Это показывало, как существенно теперь приблизились армии Александра к столицам Западной Европы, а также к Константинополю, ключевому пункту разрушающейся Османской империи и, вероятно, к самому прямому пути в Индию. Османская столица была уязвима для нападения России с трех направлений. Одним из них было западное побережье Черного моря, где сейчас находится Румыния. Другой путь шел через то же самое море из Крыма. А третье направление вело с Кавказа на запад через Анатолию. После того как Александр овладеет ближневосточными землями султана, он будет в состоянии напасть на Индию либо через Персию (бумаги, захваченные у Наполеона, показывали, что он считал этот путь вполне возможным), либо с помощью военно-морских сил из Персидского залива. Это плавание заняло бы около месяца.

Десять лет назад, писал Вильсон, у царя была армия численностью всего лишь 80 000 человек. Сейчас она выросла до 640 000, не считая войск резерва и милицию, татарскую кавалерию и так далее. Более того, не было никого смелее, чем русский солдат. Он мог быть жестоким, но ни одни войска на свете не могли столь же успешно совершать марши, переносить лишения и голод. В таком росте российской мощи Вильсон обвинял близорукость ее союзников, и в первую очередь Британию. «Россия, — заявлял он, — использовала в своих

целях события, от которых страдала Европа, взяв в свои руки скипетр всемирного господства». А в результате царь — человек, по его мнению, «опьяненный властью», представлял теперь даже большую потенциальную угрозу британским интересам, чем когда-либо являл Наполеон. Оставалось только наблюдать, как он намерен использовать свою огромную армию, чтобы расширить и без того обширную Российскую империю. «Существуют несомненные доказательства, — заключал генерал, — что он уже решился исполнить завещание Петра Великого».

Тесное знакомство в свое время Вильсона с русским монархом (недаром же тот пожаловал ему дворянский титул), а также с его армией на поле боя обеспечило его сочинению непререкаемый авторитет. Однако хотя большая его часть могла привести в ярость тех, кто был сторонником более тесного сотрудничества России и Британии, репутация генерала-паникера и сенсационные утверждения гарантировали ему широкое внимание прессы и его коллег по парламенту. Некоторые редакционные статьи и обзоры приветствовали его предупреждение, как весьма своевременное, тогда как другие осуждали Вильсона за клевету на дружественную державу и за то, что они называли ненужной паникой. В обширном критическом разборе книги, содержащем не менее сорока страниц, журнал «Quarterly Review» («Ежеквартальное обозрение»), занимавший тогда прорусскую позицию писал: «Давайте не будем из-за простого предположения, что однажды она станет слишком опасной, разрушать наш союз со старой союзницей, от величия которой мы сейчас получаем и, весьма вероятно, будем и впредь получать все растущие выгоды». Вместо этого в выражениях словно взятых из сегодняшней статьи об англо-русских отношениях, предлагалось ограничить любое соперничество до «вполне управляемого уровня».

Хотя Вильсон не испытывал недостатка в поддержке со стороны интеллигенции и либералов, ненавидевших Александра из-за авторитарности его правления, а также со стороны разделявших аналогичные взгляды газет и журналов, большинство его осуждало. Тем не менее его книга, большая часть которой была основана на ложных посылах, породила дебаты относительно каждого шага России, которые продолжались века в прессе и в парламенте, с трибуны и в памфлетах. Первые семена русофобии были посеяны. Страх и подозрительность по отношению к новой и малознакомой великой державе с ее обширными ресурсами и неограниченными людскими резервами твердо и решительно внедрились в умы англичан. Призраку русской опасности суждено было остаться там надолго.

* * *

Вильсон был не единственным, кто опасался, что русские смогут использовать свои кавказские владения в качестве трамплина для продвижения к Константинополю или даже к Тегерану. Турок и персов давно уже тревожили те же проблемы, и летом 1811 года, когда Наполеон вторгся в Россию, они отложили в сторону свои давние раздоры и вместе начали борьбу против вероломного захватчика. Обстановка выглядела для них весьма многообещающей: ведь Александр начал выводить войска с Кавказа, чтобы использовать их дома, а оставшиеся русские подразделения несли тяжелые потери. В одном из боев персы заставили сдаться целый полк вместе со знаменем — неслыханное унижение для русских. «Можно себе представить радость и веселье при персидском дворе, — писал один из комментаторов. — Русские теперь больше не слыли непобедимыми». По крайней мере так представлялось дело шаху, которому уже виделись грядущие победы, которые позволят ему вернуть свои потерянные владения.

Однако все подобные надежды быстро разбились вдребезги. Втянутый в борьбу не на жизнь, а на смерть с Наполеоном, находившийся в отчаянном положении Александр сумел заключить сепаратное соглашение с турецким султаном, возможным союзником шаха. В обмен на прекращение боевых действий русские согласились вернуть туркам фактически все захваченные у них за несколько последних лет территории. Такое решение стало болезненным для Александра, зато оно давало его изрядно истощенным войскам на Кавказе столь необходимую передышку и позволяло сконцентрировать все свои силы против персов. Русские все еще болезненно переживали позорное поражение, понесенное от войск шаха,

использовавших преимущество, которое давало им пребывание генерала Малкольма с группой английских офицеров, и горели желанием отомстить. Подходящий случай не заставил себя долго ждать.

Однажды в безлунную ночь 1812 года небольшой русский отряд под командованием молодого 29-летнего генерала Котляревского тайно пересек реку Арас, Аракс со времен Александра Великого, которая сегодня служит границей между Ираном и Советским Союзом. На другом берегу стоял лагерь куда больший по численности отряд ничего не подозревающих персов под командованием упрямого сына и наследника шаха Аббаса Мирзы. Тот благодушно упивался своими недавними успехами в боях с ослабевшими русскими, убаюканный явно спровоцированными самими русскими донесениями, что они его очень боятся. Наследник был настолько самоуверен, что игнорировал предупреждение двух британских офицеров, предлагавших выставить пикеты для наблюдения за рекой, и даже отвел те, что там уже располагались. Его советниками были капитан Кристи — бывший соратник Поттинджера по путешествию, помогавший персам в качестве пехотного эксперта, и лейтенант Генри Линдсей, офицер — артиллерист могучего сложения, ростом почти семь футов, которого местные сравнивали с их собственным легендарным героем, великим Рустамом.

Теперь, когда Россия и Британия стали союзниками в борьбе с Наполеоном, члены миссии Малкольма получили приказ в случае возникновения военных действий немедленно покидать воинские соединения, за которыми были закреплены, чтобы избежать любого риска политических недоразумений. Но русские ударили так внезапно, что Кристи с Линдсеем, не желая, чтобы персы подумали, что они бежали с поля боя, решили игнорировать приказ и сражаться со своими подопечными, к которым успели привязаться. Они отчаянно пытались собрать свои войска и целый день умудрялись отражать яростные атаки русских, даже несколько отбросив их назад. Но в ту ночь войска Котляревского атаковали в темноте, заставив персов в панике стрелять друг в друга. Аббас Мирза, уверенный, что все потеряно, приказал своим войскам отступить. Когда Кристи игнорировал этот приказ, Аббас прискакал сам, схватил знамя и приказал своим людям покинуть позицию. В последовавшем хаосе Кристи упал, сраженный русской пулей в шею.

Согласно донесению другого члена миссии Малкольма, лейтенанта Вильяма Монтейта, привязанность подчиненных к Кристи была так сильна, что «больше половины батальона, который он воспитал и обучил», были убиты или ранены при попытках вытащить его с поля боя и доставить в безопасное место. Однако их усилия оказались напрасными. На следующий день русский патруль нашел смертельно раненого английского офицера. «Он решил не сдаваться живым», — сообщал Монтейт. Если бы ему пришлось предстать перед военным трибуналом, то, как пишет Монтейт, он сказал бы, что нарушил приказ, «чтобы сражаться, а не бежать с поля боя». Человек огромной силы, Кристи буквально разрубил несчастного русского офицера, который пытался его поднять.

Котляревскому отправили срочное донесение о том, что на поле боя найден тяжело раненный британский офицер, который отказывается сдаться. Немедленно последовал приказ, невзирая на возможную опасность, разоружить его и доставить в безопасное место. «Кристи оказал самое отчаянное сопротивление, — пишет Монтейт, — и рассказывали, что он убил шестерых, пока его самого не застрелил казак». Позднее его тело обнаружил врач английской миссии, который похоронил его на месте гибели. «Так погиб самый смелый офицер и дружелюбный человек, который когда-либо жил на свете», — заключает Монтейт, хотя русским и не удалось за время краткой встречи познакомиться с его дружелюбием. Самодовольство и самоуверенность Аббаса Мирзы, позволившие противнику захватить его войска врасплох, по некоторым сведениям, стоили персам 10 000 жизней, тогда как русские потеряли только 124 солдата и трех офицеров. Сверх уничтожения персидской армии Котляревский захватил дюжину из четырнадцати бесценных ружей Линдсея, по утверждению русских, снабженных гравировкой: «Шаху шахов от короля королей». Недавнее поражение русских было щедро отомщено.

Затем торжествующий победу Котляревский направился через снега на восток к Каспийскому морю, где всего в 300 милях от Тегерана высилась крупная персидская крепость Ленкорань, совсем недавно перестроенная британскими инженерами в соответствии с

требованиями современной войны. Уверенные, что теперь она неприступна, персы отвергли требование Котляревского сдаться и отбили его первый штурм с серьезными потерями. Но в конце концов после пяти дней ожесточенных сражений русские во главе с самим Котляревским прорвали все линии обороны. Отвергнувшие предложение русских о почетной капитуляции персы были поголовно перебиты. Причем Котляревский потерял почти две трети своих солдат и сам был найден среди горы трупов русских и персов в проломе, который устроили его саперы в крепостной стене, страдающим от нескольких тяжелых ран в голову и почти без сознания. Позднее, уже с госпитальной койки, он писал Александру: «Чрезвычайное озлобление войск, вызванное упорным сопротивлением, привело к тому, что солдаты подняли на штыки всех 4000 персов, бежать не удалось ни единому офицеру или солдату».

Сам генерал Котляревский был ранен настолько тяжело, что больше никогда не участвовал в боях. Он вынужден был с сожалением отказаться от предложения Александра принять командование всеми войсками на Кавказе, хотя это было высочайшей наградой, о которой только мог мечтать солдат. Но за победу, стоившую ему так дорого, он получил от царя высшую награду, которую тот мог даровать — желанный орден Святого Георгия, приблизительно равноценный Кресту Виктории. Он завоевал эту награду во второй раз за беспрецедентный подвиг в таком юном возрасте. Много лет спустя, почувствовав, что умирает, Котляревский собрал всю семью и отпер маленькую шкатулку, единственный ключ от которой всегда носил при себе. «Вот, — с чувством сказал он, — почему я не мог служить моему царю и сражаться за него и Родину до могилы». Открыв шкатулку, он достал из нее один за другим не менее сорока осколков костей, которые русские армейские хирурги много лет назад извлекли из его разбитого черепа.

После двух сокрушительных поражений от Котляревского персы утратили всякое желание сражаться. Так что когда англичане, стремившиеся, поелику возможно, остановить продвижение русских дипломатическими средствами, предложили начать переговоры о прекращении огня, шах с радостью согласился. Русские также охотно дали согласие на передышку, дававшую им шанс восстановить силы. Как победители, они могли диктовать свои условия и сохранили большую часть отвоеванных у персов территорий. Таким образом в 1813 году согласно Гулистанскому миру шах был вынужден отдать почти все свои земли к северу от реки Аракс, отказаться от претензий на Грузию и Баку, а также отречься от всех своих прав на Каспийском море. Это соглашение фактически превратило Каспий в «Русское озеро», продвинув военную мощь царя еще на 250 миль ближе к северным границам Индии. Альтернативой этому соглашению было бы позволение его войскам продолжить свое беспощадное продвижение все дальше и дальше в глубь Персии. Взамен шах получил, не считая прекращения военных действий, только обещание царя поддержать притязания его сына и возможного наследника Аббаса Мирзы на персидский трон, если вдруг его права будут оспариваться.

Шах, однако, и не думал уважительно относиться к договору, который вынужден был подписать под давлением со стороны агрессивного соседа, и рассматривал его не более как временное средство остановить дальнейшее продвижение русских. Он надеялся с помощью англичан перестроить свою разгромленную армию в соответствии с современными военными требованиями и при подходящих обстоятельствах отобрать обратно все потерянные земли. В конце концов персам уже случалось вести победоносные войны, и их победы над русскими в начале недавней войны показали, на что они способны. Шах делал вид, что не замечает, как англичане и русские, оказавшиеся в далекой Европе лицом к лицу с общим врагом, стали официальными союзниками, и что англичане, успешно остановившие русское продвижение мирными средствами, не имеют желания ссориться с Санкт-Петербургом из-за чужих проблем. Тем более что укрепление военной мощи русских на Кавказе в то время не рассматривалось британским обществом как серьезная угроза Индии. По крайней мере так думали в правительственных кругах, где сэра Роберта Вильсона и ему подобных считали паникерами.

Поскольку угроза Индии со стороны Наполеона миновала, то, к великому неудовольствию шаха, британскую военную миссию в Персии существенно сократили, вновь подтвердив строжайший приказ британским офицерам впредь никогда не вести персидские войска в бой против русских. Дело Кристи затмили волнующие события в Европе, из Санкт-Петербурга не

последовало никаких официальных протестов, но никто ни в Лондоне, ни в Калькутте не хотел рисковать повторением подобной ситуации. Шах был не в состоянии спорить, так как любое оборонительное соглашение с Британией — тогда еще ведущей мировой державой — было лучше, чем ничего. Даже предложение послать персидских офицеров на обучение в Индию было отвергнуто, когда генерал-губернатор в конфиденциальном письме высказал опасение, что их «невежество, распутство и порочность» могут подорвать дисциплину и мораль местных войск компании. Однако если Вильсону и его коллегам-русофобам не удалось заразить официальные круги своим страхом перед новым колоссом, поднимающимся взамен Наполеона, то члены британской миссии в Тегеране уже давно были серьезно озабочены растущей русской мощью на Востоке.

Некоторые офицеры миссии уже испытали на себе знойное дыхание чудовища с севера. Среди тех, кто служил в качестве советников в персидской армии на русском фронте, был молодой капитан индийской армии Джон Макдональд Киннейр. Позднее он отбросил фамилию Киннейр и взял в качестве фамилии имя Макдональд, но для простоты я буду использовать его первоначальное имя. Откомандированный из туземной пехоты Мадраса в политический департамент компании, он несколько лет служил в Персии, где одной из первых задач, полученных от генерала Малкольма, стал сбор и обобщение всех географических Разведанных, полученных Кристи, Поттинджером и другими офицерами их команды. Опубликованная в 1813 году книга под названием «Географические ученые записки о Персидской империи» много лет оставалась главным источником подобной информации. Кроме того, Киннейр сам много путешествовал в тех местах и был достаточно квалифицирован, чтобы выразить свои взгляды по вопросу потенциальной русской угрозы британским интересам на Востоке. Это он вскоре и сделал в обширном приложении ко второй работе, на этот раз посвященной его собственным путешествиям по Востоку. Та вышла в свет примерно год спустя после работы Вильсона.

Если Кристи и Поттинджер были самыми ранними участниками Большой Игры, по крайней мере в ее наполеоновскую эпоху, а Вильсон — первым человеком, который начал полемику вокруг нее, то Киннейра вполне можно назвать ее первым серьезным аналитиком. Он задался вопросом, насколько уязвима Индия в данный момент для нападения.

5. Все дороги ведут в Индию

Блистательные сокровища Индии всегда привлекали жадные взоры, и задолго до появления там первых англичан ее правители научились жить в условиях постоянной угрозы вторжения. Это восходит еще к тем временам, когда за 3000 лет до изгнания Ост-Индской компанией всех ее европейских соперников волны арийских захватчиков одна за другой прошли через северо-западные перевалы и оттеснили аборигенов на юг. Потом последовали многочисленные вторжения, как большие, так и малые, среди них — нашествие Дария и персов приблизительно за 500 лет до нашей эры и вторжение Александра Македонского два столетия спустя, хотя ни одно из них долго не продлилось. Между 997 и 1026 годом нашей эры великий мусульманский завоеватель Махмуд из Газни (сейчас это часть Афганистана) совершил не менее пятнадцати походов в Северную Индию и вывез оттуда несметные богатства, которыми украсил свою столицу. Мохаммед из Горы (сейчас это Северный Пакистан), в свою очередь захвативший Газни, в период с 1175 по 1206 год совершил шесть вторжений в Индию, один из его генералов стал правителем Дели. В 1398 году Дели захватили войска Тамерлана. Потом другой центрально-азиатский полководец Бабур Тюрк вторгся в Индию из Кабула и в 1526 году основал великую империю Моголов со столицей в Дели. Но даже он не был последним из азиатских завоевателей. В 1739 году честолюбивый персидский шах Надир с армией, в авангарде которой двигалось 16 000 пуштунских всадников, ненадолго захватил Дели, тогда все еще столицу Моголов, и вывез оттуда всемирно известный павлиний трон и алмаз «Кохинор» («Гора света»), чтобы украсить собственную столицу. И, наконец, в 1756 году афганский правитель Ахмад Шах Дюррани вторгся в Северную Индию, разграбил Дели и вернулся обратно через перевалы, захватив столько добычи, сколько смог.

Все эти завоеватели попадали в Индию по суше, и так продолжалось до тех пор, пока

португальские мореплаватели в конце пятнадцатого века не открыли морской путь из Европы. Теперь правители из династии Моголов стали опасаться, что захватчики могут прибыть и морем. Так как сами англичане прибыли этим путем, наверно, для Джона Киннейра было естественно, оценивая риск, сначала рассмотреть перспективы успеха вторжения с моря. В конце концов береговая линия Индии протяженностью в 3000 миль была весьма уязвимой, плохо охранялась и действительно не была защищена от внезапного нападения. Этим путем приходили не только англичане, но и португальцы, голландцы и французы, а задолго до того в 711 году нашей эры арабская армия численностью в 6000 человек пришла под парусами из Персидского залива и завоевала Синд. Вильсон предупредил, что русские могут поступить аналогичным образом.

Однако Киннейр, который благодаря своим собственным путешествиям хорошо знал район Персидского залива (у него даже случилась там стычка с арабскими пиратами) и имел доступ к новейшей разведывательной информации, утверждал, что препятствия, с которыми столкнется агрессор, плывущий морем, столь велики, что возможностью подобной операции можно пренебречь. «Нам практически нечего опасаться с этого направления, — писал он. — Начать с того, что враждебная держава должна располагать подходящими гаванями, расположенными на разумных расстояниях от Индии, чтобы можно было добраться до нее под парусами». Он был уверен, что только в Красном море или Персидском заливе есть защищенные якорные стоянки, необходимые для размещения и стоянки флота вторжения. Во-первых, флот нужно построить, что едва ли ускользнет от внимания королевских военно-морских сил. Но откуда же взять столько материалов? «Ни на берегах Красного моря, ни в Персидском заливе нет строевого леса и морских арсеналов, — писал Киннейр. — Материалы не могут быть доставлены морем, а флот построен без нашего ведения. Проходы в оба эти морских района настолько узки, что если возникнет необходимость, их можно очень легко заблокировать».

То, что он с коллегами в путешествиях по Персии не тратил времени зря, становится очевидным из тех деталей, которые он приводит. Так, он писал, что в дубовых лесах, в большом количестве произрастающих в юго-западной Персии, деревья слишком малы для того, чтобы их можно было использовать при строительстве судов. Более того, они растут внутри страны, на значительном удалении от побережья, и перевозка их к Персидскому заливу потребует значительных расходов и будет проходить «через громадные скалы и опасные пропасти». Хотя строительный лес определенных сортов можно найти на берегах Красного моря в Эфиопии, по его утверждениям, этот лес даже хуже, чем в Персии. Потому нет ничего удивительного, добавляет он, что все арабские или персидские одномачтовые каботажные суда построены в Индии либо из доставленного оттуда строевого леса.

В конце концов защита Индии от внешней агрессии определяется доминирующим положением на морях королевского военно-морского флота. «Даже если для врага окажется возможным, — пишет Киннейр, — построить флот из материалов, ценой больших затрат и с огромными трудностями доставленных из внутренних районов Сирии или с берегов Средиземного моря... не существует гавани, которая могла бы защитить такой флот от атаки наших крейсеров. И даже если предположить, что такая гавань найдется» — добавлял он, — флот захватчика будет в значительной степени уничтожен в момент его выхода в море».

После этого Киннейр сосредоточил свое внимание на некоторых сухопутных путях, которыми может воспользоваться агрессор. Основными среди них были два — прямой путь на восток через Средний Восток или движение на юго-восток через Центральную Азию. Первый был бы, вероятнее всего, выбран захватчиком, направляющимся из Европы (Наполеоном, как предположил Киннейр), тогда как на второй, очевидно, пал бы выбор России. Захватчик, движущийся строго на восток, столкнулся бы с несколькими альтернативами. Если бы он, скажем, начал свой поход от Константинополя, то мог бы достичь индийских границ, либо пройдя вдоль Турции и Персии, либо миновав Турцию, перебросив свои войска через Черное море к Северо-Восточной Турции, либо через Средиземное море к побережью Сирии и оттуда в Персию. Последний вариант, как указывал Киннейр, подставит его яростным атакам британского средиземноморского флота.

В идеальном случае, вместо того чтобы с боем отвоевывать каждый дюйм пути, захватчик

попытается добиться какой-то договоренности с теми, чью территорию ему придется пересекать. Правда, весьма маловероятно, что англичане будут спокойно стоять в стороне и позволят этому случиться. Но даже если это ему удастся — здесь Киннейр говорил на основе своего непосредственного знания этой местности, — на всем пути в Индию он столкнется с целым рядом чрезвычайно серьезных препятствий. Среди них будут высокие горные гряды, перевалы в которых настолько круты и узки, что являются не проходимыми для артиллерии; безводные пустыни; районы настолько бедные, что с трудом обеспечивают пропитание местного населения, не говоря уже о проходящей армии; враждебные племена и жестокие зимы, которые, как известно из истории, могут всего за ночь уничтожить целую армию. Даже Александр Македонский, который был величайшим военным гением, едва не впал в отчаяние при виде обледеневших перевалов Гиндукуша, которые были оставлены неохраняемыми, так как считалось, что зимой они непроходимы. Тысячи его людей замерзли заживо — многие буквально примерзали к скалам или умирали от обморожения. Про него говорили, что во время этого похода он потерял больше людей, чем за все кампании в Центральной Азии, вместе взятые.

Последним самым большим естественным препятствием на пути агрессора была могучая река Инд и разветвленная сеть ее притоков. Водную преграду общей протяженностью около 1400 миль следовало пересечь, прежде чем рассчитывать завоевать Индию. То, что эта задача не невыполнима, доказали многочисленные прежние нашествия. Но ни одному из них не приходилось сталкиваться лицом к лицу с дисциплинированной армией, руководимой английскими офицерами и обученной самым современным методам ведения оборонительной войны. Защитники располагали бы свежими силами, хорошо накормленными и снабженными всем необходимым, тогда как захватчики были бы истощены многими месяцами похода и перенесенными бесчисленными невзгодами, нехваткой продовольствия и амуниции, численность их существенно бы уменьшилась. Если бы захватчику удалось проникнуть так глубоко, то, отмечает Киннейр, существовали две очевидных точки, в которых он мог попытаться форсировать Инд. Если бы он приблизился к Индии со стороны Кабула через Хайберский перевал, как это делали многие его предшественники, то, вероятнее всего, он выбрал бы Атток. Здесь, как отмечает Киннейр, Инд был «очень широк, быстр, мутен и усыпан многочисленными островами, каждый из которых легко защитить». Однако поблизости было множество мест, где реку можно перейти в брод.

Если бы захватчик предпочел более южный путь через Афганистан, Кандагар и другой большой проход в Индию через Боланский перевал, тогда он, вероятнее всего, попытался бы пересечь Инд вблизи Мултана в 300 милях от Аттока ниже по течению. Именно в том месте в свое время преодолела Инд армия монголов, и Киннейр описывал его как «вероятно, нашу наиболее уязвимую границу». Еще более южную дорогу через Белуджистан он, видимо, сбрасывает со счета, поскольку ее практически не упоминает. Возможно, причина в том, что Кристи с Поттинджером в свое время писали, что она непроходима для армии любой величины, тогда как дорога вдоль побережья, хотя однажды и использованная Александром Македонским, представлялась слишком уязвимой с моря, чтобы захватчик ею воспользовался.

В конце концов, какую бы дорогу агрессор ни избрал, все они вели через Афганистан. Даже русские — и теперь Киннейр особо переключается на них — должны были подойти к Индии через Афганистан, двинулись ли бы они от своей новой опорной базы на Кавказе или от передовых застав в Оренбурге на границе с казахской степью. Если русские воспользуются первым маршрутом, предупреждал он, то могут избежать необходимости пересекать всю Персию и воспользоваться полностью подконтрольным им Каспийским морем, чтобы перебросить войска на восток к его дальнему берегу.

Отсюда они могли бы пройти до Оксуса, по которому подняться вверх до Балка в Северном Афганистане. Миновав Афганистан, русские могли бы подобраться к Индии через Хайберский перевал. Следует напомнить, что этим маршрутом в свое время надеялся воспользоваться Петр Первый, чтобы установить контакт с правителями Индии из династии Моголов — мечта, которая развеялась после безжалостного истребления Хивинской экспедиции. Киннейр явно не был осведомлен об ужасающих трудностях этого пути, ведь только много лет спустя после его смерти около 1873 года был переведен с русского детальный

отчет об экспедиции и о тех трудностях, которые ей пришлось преодолеть. Фактически за пределами земель Персидской и Турецкой империй Киннейр был столь же несведущ, как и все прочие, и вынужден был признать, что относительно территории между восточным побережьем Каспийского моря и Оксусом, «несмотря на все свои усилия, так и не смог получить информацию, на достоверность которой мог бы положиться».

Киннейр, однако, признавал, что снабжение армии вторжения, пытающейся пересечь Центральную Азию, представляло бы колоссальную проблему. «Огромные орды, — писал он, — которые ранее приходили из степей Татарии, чтобы вторгнуться в расположенные южнее более цивилизованные государства, обычно гнали с собой стада, обеспечивавшие им пропитание». К тому же они не были обременены тяжелым снаряжением, необходимым для ведения современной войны. Потому они способны были совершать походы, «совершенно невыносимые для европейских солдат».

Последняя для русских возможность заключалась в продвижении от Оренбурга. Построенная в 1737 году крепость стала базой, с которой они поставили под свой контроль воинственных казахов, кочевавших по обширному степному региону к югу и востоку. Теперь им предстоял бы тысячемильный марш на юг до Бухары — Киннейр утверждал, «что для этого потребовалось бы сорок дней пути», но фактически нужно было бы в несколько раз больше. Потом предстояло проделать еще один продолжительный переход через пустыню и Оксус до Балха. Как достаточно справедливо писал Киннейр, по пути могло попасться множество племен, причем все они были настроены враждебно по отношению к русским. «Поэтому, — писал он, — прежде чем русские смогут вторгнуться к нам с этого направления, ими должно быть сломлено сопротивление татар». Он был уверен, что до тех пор, пока этого не произойдет, Индии вторжение с севера не угрожает. Любопытно, что, по-видимому, Киннейр не рассматривал пересечение Афганистана как главную проблему для агрессора. Но дело в том, что агрессор должен был каким-то образом переправить свои уставшие войска плюс артиллерию, амунисию и другое тяжелое оснащение не только через Гиндукуш, но и через земли воинственных афганцев, фанатично ненавидящих иностранцев. Впрочем, в те времена это было, как правило, неизвестно даже таким людям, как Киннейр, хорошо знакомым с обширными горными массивами и соседствовавшими с Северной Индией народами. Эра великих исследователей Гималаев была еще далеко впереди.

В отличие от Вильсона, Киннейр не был убежден, что Царь Александр планирует захватить Индию: «Я подозреваю, что русские, вне всякого сомнения, горят желанием расширить свою империю в этом направлении; но она и так Уже весьма громоздка и неуправляема и, вполне возможно, вскоре может развалиться из-за своей чрезмерной величины на части». Куда более вероятной целью амбиций Александра он считал Константинополь. С другой стороны, если бы царь с минимальным риском или затратами для себя захотел нанести сокрушительный удар по англичанам в Индии, существовала другая возможность, которую Киннейр сумел предвидеть. Кончина стареющего персидского шаха открыла бы русским возможность заполучить контроль над тронem, «если не целиком подчинить Персию своей власти».

«Среди сорока сыновей шаха, — писал Киннейр, — не было ни одного, кто не мечтал бы о троне. Почти половина из них, будучи правителями провинций или городов, располагала собственными вооруженными силами и арсеналами». Киннейр был уверен, что если бы Санкт-Петербург поддержал одного из соперничающих претендентов (несмотря на обязательство помочь наиболее бесспорному наследнику Аббасу Мирзе), то в ходе неизбежно возникших беспорядков «великолепно обученные и дисциплинированные русские войска оказались бы способны возвести на трон своего собственного ставленника». Как только шах оказался бы у них в кармане, для них не составило бы труда спровоцировать известных любовью к грабежам персов двинуться на Индию. В конце концов, разве не предшественник нынешнего шаха Надир-Шах заполучил таким образом Павлиний трон и алмаз «Кохинор»? Вторжение могло даже быть спланировано русскими офицерами, хотя их войска и не участвовали бы в походе, что позволило бы царю умыть руки.

Внимательное и детальное изучение Киннейром путей вторжения было первым из целого ряда подобных официальных и неофициальных отчетов, увидевших свет в последующие годы.

Несмотря на постепенное стирание белых пятен на картах окружающих земель, большая часть рассмотренных им маршрутов вновь и вновь с небольшими различиями фигурировала в позднейших исследованиях. Впрочем, по мере того как ослабевала память о Наполеоне и росла боязнь русской угрозы, основное внимание постепенно смещалось к северу от Персии, к Центральной Азии. Одновременно в глазах людей, ответственных за оборону Британской Индии, до невероятных размеров разрастался Афганистан, воронка, через которую предстояло пройти захватчикам. Но все это было в будущем. Несмотря на разожженные паническим трактатом Вильсона горячие дебаты в парламенте, большинство британцев все еще не были убеждены, что официальный союзник Великобритании, Россия строит в отношении ее недоброжелательные планы или имеет какие-то виды на Индию.

Во всяком случае, на какое-то время продвижение России на юг в Персию британской дипломатии удалось заблокировать, что стало в Лондоне причиной немалого облегчения. Однако, как отмечал Киннейр, даже русский военный губернатор Кавказа генерал Алексей Ермолов начал алчно поглядывать на восток за Каспийское море, в Туркестан. Именно там ровно за сто лет до этого русские были так предательски обмануты и разбиты хивинцами. То, что последовало дальше, стало первым пробным шагом в том процессе, который за следующие полвека передал великие ханства и караванные города Центральной Азии в руки царя.

6. Первый русский игрок

Летом 1819 года в столице Грузии Тифлисе — тогда там была штаб-квартира русских войск на Кавказе — в тихом уголке нового православного кафедрального собора можно было заметить молящегося молодого офицера в мундире. В тот день у него были веские причины там находиться, ему было о чем просить Создателя. В свои 24 года капитан Николай Муравьев намеревался исполнить миссию, которую большинству казалась самоубийственной. Переодетый туркменским кочевником, согласно приказу генерала Ермолова он должен был попытаться достичь Хивы, лежавшей более чем в 800 милях к востоку, причем по той самой опасной дороге, что и злополучная экспедиция 1717 года.

Если он успешно пересечет суровую Каракумскую пустыню и не будет ни убит, ни продан в рабство враждебными и попирающими все законы туркменами, то должен будет лично доставить хану Хивы вместе с ценными подарками приветственное послание от генерала Ермолова. После ста лет отсутствия всяких контактов русские таким образом надеялись открыть дорогу к дружбе с ханством. В качестве приманки Ермолов предлагал торговлю — хан получил бы доступ к европейским предметам роскоши и последним достижениям русских технологий. Это была классическая и не раз испытанная русскими стратегия Большой Игры, тогда как долгосрочной целью Ермолова была аннексия восточных территорий в любой подходящий момент.

Поэтому налаживание отношений с ханом стало только частью задачи капитана Муравьева. Она сама по себе была достаточно опасна, так как хивинский хан был широко известен как тиран, терроризирующий не только своих собственных подданных, но и окружающие туркменские племена. Но Муравьеву была доверена и еще одна роль, даже опаснее предыдущей. Он должен был внимательно изучать и тайно записывать все, что удастся выяснить относительно оборонительных возможностей Хивы — от расположения и глубины родников вдоль дороги до численности и боеспособности хивинских вооруженных сил. Заодно ему поручили собрать как можно больше информации об экономике ханства, чтобы должным образом оценить легенды о его баснословном богатстве.

В этой удаленной средневековой монархии у русских был и еще один дополнительный интерес. За многие годы на процветающих работорговых рынках Хивы и Бухары были проданы в пожизненное рабство немало русских людей — мужчин, женщин и детей. Началось все с оставшихся в живых участников экспедиции 1717 года, но теперь это были главным образом солдаты и поселенцы, похищенные или взятые в плен киргизскими племенами вблизи Оренбурга, или рыбаки и члены их семей, захваченные туркменами на берегах Каспийского моря. Об их судьбе мало что было известно, ибо бежать из рабства никому не удавалось. Так

что в довершение всего Муравьеву поручили выяснить все, что удастся, относительно их положения.

Ермолов очень внимательно и заботливо выбирал своего человека. Муравьев был сыном генерала и одним из пяти братьев, служивших в действующей армии. Он уже успел зарекомендовать себя исключительно способным и находчивым человеком. Первый офицерский чин он получил всего в 17 лет, имя его пять раз упоминалось в реляциях о боевых действиях в войну с Наполеоном. Капитан обладал обширными познаниями, столь необходимыми для выполнения его миссии. Помимо того что он был квалифицированным военным топографом, он совершил целый ряд секретных экспедиций, в том числе и на территорию Персии, где странствовал с фальшивыми документами под видом мусульманского паломника. Так что капитан не только мог оценить регион глазами солдата, но и полностью осознавал все грозившие опасности.

Кроме того, напомнил Ермолов, если он потерпит неудачу и хивинцы посадят его в тюрьму, продадут в рабство или казнят, русские власти от него отрекутся. Спасти его будет невозможно: царь не мог себе позволить потерять лицо от действий мелкого центральноазиатского правителя. Муравьев обладал еще одним качеством, которым Ермолов советовал без зазрения совести воспользоваться. Капитан был исключительно обаятелен. К этому следовало добавить его беглое владение местными языками. «Ваша способность заставить себя полюбить, — сказал ему генерал, — вместе с вашим знанием татарского языка могут стать немалым преимуществом. Не рассматривайте лесть и подхалимство с европейской точки зрения. У азиатов она в порядке вещей, так что никогда не бойтесь с ней переборщить».

Когда накануне отъезда капитан молился в соборе, перспективы его благополучного возвращения выглядели весьма и весьма сомнительными. Ведь в последнем послании хана, полученном несколько лет назад, предупреждалось, что любого русского посланца, что осмелится приблизиться к Хиве, ждет ужасная судьба. Но если кто-то и мог преодолеть все препятствия, то, по убеждению Ермолова, только блестящий молодой офицер Муравьев.

Месяц спустя после отъезда из Тифлиса Муравьев вышел в море из Баку на борту русского военного корабля. Перед тем как пересечь Каспий, направляясь к его дикому и пустынному восточному побережью, корабль ненадолго зашел в порт прибрежной крепости Ленкорань. Здесь за несколько недель Муравьеву предстояло, оставаясь под защитой русских моряков и пушек, наладить контакты с разбросанными поселениями туркмен. Сначала те отнеслись к нему с испугом и подозрением, но затем с помощью подарков вождям ему постепенно удалось завоевать их доверие. Наконец удалось договориться, что за сорок золотых он сможет присоединиться к каравану, которому вскоре предстояло отправиться в Хиву через коварную пустыню Каракум. Половину этой суммы предстояло заплатить при выезде, а вторую — после благополучного возвращения на корабль. Было решено, что путешествовать ему благоразумнее под видом туркмена из племени Джафир Бея, некоего Мурад Бега, хотя люди в караване знали, что на самом деле он русский, который везет подарки и важные сообщения для хивинского хана. Маскировка должна была защитить его, не говоря уже о подарках, от скитавшихся по пустыне бандитов и работорговцев. И даже при этом Муравьев не расставался со спрятанными под одеждой парой пистолетов — и кинжалом.

21 сентября караван из семнадцати верблюдов, четыре из которых принадлежали Муравьеву, вышел в пустыню; по дороге к ним должны были присоединиться другие купцы. В конце концов их число возросло до 40 человек и 200 верблюдов. «Жара была сильной, но в общем терпимой, — писал Муравьев. — Пустыня представляла истинную картину смерти. Никаких признаков жизни — только здесь и там виднелись низкорослые кустарники, борющиеся за существование в песках». Хотя его постоянно мучил страх перед работорговцами, путешествие проходило в основном без инцидентов до тех пор, пока они не оказались в пяти дневных переходах от Хивы. Там они остановились, пропуская большой караван из 1000 верблюдов и 200 человек, когда, к ужасу Муравьева, кто-то указал на него. После этого все сгрудились вокруг и принялись расспрашивать людей из его каравана, кто он такой. Поняв, что обман раскрыт, те, несколько не смутившись, заявили, что он русский, которого они захватили и везут в Хиву на продажу. Люди из встречного каравана одобрительно покивали и сказали, что сами только что продали трех русских и получили за них хорошую

цену.

Когда до столицы осталось всего тридцать миль, Муравьев отправил вперед двух человек. Одного — к хану, чтобы известить о своем прибытии, а второго — с аналогичным известием к ближайшему военачальнику. Капитан опасался, что его могут опередить самые дикие слухи, вплоть до предположения, что он идет в авангарде военного отряда, направленного, чтобы отомстить за предательскую резню 1717 года. Когда они выбрались из пустыни и достигли окружавших столицу оазисов, Муравьев отметил, насколько процветающими выглядят здешние кишлаки. «Поля, покрытые богатыми посевами, — писал он, — выглядят совершенно иначе, нежели пустыня, по которой мы двигались вчера». Даже в Европе, добавляет он, ему не приходилось видеть столь тщательно ухоженных земель. «Наш путь пролегал по низинам, заросшим плодовыми деревьями, в ветвях которых весело щебетали птицы». Все это он незаметно записывал в дневник.

Муравьев собирался въехать в Хиву на следующее утро, но, едва проехав несколько миль, был остановлен запыхавшимся всадником, приказавшим от имени хана не двигаться дальше, а остановиться и ждать скорого прибытия двух высших дворцовых чиновников. Вскоре те показались вдали, сопровождаемые вооруженной охраной. У старшего, как заметил Муравьев, было «лицо обезьяны и он тараторил со страшной скоростью, выдавая при каждом слове свой подлый характер». Он был известен как Атт Шапар, что означало «лошадь, скачущая галопом» — так как его официальной функцией было путешествовать по стране и распространять приказы хана. Его спутник, высокий, благородного вида мужчина с короткой бородкой, был старшим офицером хивинских вооруженных сил. Шапар пообещал Муравьеву, что хан примет его на следующее утро, но объяснил, что до того времени нужно подождать в небольшой крепости, расположенной в нескольких милях отсюда.

Стены крепости высотой 20 и длиной 150 футов были сложены из обмазанных глиной камней. Само укрепление имело форму квадрата со сторожевыми башнями на каждом углу. «Там был только один вход, — отмечает Муравьев, — и его закрывали большие ворота, запертые на висячий замок». Предоставленная ему комната оказалась темной и грязной, хотя и давала столь желанное укрытие от палящего зноя. Ему принесли еду и чай и позволили гулять по крепости, но все время за ним неотступно следовал стражник.

Капитану не понадобилось слишком много времени, чтобы понять, что он стал узником. Он не знал, что кто-то заметил, как он исподтишка делал записи, и известие об этом быстро достигло ушей хана. Прибытие русского посланца вызывало беспокойство уже само по себе, а тем более когда стало ясно, что Муравьев — шпион. Если предоставить ему свободу передвижения, в следующий раз он явится с целой армией. Его появление вызвало растерянность во дворце, среди советников хана возникли разногласия по поводу того, что с ним делать.

Хан проклинал его туркменских спутников за то, что те не убили и не ограбили капитана далеко в пустыне, тем самым избавив его от любого участия в этом деле и возможного осуждения. Его духовный наставник кази предлагал вывезти русского в пустыню и закопать там живьем, но хан заметил, что русские про это все равно узнают, и тогда не замедлит последовать наказание в виде карательной экспедиции. В конце концов все согласились, что Муравьев уже слишком много знает и от него надо как-нибудь избавиться. Но как? Будь какой-то способ сделать это так, чтобы русские никогда не обнаружили виновных в его гибели, хан бы ни секунды не колебался. Обычно весьма искусные в таких делах хивинцы сейчас были поставлены в тупик.

После семи недель нервотрепки, когда Муравьев томился в крепости, наконец решили, что хану нужно увидеться с русским и попытаться выяснить, в чем состоит его игра. Муравьев уже отчаялся выбраться отсюда живым и строил сложные планы побега через пустыню верхом в сторону персидской границы. И тут ему сообщили, что хан примет его во дворце. На завтра в сопровождении вооруженной охраны его доставили в Хиву. «Город представлял изумительное зрелище, — рассказывал он потом. — Снаружи вдоль стен размещались дворцы и тщательно ухоженные сады богатых горожан. Впереди на некотором расстоянии над городскими стенами высотой в сорок футов высилась огромная мечеть, ее выложенный голубыми изразцами купол венчал сверкавший на солнце массивный золотой шар».

Появление чужестранца вызвало сенсацию среди горожан, которые сбежались со всех сторон, чтобы взглянуть на странную фигуру в русской офицерской форме. Огромная толпа сопровождала капитана по узким улицам до предоставленных ему элегантно обставленных апартаментов, некоторые даже пытались вслед за ним войти внутрь, но были безжалостно отогнаны его хивинской охраной. Тогда впервые Муравьев заметил, что среди недоверчиво разглядывавшей его толпы были и русские — несчастные жертвы работорговцев. Позднее он писал: «Они почтительно снимали перед мною шапки и шепотом умоляли попытаться что-то сделать для их освобождения». Воспоминание об этих потерянных душах терзало Муравьева до конца его дней, но помочь им он никак не мог, его собственное положение было шатким. И он сам вскоре мог оказаться в их числе. Даже теперь, хотя его положение несколько поправилось, с него не спускали глаз, и шпионы постоянно подслушивали под дверью.

Передав во дворец письмо Ермолова и подарки, Муравьев два дня спустя получил известие о том, что вечером должен явиться к хану. Нарядившись по всей форме (его предупредили, что появление со шпагой будет расценено как нарушение этикета), он отправился во дворец. Вооруженные дубинками охранники шагали впереди, безжалостно прокладывая путь в толпе. Даже крыши были усыпаны зрителями, и снова среди множества прочих выкриков Муравьев разобрал «умоляющие голоса» своих соотечественников. Миновав огромные хивинские мечети, отделанные изразцами, медресе, крытые базары и бани, он добрался наконец до главных ворот дворца. Пройдя через них, он миновал три внутренних двора, в первом из которых около шестидесяти посланников из близлежащих регионов ждали случая выразить хану свое почтение. Затем он спустился на несколько ступеней и оказался в четвертом дворе. В его центре несколько нелепо высилась ханская юрта — круглый центральноазиатский шатер. У входа на прекрасном персидском ковре сидел, скрестив ноги, сам хан.

Пока Муравьев размышлял, каким образом к нему должно приблизиться, его неожиданно схватил сзади человек в грязной одежде из овечьих шкур. На какую-то долю секунды капитан испугался, что его обманули. «У меня в голове мелькнула мысль, что меня предали, — писал он, — и что привели сюда безоружным не для переговоров, а для того, чтобы казнить». Он резко высвободился и приготовился бороться за свою жизнь. Но ему поспешно объяснили, что таков древний хивинский обычай и что все послы к хану простираются перед ним в знак своей добровольной покорности. Тогда Муравьев пересек двор, подошел к юрте, остановился у входа и приветствовал хана на местный манер. Потом он остался стоять, ожидая, когда с ним заговорят. «Хан, — писал он позднее, — имел весьма удивительный вид. Это был человек шести футов ростом, с короткой рыжей бородой, приятным голосом, говорил он быстро, отчетливо и с достоинством». Одет был хан в красный халат и тюрбан. Халат, как с удовольствием отметил Муравьев, был явно только что сшит из ткани, находившейся среди преподнесенных им хану даров.

Несколько минут погладив бороду и внимательно изучив русского, хан наконец заговорил.

— Ну, посланец, — требовательно спросил он, — откуда ты прибыл и чего хочешь от меня?

Наступил тот самый момент, которого Муравьев дожидался с тех пор, как покинул Тифлис. Он ответил:

— Губернатор русских владений, лежащих между Черным и Каспийским морями, под управлением которого находятся Тифлис, Ганджа, Грузия, Карабах, Шуша, Наха, Шекин, Ширван, Баку, Кубин, Дагестан, Астрахань, Ленкорань, Салджан и все крепости и провинции, отвоеванные нами у персов, поручил мне выразить его глубокое к вам уважение и передать письмо».

Хан: — Я внимательно прочитал его письмо.

Муравьев: — Мне также приказано кое-что передать на словах, и я только жду приказа сделать это сейчас или в любое другое удобное хану время.

Хан: — Говори сейчас.

Муравьев объяснил, что российский государь желал бы развития взаимовыгодной торговли между обеими странами, что послужило бы их процветанию и благоденствию. В

настоящее время торговли почти нет, потому что всем караванам приходится целый месяц скитаться по кишашей бандитами безводной пустыне. Но существует более короткая дорога, которую вполне можно использовать. Она лежит между Хивой и новой гаванью, которую русские планируют построить на восточном побережье Каспийского моря в районе Красноводска. Там, заверил хана Муравьев, его купцов всегда будут поджидать суда, груженные предметами роскоши и любимыми товарами, каких только пожелают хан и его подданные. Более того, путь от Хивы до Красноводска займет всего семнадцать дней, чуть больше половины нынешнего. Но хан покачал головой. Хотя и верно, что этот путь значительно короче, но живущие там туркменские племена — подданные персидского шаха. «Мои караваны там будут подвергаться слишком большому риску», — добавил он, таким образом исключая этот вариант.

На такой поворот разговора и надеялся русский.

— Государь, — заявил он, — если вы решите стать нашим союзником, то ваши враги станут нашими врагами. Почему бы высоким официальным лицам Хивы не посетить Тифлис в качестве гостей царя и не обсудить представляющие взаимный интерес важные вопросы с самим Ермоловым, который ищет дружбы с ханом?

Стало ясно, что такое предложение вполне соответствовало собственным размышлениям хана, так как тот сказал, что пошлет доверенных послов вместе с Муравьевым, когда тот отправится в обратный путь. При этом хан добавил:

— Я бы сам хотел, чтобы между нашими странами возникла крепкая и искренняя дружба.

Сказав это, хан сделал знак, что аудиенция окончена. Муравьев, довольный, что все прошло хорошо и его жизни больше ничто не угрожает, с поклоном удалился.

Теперь его беспокоила мысль о том, что нужно покинуть Хиву до наступления зимы: существовала опасность, что корабль, которому было приказано дожидаться его возвращения, может до весны остаться в плену льдов. Пока делегация хана готовилась к путешествию в Тифлис, русские рабы сумели тайно передать Муравьеву короткое, но душераздирающее письмо о своем положении. В спрятанном в дуле ружья, которое он отдавал в починку, письме говорилось: «Мы хотели бы известить Ваше превосходительство, что здесь находится около 3000 русских рабов, которые испытывают неслыханные страдания от голода, холода и тяжелой работы, а также от всяческих оскорблений. Сжальтесь над нашей судьбой и передайте это письмо Его Величеству Императору. В знак признательности мы, несчастные пленники, будем молить Господа о Вашем благоденствии».

Муравьев, который сам предпринимал осторожные шаги по выяснению положения русских рабов, был очень тронут письмом. «Оно заставило меня понять, как я обязан Провидению, которое уберегло меня от опасности», — писал он впоследствии. Но он мало что мог сделать для своих соотечественников, разве что выяснить о них все, что удастся, чтобы позднее передать сообщение в Санкт-Петербург. «Я решил, что как только вернусь обратно, сделаю все возможное для их освобождения», — добавил он.

Один пожилой русский, с которым ему удалось переговорить, рассказал, что он тут в рабстве уже тридцать лет. Через неделю после свадьбы его схватили киргизы и продали хивинским работорговцам. Долгие годы он целыми днями работал в ужасных условиях, пытаясь собрать денег для выкупа. Но хозяин обманом выманил у него все сбережения, а потом продал его другому. «Мы видим в вас нашего спасителя, — сказал он Муравьеву, — и молим за вас Господа. Дожидаясь вашего возвращения, мы готовы терпеть еще год-другой. Если вы не вернетесь, многие из нас попытаются бежать через киргизскую степь. Если Господь уготовал нам смерть, пусть так и будет. Но живыми мы нашим мучителям не дадимся». Как узнал Муравьев, молодые русские мужчины шли на хивинском работорговом рынке по самой высокой цене. Мужчин-персов ценили гораздо ниже, а курды вообще ничего не стоили. «С другой стороны, — сообщал он, — персидские женщины ценились значительно дороже русских». Рабов, пойманных при попытке к бегству, прибавляли гвоздями за уши к дверям, они были слишком ценными, чтобы их казнить.

Наконец люди хана были готовы к отъезду, и более чем через два месяца после своего прибытия Муравьев опять отправился в пустыню. Среди огромной толпы, собравшейся поглазеть на его отъезд, он заметил махавшую ему вслед кучку русских с печальными лицами.

Один мужчина, очевидно, благородного происхождения, какое-то время бежал у его стремени и умолял не забывать «нас, несчастных». Вдоволь намерзшись в пустыне, 13 декабря 1819 года они наконец достигли Каспия. Муравьев с огромным облегчением увидел, что доставивший его русский корвет все еще стоит на якоре неподалеку от берега. Чтобы привлечь внимание, он водрузил на шест свою шляпу, и за ним тут же была отправлена шлюпка. Его благополучное возвращение вызвало огромную радость, но он узнал, что за пять месяцев, прошедших с момента их выхода из Баку, команде довелось перенести невероятные страдания. Из ста двадцати человек только двадцать были в состоянии нести службу. Пятеро умерли, тридцать болели цингой, остальные были так истощены, что с трудом могли передвигаться по палубе.

В Баку они вернулись перед Рождеством. Там Муравьев узнал, что генерал Ермолов находится в Дербенте, дальше по побережью, и немедленно направил командующему рапорт о своем благополучном возвращении. Генерал отдал приказ переправить хивинских послов в Тифлис, где намеревался их принять. Муравьев тем временем засел за составление полного отчета о своей миссии, включив в него свои рекомендации на тот счет, что следует предпринять, чтобы освободить подданных царя из рабства. В отчете содержалось все, начиная от оценки возможностей ханской армии, слабости его оборонительных сооружений, размеров его arsenалов и лучших подходов для наступающей армии до экономики, системы управления, преступности, системы наказаний, пыток и способов казни (из которых самым предпочтительным было сажание на кол). Еще Муравьев описал «ужасную жестокость» хана и его склонность к придумыванию новых способов пыток и истязаний. Тем, кого ловили за выпивкой или курением, которые запретили после того, как от них отказался сам хан, разрезали рты до ушей. Возникавшая от этого постоянная жуткая гримаса должна была служить мрачным предупреждением для других.

Муравьев страстно призывал к скорейшему завоеванию Хивы. Это не только освободит русских из рабства, но и положит конец тирании, в условиях которой вынуждено жить подавляющее большинство ханских подданных. Более того, обладание Хивой позволит России сломать британскую монополию на бесценную торговлю с Индией. Когда Хива окажется в руках русских, «всю торговлю Азии, включая и индийскую», можно перенаправить через Каспий и дальше по Волге в Россию, а потом на европейские рынки. Такой путь представлялся куда короче и дешевле, нежели вокруг мыса Доброй Надежды. Это серьезно подорвет, а может быть, даже и разрушит британское правление в Индии и одновременно обеспечит крайне необходимые для русских товаров рынки как там, так и в Центральной Азии.

Более того, Муравьев утверждал, что завоевание Хивы не станет ни трудным, ни дорогостоящим предприятием. Он полагал, что оно может быть совершено «решительным командиром, стоящим во главе всего трех тысяч храбрых солдат». Армия вторжения очень быстро встретит поджидающих ее ценных союзников. Для начала ими стали бы воинственные туркменские племена, кочующие в пустыне, которую предстояло пересечь, чтобы достичь Хивы. Исходя из собственного опыта, Муравьев ручался, что они также смертельно боятся хана, как и его собственные подданные, и охотно присоединятся к любому, кто вознамерится его свергнуть. В самой столице захватчик сможет воспользоваться яростной поддержкой многочисленной пятой колонны. Кроме 3000 русских рабов, многие из которых прежде были солдатами, там живут у хивинцев в рабстве 30 000 персов и курдов. В основном это мужчины, которым нечего терять.

Несмотря на все опасности, с которыми столкнулся Муравьев, собирая разведывательную информацию для своих начальников, его грандиозный план захвата Хивы и освобождения русских и других рабов не привлек внимания. Момент был упущен, поскольку когда-то великий Ермолов начал медленно терять расположение царя, что закончилось его смещением с должности военного губернатора Кавказа. У самого царя Александра хватало более насущных проблем, с которыми ему пришлось столкнуться дома, где его положению угрожали недовольство и неприязнь. Тем не менее Муравьев смог по крайней мере сдержать обещание, данное несчастным русским при отъезде из Хивы. Вызванный в Санкт-Петербург для награждения за храбрость, он подал самому царю краткую записку о судьбе его подданных в Хиве. Даже если Муравьев не имел возможности как-то ускорить их освобождение, его разоблачения могли послужить русским великолепным предлогом для дальнейшей экспансии в

мусульманскую Центральную Азию. Таким образом, его путешествию было предназначено судьбой обозначить начало конца независимых центральноазиатских ханств.

Единственным человеком, который особенно ясно мог это предвидеть, был официальный представитель Ост-Индской компании, которого звали Вильям Муркрофт. Несколько лет он провел в путешествиях по самым северным районам Индии вдоль границы с Туркестаном. Из отдаленных лагерей в верховьях Инда, где до этого не ступала нога европейца, он призывал своих руководителей в Калькутте действовать в Центральной Азии наступательно и тем самым предупредить продвижение туда русских. Он неоднократно предупреждал, что русские захватят не только весь Туркестан и Афганистан с их огромными нетронутыми рынками, но, вполне вероятно, и Британскую Индию. Но в то время как Муравьев — первый русский игрок в Большой Игре — был вознагражден своей страной и завершил свою карьеру в должности главнокомандующего на Кавказе, Муркрофт не был признан своими начальниками и кончил жизнь в одинокой непомеченной могиле на берегу Оксуса.

7. Странная история про двух собак

К северу от гималайских перевалов, на продуваемом всеми ветрами Тибетском нагорье высится священная гора Кайлас. Эта окутанная тайнами, религиозными предрассудками и вечными снегами вершина высотой в 22 000 футов, как верят и буддисты, и индусы, лежит в самом центре мироздания. Насколько помнится, приверженцы обеих религий рисковали своими жизнями для того, чтобы достичь этой отдаленной горы, так как существовало поверье, что один обход вокруг нее освобождает от грехов всей жизни. Для верующих мрачный ландшафт вокруг Кайласа был полон религиозных символов, включая, как утверждали некоторые, отпечатки ног самого Будды. Там были священные озера, в которых следовало искупаться, могилы святых, которые следовало посетить, священные пещеры, в которых следовало предаваться размышлениям и молиться, и монастыри, в которых усталый путник мог отдохнуть.

Паломники прибывали туда из таких далеких краев, как Монголия и Непал, Индия и Цейлон, Китай и Япония, а также и из самого Тибета. В течение многих лет немало их погибло на обледеневших перевалах, становилось жертвами обморожения или голода, лавин или бандитов. Однако нечто большее, чем страх смерти, отпугивало людей от опасного путешествия через горы к Кайласу. Даже сегодня они со своими молитвенными колесами и амулетами, некоторые с тяжелыми камнями преодолевают тяжкий путь к священной горе, словно исполняя тягчайший обет. Но сегодня оборванные паломники вынуждены делить этот священный край с джипами, набитыми западными туристами, рвущимися прибавить его к своему списку освоенных экзотических мест.

До недавнего времени район Кайласа был одним из самых недоступных мест на свете. Нога европейца туда почти не ступала, разве что два священника-иезуита побывали там в 1715 году и описали гору как «ужасную, бесплодную, крутую и жутко холодную», а затем поспешили в Лхасу. Должно было пройти еще целое столетие, прежде чем ее вновь увидел европеец, на этот раз им оказался британский ветеринарный врач, путешествовавший по самому дальнему северу Индии в поисках лошадей для кавалерии Ост-Индской компании и попутно немного занимавшийся неофициальными исследованиями. Звали его Вильям Муркрофт, в Индию он прибыл в 1808 году по приглашению компании, чтобы управлять ее конными заводами. Очень скоро он пришел к убеждению, что где-то на севере в дебрях Центральной Азии или Тибета можно найти породу лошадей, отличающихся большой прытью и выносливостью, и решил попробовать использовать ее, чтобы освежить кровь лошадей компании. В ходе второго из трех его длительных путешествий в поисках подобных лошадей, на этот раз в районе Кайласа в Тибете, случилось нечто, породившее у него навязчивую идею, которая преследовала его до конца жизни.

Это произошло в доме тибетского сановника. К удивлению англичанина, там его встретили две странные собаки, чье европейское происхождение он распознал с первого взгляда. Одна из них была терьером, а другая — мопсом, обе принадлежали к породам, о которых никогда не слышали в Центральной Азии. Но откуда они тут взялись? Вскоре

Муркрофт решил, что нашел ответ. Явно узнав в нем европейца, обе собаки начали прыгать вокруг, ласкаться и радостно лаять. Потом, оставив его в покое, принялись достаточно сносно исполнять военные команды. Для Муркрофта это означало только одно: оба пса когда-то принадлежали солдатам. Местные жители утверждали, что получили их от русских торговцев, но Муркрофт был убежден в ином. Однако в любом случае это показывало, что русские здесь уже побывали. С той поры до самой своей смерти в 1825 году Муркрофт засыпал своих начальников в Калькутте множеством взволнованных предупреждений о планах русских в Центральной Азии.

Он был убежден, что Санкт-Петербург намерен захватить огромные нетронутые рынки Центральной Азии. Писал, что Ост-Индская компания должна решить, будут ли коренные жители Туркестана и Тибета «одеваться в ткани из России или из Англии» и станут ли они покупать «железные и стальные орудия, произведенные в Санкт-Петербурге или Бирмингеме». Более того, он был уверен, что русские стремятся к территориальным захватам. Сначала это будут ханства Центральной Азии, а потом и сама Индия. В одном из писем к своему начальству он объяснял, как горсть английских офицеров, командующих местными нерегулярными воинскими частями, может остановить всю русскую армию, стремящуюся через перевалы на юг, завалив ее огромными глыбами с окружающих высот.

Но было это очень давно. Как в Великобритании, так и в Индии русофобы составляли меньшинство либо пользовавшееся слишком слабой поддержкой со стороны правительства или компании, либо не имевшее поддержки вообще. Действительно, при всем сходстве их взглядов маловероятно, чтобы отец русофобии сэр Роберт Вильсон и Муркрофт когда-либо слышали друг о друге, уж не говоря о переписке. В то же время руководство компании было слишком далеко от мысли, что Санкт-Петербург, официально все еще союзник Британии, питает какие-либо коварные намерения насчет Индии. Ведь собственно первой и достаточно дорогостоящей их задачей являлись консолидация и защита уже завоеванных земель, а не захваты новых в Гималаях и за ними, как настоятельно призывал Муркрофт. Потому начальство игнорировало его предупреждения, полагая их плодом чрезмерного рвения, а не трезвых оценок. Они оказывались погребенными в архивах компании, их игнорировали, не читали, и вновь явиться на свет Божий им было суждено лишь после его смерти.

Давней мечтой Муркрофта было в поисках лошадей посетить Бухару, большой торговый город, столицу богатейшего ханства Центральной Азии. Он был искренне убежден, что там на рынках удастся найти лошадей, так нужных для компании, — чего до сих пор никак не удавалось сделать. Это были легендарные туркменские кони, о прыти, выносливости и маневренности которых он столько слышал на базарах Северной Индии. Весной 1819 года его настойчивость была вознаграждена, он получил одобрение и финансовую поддержку двухтысячечемильной экспедиции, которой суждено было стать для него третьей и последней. Подобно русскому путешественнику Муравьеву во время миссии в Хиву, Муркрофт не имел никакого официального статуса, так что от него вполне могли отречься, возникни у него проблемы или вызови его визит в столь далекий от индийских границ город протест со стороны Санкт-Петербурга.

Покупка лошадей была только одной из задач Муркрофта. Он также планировал открыть рынки дальнего севера для британских товаров и опередить таким образом русских, которые, по его убеждению, вынашивали аналогичные планы. Итак, 16 марта 1820 года он со своим отрядом пересек границу контролируемой компанией территории, а за ним неспешно следовал большой караван, груженный лучшими британскими экспортными товарами от фарфора до пистолетов, ножей и хлопка. Их тщательно отобрали, чтобы затмить гораздо худшие по качеству русские товары. Помимо множества всадников и слуг спутниками Муркрофта в этом столь дальнем походе через Оксус были молодой англичанин по имени Джордж Требек и англо-индиец Джордж Гутри. Оба мужчины оказались не только способными и надежными спутниками, но и проявили себя стойкими и верными друзьями в трудные дни. Никто из них и подумать не мог, что из-за долгих и частых задержек их путешествие в неизвестность отнимет около шести лет и завершится трагедией.

По опыту своих предыдущих экспедиций Муркрофт знал, что самая короткая дорога в

Бухару лежала через Афганистан. К несчастью, в то время там разгорелась ожесточенная гражданская война. Несмотря на небольшой конвой из гуркхов, это представляло для экспедиции большую опасность, особенно когда распространились слухи о том, что их верблюды нагружены ценными товарами для рынков Туркестана. Поэтому Муркрофт решил попытаться миновать Афганистан и подойти к Бухаре с востока, со стороны Кашгара в китайском Туркестане. Проще всего было пройти через Каракорум от столицы Ладака Леха. Более того, приближаясь к Бухаре с этой стороны, Муркрофт надеялся заодно открыть для английских товаров рынки китайского Туркестана. В сентябре 1820 года после многочисленных задержек в Пенджабе и более чем года, проведенного в пути (возможно, ошибка в датах. — *Прим. пер.*), Муркрофт и его спутники наконец прибыли в Лех. Они были первыми англичанами, которых там увидели. Тотчас же они попытались установить контакт с китайскими властями в Яркенде, в дальнем конце Каракорума, чтобы получить разрешение на проход по их территории. Но, как вскоре обнаружил Муркрофт, это оказалось нелегко.

Начать с того, что Яркенд лежал в 300 милях к северу за почти непроходимыми, особенно зимой, перевалами, и на получение ответа тамошних властей, которые и в лучшие времена не особенно утруждали себя торопливостью, могли уйти месяцы. Хотя Муркрофту понадобилось время, чтобы это понять, существовали и другие причины, мешавшие его усилиям попасть в китайский Туркестан, или Синьцзян, как его называют теперь. Могущественные местные купцы на протяжении многих поколений обладали монополией на караванную торговлю между Лехом и Яркендом и не горели желанием уступать ее англичанам. Даже когда Муркрофт предложил наиболее влиятельным из них назначить их представителями Ост-Индской компании, его усилия продолжали саботировать. Только позднее он выяснил, что китайцы их предупредили: стоит англичанам получить разрешение на проход через перевалы, как они приведут с собой армию.

Муркрофт совсем недолго пробыл в Лехе, когда обнаружил то, чего больше всего боялся: оказалось, что у него есть русский соперник. Официально тот считался местным торговцем, ездившим через перевалы и ведшим торговлю между Лехом и караванными городами китайского Туркестана. Как вскоре выяснил Муркрофт, на самом деле он был высокопоставленным царским агентом персидско-еврейского происхождения, выполнявшим важные политические и коммерческие задания Санкт-Петербурга. Звали его Ага Мехди, и карьере начинал он мелким уличным торговцем. Вскоре он начал торговать кашмирскими шальями, славившимися по всей Азии своим теплом и красотой. Потом, благодаря выдающейся предприимчивости, проделал долгий путь через Центральную Азию и добрался до Санкт-Петербурга. Там его шали привлекли внимание самого царя Александра, пожелавшего встретиться с предприимчивым купцом.

Тот произвел на Александра большое впечатление и был направлен им обратно в Центральную Азию с инструкциями попытаться наладить коммерческие контакты с Ладаком и Кашмиром. Это удалось, и на тамошних базарах начали появляться русские товары. Когда купец вернулся в Санкт-Петербург, восхищенный царь наградил его золотой медалью с цепью, а еще дал ему русское имя Мехди Рафаилов. После этого для него спланировали новую миссию, на этот раз и с политическими, и с чисто коммерческими задачами. Ему было приказано продвинуться гораздо дальше к югу — в независимое государство сикхов Пенджаб. Там ему следовало попытаться установить дружеские контакты со стареющим, но чрезвычайно мудрым и коварным правителем Ранжит Сингхом. Про того было известно, что у него прекрасные отношения с англичанами. Мехди вез с собой рекомендательное письмо от царя, подписанное министром иностранных дел графом Нессельроде. В письме, достаточно невинном с виду, говорилось, что Россия хотела бы торговать с купцами Ранжит Сингха, а его самого приглашали в Россию с визитом.

Муркрофт не замедлил выяснить все это и даже сумел через своих агентов получить копию царского письма. Казалось, оно подтверждало его самые худшие опасения насчет намерений русских. Заодно он выяснил, что предприимчивый соперник вскоре ожидается в Лехе, куда должен прибыть на своем пути в столицу Ранжит Сингха Лахор. «Мне очень хотелось с ним увидеться, — записывал Муркрофт в своем дневнике, — чтобы наилучшим образом убедиться в его истинных намерениях, а также в намерениях честолюбивой державы,

под патронажем которой он работает». Муркрофт выяснил также, что Рафаилов, если называть того новым именем, привез с собой не только крупную сумму денег, но еще и рубины и изумруды, некоторые очень крупные и весьма ценные. Последние, как подозревал Муркрофт, почти наверняка предназначались в качестве подарков от царя Ранжит Сингху и его приближенным — слишком ценными они были для местной торговли или обмена.

От людей, вернувшихся с севера через перевалы, англичанин слышал также о тревожной активности Рафаилова в этом почти полностью мусульманском закоулке Китайской империи. Ему сообщили, что в Кашгаре тот тайно обещал местным вождям поддержку царя, если те попытаются сбросить маньчжурское иго. Рафаилову велено было передать им, что если они направят в Санкт-Петербург законного претендента на кашгарский трон, тот прибудет обратно во главе обученной русскими армии и вернет все земли, принадлежавшие его предшественникам. Правдой это было или нет, но Муркрофт видел, что местное население ликовало при известии о благорасположении к ним царя. Ясно было, что Рафаилов — противник весьма серьезный. Его знание людей и местных языков, не говоря уже об уме и предприимчивости, превосходно служило выполнению порученной ему — по мнению Муркрофта — задачи: «Распространить влияние России до границ с британской Индией» и по пути произвести политическую и географическую разведку территорий.

Обо всем этом Муркрофт докладывал своим начальникам, находившимся в отстоящей на 1000 миль Калькутте. В докладах он делился и своим открытием, что Рафаилова на самом опасном участке его путешествия в казахской степи, где царило полное беззаконие, сопровождал казачий конный отряд. Теперь Муркрофт больше чем когда-либо был убежден, что за поисками Санкт-Петербургом рынков на дальнем севере Индии таится то, что он именовал «чудовищным захватническим планом». Там, где пройдут караваны с русскими товарами, следом наверняка смогут пройти и казаки. Рафаилов был просто разведчиком, исследующим маршрут и готовящим почву. Муркрофт *был* убежден, что судьба Северной Индии сейчас находится в их руках. Если лукавому пришельцу ничто не помешает, ему оставалась всего пара недель пути, так что Муркрофт со спутниками возбужденно ждали его прибытия. Но не дождались. Точно неизвестно, при каких обстоятельствах погиб царский посланник. Он просто исчез где-то на высоких перевалах Каракорума, и его останки присоединились к тысячам скелетов людей и животных, разбросанных вдоль того, что позднее один путешественник назвал «*via dolorosa*» («дорогой скорби». — *Пер.*). Муркрофт мало что сообщает на этот счет, разве что смерть его соперника стала «страшной неожиданностью». Можно только предполагать, что тот умер от неожиданного сердечного приступа или от горной болезни, так как в тех местах тропа заставляла путников подниматься почти на 19 000 футов над уровнем моря. Возможно, опытный врач и ветеринар Муркрофт не знал причину смерти Рафаилова, а может быть, ответ погребен где-то среди 10 000 страниц его отчетов и переписки. Однако любые намеки на то, что сам Муркрофт мог быть как-то связан с этой трагедией, можно почти наверняка отвергнуть. Он был не только исключительно благородным, но и чрезмерно великодушным человеком. Его биограф доктор Гарри Олдер, видимо, единственный человек, тщательно просмотревший все бумаги Муркрофта, нашел в них указание на то, что осиротевший малолетний сын его противника был им обеспечен и получил надлежащее образование, хотя это все, что нам известно. До тех пор, пока западным исследователям не станут доступны русские секретные архивы того периода, истинная правда о Рафаиле наверняка не выйдет на свет божий. Однако Муркрофт был искренне убежден, что тот был доверенным агентом русского империализма, точно так же, как и советские исследователи считают самого Муркрофта одним из главных британских шпионов, посланных прокладывать пути для аннексии Центральной Азии. Если бы Рафаилов прожил еще несколько лет, то, как пишет Муркрофт в письме другу, «он смог бы реализовать такие сценарии, от которых содрогнулись бы многие кабинеты Европы».

Неожиданное исчезновение со сцены Рафаилова не избавило Муркрофта от параноидального страха перед намерениями русских относительно северных штатов Индии. Не проконсультировавшись со своими начальниками в Калькутте и не имея должных полномочий, он поспешил от имени «английских купцов» начать переговоры о заключении торгового договора с Ладаком. Он был убежден, что таким мастерским ударом открыл бы рынки

Центральной Азии для земляков-производителей, все еще страдавших от экономических потрясений, вызванных наполеоновскими войнами. Однако шефы его энтузиазма не разделяли. Они не только не были убеждены насчет планов России в Центральной Азии, не говоря уж об Индии, но и самым тщательным образом старались избегать всего, что могло бы задеть правителя Пенджаба Ранжит Сингха, которого считали самым ценным другом и соседом. И меньше всего им хотелось заполучить в качестве противника его и мощную, хорошо обученную армию сикхов. В Калькутте не было секретом, что после захвата Кашмира Ранжит Сингх ревниво полагал Ладак своей подконтрольной территорией.

Однако было слишком поздно предупреждать его об этом договоре. Муркрофт уже написал ему, что Ладак — независимое государство, в чьи дела не стоит вмешиваться, и добавил, что его правитель мечтает о британском покровительстве. Ранжиту поспешили направить уничижительные извинения за проступок Муркрофта вместе с полным отказом от договора, но, видимо, они слишком запоздали, чтобы спасти Муркрофта от ярости Сингха (не говоря уж о ярости шефов Муркрофта, которые все еще продолжали иметь с ним дело). Вскоре после этого началась серия таинственных покушений на жизнь Муркрофта и двоих его спутников.

Первое из покушений было совершено неизвестным, выстрелившим поздно вечером через окно в работавшего за столом Джорджа Требека и лишь немного промахнувшимся. Видимо, убийца по ошибке принял его за Муркрофта, который часами просиживал за своим складным столиком, составляя отчеты и заполняя дневник. Потом последовали еще два покушения на Муркрофта; одного из ночных убийц он застрелил. Потерпев неудачу, убийцы сменили тактику. Вскоре Муркрофт и его спутники почувствовали странные боли, которые приписали одному из видов лихорадки. Но если они пошли против Ранжит Сингха (не говоря уж о тех местных купцах, монополии которых они угрожали), то среди жителей Ладака они успели завести друзей, которые прекрасно понимали, что происходит. Однажды ночью, когда Муркрофт ломал голову над причиной их непонятной болезни, его посетили два странных человека, укрывших лица, чтобы их не опознали. Жестами те недвусмысленно дали понять, что его и спутников отравили. После того как они выпили предложенный подозрительного вида отвар, головные боли и ломота в суставах неожиданно прекратились. Как ни странно, то же самое произошло и с покушениями.

Но если Муркрофту удалось пережить месть со стороны врагов, то теперь он столкнулся с недовольством собственных начальников. До тех пор руководство компании удивительно терпимо относилось к затеянными их коневодом бесконечным и дорогостоящим поискам новых лошадей для улучшения поголовья. После двух безрезультатных экспедиций ему даже позволили организовать еще одну, нынешнюю поездку в Бухару. Не было сомнения, что они остро нуждаются в лошадях; к тому же Муркрофт присылал из своих путешествий множество ценной топографической и политической информации. Даже его все более возрастающая русофобия не слишком беспокоила начальство. На нее просто закрывали глаза. Однако вмешательство в весьма чувствительные отношения Ост-Индской компании с соседними правителями — совсем другое дело.

Первым порывом руководства было уволить Муркрофта, снять его с довольствия, и сообщение об этом отправилось в путь. Вскоре последовало второе письмо с приказом вернуться. По всей видимости, Муркрофт получил письмо об увольнении, но не получил письма с требованием вернуться в Калькутту. Тем не менее он оскорбился и обиделся. «Я пекусь о безопасности моей страны, — протестовал он, — о влиянии на государство, расположенное на границе Индии и являющееся точкой опоры для расширения нашей торговли на Туркестан и Китай, а также сильным форпостом против врага с севера». Ему трудно было пережить, что от него отеклась его собственная родина. Верхом унижения стало то, что он явно не сумел пробудить интерес своего руководства к огромным нетронутым рынкам Центральной Азии, не сумел внушить кому-то в Лондоне или Калькутте своей убежденности в той угрозе, которую представляла британским интересам в Азии Россия.

Человек, менее настойчивый, чем Муркрофт, разочаровался бы и сдался. В конце концов он мог просто вернуться в Лондон и продолжить карьеру преуспевающего ветеринара. Но он не забыл про лошадей, которых он так долго стремился найти. Если проход в Бухару через

китайский Туркестан оказался закрыт, в конце концов можно было попытаться пройти более опасной дорогой через Афганистан. Муркрофт не понимал, что долгие месяцы, проведенные в Ладаке в попытках договориться с китайцами о проходе через горы, почти с самого начала были бесполезной тратой времени. Ловкий Рафаилов, которого Муркрофт так ценил, прежде чем отправиться в свое собственное трагическое путешествие через перевалы, ухитрился влить яд сомнения в умы китайских сановников и восстановить их против Муркрофта и его отряда.

Теперь Муркрофт со спутниками попытались наверстать потерянное время, покинув Ладак до того, как туда дошло письмо, требующее возвращения домой. В конце весны 1824 года после путешествия через Кашмир и Пенджаб (при этом они старались обойти как можно дальше к северу столицу Ранжит Сингха Лахор) они форсировали Инд и добрались до Хайберского перевала. За ним лежал Афганистан, а дальше — Бухара.

8. Смерть на реке Оксус

Провести слабо вооруженный караван, груженный ценными товарами, про который ходили слухи, что он везет золото, и в лучшие времена было предприятием весьма рискованным. Попытка осуществить это в тот момент, когда страна была охвачена анархией и балансировала на грани гражданской войны, требовала храбрости или, быть может, глупости высшего порядка. Перспективы того, что они смогут добраться до реки Оксус, сохранив в неприкосновенности свои жизни и товары, представлялись ничтожными. Более того, некоторые опережавшие караван дикие слухи вряд ли могли улучшить их шансы.

Согласно одному из них они в действительности были тайным авангардом британской армии вторжения и должны были провести разведку страны перед ее захватом. Возможно, афганцы сумели прочесть мысли Муркрофта, ведь задолго до того он писал в Калькутту, предлагая поступить именно таким образом. Он предупреждал, что если англичане первыми не приберут Афганистан к своим рукам, это почти наверняка сделают русские. И какой момент мог быть для этого благоприятнее, нежели нынешний, когда две соперничающие стороны сражаются за трон Афганистана? Муркрофт утверждал, что одного британского полка достаточно, чтобы посадить на трон наиболее подходящего кандидата. Как обычно, его предложения не услышали. Однако понадобилось не так много времени, чтобы другие, более влиятельные голоса выдвинули те же соображения, подавая эту идею как свою собственную. Так Афганистану суждено было занять важное место в истории Британской империи, и Муркрофт просто опередил свое время.

Другой слух, который сильно мешал участникам экспедиции, гласил, что они намерены щедро платить за свою безопасность племенам, через территорию которых им придется проходить. Поэтому они пребывали в постоянном страхе перед нападением грабителей. Правда, благодаря ветеринарному искусству Муркрофта, очень нужному в стране, где выживание людей почти полностью зависело от домашних животных, им удалось приобрести множество друзей. Жестокость афганского лета стала суровым испытанием для всех, включая даже собак, две из которых погибли от солнечного удара. Жара, как отмечал Муркрофт, «была такой, словно дуло из кузнечного горна». Как всегда во время своих путешествий, он делал обширные записи о людях и топографии, диких животных и домашнем скоте, сельском хозяйстве и древних памятниках. В великом буддистском храме Бамиана, где участники экспедиции оказались первыми побывавшими там европейцами, они с благоговением взирали на две колоссальные фигуры, вырезанные в крутом откосе. Высоту большей из них они оценили в 150 футов, недооценив ее приблизительно на 30 футов. Углем они написали свои имена на стене одной из пещер, и полтора столетия спустя фамилия Муркрофта там все еще читалась.

Наконец почти восемь месяцев спустя после того, как отряд с невероятным трудом преодолел Хайберский перевал, они добрались до берегов реки Оксус, став первыми европейцами, которых там увидели. Учитывая трудности и опасности, с которыми им пришлось столкнуться, это был удивительный пример отваги и решимости. Даже сегодня немногие европейцы видели Оксус, настолько далеко тот протекает, а те, кому это удалось, в большинстве своем видели его с воздуха во время перелета из Ташкента в советской Центральной Азии до Кабула. Стратегическое значение этой могучей реки не ускользнуло от

Муркрофта, который вполне мог представить себе казаков, переплывающих ее вместе со своими лошадьми. «Течение, — записывал он, — оказалось не таким быстрым, как я ожидал, не более двух миль в час. Берега были пологими, почва — мягкой, подобно берегам Ганга, а вода такой же мутной из-за песка».

Возле Хвайя Салах, основного места переправы, река казалась не шире Темзы у моста Черринг-кросс, хотя во всех прочих местах она была гораздо шире. Как им рассказали, весной, когда на Памире, откуда река берет начало, тают снега, в некоторых местах ширина разлива достигает мили и больше. Переправу на Хвайя Салах осуществляли три плоскодонных деревянных парома, перевоза за один раз двадцать верблюдов или лошадей.

Но сейчас была зима, и к прочим неудобствам добавлялся снег. Превративший пустыню в болото глубиной по колено, он сильно снижал скорость движения каравана. Пять дней спустя после переправы через Оксус экспедиция достигла города Карши, второго по величине в Бухарском ханстве. Губернатором там был 16-летний принц Тора Бахадар, второй сын эмира. Чтобы добраться до его дворца, дабы засвидетельствовать свое почтение, им пришлось преодолеть реки грязи, под которыми скрывались невидимые снаружи, похожие на пещеры ямы, провалившись в которые, человек мог мгновенно исчезнуть. Короткая аудиенция у юного губернатора прошла, как отмечал Муркрофт, в сердечной обстановке «и предвещала хороший прием в Бухаре». Он не знал, что под очаровательными манерами подростка и «постоянной улыбкой» скрывалось безжалостное честолюбие и дьявольский характер. Принц не только убил своего старшего брата и после смерти их отца захватил трон в Бухаре, но позднее он же бросил двух английских офицеров в кишашую крысами яму, перед тем как обезглавить их на площади у своего дворца.

25 февраля 1825 года Муркрофт со спутниками увидели вдалеке частокол минаретов и куполов, что безошибочно свидетельствовало, что они достигли Бухары, самого священного города мусульманской Центральной Азии. Утверждали, что город настолько свят, что, когда во всех прочих местах на земле дневной свет падает с небес на землю, в Бухаре он распространяется вверх, чтобы освещать небеса. Для Муркрофта и его измученного отряда это триумфальное зрелище оправдывало все препятствия, которые им пришлось одолеть с того момента, когда они покинули Калькутту. «Мы оказались, — записывал он в тот вечер в свой дневник, — перед воротами города, который целых пять лет был целью наших путешествий, оправданием переносимых лишений и опасностей». К сожалению, вскоре выяснилось, что их ликование оказалось преждевременным. Когда на следующее утро они вошли в город, их встретила возбужденная детвора, кричавшая «Орос... Оррос» — «Русские... русские». Тут Муркрофт понял, что они уже видели европейцев и что соперники с севера его опередили.

Как он вскоре узнал, случилось это четыре года назад. Но в обширных землях Центральной Азии новости распространялись так медленно, что ни он на крайнем севере Индии, ни его начальники в Калькутте об этом не знали. Со своей стороны русские были этому только рады, так как рассматривали мусульманскую Центральную Азию как неотъемлемую часть собственной сферы влияния. Миссия, официально считавшаяся торговой и дипломатической, отправилась в октябре 1820 года из Оренбурга. Она везла льстивое письмо царя к эмиру, который благодаря посредничеству местных жителей согласился его принять. Чтобы облегчить дальнейший путь к сближению, русские привезли щедрые дары, включая пушки и меха, часы и европейский фарфор. Они надеялись, что эти дары побудят богатых бухарцев к дальнейшему приобретению таких товаров. Ведь русские фабрики, которых теперь насчитывалось около 5000 с примерно 200 000 работников, отчаянно нуждались в новых рынках.

Внутренний рынок был слишком мал и беден, чтобы поглотить быстро возрастающую массу производимых товаров, тогда как в Европе и Америке их британские конкуренты, пользуясь более совершенной технологией, имели возможность торговать по ценам куда ниже. Однако в Центральной Азии, у их собственного порога, лежал обширный потенциальный рынок, где пока не наблюдалось никакой конкуренции. Англичан следовало выдворить из Центральной Азии любой ценой. Базары древнего Шелкового пути следовало заполнить исключительно российскими товарами. Для Санкт-Петербурга Большая Игра оборачивалась одновременно как проникновением на новые рынки, так и политической и военной экспансией;

особенно это было заметно в ранние годы, когда флаг с двуглавым императорским орлом неизбежно следовал за караванами с русскими товарами. Столь безжалостный процесс с британской стороны предвидел только Муркрофт. И здесь, в далекой Бухаре, он впервые столкнулся с этим лицом к лицу: тамошние базары уже были полны русских товаров.

Разумеется, Муркрофт предполагал, что перед русской миссией 1820 года стояли более широкие задачи, чем чисто коммерческая разведка. Как выяснилось позднее, ей было приказано доставить детальные планы оборонительных сооружений Бухары, а также разузнать все, что удастся, по военным, политическим и другим вопросам. Один из членов миссии, уроженец Германии доктор Эверсманн, предпринял едва не самоубийственную попытку проникнуть переодетым в столицу и, смешавшись с подданными эмира, разузнать все, что удастся: существовало опасение, что миссию и ее охрану будут держать вне городских стен. Хотя эмир и согласился принять русских, они предпочитали не рисковать, так как не забыли предательства, приведшего к безжалостному избиению Хивинской экспедиции. Поэтому помимо кавалерийского и пехотного эскорта они прихватили с собой два мощных артиллерийских орудия, которые в случае необходимости быстро разнесли бы глинобитные стены Бухары, ее дворцов и мечетей.

Поход длиною в 1000 миль через степь и пустыню оказался ужасно суровым как для людей, так и для животных. Большая часть лошадей пала задолго до того, как они достигли земель эмира. Хотя казахи, через чьи земли пришлось идти, не доставили им особенных хлопот, в одном месте экспедиция наткнулась на сотню валявшихся в пустыне трупов — остатки бухарского каравана, подвергшегося Нападению бандитов. Это послужило мрачным напоминанием о проблемах, с которыми столкнутся их собственные караваны, если алчных казахов предварительно не привести к повиновению. Спустя более двух месяцев после начала пути они добрались до первой бухарской крепости, а на следующий день встретили предусмотрительно посланный самим эмиром караван, везущий свежие фрукты, хлеб и корм для их лошадей. Вряд ли на что-то подобное могли бы рассчитывать наступавшие с севера силы вторжения. Четыре дня спустя они разбили лагерь перед воротами города и стали ждать приглашения эмира.

Здесь-то Эверсманну и выпал шанс. Пользуясь всеобщим возбуждением, вызванным прибытием «оросов», он под видом купца умудрился проскользнуть незамеченным в город и найти жилье в караван-сараях. Когда члены миссии и их эскорт расположились в кишлаке вне городских стен, этот таинственный персонаж, о котором мало что известно, взялся за работу, собирая информацию, простиравшуюся от военных вопросов до сексуальных наклонностей жителей Бухары. Позднее он писал: «Если бы меня не сдерживал стыд, я мог бы собрать невероятные факты». Видимо, в Бухаре творились вещи, которые были запрещены «даже в Константинополе». Как рассказывает Эверсманн, люди не имели понятия об «утонченных чувствах», но думали только о сексуальных удовольствиях. Не помогали и жестокие кары, настигавшие тех, кто был схвачен при удовлетворении своих «чудовищных и преступных желаний». Сам эмир тоже не составлял исключения. Как сообщал доктор, в городе, где практиковались «все ужасы и мерзости Содомы и Гоморры», он, в дополнение к своему гарему, наслаждался услугами «тридцати или сорока развращенных существ».

Маскировка Эверсманна, точные детали которой неизвестны, видимо, оказалась исключительно убедительной, так как даже тайная полиция эмира, повсюду имевшая своих информаторов, за его трехмесячное пребывание в Бухаре ничего не заметила. Но сам он прекрасно понимал, какую опасную игру ведет. Он писал, что задать вопрос или просто прогуляться по улице было достаточно, чтобы вызвать подозрение и в результате этого привлечь к себе нежелательное внимание. Всю разведывательную информацию, которую удавалось собрать за день, он должен был записать «ночью и скрытно». Однако в конце концов везение доктора закончилось. К несчастью, местный житель, знавший доктора по Оренбургу, опознал его и выдал тайной полиции. Доктор собирался отдать все свои заметки одному из членов миссии, а сам присоединиться к каравану, который двинется в Кашгар в китайском Туркестане, где предполагал собрать аналогичную разведывательную информацию для своих хозяев. Но его предупредили, что, как только он покинет город и тем самым лишится защиты русских, его убьют.

Даже убедившись в двуличии русских, эмир не позволил испортить сердечные отношения, которые установились у него с могущественным соседом. Видимо, именно потому Эверсманна следовало убрать тихо, когда его путь и пути его спутников разойдутся. Так что доктор поспешно изменил свои планы и решил присоединиться к миссии, которая выполнила все свои задачи (включая тайное составление плана городских стен) и теперь пережидала зиму — самое мерзкое время года в Центральной Азии, чтобы вернуться в Оренбург.

10 марта 1821 года с декларациями о нерушимой дружбе русские покинули столицу эмира, из которой он правил страной, по размерам почти равной Британским островам. Пятнадцать дней спустя они покинули последние его земли. Единственно о чем они сожалели, как Муравьев в Хиве, — это о своих соотечественниках, которых обнаружили в Бухаре среди рабов. Некоторые из них так долго находились в рабстве, что практически забыли родной язык. «Глядя на нас, — писал один из членов миссии, — они не могли сдержать слез». Но что бы члены миссии ни чувствовали, они мало что могли сделать для этих несчастных, разве что сообщить об их судьбе, как Муравьев. Да еще мечтать о том дне, когда Центральная Азия перейдет под управление России и такие жестокие варварские обычаи будут навсегда запрещены.

Если Санкт-Петербург и вынашивал мысли о захвате Бухары, из этого фактически ничего не вышло. Действительно, прошло еще четыре десятилетия, прежде чем Бухара оказалась под властью царя. Однако Муркрофту опасность возвращения русских с победоносной армией представлялась достаточно реальной. Во время собственного пребывания в Бухаре, где его радушно принял эмир, Муркрофт сделал еще два неприятных открытия. Одним стало то, что на базарах предпочитают товары русского производства, даже если они хуже по качеству тех, которые он со спутниками привезли в Бухару, преодолев столько трудностей и опасностей. Не менее обескураживающим было и другое открытие — что быстроногих и выносливых лошадей, о которых он столько мечтал, в стране эмира больше нет.

Вконец удрученный этой последней неудачей, Муркрофт решил вернуться домой до того, как перевалы в Северную Индию в связи с наступлением зимы занесет снегом. Прихватив с собой тех немногих лошадей, которых удалось заполучить, он со спутниками двинулись обратно по той же дороге, которой пришли. Однако, уже форсировав Оксус, Муркрофт решил предпринять еще одну, последнюю попытку купить лошадей в отдаленной деревушке, расположенной в пустыне на юго-западе. По слухам, там их еще можно было найти. Оставив Требека и Гутри в Балхе, с горсткой людей он отправился в путь. Больше его никогда не видели.

* * *

Судьбу Муркрофта и его спутников всегда окружала тайна. Официально он умер от лихорадки где-то около 27 августа 1825 года. Ему было под 60, по индийским стандартам он был стариком, который несколько месяцев жаловался на боли в сердце. Его тело, слишком разложившееся, чтобы установить причину смерти, вскоре было доставлено обратно в Балх его людьми и похоронено там. Через некоторое время умер Гутри, вскоре за ним последовал и Требек, обе смерти внешне выглядели вызванными естественными причинами. Однако скончался и переводчик экспедиции, долго проработавший с Муркрофтом. Этого было уже слишком для простого совпадения, и вскоре по Индии начали циркулировать слухи, что их убили, вероятнее всего, отравили русские агенты. Другая версия, гораздо менее сенсационная, состояла в том, что их убили, чтобы завладеть их имуществом. С точки зрения биографа Муркрофта доктора Олдера, он почти наверняка скончался от какой-то лихорадки; возможно, его воля к жизни была окончательно сломлена открытием, что в кишлаке, с которым он связывал свои последние надежды, не оказалось лошадей той породы, которую он так долго разыскивал.

Но есть в этой истории еще один поворот. Больше двадцати лет спустя после вероятной даты его смерти два французских странствующих миссионера, успевших добраться до расположенной в 1500 милях к востоку Лхасы до того, как их выдворили из Тибета, услышали любопытную историю. Их уверяли, что там двенадцать лет прожил англичанин по фамилии

Муркрофт, выдававший себя за кашмирца. И только после его смерти по дороге в Ладак открылась вся правда — в его доме нашли карты и планы запретного города, которые, видимо, составлял этот таинственный чужестранец. Ни один из французских священников никогда прежде не слышал о Муркрофте, но они писали, что кашмирец, утверждавший, что ему прислуживал, подтвердил историю тибетцев. Когда отчет об их странствиях в 1852 году впервые был опубликован на английском, это невероятное сообщение вызвало в Великобритании настоящую сенсацию. Возник вопрос, действительно ли разложившееся тело, погребенное его спутниками в Балхе, принадлежало Муркрофту — или кому-нибудь другому.

Биограф Муркрофта не исключает полностью возможность, что тот фальсифицировал собственную смерть, чтобы не возвращаться домой, где он столкнулся бы с критикой и официальным осуждением. Тем не менее он считает, что это в высшей степени невероятно, против этого свидетельствуют «слишком много фактов и возможностей». Доктор Олдер заключает, что только временное умопомрачение, «возможно, под влиянием приступа лихорадки, могло бы стать причиной действий, до такой степени несогласующихся с характером Муркрофта, его биографией и всем, за что он боролся». Вот одно из возможных объяснений рассказанной французами истории: когда после смерти Муркрофта и его спутников караван распался, один из слуг-кашмирцев мог добраться до Лхасы вместе с принадлежавшими Муркрофту картами и бумагами. Когда затем по пути домой в Кашмир слуга умер, бумаги, на которых стояла фамилия Муркрофта, вполне могли обнаружить у него дома. Невежественные и всегда крайне подозрительные относительно намерений чужестранцев тибетцы вполне могли решить, что это карты их страны, что покойный слуга был тем англичанином, чье имя стояло на картах и который, очевидно, все эти годы за ними шпионил.

Однако если начальство Муркрофта при жизни не удостаивало его вниманием и только смерть спасла его от унижений и официального осуждения, то посмертно это было более чем компенсировано. Сегодня он в большом почете у географов за огромный вклад в исследование региона, сделанный в ходе бесконечных поисков лошадей. Многие считают его отцом исследований Гималаев. Никого особенно не огорчают его неудачи в поиске лошадей или в открытии Бухары для британской торговли, даже если те так много значили для самого Муркрофта. С нашей точки зрения, его действительная правота и заслуги лежат в сфере геополитики. Ведь вскоре после смерти Муркрофта его неоднократные, но так и не услышанные предупреждения насчет намерений русских в Центральной Азии начали подтверждаться жизнью. Именно они, а также его замечательные путешествия по странам Большой Игры вскоре превратили его в идола молодых британских офицеров, которым выпала судьба идти по его стопам.

Видимо, самое главное оправдание Муркрофта — в местонахождении его одинокой могилы, которую последний раз видел в 1832 году следовавший по его пути на север в Бухару Александр Бернс, его земляк и тоже участник Игры. С большим трудом он отыскал ее при лунном свете в окрестностях города Балха, ничем не отмеченную и полускрытую глинобитной стеной. Его измученным спутникам как неверным не разрешили похоронить беднягу в городской черте. Поэтому Муркрофт лежит недалеко от того места, где спустя более полутора веков советские войска и тяжелая техника двигались через реку Оксус на юг, направляясь в Афганистан. Он не мог бы рассчитывать на лучшую эпитафию.

9. Барометр падает

Перемирие на Кавказе между Россией и Персией остановило продвижение казаков и обратило хищные взгляды Санкт-Петербурга в сторону Центральной Азии. Но продолжалось оно недолго. И царь, и шах рассматривали заключенный в 1813 году при посредничестве англичан Гулистанский договор не более как временное средство, позволяющее им нарастить свои вооруженные силы перед следующим раундом схватки. Целью шаха было отвоевать утраченные земли, уступленные согласно договору русским победителям, тогда как Санкт-Петербург намеревался в подходящий момент расширить и укрепить свою южную границу с Персией. Примерно через год после смерти Муркрофта та вновь оказалась в состоянии войны — к недовольству англичан, которые не имели ни малейшего желания видеть,

как Персия будет разгромлена русскими.

На этот раз непосредственной причиной враждебности стало толкование договора, в котором было недостаточно ясно оговорено, кому именно принадлежит конкретный регион между Эриванью и озером Севан. Чтобы решить эту проблему, начались переговоры между русским генерал-губернатором Кавказа генералом Ермоловым и персидским крон-принцем Аббасом Мирзой. Но они закончились провалом, и в ноябре 1825 года спорную территорию заняли войска генерала Ермолова. Персы потребовали их отвода, но Ермолов сделать это отказался. Шах пришел в бешенство, его подданные тоже, и со всей страны под знамена Аббаса Мирзы начали стекаться добровольцы на священную войну с неверными русскими.

Персы знали, что русские еще не были готовы к войне. Санкт-Петербург прочно увяз в войне греков за независимость против турок. Да и дома, особенно в армии, после смерти царя Александра в декабре 1825 года тоже возникли серьезные беспорядки. Воодушевленный своей недавней победой над турками, Аббас Мирза решил ударить по русским в тот момент, когда те нападения не ждали. Неожиданно и без всякого предупреждения тридцатитысячная армия персов пересекла русскую границу, сметая на своем пути все подряд. Один русский полк был целиком захвачен в плен, взяты ключевые города, в свое время принадлежавшие шаху, а нерегулярные персидские отряды совершали набеги вплоть до самых ворот Тифлиса, кавказской штаб-квартиры Ермолова. Торжествующие персы попытались даже вернуть себе Ленкорань, крепость на побережье Каспийского моря.

Первый раз за всю свою долгую блестящую карьеру Ермолов, прозванный «львом Кавказа», был захвачен врасплох. Оскорбленный Санкт-Петербург обвинил Лондон в том, что тот подтолкнул персов к агрессии, ведь ни для кого не было секретом, что английские офицеры служат в армии шаха в качестве советников, а некоторые даже командуют его артиллерией. Новый царь Николай I решил немедленно сместить Ермолова и назначил на его место одного из самых блестящих молодых русских генералов — графа Паскевича. Но если стареющий «лев» и утратил доверие начальников, он все еще сохранял уважение и признательность своих войск, обвинявших в поражении Санкт-Петербург. Когда он в наемной карете покидал Тифлис, многие из его людей не скрывали слез.

Получив подкрепление, Паскевич обрушился на захватчиков и переломил ход войны. Вскоре Аббас Мирза потерпел целую серию поражений, кульминацией которых стало падение Эривани, столицы нынешней советской Армении. Чтобы отметить победу, Николай присвоил Паскевичу звание князя Эриванского, этот жест был специально рассчитан на то, чтобы привести в ярость персов. В ответ Паскевич послал Николаю саблю, сообщив, что она принадлежала самому Тамерлану и была отобрана у одного из персидских генералов. Теперь шах в соответствии с недавно заключенным договором об обороне принялся настойчиво добиваться помощи у своих союзников — англичан. Это вызывало в Лондоне немалую растерянность. С военной точки зрения Британия, не имевшая войск на Кавказе, ничем помочь не могла. Более того, в Лондоне вовсе не хотели ссориться с Россией, все еще официально являвшейся союзником Британии.

Первоначальная цель договора между Лондоном и Тегераном, как ее представляли себе англичане, состояла в том, чтобы защитить Индию от нападения агрессора, движущегося через Персию. Несмотря на предупреждения Вильсона — и не только его, — в Лондоне считали, что риск возникновения подобной ситуации слишком незначителен. К счастью для англичан, договор содержал статью, которую можно было использовать как лазейку. Согласно этой статье они были обязаны прийти на помощь шаху только в том случае, если на него совершено нападение, а не он сам является агрессором. А формально, несмотря на многочисленные провокации и унижения, он был агрессором, ведь его войска пересекли русскую границу, с демаркацией которой по Гулистанскому договору он согласился. Так что англичанам второй раз за последние двадцать два года удалось соскочить с крючка. Но это нанесло существенный ущерб репутации Британии не только среди персов, но и на всем Востоке. Немедленно возникло предположение, что англичане слишком боятся России, чтобы прийти на помощь своим друзьям. Но гораздо тревожнее было то, что в это начали верить и сами русские.

Без надежды на помощь от британских союзников персам оставалось только снова просить мира. К счастью для них, русские в тот момент воевали с Турцией, иначе условия

капитуляции, подписанной в 1828 году в Туркманчи, могли оказаться гораздо жестче. Тем не менее царь Николай навсегда присоединил к своей империи богатые провинции Эривань и Нахичевань. Персы же со своей стороны получили горький урок того, как делается большая политика, не говоря уж о том, что убедились в двуличности англичан.

Лондон, зная, что несчастный шах отчаянно нуждается в деньгах, убедил его в обмен на весьма приличную сумму отказаться от всех надежд на помощь со стороны англичан в том случае, если его страна станет жертвой агрессии. В результате бывшее до того весьма значительным влияние Британии в Персии испарилось, чтобы смениться влиянием России. Теперь персы обнаружили, что имеют реального покровителя в лице гигантского северного соседа, который получил право размещать своих консулов там, где считал нужным, а для своих купцов добился особых привилегий.

Зимой 1828 года в Тегеран ко двору шаха прибыл новый российский посол Александр Грибоедов. Он был принят со всем возможным формальным политесом и официальными церемониями, хотя враждебность к нему и его правительству давали себя знать. Именно Грибоедов — выдающийся литератор с весьма либеральными взглядами, одно время состоявший политическим секретарем Ермолова, составлял униженные условия договора о капитуляции. Теперь его задача состояла в том, чтобы следить за их неукоснительным исполнением, включая выплату Персией разорительной военной контрибуции. Для оголтелых религиозных фанатиков его присутствие в столице страны было подобно красной тряпке для быка. Более того, к несчастью, случилось так, что он прибыл в Тегеран в январе — в священный месяц Мухаррам, когда накаляются религиозные чувства, верующие секут себя клинками и посыпают головы тлеющими углями. Ненависть к неверным русским достигла апогея. И искру, ставшую причиной трагедии, заронил сам Грибоедов.

* * *

По условиям мирного договора армяне, живущие в Персии, могли при желании вернуться на родину, которая теперь стала частью Российской империи и, следовательно, находилась под христианским правлением. Среди тех, кто горел желанием воспользоваться ситуацией, оказались евнух из гарема шаха и две молодые девушки из гарема шахского зятя. Все трое прибыли в российскую миссию, где Грибоедов гарантировал им неприкосновенность на время выполнения всех формальностей, необходимых для отъезда домой. Узнав об этом, шах предложил Грибоедову немедленно вернуть всех троих. Русский посол отказался, мотивируя это тем, что делать исключения из условий договора имеет право только граф Нессельроде, царский министр иностранных дел, и сообщил, что требование шаха будет направлено ему. Решение было весьма смелое, ведь куда проще было вернуть беглецов ради сохранения хороших отношений; но Грибоедов слишком хорошо понимал, какая в таком случае ждет всех троих судьба.

Весть о подобном оскорблении их монарха мерзким неверным стремительно разнеслась по городу. По распоряжению мулл закрылись базары, и люди собрались в мечетях. Им велели направиться к российской миссии и схватить всех троих укрывшихся там беглецов. Собравшаяся в мгновение ока толпа в несколько тысяч человек, требовавшая крови русских, окружила здание посольства. Толпа с каждой минутой росла, и Грибоедов понял, что немногочисленный отряд казаков, составлявший охрану миссии, сдержать ее не сможет. Все они оказались в смертельной опасности, так что после некоторого размышления посол предложил армянам вернуться обратно. Но было уже слишком поздно. Через несколько мгновений подстрекаемая муллами толпа пошла на штурм посольства. Казаки почти час пытались сдержать и отбить натиск нападавших, значительно превосходивших их числом, но постепенно отходили сами, оставив сначала двор, а затем комнату за комнатой. Одной из первых жертв толпы стал евнух, которого зажали в угол и разорвали на куски. Что случилось с двумя девушками, так и осталось неизвестным. Последним оплотом русских стал кабинет Грибоедова, где ему с несколькими казаками удалось какое-то время продержаться. Но тогда нападавшие забрались на крышу, сорвали черепицу, взломали потолок и атаковали русских сверху. Грибоедов до последнего мгновения сражался со шпагой в руках, но в конце концов

был схвачен и зверски убит, его тело выбросили из окна на улицу. Затем уличный торговец кебабом отрубил ему голову и к восторгу толпы выставил ее вместе с очками и всем прочим на своем прилавке. Над останками неопишимо глумились, после чего выбросили их на свалку. Позднее их удалось опознать только по деформации одного из пальцев — результата юношеской дуэли. Все это время не было никаких войск, якобы посланных рассеять толпу и спасти Грибоедова и его спутников.

В июне следующего года друг Грибоедова поэт Александр Пушкин, путешествуя по Южному Кавказу, встретил людей, сопровождавших запряженную быками телегу. Направлялись они в Тифлис. «Откуда вы?» — спросил он. «Из Тегерана», — последовал ответ. «Что у вас там?» — спросил поэт, указывая на телегу. «Грибоедов», — ответили ему. Сегодня тело Грибоедова покоится в небольшом монастыре святого Давида на склоне холма над Тифлисом — или Тбилиси, как его называют сейчас. Тем временем, опасаясь ужасной мести русских, шах поспешил отправить из Тегерана в Санкт-Петербург своего внука, чтобы выразить раскаяние по поводу случившегося и принести глубочайшие извинения. Как рассказывают, принятый Николаем юный принц обнажил клинок и приставил его к своей груди, предлагая собственную жизнь в обмен на жизнь Грибоедова. Но ему приказали вложить клинок обратно в ножны и сказали, что достаточно будет сурово наказать виновников убийства.

Фактически все еще находясь в состоянии войны с турками, Николай опасался неосторожным решением толкнуть непредсказуемых и темпераментных персов на какие-то неожиданные действия, причем меньшим из зол могло стать объединение против него их сил с силами турок. Когда все это случилось, многие в Санкт-Петербурге подозревали, что за нападением на миссию стояли агенты султана. Тот находился в весьма затруднительном положении, так что их целью могло быть возобновление войны русских с персами, чтобы тем самым несколько ослабить давление на турецкие войска. Ведь в результате перемирия войска Паскевича сумели выбить турок с их последних позиций на Кавказе и начали продвижение в саму Турцию. Другие же в Санкт-Петербурге, услышав об убийстве Грибоедова, тотчас заподозрили, что за этим стоят англичане, все еще номинально считавшиеся союзниками русских. Эта версия все еще бытует среди современных советских историков.

Если действия русских на Кавказе вызывали известное беспокойство в Лондоне, то движение Паскевича на запад в Турцию вызвало опасения, что конечной целью Николая является Константинополь и турецкие проливы. К лету 1829 года в руках Паскевича оказался город Эрзерум с крупным гарнизоном, в результате дорога к столице с востока оказалась практически беззащитной. В то же самое время в европейских землях султана русские войска с боями продвигались на юг к Константинополю по территориям, где сейчас расположены Румыния и Болгария. Два месяца спустя после падения Эрзерума в европейской Турции наступающие русские овладели Эдирной. А спустя всего несколько дней русские кавалерийские отряды оказались в сорока милях от столицы. Учитывая, что генералы давили на Санкт-Петербург, требуя дать им закончить войну, конец древней Оттоманской империи казался совсем близким. Все происходило так, как двенадцать лет назад предупреждал сэр Роберт Вильсон.

Сейчас, когда Константинополь был практически в руках Николая, тот должен был испытывать острейшее желание дать команду наступать. Но умудренные советники как в Санкт-Петербурге, так и в других европейских державах призывали к осторожности. Если русские атакуют столицу, предупреждали пребывавшие в Константинополе иностранные послы, может последовать кровавая резня живущих там христианских меньшинств — тех самых людей, интересы которых взялся защищать Николай. Геополитические последствия такого исхода могут оказаться чрезвычайно серьезными. Если Оттоманская империя рухнет, а Россия оккупирует Константинополь и установит свой контроль над проливами, то между ведущими европейскими державами, включая Британию, Францию и Австрию, может возникнуть распря из-за того, что останется. В результате может разгореться общеевропейская война, и к тому же при наличии у Англии и Франции базирующихся в восточном Средиземноморье мощных флотов южный фланг России будет находиться под постоянной угрозой. Гораздо безопаснее оставить в покое обветшавшую империю султана, но заставить его дорого за это заплатить.

Поэтому, к неудовольствию Паскевича и других русских военачальников, война быстро подошла к концу. В результате удалось избежать конфронтации между державами, ведь Британия и Франция уже собирались направить в проливы свои флоты, чтобы предотвратить переход этого важнейшего морского пути в руки русских. За несколько дней были согласованы основные условия капитуляции Турции, и 14 сентября 1829 года в Эдирне — или Адрианополье, как город тогда назывался, — был подписан мирный договор. Согласно этому договору русским был гарантирован свободный проход через проливы их торговых судов, следующим очень ценным достижением было разрешение иметь незамерзающий порт на Средиземном море, но ничего не говорилось о военных кораблях. Российские купцы получили право свободно торговать по всей Османской империи. Дополнительно султан обязался отказаться от всех притязаний на Грузию и на свои бывшие владения на Южном Кавказе, включая два важных порта на Черном море. В ответ русские возвращали города Эрзерум и Карс и большую часть территорий, захваченных ими в европейской Турции. Хотя кризис был успешно разрешен, правительство Британии, руководимое герцогом Веллингтоном, продолжало тревожиться. Русские не только поочередно стремительно разгромили две главные азиатские державы, Персию и Турцию, значительно усилив таким образом свое присутствие на Кавказе, но и опасно близко подошли к тому, чтобы захватить Константинополь, ключ к господству на Ближнем Востоке и кратчайшим путям в Индию. В результате русские генералы искренне поверили в предстоящую войну с Британией, а блестящий Паскевич, как рассказывали, даже позволял себе открыто, хотя и несколько туманно, о ней рассуждать. Барометр русско-британских отношений начал падать. Неужели, спрашивали люди, история о завещании умирающего Петра Первого своим наследникам относительно завоевания мирового господства может в конце концов оказаться правдой?

* * *

Одним из тех, кто давно уже был убежден, что это так, был полковник Джордж де Ласи Эванс, выдающийся воин, ставший, подобно сэру Роберту Вильсону, полемистом и памфлетистом. Он уже опубликовал достаточно противоречивую книгу, озаглавленную «Замыслы России», в которой утверждал, что Санкт-Петербург давно планирует напасть на Индию и прочие британские владения. Однако появилась она в 1828 году, когда для таких подозрений было слишком мало оснований. Зато сразу же после победы России над Турцией он выпустил следующую книгу, назвав ее на этот раз «Осуществимость вторжения в Британскую Индию». Если первая его книга вызвала много неприятных отзывов, то вторая в связи с ее злободневностью встретила гораздо более благожелательный прием, особенно в высших правящих кругах.

Цитируя (зачастую весьма избирательно) свидетельства и мнения как английских, так и русских путешественников, включая Поттинджера, Киннейра, Муравьева и Муркрофта, он старался доказать выполнимость для русских удара по Индии. Полковник был уверен, что непосредственной целью Санкт-Петербурга стало бы не завоевание и оккупация Индии, а попытка дестабилизировать там британское правление. Если директора Ост-Индской компании и боялись чего-то больше банкротства, так это проблем с местным населением, которое значительно превышало англичан по численности. Затем Эванс исследовал возможные пути наступления. Хотя Персия теперь практически была в кармане у царя, он полагал маловероятным, что русская армия выберет для нападения такой маршрут. В этом случае ее фланги и коммуникации окажутся уязвимы для атаки британских войск, которые могут высадиться в Персидском заливе. Куда более вероятным он считал, что русские двинутся по маршруту, который одиннадцать лет назад рассматривал Киннейр. Основываясь на некоторых русских источниках, он утверждал, что Санкт-Петербург может двинуть с восточного побережья Каспийского моря на Хиву тридцатитысячную армию. Оттуда она поднимется по Оксусу до Балха и сможет двинуться через Кабул к Хайберскому перевалу.

Приводя массу весьма убедительных деталей, Эванс сумел сделать так, что все это выглядело достаточно простым делом — особенно для тех, кто, подобно ему, не знал тех мест. Действительно, за пределами России не было никого, знакомого с этим регионом по

собственному опыту. Тем не менее пересечение пустыни Каракум для захвата Хивы он представлял не такой уж неразрешимой задачей, указывая, что британские и французские армии успешно пересекали подобные безводные пустыни в Египте и Сирии. Что же касается перевозки армии вторжения вверх по Оксусу, то там, по его утверждению, на Аральском море было «множество больших рыбацких лодок местных жителей», которые можно было для этой цели конфисковать. Заодно Эванс рекомендовал тщательно обследовать важные перевалы Гиндукуша, лежащие на пути агрессора с севера к Хайберскому перевалу, а также разместить «известного рода агентов» в Бухаре, чтобы те могли как можно раньше предупредить о продвижении русских. Далее он предлагал разместить постоянных политических представителей в Кабуле и Пешаваре, где, как он утверждал, от тех было бы больше пользы, чем в Тегеране.

Несмотря на недостатки, которые тогда были менее заметны и стали проявляться только со временем, книга произвела глубокое впечатление на политиков Лондона и Калькутты и стала настоящей библией для целого поколения участников Большой Игры. Даже если в ней не было ничего нового по сравнению с уже сказанным Вильсоном, Киннейром или Муркрофтом, последние агрессивные действия России придавали ей силу и убедительность, не достававшие их предупреждениям. Убедительность возросла еще больше благодаря тревожным сообщениям из Санкт-Петербурга (случайно совпавшим с публикацией книги осенью 1829 года), что туда засвидетельствовать почтение царю Николаю прибыл афганский владыка, а также посол Ранжит Сингха, которого англичане считали своим другом.

Одной из влиятельных фигур, на кого аргументы Эванса произвели глубокое впечатление, был член кабинета герцога Веллингтона лорд Элленборо, только что возглавивший контрольный совет по Индии. Уже встревоженный намерениями русских на Ближнем Востоке, Элленборо нашел книгу пугающей, но убедительной, и немедленно разослал ее экземпляры представителю компании в Тегеране сэру Джону Киннейру (тот к тому времени успел получить рыцарский титул) и сэру Джону Малкольму, бывшему начальнику Киннейра, ставшему губернатором Бомбея. В те дни он отмечал в своем дневнике: «Я был убежден, что нам придется сражаться с русскими на Инде». Восемь недель спустя он добавляет: «Чего я боюсь, так это оккупации Хивы, которая может остаться для нас неизвестной, а всего через три-четыре месяца после выхода из Хивы враг может оказаться в Кабуле. Я убежден, что в этой компании мы можем победить. Нужно одержать победу до того, как враг достигнет Инда. Если 20 000 русских подойдут к Инду, то схватка будет тяжелая». Русским — союзникам Британии против Наполеона — доверия уже не было, и на сей раз это стало официальной точкой зрения.

«Ястреб» по натуре, Элленборо активно поддерживал идею предъявить Санкт-Петербургу ультиматум, предупреждающий, что любое новое вторжение в Персию будет рассматриваться как враждебный акт. Это предложение было отвергнуто его коллегами по кабинету, которые утверждали, что, не имея возможности начать войну, они не видят способа подкрепить подобный ультиматум силой. Давний специалист по Индии герцог Веллингтон был убежден, что русскую армию, наступающую к Индии через Афганистан или через Персию, можно разбить задолго до того, как она достигнет Инда. Но его беспокоило то возбуждающее воздействие на местное население, которое могла оказать весть о приближении «освободительной» армии. По этой причине жизненно важным было разбить захватчика быстро и как можно дальше от индийских границ. Однако это требовало наличия детальных карт путей подхода. Запросы, сделанные Элленборо, вскоре обнаружили, что существующие карты крайне неточны и основываются большей частью на слухах. Никаких официальных попыток стереть белые пятна за границами Индии с тех пор, как двадцать лет назад этим занимались Кристи и Поттинджер, больше не предпринималось.

Теперь Элленборо взялся наверстать упущенное время. Из всех возможных источников он собирал военную, политическую, топографическую и коммерческую разведывательную информацию относительно окружающих Индию стран. В ход шло все — от размеров русского флота на Каспийском море до объемов торговли русских с ханствами мусульманской Центральной Азии. Он хотел знать маршруты русских караванов, их размеры и частоту отправления. Он просеивал все, что было известно о Хиве, Бухаре, Коканде и Кашгаре и об их способности противостоять нападению русских. Будь Муркрофт жив, он мог бы дать ответы на

многие вопросы. А так фактически почти единственный источник разведывательной информации из этого региона находился в Санкт-Петербурге. Аккредитованный там посол Великобритании лорд Хейтсбери держал на службе шпиона, делавшего для него копии сверхсекретных документов. Эти документы, как сообщал он в Лондон, показывали, что Россия с военной и экономической точки зрения не в состоянии предпринять поход на Индию. Однако Элленборо обозвал посла русофилом из-за его известных симпатий к русским, и потому его донесения воспринимались в Лондоне с немалым скептицизмом.

Элленборо был решительно настроен на то, чтобы получать информацию там, где можно, из первых рук, через своих собственных людей. Русские с помощью своих миссий в Хиве и Бухаре все это уже проделали. Действия одиночек, как убедился Муркрофт, приводили к обескураживающим результатам. Но теперь, с появлением Элленборо, все должно было измениться. Множество молодых офицеров индийской армии, политических советников, исследователей и топографов пересекало во всех направлениях обширные пространства Центральной Азии. Они наносили на карты перевалы и пустыни, прослеживали реки вплоть до их истоков, отмечали стратегически важные участки, выясняли, какие дороги пригодны для передвижения артиллерии, изучали языки и обычаи племен и старались завоевать доверие и дружбу их правителей. Они не оставляли без внимания ни политической информации, ни сплетен и слухов из разных племен — какой правитель с каким собирается воевать, кто плетет заговоры с целью свергнуть кого-то и кого именно. Но прежде всего они искали малейшие признаки русского вторжения в обширную безлюдную область, лежащую между двумя соперничающими империями. То, что удавалось обнаружить, тут же доносилось их начальникам, а те в свою очередь пересылали это выше по команде. Большая Игра начиналась всерьез.

ГОДЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

*«Схватка у пограничной станции
Галопом уходит вдоль темного ущелья.
Две тысячи фунтов образования
Поражают джезели ценою в десять рупий.
Хвостун Крамер, гордость эскадрона,
Убит как кролик во время бегства».*
Редьярд Киплинг

10. Большая Игра

14 января 1831 года бородатый и заросший мужчина в одежде местного жителя вышел из пустыни к отдаленной деревушке Тиббе на северо-западной границе Индии. Эта деревушка давно исчезла с карт, но в те времена там был пограничный пост между Британской Индией и группой небольших самостоятельных западных княжеств, известных под общим названием Синд. Добравшись до безопасных земель компании и увидев патрулирующих границу сипаев индийской армии, странник облегченно вздохнул. Он странствовал больше года, зачастую подвергаясь большой опасности и порой сомневаясь, удастся ли ему вообще вернуться живым. Ведь черты загоревшего за много месяцев пребывания на солнце почти до черноты лица явно выдавали в нем европейца.

На самом деле это был переодетый английский офицер — лейтенант Артур Конолли из шестого полка местной легкой бенгальской кавалерии, первый из молодых сотрудников лорда Элленборо. Их направили для военной и политической разведки безлюдных земель между Кавказом и Хайбером, через которые могла пройти русская армия. Смелый, находчивый и честолюбивый, Конолли был типичным участником Большой Игры, и именно он в письме другу первым и достаточно удачно ввел в употребление эту замечательную формулу. Он мог рассказать немало удивительного и дать множество советов тем, кто собирался следовать за ним в дикие и непокорные регионы Центральной Азии, истинное царство беззакония. Обо всем

этом лейтенант Конолли, которому не исполнилось еще и 24 лет, докладывал своим начальникам. Несмотря на невысокий чин и юный возраст, в те ранние годы англо-русского соперничества в Азии его мнение имело достаточный вес и оказало серьезное влияние на его руководство.

Конолли остался сиротой в 12 лет, когда за несколько дней один за другим скончались его родители. Из шестерых братьев трое, включая его самого, трагически погибли на службе в Ост-Индской компании. Окончив школу в Регби, он по морю добрался в Индию, где в 16 лет поступил в полк корнетом. Хотя часто его представляют человеком застенчивым и чувствительным, дальнейшая карьера офицера продемонстрировала его исключительные стойкость и решительность, не говоря уже о храбрости. Судя по портретам, он был крупным, крепко сложенным мужчиной. Но Конолли обладал еще одним качеством, которое способствовало его карьере. Подобно многим другим офицерам того времени, он был глубоко религиозным человеком. Однако в его случае это качество еще усилилось в результате общения в долгом морском путешествии в Индию со знаменитым составителем гимнов и вновь назначенным епископом Калькутты Реджинальдом Хебером.

Конолли, как и большинство его сверстников, верил в цивилизующую миссию христианства и обязанность его адептов нести спасение другим людям, оказавшимся не столь счастливыми. Основанное на принципах христианства британское правление представлялось высшим благом, дарованным варварским народам. Даже правление русских, при условии, что оно остается достаточно далеко от индийских границ, было предпочтительнее правления мусульманских тиранов. Ведь русские по крайней мере были христианами. Так что он симпатизировал желанию Санкт-Петербурга освободить своих христианских подданных и людей других вероисповеданий от рабства в ханствах Центральной Азии. Именно такие убеждения вместе с жадой приключений заставили его рисковать жизнью среди языческих — по его мнению — племен, живших в глубине страны.

Официально возвращаясь по суше в Индию после отпуска, Конолли осенью 1829 года выехал из Москвы на Кавказ. Британия и Россия официально все еще оставались союзниками, и хотя отношения становились все более напряженными, в Тифлисе его тепло приняли русские офицеры и даже снабдили казацким эскортом для проезда по самым опасным участкам пути до персидской границы. «Русские, — объяснял он, — еще не могли свободно передвигаться по Кавказу, им приходилось быть очень бдительными на случай всяких неожиданностей со стороны пламенно их ненавидевших черкесов». Правда, он сильно недооценил черкесов, предсказав, что русские без особых трудностей подчинят себе «этих жестоких горцев», особенно теперь, когда с Кавказа выдворили их турецких союзников. Ни он, ни его русские хозяева не могли предвидеть жестокую священную войну, от которой вскоре содрогнулся этот горный уголок царских владений.

Двигаясь на юг, Конолли профессиональным взглядом наблюдал за всем, что видел в русской армии, оценивал офицеров и солдат, их вооружение, выучку и моральную стойкость. Да, действительно, эти войска при случае вполне могли дойти до Индии. К тому времени, когда он пересек Россию и добрался до Северной Персии, увиденное произвело на него большое впечатление. Он был удивлен стоицизмом и закалкой солдат, которые могли зимой спать на снегу без всяких палаток и легко преодолевали любые препятствия и трудности. Сам кавалерийский офицер, он был поражен ловкостью драгун осмотренного им полка: те захватили вражескую крепость, подскакав таким стремительным галопом, что там не успели закрыть ворота.

Находясь под защитой русских, Конолли не было нужды скрывать свою личность или прибегать к какой-то маскировке. Но то, что он планировал совершить дальше, было совершенно другим делом. Невозможно было даже подумать, что британский офицер на такое решится. Он намеревался совершить попытку добраться до Хивы через громадную пустыню Каракум и наряду с прочим посмотреть, что там делают русские. Теперь, когда его больше не сопровождал казачий эскорт и он проник в одну из самых опасных стран на земле, маскировка становилась совершенно необходимой. Этому вопросу Конолли уделил очень большое внимание. «Как бы хорошо европеец ни владел местным языком, — писал он позднее, — путешествуя среди азиатов, ему чрезвычайно трудно избежать разоблачения. Его выговор,

манера сидеть, ходить или скакать верхом... сильно отличаются от привычек азиатов. Чем больше он пытается как можно точнее все это имитировать, тем больше становится вероятность привлечь к себе нежелательное внимание». Разоблачение почти наверняка означало смерть, так как переодетого англичанина (да и русского тоже), путешествующего под чужой личиной, в этих регионах автоматически приняли бы за шпиона, разведывающего пути для будущего наступления.

Конолли полагал, что для англичанина лучшей маскировкой было вообще не выдавать себя за местного жителя, а представиться врачом, предпочтительно французом или итальянцем. «Такие путники там иногда встречались, — писал он, — и не вызывали недоверия». Дело в том, что врача, даже иноверца, постоянно страдавшие множеством болезней местные жители всегда встречали благожелательно. «Лишь немногие, — добавлял он, — станут вас расспрашивать». Уже одно это было веской причиной для маскировки такого рода, так как избавляло от суровых испытаний и постоянных надоедливых расспросов о мотивах путешествия в этих таинственных местах. «Самые простые медицинские средства и лекарства, — добавлял он, — позволяли излечить большую часть их болезней, а тому, кому ваше искусство не помогало, вы всегда могли сказать, что такая у него „нуссеб“, т.е. судьба, ничего тут не поделаешь».

Однако, если кто-то все-таки решится путешествовать под видом местного жителя, то Конолли ему советовал выдавать себя за бедняка. Как он убедился на собственном опыте, в тех регионах, где царит беззаконие, постоянно существует угроза ограбления и вымогательства. Не имея ни лекарств, ни медицинских инструментов, чтобы выдать себя за врача, он решил попробовать добраться до Хивы под видом тамошнего базарного торговца шелковыми тканями, платками, мехами, перцем и другими товарами. Наняв проводника, слуг и верблюдов, он отправился в Хиву. Ему предстояло проделать 500 миль по пустыне на северо-восток от города Астрабад, расположенного у южной оконечности Каспийского моря. Когда он отбыл, сговорившись по пути встретиться с большим караваном, направляющимся в Хиву, его персидский друг заметил: «Мне не нравятся те собаки, среди которых вы находитесь». Однако Конолли не принял предупреждений всерьез, видимо, предполагая, что сможет справиться с любым предательством местных жителей.

Сначала, пока они спешили догнать основной караван, что обеспечило бы им защиту при пересечении пустыни Каракум, все шло неплохо. Они знали, что караваны и группы паломников регулярно подвергаются налетам туркменских работорговцев. «Обычно туркмены поджидают паломников на рассвете», — писал Конолли. Это происходило как раз в тот момент, когда путники, еще полусонные после долгого ночного перехода, останавливались для молитвы. Пожилых и тех, кто пытался сопротивляться, убивали на месте, сильных и красивых брали в плен, чтобы продать на работорговых рынках разных ханств. Конолли прекрасно понимал весь тот огромный риск, которому он подвергался, но привлекательность Хивы перевешивала все остальное.

Он и его отряд несколько дней скакали без остановки и уже были уверены, что до направляющегося в Хиву большого каравана осталось совсем немного, когда неожиданно грянула беда. Однажды рано утром, когда они почти разбили лагерь, к ним подскакали четверо всадников столь отвратительного облика, что Конолли схватился за спрятанное оружие. Однако, не обращая на него внимания, их предводитель обратился к местному жителю, которого англичанин нанял в качестве проводника. Он говорил, отметил Конолли, «серьезно и тихо», время от времени явно недружелюбно поглядывая на него. Наконец он заговорил с Конолли по-персидски и сказал, что их послали, чтобы защитить его от тех, кто собирается его убить. Конолли было совершенно ясно, что все это сплошная ложь, хотя их истинных намерений он до конца не понимал. Зато он понимал, что в схватке с этой четверкой у него слишком мало шансов, и он явно стал их пленником. Теперь перспектива присоединиться к основному каравану казалась весьма далекой.

Вскоре Конолли обнаружил, что этих четверых вождь соседнего племени послал задержать его после того, как начали ходить слухи, что он русский агент на службе персидского шаха и послан сюда разведать туркменские земли перед их захватом. Ходили разговоры, что он везет с собой много золота для подкупа вождей отколовшихся племен. Конолли заверил захвативших его людей, что это глупость, и продолжал настаивать, что он — купец из Индии,

направляется в Хиву, чтобы продать свои товары, и никакого золота у него нет. Тщательно обыскав его вещи и не обнаружив ничего кроме бронзовой астролябии (ее приняли за золотую), они, казалось, растерялись и не знали, что делать дальше, позволив пленнику бесцельно бродить с места на место,

Сначала Конолли предполагал, что они ждут дальнейших указаний. Однако позднее он выяснил, что они не могли договориться между собой, что делать с ним дальше. Выбор был таков: либо ограбить и убить его, либо продать в рабство. Но, побаиваясь его богатых и влиятельных друзей по ту сторону границы в Персии, они колебались и не знали, что с ним делать. Чтобы выяснить возможную реакцию, они распустили слух, что его убили. Если кары не последует, тогда можно спокойно выполнить свой план. К счастью для Конолли, известие, что он захвачен в плен, уже дошло до его друзей, и они отправили людей на розыски. В конце концов, лишившись большей части имущества и почти всех денег и к тому же расстроенный, что не удалось добраться до Хивы, он благополучно вернулся в Астрабад, не в восторге от приключения, но благодарный уже тому, что остался в живых.. Хотя Конолли и не удалось попасть в Хиву, тем не менее он смог собрать массу ценной информации о районе Каракумов и Каспия, почти неизвестном в Лондоне и Калькутте. Именно там проходил один из основных маршрутов, которым, вполне вероятно, мог воспользоваться агрессор! Заодно он выяснил, что русские еще не овладели восточным побережьем Каспийского моря, если не считать Хивы, хотя опасались, что это не так. Полностью оправившись от выпавших на его долю суровых испытаний, Конолли решил двинуться на Мешхед, расположенный в 300 милях к востоку у границы Персии с Афганистаном. Оттуда он надеялся проникнуть в Афганистан и достичь стратегически важного города Герата, который со времен нелегального визита Кристи двадцать лет назад не видел ни один британский офицер. Многие рассматривали этот город как идеальный отправной пункт для армии вторжения; там она могла быть обеспечена продовольствием и другими припасами.

Конолли добрался до Герата в сентябре 1830 года. В городские ворота он въехал, испытывая странную смесь мрачных предчувствий и возбуждения. В Герате в то время правил вызывавший всеобщий страх Камран Шах, один из самых безжалостных и жестоких правителей Центральной Азии. Англичанин провел в городе три недели, на этот раз выдавая себя за «хакима», тайно изучая и записывая все, что имело хоть какое-то значение. Особенно его интересовали городские укрепления, а также возможность прокормить армию продуктами из обширной плодородной долины, в которой был расположен этот город. Как Конолли смог это сделать и не привлечь внимания тайной полиции Камрана, он умалчивает. Следующий этап его разведывательной миссии, долгое рискованное путешествие длиной в 300 миль до Кандагара, привел его в кишашую бандитами страну, где, как его предупреждали, рабовладельцы отрезали своим пленникам уши, чтобы тем стыдно было вернуться домой. Тем самым уменьшалась вероятность их побега. Однако Конолли повезло, и он смог присоединиться к группе мусульманских паломников. Такие почтенные спутники, от которых он узнал немало интересного, обеспечивали хоть какую-то защиту от ограбления, угона в рабство или убийства.

Кандагара он достиг благополучно, несмотря на несколько опасных ситуаций по дороге, но там ему не повезло, и вскоре после прибытия он слег. Конолли настолько ослабел, что в какой-то момент испугался, что умрет, но один из доброжелательных паломников сумел вернуть ему здоровье. Однако только он начал выздоравливать, как прошел весьма опасный слух, что он — английский шпион, работающий на Камрана, в то время воевавшего с Кандагаром. Так что Конолли пришлось покинуть свое болезненное ложе и впопыхах убраться из города, где он провел только девять дней. 22 ноября, на этот раз в сопровождении нескольких торговцев лошадьми, он прибыл в Кветту, расположенную у подножия большого Боланского перевала. Этот южный двойник Хайберского перевала мог стать для агрессора местом вторжения в Индию. Две недели спустя, одолев перевал в 60 миль, Конолли достиг берегов Инда. Наутро он переправился через него на пароме. Его одиссея в 4000 миль от Москвы до Индии была завершена.

Одно то, что ему удалось проделать весь этот путь и остаться в живых, было огромным достижением. Другим в этом смысле повезло куда меньше. Но Конолли сделал гораздо больше.

Пройдя по тому самому пути, который, вероятнее всего, изберет русская армия вторжения, он смог прояснить многие вопросы, в ответах на которые нуждались лорд Элленборо и другие ответственные за оборону Индии. Разумеется, наиболее точные и ценные военные и политические наблюдения предназначались только для его начальников. Но кроме этого он написал книгу, в которой рассказал всю историю своих приключений и скитаний. Озаглавленная «Путешествие в Северную Индию сухопутным путем из Британии через Россию, Персию и Афганистан», она была опубликована три года спустя, в 1834 году. В обширном приложении он детально исследовал возможности, открывающиеся перед планируемыми вторжением в Индию русскими генералами, и вероятность их успеха.

Конолли утверждал, что существуют только два возможных пути, которыми может воспользоваться русская армия, достаточно крупная, чтобы иметь шанс на успех. Проще говоря, первый путь включает захват Хивы, марш на Балх, затем преодоление Гиндукуша, как сделал это Александр Македонский, и наступление на Кабул. Оттуда армии предстояло продвигаться через Джелалабад и Хайберский перевал на Пешавар и наконец форсировать Инд возле Аттока. По его мнению, начальная атака на Хиву будет предпринята скорее со стороны Оренбурга, нежели с восточного побережья Каспийского моря. Этот маршрут длиннее, зато лучше обеспечен водой, чем путь через Каракумы. К тому же живущие вдоль него племена подчинить легче, чем опасных туркмен. Более того, добравшись до северного побережья Аральского моря, русские войска на лодках или плотках могут переправиться к устью реки Оксус и затем подняться по ней до Хивы. Захват Хивы и последующее продвижение в Индию представлялось в высшей степени амбициозным предприятием. Состоять оно могло бы из нескольких последовательных кампаний, на проведение которых понадобилось бы от двух до трех лет.

Вторым возможным маршрутом, открытым для русских генералов, мог стать захват Герата и использование его в качестве плацдарма для концентрации войск. Оттуда по тому пути, которым он сам попал в Индию, можно было двинуться через Кандагар и Кветту к Боланскому перевалу. До Герата можно было добраться либо по суше через уступчивую Персию, либо через Каспийское море с выходом на Астрабад. Как только Герат оказался бы в руках русских или был бы захвачен дружественной Персией, армия «могла бы расположиться там на долгие годы, причем любая нужная цель сразу оказалась бы в пределах достижимого». Уже самого ее присутствия могло оказаться достаточным, чтобы взбудоражить народы Индии, облегчив тем самым путь вторжения, так как в этом случае англичане столкнулись бы с атакой изнутри.

Решительно настроенный захватчик мог бы даже использовать оба маршрута одновременно, указывал Конолли. Но какой бы путь он ни избрал, оставалось одно весьма существенное препятствие, способное перечеркнуть все надежды на успех. На любом из маршрутов агрессору предстояло миновать Афганистан. «Афганцы, — писал Конолли, — мало что выиграли бы, если бы русские вошли в их страну, зато им было много чего опасаться». Более того, они фанатично ненавидели персов, от которых в весьма значительной степени зависели русские. «Если афганцы, как нация, — продолжал он, — решат сопротивляться захватчикам, трудности похода легко смогут стать непреодолимыми». Они будут сражаться до последней капли крови, непрерывно атакуя русские колонны из своих горных укрытий, нарушая снабжение продовольствием и перерезая линии связи и маршруты отхода.

Однако если бы среди афганцев продолжился раскол, как было в тот момент, русские получили бы возможность с помощью посулов и обещаний натравить одну группировку на другую. «Поодиночке, — писал Конолли, — лидеры небольших держав не могли бы оказать существенного сопротивления европейскому захватчику, с ними нетрудно справиться, поощряя их амбиции против соперников в родной стране, или выиграть вдвое больше, натравив их на Индию». Потому для интересов Британии было чрезвычайно важным, чтобы Афганистан оказался объединенным под властью сильного единого правителя в Кабуле. «Понадобились бы чрезвычайно большие посулы, чтобы соблазнить правителя отказаться от надежного и выгодного союза с нами, — утверждал Конолли, — и вовлечь его в предприятие, которое, будучи в лучшем случае сомнительным, привело бы к его краху в случае неудачи». А если бы русские сумели выдвинуть предложения, «достаточно заманчивые, чтобы соблазнить

правителя», следовало либо поднять ставки, либо организовать его свержение.

Конолли настоятельно советовал своим начальникам поддержать притязания на престол афганского вождя из Герата Камран Шаха. Можно было только сожалеть о его отвратительном характере, зато у него с англичанами был общий интерес — не дать «житнице Центральной Азии» Герату попасть в руки ни давно претендовавшим на него персам, ни русским. Более того, в Герате ни для кого не было секретом, что Камран весьма заинтересован в союзе с англичанами. «Если в борьбе с персами он останется один, — предупреждал Конолли, — то только вопросом времени станет захват Герата их превосходящими силами, и дорога в Индию будет открыта для русских».

За тот год, что Конолли отсутствовал, в Лондоне и Калькутте продолжали расти подозрения насчет намерений русских. Особенно сетовали на пассивную политику предшествующего правительства консерваторов «ястребы» из кабинета Веллингтона. Их пугало видение разгромленных и подчиненных Санкт-Петербургу Турции и Персии, ставших русскими протекторатами. Лорд Элленборо, которому его друг Веллингтон предоставил в Индии полную свободу рук, все больше убеждался в экспансионистских целях России. Он убежден был, что царь использует какую-нибудь хитрость, чтобы вывести свои армии на дистанцию прямого удара по Индии. По мере того как постепенно слабела Персия, русские расширяли свое влияние и военное присутствие по всей стране. За русскими купцами повсюду следовали русские войска, для которых их защита была только лишь предлогом. Достаточно было нанести на карту успехи в продвижении русских торговых аванпостов, чтобы увидеть линию наступления в сторону Индии. Но Элленборо верил, что в эту игру играют двое и что превосходство английских товаров должно остановить продвижение русских купцов. Это была та самая стратегия, за которую напрасно агитировал своих начальников Муркрофт. Теперь, пять лет спустя, она стала официальной английской политикой.

Муркрофт мечтал увидеть, как Инд используют для доставки британских товаров на север, к границам Центральной Азии, где их караванами можно было перебросить через горы на базары древнего Шелкового пути. Однако к его страстным доводам не прислушались. Теперь, когда эту идею вновь подал сам Элленборо, руководство компании восприняло ее с энтузиазмом. Поскольку сведений о водном пути почти не было, сначала решили его разведать, чтобы убедиться, что он судоходен. Это было куда проще сказать, чем сделать, ведь Инд протекал по обширным территориям, не контролируемым компанией, особенно в Синде на юге и в Пенджабе на севере. Местные правители почти наверняка бы стали возражать. Тогда Элленборо нашел блестящее, хотя и несколько окольное решение.

Правитель Пенджаба Ранжит Сингх совсем недавно прислал британскому королю несколько великолепных кашмирских шалей; возник вопрос, что британский монарх Вильям IV мог бы послать ему в ответ. Совершенно ясно, что служившие любимой забавой стареющего магараджи женщины исключались. Следующим в списке его увлечений были лошади, и у Элленборо родилась идея. Ранжит Сингху следовало подарить пять лошадей. Но это должны были быть не обыкновенные кони. Подарить следовало самых крупных лошадей, когда-либо виденных в Азии — мощных английских тяжеловозов, четырех кобыл и жеребца. Было решено, что они послужат эффектным и впечатляющим подарком для азиатского владыки, только недавно отправившего своего представителя в Санкт-Петербург. Одновременно губернатор Бомбея сэр Джон Малкольм приказал соорудить роскошную парадную карету, чтобы Ранжит Сингх мог запрягать в нее своих огромных лошадей и с комфортом объезжать владения во всем царственном великолепии.

Однако дело было не только в подарке. Было сочтено, что из-за своих размеров, непривычного климата и местности кони, да и парадная карета вряд ли смогут своим ходом одолеть 700 миль до столицы Ранжита Лахора. Кони могут просто не выжить. Вместо этого их предложили доставить по Инду на борту судна. Это давало возможность скрытно провести обследование реки и убедиться, судоходна ли она по крайней мере до Лахора. Для выполнения этой любопытной шпионской миссии был избран молодой младший офицер Александр Бернс, из-за незаурядных способностей недавно переведенный из Первого бомбейского полка легкой кавалерии в элитную индийскую политическую службу. В 25 лет он уже показал себя одним из самых многообещающих молодых офицеров компании. Интеллигентный, находчивый и

бесстрашный, он также был прекрасным лингвистом, бегло говорил на персидском, арабском и хиндустани и еще на нескольких менее известных индийских языках. Несмотря на хрупкое сложение и мягкие манеры, он был чрезвычайно решителен и уверен в себе. Еще он был наделен удивительным обаянием, которое с немалым эффектом испытывал и на европейцах, и на азиатах.

План Элленборо тайно обследовать Инд поначалу не встретил в Индии всеобщей поддержки. Одним из самых строгих его критиков оказался сэр Чарльз Меткалф, член всесильного Высшего совета и бывший секретарь секретного и политического департамента. «План обследования Инда под видом доставки даров Ранжит Сингху является трюком... недостойным нашего правительства, — недовольно брюзжал он. — Англичан и так зачастую несправедливо обвиняют в двуличии, а если затею разоблачат, что весьма вероятно, это только укрепит подозрения местных правителей». Меткалф с Джоном Малкольмом — видные фигуры в Индии — представляли две господствовавшие тогда крайности в подходе к этой проблеме. Меткалф, которому суждено было стать генерал-губернатором Канады, стремился к консолидации земель компании и укреплению их границ, тогда как Малкольм, подобно Элленборо в Лондоне, был убежден в необходимости политики их расширения.

Именно в этот момент правительство Веллингтона ушло в отставку, и Элленборо вместе с ним, и к власти пришли либералы. Опасаясь, — как потом выяснилось, напрасно, — что проект обследования Инда могут отменить, Малкольм настаивал, чтобы лейтенант Бернс отправился как можно скорее. Тот же, будучи большим любителем приключений, не нуждался в напоминаниях. Не теряя времени, 21 января 1831 года он в сопровождении топографа и небольшого эскорта отплыл из Кутча с каретой и пятью лошадьми для Ранжит Сингха.

11. Бернс едет в Бухару

«Увы, Синд теперь потерян, — вздохнул паломник, увидевший проплывающего по Инду лейтенанта Александра Бернса с его отрядом. — Англичане увидели реку, которая станет дорогой к нашему завоеванию». Этот страх эхом откликнулся в словах солдата, сказавшего Бернсу: «Зло свершилось. Вы увидели нашу страну». Как и предупреждал сэр Чарльз Меткалф, ни для кого не осталась секретом реальная цель экспедиции; подозрительные эмиры первыми начали энергично препятствовать проходу по их водам английского судна со странным грузом. В конце концов, однако, запуганные тяжкими последствиями, если они задержат подарки для Ранжит Сингха, и в свою очередь получившие богатые дары, они неохотно согласились позволить Бернсу и его спутникам проследовать дальше. Если не считать нескольких случайных выстрелов, произведенных с берегов реки, с серьезными трудностями отряд Бернса больше не сталкивался, хотя эмиры и настаивали, что не смогут отвечать за их безопасность, когда они будут медленно двигаться к северу.

Продвигаясь, где возможно, по ночам, чтобы избежать возрастающей враждебности местных жителей, Бернс достиг столицы Ранжит Сингха Лахора спустя пять месяцев после того, как они вошли в устье Инда. Помимо составления карты реки, которое включало проведение скрытных промеров ее глубин в мутной от ила воде, своим путешествием они доказали, что система Инда судоходна по крайней мере до этой точки в 700 милях от побережья, пусть даже только для плоскодонных судов, вроде того, на котором они плыли. Значит, при наличии согласия Ранжит Сингха британские товары можно было там разгрузить и по суше доставить в Афганистан, а дальше через Оксус на рынки Туркестана.

Пять лошадей, которые каким-то чудом пережили жару и прочие неудобства длительного путешествия, вызвали целую сенсацию среди придворных, отправленных на границу, чтобы приветствовать прибывших в Пенджаб путников. «Сначала, — отмечал Бернс, — ожидали, что ломовые лошади будут скакать галопом, рысью и выполнять все эволюции, свойственные более подвижным животным». Затем еще большее изумление вызвали их массивные ноги. При этом обнаружилось, что одна их подкова весит в четыре раза больше, чем подкова местной лошади. Бернса спросили, можно ли одну из них послать в Лахор вперед. «Любопытство было тотчас же удовлетворено, — отмечал он, — причем это сопровождалось самым тщательным обмером каждой лошади для специального доклада Ранжит Сингху». Не меньшее восхищение

придворных вызвала обитая синим бархатом карета; запряженная пятью громадными лошадьми («маленькими слонами», как окрестили их местные жители), она двинулась по суше в столицу.

В Лахоре Бернса ждал изумительный прием, Ранжит настолько же стремился сохранить сердечные отношения с англичанами, насколько и они старались удержать могучего соседа-сикха на своей стороне. Дело в том, что его хорошо обученная и прекрасно экипированная армия, как считали в Калькутте, вполне могла сравниться с собственными вооруженными силами компании. Правда, ни одна из сторон не испытывала ни малейшего желания проверить это равенство на деле. Единственной причиной беспокойства в Лондоне и Калькутте было состояние здоровья Ранжита и неизбежная борьба за власть, которая должна была последовать после его смерти. Одной из задач Бернса было доложить о перспективах здоровья правителя и о политических настроениях в стране.

«Мы подошли почти вплотную к стенам города, — писал он позднее, — и вошли в Лахор через дворцовые ворота. Вдоль улиц были выстроены кавалерия, артиллерия и пехота, причем все они салютовали нам, когда мы проходили мимо. Скопление народа было необычайным, главным образом люди заполняли балконы домов и хранили в высшей степени почтительное молчание». Бернса и его спутников затем провели через наружный двор королевского дворца к главному входу в тронный зал. «Когда я нагнулся, чтобы снять башмаки, — сообщал он, — я неожиданно почувствовал, что меня обнимают чьи-то руки, и оказался в объятиях маленького пожилого человека». Тут я, к своему удивлению, понял, что это был сам могущественный Ранжит Сингх, который вышел вперед, чтобы приветствовать своих гостей. Это была беспрецедентная честь. Потом магараджа взял Бернса за руку, ввел его внутрь и усадил в серебряное кресло перед тронном.

Бернс передал Ранжиту Сингху письмо от лорда Элленборо. Запечатанное в конверт из золотой ткани с британским королевским гербом, оно содержало личное послание правителю сикхов от Вильяма IV. Ранжит приказал, чтобы его прочитали вслух. «Король, — писал лорд Элленборо, — лично приказал мне выразить Вашему Величеству искреннее удовлетворение, с которым Его Величество воспринимает глубокое взаимопонимание между британским правительством и Вашим Величеством, которое существует уже столько лет и, даст Бог, продлится навсегда». Ранжит Сингх явно был в восторге и, не дождавшись конца чтения, приказал произвести мощный артиллерийский салют — двадцать один залп из шестидесяти пушек, чтобы о его удовольствии узнали все жители Лахора.

Затем в сопровождении Бернса Ранжит отправился осматривать новую парадную карету и пятерку тяжеловозов, которые терпеливо ждали снаружи на жаре. Явно испытывая от такого исключительного подарка английского монарха огромное удовольствие, он приказал придворным провести перед ним всех лошадей по очереди. Наутро Бернс со спутниками присутствовали на военном параде, где в линию были выстроены пять полков пехоты. Ранжит пригласил Бернса осмотреть его войска, одетые в белую форму с перекрещенными черными ремнями и вооруженные ружьями работы местных мастеров. Потом полки прошли перед гостями Ранжи-та парадным маршем «с точностью и мастерством, — отмечал Бернс, — совершенно не уступающим точности и мастерству наших индийских войск». Ранжит задал ему множество вопросов на военные темы, и в частности спросил, как британские войска действуют против артиллерии.

Всего Бернс и его спутники провели у Ранжита в гостях почти два месяца. Устраивались бесчисленные военные парады, банкеты и прочие развлечения, включая длительные застолья вместе с Ранжитом за поглощением «адского варева» местной перегонки, к которому тот был в высшей степени равнодушен. Выступала также группа из сорока кашмирских танцовщиц, одетых мальчиками, которыми одноглазый правитель (глаз он потерял в результате оспы), видимо, также увлекался. «Это, — доверительно подмигивая, говорил он Бернсу, — еще один из моих полков, но говорят, что это единственный полк, в котором я не могу добиться дисциплины». Когда девушки, одна прекраснее другой, закончили танец, их увезли на слонах — к большому разочарованию молодого Бернса, который также испытывал слабость к местным красоткам.

Оставалось достаточно времени и для серьезного обсуждения политических и торговых вопросов — истиной цели их приезда. На Бернса произвел глубокое впечатление высохший и

морщинистый старый сикх, несмотря на свой небольшой рост и непривлекательную внешность, пользовавшийся почетом и уважением со стороны этих воинственных людей, любой из которых возвышался над ним на две головы. «Природа, — писал Бернс, — в самом деле пожалела для него своих даров. Он потерял один глаз, лицо его было обезображено оспой, рост не превышал пяти футов и трех дюймов». Однако когда он командовал, все вокруг становилось по стойке смирно. «Никто не осмеливался заговорить без его знака, — отмечал Бернс, — хотя толпа в те времена была похожа скорее на базар, чем на двор первого здешнего властелина».

Подобно всем местным правителям, он мог быть беспощадным, хотя и утверждал, что за все время своего долгого правления никогда и никого не отправил на смерть. «Знания и умение примирять, — писал Бернс, — были двумя главными орудиями его дипломатии». Но как долго еще старик останется у власти? «Вполне вероятно, — записывал Бернс, — что деятельность этого вождя близится к концу. Его грудь была узкой, спина — согнутой, ноги — иссохшими». Ему казалось, что ночные пьянки намного превышали силы старика. Однако его любимый алкогольный напиток — «более жгучий, чем самое крепкое бренди» — казалось, не причинял ему никакого вреда. Ранжит Сингх прожил еще восемь лет — к большому облегчению руководителей компании, которые видели в нем жизненно важное звено в обороне внешних границ Индии и мощного союзника против русских захватчиков.

Наконец в августе 1831 года, нагруженные подарками и комплиментами, Бернс и его спутники вернулись на британскую территорию. Сделали они это у Ладхианы, самого передового гарнизона компании в северо-западной Индии. Там у Бернса случилась короткая встреча с человеком, судьба которого оказалась так тесно связанной с его собственной. Афганский правитель в изгнании шах Шуджах мечтал о возвращении утраченного трона и свержения его нынешнего обладателя, ужасного Дост Мохаммеда. На Бернса этот человек меланхолического вида, у которого уже проявлялась склонность к полноте, впечатления не произвел. «Из того, что мне удалось узнать, — писал он, — не похоже, что шах обладает достаточной энергией, чтобы самому отвоевать свой трон в Кабуле». К тому же, как чувствовал Бернс, у него не было ни личных качеств, ни политической проницательности, чтобы объединить такую непокорную нацию, как афганцы.

Неделю спустя Бернс прибыл в летнюю столицу правительства Индии Симлу, где доложил результаты своей миссии генерал-губернатору лорду Вильяму Бентинку. Он доказал, что Инд судоходен для плоскодонных судов, как торговых, так и военных, на север вплоть до Лахора. Результатом этого открытия стало решение разработать план организации судоходства по этому крупному водному пути, чтобы английские товары могли реально конкурировать с русскими в Туркестане и по всей Центральной Азии. Для этого Бентинк поручил Генри Поттинджеру, теперь уже полковнику на политической службе, начать переговоры с эмирами Синда относительно провоза товаров по их территории. С Ранжит Сингхом, как доложил Бернс, проблем не будет. Помимо того что он дружественно настроен по отношению к англичанам, он будет также извлекать выгоду из этой транзитной торговли. Начальники Бернса были в восторге от результатов его первой миссии. Особенно ликовал генерал-губернатор, выбравший лейтенанта по рекомендации сэра Джона Малкольма. Он похвалил Бернса за «усердие, старание и сообразительность», с которыми тот выполнил свою деликатную задачу. В возрасте 26 лет Бернс уже был на пути к вершине своей карьеры.

* * *

Завоевав внимание и доверие генерал-губернатора, Бернс выдвинул собственную идею второй, более претенциозной экспедиции. Предстояло разведать еще не нанесенные на карту пути в Индию к северу от тех, что в прошлом году изучал Артур Конолли. Бернс предложил сначала отправиться в Кабул, где ему хотелось завязать дружеские отношения с самым главным соперником Ранжит Сингха Дост Мохаммедом и одновременно оценить силу и эффективность его вооруженных сил, а также уязвимость его столицы. Из Кабула он намеревался пройти перевалами Гиндукуша, а потом через Оксус до Бухары. Там он надеялся проделать то же, что и в Кабуле, и вернуться в Индию через Каспийское море и Персию с множеством ценной военной и политической разведывательной информации для своих начальников. Идея была необычайно честолюбивой, так как многие до этого уже посещали Кабул или Бухару, но никому еще не удавалось посетить оба города сразу.

Бернс рассчитывал встретить немалое противодействие своим планам, причем не только из-за своего невысокого чина, но и из-за чрезвычайной опасности региона. Поэтому для него стало приятным сюрпризом, когда в декабре 1831 года генерал-губернатор сообщил, что его идея одобрена и он может отправляться в путь. Вскоре Бернсу удалось выяснить причины такого решения. Трудно было выбрать лучшее время для подобных предложений. Новый лондонский кабинет министров либералов во главе с Греем начал, как и консерваторы, испытывать затруднения в связи с растущими как в Европе, так и в Передней Азии силой и влиянием русских. «Правительство Англии, — писал Бернс сестре — напугано намерениями России и хотело бы отправить какого-нибудь умного офицера для сбора информации в странах граничащих с Оксусом и Каспийским морем... и я, ничего об этом не зная, выступил и добровольно предложил именно то чего они хотели».

Он немедленно принялся за разработку планов экспедиции и подобрал подходящих спутников — одного англичанина и двух индусов. Первый был врачом Бенгальской армии Джеймсом Джерардом, офицером, обладавшим вкусом к приключениям и богатым опытом путешествий в Гималаях. Один из индусов был блестяще образованным кашмирцем, которого звали Мохан Лал. Он бегло говорил на нескольких языках, что, несомненно, оказалось бы полезным, если придется столкнуться с восточными тонкостями. Одной из его задач была также запись всей той информации, которую экспедиции удастся собрать Второй индус, которого звали Мохаммед Али, был опытным топографом компании, сопровождал Бернса в поездке по Инду и уже доказал свою полезность. Кроме этих троих Бернс взял своего личного слугу, с которым не расставался почти с самого прибытия в Индию одиннадцать лет назад.

17 марта 1832 года путешественники пересекли Инд возле Аттока, повернулись спинами к Пенджабу, где наслаждались гостеприимством и покровительством Ранжит Сингха и приготовились вступить в Афганистан. «Теперь пришлось избавиться почти от всего нашего имущества, — записал Бернс, — и расстаться с многими привычками и вещами которые стали для нас второй натурой». Они избавились от своей европейской одежды и надели афганскую, обрили головы и покрыли их тюрбанами. Под длинными развевающимися одеждами у них на перевязях висели сабли. Но никто не пытался скрыть, что они европейцы, — только утверждали, что возвращаются домой в Англию сухопутным путем. Их целью было раствориться в общей массе и тем самым не привлекать нежелательного внимания. «Я одобрил это решение, — объяснял Бернс, — так как замаскироваться под местных жителей нечего было и рассчитывать, а также из-за того, что еще ни одному европейцу, когда-либо путешествовавшему в этих краях, не удавалось избежать подозрений и редко кто сумел остаться неразоблаченным».

Он считал, что опаснее всего для них ограбление, так что небольшое достояние экспедиции разделили между ее членами, с тем чтобы те спрятали его на теле. «Письмо о предоставлении кредита в пять тысяч рупий, — писал Бернс, — было прикреплено к моей левой руке так, как азиаты крепят амулеты». Паспорт и рекомендательные письма были таким же образом прикреплены к правой руке, тогда как мешочек с золотыми монетами висел на поясе, надетом под одеждой. Было также решено, что Джерард не станет раздавать бесплатных лекарств — из опасения, что это может создать впечатление об их богатстве. В Афганистане, где каждый мужчина носит оружие и жаждет завладеть собственностью чужестранцев, нельзя было расслабляться ни на миг.

Их предупредили, что если попытаться форсировать Хайберский перевал, то вероятность уцелеть ничтожна. Так что вместо этого они пересекли горы по более длинному и сложному маршруту. Благополучно миновав Джалалабад, они направились на запад в сторону Кабула по главному караванному пути. По пути повсюду вокруг них возвышались заснеженные горы, а вдали можно было разглядеть могучие вершины Гиндукуша. Проблем у них оказалось меньше, чем опасались, и однажды ужасно холодной ночью им даже разрешили переночевать в мечети, хотя местные жители знали, что они неверные. «Не похоже, что у них было хоть малейшее предубеждение против христиан», — писал Бернс, и ни он, ни доктор Джерард не пытались скрывать свое вероисповедание. Тем не менее они постоянно были настороже и старались быть предельно внимательны, чтобы никого не обидеть. «Когда меня спрашивали, ел ли я свинину, — писал Бернс, — я, конечно, содрогался и отвечал, что на такое способны только

мерзкие подонки. Да простит меня Бог! Дело в том, что я очень люблю бекон и у меня буквально текут слюнки, когда я пишу это слово».

В полночь 30 апреля они достигли перевала, ведущего вниз к Кабулу, и на следующий день входили в столицу, прежде всего направившись к таможне. Там их немало встревожил досмотр багажа. Такого они не ожидали, хотя, по счастью, досмотр оказался не слишком тщательным. «Мой секстан и книги, а также флаконы и личные вещи доктора были в беспорядке выложены для осмотра горожанами, — рассказывал Бернс. — Они ничего не повредили, но при виде таких непонятных предметов явно приняли нас за волшебников».

Шесть недель спустя после переправы через Инд они достигли своей первой цели. Именно здесь в твердыне Дост Мохаммеда их миссия начиналась по-настоящему. К тому времени, когда девять месяцев спустя она завершилась, это обеспечило Бернсу столь же шумное признание, как и успехи Лоуренса в Аравии семьдесят пять лет спустя.

* * *

Хотя имя Александра Бернса всегда ассоциировалось с Бухарой, на самом же деле оно принадлежит Кабулу. Ведь именно со столицей Афганистана и его правителем столь фатально переплелась его судьба. В свой первый приезд весной 1832 года он влюбился в этот город, похожий на рай. Его многочисленные сады, изобилующие фруктовыми деревьями и певчими птицами, напомнили ему Англию. «Там были персики, сливы, абрикосы, груши, яблоки, айва, вишни, грецкие орехи, тутовые ягоды, гранаты и виноград, — писал он, — и все это росло в одном саду. Там были также соловьи, черные дрозды, голуби... и почти на каждом дереве сидели болтливые сороки». Бернс был так восхищен пением соловьев, что позднее афганский друг привез ему одного в Индию. Названный «соловьем с тысячью песен», он пел так громко, что его приходилось убирать подальше, чтобы можно было заснуть.

У Бернса с самого начала установились хорошие отношения с Дост Мохаммедом. Англичанин, который придерживался версии, что он возвращается домой через Кабул и Бухару, привез важные рекомендательные письма к афганскому властителю и очень скоро был приглашен в королевский дворец, находившийся внутри Бала Хиссара, мощной крепости, чьи стены возвышались над столицей. В противоположность своему соседу и врагу Ранжит Сингху Дост Мохаммед оказался человеком весьма скромных вкусов и вместе с Бернсом восседал, скрестив ноги, на ковре в комнате, лишенной всякой мебели.

Подобно всем афганским принцам, Дост Мохаммед почти с самого рождения обучался искусству интриг и предательства. Кроме того, он обладал и другими, еще более коварными качествами, унаследованными от матери-персиянки. Все это позволило ему переиграть в борьбе за кабульский трон своих старших братьев, потом последовало изгнание шаха Шуджаха, находившегося теперь в ссылке в Ладхиане. В 1826 году он взшел на трон. Не умея ни читать, ни писать, он немедленно нашел способ возместить этот недостаток и одновременно восстановил порядок и процветание в своих новых владениях. На Бернса и его спутников произвело большое впечатление то, чего он смог добиться за прошедшие шесть лет в столь беспокойной стране.

«Репутация Дост Мохаммеда, — сообщал Бернс, — становилась известной любому путешественнику задолго до того, как он попадал на территорию страны, и никто не мог лучше оценить исключительный характер человека, с которым он сталкивался. Справедливость этого вождя являлась постоянной темой гордости всех слоев общества. Крестьяне радуются отсутствию тирании, горожане — безопасности своих жилищ и строгому соблюдению городских правил, купцы — справедливости его решений и защите их собственности. Властитель, — писал в заключение Бернс, — не может получить более высокой похвалы, чем эта». Но пребывавший в их отряде молодой кашмирец Мохан Лал был не так сильно убежден в добродетельности правителя Афганистана, заметив позднее, что насколько тот «благоразумен и мудр в кабинете и способен командовать на поле боя, настолько же талантлив в искусстве предательства, жестокости, убийства и обмана».

Приветствуя Бернса при первой их встрече, Дост Мохаммед заявил, что хотя не был знаком с англичанами, но слышал, как другие хорошо отзывались о них обоих и об их нации. В

неуемной жажде знаний о внешнем мире и о том, как там идут дела, он буквально засыпал Бернса дождем вопросов. Он хотел знать о Европе все: и сколько там существует держав, и как они предотвращают попытки соседних государств их захватить. Вопросов было так много и таких разных, что Бернс вскоре перестал понимать логику их последовательности. Они касались законов, сбора налогов. Европейских способов набора в армию (он слышал, что русские используют воинскую повинность) и даже детских приютов. Еще он хотел знать, существуют ли у англичан какие-то планы относительно Афганистана, причем, спрашивая об этом, заглядывал Бернсу в глаза. Зная о том, что Ранжит Сингх использует для обучения и модернизации своей армии европейских офицеров, он даже предложил Бернсу, про которого знал, что тот является офицером компании, возглавить его армию. «Двенадцать тысяч лошадей и двадцать орудий будут в вашем распоряжении», — пообещал он и, когда Бернс вежливо отклонил такую честь, попросил рекомендовать вместо себя другого офицера.

Дост Мохаммед не пытался скрывать свое недовольство могущественным и невежественным соседом-сикхом и спросил Бернса, не понадобится ли англичанам его помощь, чтобы свергнуть того с трона. Предложение было крайне неудобным, так как удаление дружественно настроенного Ранжита было последним, чего желали бы в Лондоне или Калькутте. Там источником беспокойства были не сикхи, а неуправляемые афганцы. Ведь всего семьдесят пять лет назад они лавиной обрушились с Хайберского перевала, захватили Дели, а потом с триумфом вернулись домой, увозя с собой все сокровища, которые сумели унести. Поблагодарив Дост Мохаммеда за его предложение, Бернс заметил, что его правительство заключило с Ранжитом долгосрочный договор и не может себе позволить плохих отношений со столь могущественным соседом. Как политик, Бернс знал, что в действительности Калькутта нуждалась в том, чтобы на ее наиболее уязвимой границе находились не два враждующих соперника, а два сильных и стабильных, дружественно настроенных к Англии союзника, способных служить щитом против вторжения. Однако его послали для того, чтобы доложить о настроениях этих правителей, а не для того, чтобы их мирить. Это пришло бы позднее, когда бы возник очень трудный вопрос, кого из нескольких соперников, претендующих на трон объединенного Афганистана, должна поддержать Британия. Конолли выступал в поддержку Камран Шаха, возможно, только потому, что считал жизненно важным удержать Герат от захвата персами (а в результате, возможно, и русскими). Нет сомнений, что и у Бернса было совершенно твердое мнение относительно его кандидата. Он считал, что Британия должна поддержать Дост Мохаммеда и помочь ему удержаться на троне, так как он единственный человек, способный объединить этот воинственный народ.

Бернс и его команда с превеликим удовольствием остались бы в этом изумительном городе подольше, распивая чай и болтая со своими афганскими друзьями, но их ждало путешествие в Бухару. После последней встречи с Дост Мохаммедом, затянувшейся далеко за полночь, они двинулись на север в сторону перевалов Гиндукуша, за которыми лежал Балх, затем Оксус и наконец Бухара. Как только они покинули земли Дост Мохаммеда, начался самый опасный участок их путешествия, и теперь у них не выходила из головы судьба, всего семь лет назад постигшая Муркрофта и его двух спутников. Когда они достигли когда-то великого, но к тому времени обратившегося в руины города Балха, то решили обязательно найти одинокие могилы этих людей, чтобы отдать им дань своего личного уважения.

Первой в нескольких милях от деревни нашли могилу Джорджа Требека, умершего последним из команды Муркрофта. Она находилась под тутовым деревом, и на ней не было никакой надписи. «Похоронив двоих своих европейских товарищей по путешествию, — писал Бернс, — он постепенно слабел и после четырех месяцев страданий скончался в далекой стране, без друзей, без помощи, без утешения». Наконец они нашли могилы Муркрофта и Гутри, похороненных рядом возле глинобитной стены за пределами Балха. Так как они были христианами, местные жители настояли, чтобы на их могилах не было никакого памятника. Стояла ясная лунная ночь, Бернс печально смотрел на могилу. Ведь он, как и другие участники Большой Игры, глубоко уважал Муркрофта. «Невозможно было видеть эту мрачную ночную сцену без меланхолических размышлений, — писал он. — Все участники экспедиции, похороненные в двенадцати милях друг от друга, были небольшим утешением для нас, следовавших той же дорогой и почти по тем же мотивам».

Но у них было слишком мало времени, чтобы предаваться столь мрачным размышлениям. Затем они благополучно достигли Оксуса; там предстояло провести важные и скрытные исследования этой крупной реки, так как давно уже существовали опасения, что однажды русские силы вторжения смогут подняться по ней от Аральского моря до Балха. В своей опубликованной книге Бернс не особенно много рассказывает, что они делали пять дней своего пребывания в этом регионе, вместо этого расписывая поиски монет и античных ценностей, которыми они занимались в развалинах древнего Балха. Только когда читаешь секретные отчеты Бернса его шефам, иссохшие листы которых сейчас хранятся в архивах Лондонской Индийской библиотеки, понимаешь, какую большую работу они проделали, разузнавая о перспективах судоходства по реке, возможностях получения в этом регионе продовольствия и других припасов и о других стратегических данных. Эта часть задачи была выполнена, и теперь они приступили к финальной стадии своего путешествия, страшному десятидневному переходу через пустыню до Бухары. Для этого они присоединились к большому, хорошо вооруженному каравану. Хотя сейчас они номинально находились на землях, контролируемых эмиром Бухары, но понимали, что существует реальная опасность попасть в руки туркменских работорговцев и окончить свои дни в кандалах на площади городского рынка. Однако, если не считать таинственной лихорадки, которой переболели Бернс и его спутники, что напомнило им о печальной судьбе их предшественников, путешествие прошло без неприятностей.

Когда они приблизились к Бухаре, Бернс сочинил исполненное восточной лести письмо, которое послал впереди себя Куш Беги, или Великому Визирю. В письме он сообщал о своем желании увидеть легендарные неземные красоты священного города. Щедрое использование в письме таких эпитетов по адресу визиря, как «Башня ислама» или «Драгоценный камень веры», явно доставило удовольствие адресату, поскольку посланец вскоре вернулся и сообщил, что их приглашают посетить Бухару. Так что 27 июня 1832 года все еще не оправившиеся после болезни Бернс и Джерард вместе со своими спутниками из местных наконец-то миновали главные городские ворота. Это случилось точно шесть месяцев спустя после отъезда из Дели. Позднее в тот же самый день Бернса вызвали к Великому Визирю во дворец эмира в знаменитом бухарском Арке — крепости, расположенной в двух милях от того места, где их поселили. Переодевшись в местные одежды, Бернс отправился туда пешком, так как в священном городе всем, кроме мусульман, категорически запрещалось ездить верхом. Он отправился один, так как Джерард был все еще слишком слаб, чтобы его сопровождать.

Беседа с Куш Беги — иссохшим стариком с маленькими лукавыми глазками и длинной седой бородой — началась с расспросов и продолжалась два часа. Сначала визирь захотел узнать, что привело Бернса и его спутников в страну, лежащую так далеко от их собственной. Бернс, как обычно, объяснил, что они возвращаются в Англию сухопутным путем и хотели бы познакомиться с прославленными по всему Востоку красотами Бухары, а потом рассказать о них на родине. «А чем, — задал следующий вопрос визирь, — вы занимаетесь?» Бернс немного поколебался, перед тем как признаться, что он — офицер индийской армии. Но беспокоиться нужды не было, казалось, эта новость ни в малейшей мере не взволновала Куш Беги. Похоже, его куда больше интересовали религиозные убеждения Бернса, так как сначала он спросил, верит ли тот в Бога, а потом — не поклоняется ли он идолам. Последнее предположение Бернс самым решительным образом отверг, после чего визирь предложил ему обнажить грудь, чтобы показать, что он не носит креста. Когда стало ясно, что креста на Вернее нет, визирь одобрительно произнес: «Вы — люди Библии. Вы лучше русских». Затем он спросил, ел ли Бернс свинину. Бернс знал, что на этот вопрос следует отвечать с величайшей осторожностью. «Некоторые у нас ее едят, — признал он, — но по большей части бедняки». — «И на что же, — поинтересовался собеседник, — она похожа по вкусу?» Но к такому вопросу Бернс был готов. «Я слышал, — ответил он, — что она похожа на говядину».

Как у Бернса неизменно получалось с азиатами, очень скоро он уже нашел общий язык с визирем, для которого оказался подлинным источником необычайно интересной информации о сложном внешнем мире. Эта дружба стоила ему одного из двух его компасов, хотя этот подарок предоставил ему и его спутникам возможность свободно передвигаться по своему усмотрению по городу и наблюдать за его повседневной жизнью. Они увидели мрачный минарет, с которого сбрасывали преступников и те разбивались насмерть, посетили площадь перед Арком, где

обезглавливали с помощью огромного меча. Бернс пошел взглянуть на работорговый рынок и после этого записал: «Там выставлены на продажу бедные и несчастные люди, причем их будто скот втиснули в тридцать или сорок стойл». В то утро на продажу выставлялось только шесть человек, и русских среди них не было. «Все чувства европейца, — добавлял он, — восстают при виде этой отвратительной торговли», которую жители Бухары защищают на том основании, что с рабами хорошо обращаются и что очень часто им здесь лучше, чем в их собственной стране.

Бернсу осторожно дали знать, что с ним хотел бы встретиться один из русских рабов, которых насчитывалось в Бухаре около 130 человек. Вскоре после этого однажды ночью в их дом проскользнул человек явно европейского происхождения и страстно бросился к ногам Бернса. Он рассказал им, что десятилетним мальчиком был захвачен туркменскими работорговцами, когда заснул на одном из русских передовых постов. Теперь он пребывал в рабстве уже пятнадцать лет и работал на своего хозяина плотником. Он рассказал, что к нему хорошо относятся и позволяют ему ходить, куда он хочет. Но из благоразумия он сделал вид, что принял ислам, хотя тайно («И здесь, — заметил Бернс, — бедняга перекрестился») он все еще остается христианином. «Ведь я живу среди людей, — объяснил он, — которые всем сердцем ненавидят любого, исповедующего эту веру». Разделив с англичанами трапезу, перед уходом он сказал: «Может, я и должен был бы выглядеть счастливым, но при мыслях о родине у меня щемит сердце. Если бы хоть раз ее увидеть, можно и спокойно помереть».

Они провели в Бухаре около месяца, прежде чем закончили с делами. Бернс надеялся добраться до Хивы, а оттуда вернуться домой через Персию. Однако Куш Беги настрого предостерег его насчет попытки добраться до Хивы, сообщив, что в прилегающем регионе беспокойно и слишком опасно. В конце концов Бернс решил забыть про Хиву и отправиться прямо в Персию через Мерв и Астрабад. Он сумел получить от визиря фирман с личной печатью эмира; всем официальным лицам Бухары предписывалось помогать его экспедиции любыми возможными способами. Однако визирь предупредил Бернса, что как только они уйдут за пределы владений эмира, то окажутся в чрезвычайно опасном районе, где вплоть до самой Персии никому доверять нельзя. По причинам, которых он не объяснил, визирь не позволил им встретиться с самим эмиром, хотя, возможно, это было сделано в их собственных интересах. Ведь на троне Бухары недавно воцарился человек, жестоко казнивший двух прибывших после них британских офицеров. И наконец Куш Беги, так хорошо принявший Бернса, попрощался с ними и просил молиться за него, когда они благополучно достигнут отчизны, «так как я человек уже старый». О, да, и еще одно. Если Бернс когда-нибудь опять вернется в Бухару, не будет он так добр привезти ему пару хороших английских очков?

* * *

После целой серии приключений и несчастий, слишком многочисленных, чтобы их тут перечислять, Бернс и его команда 18 января 1833 года вернулись в Бомбей морем из Персидского залива. Там они узнали, что за тринадцать месяцев их отсутствия повсюду произошло множество самых разных событий, что привело к дальнейшему резкому ухудшению англо-русских отношений. 20 февраля, как раз в тот момент, когда Бернс прибыл в Калькутту, чтобы доложить генерал-губернатору о результатах своей поездки по Центральной Азии, крупное соединение русских военных кораблей бросило якорь возле Константинополя, что вызвало большое беспокойство как в Лондоне, так и в Индии. Это был финальный аккорд в цепи начавшихся в 1831 году событий. Затем последовало восстание против правления султана в Египте, тогда номинально являвшемся частью Оттоманской империи. Поначалу казалось, что восстание — событие сугубо местное, хотя очень скоро оно начало представлять серьезную угрозу. Человеком, стоявшим за этим восстанием, был один из вассалов султана, правитель Египта Мохаммед Али, албанец по происхождению. Захватив сначала с помощью своей мощной армии Дамаск и Алеппо, теперь он начал продвигаться в Анатолию и готовился дойти до Константинополя и низвергнуть султана с его трона. Тот отчаянно призывал на помощь Британию, но министр иностранных дел лорд Пальмерстон колебался, не желая действовать в одиночку.

Но если Британия тянула с ответом на мольбы султана то царь Николай медлить не стал. Он не испытывал ни малейшего желания увидеть вместо нынешнего покладистого правителя представителя новой агрессивной династии Царь немедленно отправил в Константинополь Николая Муравьева (тот отличился в Хиве и уже успел стать генералом), чтобы предложить султану защиту от наступавшей армии Мохаммеда Али. Сначала султан колебался, так как все еще надеялся получить помощь от англичан, которым отдавал предпочтение. Хотя Лондон продолжал бездействовать, Пальмерстон был уверен, что Санкт-Петербург, официально являвшийся союзником Великобритании, никогда не станет действовать в одностороннем порядке. Но в конце концов, в ответ на настоятельные просьбы своих заместителей, расценивавших нынешний кризис как угрозу интересам Британии на Ближнем Востоке, не говоря уже об аналогичной угрозе для Индии, он позволил себя убедить, хотя по-прежнему предпочитал интервенции переговоры. Нет нужды говорить что его решение запоздало. Поскольку войска Мохаммеда Али, сметая все на своем пути, прокладывали себе путь через Анатолию к Константинополю, у султана не оставалось другого выбора, кроме как с благодарностью принять предложение Николая о немедленной помощи.

Когда это произошло, русский флот прибыл в Константинополь как раз вовремя, ведь восставшим оставалось до города меньше 200 миль. Но теперь трон султана был спасен. Понимая, что им не справиться с русскими и турками, войска Мохаммеда Али остановились, и было заключено соответствующее соглашение. Нерешительность англичан позволила Санкт-Петербургу наконец осуществить его вековую мечту и высадить в Константинополе войска. Когда известие о последнем маневре русских достигло Калькутты, там его сразу расценили как часть большого проекта, конечной целью которого станет Индия. Казалось, все куски головоломки самым зловещим образом становятся на место. Теперь уже людей вроде Вильсона, Муркрофта, Киннейра и де Ласи Эванса не называли паникерами. Таково было настроение, когда Бернс прибыл в Калькутту. Едва ли он смог бы выбрать для своего появления лучший момент. Большая Игра становилась все интенсивнее.

После того как Бернс представил доклад генерал-губернатору лорду Вильяму Бентинку, ему приказали немедленно отправляться морем в Англию, чтобы кратко изложить кабинету министров, контрольному совету и другим высшим официальным лицам ситуацию в Центральной Азии и вероятность русской угрозы для Индии. Оказанный ему прием был совершенно немислим для юного младшего офицера, а его кульминацией стала частная аудиенция у короля, который, как и все прочие, хотел услышать рассказ Бернса из первых уст. Бернс неожиданно стал героем. Продвинулся он и в профессиональном смысле. Кроме присвоения чина капитана, за замечательное путешествие его наградили столь желанной Золотой медалью Королевского Географического общества. Еще его пригласили присоединиться к Атенеуму — святая святых английской литературной и научной элиты, причем без предварительного прохождения процедуры выборов. Хозяйки светских салонов и потенциальные тещи объединились в погоне за энергичным и франтоватым молодым офицером.

Ведущий издатель того времени Джон Мюррей поспешил приобрести записки Бернса о его путешествии. Книга, озаглавленная «Путешествия в Бухару», столь стремительно была отправлена в печать, что опередила книгу Артура Конолли, которая вышла только несколько месяцев спустя, и долго откладывавшуюся посмертную книгу Муркрофта, опубликованную только спустя семь лет. Таким образом, изданная в трех томах эпопея Бернса впервые познакомила читателя с романтической и таинственной Центральной Азией. Она сразу стала бестселлером, в первый же день было продано 900 экземпляров — для того времени очень много. К сожалению, находившийся слишком далеко, в Индии, доктор Джерард не смог насладиться столь шумным успехом. Его здоровье было подорвано болезнью, которая обрушилась на него и спутников во время последнего перехода до Бухары, и через два года он скончался.

Тем не менее в этом хоре похвал Бернс не терял из виду настоящую цель их путешествия. В дополнение к своей книге, которая была написана главным образом во время морского путешествия домой, он составил для своих шефов два секретных доклада: один военный, а второй — политический и еще два не столь важных — по топографии и по экономическим

перспективам региона. В военном докладе он утверждал, что переход Кабула в руки русских будет столь же опасен, как и переход Герата. Вражеская армия может попасть туда из Балха через месяц. Перевалы Гиндукуша, где насмерть замерзло так много солдат Александра Македонского, не представляют серьезных трудностей для современной хорошо экипированной армии. Афганцы, показавшие себя в племенных войнах жестокими и смелыми бойцами, не смогут противостоять решительно настроенной русской армии и защитить Кабул. Как только захватчик овладеет Кабулом, у него практически не останется серьезных преград для продвижения в Индию, так как перед ним откроется сразу несколько возможных путей для решения этой задачи.

Что же касается захвата Балха, то для этого войска можно доставить вверх по Оксусу на баржах, буксируемых лошадьми, — «как по каналу». Река, как они со спутниками убедились, до этого места вполне судоходна. Берега у нее низкие и твердые, а лошадей в этом регионе превеликое множество. Артиллерию также можно либо провезти на баржах по реке, либо протащить по берегу реки. Если силы вторжения начнут свой поход из Оренбурга, а не с восточного побережья Каспийского моря, то у них даже не будет нужды предварительно захватывать Хиву. Бухару тоже можно будет оставить в стороне, если предварительно удастся склонить к сотрудничеству их правителей, хотя оба оазиса являются ценными источниками продовольствия и других припасов. Из-за опасности, которая может возникнуть в случае перехода Кабула в руки русских, Бернс настаивал, что в притязаниях на трон объединенного Афганистана англичане должны поддержать Доста Мохаммеда, а не Камран Шаха. Бернс доказал, что наступление русских на Кабул может пройти достаточно легко; и, в отличие от Вильсона, Киннейра или де Ласи Эванса он побывал там сам.

Горя желанием вернуться в регион, который принес ему такую неожиданную славу, Бернс теперь яростно добивался в кулуарах власти разрешения создать в Кабуле постоянную миссию. Помимо поддержания тесных и дружеских связей с Дост Мохаммедом и пристального наблюдения за передвижениями русских к югу от Оксуса, ее задачей стало бы обеспечить господство на рынках Афганистана и Туркестана английских, а не русских товаров. Если компания сможет полностью использовать преимущества маршрута по Инду, судоходность которого он доказал, тогда английские товары, будучи дешевле и лучше, наверняка вытеснят аналогичные товары из России. Сначала предложения Бернса о создании английской торговой миссии в Кабуле (хотя и со значительным политическим подтекстом) были его шефами отвергнуты: опасались, что она, как кто-то сформулировал, может «выродиться в политическое агентство». Однако вновь назначенный генерал-губернатор лорд Окленд полагал иначе, и 26 ноября 1836 года Бернса снова направили в Кабул.

Как и его прежний визит к Дост Мохаммеду и месяц, проведенный в Бухаре, это обстоятельство не осталось незамеченным в Санкт-Петербурге. Русские давно со все возрастающим раздражением внимательно следили за передвижениями английских путешественников по Центральной Азии. Не только их собственные товары начинали страдать от растущей конкуренции со стороны британских, но, оказалось, стало нарастать и политическое соперничество. Теперь Большая Игра уже не ограничивалась халифатами Центральной Азии. Она распространилась и на Кавказ, который русские до сих пор считали своей собственностью. Из Черкессии, расположенной на северо-восточном берегу Черного моря, в Санкт-Петербург стали приходить донесения о том, что с проживающими там племенами работают британские агенты, снабжают их оружием и побуждают сопротивляться неверным, которые идут, чтобы захватить их земли.

12. Величайшая в мире крепость

Хотя в то время большая часть Кавказского региона, включая Грузию и Армению, прочно находилась в руках Николая и была официально включена в состав Российской империи, в горах на севере продолжалось ожесточенное сопротивление мусульманских племен. Предстояло еще покорить две главных области — Черкессию на западе и Дагестан на востоке. Не воюя более с турками или персами, русские генералы теперь бросили всю силы на покорение воинственных жителей двух этих оплотов сопротивления. Это заняло гораздо

больше времени, чем они рассчитывали, так как местные командиры демонстрировали блестящие способности к ведению войны в горах и лесах. А кроме того, у них нашелся неожиданный союзник.

Дэвиду Уркварту тогда было 28 лет. В результате опыта, приобретенного им в ходе войны греков за независимость, где он участвовал как доброволец, Уркварт стал испытывать горячие симпатии к туркам. В 1827 году он вместе с восемьюдесятью другими англичанами отправился в Грецию, чтобы помочь изгнать турок, но вскоре обнаружил, что лишился всяких иллюзий по поводу греков. Его вновь обретенная привязанность к туркам, чьей храбростью и прочими качествами он искренне восхищался, привела к тому, что он стал испытывать столь же страстную антипатию к их старым врагам — русским. Уркварт получил образование во французской военной академии и в Оксфорде. Он обладал блестящим талантом пропагандиста, который теперь направил против Санкт-Петербурга. Вскоре он стал ведущим английским русофобом. В качестве дополнительного преимущества он использовал наличие друзей в высших сферах общественной жизни, включая самого короля. В результате правительство пользовалось его услугами в целом ряде секретных дипломатических миссий на Ближнем Востоке. В ходе одной из них, оказавшись в Константинополе, он увлекся черкесскими делами.

Незадолго до того исчезла угроза султанскому трону со стороны Мохаммеда Али, и русские неохотно согласились вывести из Константинополя свои войска, хотя прежде попытались заставить турок дорого заплатить за свои услуги. По условиям договора, подписанного летом 1833 года, Турция превращалась — по крайней мере в глазах Уркварта и его друзей-руссофобов — в нечто большее, чем простой протекторат царя. К беспокойству Лондона, вскоре обнаружилось что согласно секретному приложению турки должны были, если русские того потребуют, закрыть Дарданеллы для всех иностранных военных кораблей, исключая русские. Таким образом, в случае войны русские обладали для своего мощного Черноморского флота исключительным правом прохода через турецкие проливы.

Британский министр иностранных дел Пальмерстон был взбешен этим обстоятельством и направил в Санкт-Петербург энергичный протест. Теперь он задумался, не лучше ли иметь на турецком троне грозного Мохаммеда Али, который начал попытки установить дружеские отношения с Англией, нежели бездеятельного и вялого султана. Его настроение не улучшилось, когда пришел ответ русских на его протест. В нем говорилось, что они просто сделали то, что Британия давно хотела сделать, но не смогла. Пальмерстон отверг ответ как «легкомысленный и оскорбительный», хотя знал, что он был до неприличия близок к правде. Однако это отнюдь не поправило стремительно ухудшавшихся отношений между двумя державами.

Новости о том, что Санкт-Петербург значительно увеличивает свой флот, подтвердили усиление честолюбивых долгосрочных замыслов русских, и Британский королевский флот также стал расти, чтобы иметь возможность противостоять этому вызову. Триумфальные победы русских над турками и персами в 1828 и 1829 годах и секретное соглашение по Дарданеллам делали ситуацию угрожающей. В такой атмосфере почти все, даже самый тривиальный факт, служило делу руссофобов.

Таковы были общие настроения, когда Дэвид Уркварт взялся защищать права черкесов. Сначала он установил контакты с их вождями во время пребывания в Константинополе в 1834 году, а потом совершил тайную поездку по их горным крепостям, причем оказался там первым из своих соотечественников. Черкесские вожди, люди бесстрашные, но простодушные, были глубоко поражены визитом посетителя из огромного внешнего мира, который говорил от имени — как они в этом убедились — такой могущественной державы, как Британия. Он весьма приободрил их и дал ряд советов, а они стали просить его остаться и возглавить борьбу против русских. Уркварт, однако, отказался, указав, что будет гораздо полезней им в Лондоне. Домой он вернулся убежденным, что моральный долг Британии заключается в том, чтобы предотвратить покорение русскими этого маленького горского народа, который никому ничем не угрожал и так напомнил ему его родную Шотландию. В значительной степени в собственных интересах Британии было помочь кавказским племенам выбить русских с этого жизненно важного плацдарма, с которого могли подвергнуться вторжению Турция, Персия и, возможно, даже Индия. Не просто же так один русский генерал описал Кавказ как «величайшую в мире крепость».

Уркварт сдержал слово, данное друзьям, и с его пера стал слетать поток статей, памфлетов и репортажей, пропагандируя их дело и всячески проклиная русских. На следующий год он опубликовал книгу «Британия и Россия», в которой предупреждал об экспансионистских целях России на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Он предсказывал, что первой будет проглочена Турция. «Вся Оттоманская империя немедленно перейдет от нас к ней, к тому времени она станет нашим явным врагом, — писал Уркварт. — Вооруженные силы, оружие, границы, крепости, сокровища и флот Турции, сейчас призванные действовать против России, станут действовать против нас — вымуштрованные, объединенные и направляемые ею. Поглотив Турцию, Россия затем поработит Персию. Персы, народ многочисленный, терпеливый и воинственный, будут Россией обучены и направлены без каких-либо проблем и больших затрат». Уркварт нимало не сомневался, против кого они будут направлены. Склонных к грабегам персов не придется долго уговаривать, если пообещать им в качестве трофеев баснословные сокровища Индии.

Россия, писал он в заключение, «выбирает свой момент... она не может просчитаться и упустить такой момент, как этот. На этом сосредоточены весь ее ум, энергия и ресурсы. Она начнет свое наступление только тогда, когда будет полностью уверена в успехе». Ни одна из этих мыслей не была полностью оригинальной. Первым, кто задумался о призраке Оттоманской империи, захваченной русской армией, был сэр Роберт Вильсон, тогда как мысль об использовании Санкт-Петербургом для вторжения в Индию персов высказана Киннейром за семнадцать лет до этого. Но с тех пор многое изменилось. Предупреждение Уркварта пришлось на тот момент, когда складывалось впечатление, что Россия снова пришла в движение. Дополнительно к увеличению своих флотов русские значительно усилили свое присутствие на Кавказе — плацдарме, с которого почти наверняка можно было начать любое дальнейшее продвижение в Турцию или Персию. Теперь, когда русофобия достигла небывало высокого уровня, Уркварт не испытывал недостатка в охотных слушателях.

Нет ничего удивительного, что имея столь влиятельных друзей, как Вильям IV, турецкий султан и лорд Понсонби, в то время посол Британии в Турции, Уркварт был в 1836 году назначен в турецкую столицу первым секретарем британского посольства. Но Уркварт был не тот человек, чтобы позволить своим новым дипломатическим обязанностям отвлечь его либо от его русофобской деятельности, либо от поддержки дела Черкессии. Именно к тому периоду, когда он служил в Константинополе, относится знаменитое тогда, но давно уже забытое дело судна «Виксен» (лисица. — *Прим. пер.*). В это время, хотя Черкессия была еще далеко не покорена, русские объявили ее своей суверенной территорией, полученной от Турции по мирному договору. Под предлогом изоляции региона в связи со вспышкой чумы они ввели на Черном море строгую блокаду своей береговой линии.

Британия не признала этого заявления, но правительство не чувствовало себя достаточно сильным, чтобы открыто бросить России вызов. Уркварт был взбешен тем, что рассматривал как уступку Пальмерстона усилиям Санкт-Петербурга по покорению храбрых черкесов, а также его слабохарактерностью. Ведь он не выступил против блокады, целью которой было воспрепятствовать поставкам на Кавказ британских товаров, а возможно, и оружия. Чтобы найти выход, Уркварт убедил некую английскую судоходную компанию послать одно из своих судов — «Виксен» с грузом соли из Константинополя в порт Суджук Кале в северной части черкесского побережья. Это была преднамеренная провокация, направленная на то, чтобы выяснить, как далеко готовы зайти русские в утверждении своих притязаний на Черкессию. Уркварт надеялся, что если судно перехватят, это воспламенит общественное мнение на родине и заставит правительство предпринять против русских прямые действия по защите своего торгового флота. Это потребует отправить в Черное море британские военные корабли и одновременно поставит под вопрос новое секретное русско-турецкое соглашение о Дарданеллах. Если же, с другой стороны, русским захватить «Виксен» не удастся, это покажет, что их можно заставить отступить, если действовать достаточно решительно. Заодно это покажет, что можно продолжить военные поставки осажденным черкесам.

В ноябре 1836 года «Виксен» покинул Константинополь и направился через Черное море на восток. Едва ли его выход в море остался незамеченным Санкт-Петербургом: друзья Уркварта в газетах позаботились о том, чтобы оно получило самое широкое освещение в

прессе. Уркварт, как и его друзья-заговорщики, явно надеялся, что судно перехватят. Они верили, что теперь остановить возвышение России можно, только раскрыв карты и Лондона, и Санкт-Петербурга. Поначалу события развивались блестяще: после двух дней торговли в порту Суджук Кале командир русского брига арестовал судно. Новости о его захвате были должным образом переправлены в Лондон корреспондентами английских газет, по большей части работавшими в Константинополе друзьями Уркварта. Как и ожидалось, новости вызвали глубокое возмущение прессы и общественного мнения, хотя мало кто из англичан имел хоть малейшее представление о том, где находится Черкессия. Антирусские газеты, временно лишенные материалов, как и предсказывалось, проглотили наживку Уркварта. Пока «Таймс» ругала правительство за то, что оно позволяет русским «насмехаться над малодушием Англии», «Эдинбург Ревю» исследовала более широкие последствия кризиса. «Когда черкесы будут побеждены, — заявляла газета, — Кавказ будет открыт, и Персия окажется предоставленной милости Санкт-Петербурга... В результате мы увидим, как границы России одним махом придвинутся на 1200 миль к нашим индийским границам».

Пальмерстон сам не в меньшей мере был взбешен незаконным захватом английского судна; началась резкая переписка с Санкт-Петербургом. Министра иностранных дел в равной степени раздражали и Уркварт, и его друзья-руссофобы, которые, по его убеждению, за всем этим стояли. Он пытался заблокировать назначение Уркварта в Константинополь, но ни для кого не было тайной, что это назначение одобрил король, и коллеги по кабинету министров Пальмерстона не поддержали. Однако, убежденный в своей правоте, он немедленно постарался сделать так, чтобы нарушителя отозвали в Лондон прежде, чем он нанесет еще больший ущерб англо-русским отношениям. В то же время в турецкой столице Уркварт и его друзья с нетерпением ждали реакции английского правительства на арест и конфискацию «Виксена».

Примерно в это же время русские начали утверждать, что английские агенты работают среди черкесов, снабжают их оружием, служат советниками и поощряют к сопротивлению. В самом деле, они заявили, что помимо груза соли на «Виксене» было найдено оружие, предназначенное для мятежников. Русские были настолько встревожены возможным влиянием этого на ход войны, что их командующий опубликовал предупреждение черкесам, укрывающим иностранцев в своих горных гнездах. «Находящиеся среди вас англичане, — заявлял он, — просто беспринципные авантюристы. Они пришли не для того, чтобы помочь делу черкесов, а чтобы присоединить Черкессию к Британии. Поэтому их следует схватить и уничтожить. У самих же черкесов, — говорил он, — должно быть достаточно мудрости, чтобы сложить оружие, ведь не было еще страны, которая ввязалась бы в войну с Россией и победила. Разве вы не знаете, — спрашивал он, — что если небеса рухнут на землю, то русские смогут поднять их на своих штыках? Для кавказских племен будет гораздо лучше, если ими станет править царь, а не английский король. Но если они станут слушать англичан и продолжают сопротивление, то не вина русских, если их долины и дома будут преданы огню и мечу, их горы растоптаны в пыль».

Как смогли убедиться русские в течение следующей четверти столетия или даже больше, чтобы запугать черкесов, одних помпезных речей было мало. Они еще долго продолжали сопротивляться, даже когда прочие кавказские народы покорились. Но в одном генерал был прав. В самом деле, в тот момент среди черкесов действительно находились англичане. Один из них, Джеймс Лонгуорт, специальный корреспондент сочувствовавшей делу черкесов газеты «Таймс», приехал специально для того, чтобы увидеть, как они преуспевают против русских в борьбе Давида с Голиафом. Его товарищ Джеймс Белл также симпатизировал черкесам. Это именно он, пусть даже неразумно, арендовал «Виксен», чтобы поддержать дело черкесов. Поддержанный Урквартом, он, подобно Лонгуорту, принял русский вызов, чтобы стать свидетелем этой войны и попытаться удержать ее в заголовках газет на родине. Разумеется, он беспокоился за судьбу своего судна и груза и пытался найти их следы.

За месяцы, проведенные с муджахеддинами под самым носом у русских, эти двое смогли убедиться в исключительном благоговении, испытываемом черкесами по отношению к «Дауд Бею», как они именовали Дэвида Уркварта. Когда более двух лет назад тот высадился на их берег, он нашел их разделенными и дезорганизованными. Чтобы организовать и координировать их сопротивление, он немедленно занялся созданием центрального

командования. Он же написал для них декларацию независимости, которая, как он заверил, была широко опубликована в Европе. Со своей стороны, дожидаясь со своими хозяевами новостей по поводу ответа британского правительства на захват «Виксена» и заявления Санкт-Петербурга о присоединении Черкессии, Лонгуорт и Белл могли предложить черкесам поддержку и советы. В то же время они имели возможность наблюдать некоторые бои, и Лонгуорт писал о них в свою газету, помогая таким образом удерживать внимание общественности к делу черкесов.

Сначала, пока бои шли в приграничной зоне, русские попытались сломить сопротивление, используя свою казачью кавалерию. Но имея за спиной опыт столетий войн в горах и лесах, а также прекрасно зная местность, черкесы показали себя более чем равными противниками русских. Они были лучше обеспечены и вооружены, чем казаки, и почти столь же опытные и безжалостны в бою. В результате русским командирам вновь пришлось задуматься. Следующим их шагом стало использование пехоты, поддержанной артиллерией, тогда как казаки охраняли ее фланги. В этом случае они получали возможность осторожно продвигаться по вражеской территории, разрушая по мере своего продвижения деревни и уничтожая урожай.

После отчаянных попыток прорвать русские ряды, в ходе которых, как рассказывал Лонгуорт, «самые лучшие и самые смелые воины становились жертвой своей собственной безрассудности», черкесы также сменили тактику. Вместо того чтобы искать встречи с русскими лицом к лицу, они научились заманивать их в искусно устроенные засады и ловушки, нападать неизвестно откуда на своих быстрых лошадях и как можно быстрее исчезать. После этого русские стали использовать крупную картечь, предшественник шрапнели. «Их пушки, — жаловался один черкес Лонгуорту, — вместо того, чтобы выстрелить одним ядром, которое обычно свистело у нас над головами... теперь выплевывают их десять тысяч, причем самое маленькое из них разрывает и уничтожает все вокруг». Если бы только, умолял он, англичане могли снабдить нас таким же оружием, русские войска «не смогли бы больше держать строй, а когда бы они рассеялись, наша кавалерия делала бы с ними все, что захотела, как это бывало раньше».

Англичане поняли, что сопротивление на Кавказе не ограничивается Черкессией. За горами на востоке на каспийском побережье Кавказа такая же борьба против русских шла в Дагестане. Там ее возглавлял мусульманский имам Шамиль, пользовавшийся невероятным почтением и являвшийся гением партизанской тактики. Однако Дагестан был далеко, и там не оказалось Уркварта, который бы его пропагандировал, и Лонгуорта, который бы его описывал. Так что тамошняя война осталась незамеченной в Европе. Но если англичане еще не слышали о Шамиле, царские генералы его хорошо знали, потому что никакие обычные военные приемы против него, казалось, не срабатывали. Понадобилось свыше двадцати лет непрерывных боевых действий, прежде чем Шамиль был побежден, и еще пять лет, прежде чем было подавлено сопротивление черкесских племен. Эта кампания чрезвычайно дорого обошлась России как в смысле денег, так и в смысле человеческих жизней, но она вдохновила некоторых из ее величайших писателей и поэтов, включая Толстого, Пушкина и Лермонтова. Однако все это отстояло еще очень далеко от описываемого момента, когда Лонгуорт и Белл ждали сообщений из Лондона о том, как разрешится дело «Виксена».

Когда новости наконец-то дошли до них в форме вырезок из газеты «Таймс», они оказались глубоко разочаровывающими. Ясно было, что британское правительство не хотело раздувать большой скандал из-за захвата судна, чтобы не рисковать ввязаться из-за этого в войну с Россией. К ярости русофобов, Пальмерстон решил, что если Черкессия русским и не принадлежит, то порт Суджук Кале, где арестовали судно, является их территорией. К тому времени Уркварт получил приказ вернуться в Лондон, где был уволен за создание конфронтации между двумя державами, официально являющимися союзниками. Никто из друзей Уркварта не был достаточно влиятелен, чтобы за него заступиться, а король Вильям IV за месяц до того заболел и умер. Уркварт в свою очередь принялся усиленно атаковать Пальмерстона, утверждая, что тот был подкуплен русским золотом. Он даже пытался добиться отставки министра иностранных дел за предательство, но из этого ничего не вышло.

Новость о том, что Великобритания отступила, поставила Лонгуорта и Белла в крайне затруднительное положение. Ведь они неоднократно уверяли своих хозяев, что те скоро

получат поддержку самой могущественной нации в мире, видимо, будучи сами твердо в этом убеждены. Решение Пальмерстона явилось особенно тяжелым ударом для Белла, так как теперь тому пришлось расстаться со всякой надеждой вырвать свое судно из рук торжествующих русских. Оба они решили, что, оставаясь там, многого не добьешься, но обещали своим кавказским друзьям продолжить борьбу в Англии. Действительно, оба опубликовали подробные отчеты о своих приключениях и опыте общения с муджахеддинами. В то же время, хотя Пальмерстон помешал Уркварту в его попытке вызвать столкновение между Британией и Россией, тот по возвращении со свежими силами принялся бороться за дело русофобов и, помимо всего прочего, организовал контрабандные поставки оружия для черкесов. Джон Беддли в своей классической работе «Завоевание Кавказа русскими», опубликованной в 1908 году, в значительной степени связывает успехи черкесов «с этими усилиями». Однако он обвиняет Уркварта и его сторонников в затягивании таким образом войны, которую черкесы никогда не могли бы выиграть, и ободрении их ложными надеждами на будущую поддержку Англии.

Возможно, Уркварт прошел бы в парламент, где продолжил бы свою кампанию против Пальмерстона и попытки сместить его с должности за предательство, а также продолжил свою антирусскую деятельность. Но постепенно его увлекли другие дела, и в конце концов слабое здоровье заставило перебраться в швейцарские Альпы. Как главный русофоб того времени, он многое сделал для того, чтобы восстановить британское общественное мнение против Санкт-Петербурга и углубить растущую пропасть между двумя державами. В самом деле, современные советские историки возлагают определенную вину за сегодняшние проблемы Кавказа на британское вмешательство в регионе и даже утверждают, что Шамиль был британским агентом. Разумеется, сопротивление, которое встретили там русские, удержало их от дальнейшей военной экспансии и несколько лет действовало как ограничитель их честолюбивых намерений в остальных частях Азии. Потому благодаря Уркварту и его друзьям Кавказ стал частью поля битвы Большой Игры.

* * *

Несмотря на обвинения Уркварта, Пальмерстон был кем угодно, но не ставленником Санкт-Петербурга. Он разделял подозрения Уркварта относительно намерений русских, но был далек от убеждения, что русские представляют угрозу интересам Британии. Главным источником этой его уверенности был лорд Дюрхем, тогдашний английский посол в Санкт-Петербурге. Дюрхем был убежден, что кажущаяся военная мощь России носит исключительно оборонительный характер и что царь Николай не в том положении, чтобы потворствовать своим собственным тайным экспансионистским мечтаниям. Иностранные авантюры требовали огромных ресурсов, которыми, как знал Дюрхем от своих тайных агентов в Санкт-Петербурге, Россия просто не располагала. «Мощь России сильно преувеличена», — писал Дюрхем в марте 1836 года в одном из своих донесений, его Пальмерстон потом охарактеризовал как одно из самых блестящих донесений, которое когда-либо получали в министерстве иностранных дел. «Нет ни одного элемента силы, который не уравновешивался бы соответствующей... слабостью, — продолжал он, — фактически ее сила носит исключительно оборонительный характер. Укрытая как неприступной крепостью тем, чем наградила ее природа — климатом и пустынями, — Россия непобедима, в чем убедился на собственном опыте Наполеон, дорого заплатив за этот урок».

Но не все в министерстве иностранных дел были так же, как и Дюрхем, убеждены в неспособности России к агрессивным действиям. Среди тех, кто разделял опасения Уркварта, но не одобрял его методов, были британский посол в Константинополе лорд Понсонби, и сэр Джон Макнейл, вновь назначенный посланник в Тегеране, которому довелось по пути к месту нового назначения до самой столицы Оттоманской империи добираться вместе с Урквартом. Макнейл давно работал в Персии, несколько лет прослужил в Тегеране под руководством сэра Джона Киннейра и наблюдал, как там за счет Британии растет влияние России. Русские всерьез подозревали, что он был замешан в смерти несчастного Грибоедова, когда их посольство восемь лет назад было атаковано толпой. Правда, никаких доказательств этого не

существовало. Человек больших способностей, не говоря уж о честолюбии, Макнейл впервые прибыл в Тегеран как врач дипломатической миссии, но быстро показал, что обладает большой дипломатической проницательностью.

Дожидаюсь своего назначения в качестве посланника, Макнейл написал книгу, в которой подробно описал территориальные притязания России со времен Петра Первого как в Европе, так и в Азии. Опубликованная по настоянию Пальмерстона анонимно, она вышла в 1836 году под названием «Прогресс и нынешнее положение России на Востоке» и долгое время была наиболее доказательным образчиком литературы Большой Игры. Книга содержала большую складную карту, показывавшую пугающее усиление русской экспансии за предыдущие полтора века. К карте была приложена также таблица, показывающая рост населения России в результате этих аннексий и других приобретений. Всего же со времен вступления на престол Петра число подданных царя увеличилось почти в четыре раза — с 15 миллионов до 58 миллионов человек. В то же самое время русские границы придвинулись на 500 миль к Константинополю и на 1000 миль к Тегерану. В Европе русские приобретения за счет Швеции были больше того, что теперь оставалось от этой некогда могущественной державы, тогда как приобретения за счет Польши по площади почти равнялись всей Австрийской империи. Все это находилось в решительном противоречии с картиной чисто оборонительной политики России, нарисованной лордом Дюрхемом из Санкт-Петербурга.

«Любая часть этих обширных приобретений, — писал Макнейл, — была получена вопреки мнению, желаниям и интересам Британии. Расчленение Швеции, раздел Польши, захват турецких провинций и тех земель, что были отделены от Персии, — все это наносило вред британским интересам». Русские, добавлял он, достигли всего хитростью, добиваясь своих целей посредством «последовательных вторжений, ни одно из которых не казалось достаточно важным, чтобы из-за него разорвать дружеские отношения с великими державами Европы». Это было описание процесса, который в грядущие годы будет вновь и вновь повторяться Санкт-Петербургом в Центральной Азии.

Следующими двумя целями России, предсказывал Макнейл, должны были стать такие большие близнецы, как Персидская и Оттоманская империи, ни одна из которых не была в состоянии противостоять решительной атаке царских армий. Если Турция покорится Санкт-Петербургу, это будет представлять серьезную угрозу интересам Британии в Европе и на Средиземном море, тогда как оккупация Россией Персии может окончательно решить судьбу Индии. Его прогноз *был* мрачен, но с ним согласились многие ведущие стратеги, а также все русофобы и пресса. Они были убеждены, что следующий шаг России — это всего лишь вопрос времени, и только жребий решит, будет он направлен против Турции или Персии.

Прибыв на свой новый пост, Макнейл обнаружил, что влияние России при дворе шаха стало даже гораздо сильнее, чем перед его отъездом в Лондон. В лице графа Симонича, генерала русской армии, а теперь представителя Санкт-Петербурга в Тегеране, он столкнулся с грозным и не слишком щепетильным противником. Но Макнейл, и сам не новичок в политических интригах, был решительно настроен сделать все, что в его силах, чтобы расстроить игру царя Николая. В самом деле, вскоре после его прибытия в Персию русские скрытно принялись передвигать войска в сторону Герата и Кабула — двух главных ворот, ведущих к Британской Индии. Большая Игра была близка к тому, чтобы вступить в новую и более опасную фазу.

13. Таинственный Виткевич

Осенью 1837 года путешествующий по удаленным пограничным областям Персии молодой английский младший офицер был поражен, увидев далеко перед собой в степи отряд одетых в форму казаков, движущийся к афганской границе. Было совершенно ясно, что они надеются проникнуть в страну незамеченными: застигнутые на бивуаке у ручья, о причинах своего нахождения в этих диких местах они отвечали уклончиво и неохотно. Лейтенанту Генри Роулинсону, политическому советнику службы сэра Джона Макнейла в Тегеране, стало совершенно ясно, что пришли они сюда не с добром, хотя, с чем именно, он точно сказать не мог.

«Их офицер, — сообщал он, — был молодым человеком изящного телосложения, с прекрасным цветом лица, яркими глазами и очень живым взглядом». Когда англичанин подъехал поближе и вежливо откозырял, русский встал и поклонился. Однако ничего не сказал, явно ожидая, что гость заговорит первым. Роулинсон сначала обратился к нему по-французски — этим языком чаще всего пользовались европейцы на Востоке, но русский только покачал головой. Роулинсон попробовал заговорить по-английски, а затем и по-персидски, но безуспешно. Наконец русский заговорил на тюркском, который Роулинсон знал только поверхностно. «Я знал его достаточно, — писал он позднее, — чтобы вести простой разговор, но недостаточно, чтобы удовлетворить свое любопытство. Было совершенно ясно, что именно этого хотел мой собеседник».

Русский сказал Роулинсону, что везет подарки царя Николая новому шаху Персии, который только что унаследовал трон покойного отца после семейной борьбы за власть. Это казалось достаточно правдоподобным, так как именно в этот момент шах находился на расстоянии дневного перехода: он выступил во главе своей армии, чтобы осадить Герат. Фактически сам Роулинсон направлялся в лагерь шаха, везя с собой послания Макнейла. Однако рассказ русского офицера его не убедил, он подозревал, что тот со своим отрядом, возможно, направляется в Кабул. Роулинсон понимал, что если это действительно так, то в Лондоне и Калькутте, где Афганистан рассматривали как неотъемлемую часть сферы британских интересов, поднимется переполох. Если это было так, то граф Симонич уже начал вмешиваться в дела страны, используя шаха как прикрытие. Ведь в Тегеране ни для кого не было секретом, что именно он уговаривал шаха двинуться на Герат и вырвать его из рук Камрана, что Персия давно уже собиралась сделать. Правда, Макнейла граф заверял, что делает все, что в его силах, чтобы шаха удержать.

Выкурив с казаками и их офицером пару трубок, Роулинсон распрощался с ними и поспешил своей дорогой, решив выяснить, в чем на самом деле заключается их игра. Добравшись в тот же вечер до лагеря шаха, Роулинсон тотчас попросил о встрече с ним. Препровожденный в шахский шатер, он рассказал о встрече с русскими, которые якобы везли царские дары. «Везут подарки для меня?» — изумился шах и заверил Роулинсона, что скорее они не имеют никакого отношения к нему, а предназначены для Дост Мохаммеда в Кабуле. Действительно, по просьбе Симонича он разрешил казакам безопасный проход по своим владениям. Все это совпадало с рассказом русского офицера. Теперь Роулинсон понял, что получил сведения необычайной важности, и собрался как можно скорее вернуться с ними в Тегеран.

Именно в этот момент русский отряд прибыл в персидский лагерь, еще не зная, что Роулинсон узнал о них всю правду. Обратившись к Роулинсону на великолепном французском, офицер их представился капитаном Яном Виткевичем из оренбургского гарнизона. Извинившись за свою прежнюю холодность и уклончивость, он объяснил, что считал неблагодарным быть слишком откровенным или фамильярным с чужестранцем, встреченным в пустыне. Теперь он попытался исправиться, проявляя к англичанину особую сердечность. Эта случайная встреча в сердце страны на поле Большой Игры стала первой такой встречей между игроками с обеих сторон. В большинстве случаев конфликты развивались скрыто, противники встречались редко, если встречались вообще. Однако эта конкретная встреча имела непредвиденные и далеко идущие последствия, ведь она помогла предотвратить одну из самых ужасных катастроф, когда либо случившихся с британской армией.

Чтобы попасть в лагерь шаха, лейтенант Роулинсон уже одолел 700 миль от Тегерана, показав почти рекордное время — 150 часов. Теперь, двигаясь днем и ночью, ему предстояло проделать примерно то же самое в обратном направлении и добраться со своими новостями до британской миссии к 1 ноября. Когда предупреждение Макнейла о том, что русские начали действовать, попало в Лондон и Калькутту, оно ужасно всех перепугало. Дело было не только в том, что антирусские настроения там и так уже достигли высшего накала, но и в том, что выяснилось: за походом шаха на Герат стоит Симонич. Если Герат попадет в руки персов, русские получат важный и опасный плацдарм в Западном Афганистане. Но случайное открытие Роулинсона показало, что интересы Санкт-Петербурга в Афганистане не ограничиваются только Гератом, каким бы угрожающим ни было это само по себе. Неожиданно в опасности

оказался и Кабул. Если контакты Виткевича с Дост Мохаммедом пройдут успешно, русские смогут одним эффективным прыжком одолеть барьер из пустынь, гор и враждебных племен, лежащий между ними и Британской Индией.

Впрочем, власти в Лондоне и Калькутте могли успокоить себя, по крайней мере, одним доводом за неимением прочих. Скорее по счастливой случайности, чем по чьему-то предвидению, именно в тот момент у них на месте оказался исключительно способный человек. Если кто-то и мог противостоять капитану Виткевичу и рассчитывать испортить его игру (что и требовалось), то был им именно капитан Александр Бернс, находившийся тогда в Кабуле при дворе Дост Мохаммеда.

* * *

Со времен падения великой империи Дюррани, основанной Ахмад Шахом в середине восемнадцатого века, Афганистан находился в центре интенсивной и непрекращавшейся борьбы за власть. В то время Камран дал обет восстановить владения своей семьи, свергнув Дост Мохаммеда в Кабуле, а персы, как мы уже видели, предприняли попытку вернуть когда-то им принадлежавшую восточную провинцию. В самом деле, в обмен на Герат шах даже предложил помочь Камрану свергнуть Дост Мохаммеда и захватить афганский трон, но его предложение было отвергнуто. Со своей стороны Дост Мохаммед поклялся не только вернуть Афганистану его былую славу и величие, но и немедленно отобрать у Ранжит Сингха богатую и плодородную провинцию Пешавар, которую тот захватил, пока он был занят другими делами. Несмотря на предупреждение Бернса, что англичане связаны с Ранжит Сингхом договором, Дост Мохаммед все еще продолжал надеяться на их помощь против Ранжит Сингха.

Возможно, имея все это в виду, в октябре 1835 года Дост Мохаммед сделал русским секретное предложение, оставшееся неизвестным англичанам. Царь Николай, чье беспокойство по поводу действий англичан в Афганистане, не говоря уже о прочих регионах Центральной Азии, все возрастало, немедленно отправил в Кабул Виткевича. Тот должен был выяснить, что конкретно предлагает Дост Мохаммед, и установить с ним дружеские связи. Тем временем Дост Мохаммед узнал, что в Индию назначен новый генерал-губернатор лорд Окленд, и поспешил вновь обратиться к нему с просьбой помочь в возвращении Пешавара. Но в то время Камран и Дост Мохаммед были не единственными претендентами на власть в Афганистане. В изгнании в Британской Индии существовал еще и шах Шуджах, который плел из Ладхианы бесконечные интриги против Дост Мохаммеда, отобравшего у него трон. Однако его перспективы вернуться к власти представлялись весьма далекими. Незадолго до этого он потерпел сокрушительное поражение от Дост Мохаммеда, хотя сам лично возглавил 22-тысячную армию вторжения, наступавшую на Кандагар. Как говорили, шах Шуджах бежал с поля битвы одним из первых.

Такова была в двух словах ситуация, когда 20 сентября 1837 года Бернс с триумфом вернулся в Кабул. При виде вернувшегося старого друга Дост Мохаммед пришел в восторг. Бернса усадили на спину слона и таким образом доставили в отведенное ему жилище в величественной крепости Бала Хиссар неподалеку от дворца Дост Мохаммеда. Но афганский владыка стремился, как только позволит дипломатический этикет, поскорее вернуться к серьезным делам. Речь шла скорее о политике, чем о торговле, и самым важным для него было то, чего больше всего боялось руководство Ост-Индской компании. Дело в том, что Дост Мохаммед уже знал, а Бернс еще нет, что Виткевич с казаками в пути. Пожалуй, он искренне больше хотел союза с англичанами — его ближайшими соседями, чем с русскими, жившими слишком далеко, чтобы из этого можно было извлечь практическую пользу. С другой стороны, если англичане колебались в вопросе предоставления ему помощи, в которой он нуждался, то прибытие русских могло помочь одолеть их сомнения. В любом случае стратегия его, как и любого другого владыки, сводилась к тому, что все средства хороши.

Между тем с возвращением Бернса в Кабул в нашей истории появляется новый герой. Это весьма любопытная личность по имени Чарльз Мессон — странствующий антиквар, увлеченный историей Центральной Азии, который уже несколько лет скитался по Персии и Афганистану в поисках монет и прочих древностей. Передвигаясь обычно пешком, временами

без копейки денег и в лохмотьях, он изучил регион, как никто из европейцев. Мессон утверждал, что он американец из Кентукки, но, как выяснил британский политический агент в Аадхиане капитан Клод Уэйд, был он никаким не американцем, а простым дезертиром из армии компании, и звали его Джеймс Льюис. Летом 1833 года он появился в афганской столице и поселился в армянском квартале неподалеку от Бала Хиссара.

В то время Ост-Индская компания использовала сеть агентов, известных как «поставщики новостей», чтобы получать разведывательную информацию по политическим и экономическим вопросам из отдельных отдаленных областей, где не было европейских представителей. Зачастую ими были индийские торговцы. Их информация редко представляла какую-то ценность, так как большей частью состояла из непроверенных базарных слухов. Но когда Уэйд обнаружил, что Чарльз Мессон бывает в Кабуле, он понял, что тот может стать ценным источником информации из жизненно важного региона. Уэйд знал его как человека весьма трезвого и критичного ума, способного отсеять правду от простых слухов. Единственная проблема заключалась в том, что дезертирство из рядов вооруженных сил компании означало смертный приговор. Пришлось договориться, что Мессон получит официальное помилование и ему даже установят небольшое жалованье, если он будет регулярно поставлять новости из Кабула, одновременно продолжая свои археологические и исторические изыскания.

Проявилась ли между этими двумя людьми своеобразная ревность или что-то еще, никто никогда не узнает, но, похоже, Мессон активно невзлюбил Бернса. В книге, написанной после смерти Бернса, Мессон обвиняет его во всем, что было сделано не так. Возможно, эта антипатия была взаимной, ведь Бернс не мог не знать, что Мессон дезертировал из армии компании. Столь чувствительный человек, как Мессон, вполне мог почувствовать его неодобрение. В своем отчете о собственной миссии Бернс упоминает Мессона только вскользь, хотя в те критические недели эти двое должны были проводить вместе немало времени. Однако так уж получилось, что последнее слово осталось за Мессоном.

Была ли критика Мессона в адрес Бернса верна или нет, но миссия с самого начала была обречена на провал. Лорд Окленд был решительно против каких-либо дел с Дост Мохаммедом, так как это могло вызвать недовольство Ранжит Сингха. Если бы пришлось выбирать между этими двумя, то выбор следовало остановить на последнем. Англичане уже удержали Ранжит Сингха от захвата части Синда, и теперь пытаться убедить его вернуть Пешавар его заклятому врагу Дост Мохаммеду было бы не просто бесполезно, но и опасно. Бернс предложил компромисс — тайно пообещать Дост Мохаммеду Пешавар после кончины Ранжит Сингха, ждать которой оставалось уже недолго. Но это предложение отверг генерал-губернатор, который в принципе был против подобных сделок. Не прошло и предложение Дост Мохаммеда в обмен на возвращение Пешавара отправить одного из его собственных сыновей ко двору Ранжит Сингха в качестве дипломатического заложника, хотя такая практика на Востоке была не так уж необычна.

20 января 1838 года после длительных переговоров генерал-губернатор лично написал Дост Мохаммеду, рассеяв любые оставшиеся у того надежды использовать англичан для давления на Ранжит Сингха, и посоветовал ему отказаться от всяких мыслей о возвращении Пешавара. Вместо того Окленд предложил ему помириться с правителем сикхов. «Благодаря благородству своего характера, — писал генерал-губернатор, — и его отношению к своему давнему союзу с британским правительством, магараджа Ранжит Сингх согласился с моим пожеланием прекратить борьбу и установить спокойствие». Письмо едва ли могло быть более оскорбительным или более тщательно рассчитанным на то, чтобы уязвить гордость Дост Мохаммеда. Но самое худшее было еще впереди.

Теперь, когда лорд Окленд узнал, что в Кабул направляется капитан Виткевич (фактически тот только что туда прибыл), он счел нужным предупредить афганского правителя, что если тот будет вести какие-то дела с русскими без его личного предварительного одобрения, англичане не будут считать себя связанными каким-либо обязательствами по сдерживанию армий Ранжит Сингха. В том случае, если письмо все же не будет понято до конца, несчастному Бернсу предстояло разъяснить его Дост Мохаммеду устно. Если тот вступит в любой союз с русскими или с любой другой державой, которая рассматривается как враждебная британским интересам, тогда он будет силой свергнут со своего трона. Когда

содержимое письма стало известно, в Кабуле оно вызвало возмущение. Сам Бернс чувствовал себя глубоко потрясенным бескомпромиссным тоном послания, которое фактически вырвало из-под него всякую почву. Обращаясь к Дост Мохаммеду, как к непослушному школяру, и указывая ему, с кем можно иметь дело, а с кем нет, взамен Окленд не предлагал ничего, кроме туманных разглагольствований о доброй воле англичан. Однако, несмотря на свой гнев, Дост Мохаммед сумел сдержаться, видимо, все еще надеясь склонить англичан на свою сторону. В конце концов, он держал в рукаве еще одну карту — русскую.

* * *

Будучи по происхождению человеком совсем иного круга, капитан Ян Виткевич обладал тем не менее многими личными качествами, общими с Бернсом, Роулинсоном и Конолли. Родившись в аристократической литовской семье, он еще студентом оказался вовлеченным в антирусское движение сопротивления в Польше. Смертной казни он избежал лишь благодаря юному возрасту, но вместо этого в 17 лет был сослан в Сибирь простым солдатом. Чтобы заполнить долгие скучные месяцы, он взялся за изучение языков Центральной Азии, и очень скоро его лингвистические и другие способности привлекли внимание старших офицеров оренбургского гарнизона. Его должным образом произвели в лейтенанты и широко использовали для сбора разведывательной информации среди мусульманских племен в приграничных районах. Наконец русский главнокомандующий в Оренбурге генерал Перовский забрал его в свой личный штаб и гордо заявлял, что бывший диссидент Виткевич знает о здешних местах больше, чем любой офицер.

Когда подошло время выбирать эмиссара для деликатной миссии по доставке в Кабул царских даров и его ответа на письмо Дост Мохаммеда, трудно было выбрать другого человека. После получения в Петербурге инструкций лично от министра иностранных дел графа Нессельроде Виткевич отправился в Тегеран, где прошел у Симонича самый последний инструктаж. Его пребывание в Тегеране было настолько засекречено, что даже сэр Джон Макнейл, внимательно следивший за всеми действиями русских в городе, так ничего и не узнал. Только по несчастной случайности Роулинсон наткнулся на русского офицера с казачьим эскортом и поднял тревогу. В результате, по словам одного русского историка, отряду пришлось отбивать нападения местных кочевников, которых, как он утверждает, натравили на них англичане. Впрочем, никаких доказательств этого он не приводит. Правда это или нет, но когда Виткевич в канун Рождества 1837 года прибыл в Кабул, его английский соперник Александр Бернс встретил его в высшей степени доброжелательно, строго в стиле Большой Игры. Видимо, желая познакомиться поближе и составить свое мнение, Бернс немедленно пригласил русского присоединиться к его рождественскому ужину.

Виткевич произвел хорошее впечатление на Бернса, который нашел его «вполне джентльменом, приятным, интеллигентным и хорошо информированным». В дополнение к языкам Центральной Азии русский бегло говорил по-турецки, по-персидски и по-французски. Бернс был несколько удивлен, узнав, что Виткевич уже трижды побывал в Бухаре, тогда как он — всего лишь раз. Однако это давало им обоим возможность говорить о многом, кроме того деликатного вопроса, из-за которого оба они находились в Кабуле. Судьба сложилась так, что эта встреча оказалась единственной, хотя при более счастливых обстоятельствах Бернсу явно хотелось бы побольше видеться со столь необыкновенным человеком. Но, как он объяснил, это было невозможно, «иначе относительное положение двух наших стран было бы в этой части Азии понято неправильно». Вместо того оба соперничающих претендента на внимание Дост Мохаммеда в течение грядущих критических недель внимательно следили друг за другом.

Когда Виткевич только прибыл в Кабул, Дост Мохаммед еще не получил ультиматум лорда Окленда, и звезда Бернса еще очень высоко сияла на небосклоне Бала Хиссар. Русского офицера приняли холодно и без особых церемоний, о чем его заранее предупреждал Симонич. Действительно, сначала его содержали фактически под домашним арестом, и Дост Мохаммед даже консультировался с Бернсом относительно достоверности его верительных грамот. Он спрашивал, действительно ли Виткевич был послан царем и является ли письмо русского императора подлинным. Он даже послал это письмо на квартиру Бернса, чтобы тот его

проверил, несомненно, понимая, что копия письма менее чем через час будет на пути к лорду Окленду в Калькутту. Именно в этот момент, как утверждал позднее Мессон, Бернс совершил кардинальную ошибку, позволив честности победить целесообразность.

Убежденный, что письмо, оказавшееся гораздо большим, чем простое послание доброй воли, было действительно от царя Николая, Бернс именно так и сказал Дост Мохаммеду. С другой стороны, Мессон был убежден, что это подделка, составленная либо Симоничем, либо самим Виткевичем для придания русской миссии большего веса в ее соперничестве с англичанами. Когда Бернс указал на внушительного вида русскую императорскую печать на письме, Мессон отправил слугу на базар, чтобы тот купил пачку русского сахара, «на дне которой, — как он утверждал, — мы обнаружили точно такую же печать». Но тогда, добавляет Мессон, было уже поздно. Бернс пренебрег своим единственным шансом обезоружить соперника, не позволив афганцам, как сардонически замечает Мессон, «воспользоваться выгодой своих сомнений».

После получения ультиматума Окленда все начало меняться. Хотя официально Дост Мохаммед продолжал относиться к русской миссии прохладно, Бернс понимал, что его собственная позиция с каждым днем все слабеет, а положение Виткевича становится все более многообещающим. В Кабуле даже шепотом говорили, что Виткевич предлагал от имени Дост Мохаммеда отправиться к Ранжит Сингху, тогда как Бернс столкнулся с незавидной задачей потребовать по настоянию лорда Окленда, чтобы его старый друг направил правителю сикхов формальный отказ от своих притязаний на Пешавар. Если рассматривать Мессона как надежного свидетеля, то Бернс был в тот момент в глубоком отчаянии от того, что видел, как Индия не в состоянии понять долгосрочную ценность дружбы Дост Мохаммеда. Но ни он, ни Мессон не знали, что у генерал-губернатора и его советников уже созрели насчет Афганистана совсем другие планы и что ни в одном из них Дост Мохаммед не фигурирует.

21 апреля 1838 года ставки были сделаны. Вместо того чтобы отправить Виткевича обратно, как настаивал Окленд, Дост Мохаммед со всеми мыслимыми знаками уважения и дружбы принял русского в своем дворце за стенами крепости Бала Хиссар. Виткевич, который был готов пообещать афганцам луну с неба, лишь бы вытеснить из Кабула англичан, переиграл соперника, просто дождавшись нужного момента. Теперь Бернсу оставалось только покинуть Кабул и доложить своим шефам в Индии о том, что он расценивал как неудачу своей миссии. 27 апреля после прощальной аудиенции у Дост Мохаммеда, где обе стороны выразили глубокие личные сожаления и где афганец настаивал, что его уважение к британскому другу останется неизменным независимо от случившегося, Бернс и его спутники уехали домой. В следующий раз он вернется в афганскую столицу уже при совершенно иных обстоятельствах.

Но если в тот момент казалось, что в Кабуле Виткевич выиграл, то по всему Афганистану происки русских такого успеха не имели. Несмотря на заверения, данные шаху Симоничем, после многих недель напряженных боев Герат упорно отказывался капитулировать. Было одно обстоятельство, которого граф не учел. Незадолго до того, как персы осадили город, в него проскользнул переодетый молодой английский младший офицер, который и занялся организацией его обороны.

14. Герой Герата

Выкрасив кожу темной краской и выдавая себя за мусульманского паломника, лейтенант Элдред Поттинджер из политической службы компании прибыл в Герат 18 августа 1837 года для обычной разведывательной работы в рамках Большой Игры. Он и не подозревал, что проведет там больше года. Племянника ветерана Игры полковника Генри Поттинджера в возрасте 25 лет отправили в Афганистан для сбора разведывательной информации. Он уже посетил Пешавар и незадолго до прибытия туда Бернса — Кабул, причем его маскировку не разоблачили. В столице Камрана он пробыл всего лишь три дня, когда на базарах начали циркулировать пугающие слухи о том, что из Тегерана на город движется мощная персидская армия, возглавляемая лично самим шахом. Для честолюбивого молодого офицера с авантюрной жилкой, каким был Поттинджер, ситуация предоставляла самые разные возможности. Он решил остаться и понаблюдать за развитием событий.

Камран, который вел военную кампанию на юге, прослышав о наступлении персов, немедленно поспешил обратно, чтобы защитить свою столицу. В юности он был великим воином. Как говорили, он мог одним ударом клинка разрубить пополам овцу, а стрела из его лука пробивала корову. Но постепенно он погряз в беспутстве, стал много пить, и реальная власть теперь принадлежала его визирю, Яр Мохаммеду, жестокость которого, по слухам, превосходила даже его собственную. Немедля были изданы приказы схватить и казнить всех, чья лояльность вызывала сомнения, особенно любого, связанного с персами. Сельским жителям велели собрать урожай и перевезти все зерно и другие продукты в город. Все остальное, что могло пригодиться врагу, включая плодовые деревья, подлежало уничтожению; чтобы убедиться, что все это сделано, были посланы войска. Одновременно начались интенсивные работы на массивных, в основном глинобитных крепостных стенах Герата, которые от запустения опасно обветшали. И наконец, перекрыли все выходы из города, чтобы помешать шпионам покинуть его и передать врагу информацию о подготовке к обороне.

До этого момента Поттинджер не раскрывал своего присутствия городским властям, вполне довольствуясь скромной ролью наблюдателя. Но однажды на базаре он почувствовал, как чья-то мягкая рука опустилась ему на плечо. Раздался шепот: «Вы — англичанин!» По счастью, оказалось, что человеком, раскрывшим его обман, был старый друг Артура Конолли, врач из Герата, путешествовавший с ним семь лет назад. Более того, он бывал в Калькутте и мог распознать европейца, даже если тот выкрасил лицо. Врач посоветовал Поттинджеру пойти к Яр Мохаммеду и предложить тому свои услуги, включая знание современного осадного искусства. Визирь принял англичанина с энтузиазмом: хотя жители Герата и сумели отбить несколько прежних нападений персов, было ясно, что на этот раз все гораздо серьезнее. И дело было не только в том, что на службе у шаха теперь состоял русский генерал, в его армии был отряд, сформированный из бежавших в Персию русских дезертиров. Гератская кавалерия, посланная беспокоить передовые отряды врага, вернулась, жалуясь на то, что в этот раз тот использует непривычную тактику. Вместо обычной разбросанной массы войск, прежде столь уязвимой для атак афганских всадников, теперь двигались руководимые русскими компактные отряды под защитой артиллерии.

Решающая роль Поттинджера в защите Герата прояснилась только тогда, когда в городе появились другие британские офицеры и поговорили с теми, кто пережил там десятимесячную осаду. В своем официальном отчете руководству он занизил свой вклад, не упоминая о собственном мужестве, хотя критически описал роль, которую играли другие, особенно Яр Мохаммед. Но попутно он вел дневник, и из этого дневника историк сэр Джон Кайе позднее собрал по кусочкам красочный рассказ о тех волнующих событиях для своей знаменитой книги «История войны в Афганистане». Позднее дневник был утерян в результате пожара в кабинете Кайе.

Военные действия начались 23 ноября, когда войска шаха, поддержанные артиллерией, яростно атаковали город с запада. «По мере их продвижения вперед гарнизон отвечал вылазками, — писал Кайе. — Афганская пехота сражалась за каждый дюйм, а кавалерия висела на флангах персидской армии. Но они не могли отбросить врага с позиций, которые ему удалось занять». Так началась осада. Кайе писал, что она велась «в духе беспощадной ненависти и дикой бесчеловечности... каждая сторона старалась превзойти другую жестокостью и мстительностью». Один из варварских методов, введенных Яр Мохаммедом для поднятия духа своих войск, заключался в том, что головы убитых персов отрезали и приносили ему для проверки. Его целью было посеять среди врагов страх, так как потом эти головы выставляли для всеобщего обозрения во рвах вдоль земляных валов. «Так как *за* эти кровавые трофеи всегда выдавались награды, — записывал Поттинджер, — то, естественно, воины гарнизона были весьма активны в своих действиях ради их получения». Но как солдат он рассматривал это не только как отвратительное, но и как контрпродуктивное действие: вылазки афганцев рассеивались, потому что защитники, вместо того чтобы выполнять свои задачи, были слишком заняты отрубанием голов.

Это также вело к различного рода соблазнам. Однажды после вылазки афганец принес Яр Мохаммеду пару ушей. «За свою работу мясника он получил халат и несколько дукатов», — рассказывал Поттинджер. Однако прежде чем его успели расспросить, он исчез. Полчаса спустя

появился другой, на этот раз он принес покрытую грязью голову. «Визирь, заметив, что она выглядит так, словно у нее нет ушей, приказал одному из слуг осмотреть ее», — сообщал Поттинджер. «При этом хозяин отвратительного трофея швырнул его на землю и пустился прочь со всей скоростью, на какую был способен». Когда голову обследовали более тщательно, обнаружилось, что она принадлежит одному из защитников, погибшему во время вылазки. Человека, который ее принес, разыскали, схватили и представили Яр Мохаммеду, который приказал избить его до полусмерти. Но человека, который принес уши и исчез с наградой, так никогда и не нашли, хотя Яр Мохаммед пообещал халат и деньги любому, кто его приведет. Впрочем, афганцы были не одиноки в своем варварстве. В лагере шаха бедолаги-афганцы, которых угораздило попасть в руки персов, подвергались не меньшим зверствам, включая потрошение.

Шли неделя за неделей, месяц за месяцем, и ни одна из сторон не могла добиться перевеса. Хотя персам удалось прорваться через внешнюю цепь оборонительных сооружений города, они никогда не смогли его полностью окружить. Даже в самый разгар боев некоторые поля, расположенные возле городских стен, использовались для сбора урожая и выпаса скота. Каждую ночь осажденные афганцы устраивали вылазки против персидских позиций, но выбить с них врага не могли. В то же время персы продолжали обстреливать крепостные стены, а защитники непрерывно их ремонтировали. Кроме пушек у нападающих были ракеты, чей «огненный полет над городом, — рассказывает Кайе, — вселял ужас в сердца людей, которые собирались на крышах домов, поочередно молясь и стеная». Более точными, чем пушки и ракеты, были мортиры, которые за недели осады превратили в груды щебня немало домов, лавок и прочих строений. Одна бомба из мортиры с дымящимся и шипящим фитилем пробила крышу дома, соседнего с домом Поттинджера, и упала возле спящего ребенка. Перепуганная мать ребенка бросилась между нею и своим отпрыском, но через несколько секунд бомба взорвалась, оторвав ей голову и отбросив ее тело на ребенка, который задохнулся.

Бывали и моменты, похожие на фарс. Однажды защитники были всерьез взбудоражены таинственным сверлящим звуком, который, казалось, доносился с вражеских позиций, где русские солдаты копали большую яму. Немедленно возникло предположение, что они копают туннель под оборонительным валом, чтобы подвести под него мины. Так как звук не затихал, беспокойство нарастало и были предприняты отчаянные попытки найти туннель и залить его водой. И только позднее был обнаружен истинный источник звука: «Бедная женщина, — рассказывает Поттинджер, — которая имела привычку пользоваться ручной мельницей, чтобы смолоть свое зерно». Среди 70 000 жителей города снова поднялась тревога, когда на Новый год осаждавшие доставили большую пушку, способную бросать через крепостные стены разрушительные восьмидюймовые бомбы. Орудий такого размера в Центральной Азии еще не видели. Но после всего полудюжины сделанных выстрелов под ней лопнул лафет, и больше ее никогда не использовали. Даже когда персам действительно удавалось добиться успеха и прорвать оборонительные валы, они, несмотря на русских советников, не могли воспользоваться этим преимуществом, возможно, обескураженные видом мертвых голов своих товарищей, ухмылявшихся сверху.

Все это время Поттинджер работал без усталости, нередко крепя решимость защитников там, где она ослабевала, и выдавая технические советы в соответствии с последними достижениями европейской военной науки. «Его активность была неисчерпаемой, — писал Кайе. — Он всегда был на оборонительных валах, всегда готов помочь советом... и вдохнуть своим воодушевляющим присутствием новое мужество в афганских солдат». Однако сам Поттинджер приписывал выживание города некомпетентности персов и их русских советников. Он утверждал, что Герат без особых проблем мог быть взят одним британским полком.

Шах, настроенный графом Симоничем и своими русскими советниками на быструю победу, теперь впал в отчаяние из-за неспособности захватить город намного превосходящими силами. Чтобы убедить жителей Герата сдаться, он даже послал к Яр Мохаммеду его собственного брата Шер Мохаммеда, ранее захваченного в плен. Но визирь отказался с ним видеться, осудив его как предателя и отрекшись от него как от брата. Однако прежде чем вернуться к персидским позициям, Шер передал брату сообщение, предупреждавшее, что когда войска шаха возьмут город штурмом, его повесят как собаку, а его женщин и детей публично

обесчестят погонщики мулов. Более того, если город будет продолжать сопротивляться шаху, его самого персы казнят. На это Яр Мохаммед ответил, что он будет очень рад, если шах казнит брата, так как это избавит его от необходимости делать это самому.

Во время затишья в боях обе стороны вновь и вновь делали попытки найти какое-то решение путем переговоров. Одно из предложений шаха состояло в том, чтобы Герат номинально принял суверенитет Персии, а в управление провинцией он вмешиваться не будет. Все, что он потребует от Герата, — это снабжение его войск. Нынешняя кампания, как он настаивал, была направлена не столько против Герата, сколько против Британской Индии. Если жители Герата к нему присоединятся, он сам поведет их на Индию, чьи богатства они смогут поделить между собой. Это предложение, по мнению Поттинджера, явно прозвучало с голоса Симонича. Но Яр Мохаммеда было не так просто обмануть, и он заявил, что лучшим доказательством искренности персов стало бы снятие осады. Была организована встреча между Яр Мохаммедом и главным участником переговоров со стороны шаха, которая состоялась на краю рва у крепостной стены. Однако она быстро закончилась, едва Яр Мохаммед понял, что шах ждал, чтобы они с Камраном (который большую часть времени был слишком пьян, чтобы проявлять какой-то интерес к переговорам) перед фронтом всей персидской армии сделали официальное заявление о своем подчинении ему.

Тогда из Тегерана прибыли и остановились в лагере шаха сэр Джон Макнейл и граф Симонич. Оба они ожидали, что Герат быстро перейдет в руки персов. Официально они числились нейтральными наблюдателями, но каждый не жалел сил, чтобы испортить игру другому. Макнейл старался убедить шаха отказаться от осады, тогда как Симонич старался найти пути скорейшего взятия города. Как докладывал Макнейл Пальмерстону 11 апреля, пять месяцев спустя с начала осады персидские войска испытывали отчаянную нужду в продовольствии и вынуждены были питаться теми дикими растениями, которые удавалось найти. «Без оплаты, без достаточного количества одежды, вообще без каких-то продуктов, — писал он, — войска день и ночь остаются в траншеях без смены. Временами они оказываются там по колено в воде и грязи, и поскольку смерть ежедневно уносит от десяти до двадцати человек, мораль и выдержка у людей начинают сдавать. Если шах не сможет организовать регулярное снабжение своих войск продовольствием и одеждой, — считал Макнейл, — тогда от осады, вероятно, придется отказаться».

Однако в самом Герате положение защитников было еще хуже. Они столкнулись с тяжелой нехваткой пищи и топлива, которая по мере продолжения осады все усиливалась, поэтому болезни и голод начали уносить не меньше жертв, чем у персидской артиллерии. Дома разбирали на топливо, лошадей забивали на мясо. Всюду громоздились кучи мусора, непогребенные тела добавляли зловония и увеличивали опасность возникновения эпидемии. Чтобы облегчить положение переполненного города, решено было позволить некоторым жителям его покинуть: опасности, с которыми они могли столкнуться за его стенами, были, пожалуй, не больше тех, что ждали их внутри. Так как осаждающие наверняка отказались бы согласиться как-то облегчить положение гарнизона, с ними этот вопрос не обсуждали. В соответствии с этим решением группа из 600 пожилых мужчин, женщин и детей получила разрешение выйти через городские ворота, чтобы попытать счастья у персов. «Враг, — писал Поттинджер, — открыл по ним ураганный огонь, пока не разобрался, что к чему, а затем попытался палками и камнями загнать их обратно». Чтобы предотвратить это, власти Герата, ответственные за операцию, приказали открыть по ним огонь с оборонительных валов, что привело к большим жертвам, чем от огня персов, которые в конце концов позволили беднякам пройти.

Между тем в лагере персов Симонич окончательно перестал делать вид, что он здесь просто в роли дипломатического наблюдателя, и лично возглавил руководство неудавшейся осадой. Известие о том, что Симонич рассматривает осажденный город в подзорную трубу, скоро достигло защитников города. Когда же стали очевидны новая энергия и возросший профессионализм, с которыми теперь велась осада, моральный дух защитников начал падать. Поттинджера немало встревожило то, что они начали рассматривать возможность сдачи, но не персам, а русским. К его немалому облегчению, буквально на следующий день пришел слух о возможном вмешательстве англичан. Как было сказано, Макнейл предупредил шаха, что если

Герат падет, англичане не только объявят ему войну, но и во что бы то ни стало выбьют из города его войска. Более того, уже была начата соответствующая подготовка к доставке в отчаянно бедствовавший город продовольствия из Британской Индии. Слух оказался ложным, но чудесным образом спас столь важный для обороны Индии город от передачи его жителями в руки царя.

К тому времени, когда жители Герата узнали правду, обращаться к русским было уже слишком поздно: 24 июня 1838 года граф Симонич начал решающий штурм. Судьбой было предопределено стать часом славы лейтенанта Поттинджера. Штурм начался с мощного артиллерийского обстрела города со всех сторон, потом последовала массированная атака пехоты, проходившая одновременно в пяти разных точках. На четырех направлениях отчаянно сражавшиеся афганцы сумели отбросить персов назад, но на пятом враг сумел захватить пролом в оборонительных валах, проделанный его артиллерией. «Схватка была короткой, но кровавой, — писал Кайе. — Защитники сражались на своих местах до последнего человека. Отдельные самые смелые атакующие, выдвинувшись впереди своих товарищей, проникли в пролом», — продолжал он. Но афганцы стремительным броском захватили укрепления как раз вовремя, чтобы отбросить их назад, хотя и временно. «Снова и снова, с отчаянной смелостью, — писал Кайе, — атакующие пытались пробиться через пролом, чтобы войти в город. В какой-то момент они уже были там, но затем снова были вынуждены отступить. В течение целого часа схватка то усиливалась, то ослабевала, судьба Герата висела на волоске».

Услышав об опасности, Поттинджер и Яр Мохаммед немедленно отправились на место. Но когда визирь, которого до того никто не мог упрекнуть в трусости, увидел, как близки персы к взятию города, мужество его покинуло. Он шел к пролomu все медленнее и наконец совсем остановился. После этого, к крайнему неудовольствию Поттинджера, он сел на землю. Это зрелище не укрылось от глаз защитников, которые видели приближающихся визиря и Поттинджера. Один за другим те, кто находился сзади, начали ускользать под предлогом переноски в безопасное место раненых. Поттинджер понимал, что нельзя терять ни секунды, так как ручеек вот-вот превратится в поток и все защитники покажут пятки. Мольбами и насмешками он сумел заставить визиря вновь подняться и подтолкнул его к парапету. На какой-то момент показалось, что катастрофа предотвращена, так как визирь заорал на своих людей, призывая во имя Аллаха продолжить сражение. Раньше это приводило к чудотворным результатам, но на этот раз они видели его собственные колебания. Они колебались, и при виде этого нервы визиря вновь не выдержали. Он повернулся и пошел обратно, бормоча, что удаляется за помощью.

На этот раз терпение Поттинджера лопнуло. Схватив Яр Мохаммеда за руку и громко понося его последними словами, он потащил его к пролomu. Визирь призывал защитников сражаться насмерть, но они продолжали разбегаться. То, что случилось потом, всех буквально потрясло. «Схватив большую палку, — рассказывает Кайе, — Яр Мохаммед как безумный накинулся на последнего человека в отряде и погнал его градом тяжелых ударов вперед». Обнаружив, что бежать некуда, и даже больше опасаясь визиря, чем врага, защитники «яростно полезли на парапет и бросились вниз по внешнему склону на атакующих персов». Напуганные столь безумным натиском, атакующие оставили позиции и побежали. Опасность на время миновала, Герат был спасен, благодаря, словами Кайе, «неудержимой смелости Элдрета Поттинджера».

Когда известия о роли младшего офицера в защите Герата и крушении планов русских достигли Лондона и Калькутты, на него обрушился такой же шквал всеобщего восторга, как и тот, что пять лет назад встретил Александра Бернса после его возвращения из Кабула и Бухары. Однако, в отличие от Бернса, его там не было, чтобы принять все это лично. Хотя самая большая опасность миновала, Симонич не сдался, и осада продолжалась еще три месяца. Много лет спустя подвиг Поттинджера был увековечен романтическим писателем Модом Дайвером в его книге «Герой Герата», ставшей в свое время бестселлером. Но самый большой комплимент в то время по иронии судьбы был получен от самого шаха. Рассматривая присутствие Поттинджера в Герате как главную причину неудачи своей попытки поставить Герат на колени, он потребовал, чтобы Макнейл приказал молодому офицеру покинуть город. В обмен ему гарантировался безопасный проход через позиции персов. Однако Макнейл отметил, что

Поттинджер ему не подчиняется и подобного приказа он отдать не вправе. Это может сделать только Калькутта. Затем шах попытался договориться с жителями Герата, заявив, что не станет обсуждать снятие осады до тех пор, пока Поттинджер будет оставаться среди них. Это также ничего не дало: Яр Мохаммед опасался, что может потерять столь бесценного советчика только для того, чтобы обнаружить, что под каким-то фиктивным предлогом осада снова возобновится.

Ни Поттинджер, ни шах не знали, что уже виден конец этого кажущегося безвыходным положения. Напуганное триумфом Виткевича в Кабуле и опасаясь аналогичного успеха русских в Герате, британское правительство наконец-то решило действовать. Посылка воинских подкреплений через Афганистан осажденному городу была отвергнута как слишком опасная и слишком медленная. Вместо этого решили отправить экспедиционный корпус в Персидский залив. Угроза, появившаяся на другом конце владений шаха в тот момент, когда он сам был занят на востоке, могла, как предполагалось, заставить его ослабить свою хватку в Герате. В то же самое время Пальмерстон оказал давление на русского министра иностранных дел Нессельроде, чтобы тот приказал Симоничу прекратить его незаконные действия. Обе меры привели к быстрым и эффективным результатам.

19 июня британские войска, не встретив сопротивления, высадились на острове Харк у входа в Персидский залив, в непосредственной близости от персидского берега. В глубь страны понеслись дикие слухи о том, что крупная британская армия вторжения высадилась на побережье и начала наступление на столицу, захватывая один за другим города, встречающиеся на пути. В то же самое время вернувшийся в Тегеран Макнейл послал одного из своих помощников, подполковника Чарльза Стоддарта, в лагерь шаха под Гератом, чтобы предупредить его о тяжелых последствиях, которые могут его ожидать, если он будет продолжать осаду. «Британское правительство, — говорилось в ноте Макнейла, — рассматривает экспедицию против Афганистана, в которую оказалось вовлеченным Ваше Величество, как предпринятую в духе враждебности против Британской Индии». Помимо официальной информации о захвате острова Харк в ноте обращалось внимание шаха на то, что следующие шаги Британии будут зависеть от того, какие действия он предпримет под Гератом. В ноте ему советовали не иметь больше никаких дел с «недоброжелательными людьми и не прислушиваться к советам» тех, кто подговаривал его напасть на город.

К изрядному удивлению Стоддарта, он был сердечно принят шахом, который, как он полагал, находился под сильным влиянием Симонича. Он прочел шаху вслух содержание ноты Макнейла, по ходу дела переводя ее на фарси. Когда он дошел до упоминания о «недоброжелательных людях», шах прервал его и спросил: «Вы хотите сказать, что если я не уйду от Герата, то начнется война — не так ли?» Стоддарт ответил, что именно так. Отпуская Стоддарта, шах сказал ему, что рассмотрит требования англичан и вскоре даст ему ответ. Никто не знает, что происходило между шахом и графом Симоничем, хотя Макнейл дорого бы за это дал, но через два дня Стоддарта пригласили к шаху. «Мы согласны со всеми требованиями британского правительства, — сказал ему шах. — Мы не хотим войны. Если бы мы знали, что наш поход сюда грозит нам потерей вашей дружбы, мы бы его не затевали».

Персы полностью уступили, русские потерпели позорное поражение. Когда обычная дипломатия терпит неудачу, торжествует «дипломатия канонеров». Докладывая Макнейлу о драматическом повороте событий, Стоддарт писал: «Я ответил, что благодарю Бога за то, что Его Величество так верно понимает интересы Персии». После этого шах отдал приказ о снятии осады, и его войска начали готовиться к возвращению в Тегеран. В 8 часов утра 9 сентября Стоддарт со специальным курьером послал Макнейлу следующее донесение: «Имею честь сообщить, что персидская армия начала движение... и что Его Величество шах собирается отбыть». В 10 часов 26 минут он добавляет: «Шах сел на лошадь... и уехал».

Но произошло и нечто большее. Все это время граф Нессельроде настаивал, что русские в осаде не участвовали, утверждал, что Симонич имел строгие инструкции сделать все возможное, чтобы отговорить шаха от похода на Герат. Он даже предложил английскому послу лорду Дюрхему показать секретную книгу, в которой были записаны его инструкции Симоничу. Сначала это удовлетворило Пальмерстона, но теперь стало до неловкости очевидно, что его просто одурачили. Либо Симонич полностью игнорировал инструкции своего

правительства, либо ему было неофициально сказано не обращать на них внимания, так как за время пока он сможет не придерживаться их, если повезет, Герат окажется в руках покладистых персов. Правду, скорее всего, никто никогда не узнает, историки и сегодня все еще размышляют над этим. Но, какой бы ни была правда, Пальмерстон был вне себя от бешенства и жаждал крови.

Русского посла в Лондоне вызвали в министерство и проинформировали, что граф Симонич и капитан Виткевич (который все еще скитался где-то в Афганистане) активно проводят враждебную по отношению к Британии политику, что серьезно угрожает отношениям между двумя правительствами. Пальмерстон потребовал, чтобы обоих немедленно отозвали. Возможно, русские полагали, что англичане, как и прежде.

ничего предпринимать не станут. Если так, то в данном случае они жестоко просчитались. Более того, доказательства против Симонича были столь убийственными, что царю Николаю ничего не оставалось, как согласиться с британскими требованиями. « В деле Симонича мы загнали Россию в угол, — торжествуя заявил Макнейлу Пальмерстон. — Императору не оставалось ничего другого, как отозвать его и признать, что Нессельроде сделал целый ряд ложных заявлений».

Однако козлом отпущения сделали скорее Симонича, чем Нессельроде: его обвинили в превышении своих полномочий и игнорировании данных ему инструкций. Если это даже было и неверно и он просто подчинялся тайным приказам, все равно он не сумел захватить Герат, несмотря на многие месяцы, имевшиеся в его распоряжении, пока Санкт-Петербург тянул время. Нельзя сказать, что его английскими противниками было пролито над его судьбой немало слез, ведь он был весьма непопулярен у Макнейла и других, кому приходилось иметь с ним дело. Считалось, что он получил по заслугам. Но судьба, которая выпала на долю столь уважаемого противника, как капитан Виткевич, никому не принесла удовлетворения.

Когда того отозвали из Афганистана, он весной 1839 года в соответствии с приказом добрался до Санкт-Петербурга. Что именно там произошло, остается тайной. Согласно одной версии, базирующейся на современных русских источниках, Виткевича тепло принял граф Нессельроде, который поблагодарил его за удаление англичан из Кабула. Ему обещали восстановить статус литовского аристократа, которого он лишился, когда в молодости был отправлен в ссылку, обещали повышение в чине и направление на службу в элитный полк. Но согласно данным Кайе, который имел доступ к донесениям британской разведки из русской столицы, молодой офицер, вернувшийся полным надежд, был принят Нессельроде весьма холодно. Последний, стараясь оказаться в стороне от всего этого дела, отказался даже увидеться с ним, заявив, что не знает никакого капитана Виткевича, «если не считать какого-то авантюриста, оказавшегося замешанным в недозволенных интригах в Кабуле и Кандагаре».

Однако в одной обе версии сходятся. Вернувшись в гостиницу после посещения министерства иностранных дел, Виткевич прошел к себе в комнату и сжег все бумаги, содержавшие разведывательную информацию, привезенную из Афганистана. После этого, набросав короткую прощальную записку друзьям, он пустил пулю себе в висок. Большая Игра потребовала еще одну жертву. Как и после жуткой смерти Грибоедова в Тегеране десять лет назад, в Санкт-Петербурге заподозрили, что каким-то образом англичане и тут приложили руку. Но подобные мысли были быстро забыты в свете важных событий, которые вскоре потрясли Центральную Азию.

15. Кто делает королей

Англичане могли поздравить себя с тем, что на этот раз вышли победителями. Виткевич был мертв, Симонич — дискредитирован, Нессельроде перехитрили, и Герат — этот передовой бастион обороны Индии — не попал под влияние русских. Более того, как выяснилось, царь Николай не выказал большого желания бороться за симпатии шаха. Таким образом, заставив русских и персов отступить, англичане поступили бы правильно, прислушавшись к мудрому совету на этом остановиться. Но с того момента, когда Дост Мохаммед с презрением отверг ультиматум лорда Окленда и официально принял Виткевича, Лондон и Калькутта стали рассматривать его как человека, связавшего свою судьбу с русскими. Когда Герат все еще

находился в осаде, а английский экспедиционный корпус направлялся в Персидский залив, Пальмерстон и Окленд собрались разрешить афганский кризис раз и навсегда. Бернс, которого теперь энергично поддерживал Макнейл, утверждал, что правление Дост Мохаммеда все еще остается для Британии лучшим вариантом. Но несмотря на его возражения, афганского владыку решили силой свергнуть с трона и заменить кем-то более послушным. Но кем?

Артур Конолли высказывался в пользу Камрана, который не скрывал своей враждебности по отношению и к царю, и к шаху и стремился заключить с англичанами союз против Дост Мохаммеда и прочих претендентов на афганский трон. Однако другие советники находились ближе к вице-королю, чем Конолли, Бернс и Макнейл. Самым главным среди них был Вильям Макнагтен, секретарь секретного и политического департамента в Калькутте. Про него говорили, что, будучи блестящим востоковедом, он говорил на персидском, арабском и хиндустани так же бегло, как на английском. Более того, его мнение считалось непререкаемым, особенно для лорда Окленда, сестра которого Эмили Иден экспансивно описывала его как «нашего лорда Пальмерстона». Кандидатом Макнагтена на афганский трон стал находившийся в изгнании шах Шуджах; он утверждал, что трон принадлежал ему по праву. По его плану следовало уговорить ненавидевшего Дост Мохаммеда Ранжит Сингха использовать свою мощную армию сикхов, чтобы помочь шаху Шуджаху свергнуть их общего врага. В обмен за воцарение на троне Шуджах отказался бы от всех притязаний на Пешавар. Использование при вторжении войск Ранжит Сингха и отрядов Шуджаха позволило бы свергнуть Дост Мохаммеда без привлечения британских войск.

Как Пальмерстона, так и Окленда весьма привлекал этот план, предоставлявший другим проделать за них грязную работу. Точно так же поступили русские в Герате, используя персов. Сменить одного правителя на другого у народа, который за прошедшие полвека пережил это не меньше восьми раз, не представлялось ни слишком сложным, ни опасным. Среди тех, кто поддерживал идею Макнагтена, был Клод Уэйд, большой специалист по запутанной политике Афганистана и Пенджаба и видный политический агент компании в Ладхиане, где жил Шуджах. Его и Макнагтена лорд Окленд направил в Лахор, чтобы выяснить настроение Ранжит Сингха и определить, можно ли рассчитывать на его сотрудничество. Сначала тот отнесся к плану с большим энтузиазмом. Однако лукавый старый сикх куда лучше англичан понимал опасность войны с афганцами в их родных горах и вскоре принялся увивать и торговаться. Постепенно Окленд начал понимать: полагаться на то, что махараджа выполнит назначенную ему в грандиозном плане Макнагтена роль, не приходится. Единственным надежным средством свержения Дост Мохаммеда и возведения на трон Шуджаха оставалось использование британских войск.

Обычно крайне осторожный Окленд оказался под все нараставшим давлением окружавших его «ястребов», настаивавших поступить именно так. Вот один из их аргументов: если начнется война с персами из-за Герата, — а осада в тот момент еще продолжалась, — тогда британская армия окажется весьма на месте, чтобы вернуть город, если он падет, и предотвратить дальнейшее продвижение войск шаха к границам Индии. В конце концов Окленд дал им себя убедить. Но даже если Ранжит Сингх и не послал свои войска в Афганистан, жизненно важным было его одобрение предстоящей операции. Тогда они с Шуджахом могли бы в будущем наладить дружественные отношения, а две их страны стали бы оборонительным щитом Британской Индии. Правитель сикхов понимал, что у него не хватит сил свергнуть Дост Мохаммеда в одиночку, и был более чем счастлив, что дела начали складываться подобным образом. Во-первых, сам он в этом не будет участвовать, а во-вторых (хотя Окленд все еще надеялся, что он выделит для участия в экспедиции часть своих войск), Шуджах раз и навсегда откажется от всех афганских притязаний на Пешавар. Он выиграет все и ничего не потеряет. Шуджах также был в восторге от плана: наконец-то англичане сделают то, о чем он их столько лет просил! В июне 1838 года было подписано секретное соглашение между Британией, Ранжит Сингхом и Шуджахом, в котором те клялись в вечной дружбе и одобряли план. Теперь у Окленда были развязаны руки для подготовки предстоящего вторжения.

Между тем Пальмерстон предупредил английского посла в Санкт-Петербурге о предполагаемой операции. «Окленду, — информировал он, — было велено овладеть Афганистаном и сделать его зависящим от Англии... Мы долгое время отказывались

вмешиваться в дела Афганистана, но сейчас, когда русские пытаются сделать афганцев русскими, мы должны позаботиться о том, чтобы они стали британцами». 1 октября Окленд опубликовал так называемый манифест в Симле, в котором сделал достоянием общественности намерение Британии силой свергнуть Дост Мохаммеда с трона и заменить его Шуджахом. Для оправдания этого Дост Мохаммед был представлен вероломным негодяем, вынудившим терпеливое британское правительство на подобный шаг, а Шуджах — лояльным другом и законным наследником трона. «После долгих и бесплодных переговоров, проведенных капитаном Бернсом в Кабуле, — заявлял Окленд, — складывается впечатление, что хан Дост Мохаммед... открыто признается в честолюбивых планах расширения своих владений, представляющих угрозу для безопасности и мира на границах Индии. Он открыто угрожает осуществить эти планы, призывая для этого всю иностранную помощь, которую удастся привлечь. До тех пор, пока Дост Мохаммед остается в Кабуле у власти, — продолжал он, — нет надежды на то, что будет обеспечено спокойствие наших соседей и не пострадают интересы нашей Индийской империи».

Хотя было совершенно очевидно, кому адресовано обращение, Окленд тщательно избегал любого упоминания русских, так как был готов ввязаться в любую иностранную авантюру, в каких англичане обвиняли царя Николая. Одновременно вице-король назвал фамилии политических советников, которым предстояло участвовать в экспедиции. Получивший рыцарский титул Макнагтен был назначен британским представителем при намечавшемся новом кабульском дворе, Александра Бернса назначили его заместителем и советником. Хотя в частном порядке Бернс и осуждал план смещения своего старинного приятеля, но тем не менее был достаточно честолюбив, чтобы согласиться, а не отказаться. Его не только повысили в чине до подполковника, но и сделали даже нечто такое, о чем он и не мечтал. В письме, содержащем благодарность за ценную службу, Окленд предлагал ему еще раз взглянуть на конверт. Вытащив его из корзины для мусора, Бернс, к своему изумлению, увидел, что письмо было адресовано подполковнику сэру Александру Бернсу, кавалеру ордена Чертополоха. Другим представителем был назначен лейтенант Элдред Поттинджер. Все еще оставаясь в осажденном Герате, он стал одним из четырех политических помощников Макнагтена.

Полковник Чарльз Стоддарт из штаба Макнейла, в тот момент находившийся в лагере шаха под Гератом, был командирован в Бухару, чтобы убедить эмира, что тому нечего опасаться британского нападения на его южного соседа, и попытаться уговорить его освободить русских рабов, чтобы избежать любого повода для атаки на него со стороны Санкт-Петербурга. Стоддарту также дали право разработать вариант договора о дружбе между Британией и Бухарой. Его миссии, как и многим последующим, суждено было закончиться трагедией. Однако, как мы уже видели, осенью 1838 года ситуация представлялась англичанам в весьма розовом свете. Только что из Герата пришли новости о том, что персы и их русские советники сняли осаду и ушли.

Немедленно встал вопрос, не стоит ли отменить экспедицию, раз угроза значительно ослабела. И на родине, и в Индии раздавалось немало резких высказываний, причем основным аргументом было то, что теперь не было больше нужды свергать Дост Мохаммеда. Оккупация Афганистана не только обошлась бы слишком дорого и оставила незащищенными другие границы Индии, но и заодно толкнула бы персов в дружелюбные объятия русских. Герцог Веллингтон был одним из тех, кто решительно выступил против, предупреждая, что там, где закончатся военные успехи, начнутся политические трудности. Но для закусивших удила Пальмерстона и Окленда и готовой к маршу армии на этой последней стадии уже не было пути назад. Более того, в условиях антироссийской истерии в Британии и Индии приближающаяся авантюра пользовалась огромной поддержкой общественности. Это со всей определенностью выразила газета «Таймс», которая громоподобно заявляла: «От границ Венгрии до сердца Бирмы и Непала... русский дьявол неотступно преследует и терзает весь человеческий род и неустанно совершает свои злобные аферы... раздражая нашу трудолюбивую и исключительно мирную империю».

Теперь, когда персам только что был преподан такой урок, единственной уступкой Окленда стало незначительное сокращение сил вторжения. Армия Инда, как она официально называлась, состояла из 15 тысяч британских и индийских солдат, включая пехоту, кавалерию и

артиллерию. За нею следовала гораздо большая армия всякого сброда, насчитывавшая около 30 000 обозников — носильщиков, грумов, слуг, поваров и кузнецов — вместе с огромным количеством верблюдов, несущих амуницию и продовольствие, не говоря уж о личных вещах офицеров. Говорили, что один бригадир имел в своем распоряжении не менее шестидесяти верблюдов для перевозки своего лагерного имущества, а офицеры одного полка распорядились выделить двух верблюдов исключительно для перевозки их сигар. Наконец, там было несколько гуртов крупного рогатого скота, которому предстояло послужить для экспедиционного корпуса походной кладовой. В дополнение к британским и индийским частям имелась и небольшая собственная армия Шуджаха. Бернс указывал Окленду, что Шуджах окажется более приемлем для соотечественников, если завоюет трон во главе своих собственных войск, нежели если будет возведен на него только с помощью британских штыков. Однако лишь немногие из людей Шуджаха были афганцами, большинство из них были индийцами, их обучали и ими руководили британские офицеры, и содержались они на британские средства.

Весной 1839 года армия вторжения во главе с подполковником сэром Александром Бернсом, старавшимся угрозами, увещеваниями или взятками облегчить путь, вошла в Афганистан через пятидесятимильный Боланский перевал. Самым коротким путем был, безусловно, переход через Пенджаб и Хайберский перевал, но в последний момент этому воспротивился Ранжит Сингх. Так что маршрут пролегал через Синд и значительно южнее двух главных перевалов. Правители Синда также возражали, указывая, что по договору с Британией никакие военные силы не могли передвигаться вверх по Инду. Однако им объяснили, что сложилась чрезвычайная ситуация, а заодно пригрозили ужасными последствиями, если они попытаются сопротивляться британским войскам, которые коваными сапогами прошли по их территории.

Хотя Бернсу и удалось купить у вождей племен белуджей, по чьим землям они двигались, гарантии безопасности перехода экспедиции через Боланский перевал, многие отставшие солдаты, курьеры и крупный рогатый скот пали жертвой поджидавших их в укромных местах разбойничьих банд. Для основных колонн переход вскоре оказался гораздо труднее, чем ожидалось. Предполагали, что экспедиция сможет прокормиться главным образом за счет местных сельскохозяйственных ресурсов, но засуха и болезни уничтожили предыдущий урожай, так что сельским жителям пришлось выживать за счет тех диких растений, которые удавалось найти — зачастую только после долгого и тщательного поиска. В армии вторжения обнаружилась острая нехватка продовольствия, что привело к значительному снижению морального духа войск. «Эти нехватки вскоре заставили с испугом говорить об их здоровье и их духе, — писал сэр Джон Кайе. — Страдания текущего момента усиливались размышлениями о будущем, и когда люди видели исхудавшие тела и впавшие щеки друг друга... их сердца умирали вместе с ними».

То, что представлялось неизбежным несчастьем в самом начале кампании, удалось как раз вовремя предотвратить Бернсу. Он сумел по заоблачным ценам прикупить у белуджей 10 000 овец — и силы и мораль экспедиции были восстановлены. Но разведывательная информация, которую он получал от хана — партнера по сделке и пересылал Макнагтену, была далеко не ободряющей. Хан белуджей предупреждал, что если англичане и сумеют возвести на трон Шуджаха, они никогда не заставят афганский народ поддержать их и в конце концов потерпят поражение. Как он заявлял, англичане затеяли дело «огромных размеров и трудное для исполнения». Вместо того чтобы довериться афганскому народу и Дост Мохаммеду, англичане «пренебрегли ими и наводнили страну иностранными войсками». Он настаивал на том, что Шуджах непопулярен среди своих афганских соотечественников и что для англичан было бы благоразумнее указать ему ошибки, «если они совершены им, и исправить их, если они совершены нами самими».

Это было последнее, что желал бы услышать Макнагтен, ведь он не раз заверял лорда Окленда в том, что возвращение Шуджаха будет восторженно встречено афганцами. До сих пор признаков этого восторга заметно не было, но первая реальная проверка популярности британской марионетки наступила в тот момент, когда они достигли Кандагара, южной столицы страны, где правил один из братьев Дост Мохаммеда. Когда англичане приблизились к

городу, Макнагтен и командующий экспедиционным корпусом сэр Джон Кин получили информацию о том, что правитель покинул город и отправился на север. Поскольку встретить какое-либо сопротивление казалось маловероятным, британским войскам был отдан приказ задержаться, чтобы сложилось впечатление, что Кандагар вернули Шуджаху его собственные войска. 25 апреля Шуджах вместе с Макнагтенем въехали в город без единого выстрела. Собралась большая толпа любопытных, захотевших его увидеть: мужчины толпились на улицах, а женщины усыпали крыши домов и балконы. По пути ему бросали цветы, и пока он триумфально проезжал по городу, отовсюду неслись восторженные возгласы: «Кандагар свободен!» и «Мы надеемся на твою защиту!»

Макнагтен был в восторге. Он оказался прав, а Бернс — нет. «Шах устроил большой прием, — писал он в тот вечер лорду Окленду, — и был встречен с чувствами, доходившими почти до обожания». Он был уверен, что Дост Мохаммед не сможет защитить Кабул и будет вынужден бежать, когда узнает о тех восторженных приветствиях, которые сопровождали бескровную победу Шуджаха. Он решил организовать торжественный прием на открытом воздухе за городскими стенами, чтобы афганцы могли выразить свою лояльность новому правителю. Предстояло организовать блестящий военный парад, на котором войска генерала Кина должны были пройти парадным строем перед Шуджахом, который принимал бы приветствия, находясь на платформе, закрытой от палящего зноя разноцветным тентом. В назначенный день Шуджах выехал на рассвете туда, где были выстроены британские и индийские войска и где ждали его Макнагтен, Кин и другие политические советники и армейские офицеры. Когда он поднялся на помост, войска ему отсалютовали, прогремел залп из 101 орудия и начался торжественный марш. Все было великолепно — за исключением одного. Посмотреть на это зрелище и выказать уважение Шуджаху пришлось не более сотни афганцев. «Вся эта затея, — писал Кайе, — кончилась болезненным провалом: ничтожное число афганцев, которые пришли выказать почет своему повелителю, должно было послужить шаху Шуджаху зловещим предупреждением о том, что он не может рассчитывать на привязанность народа, что горько разочаровало его основных европейских сторонников».

Возможно, Макнагтен был разочарован, но смириться не собирался. Если все остальное провалится, то лояльность афганцев или по меньшей мере тех, кого следует принимать в расчет, всегда можно будет купить за британское золото. Он достаточно в этом убедился, когда массово раздавал его вождям племен, по чьей территории они продвигались. «Он открыл кошелек, — писал Кайе, — и щедрой рукой раздавал во все стороны его содержимое». Однако никакое золото не могло купить лояльность следующего города на их пути. Это был Газни, его мощная крепость на высокой горе прославилась по всей Центральной Азии своей неприступностью. Изучив ее стены, очень толстые и достигавшие шестидесяти футов в высоту, генерал Кин и его инженеры поняли, что столкнулись с серьезной проблемой. Афганская крепость оказалась куда более неприступной, чем они полагали. Осадные орудия генерал Кин оставил в Кандагаре, решив, что они не понадобятся. Так что теперь у него были в наличии только легкие полевые пушки, которые вряд ли могли произвести хоть какое-то впечатление на защитников могучей твердыни. К тому же у них снова начались проблемы с провиантом, а чтобы доставить к Газни необычайно тяжелые осадные орудия, которые пришлось бы буквально волочить на каждом дюйме дороги от Кандагара, понадобилась бы не одна неделя.

Однако существовал еще один способ взять Газни без них — взорвать какие-нибудь одни ворота из нескольких главных ворот. Задача была почти самоубийственная, ведь кто бы ни взялся заложить взрывчатку и поджечь фитиль, это требовало исключительной смелости, так как действовать пришлось бы на виду у защитников города, расположившихся на оборонительных валах. Возглавить небольшую команду саперов, назначенных для выполнения этой задачи, поручили молодому офицеру — лейтенанту Генри Даренду из бенгальских инженерных войск, хотя он еще не совсем оправился от слабости после приступа желтухи. Теперь возник вопрос, какие же конкретно ворота города следует атаковать. Здесь англичанам повезло. Экспедиционный корпус в качестве местного офицера разведки сопровождал молодой друг и протеже Бернса Мохан Лал, сумевший установить контакт с одним из защитников города, которого знал прежде. От этого предателя он узнал, что все ворота города, за исключением одних — больших кабульских, — заложены изнутри кирпичом, что делает их

практически неприступными.

Пока генерал Кин со своим штабом разрабатывали планы штурма, наблюдатели неожиданно заметили на вершине холма группу вооруженных афганцев, разглядывавших британский лагерь. Горнист поднял тревогу, на них были брошены кавалерия и пехота, что заставило их бежать, но еще до того удалось захватить группу пленных и священное воинское знамя. Когда его пронесли перед шахом, один из пленных, закричав, что шах предал веру, вырвался и в возникшей суматохе ударил ножом одного из адъютантов шаха. Взбешенный этим происшествием, шах приказал немедленно казнить всех пленных. Когда кровавая баня была в самом разгаре, проходивший мимо шахского лагеря британский офицер услышал шум и заглянул в один из шатров. К своему ужасу, он лицом к лицу столкнулся с палачами, которые делали свое дело со смехом и шутками, «рубя и калеча бедные жертвы без всякого разбора своими длинными клинками и ножами».

«Всего пленников было человек сорок или пятьдесят, — писал он позднее, — как молодых, так и старых. Многие уже были мертвы, остальные — при последнем издыхании». Несколько человек сидели или стояли со связанными за спиной руками, ожидая своей участи. Пораженный увиденным, он кинулся к шатру Макнагтена, чтобы его предупредить. Но последний, похоже, почти ничего не сделал, чтобы остановить побоище, хотя, возможно, было уже поздно. До того времени он чрезмерно восхвалял шаха за его гуманизм, отмечает Кайе. Теперь стало ясно, что этот гуманизм «существует лишь в письмах Макнагтена». Даже по диким понятиям афганцев такое варварство считалось неприемлемым, и известие о подобном зверстве человека, стремившегося стать правителем страны, быстро разнеслось повсюду, множа ряды его врагов и нанося непоправимый ущерб репутации его британских союзников.

* * *

К тому времени Кин закончил разработку своих планов и приказал штурмовать Газни. Штурм должен был состояться ночью, под покровом темноты и сильных порывов ветра. Чтобы отвлечь внимание защитников города от кабульских ворот, у дальнего конца крепости должна была начаться ложная атака, в то время как легкая артиллерия и пехота сипаев должны были с близкой дистанции вести огонь по тем, кто находился на стенах. Любой ценой внимание защитников города нужно было отвлечь от кабульских ворот, возле которых лейтенанту Даренду и его саперам предстояло заложить мешки с порохом.

К трем часам на следующее утро все было готово, и каждый занял свое место. По сигналу Кина артиллерия и пехота открыли огонь по укреплениям, причем артиллерийский снаряд оторвал голову афганскому солдату прямо на глазах штурмового отряда, поджидавшего в темноте, когда взорвут ворота. В это время команда взрывников быстро и бесшумно пробиралась к цели. Разместив свои заряды и оставшись незамеченными, саперы поспешили в укрытие, оставив позади Даренда, который должен был поджечь фитиль. Скорчившись у ворот, через трещину в их деревянной обшивке он заметил одного из защитников с длинноствольной джезелью в руках. С первой попытки фитиль не загорелся, то же самое повторилось и при второй попытке. На какой-то миг Даренд, понимавший, что теперь все зависит от него, испугался, что ему придется пожертвовать собой и просто поджечь порох, но с третьей попытки фитиль начал шипеть и потрескивать. Даренд бросился в укрытие и через несколько секунд заряды взорвались.

«Эффект, — рассказывает Кайе, — был и мощным, и неожиданным. Поднялся столб черного дыма, вниз со страшным грохотом обрушились огромные массы кирпича и разнесенных в щепки бревен ». Когда грохот взрыва стих, горнист протрубил атаку. Штурмовой отряд под командой воина легендарной храбрости полковника Вильяма Денни хлынул в дымящиеся ворота, и через несколько секунд британские штыки и афганские клинки сошлись в жестокой схватке. Под громкие крики, доносившиеся из-за стен, основные атакующие силы снялись с позиций и направились к воротам. Но в этот момент в суматохе и темноте произошло нечто такое, что едва не стоило англичанам победы. Считая, что ворота полностью завалены обломками и что люди Денни все еще находятся снаружи, горнист протрубил отступление, что сразу остановило атаку, тогда как за стенами штурмовой отряд не

на жизнь, а на смерть бился с превосходящими силами врага. Однако ошибку быстро исправили, и снова был отдан приказ к наступлению. Через несколько секунд атакующий отряд, возглавляемый бригадиром с саблей наголо, прорвался внутрь крепости и присоединился к бойцам Денни.

Афганцы никогда не думали, что их крепость будут штурмовать, и теперь сражались с беззаветной храбростью и жестокостью. Но им впервые пришлось столкнуться с хорошо обученными европейскими войсками, прекрасно знающими современную тактику штурма, так что вскоре оборона начала ослабевать. «В неистовом отчаянии, — писал Кайе, — афганцы с саблями в руках бросались сверху на наших штурмующих солдат и с жутким эффектом орудовали клинками, но в ответ их встречал сокрушительный огонь ружей британской пехоты...

В отчаянных попытках бежать через ворота некоторые бросались на горящие бревна и гибли от огня. Других закалывали штыками на земле. Кого-то преследовали и загоняли в угол как бешеных собак и там пристреливали». Тех же, кому удавалось прорваться через ворота или преодолеть стену, снаружи добивала кавалерия. Скоро все было кончено, и Юнион Джек и полковые штандарты штурмовых отрядов гордо развевались на крепостных стенах.

Для англичан это была ошеломляющая победа. Когда подсчитали потери, оказалось, что убитыми они потеряли всего лишь 17 человек, 166 человек было ранено, из них 18 офицеров. Внутри крепости было убито по меньшей мере 500 защитников города, еще больше перебила кавалерия Кина снаружи. Однако не менее важными для победителей оказались обнаруженные в городе крупные запасы зерна, муки и прочих продовольственных товаров, ведь их собственные запасы были практически исчерпаны, что явно ставило под сомнение надежды достичь Кабула. Теперь во многом благодаря предприимчивости Мохан Лала и стальным нервам лейтенанта Даренда (что принесло бы ему крест Виктории, если бы в то время он существовал) путь к столице Афганистана, расположенной всего в сотне миль к северу, был открыт.

* * *

Внезапная и неожиданная потеря Газни стала для Дост Мохаммеда сокрушительным ударом, пятитысячная конная армия афганцев под командованием его сына, которую он послал, чтобы остановить наступающих англичан, вынуждена была повернуть назад, чтобы избежать полного разгрома. Союзники Дост Мохаммеда начали понемногу разбегаться, предпочитая наблюдать за развитием событий со стороны. 30 июня 1839 года Кин вновь выступил в поход, и неделю спустя, встреченные только цепочкой брошенных пушек, англичане появились у стен Кабула. Там они обнаружили, что Дост Мохаммед бежал и столица сдалась без единого выстрела.

На следующий день в сопровождении Макнагтена, Кина и Бернса, которые ехали рядом, шах вступил в город, который не видел тридцать лет. Его наряд сверкал драгоценными камнями, сам он восседал на великолепном белом боевом коне, сбруя которого была украшена золотом. «Звон денежных мешков и сверкание английских штыков, — отмечал Кайе, — вернули ему трон, который без этих сверкающих помощников он добывал бы долго и безуспешно». Но нигде не было никаких следов того восторженного приема, который предсказывал Макнагтен. «Это было больше похоже на похоронную процессию, — добавляет Кайе, — чем на въезд короля в столицу своего вновь обретенного царства». Однако Пальмерстон был восхищен искусством Окленда столь мастерски создавать королей. «Блестящий успех Окленда в Афганистане, — писал он, — устршит всю Азию и облегчит нам все остальное».

Первоначальный план лорда Окленда состоял в том, чтобы вывести британские войска, как только шах надежно закрепится на троне, окруженный своими сановниками и защищенный своей собственной армией. Однако теперь даже Макнагтену стало ясно, что не стоит даже говорить о безопасности, пока искусный Дост Мохаммед остается на свободе. Чтобы попытаться задержать свергнутого правителя, был послан кавалерийский отряд одного из лучших командиров Кина, но через месяц он вернулся в Кабул с пустыми руками.

Последующие поиски также оказались бесполезными. Только несколько месяцев спустя Дост Мохаммед сам сдался англичанам, которые — к ярости шаха, который хотел «повесить его как собаку», — отнесли к нему с величайшим уважением и отправили в Индию в оказавшуюся временной почетную ссылку.

А пока в Кабуле англичане перешли к повседневной гарнизонной жизни. Начали устраивать скачки, торговля на базарах процветала, ведь английские и индийские солдаты щедро тратили там свое жалованье, к некоторым офицерам стали переезжать из Индии семьи, чтобы воссоединиться в этом новом экзотическом горном регионе. Среди них была и леди Макнагтен, которая привезла с собой хрустальные канделябры, марочные вина, дорогие наряды и бесчисленное множество слуг. Генерал Кин, которому королева Виктория пожаловала титул лорда Кина Газнийского, тем временем с большей частью экспедиционного корпуса вернулся в Индию. Но существенная часть войск осталась в Кабуле, для защиты английских коммуникаций с Индией небольшие отряды разместились в Газни, Кандагаре, Джалалабаде и Кветте. Однако, если Макнагтен был убежден, что с помощью английской армии шах сможет усидеть на троне, то генерал Кин был далеко не так в этом уверен. «Я не могу не поздравить вас с тем, что вы покидаете эту страну, — сказал он лейтенанту Даренду, которому предстояло вернуться в Индию, — так как, попомните мои слова, уже скоро здесь разразится страшная катастрофа...»

В конце августа 1839 года английский гарнизон в Кабуле получил два настораживающих донесения разведки. Пересе состояло в том, что подполковник Чарльз Стоддарт, направленный в Бухару, чтобы убедить эмира относительно британских намерений в Афганистане, арестован и бесцеремонно брошен в кишашую паразитами яму. Второе, даже более серьезное, извещало, что крупная русская экспедиция направилась от Оренбурга на юг, чтобы завоевать Хивинское ханство.

16. Наперегонки в Хиву

С момента посещения Вильямом Муркрофтом четырнадцать лет назад Бухары в Санкт-Петербурге все росли сомнения насчет планов Англии в Центральной Азии и на ее рынках. К осени 1838 года это беспокойство стало сочетаться с аналогичным беспокойством Лондона и Калькутты относительно русского проникновения в окружающие Индию районы. В октябре 1838 года, незадолго до того, как России стали известны британские планы свергнуть Дост Мохаммеда и заменить его своей марионеткой, граф Нессельроде в письме своему послу в Лондоне сообщил об опасениях Санкт-Петербурга. Он предупреждал о «неустанной активности, проявляемой английскими путешественниками в распространении волнений среди народов Центральной Азии и проведении агитации в самом сердце держав, окружающих наши границы». Главным среди этих сеющих смуту путешественников был Александр Бернс, который явно стремился ослабить русское влияние в Центральной Азии и заменить его британским, а также выдворить русские товары и заменить их английскими. «С нашей стороны, — настаивал Нессельроде, — мы ничего не просим, кроме согласия на честную конкуренцию при торговле в Азии».

Едва успели высохнуть чернила на его письме, как в Санкт-Петербург пришли известия о предполагаемом вторжении англичан в Афганистан. И если это было еще недостаточным основанием для тревоги, вскоре последовали дурные новости о том, что действия англичан в Персидском заливе заставили персидского шаха отвести войска от Герата. Это развеяло всякие надежды России получить там какой-либо плацдарм. Понимая, что ни одному из этих шагов Британии России практически нечего противопоставить, русские решили взамен проявить собственную инициативу. Она заключалась в том, чтобы исполнить свою давнишнюю мечту и захватить Хиву, прежде чем англичане начнут направлять на север от Оксуса не только своих агентов, но и армию, и торговые караваны. Русские едва ли могли выбрать лучший момент, чтобы предпринять свой первый важный шаг в Центральной Азии именно в то время, когда англичане столь агрессивно повели себя в Афганистане. То, что эта затея вполне могла кончиться крахом, их не смущало. Официально провозглашенная цель состояла в том, чтобы освободить множество русских, и не только их, удерживаемых хивинцами в рабстве, наказать

туркестанских разбойников и работорговцев, регулярно грабящих местные караваны с русскими товарами, и сменить правителя — точно так же, как собирались сделать это англичане в Афганистане, — на собственного, более покладистого кандидата, который откажется от варварских методов своего предшественника.

Даже Бернсу трудно было критиковать эти цели, хотя для него и для его друзей-«ястребов» было совершенно очевидно, что на этом русское наступление на юг не закончится. Видимо, следующими жертвами станут Бухара и Мерв, а затем настанет очередь Герата. Для британских войск оставался единственный способ это предотвратить — оказаться там первыми, воспользовавшись свежеприобретенной базой в Кабуле. Макнагтен считал, что в будущем мае, когда перевалы Гиндукуша освободятся от снега, нужно захватить Балх — важный плацдарм на реке Оксус. Оттуда можно нанести быстрый и эффективный удар по Бухаре, где жестокий тиран — эмир содержал в тюрьме в нечеловеческих условиях английского посланника подполковника Стоддарта. Затем, пока русские или персы не успели протянуть свои жадные руки к Герату, тот должен стать предметом постоянной заботы Британии. Зайдя так далеко, казалось неразумным не использовать все выгоды момента, если русские надумают захватить Хиву. Это были рассуждения в духе классической наступательной школы.

Ветераны Большой Игры почувствовали, что наконец-то настал их судьбоносный час.

Окончательно побудило русских двинуться вперед и поспешить с захватом Хивы полученное через Бухару безумное (и абсолютно ложное) известие, что в Хиву с предложением военной помощи прибыла британская миссия численностью в двадцать пять человек. Согласно инструкциям из Санкт-Петербурга командующий расквартированными в Оренбурге войсками генерал Перовский немедленно собрал отряд в 5200 человек, включающий пехоту, кавалерию и артиллерию. Он рассчитывал до самого последнего момента сохранить свои намерения в тайне. Помимо того, что генерал не хотел настораживать своим появлением хивинцев, он не забыл, как некий молодой британский младший офицер расстроил их планы насчет Герата, и не хотел, чтобы нечто подобное повторилось. И больше всего он хотел, чтобы англичане поглубже увязли в своей афганской авантюре и оказались не в состоянии протестовать против аналогичной деятельности Санкт-Петербурга по смене властителя в Хиве. Если бы стали просачиваться слухи о приготовлениях, то экспедицию надлежало официально характеризовать как «научную», направляющуюся для изучения Аральского моря, лежавшего как раз по пути. Действительно, в последующие годы «научные экспедиции» часто служили прикрытием активности русских в Большой Игре, тогда как англичане предпочитали посылать своих офицеров с аналогичными заданиями в «свободный поиск», что позволяло при необходимости от них отречься.

В этих условиях русские поняли, что долго сохранять секретность невозможно. Как мы уже видели, англичане впервые узнали о подготовке экспедиции Перовского летом 1839 года, за три месяца до ее отправления. Предупреждение пришло из самой Хивы — после того, как слухи через разветвленную сеть шпионов дошли до хана. Существуют две версии о том, как они оттуда попали в Герат, где все еще находились английские офицеры, наблюдавшие за отводом войск шаха. Согласно одной из них, хивинский хан в панике спешно послал своего представителя просить помощи у жителей Герата, зная, что те только что успешно отбили нападение персов и их русских советников. Согласно английской версии, информация была получена от их собственных местных агентов, вернувшихся из Хивы с новостями о том, что русская армия — по слухам, до 100 000 человек — готова выступить из Оренбурга. В любом случае, услышав про это, старший английский офицер в Герате майор д'Арси Тодд немедленно послал курьеров в Тегеран и Кабул, чтобы известить об опасности свое начальство. Одновременно он решил сделать в Герате все, что в его силах, чтобы предотвратить переход Хивы в руки русских.

Так как собственный пост в Герате он покинуть не мог, то решил отправить в Хиву своего толкового штабного офицера капитана Джеймса Эбботта с предложением начать от имени хана переговоры с наступающими русскими. Если хан согласится отпустить всех своих русских рабов, тогда у Санкт-Петербурга больше не будет предлога для вторжения на территорию Хивы. Таким образом можно устранить угрозу трону хана, не говоря уж о Британской Индии.

Задача Эбботта заключалась в том, чтобы убедить хана в настоятельной необходимости избавиться от рабов до того, как Перовский продвинется настолько далеко, чтобы не захотеть повернуть назад. Переодевшись в афганскую одежду и все время помня о судьбе полковника (подполковника? — *Прим. пер.*) Стоддарта, последнего английского офицера, посланного в одно из ханств Центральной Азии, Эбботт в канун Рождества 1839 года в одиночку выехал в Хиву, лежавшую в 500 милях к северу.

**

В это же время в 1500 милях к северу генерал Перовский также выступал в сторону Хивы. Его сопровождал более чем пятитысячный отряд, состоявший из русских и казаков, а за ними следовал обоз из 10 000 верблюдов, которые везли их амуницию и снаряжение. Перед тем как выступить в трудный и долгий поход через степь и пустыню, генерал собрал своих людей на главной площади Оренбурга и зачитал им специальный приказ. «По указанию Его Величества Императора, — провозгласил он, — мы выступаем в поход на Хиву». Хотя слухи о цели их экспедиции ходили уже давно, здесь войскам впервые официально сообщили о стоящей перед экспедицией задаче. До сих пор им говорили, что они должны сопровождать научную экспедицию к Аральскому морю. «Хива, — продолжал генерал, — уже много лет испытывала терпение сильной, но великодушной державы и наконец обрушила на себя ее гнев, спровоцированный ее враждебным поведением». Честь и слава будут им наградой, сказал он, а их мужество позволит одолеть трудности и опасности, чтобы освободить их братьев, томящихся в рабстве. К походу все отлично подготовлено, и эта подготовка вместе с их решимостью достичь Хивы принесут победу. «Через два месяца, — пообещал он, — с Божьей помощью мы будем в Хиве».

Сначала все шло в соответствии с планом. Из-за страшной летней жары в пустыне и трудностей с обеспечением водой такого крупного военного отряда на протяжении 1000-мильного пути для похода сознательно выбрали первые месяцы зимы. Цель генерала заключалась в том, чтобы достичь Хивы до того, когда самая суровая в Центральной Азии зима в феврале закроет все пути. Тем не менее холод стал настоящим шоком для людей, которые, по словам официального отчета о походе, «всегда жили в теплых домах и редко выходили наружу, если не считать охоты или коротких прогулок». По ночам в войлочных палатках русские с головы до пят закрывались своими овчинными полушубками, чтобы защитить носы и конечности от обморожения. Но даже и тогда дыхание людей и пот приводили к тому, что их волосы и усы примерзали к полушубкам, и когда они вставали по утрам, «им требовалось немалое время, чтобы оттаять». Однако, к счастью, солдаты были людьми исключительно закаленными и скоро начали приспосабливаться к отрицательным температурам.

Ноябрь сменился декабрем, и начал падать снег. Его было гораздо больше, и шел он чаще, чем предполагал Перовский со своим штабом. Даже местные киргизы не могли припомнить таких обильных снегопадов в начале зимы. Вскоре снег засыпал следы предыдущих колонн, затрудняя ориентировку в этой плоской, лишенной всяких ориентиров местности. «С этих пор, — сообщает отчет, — дорогу, пройденную передовыми колоннами, стали отмечать возводимыми казаками на определенном расстоянии друг от друга снежными столбами, снежными кучами на местах ночных стоянок и верблюдами, как живыми, так и мертвыми. Некоторые из них замерзли и частично были объедены следовавшими за экспедицией дикими зверями». Глубокий снег и промерзшая земля создавали все нараставшие трудности при добыче корма для верблюдов, и скоро те с пугающей быстротой начали погибать. «Если верблюд падал, — сообщает отчет, — он редко поднимался снова». Необходимость постоянно перегружать грузы с павших верблюдов на оставшихся сильно замедляла продвижение экспедиции и изматывала людей. Младший офицер был послан вперед к Аральскому морю, чтобы купить свежих верблюдов, но пришло известие, что хивинский патруль захватил его в плен и связанного по рукам и ногам увез в столицу.

К началу января они потеряли почти половину своих верблюдов, а выжившие животные, обезумев от голода, начали грызть деревянные ящики, в которых находилось продовольствие для людей. Чтобы этому помешать, каждый вечер приходилось разгружать примерно 19 000 ящиков и мешков, а на следующее утро грузить их вновь. Прежде чем развести огонь для приготовления пищи и обогрева, каким-то образом нужно было отыскать под снегом топливо

для костров. Оно состояло в основном из корней кустарников, которые нужно было выкапывать из замерзшей земли. На каждой стоянке приходилось расчищать от снега большие площадки, чтобы расстелить войлок и поставить палатки, а также соорудить коновязи для верблюдов и лошадей. «Только к 8 или 9 часам вечера солдат или казак получал возможность немного отдохнуть, — сообщает официальный отчет, — и к 2 или 3 часам следующего утра он был обязан встать и вновь проходить через тот же самый круг своих тяжелых обязанностей». Тем не менее отряд мужественно продолжал двигаться вперед.

Снежные сугробы были теперь так глубоки, что людям приходилось по грудь в снегу пробивать путь верблюдам и артиллерии. Так как снег продолжал идти, а температура падала, их страдания все возрастали, подвергая запредельным испытаниям их силу и стойкость духа. «В таком холоде, — продолжает официальный отчет, — невозможно было стирать белье или поддерживать личную чистоту. Многие в течение всего похода не только не меняли пропотевшее белье, но и не снимали верхней одежды. Они были покрыты насекомыми, а тела пропитались грязью». Теперь серьезной проблемой стали болезни, все возрастающую жатву стала собирать цинга. А отряд не прошел еще и половины пути до Хивы.

К концу января стало совершенно ясно, что экспедиция движется навстречу гибели. От болезней умерло уже больше 200 человек, тогда как вдвое больше солдат были настолько больны, что не могли нести службу. Верблюды, от которых они так зависели, теперь погибали по 100 голов в день. Погода все ухудшалась, и казацкие разъезды докладывали, что впереди снег еще глубже, что делает почти невозможным поиск хоть какого-то топлива и фуража и снижает возможную скорость движения до нескольких миль в день, если не меньше. 29 января генерал Перовский объехал все колонны, чтобы самому убедиться, смогут ли люди и животные продержаться еще месяц — минимальное время, за которое они смогли бы достичь ближайшей из обитаемых частей Хивинского ханства. По единодушному мнению командиров колонн, чтобы избежать катастрофы, не может быть и речи о дальнейшем продвижении вперед. Из всего того, что он сам видел, Перовский понял, что они правы.

Для всех, но особенно для генерала, это был момент горького разочарования, если не унижения. В силу полнейшего невезения они выбрали для похода на Хиву самую плохую зиму, которую только могли припомнить степные жители. Если бы они выступили хоть немного раньше, то смогли бы избежать самого разгара ее ярости и благополучно добрались до богатых и защищенных оазисов Хивы. Если бы это случилось, они не только бы увидели врага, но и заставили бы его вступить с ними в сражение. 1 февраля 1840 года генерал отдал приказ измученным и сильно поредевшим колоннам повернуть обратно и двигаться на Оренбург. На то, чтобы забраться так далеко, им пришлось потратить большую часть из намеченных трех месяцев, и казалось маловероятным, что обратный путь потребует меньших усилий. Стараясь выглядеть как можно бодрее, Перовский сказал своим людям: «Товарищи! С самого начала нам пришлось бороться против самых жестоких препятствий и суровой зимы. Мы успешно одолели эти трудности, но были лишены удовлетворения встречи с врагом». Он заверил, что победа всего лишь откладывается и что «наш следующий поход будет удачнее».

Но ближайшей задачей Перовского в тот момент было вывести свои войска из этой ужасной ситуации с наименьшими потерями в живой силе, не говоря уж о потере престижа. Ведь уже второй раз за последние сто с лишним лет военный поход русских на Хиву заканчивался поражением и унижением. Однако в официальном отчете сказано: «Было предпочтительнее уступить непреодолимым природным трудностям и немедленно отступить, чем дать противникам России повод ликовать по случаю мнимой победы». Тем не менее во время отступления эти трудности оказались не менее суровыми и опасными, чем при движении вперед. В дополнение к снежным сугробам и буранам, нехватке еды и болезням об их положении напоминали наводящие ужас остатки верблюжьих скелетов, наполовину объеденные волками и лисами. Издалека чужа трупный запах, стаи волков нападали на колонны, когда те останавливались на ночлег.

В сомнительных попытках остановить опустошительное действие цинги Перовский пытался, хотя и с немалыми трудностями, достать свежее мясо, считая, что основной причиной цинги является его отсутствие, так же как и отсутствие свежих овощей. К сожалению, не было ничего удивительного, что, «несмотря на эти превентивные меры, — как сообщает

официальный отчет, — цинга не только не отступала, но и продолжала нарастать ». Это объяснялось общим нездоровьем людей и отвратительным состоянием их тел и одежды. Однако с наступлением марта произошло незначительное, но такое желанное улучшение погоды, хотя оно же привело к возникновению новой опасности — снежной слепоты. Многие солдаты, чьи глаза были ослаблены отсутствием витаминов, почувствовали себя совсем плохо от слепящего весеннего солнца, отражавшегося от снега. Даже импровизированные солнечные очки, сплетенные из конского волоса, лишь незначительно облегчали боль, которую еще усиливал едкий дым сырых веток, использовавшихся как топливо.

Весь март и апрель люди и верблюды продолжали путь, и к тому времени, когда последняя из колонн в мае с трудом добралась до Оренбурга почти семь месяцев спустя после их самоуверенного выхода, стали очевидными полные размеры катастрофы. Из 5200 солдат и офицеров, вышедших в сторону Хивы, без единого выстрела и без всяких потерь у хивинцев погибли более 1000 человек. Живыми вернулись менее 1500 верблюдов из 10 000, сопровождавших войска в начале похода. Никого из русских рабов не освободили, туркестанские бандиты остались безнаказанными, хан, которого планировалось свергнуть, продолжал прочно восседать на троне. При этом за Оксусом на глазах всего мира англичане с большим профессионализмом успешно провели весьма схожую операцию. Это не могло не вызвать раздражения у русских, так как произошло вскоре после их поражения под Гератом, где англичане снова сумели их переиграть на глазах всех участников Большой Игры. Более того, ни для кого не было секретом, что их кампания против черкесов и Шамиля в Дагестане весьма далека от успеха.

Едва ли есть необходимость добавлять, что антироссийская пресса в Британии и на континенте при этой тройной неудаче довольно потирала руки. Со своей стороны Санкт-Петербургские газеты, стараясь оправдать хивинскую авантюру, укоряли иностранную прессу за ее позицию и обвиняли издателей в лицемерии. Русские утверждали, что англичане на гораздо меньших основаниях оккупировали всю Индию, большую часть Бирмы, мыс Доброй Надежды, Гибралтар, Мальту, а теперь и Афганистан, тогда как французы аннексировали весь Алжир под сомнительным предлогом, что его мусульманский правитель оскорбил их консула. «Вина алжирского бея, — утверждал официальный отчет о походе в Хиву, — совершенно незначительна по сравнению с виной хивинских ханов. В течение многих лет они испытывали терпение России своим предательством, оскорбительными поступками, грабежами и содержанием тысяч подданных царя в качестве рабов и невольников ». Касаясь неудачи похода, неизвестные авторы отчета заявляли, что остается надеяться, что это в конце концов докажет всему миру «непрактичность любых идей завоеваний в этом регионе — даже если такие существуют» и раз и навсегда положит конец такой «ошибочной интерпретации» российской политики на Востоке.

Конечно, все это не имело никакого отношения к делу, даже если должно было пройти еще три десятилетия, чтобы Россия отправила в Хиву новую экспедицию. Но к тому времени подозрения и непонимание зашли уже слишком далеко. Лишь немногие в Индии и Великобритании готовы были согласиться, что предпринять такой опрометчивый поход в Хиву Санкт-Петербург побудила в значительной степени паника при виде вторжения самой Великобритании в Афганистан. Антироссийская пропаганда была в полном разгаре. Британские путешественники, возвращавшиеся из России, утверждали, что цели царя Николая ничуть не меньше, чем мировое господство. Роберт Бреммер в своей книге «Путешествия в глубь России», опубликованной в 1839 году, предупреждал, что Николай просто выжидает самого подходящего момента для удара. «Можно почти не сомневаться в том, что он сделает это, как только в Польше станет безопасно, черкесы будут побеждены, а внутренние раздоры утихнут», — заявлял он. Другой британский гость, Томас Райкс, в 1839 году стремился привлечь внимание к угрозе быстро растущей военной и политической мощи России и предсказывал, что Британия с Россией весьма скоро окажутся в состоянии войны.

Такие взгляды в Британии ничем не сдерживались. Известный французский наблюдатель маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1838 году, вернулся с аналогичными предчувствиями относительно намерений Санкт-Петербурга. В своей книге «Россия в 1839 году», которую кремленологи цитируют еще и сегодня, он предупреждал: «Они хотят править миром, завоевав

его. Они намерены захватить доступные им страны, а затем терроризировать оставшуюся часть мира. Рост их мощи, о котором они мечтают, если Господь это допустит, станет горем для остального мира».

Британская пресса в известной мере разделяла это чувство обреченности. В редакционной статье, написанной незадолго до того, как стала известна судьба хивинского похода, газета «Таймс» заявляла: «Русские уже почти овладели северными государствами Центральной Азии... теперь они владеют значительной частью внутренних путей, которые когда-то сделали Самарканд, а сейчас делают Бухару коммерческим центром первостепенной важности, и... пройдя обширные участки ужасных пустынь, они сейчас готовятся или уже подготовились обрушить свои вооруженные орды на наиболее плодородные районы Индустана». Она обвиняла Пальмерстона в том, что тот поощрял русских в подобных замыслах, не давая им в прошлом твердого отпора. Однако мало кто сомневался, что когда дело дойдет до неизбежного столкновения, британская армия победит. Известия о том, что русские в попытке захватить Хиву потерпели серьезную неудачу и вынуждены были вернуться к тому, с чего начинали, мало помогли умерить высказывания прессы. Несмотря на настойчивое утверждение Санкт-Петербурга, что попытка повторена не будет и что Россия в любом случае после достижения поставленных целей отвела бы свои войска, все были убеждены, что это всего лишь вопрос времени, когда значительно большая экспедиция будет направлена в Хиву в более тщательно выбранное время года.

Другой влиятельный журнал, «Фореин Куотерли Ревю» («Квартальное обозрение иностранных дел»), который прежде всегда проповедовал сдержанность, теперь присоединился к рядам русофобов, предупреждая своих читателей о «чрезвычайной опасности», которую представляет Санкт-Петербург как в Азии, так и в Европе. «Молчаливое и еще более пугающее продвижение России во всех направлениях, — заявлял он, — стало теперь вполне очевидным, и мы не знаем ни одной европейской или азиатской державы, в которую она не планирует совершить вторжение. Бедная Турция уже почти стала ее собственностью, то же происходит и с Грецией. Черкессия еще держится, но она разделит судьбу Польши, если ей не помочь. Персия уже с ней, очевидно, следующими на очереди стоят Индия и Китай. Пруссии и Австрии стоит весьма внимательно наблюдать за происходящим, и даже Франция находится под пристальным вниманием в надежде, что какие-то потрясения непопулярной династии Орлеанов выдвинут такого кандидата на трон, как принц Луи Наполеон».

Вот до такого уровня упали англо-русские отношения, когда в конце января 1840 года ничего не знавший об этом капитан Джеймс Эбботт приближался к Хиве. Он не знал даже того, что русская экспедиция потерпела крах, и в результате он выиграл гонку. Однако, как он вскоре обнаружил, прием, оказанный ему в этой твердыне ислама, оказался отнюдь не восторженным.

17. Освобождение рабов

Когда капитан Эбботт, сменивший мусульманский наряд на форму британского офицера, въезжал в ворота Хивы, он обнаружил, что до столицы уже дошли пугающие слухи об истинной цели его прибытия. В частности, в них утверждалось, что он — русский шпион, выдающий себя за англичанина, и что послан он генералом Перовским, чтобы доложить тому об обороноспособности города. Затем он с тревогой узнал, что незадолго до того два таинственных путешественника-европейца, утверждавшие, что они англичане, были заподозрены ханом в том, что они — русские, и подвергнуты пытке докрасна раскаленными вертелами. Видимо, цель пытки была достигнута и бедолаги в чем-то сознались, так как им перерезали глотки, а останки бросили в пустыне в качестве страшного предупреждения другим. И теперь вот он, тоже представившийся англичанином, оказался здесь в тот самый момент, когда над Хивой нависла серьезная угроза. Потому вряд ли могло казаться неожиданностью, что к Эбботту отнеслись с величайшим подозрением. Усугубляло его трудности еще и то, что даже сам хан не знал толком, кто же такие англичане на самом деле. До тех пор, пока до Хивы не добрались новости о роли Элдреда Поттинджера в обороне Герата, вряд ли хоть кто-нибудь из хивинцев когда-либо про них слышал. Среди рабов ни единого англичанина не было, и ни один из них, насколько кто-то мог припомнить, никогда не посещал Хиву. Многие полагали,

что они просто подчиненное русским племя или их вассальное государство. Ходили даже слухи, что англичане, успешно захватившие Кабул, предлагали объединить свои войска с наступающими русскими и разделить между собой всю Центральную Азию. В связи с такими дикими рассказами шансы Эбботта убедить хивинцев отпустить рабов в обмен на отвод русских войск представлялись весьма шаткими.

Но если Эбботт тревожился за свою безопасность, то хан точно так же беспокоился о своей. Уверенный, что русские все еще продолжают продвигаться к его столице с армией, по слухам достигавшей 100 000 человек, он отчаянно искал помощи с любой стороны, поэтому согласился принять британского офицера и рассмотреть его предложения; хотя, если тот действительно шпион, следовало предпринять чрезвычайные меры, чтобы он как можно меньше выдал про обороноспособность Хивы. На первой из нескольких аудиенций, данных ему ханом, Эбботт представил свои рекомендации вместе с письмом от его гератского начальника майора Тодда. Хотя сам он с неловкостью ощущал, что они мало что дают. «Я был послан под давлением обстоятельств, — писал он позднее, — не имея даже рекомендаций от главы индийского правительства». Хан был явно разочарован содержанием письма Тодда. Он явно надеялся, что Эббота послали, чтобы предложить ему немедленную военную помощь, а не просто передать дружеские пожелания. Эбботт объяснил, что такое важное решение может быть принято отнюдь не майором Тоддом, а лишь британским правительством в Лондоне. Для этого нужно время, а русские очень скоро могут оказаться у ворот Хивы. Существует лишь один способ это предотвратить, и заключается он в том, что хан отошлет домой всех наличных здесь русских рабов и таким образом лишит царя широко объявленного предлога для нападения на Хиву.

Эбботт предложил самому отправиться на север вместе с рабами или хотя бы символической их группой, чтобы встретиться с русскими и попытаться обсудить этот вопрос от имени хана. Но весьма натеревший в предательстве властелин Хивы отнесся к его идее с подозрением. В конце концов, хотя много эту тему они не обсуждали, приезжий вполне мог находиться во враждебных отношениях с русскими.

Хан поставил вопрос довольно деликатно. Он спросил: что помешает русским захватить и его, и рабов и продолжить свое наступление? Эбботту пришлось согласиться что гарантии успеха он дать не может. Если Лондон и Санкт-Петербург в Азии являются соперниками, спросил хан то не думает ли Эбботт, что русские его просто убьют? Эбботт объяснил, что две страны не находятся в состоянии войны даже если Британия не хочет видеть Хиву под русской оккупацией, и что каждая держава в столице другого государства держит посла. Русские, добавил он, слишком уважают военную и политическую мощь Британии, чтобы рискнуть причинить неприятности одному из ее подданных. Хан заметил, что к его послам русские никакого уважения не проявили, а просто их арестовали, причем среди них был его собственный брат. Такие вещи, объяснил Эбботт, могут случиться, когда ясно, что возмездия не будет, но Лондон и Санкт-Петербург расположены очень близко друг к другу, а «морская и военная мощь Британии слишком внушительна, чтобы не принимать ее всерьез».

Пока хан обдумывал предложение Эбботта, они перешли к другим вопросам. Вскоре Эбботту стало ясно, что хан весьма смутно представляет относительные размеры Британии, России и его собственного небольшого ханства

«Сколько пушек у России? — спросил он Эбботта Англичанин ответил, что не знает точно, но наверняка очень много. — У меня двадцать пушек, — гордо заявил хан — А сколько пушек у королевы Англии?»

Эбботт объяснил, что у нее так много пушек, что точное число их неизвестно. «Моря бороздят множество английских кораблей, и на каждом от двадцати до ста двадцати пушек самого крупного калибра, — продолжил он. — Ее крепости полны пушек, и еще тысячи лежат на складах. У нас пушек больше, чем у любой другой страны на свете».

«И как часто может стрелять ваша артиллерия?» — спросил хан.

«Наша полевая артиллерия может дать семь выстрелов в минуту».

«Русские стреляют из своих пушек двенадцать раз в минуту».

«Ваше Величество неверно информировали, — возразил Эбботт. — Я сам служу в

артиллерии и знаю, что такая скорострельность невозможна».

«В этом меня уверял персидский посол», — продолжал настаивать хан.

«Тогда неправильно информировали его. Нет на свете более квалифицированных артиллеристов, чем англичане, но если есть возможность выбора, мы никогда не делаем больше четырех выстрелов в минуту. Мы не растрачиваем наши выстрелы понапрасну, а именно так может случиться, если орудие каждый раз не нацеливать заново. Мы считаем не произведенные выстрелы, а число снарядов, поразивших цель».

И все же хан, никогда не видевший современной артиллерии в действии, не имел ни малейшего представления о ее ужасной разрушительной силе против глинобитных укреплений или атакующей кавалерии. Некоторые из министров хана были уверены даже в том, что вполне смогут отразить атаки Перовского, когда тот приблизится к столице. Эбботт заметил, что русские располагают неограниченными ресурсами и если потерпят неудачу в первой попытке освободить рабов, то просто вернуться с гораздо большими силами и хивинцы, как бы храбро они ни сражались, не смогут им противостоять. «В этом случае, — ответил главный министр хана, — если мы погибнем в бою, сражаясь с неверными, то попадем прямо в рай». На какой-то миг Эбботт не нашел, что ответить. Потом спросил: «А ваши женщины? Какой рай обретут ваши жены и дочери в руках русских солдат?» При напоминании об этой неприятной перспективе министры промолчали. Эбботт почувствовал, что ему удалось несколько продвинуться вперед в попытках убедить их, что единственным спасением является освобождение рабов и позволение ему посредничать в переговорах с русскими. Однако путь предстоял еще очень долгий, и все это время не прекращались бесконечные расспросы любопытного хана и других придворных. Все это было хорошо знакомо британским офицерам, путешествовавшим по мусульманским странам. Сообщение о том, что правителем страны может быть женщина, неизменно вызывало изумление и веселье.

«А ваш король на самом деле женщина?» — спрашивали его.

«Да, это именно так».

«А ваша королева замужем?»

«Нет, она еще слишком молода».

«А если она выйдет замуж, ее муж станет королем?»

«Ни в коем случае. Он не имеет власти».

«Сколько городов у вашей королевы?»

«Их слишком много, чтобы можно было сосчитать».

И так без конца. Все ли королевские министры — женщины? Всегда ли англичане избирают в короли женщину? Правда ли, что у них есть подзорные трубы, с помощью которых можно видеть сквозь стены крепостей? В Англии зимой так же холодно, как в Хиве? Едят ли они свинину? Правда ли, что они захватили Балх? Правда ли, что Россия гораздо больше Англии? Услышав этот вопрос, Эбботт почувствовал, что слишком многое поставлено на карту, и счел необходимым уточнить. «Именно этот вопрос, — заявил он, — явился предметом спора между английской и русской миссией в Тегеране и после тщательного рассмотрения был решен в пользу Англии. У королевы Виктории, — продолжил он, — больше территории, в пять раз больше подданных и в несколько раз больше государственных доходов, чем у России. Но кроме сухопутной территории она владеет еще и морями. Взгляд на карту подскажет, что моря занимают втрое больше места, чем суша, — утверждал он и добавил: — Там, где катит волны океан, у нашей королевы нет соперников».

К тому времени хивинцы узнали, что ужасная погода остановила в степи войска генерала Перовского, но еще не знали, что русские в трудных условиях пробиваются обратно в Оренбург. В Хиве полагали, что как только погода начнет улучшаться, русские снова двинутся вперед. После многих дней отговорок и обсуждений Эбботта вновь пригласили к хану. Там ему сообщили, что принято решение воспользоваться его услугами. В сопровождении небольшого количества русских рабов — в знак доброй воли хивинцев — его отправят не в штаб-квартиру генерала Перовского, а в сам Санкт-Петербург, где от имени хана ему предстоит вести переговоры о возвращении остальных рабов. Те будут освобождены, если царь согласится приостановить военную операцию против Хивы и вернет хивинских заложников, которых держат в Оренбурге. Эбботту вручат ханское письмо с этими условиями, которое он должен

доставить лично царю Николаю.

Выполнение подобной миссии серьезно превышало инструкции, полученные Эбботтом от майора Тодда. Те ограничивались только предложением попытаться убедить хана освободить русских рабов и таким образом предотвратить переход Хивы в руки русских. Как стало известно впоследствии, Эббот уже превысил свои полномочия, обсуждая с ханом возможность заключения договора между ним и Британией. Однако ради справедливости следует сказать, что у него не было никакой возможности получить дополнительные инструкции или совет своего руководства. Помимо разделявших их огромных расстояний он вскоре обнаружил, что его доклады Тодду перехватывал подозрительный хан. Так что Эбботт решил рискнуть навлечь на себя недовольство официальных лиц, рассчитывая, что если он, как Элдред Поттинджер в Герате, добьется успеха и сможет надолго устранить угрозу Хиве, то укорить его будет не за что. Более того, путешествие из Хивы в Санкт-Петербург через самое сердце полей Большой Игры представлялось заманчивым и редкостным приключением.

Хотя Эбботт полагал, что сумел развеять подозрения хана насчет того, что он русский шпион, хан все равно не давал ему никаких шансов. Чтобы застраховаться от предательства, он побеспокоился о том, чтобы взамен уезжающего Эбботта получить заложника. С виду совершенно бескорыстно хан предложил план, как спасти полковника Стоддарта из когтей его соседа, эмира Бухары, с которым в данный момент у него были некоторые разногласия. Хан заявил, что, мол, у него есть сведения, что Стоддарту каждый день разрешают выходить из тюремной камеры на прогулку. Его план заключался в том, чтобы послать небольшой отряд всадников и выкрасть Стоддарта из-под носа его охранников. Но Эбботт не только сомневался в истинности мотивов желания хана устроить спасение Стоддарта, но еще и в точности его информации. Хотя самым заветным его желанием было увидеть соотечественника на свободе, он решительно выступил против подобной попытки на том основании, что если эмиру об этом станет хоть что-то известно, он немедленно предаст Стоддарта смерти. Так что эту идею отбросили, но все еще опасаясь остаться в дураках, хан и его министры в последнюю минуту решили отказаться от своего предложения отправить с Эбботтом группу русских рабов. Так что 7 марта 1840 года Эбботт в сопровождении лишь небольшого отряда хивинцев отправился через пустыню к форту Александровск, ближайшему русскому посту, расположенному в 500 милях на берегу Каспийского моря. Оттуда он надеялся добраться до двора царя в Санкт-Петербурге.

* * *

В это же время майор Тодд, не имевший от Эбботта никаких известий с момента прибытия того в Хиву и опасавшийся, что тот мог погибнуть, решил отправить второго офицера. Тот должен был выяснить, что же случилось, и, поскольку Эбботт, похоже, потерпел неудачу, уговорить хана освободить русских рабов. Человеком, на которого пал выбор, оказался 28-летний лейтенант Ричмонд Шекспир, способный и честолюбивый политический карьерист и двоюродный брат писателя Теккерея. В отличие от религиозно настроенных Конолли и Эбботта он меньше всего интересовался продвижением в страны Центральной Азии ценностей христианской цивилизации и гораздо больше — вытеснением оттуда России, не говоря уж о собственной карьере. «Шансы отличиться настолько велики, а опасности столь незначительны, — писал он сестре, — что сердце солдата просто ликует от открывающейся перспективы».

Переодевшись в местную одежду, Шекспир 15 мая выехал в Хиву в сопровождении одиннадцати тщательно отобранных гератцев, в том числе семерых вооруженных всадников. Четыре дня спустя после отъезда из Герата они встретили всадника, едущего с севера, тот рассказал им невероятную историю. Эбботт, как он их заверил, добрался до Санкт-Петербурга, где не только добился успеха в переговорах об отводе русских войск, но и заодно убедил царя ликвидировать все его укрепления на восточном побережье Каспийского моря. Если все это было правдой, то дальнейшее продвижение отряда Шекспира теряло смысл. Однако он не был в этом убежден и в любом случае не имел намерений отказываться от такого приключения. «Я этому не поверил, — записал он в своем дневнике. — В любом случае я доберусь до Хивы».

Никаких признаков прекращения активности работорговцев явно не наблюдалось, так как в тот же день они встретили туркестанский караван, направлявшийся на север с новыми

жертвами для хивинского рынка. «Всего их было десять человек, — отметил он. — Две женщины, а остальные — мальчики, почти дети». Хотя хорошо вооруженный отряд Шекспира превосходил туркменов численностью, он не считал возможным вмешаться. «Такой поступок, — объяснял он впоследствии, — разрушил бы все надежды на успех моей миссии и на окончание этого в высшей степени отвратительного занятия. Более того, — добавлял он, — если бы я освободил бедных детей, то в скором времени их схватили бы снова». Вместо этого он ограничился тем, что прочел изумленным рабам лекцию об отвратительности их поведения, тогда как его собственные люди осыпали их бранью и оскорблениями.

Благополучно миновав древний караванный город Мерв, они вступили в самый опасный участок пустыни, в дальнем конце которого лежала река Оксус. Даже при свете дня с трудом удавалось найти путь: ветер и песок быстро скрывали следы предыдущего каравана. Единственными подсказками служили кости животных и случайный череп верблюда, который какой-то заботливый путешественник надел на куст колючки у дороги. Однако их молодой проводник был способен найти дорогу даже ночью в полной темноте. «Он показывал ее мне, — отмечал Шекспир, — но хотя я сходил с лошади и очень старался что-то различить, ничего не видел». В течение дня жара была совершенно нестерпимой, и путников неотступно преследовал страх не найти следующий источник воды. «Если бы что-нибудь случилось с проводником, — отмечал Шекспир, — или он оказался бы менее смелым, гибель отряда стала бы неизбежной».

Три дня спустя они миновали самый опасный участок пути и вскоре оказались на берегу реки Оксус. Отсюда до Хивы оставалось что-то около 100 миль, и туда они прибыли 12 июня. 700 миль они одолели меньше чем за месяц, на день или два быстрее Эбботта. В Хиве Шекспир узнал о несчастье, постигшем его коллегу-офицера, когда тот отправился в долгий путь до Санкт-Петербурга. Преданный проводником, Эбботт подвергся в пустыне нападению бандитов. Его самого ранили, отобрали все, что было, и взяли в плен, а его людей увезли на продажу. Однако каким-то чудом получилось так, что гонец, посланный к нему Тоддом с деньгами и письмами, оказался вместе с ним. Обнаружив, что его захватили люди, номинально являющиеся подданными хивинского хана, посланец предупредил об ужасных последствиях, которые грядут, когда известие об их предательстве достигнет столицы. Схватившие Эбботта бандиты еще больше перепугались, когда узнали, что он везет письмо от хана русскому царю: ведь с этой стороны тоже могло последовать возмездие. Англичанина с глубокими извинениями поспешно отпустили. Отпустили и его людей, вернули коня, мундир и прочее имущество.

После этого Эбботт продолжил путь к Александровску, небольшому военному укреплению на Каспийском море, где надеялся подлечить свои раны, прежде чем двинуться в Санкт-Петербург. Однако дикие слухи о том, что он движется к крепости во главе десятитысячной армии, его опередили, и поначалу в крепость его не пустили. Впрочем, когда там поняли, кто он такой и что он ранен, ворота немедленно распахнулись и он был дружелюбно принят русским комендантом и его потрясающе красивой женой, которая позаботилась о нем и тщательно обработала его раны. Когда Эбботт достаточно поправился, чтобы продолжить путешествие, он выехал в Оренбург, а оттуда — с письмом к царю в Санкт-Петербург. Но в далекой Хиве у Шекспира не было никакой возможности узнать обо всем этом, он не знал даже, жив ли Эбботт вообще. Но одно было совершенно очевидным. Эбботт явно потерпел неудачу при попытке убедить хана освободить хотя бы одного русского раба. Тут-то для честолюбивого Шекспира и был шанс.

* * *

Вечером в день прибытия в Хиву Шекспира пригласили к хану на прием. «Его Высочество принял меня крайне любезно», — писал он в своем докладе. Между ними с самого начала установились хорошие отношения. На Шекспира произвело весьма благоприятное впечатление отсутствие у хана какой-либо рисовки и хвастовства. «При его дворе не было никакой помпезности или картинности, нигде никакой стражи, и я не увидел никаких драгоценностей», — писал он. Высокий, представительный, красивый лицом и с прекрасной

фигурой, всем своим внешним обликом человека, привыкшего командовать, Шекспир, видимо, произвел на хана большее впечатление, чем довольно застенчивый и серьезный Эбботт. Сделать такое предположение позволяют и результаты его визита. Шекспир просто не мог выбрать более благоприятного момента для приезда в Хиву и попытки убедить хана освободить русских рабов. Известие о полном масштабе катастрофы, постигшей русских в снегах на севере, только что достигло столицы, и хивинцы бурно радовались тому, что называли грандиозной победой. Однако сам хан был не столь уверен — его беспокоило, какие следующие шаги предпримут русские. Его весьма тревожило предупреждение Эбботта, что если русские при первой попытке потерпят крах, то вернуться с неизмеримо большими силами. Все это серьезно облегчало задачу Шекспира на переговорах.

В последующем отчете о своей миссии Шекспир не приводит особых деталей переговоров с ханом или аргументов, которые он использовал, чтобы добиться своего. Однако, как выяснилось позднее, он, как и Эбботт, значительно превысил данные ему полномочия, используя в качестве приманки договор между Хивой и Британией. Это был не первый и не последний случай, когда участники Большой Игры действовали якобы от имени своего правительства, чтобы добиться преимущества над противниками. Но какие бы стимулы ни использовал Шекспир в своих попытках убедить хана, постепенно он обнаруживал, что тот все более склоняется к мысли о том, что лучшим способом спастись от ярости России было бы отпустить всех его рабов. В конце концов 3 августа Шекспир смог с триумфом записать в своем дневнике: «Хан... передал мне всех своих рабов, и я должен доставить их в русский форт на восточном побережье Каспийского моря».

Он немедленно организовал свою штаб-квартиру за пределами столицы, в саду, который для этой цели предоставил ему хан. Туда к нему доставляли рабов, и по мере того, как хивинские чиновники их приводили, Шекспир составлял списки. На следующий день он насчитал более 300 мужчин, 18 женщин и 11 детей. В среднем, как он выяснил, мужчины находились в рабстве около десяти лет, а женщины — до семнадцати. «За одним исключением, — отметил он, — все они прекрасно себя чувствовали». Большинство мужчин попались во время рыбной ловли на Каспии, тогда как женщин украли в окрестностях Оренбурга. «Все они, похоже, были очень бедны, наперебой меня благодарили, и в целом это была одна из самых приятных обязанностей, которую мне когда-либо доводилось выполнять», — записал Шекспир в тот вечер в дневнике. Но его проблемы были еще далеки от завершения. Несмотря на указ хана о том, что ему следует передать всех русских рабов, ощущалось явное сопротивление со стороны тех, кто заплатил за своих невольников высокую цену. Ведь здоровый раб мужского пола как-никак обходился хозяину в 20 фунтов стерлингов, а то и более — стоимость четырех породистых верблюдов, по оценке Шекспира. В основном через тех, кто уже получил свободу, до него стали доходить сведения, что хозяева удерживают еще много их соотечественников.

К одному такому случаю, касавшемуся двух маленьких детей, его внимание привлекла только что освобожденная отчаявшаяся мать. Обнаружилось, что двое детей, 9-летняя девочка и ее младший брат, находятся в услужении у весьма влиятельной придворной дамы, которая решительно настроена их удержать. После долгих переговоров она согласилась освободить мальчика, но настаивала на том, чтобы оставить девочку. Услышав об этом, обезумевшая мать сказала Шекспиру, что предпочтет остаться в рабстве, чем уехать без своего ребенка. «Затем она стала насмехаться, — писал он, — над моим обещанием освободить ребенка». Это было уже слишком, так что он оседлал лошадь и поехал к хану во дворец. Там главный министр пришел в большое беспокойство, стремясь узнать о причине столь внезапного визита без предупреждения, но Шекспир решил, что будет благоразумнее «оставить его на сей счет в неведении». Он с тревогой ощущал, что требование освободить единственного ребенка может поставить под угрозу исход всей операции. Поэтому он решительно потребовал позволения говорить с ханом лично, а не через посредников, настолько важным было его дело.

Когда его провели к хану, Шекспир попросил, чтобы девочке разрешили уехать вместе с матерью. Хан заверил, что у нее нет желания покидать прекрасный дворец, но Шекспир настаивал, что она еще слишком мала, чтобы понимать, что ей нужно. Какое-то время хан колебался. Потом повернулся к главному министру и довольно раздраженно бросил: «Отдай

ему ребенка». Вскоре девочку привели и передали Шекспиру. «Мне редко приходилось видеть более прекрасного ребенка, — писал он в тот вечер в своем дневнике. — Казалось совершенно ясным, что она предназначалась для личного гарема хана». При виде Шекспира, одетого в местный наряд, девочка ошибочно приняла его за работоторговца и принялась плакать и кричать. «Ни за что, — кричала она, — ни за что я с ним не пойду». Но по счастью, с Шекспиром был человек, которого она знала и которому доверяла, так что в конце концов она позволила уговорить себя пойти с ним и уселась к нему в седло. На следующее утро благодарная мать привела обоих детей к Шекспиру, чтобы его поблагодарить.

Однако даже теперь с делом было еще не покончено. Предстояло передать еще около двух десятков русских, Шекспиру вновь пришлось обратиться к хану с протестом по поводу того, что его указ игнорируется. Показав ему список тех, кого, по его сведениям, задерживали, Шекспир сказал, что если он не сможет забрать с собой всех русских, то вынужден будет отказаться от этого дела. Он указал, что до тех пор, пока хотя бы один из подданных царя будет оставаться в руках хивинцев, Россия будет иметь предлог для вторжения на их территорию. «Его Величество был поражен моими резкими словами, — отмечает Шекспир, — и отдал своему министру приказ таким тоном, что заставил того вздрогнуть». Он заявил, что каждый, о ком станет известно, что он задерживает русского раба, будет предан смерти. На следующий день мне передали дополнительно еще семнадцать русских, некоторых еще в цепях. Теперь оставалось еще четверо и, наконец, всего лишь один. Староста селения, в котором того держали, пришел к Шекспиру и поклялся на Коране, что тот умер. Но отец его, также бывший раб, настаивал, что тот еще жив и его удерживают против его воли. В конце концов после тщательного обыска в селении русского нашли спрятанным в погребке под амбаром для зерна.

15 августа — через два месяца после прибытия в Хиву — отряд Шекспира был готов двинуться в 500-мильный путь через пустыню к форту Александровск на Каспийском море. Помимо освобожденных рабов — всего их было 416 человек — Шекспира сопровождал выделенный ханом вооруженный эскорт. Хотя тот и издал декрет, что в будущем захват русских в рабство будет наказываться смертью, у Шекспира не было ни малейшего желания увидеть, как рабы снова попадут в руки не признающих никаких законов туркмен. Недавняя история, произошедшая несколько месяцев назад на той же самой дороге с Эбботтом и его отрядом, напоминала о необходимости как вооруженной защиты, так и предельной бдительности.

Когда они выехали из Хивы, их караван представлял необыкновенное зрелище. «Местность была такой открытой, — писал Шекспир, — что верблюды сгрудились и шли дальше вместе, дети и женщины, ехавшие в корзинах на спинах животных, пели и смеялись, мужчины твердо шагали рядом — все считали немногие дни, оставшиеся до того момента, когда они смогут встретиться с соотечественниками». Понятно, что Шекспир мог быть весьма доволен собою: он в одиночку достиг того, чего не смогла добиться тяжеловооруженная русская армия, потерпевшая такое унижительное и оскорбительное поражение. Его смелость и прямота в переговорах со всемогущим ханом, сами по себе весьма рискованные, позволили ему добиться успеха там, где Эбботт потерпел неудачу. «Освобождение этих бедных несчастных удивило туркмен и вызвало у них изумление, — отмечал он, — и я скромно надеялся, что это может явиться зарей новой эры в истории этой нации и что в конце концов имя Британии будет произноситься с благоговением и почтением как страны, положившей конец этому нечеловеческому обычаю и цивилизовавшей туркмен, которые в течение столетий были бичом Центральной Азии». Казалось, он забыл, в отличие от хана, что хивинцы все еще удерживают в своих руках гораздо более многочисленных, даже если и менее ценных, рабов-персов.

Когда караван приблизился к русской крепости Александровск, Шекспир выслал вперед одного из бывших рабов с написанным по-английски письмом, чтобы предупредить коменданта. Сначала гонца, как это было и с Эбботтом, его соотечественники из крепости приняли весьма подозрительно, так как опасались ловушки. Кроме того, они не совсем поняли письмо Шекспира, ибо известие об освобождении ханом всех русских рабов было, как отмечал английский офицер, «слишком удивительным, чтобы ему можно было поверить». Русскому гарнизону понадобился целый вечер, чтобы разобраться со своими подозрениями. Однако этот страх перед предательством был свойственен не одним только русским.

Когда отряд приблизился к крепости на шесть миль, хивинский конвой и погонщики верблюдов отказались двигаться дальше из страха быть захваченными в плен русскими войсками. Они утверждали, что, так далеко сопровождая караван, они уже превысили инструкции хана. Но до крепости оставалось еще слишком далеко, чтобы маленькие дети могли пройти этот путь, а многие взрослые везли с собой имущество, которое не могли унести на себе. В конце концов запуганные погонщики согласились выделить на последний этап пути двадцать животных, а сами решили дожидаться их возвращения на безопасном расстоянии.

И вот наконец-то рабы достигли Александровска и свободы. Их встреча, отмечал Шекспир, представляла необычайно запоминающуюся картину. «Почтенный комендант, — писал он, — был преисполнен благодарности». Он даже дал Шекспиру официальную расписку за спасенных рабов, в которой написал: «Они единодушно выражают вам свою благодарность как отцу и благодетелю». В тот вечер в письме к сестре Шекспир с торжеством отметил, что «не потерял ни одной лошади и ни единого верблюда». На следующий вечер русские устроили в его честь прием, на котором пили за здоровье королевы Виктории и царя Николая, а также за здоровье их английского гостя. Спутники Шекспира были немало напуганы торжественной стрельбой из пушек и приветственными криками, не говоря уже о потреблении спиртного. Действительно, все они — правоверные мусульмане — были поражены некоторыми обычаями неверных, с которыми в Александровске им довелось столкнуться впервые.

На следующий день после прибытия один из них в отчаянии прибежал к Шекспиру. Он только что видел, как русские солдаты кормили своих любимых собак — нечистых животных для мусульман, — и подумал, что те откармливают их для употребления в пищу. «Там была также женщина, — сказал он Шекспиру, — с открытым лицом и шеей. А еще хуже, — продолжал он, — у нее были голые ноги, и я видел их до колен!» Они со спутниками заглянули также в гарнизонную часовню. «Они поклоняются идолам, — воскликнул он. — Я это видел.

Все мы это видели». Бормоча: «Покаяние, покаяние», он просил разрешения без промедления отправиться обратно в Герат с донесениями для Тодда. На следующий день, сопровождаемые заверениями в вечной дружбе, они отправились в свой долгий путь домой. «Никогда у меня не было более преданных слуг», — записывал Шекспир в своем дневнике.

Удалось найти три судна, на которых Шекспира со спутниками должны были доставить вдоль берега до того места, откуда им предстояло продолжить свой путь до Оренбурга уже по суше. Там сбросивший бороду и переодевшийся в европейский костюм Шекспир был тепло принят генералом Перовским, который от души его поблагодарил и немедленно велел освободить 600 хивинцев, содержащихся в Оренбурге и Астрахани. Не собираясь упустить такую возможность, Шекспир смотрел во все глаза, пытаясь обнаружить какие-либо признаки подготовки второго русского похода на Хиву. Он с облегчением отметил, что ничего не нашел, хотя его хозяева позаботились, чтобы за время своего пребывания в Оренбурге он увидел как можно меньше вещей, представляющих военное значение. Третьего ноября 1840 года, шесть месяцев спустя после отъезда его группы из Герата, Шекспир по пути в Лондон прибыл в Санкт-Петербург. Там его официально принял царь Николай, который формально поблагодарил его за предпринятое с немалым риском для собственной жизни освобождение столь большого числа русских подданных из рук захватчиков-язычников. Царь пришел в бешенство от поступка молодого английского офицера, о котором его никто не просил, но который теперь стал всемирно известен. Ведь он, как и надеялись начальники Шекспира, весьма эффективно лишил Санкт-Петербург какого бы то ни было предлога для нового продвижения в сторону Хивы. А ведь именно ее многие английские и русские стратеги рассматривали как один из главных краеугольных камней на пути в Индию.

Нет ничего удивительного в том, что русские историки, как царские, так и советские, игнорировали роль Эбботта и Шекспира в освобождении хивинских рабов. Их освобождение приписывалось исключительно растущему страху хана перед русской военной мощью и испытанным им испугом при известии о первом походе на него. Однако русскими историками много чего было сказано про Эбботта и Шекспира. Обоих называли английскими шпионами, направленными в Центральную Азию в рамках гигантского плана установить там владычество Британии за счет задуманного ослабления влияния России. По мнению Н.А. Халфина, ведущего

советского авторитета касательно эпохи Большой Игры, афганский город Герат был в то время «гнездом британских агентов». Он служил местом руководства, утверждает он, «широкой сетью британских военно-политических источников разведывательной информации и системой связи для британских агентов». Конечно, в этом есть известная доля правды, хотя он представляет англичан в Центральной Азии куда лучше организованными, чем это было на самом деле. Макнагтен, Бернс, Тодд и другие политические деятели были бы немало удивлены, если не сказать польщены, узнав об этой русской точке зрения насчет их всеведения.

Подобно Эбботту, отправленному перед ним, утверждает Халфин, Шекспир был послан в Хиву для того, чтобы разведать дороги и крепости вдоль русской границы между Александровском и Оренбургом. «В качестве оправдания своего появления в России со стороны Хивы, — заявляет он, — Шекспир выдвинул необходимость сопровождения русских рабов. Воспользовавшись тем, что хивинские власти под давлением России были вынуждены освободить этих узников, Шекспир поехал вместе с ними, выдавая себя за их освободителя. Чтобы получить разрешение проехать в Оренбург — конечную точку его назначения, — он, как до него уже сделал Эбботт, представлялся посредником в переговорах между хивинцами и русскими. Понимая, что оба офицера появились там в качестве шпионов, генерал Перовский позаботился, чтобы они находились под строгим наблюдением до тех пор, пока не были благополучно выдворены из страны».

Халфин далее утверждает, что англичане имели шпионскую сеть даже в самом Оренбурге. Ее центром, как он сообщает, был миссионерский пункт, организованный там Британским и иностранным библейским обществом, в 1814 году переименованным в Русское библейское общество. Его целью было, цитирует он установившего это более раннего историка, заниматься шпионажем, установить отношения с Хивой и Бухарой и, если возможно, восстановить их против России. Шекспир, утверждает Халфин, имел приказ установить связь с этими миссионерами. Фактически, добавляет он, ни Шекспир, ни его руководство, видимо, не знали, что миссия уже закрыта властями. Однако, заключает он, возможно, «сохранялись некоторые остатки этого общества и именно их Шекспир должен был завербовать для подрывной деятельности в Оренбурге». Нет нужды говорить, что ни Шекспир, ни Эбботт в своих рассказах не сделали об этом ни малейшего упоминания.

Утверждения Халфина в значительной степени основываются на данных из тайника с выцветшими письмами и другими бумагами, якобы захваченными у туркмен в 1873 году и хранящимися сегодня в советском военном архиве (дело № 6996). Как считает Халфин, письма, написанные между 1831 и 1839 годами, вместе с другими бумагами принадлежали лейтенанту Шекспиру (хотя в них нигде нет его фамилии) и тот каким-то образом потерял их во время своего путешествия в Хиву. Однако, как отмечает британский ученый полковник Джеффри Уиллер, который первым опроверг голословные утверждения Халфина в 1958 году в журнале «Обозрение Центральной Азии: „Трудно поверить, что кто-либо из ответственных лиц, выполнявших якобы секретную миссию в Центральной Азии, взял бы с собой собрание конфиденциальных писем, последнее из которых было написано за два года до этого“».

Письма, которые не были подписаны и появлялись только в копиях, посвящены главным образом политике — или голым амбициям, как представляется Халфину — Британии в Центральной Азии. Однако большую часть своих выводов относительно истинной цели поездок Эбботта и Шекспира русский ученый делает из бумаг, найденных вместе с ними. На некоторых из них стоят грифы «секретно и конфиденциально». Его статья, появившаяся в советском журнале «История СССР», №2 за 1958 год, не содержит факсимиле этих документов и потому, как отмечает Уиллер, не может быть проверена. Без доступа к оригиналам в советском военном архиве невозможно проверить и точность выбранных Халфиным цитат и их интерпретации. Если независимо от его интерпретации бумаги и письма именно таковы, как он утверждает, тогда они принадлежали скорее Эбботту, чем Шекспиру, и были у того отобраны во время нападения, когда по пути в Александровск его ограбили.

Но независимо от того, что русские чувствовали (и, по-видимому, чувствуют до сих пор) по поводу Шекспира, его руководство было восхищено тем, как умело он смирил орудия царя, освободив его подданных. По возвращении в Лондон его ожидал восторженный прием, напомилавший прием, оказанный восемь лет назад Александру Бернсу. Хотя ему было только

чуть больше двадцати, он *был* произведен в рыцари и отмечен ликующей королевой Викторией, которая, несмотря на то, что ей был лишь 21 год, уже проявляла признаки русофобии. Что же касается более скромного Эбботта, проложившего дорогу подвигу Шекспира, он получил гораздо более скромное признание. Награды нашли его гораздо позднее. Его не только возвели в рыцари и произвели в генералы, но даже назвали в его честь гарнизонный город Эбботтабад, находящийся сегодня в Северном Пакистане

Однако все это произойдет в далеком будущем. А сейчас и Шекспир, и Эбботт стремятся вернуться в Индию, так как за время их долгого отсутствия дела у англичан в Центральной Азии стали складываться весьма драматично

18. Ночь Длинных Ножей

Англичане преуспели в освобождении из хивинской неволи царских подданных, но потерпели неудачу в попытках освободить англичанина из плена эмира Бухарского. Все их усилия, не говоря уже о попытках русских, турок и правителей Хивы и Коканда, убедить эмира Насруллу отпустить полковника Чарльза Стоддарта оказывались безрезультатными. К тому времени злосчастного офицера удерживали в плену больше двух лет. Условия содержания зависели от прихотей Насруллы, а также его текущей оценки британских возможностей в Азии. Так, когда до него дошли новости о взятии Кабула британскими войсками, положение полковника Стоддарта внезапно улучшилось. До тех пор он томился на дне известной в Бухаре под названием «черная дыра» глубокой двадцатифутовой ямы, которую разделял с тремя уголовниками и богатым ассортиментом паразитов и прочих неприятных существ, веревка была единственным средством связи с внешним миром.

Теперь его поспешили извлечь из ямы-клоповника и поместили под домашний арест в доме начальника эмирской полиции. Но проблемам полковника конца не предвиделось, поскольку не было никаких признаков, что эмир склоняется к решению позволить Стоддарту покинуть Бухару. До сих пор не вполне ясно, почему полковник оставался в неволе, хотя несколько возможных объяснений имеется. В регионе, где предательство было нормой, впереди него неизбежно разносились слухи о том, что он не просто эмиссар, а британский шпион, направленный в Бухару, чтобы все там разноухать и подготовить захват эмирата. Если так, то, с точки зрения эмира, он уже увидел и узнал слишком много, чтобы позволить ему возвратиться домой. Но для недовольства Насруллы была и другая причина. В первый свой визит в Бухару 17 декабря 1838 года Стоддарт допустил чрезвычайно досадную оплошность. К удивлению народа, он отправился во дворец эмира вручать верительные грамоты в полном воинском обмундировании и с эскортом, отнюдь не демонстрируя общепринятого в Бухаре смирения на грани самоуничтожения.

К несчастью, Насрулла в тот момент как раз возвращался во дворец и увидел, как полковник со свитой пересекают главную городскую площадь. Оставаясь, в соответствии с английской военной традицией, в седле, Стоддарт приветствовал владыку Бухары. Насрулла, согласно одному источнику, «установился на него и долго смотрел неотрывно, а затем поехал прочь, не сказав ни слова». Во время первой беседы Стоддарта с эмиром полковник допустил еще несколько оплошностей— и результатом стало стремительное низвержение в кишашую крысами темницу.

Некоторые обвиняли в случившемся самого Стоддарта, его высокомерие и недипломатичность, хотя это едва ли оправдывает поведение Насруллы. В отличие от Бернса, Поттинджера и Роулинсона, Стоддарт не привык к льстивому раболепию восточной дипломатии. Как выразился его брат-офицер: «Стоддарт был простым солдатом, человеком большой храбрости и прямоты. Для наступления или защиты крепости никого лучше не найти. Но для дипломатической миссии он был менее приспособлен и оказался не готов к ее особенностям». Действительно, немалую часть ответственности за его судьбу должны были бы разделить те, кто выбрал его для такой тонкой миссии, особенно сэр Джон Макнейл из Тегерана, истинный ветеран Игры, прекрасно разбиравшийся в строгом этикете Востока.

У избавленного от кошмара эмирской «черной дыры» Стоддарта и в условиях сравнительного комфорта домашнего ареста не было особых причин радоваться жизни. Он

полагал, что единственная надежда на освобождение связана с английской спасательной экспедицией из Кабула. Мы знаем это из писем, которые он сумел тайно переслать своему семейству в Англии. «Мое освобождение, — писал он в одном из них, — вероятно, не состоится, пока наши войска не подойдут достаточно близко к Бухаре». Но поскольку месяц за месяцем проходили, а никаких признаков спасательной операции не было, он, должно быть, нередко отчаивался, но все же держался твердо. Только однажды мужество ему изменило. Это было в то время, когда он томился в «черной дыре». Местный палач спустился в яму по веревке и передал полковнику повеление эмира: казнить, если тот не примет ислам. Стоддарт согласился и таким образом спас свою жизнь. Когда же его вытащили из ямы и передали под опеку начальника полиции, он упорно утверждал, что «вероотступничество» недействительно, поскольку совершено под чрезвычайным принуждением.

Несколько раз эмир вроде бы изъявлял намерение вступить в союз с англичанами против русских и даже вел переписку насчет этого с Макнагтенем в Кабуле. Это не могло не возрождать надежд Стоддарта. Но едва эмир узнал о бедствиях русских, попытавшихся ворваться в Хиву, он сразу потерял интерес к партнерству с Британией. Кроме того, он жаловался, что английские обещания остаются пустыми словами и ничего обещанного не случается. Когда же он уверился в пассивности партнера и в том, что англичане не намерены посылать в Бухару экспедицию для освобождения Стоддарта, условия жизни полковника снова ухудшилось. Дважды его бросали в тюрьму, хотя на сей раз не в ужасную яму. Несмотря на ухудшение здоровья, переданное по случаю письмо домой свидетельствует, что мужество Стоддарта не оставляло. Он надеялся: Насрулла наконец поймет, что Британия — его лучшая защита против России, которая рано или поздно обратит внимание на Бухару. Оставаясь бесправным пленником, Стоддарт тем не менее намеревался убедить эмира освободить рабов — подобно тому, как, по дошедшим до Бухары слухам, это смог сделать Шекспир в Хиве.

Все это время власти в Лондоне и Калькутте занимались проблемой освобождения своего посланника из плена чудовища-эмира. Первоначально Макнагтен склонялся в пользу отправки в Бухару карательного отряда из Кабула, но генерал-губернатор лорд Окленд был категорически против рискованных вылазок английских отрядов в глубь Центральной Азии. Кроме того, в Афганистане нарастал антагонизм и к англичанам, и к их марионетке — шаху Шуджаху, и Макнагтену требовались все военные силы, чтобы сдержать его и избежать дальнейших осложнений. Кабинет министров в Лондоне тоже не стремился затевать в Азии какие-то новые военные авантюры — их и так хватало и там, и в других местах. В дополнение к тяжким обязательствам в Афганистане много сил отнимала первая «Опиумная» война в Китае, хотя ко второму году обстановка там складывалась благоприятно. Ближе к дому назревали серьезные неприятности и с Францией, и с Соединенными Штатами. Тяжелое положение, в котором оказался английский офицер сравнительно невысокого чина, да еще в отдаленном городе Центральной Азии, в списке приоритетов Пальмерстона не значилось. Премьер полагал, что его освобождение гарантируют рутинные дипломатические усилия, хотя пока что успеха не удавалось добиться даже при посредничестве Турции, вроде бы имевшей неплохие позиции при дворе эмира.

Друзья Стоддарта возмущенно возражали, что нельзя приносить английского офицера в жертву прихотям жестокого тирана и правительство не может оставаться столь черствым и равнодушным к его судьбе. Много говорилось о факте особого произвола — о том, что англичанину пришлось отказаться от христианства и принять ислам. Но их требования предпринять решительные действия остались без внимания. А тем временем приближалась зима 1841 года — третья зима, которую Стоддарт проводил в плену у Насруллы, и перспективы выглядели неутешительно. Но в ноябре того года случилось нечто, принесшее новую надежду. В Бухару со спасательной миссией отправился такой же английский офицер и ветеран Большой Игры капитан Артур Конолли.

* * *

Конолли путешествовал по Центральной Азии по официальному заданию правительства, в то же время исполняя свою давнюю мечту: попытаться помирить и объединить под

английской защитой три враждующих туркестанских ханства — Хиву, Бухару и Коканд. Он был убежден, что подобное соглашение будет не только способствовать продвижению в этом варварском регионе христианской цивилизации, но послужит также вместе с дружественным Афганистаном защитным щитом от российских вторжений для Северной Индии. Полная отмена рабства во всем Туркестане устранила бы остающиеся для вмешательства Санкт-Петербурга предлоги. На первый взгляд это казалось привлекательной идеей, и Конолли нашел достаточно покровителей, особенно в Лондоне, где немногие обладали реальным пониманием центральноазиатской политики. Члены контрольного совета были особенно увлечены его идеями использования вод Оксуса для открытия регулярной навигации. Это не только способствовало бы приобщению аборигенов к благам христианства, но и создало новые рынки для английских товаров.

Конечно же, были и те, кто решительно выступал против грандиозных планов Конолли. Среди них был сэр Александр Бернс. По собственному опыту общения с азиатскими владыками он не видел перспектив какого бы то ни было союза между тремя несговорчивыми соседями. И даже если бы тот состоялся, спрашивал Бернс, «неужели Британия должна обеспечивать безопасность варварских орд в тысячах миль от ее границ? В конечном счете, — настаивал Бернс, — экспансия России в Центральной Азии может быть реально ограничена только через Лондон, оказывающий силовое давление на Санкт-Петербург, а не посредством шатких союзов с капризными и ненадежными ханами». Бернс принадлежал к «наступательной» школе, но был меньшим «ястребом», чем предполагали многие, и полагал, что английского присутствия в Афганистане вполне достаточно.

Однако Конолли было не так просто удержать. Используя свой немалый дар убеждения и усилия покровителей, он постепенно одолел все возражения. Сначала генерал-губернатор лорд Окленд колебался относительно разрешения на его поездку, справедливо полагая, что трагедия в Хиве устранила всякую непосредственную российскую угрозу в регионе. Так что он не видел никакого смысла в дальнейшем вмешательстве в дела эмиров, тем более что миссия могла спровоцировать Санкт-Петербург на карательные действия. Однако перед лицом мощного давления из Лондона и Макнагтена из Кабула он наконец разрешение дал, хотя с одним важным условием. Да, Конолли должен был подталкивать все три ханства урегулировать их давние противоречия и объединиться против русских. Да, он должен попробовать убедить их в насущной необходимости отменить рабство и произвести другие гуманитарные реформы, чтобы устранить любой предлог для российского вторжения. Но ни в коем случае не следовало предлагать им английскую защиту или помощь против России.

3 сентября 1840 года Конолли выехал из Кабула в Хиву с несколько урезанными, но все еще определенными намерениями решительно переменить весь ход истории Центральной Азии. Сопроводять Конолли намеревался сам Генри Роулинсон, но в последний момент он понадобился в другом месте — в Афганистане, где уже доказал эффективность своих действий. Поездка Конолли началась небывало теплым приемом в Хиве — после недавних визитов Эбботта и Шекспира хан был весьма расположен к англичанам. Но туманные предложения Конолли о создании добровольной Центрально-Азиатской федерации и насчет далеко идущих социальных реформ никакой поддержки не встретили. Хан явно не имел ни малейшего желания вступать в какой бы то ни было союз ни с Бухарой, ни с Кокандом. Кроме того, казалось, теперь, освободив христианских рабов, он забыл свои прежние страхи относительно возможности нового вторжения России. Разочарованный Конолли перебрался в Коканд, где тоже был радушно принят. Но и здесь он не сумел заинтересовать хана союзом с любым из соседей. Более того, как раз тогда хан собирался идти войной на Бухарский эмират.

Так что, как и предупреждали Бернс и многие другие, Конолли пока не добился ничего, кроме сбора полезных сведений по текущей политической ситуации в Центральной Азии. Теперь осталась только одна надежда оправдать свою миссию — обеспечить освобождение несчастного Стоддарта. За два месяца пребывания в Коканде Конолли исхитрился вступить в контакт со Стоддартом, который как раз наслаждался периодом относительной свободы. «Эмир, — сообщил Стоддарт, — благосклонно отнесется к визиту Конолли в Бухару. В эти дни, — информировал он, — расположение эмира ко мне возросло. Я полагаю, с вами здесь обойдутся хорошо». Это были роковые слова. Едва ли Стоддарт понимал, что коварный

Насрулла использовал его, чтобы заманить в ловушку его коллегу-офицера. Эмир, чьи шпионы следили за передвижениями Конолли, был убежден, что англичанин сговаривался с его заклятыми врагами, ханами Хивы и Коканда, о его свержении.

В октябре 1841 года, несмотря на предупреждения обоих ханов и рекомендации держаться подальше от Бухары, Конолли отправился на 400 миль к юго-западу, чтобы убедить эмира предоставить Стодарту свободу. Это было безрассудное предприятие, но Конолли, подобно другим ведущим участникам Большой Игры, не страдал от недостатка мужества и личной храбрости. Нельзя игнорировать еще один фактор, который, возможно, действовал на Конолли и толкал его на чрезмерный риск. За несколько месяцев до поездки женщина, на которой Конолли мечтал жениться, предпочла ему его соперника. Конолли был этим глубоко травмирован и, возможно, в результате не слишком тревожился, вернется он из путешествия или нет. Как бы там ни было, 10 ноября, проехав через Ташкент, чтобы не оказаться в зоне предполагаемых боевых действий назревавшей войны эмира с его соседом, Конолли прибыл в Бухару. Вскоре ему позволили встретиться со Стодартром, за месяцы неволи заметно исхудавшим и изможденным.

Сначала эмир обращался со вновь прибывшим вежливо, но скоро его настроение начало портиться. Очевидно, это было связано с напрасными ожиданиями получить ответ на дружественное письмо, которое он месяцем ранее послал королеве Виктории. Отсутствие ответа он интерпретировал то как унижение, из-за которого он «теряет лицо» перед своими визирями и приближенными, то как свидетельство, что Стодарт и Конолли, утверждавшие, что представляют королеву, на самом деле самозванцы и шпионы. Ничуть не улучшило его настроение послание лорда Пальмерстона (о котором эмир, естественно, никогда не слышал), уведомляющее что его письмо направлено в Калькутту для сведения. Насрулле, пребывавшему в убеждении, что его эмират разве что немного уступает в величии и могуществе Великобритании это показалось преднамеренным вызовом. Если бы Стодарт и Конолли знали, каково будет второе послание, которое скоро поступит эмиру на сей раз от генерал-губернатора они бы не усомнились, что начальство их предало. В послании требовавшем их немедленного освобождения, они были представлены не как официальные английские эмиссары а как частные путешественники. Но послание это в конечном счете добралось до Насруллы слишком поздно, чтобы причинить им еще больший вред. Их судьбу решили долетевшие до Бухары из Кабула новости о катастрофе, случившейся с англичанами в Афганистане.

* * *

Враждебность к англичанам в Кабуле, недавно восстановленном в статусе столицы шаха Шуджаха, нарастала в течение нескольких месяцев, хотя сами они не спешили не только реагировать, но и просто разобраться, что к чему. Столь опытные политики, как сэр Уильям Макнагтен и сэр Александр Бернс, должны были бы знать, что творилось в сердцах и умах афганцев, но отношения между ними вконец испортились. Бернс вынужден характеризовать себя в письме другу как «высокооплачиваемого бездельника» чьи советы никогда не слушает его начальник. А Макнагтен в значительной степени утратил интерес к текущим делам, поскольку вскоре должен был покинуть Афганистан, чтобы занять весьма лакомую должность губернатора Бомбея — награда за успешное водружение британской марионетки на афганский трон. Так что он ни в коем случае не желал признаться, что в его вотчине хоть что-нибудь шло не так. У Бернса же, изнывавшего в ожидании заступления на пост, было совсем немного дел и слишком много развлечений, чтобы вовремя заметить тревожные признаки и внять предупреждениям.

В этом он был не одинок. Со времени прибытия в Кабул два года назад англичане устраивались там как дома. Экзотическая обстановка Кабула и бодрящий климат призывали сюда с жарких и пыльных равнин Индостана жен и даже детей офицеров английских и индийских войск. Процветали многочисленные развлечения, от крикета до концертов, от скачек с препятствиями до катания на коньках. В забавах участвовали некоторые представители правящей верхушки Афганистана. Многие из происходящего, особенно распутство и пьянство, вызывало немалое негодование мусульманского духовенства и набожного большинства

местного населения. Одновременно предпринимались карательные экспедиции, часто очень серьезные, против тех племен, которые отказывались подчиниться Шуджаху (фактически, конечно, Макнагтену). Одновременно другие племена подкупали щедрыми подачками, золотом или «субсидиями», как это официально называлось. 3 ноября 1840 года, понимая, что дальнейшее сопротивление англичанам бесполезно, Дост Мохаммед добровольно сдался Макнагтену и был отправлен в изгнание в Индию. Это побудило горящего нетерпением приступить к новым обязанностям в Бомбее Макнагтена сообщить лорду Окленду, что «в Афганистане, — приводим его собственную, теперь приобретающую известность фразу, — тишь, как в Беершибе в дни Данииловы». «Все приводит меня к выводу, — отметил он, обращаясь к офицеру свиты, — что в стране стало удивительно спокойно».

Не все разделяли точку зрения Макнагтена. Среди первых, кто начал сознавать растущую опасность, был Генри Роулинсон, который сопровождал Конолли почти до Бухары и исполнял функции резидента в Кандагаре. «Враждебность к нам, — предупреждал он в августе 1841 года, — нарастает с каждым днем, и я предчувствую приближение беспорядков <...>, муллы по всей стране подстрекают против нас». Другим политиком, указывавшим Макнагтену на рост враждебных настроений, был Элдред Поттинджер, имевший дело напрямую с племенами к северу от Кабула. Он сообщал, что местные вожди готовятся к общему восстанию против шаха Шуджаха и англичан. Однако Макнагтен, опасавшийся, что лорд Окленд прикажет ему оставаться в Кабуле, отказался внять предупреждениям и убедил себя, что оба просто паникеры.

На самом деле для враждебности к англичанам и шаху Шуджаху имелось множество причин. С одной стороны, присутствие множества войск больно ударило по карманам простых афганцев. Из-за возросшего спроса на продовольствие и предметы первой необходимости цены на базаре подскочили, и сопровождалось это резким увеличением налогов, нужных для содержания новой администрации Шуджаха (не говоря уже о его неумеренно роскошном образе жизни). Кроме того, англичане явно не собирались обратно, хотя прежде даны были соответствующие гарантии. Напротив, складывалось впечатление, что пребывание воинского контингента станет постоянным, многие англичане желали Шуджаху долгих лет правления и считали, что именно так и произойдет. Все возрастающий гнев, особенно в Кабуле, вызывали случаи приставания и соблазнения местных женщин военными, особенно офицерами. Некоторые афганки даже оставили своих мужей и ушли к богатым и щедрым возлюбленным-англичанам. В местах поста воинских частей нередко отмечались случаи сожительства военных с местными женщинами. Многочисленные протесты игнорировались. Особой ненавистью к англичанам пылали мужья-рогоносцы, а среди них были люди весьма влиятельные.

«Афганцы, — отмечал историк сэр Джон Кайе, — очень ревниво относятся к чести своих женщин, а многое из происходящего в Кабуле воспринималось ими как тяжкий позор, побуждающий к мести (...). Это происходило, пока не стало невыносимым, и обиженные приходили к выводу, что единственный способ возмездия — совершить его своими собственными руками». И они не собирались долго ждать. Все, что теперь было нужно, — это обронить искру.

* * *

Первые признаки надвигающейся бури появились вечером 1 ноября 1841 года, когда помощник и друг Бернса, хорошо осведомленный кашмирец Мохан Лал предупредил его, что ночью будет совершено покушение на его жизнь. Многие афганцы считали Бернса лично ответственным за оккупацию Афганистана, осуществленную под предлогом дружеской помощи, с ложной демонстрацией добрых чувств к Дост Мохаммеду. Враждебности прибавляли и его ничуть не скрываемые шашни с местной прислугой. Бернс и еще несколько офицеров жили тогда в сердце старого города в большом уединенном доме с внутренним двором, окруженным стеной. Мохан Лал убеждал, что из-за уязвимости их резиденции для нападения надо срочно перебраться в безопасное место на севере города, где размещены английские и индийские войска. Те поначалу занимали крепость Бала Хиссар, но по просьбе

шаха Шуджаха, который хотел перебраться туда, чтобы вокруг его обиталища размещались и его собственная гвардия, и огромный штат прислуги, Макнагтен согласился перевести английские войска из безопасного укрытия за крепостными стенами в наспех построенные казармы. Бернс был уверен, что сам справится с любыми неприятностями, и потому не внял совету друга. Ведь он знал, что крупные английские и индийские подразделения находятся на расстоянии меньше двух миль отсюда. Правда, он все-таки отдал приказ усилить ночную охрану дома отрядом сипаев.

Тем временем с наступлением сумерек у дома начала собираться толпа, возглавляемая людьми, которых Бернс умудрился разными способами сделать своими личными врагами. Поначалу дело ограничивалось гневными выкриками, но организаторы мятежа довели до сведения все разраставшейся толпы, что в доме рядом с резиденцией Бернса находится гарнизонное казначейство, где хранится солдатское жалование и золото, используемое Макнагтеном для подкупа союзников. Толпа все прибывала — афганцы уже не нуждались в подстрекательстве, чтобы осадить местопребывание неверных. Но Бернс все еще был уверен, что сможет уговорить афганцев разойтись по домам, и приказал сипаям не стрелять. Единственная дополнительная мера предосторожности заключалась в том, что он послал связного в казармы с просьбой о немедленной помощи. Затем он вышел на балкон и попробовал поговорить с разгневанной толпой.

Узнав про опасность, угрожающую Бернсу и его товарищам, Макнагтен немедленно созвал своих военных советников и начал срочно обсуждать, какие меры следует принять. Однако обсуждение сразу же переросло в спор между Макнагтеном и командующим гарнизоном генералом Уильямом Элфинстоном. Секретарь Макнагтена капитан Джордж Лоуренс предложил, пока не поздно, срочно послать в старый город два полка, чтобы спасти Бернса, рассеять толпу и захватить главарей. Но от него отмахнулись. «Мое предложение сразу сочли чистым безумием», — писал впоследствии Лоуренс. Макнагтен с Элфинстоном продолжали спорить, а тем временем стали поступать сообщения, что ситуация у дома Бернса быстро ухудшается. У генерала, больного старика, которому никак уже нельзя было поручать командование, не доставало ни желания, ни энергии действовать, он мог лишь придумывать возражения на предложения других. Но и Макнагтен был столь же нерешителен, менее беспокоясь о спасении Бернса, нежели о политических последствиях использования войск против толпы. В конце концов сошлись на том, чтобы направить пехотную бригаду к Бала Хиссару и уже там, после консультации с шахом Шуджахом, решить, как лучше поступить с участниками беспорядков. Когда отряд подошел к крепости, выяснилось, что Шуджах уже послал некоторое количество своих людей в город, чтобы попытаться разогнать мятежников и спасти Бернса. Шах настаивал, что гвардейцев для этих целей вполне достаточно, и не позволил английскому отряду войти в старый город.

Тем временем положение Бернса, все еще пытавшегося перекричать взвинченную толпу, стало критическим. С ним были еще два офицера — его младший брат Чарльз, служивший в индийской армии, который прибыл в Кабул с ним повидаться, и майор Уильям Бродфут, его заместитель. Сэр Джон Кайе впоследствии писал: «Становилось очевидным, что уговорами и мягкими мерами без применения силы уже ничего не добиться. Возбуждение толпы росло. Небольшая кучка демонстрантов превратилась в огромную озлобленную толпу. Перед ними было казначейство шаха, и сотни кабульцев, даже тех, кто не испытывал особой политической враждебности, устремились к месту, где хранились сокровища, способные мигом решить проблемы их полуголодного существования. Несмотря на растущую ярость толпы, Бернс, уверенный, что очень скоро должна прибыть помощь, не давал сипаям команду открыть огонь.

Тем временем несколько мятежников подожгли конюшни и присоединились к толпе у дома. Тогда-то из толпы и раздался выстрел. Майор Бродфут, стоявший с Бернсом и его братом на балконе, схватился за грудь и упал. Товарищи поспешно втащили его в дом и убедились, что майор мертв. Бернс вернулся на балкон и в последней попытке спасти ситуацию крикнул толпе, что раздаст крупную сумму денег, если они сейчас же разойдутся по домам. Но какой смысл мятежникам было заключать сделку, если они уже понимали — английское золото очень скоро и так им достанется. Поняв окончательно, что подмоги уже не дожидаться, Бернс приказал сипаям стрелять в толпу. Но, подобно всему, что доселе происходило, это решение

было принято слишком поздно. Дом уже загорелся, а бушующая толпа ринулась ко входу, не обращая внимания на огонь.

Бернс с братом поняли, что настал их последний час. Чарльз решил прорываться сквозь толпу.

Мохан Лал, чье предупреждение Бернс игнорировал, в ужасе наблюдал за происходящим с соседней крыши, но сделать что-либо был бессилён. «Лейтенант Чарльз Бернс, — писал он впоследствии, — вышел в сад и застрелил примерно шестерых, прежде чем его разорвали на куски». Смерть самого сэра Александра Бернса он не видел, поскольку часть толпы как раз направилась к дому, на крыше которого он скрывался, и Лал был вынужден бежать. Слуги потом рассказывали, что когда Бернс наконец предстал перед толпой, он завязал глаза черной повязкой, чтобы не видеть, от кого последуют удары. Через несколько секунд он был мертв, как написали другу Бернса, «растерзан разъяренной толпой». Существует несколько версий смерти Бернса, не подтвержденных показаниями надежных свидетелей. Согласно одной из них, предатель проник в дом и присягнул на Коране, что если Бернс переоденется в афганскую одежду, он сможет безопасно провести его через толпу. Понимая, что терять нечего, Бернс согласился. Но как только он вышел из дома, предатель выдал его толпе. «Это, — триумфально воскликнул он, — и есть Александр Бернс!» Взбешенный мулла нанес первый удар, и мгновением позже Бернс рухнул наземь, изрубленный длинными смертоносными клинками афганцев.

По другой версии, слуги Бернса предложили пронести его через толпу, завернутым в кошму, словно бы тащат награбленное, как в ту ночь делали столь многие, но Бернс отказался. Какая бы из версий его гибели ни была истинной, в городе Бернс все-таки пользовался известной симпатией и даже любовью; во всяком случае, один из его старых друзей остался ему верен до конца. Согласно Кайе, когда толпа бросилась грабить казначейство, человек по имени Наиб Шериф подобрал ужасно искалеченные тела Бернса и его брата и захоронил их обоих в саду, почерневшем от дыма пожара. «Майору Броудфуту и тут не повезло, — отмечал Кайе, — его останки растащили городские псы».

Все это случилось всего в получасе ходьбы от казарм, где располагались 4500 английских и индийских солдат, и еще ближе к Бала Хиссару, где ждала приказа специальная команда, посланная на помощь. По неясным доселе причинам приказов так и не последовало, хотя шум и стрельбу нельзя было не слышать. Так что в конце концов команда, посланная спасти Бернса и его товарищей, смогла только прикрыть беспорядочное отступление гвардейцев Шуджаха, обращенных в бегство разъяренной толпой. Не следует думать, что трагедию легко было предотвратить. Как записал один молодой офицер в своем дневнике, «если утром для подавления волнений было бы достаточно 300 человек, днем могло не хватить и 3000».

Но это был еще далеко не конец. Худшее — гораздо худшее — еще предстояло.

19. Катастрофа

Весть об ужасной трагедии, случившейся с сэром Александром Бернсом и его товарищами, не говоря уже о примерно трех десятках сипаев охраны и слугах, вызвала в английском гарнизоне волну ужаса. Сначала пошли слухи, что Бернс избежал расправы и скрывается где-то в укромном месте, но эти надежды скоро рухнули. Тем временем ободренная бездействием англичан толпа продолжала бесчинствовать. Сжигали дома, грабили магазины, убивали всякого заподозренного в сотрудничестве с британцами. Время от времени за шумом и ревом огня слышны были предупреждающие крики: «Они наступают... они наступают», поскольку мятежники ожидали быстрого и решительного возмездия. Действительно, впоследствии стало известно, что главари и зачинщики даже оседлали коней, чтобы спастись бегством. Но в штабах Макнагтена и Элфинстона продолжали колебаться, фактически агонизировать, упуская более чем драгоценное время. И это несмотря на сообщения, что несколько офицеров, так же как Мохан Лал, все еще скрываются в старом городе, надеясь избежать ярости толпы.

Наконец даже Макнагтен понял, что происходящее — нечто гораздо более серьезное, чем вышедшая из-под контроля толпа. Выступления оказались скоординированными, тысячи

афганцев и в городе, и в округе, откуда тоже поступали тревожные сообщения, выступили практически в одночасье. Распространились также слухи, что к священной войне против англичан призвал сам шах Шуджах. Были перехвачены послания, скрепленные его личной печатью. Какое-то время англичане в ужасе предполагали, что письма подлинные и Шуджах ведет двойную игру с теми, кто восстановил его на троне. Потом проверка выявила подделку, преднамеренно распространенную заговорщиками, и одновременно стало ясно, что положение самого Шуджаха не менее тревожно, чем и его покровителей. Следует отдать должное, он был единственным, кто попробовал спасти Бернса и его товарищей от грозившей им опасности, но его гвардейцы действовали неудачно. Вместо стремительного броска через городские окраины к кварталу, где стоял дом Бернса, они попробовали пробраться через перенаселенный центр с его узкими, извилистыми улицами, артиллерия с трудом тащилась позади. И очень скоро гвардейцы оказались окружены во много раз превосходящими силами мятежников, в большинстве вооруженных, и сдались на их милость. Две сотни из них, попытавшись оказать сопротивление, были перебиты. Остальные, побросав оружие, в беспорядке бежали под защиту стен Бала Хиссара; их постыдное бегство прикрывал огонь британского отряда, высланного на помощь Бернсу.

«Паническое бегство тех, кто был призван его защищать, повергло шаха Шуджаха в жалкое состояние, в уныние и тревогу за собственную безопасность», — сообщает Кайе. Англичане также были изрядно встревожены столь неожиданным драматическим поворотом событий. «Следовало признать горькую правду, — отметил один офицер в своем дневнике, — что в целой афганской нации мы не могли рассчитывать ни на единого друга». Веселой, как пирушка с шампанским, жизни, которой гарнизон столь долго наслаждался, теперь явно пришел конец. В незаконченном меморандуме, найденном после его смерти, Макнагтен попытался оправдать свою неспособность предвидеть приближавшуюся бурю. «Меня сочтут виновным в том, что я не сумел предсказать наступление шторма. На это я могу только ответить, что и другие, кто имел гораздо большие возможности наблюдать настроения людей, ничего не заподозрили». Он не упомянул ни Роулинсона, ни Поттинджера, чьи предупреждения игнорировал, и попытался главную вину свалить на Бернса: мертвый ответить не сможет. Вечером перед своей гибелью, сообщает Макнагтен, Бернс поздравил его с предстоящим отъездом и сказал, что принимает новый пост в период «глубочайшего спокойствия». Но достаточно ясно, что Бернс наверняка не сказал бы начальнику, чьим преемником собирался стать, ничего такого, что могло бы задержать его отъезд, а следовательно, тем самым собственное получение мантии наместника.

Согласно свидетельству его друга Мохана Лала, Бернс рассматривал ситуацию как совсем не спокойную, хотя и серьезно недооценил опасность для себя лично. Накануне вечером он заявил, что «недалеко то время, когда нам придется оставить эту страну». Кашмирец считает это свидетельством того, что Бернс отчетливо сознавал растущую враждебность большинства афганцев к англичанам. Однако с неменьшим основанием можно предположить, что слова Бернса касались новой политики по отношению к Афганистану, только что объявленной в Лондоне. В августе того года правительство тори во главе с сэром Робертом Пилем сменило администрацию вигов Мельбурна и немедленно приступило к строгой экономии. Содержание войск в Афганистане стоило больших денег, и предполагалось, что режим Шуджаха теперь должен устоять на собственных ногах, тем более что российская угроза, казалось, отступила. Поэтому решили, что по мере укрепления собственных сил Шуджаха английское военное присутствие в Афганистане, в отличие от присутствия политического, должно постепенно сокращаться. Для начала Макнагтену поручалось завершить щедрые выплаты племенам, контролирующим пути сообщения между Кабулом и Британской Индией. Это обернулось фатальным исходом: прежде нейтральные племена оказались среди первых, кто присоединился к восстанию.

ем временем в военном лагере под угрозой нападения плохо вооруженных и (пока еще) плохо организованных мятежников англичане начали готовиться к осаде. Только теперь они поняли, каким безумием был уход из Бала Хиссара. Военный лагерь был крайне неудобен для обороны — он располагался в болотистой низине, со всех сторон окруженной холмами. Все вокруг покрывали сады, которые затрудняли наблюдение и позволяли атакующим укрываться

от огня защитников лагеря; кроме того, многочисленные ирригационные каналы в садах обеспечивали нападавшим превосходное прикрытие. Английские позиции окружал земляной вал высотой всего по пояс — недостаточная защита от огня артиллерии или снайперов. Инженеры Макнагтена предупреждали его об этом еще во время исхода из Бала Хиссара, но в отличие от большинства профессионалов Большой Игры, он не обладал достойным военным опытом, а самое главное — был уверен, что никакие непредвиденные обстоятельства не возникнут. Он попросту игнорировал советы — и в итоге 4500 английских и индийских солдат и еще 12 000 гражданских лиц, включая приблизительно три дюжины англичанок — жен, детей и нянек, оказались осажденными в том, что Кайе описывал как нечто ненамного лучшее, чем «овечья кошара на пастбище».

Если бы при первых признаках опасности Макнагтен и Элфинстон действовали решительно и быстро, англичанам хватило бы времени перевести весь гарнизон в Бала Хиссар, за высокие защитные стены. Но они продолжали медлить, и провести столь опасную акцию стало слишком поздно. Тогда Макнагтен стал искать иной выход из рискованной ситуации, в которую завела его политика. Используя как посредника оборотистого Мохан Лала, он попытался купить поддержку ключевых афганских лидеров в надежде найти опору в соперничающих политических группах и племенах. Значительные средства были распределены, или по крайней мере обещаны (немалое количество золота из казначейства Макнагтена уже оказалось в руках толпы), но особого эффекта это не дало. «Слишком много appetites следовало удовлетворить, и слишком много противоречивых интересов примирить, — заметил Кайе. — И вообще к тому времени движение стало слишком мощным, чтобы его можно было унять показом кошельков. Звон монет был уже бессилён перекрыть крики оскорбленных и озлобленных людей».

Предлагались и более решительные меры противодействия ухудшающейся час от часу ситуации. Чья это была идея, не выяснено; известно только, что Мохан Лала уполномочили предложить награду в 10 000 рупий любому, кто убьет кого-либо из главных вожаков мятежников. Инструкцию вместе со списком имен передал ему лейтенант Джон Конолли, младший брат Артура, младший политический советник администрации Макнагтена. Конолли находился в то время в Бала Хиссаре, выполняя функции офицера связи с встревоженным Шуджахом. Как и в других местах, контакт поддерживали посредством гонцов-сорокоходов, именовавшихся кассидами, которые буквально несли свои жизни в собственных руках — на них были рукавицы с упрятыми там тайными посланиями. Рассмотрев идею предложить деньги за кровь, Макнагтен заявил, что утрачен этой абсолютно небританской уловкой. Но, конечно же, он согласился на то, чтобы за плененных вожаков выплачивалась премия. Кайе упоминает о его сомнениях насчет того, станет ли лейтенант Конолли действовать самостоятельно «в таком ответственном вопросе», без предшествующего одобрения руководства. Кайе считает, что Макнагтен почти наверняка знал относительно предложения «кровавых денег» и собирался закрыть на это глаза, хотя формально таких полномочий не предоставлял. Насколько это соответствует истине, уже не установить, так как и Макнагтен, и Конолли вскоре погибли.

Два лидера мятежников, занимавших высокое место в списке Конолли, довольно скоро погибли при весьма таинственных обстоятельствах, и немедленно поступили требования награды. В одном случае мужчина уверял, что лично застрелил одного из вожаков, в то время как другой настаивал, что задушил того же смутьяна во сне. Мохан Лала их истории не убедили, и деньги выплачены не были. Кашмирец заявил, что заплатит за головы, а претенденты на награду голов убитых мятежников не представили. Гибель двух вожаков не принесла существенного облегчения положения осажденного гарнизона. Внезапная брешь в рядах руководителей мятежа не ослабила решимость, да и не разобщила восставших. Тут еще вдобавок разнеслась весть, что Мохаммед Акбар Хан, любимый сын сосланного Дост Мохаммеда, уже выехал из Туркестана и собирается возглавить полномасштабное восстание против англичан и их марионеточного правителя. Этот пламенный принц-воин поклялся свергнуть Шуджаха, вышвырнуть из страны англичан и восстановить трон отца.

В лагере тем временем дела шли все хуже. Поступали сообщения о захвате мятежниками отдаленных английских постов, о крупных потерях, в том числе и о полностью вырезанном

полке гуркхов. Множество офицеров было убито, другие оказались ранены, среди них герой Герата майор Элдред Поттинджер. В тот год жестокая афганская зима началась гораздо раньше, чем обычно, и продовольствие, вода, лекарства и моральный дух быстро пошли на убыль. Отваги у гарнизона хватило на одну крупную вылазку, но завершилась она оскорбительным и дорогостоящим поражением и паническим бегством английских и индийских подразделений на исходные позиции. Кайе вынужден был назвать его «позорным и пагубным». Это произошло 23 ноября, когда афганцы внезапно вытащили два орудия на вершину господствующего над английскими позициями холма и начали бомбардировать переполненный лагерь.

Даже генерал Элфинстон, который до тех пор израсходовал больше энергии на ссоры с Макнагеном, чем на борьбу с врагом, не смог игнорировать эту угрозу. Он приказал отнюдь не пышущему энтузиазмом бригадиру атаковать врага сводным отрядом пехоты и конницы. Успешно захватив холм и заставив замолчать орудия, бригадир взялся за захваченный врагом кишлак у подножия. Но дела пошли не надлежащим образом. Вопреки давнему и непреложному порядку, который предписывал, что пушки всегда следует использовать парами, бригадир приказал — возможно, из стремления обеспечить большую мобильность — взять только одно девятифунтовое орудие. Сначала крупная картечь этого орудия нанесла значительный урон афганцам, захватившим кишлак, но скоро орудие начало перегреваться и вышло из строя как раз в то время, когда было больше всего необходимо.

В результате атаку пришлось прекратить и от кишлака отойти. Тем временем афганские командиры послали на помощь своим товарищам, которые подверглись сильному натиску, крупное соединение кавалерии и пехоты. Видя опасность, бригадир сразу перестроил свою пехоту в два каре, сосредоточив конницу между ними, и ожидал вражеского нападения, уверенный, что тактика, которая принесла победу в битве под Ватерлоо, покажет полную эффективность и здесь.

Но афганцы держались на расстоянии, открыв интенсивный огонь по плотно скученным английским каре из своих длинноствольных фитильных ружей, или джезелей. Как с тревогой поняли солдаты, оказавшиеся в своих ярко-алых мундирах легкими мишенями, их короткоствольные мушкеты оказались неспособны поразить врага: пули не долетали до цели. В таких ситуациях выручала артиллерия, выкашивая бреши в рядах афганцев, а конница делала все остальное. Однако, по наблюдению Кайе, оказалось, что «эти несчастные люди прокляты Господом» — их единственная девятифунтовка была все еще слишком раскалена, чтобы использовать ее без риска взрыва, а тем временем множество бойцов уже пали под пулями афганских стрелков. Более того, к ужасу тех, кто наблюдал за сражением из лагеря далеко внизу, крупный отряд противника начал подбираться к ничего не подозревающим англичанам по оврагу. Мгновением позже афганцы выбрались из укрытия и с дикими криками кинулись на противников, которые бросились бежать. Бригадир приказал горнистам трубить сигнал «Стой» и сам проявил замечательную храбрость, лично схватившись с врагами. Бегство было остановлено, офицеры сформировали сомкнутый строй, при поддержке кавалерии повели солдат в штыковую атаку, остановили и опрокинули врага. Затем наконец-то заговорила 9-фунтовая пушка, и афганцы были все-таки отброшены и понесли тяжелые потери.

Однако триумф англичан оказался недолгим. Афганцы быстро усваивали уроки. Они сосредоточили огонь своих джезелей на артиллеристах, сделав почти невозможным использование орудия. Одновременно, оставаясь вне досягаемости огня британских мушкетов, они продолжали методичный расстрел истощенных отрядов, повергая остающихся в живых в смятение. И наконец очередная группа афганцев снова незаметно подобралась по оврагу и неожиданно накинута на солдат, испуская дикие крики и сверкая длинными ножами, в то время как их напарники поддерживали плотный непрерывный огонь из почти невидимых позиций за камнями. Этого английские и индийские части не выдержали. Они пустились в беспорядочное бегство и укрылись в лагере, полностью оставив холм и бросив раненых на неизбежную гибель.

«Бегство английских войск было всеобщим, — писал Кайе. — Спутанная масса пехоты и конницы, европейских и туземных солдат стремилась попасть за стены лагеря ». Попытки генерала Элфинстона и его штабных офицеров, наблюдавших за сражением с английских позиций, сплотить их и повернуть назад против афганцев оказались безуспешны. Они потеряли

все, потеряли мужество и дисциплину, не говоря уже о трех сотнях своих товарищей. Как холодно выразился Кайе: «Они забыли, что были английскими солдатами». Афганцы преследовали отступающих на такой дистанции, что из лагеря нельзя было использовать орудия без риска поразить своих. «Если бы торжествующий враг продолжил преследование, — отмечает Кайе, — они бы ворвались в лагерь и вырезали весь гарнизон». Но каким-то чудом они остановились, очевидно, по приказу своего командующего, и вскоре отступили. «Они казались удивленными своим собственным успехом, — отмечал один молодой офицер, и после того, как искромсали оставленные на холме тела, с ликующими криками вернулись в город».

* * *

На следующий день неожиданно для англичан афганцы предложили перемирие. К тому времени к восставшим присоединился встреченный восторженными криками Мохаммед Акбар Хан, приведший примерно 6000 воинов. Теперь силы мятежников составляли примерно 30 000 солдат пехоты и конницы, превосходя таким образом английские войска по численности примерно в семь раз. Несомненно, располагая таким подавляющим преимуществом, Акбар мог бы в отместку за ниспровержение отца поголовно истребить весь гарнизон. Однако Акбар понимал, что если он намерен вернуть отцу трон, то следует действовать осторожно, поскольку Дост Мохаммеда англичане все еще надежно удерживали в Индии в своих руках. К чести Макнагтена следует признать, что он понял: выбор невелик — или вести переговоры с афганцами, или гарнизон будет уничтожен, или погибнет от голода. Но прежде чем приступить к переговорам, он потребовал от Элфинстона письменного заявления, объявляющего их положение, в военном смысле слова, не безнадежным, поскольку до прибытия подкрепления, якобы идущего из Кандагара, остались считанные дни. Он все еще питал надежду на спасение своей карьеры и стремился возложить вину за их затруднительное положение на непригодность Элфинстона в качестве командующего и малодушие войск.

Генерал должным образом обеспечил его всем, что требовалось, вместе с рекомендацией, как вести переговоры с афганцами. Длинное перечисление бедствий гарнизона (которые Макнагтен уже хорошо понимал) заканчивалось таким образом: «Продержавшись здесь свыше трех недель в осадном положении, при явной нехватке снаряжения и фуража, ослаблении наших войск большим количеством раненых и больных, трудностью обороны обширного и неудачно расположенного военного лагеря, который мы занимаем, с наступлением зимы, когда коммуникации перерезаны и вся вооруженная страна против нас, полагаю, что далее удерживать наши позиции в этой стране невозможно». Беспросветность генеральской оценки усугубляли дополнительные сведения, про которые он только что услышал. Первое — Акбар предупредил, что любой афганец, уличенный в продаже англичанам амуниции или продовольствия, будет немедленно казнен. Второе — вожденная спасательная экспедиция с юга остановлена тяжелыми снегопадами и не сможет этой зимой добраться до Кабула.

Вооружившись мрачным прогнозом генерала, Макнагтен принялся составлять срочную депешу лорду Окленду, расписывая серьезность ситуации и ответственность за нее военных, которых он обвинял в трусости и неумении. «Наши запасы продовольствия иссякнут через два-три дня, и военное командование настоятельно убеждает меня сдаться, — написал он и добавил, демонстрируя скорее позу, чем отвагу: — Но до самого последнего момента я на это не пойду». Он все еще был убежден, что сможет перехитрить афганцев, играя на разногласиях, которые, как он знал, существуют среди их вождей. Поэтому в ответ на предложение перемирия он попросил прислать делегацию для обсуждения условий и сроков. Во время переговоров происходили невероятные сцены: толпы вооруженных до зубов афганцев перебирались через невысокие стены лагеря и устраивали братание с солдатами английских и индийских частей. Многие приносили свежие овощи, которыми угощали тех, кого пытались убить несколько часов назад. Сначала даже возникли опасения, что в овощи упрятаны какие-нибудь шипы и колючки или что они отравлены, но осторожная экспертиза показала необоснованность подозрений.

Для начала ведущие переговоры афганцы потребовали выдачи шаха Шуджаха, разумно гарантировавшего свою безопасность мощными стенами и валами Бала Хиссара. Они обещали

сохранить ему жизнь (хотя, по слухам, намеревались ослепить его, дабы впредь он никогда не представлял угрозы престолу). Затем они потребовали, чтобы все британские войска в Афганистане, сложив оружие, сразу же убрались в Индию, а Дост Мохаммед в то же самое время вернулся в Афганистан. И чтобы не было обмана, они намеревались задержать британских офицеров и их семейства как заложников, пока все войска не покинут страну, а Дост Мохаммед не вернется благополучно в Кабул. Само собой разумеется, эти требования для Макнагтена были совершенно неприемлемы. Эйфория и братания тут же прекратились — стороны прервали переговоры, да еще и поклялись сердито, что снова начнут военные действия.

Но пока что этого не случилось. Через несколько дней состоялась вторая встреча, на сей раз на берегу реки Кабул, в миле от лагеря. Афганскую делегацию, в которой были представлены большинство ведущих племенных вождей, возглавлял сам Акбар. На этот раз Макнагтен выдвинул собственные предложения. «Принимая во внимание, — начал он зачитывать на фарси подготовленное заявление, — что недавние события со всей очевидностью показали, что продолжительное пребывание британской армии в Афганистане для поддержки шаха Шуджаха вызывает недовольство значительной части афганской нации, и принимая во внимание, что британское правительство не имело при отправке войск в эту страну никакой иной цели, кроме обеспечения целостности, блага и процветания Афганистана, мы не испытываем никакого желания оставаться, если наше присутствие противоречит указанным целям». Поэтому англичане готовы вывести все войска, если афганская сторона гарантирует их безопасный проход к границе. Шах Шуджах (с которым, похоже, не удосужились проконсультроваться) уступит свой трон и вернется вместе с англичанами в Индию. Самому Акбару следует сопровождать их до границы и быть лично ответственным за их безопасность, в то время как четыре британских офицера — но без семей — останутся в Кабуле в заложниках. После безопасного прибытия британского гарнизона в Индию Дост Мохаммед свободно выедет в Кабул, а британским офицерам будет позволено возвратиться домой. Наконец, несмотря на недавние события, выражалась надежда, что две нации останутся друзьями и при необходимости Афганистан может получить помощь от Британии, если не станет вступать в союз с другими государствами.

Теперь это уже выглядело не совсем капитуляцией. Макнагтен, интриган до мозга костей, затеял, как в прошлом, еще одну отчаянную азартную игру. Он узнал от Мохан Лала, что некоторые из влиятельных вождей втайне опасались возвращения Дост Мохаммеда, искусного и жесткого правителя, и фактически предпочитали на троне более слабого и послушного Шуджаха. И они не в пример Акбару не спешили увидеть, как уходят не скупящиеся на щедрые подношения англичане. Обсудив между собой предложения Макнагтена, афганцы, видимо, единодушно дали принципиальное согласие. Сразу же началась подготовка к эвакуации гарнизона и выполнению других частей соглашения, прежде чем зима сделает это невозможным. Но когда дело коснулось предстоящего неизбежного отъезда Шуджаха, то, как и ожидал Макнагтен, те, кто опасался возвращения Дост Мохаммеда, всерьез задумались. Макнагтен еще раз использовал Мохан Лала как посредника. Обещая щедрое вознаграждение, он попробовал углубить раскол между афганскими группировками. «...Если какая-то часть афганцев желает, чтобы наши войска остались в стране, — говорил он своему кашмирскому наперснику, — я буду вправе свободно нарушить обязательство ухода, уверяя, что сделал это в соответствии с пожеланиями афганского народа».

В течение нескольких следующих дней неутомимый Мохан Лал предпринимал лихорадочные попытки разжечь соперничество среди афганских лидеров и настроить как можно больше вождей против Акбара. «Макнагтен, — написал Кайе, — знал, что никакого реального единства между афганцами нет, есть лишь временные союзы в интересах соответствующих группировок». И добавил: «Сложно свести в одно ясное и понятное целое все многочисленные схемы перемен и переустройства, которые в последнее время занимали внимание посланника... Он склонялся к сделке то с одной стороной, то с другой, нетерпеливо хватаясь за любую новую комбинацию, которая казалась более многообещающей, чем предыдущая». Но при этом ему не пришлось слишком долго ждать признаков того, что его стратегия сработала и что Акбар и его сторонники ощутили мощный нажим изнутри.

Вечером 22 декабря Акбар послал в лагерь к англичанам секретного эмиссара, чтобы передать Макнагтену совершенно новое предложение. Действительно, предложение можно было назвать потрясающим. Шаху Шуджаху дозволялось остаться на троне, при этом Акбар должен стать его визирем. Англичане остаются в Афганистане до весны, после чего уйдут как бы по собственной воле, таким образом спасая лицо. В то же время организатора убийства сэра Александра Бернса передадут англичанам для наказания. Взамен всего этого Акбар рассчитывал получить одновременно 300 000 фунтов и ренту в 40 000 фунтов плюс заверение в предоставлении британской помощи против его врагов.

Макнагтен решил, что Акбара принудили к такому компромиссу те партии, кого он при помощи Мохан Лала и обещаний английского золота уговорил предпочесть правление шаха Шуджаха. Макнагтен торжествовал. Он спас англичан от унижения, гарнизон от резни, Шуджаха от потери трона, а свою собственную карьеру от краха. Тайную встречу, на которой предполагалось заключить соглашение, назначили на следующее утро. Той ночью Макнагтен набросал примечания к меморандуму Элфинстона, в которых указывал, что ему удалось уладить дела с Акбаром так, что всем их неприятностям пришел конец.

На следующий день в сопровождении трех офицеров штаба Макнагтен отправился к месту назначенной встречи с Акбаром. Элфинстону, который спросил, не западня ли это, Макнагтен резко бросил: «Отстаньте от меня. Я в этом разбираюсь лучше вас». Впрочем, подобные же опасения высказывали и один из выбранных для его сопровождения офицеров и его собственная жена. Мохан Лал также предупреждал, что Акбару доверять не следует. Но Макнагтен, которого никто не мог обвинить в недостатке смелости, к ним не прислушался. «Предательство, — заявил он, — конечно же, возможно. Успех, однако, восстановит честь англичан, и это более чем стоит риска. Я предпочитаю позору тысячекратный смертельный риск».

Акбар со своей свитой ожидали их на заснеженном склоне у русла реки Кабул, в 600 ярдах от юго-восточного угла укреплений. «Мир вам!» — приветствовали афганцы подъехавших верхом англичан. Слуги расстелили на земле попоны, и после того, как обе стороны, оставаясь в седлах, приветствовали друг друга, Акбар предложил Макнагтену и его компаньонам спешиться. Один из офицеров, капитан Кеннет Маккензи, написал впоследствии: «Люди говорят о предчувствиях. Я предполагаю, что на меня влияло нечто свыше, так что я едва заставил себя сойти с коня. Но все-таки сделал это и был приглашен сесть возле сардаров». Когда все расселись и наступила тишина, Акбар с улыбкой повернулся к Макнагтену и спросил, принимает ли тот переданное прошлым вечером предложение. «Почему бы нет?» — ответил Макнагтен. Эта короткая реплика перечеркнула не только его собственную судьбу, но и судьбу всего английского гарнизона.

Не знал Макнагтен, что Акбару известно о его двуличности и что тот решил использовать это в своих целях. Он предупредил других вождей, что Макнагтен готов ими пренебречь и затевает тайный сговор за их спиной. И теперь даже те, кто, похоже, сомневался, услышали о предательстве англичанина своими собственными ушами из его собственных уст. На самом деле Акбар никогда не собирался позволить остаться в стране ни англичанам, ни Шуджаху. Его предложение было сделано исключительно для того, чтобы заманить в ловушку Макнагтена и восстановить преданность тех, кого тот стремился настроить против него. Он просто ответил на предательство предательством, и ответил всюю.

Все еще ничего не подозревая, Макнагтен спросил, кто эти незнакомцы, присутствующие на переговорах. Акбар советовал ему не беспокоиться, поскольку все присутствующие посвящены в тайну. Едва произнеся это, Акбар, как свидетельствует капитан Маккензи, внезапно крикнул своим людям: «Begeer! Begeer!» (Взять! Схватить!) Маккензи и двое его сослуживцев вмиг оказались связанными, а сам Акбар вместе с другими вождями схватили Макнагтена. На лице Акбара, вспоминал Маккензи, было выражение «самой дьявольской свирепости». Пока Макнагтена волокли за холм, из поля зрения, Маккензи на миг увидел его лицо. «Оно было, — написал он позже, — полным ужаса и удивления». Он также услышал, как Макнагтен кричал: «Az barae Khooda », что означает «Ради Бога». Впрочем, его больше беспокоила собственная судьба. Некоторые наиболее фанатичные афганцы требовали крови

всех трех офицеров. Но Акбар приказал оставить их в живых. Их разоружили, держа под прицелом, усадили на коней троих афганцев и повезли позади них в седле. Так, ощущая горячее дыхание тех, кто все еще хотел их убить, они были увезены подальше от безопасных стен соседнего форта и брошены в сырую камеру. Еще хуже оказалась участь одного из них, капитана Тревора, который или упал, или по дороге освободился от своих пут и был безжалостно изрублен в снегу.

О смерти Макнагтена никогда не будет известно точно. Его убили в уединенном месте, где не было никаких свидетелей. Никто не может сказать, что случилось после того, как его утащили за склон холма. Сам Акбар позже клялся, что намеревался держать англичанина заложником безопасного возвращения своего отца, но пленник настолько отчаянно сопротивлялся, что его пришлось убить, чтобы он не вырвался на свободу и не убежал к английским позициям. Другая версия, однако, утверждает, что Акбар, который обвинял лично Макнагтена в ниспровержении отца, расстрелял его в припадке гнева из богато разукрашенных пистолетов, которые сам Макнагтен когда-то ему подарил и даже показал, как заряжать.

Тем временем, увидев, что происходит нечто непонятное, наблюдатели в лагере сообщили об этом генералу Элфинстону. Но в очередной раз взяли верх некомпетентность, нерешительность и просто трусость, поскольку никаких мер для того, чтобы попробовать спасти Макнагтена и его спутников, предпринято не было, а ведь все происходило меньше чем в полумиле от лагеря. Макнагтен, кстати, попросил Элфинстона держать в готовности отряд на случай, если что-нибудь пойдет не так, но даже этого генерал не сделал. Позже его бездействие оправдывали тем, что, мол, подумали, будто Макнагтен и его офицеры поехали с Акбаром, чтобы завершить дело где-то в другом месте. И только когда оказалось слишком поздно, когда посланники исчезли без возврата, страшная правда была осознана. Ночью до уstraшенного гарнизона долетело известие, что труп Макнагтена без головы, рук и ног выставлен на обозрение на базарной площади, а окровавленные части тела, торжествуя, возили вокруг города.

20. Резня на перевалах

Теперь афганцы ждали английского возмездия — они все еще опасались сокрушительной мощи британской артиллерии. Даже Акбар задавался вопросом, не зашел ли он слишком далеко; он торопился снять с себя ответственность за смерть Макнагтена и даже выразил сожаление по этому поводу. Ведь всего тремя годами ранее он убедился в эффективности руководимых должным образом британских войск, когда те в два счета разгромили армию его отца. Да, он удерживал английских заложников, но и у них был самый важный заложник — его отец.

Но так же, как не вызвало должного возмездия убийство сэра Александра Бернса, такой же точно паралич, казалось, и теперь охватил гарнизон. Англичане все еще были прекрасно вооружены и потенциально представляли собой огромную силу, которая, ведомая с отвагой и непреклонностью, могла даже на этой стадии разгромить афганцев и разделаться с Акбаром. Однако стареющий и обремененный подагрой Элфинстон, который только и мечтал, что о тихой отставке, уже давно впал в нерешительность, отчаяние, если вообще не в вялую панику. Это, в свою очередь, передалось его старшим офицерам. «Их нерешительность, промедление и непоследовательность, которые парализовали все наши усилия, — писал один их подчиненный, — постепенно деморализовали войска и в конечном счете, не искупаясь даже секундами правильного командования, привели нас всех к краху». Без воли к решительным действиям, с запасами, оставшимися всего на несколько дней, теперь англичане могли надеяться предотвратить катастрофу только возобновлением переговоров с врагом.

В сочельник Акбар, уже явно избавившийся от недолгих опасений английского возмездия, послал в английский лагерь новых эмиссаров. Те снова предложили гарнизону безопасный выход, но на сей раз по значительно более высокой цене. Макнагтен и Бернс погибли, часть политических советников оказалась в руках Акбара, а часть была ни на что не способна. Неблагодарная миссия ведения переговоров при чрезвычайной слабости собственной позиции выпала Эдреду Поттинджеру. Поттинджер, который пять лет назад столь успешно организовал

оборону Герата, убеждал Макнагтена и Элфинстона перебраться в Бала Хиссар — и когда для этого была простая возможность, и позже, убеждая, что лучше пробыться с потерями, чем защищать крайне непригодный лагерь. Но Элфинстон всегда находил причины для бездействия, а теперь шанс был упущен: афганцы, осознав опасность, разрушили единственный мост через реку Кабул.

Даже теперь, страдая от серьезной раны, Поттинджер пытался убедить командование начать наступление всеми силами против Акбара и его союзников, которые все еще оставались далеки от единства. Такая стратегия пользовалась поддержкой всех младших офицеров, не говоря уже о рядовых, которые яростно ненавидели убийц Макнагтена. Поттинджер решительно противился любым договоренностям с Акбаром, предупреждая, что тот совершенно ненадежен и что предательское убийство Макнагтена лишило законной силы любые данные ему англичанами заверения. Но Элфинстон с ним ни в чем не согласился — он и другие высшие офицеры хотели добраться домой как можно скорее и с наименьшим, по их представлениям, риском. Со смертью Макнагтена и Бернса никто не имел полномочий бросить вызов Элфинстону и его штабу, и менее всего Поттинджер, который числился только политиком, а не военным. «Меня стащили с больничной койки, — писал он впоследствии, — и обязали вести переговоры относительно безопасности кучки дураков, которые делали все, что могли, чтобы обеспечить собственную гибель». С командирами, слепо уповающими на благополучный исход и доверяющими «милосердию» Акбара, болезненной и неприятной задачей Поттинджера стало умерить его пыл и договориться о том, что в действительности являлось капитуляцией гарнизона.

Теперь вдобавок к согласованному с Макнагтенем требованию немедленного вывода британских войск из Афганистана Акбар настаивал, чтобы ему сдали большую часть артиллерии, весь золотой запас и что уже взятых заложников следует заменить женатыми офицерами вместе с их женами и детьми. Элфинстон, как всегда готовый избрать линию наименьшего сопротивления, сразу же запросил добровольцев, готовых стать заложниками, но закономерно получил плачевный результат. Один офицер поклялся, что скорее застрелит жену, чем отдаст ее на милость афганцев, другой заявил, что с врагами его может связывать только удар штыка. Только один офицер согласился, добавив, что для общего блага будет лучше, если они с женой расстанутся.

А погода быстро портилась, и чтобы не упустить шанс выбраться и пройти в Джелалабад прежде, чем зима заблокирует перевалы, на переговоры оставалось совсем немного времени. Поттинджеру не оставалось иного выбора, кроме как подчиниться большинству наглых требований Акбара. 1 января 1842 года, когда в Кабуле начался густой снегопад, было подписано соглашение с Акбаром, по которому тот гарантировал безопасность ухода англичан и обеспечивал их вооруженным эскортом для защиты от враждебных племен, по чьей территории предстояло пройти. Англичане согласились сдать всю артиллерию, кроме шести обычных и трех небольших (горных) пушек, которые перевозили на вьючных мулах. В части требования оставить в заложниках женатых офицеров с семьями афганцы уступили, и капитана Маккензи с его компаньоном освободили. О судьбе Макнагтена они узнали, когда его отрубленной рукой на палке толпа с кровожадными воплями потрясала перед окном их камеры... Вместо них, в порядке гарантии честных намерений, Акбар настоял оставить «на положении гостей» трех других молодых офицеров. Англичане были не в том положении, чтобы спорить.

Пока гарнизон готовился к экстренной эвакуации, начали распространяться тревожные слухи. «Нам говорили, — отмечала в дневнике жена одного высокопоставленного чиновника, — что вожди собираются совершить вероломство». Шептались, что, захватив женщин, они собираются вырезать всех мужчин, кроме одного. Его вывезут в Хайберский коридор и бросят с отрубленными руками и ногами, прикрепив табличку с предупреждением англичанам никогда впредь не пытаться проникнуть в Афганистан. А жен англичан используют как заложниц для гарантии безопасного возвращения Дост Мохаммеда. К тому же те афганцы, которые все еще сохраняли дружественные отношения с англичанами, предупреждали, что, соглашаясь на условия Акбара, они подписывают себе смертные приговоры. Но в отчаянном стремлении поскорее уйти слухам никто не внял. Игнорировали и предупреждение Мохан Лала,

что все они обречены, если их не будут сопровождать в качестве заложников сыновья афганских лидеров.

На рассвете 6 января под звуки горнов и барабанов, бросив осажденных в Бала Хиссаре шаха Шуджаха и его сторонников, некогда гордые части Армии Инда бесславно покинули военный лагерь. Пунктом назначения был Джелалабад, самый ближний английский гарнизон, до которого предстояло пройти чуть больше восьмидесяти миль. Путь лежал на восток, через заснеженные горы за пределы Афганистана, и далее в Индию через Хайберский коридор. Марш возглавлял авангард из 600 стрелков 44-го пехотного полка в красных мундирах и отряда конницы в 100 сабель. Затем следовали женщины и дети на пони, больные или беременные женщины в паланкинах, которые несли слуги-индусы. Далее двигалась основная часть пехоты, конницы и артиллерии. Арьергард также состоял из пехоты, конницы и артиллерии. Между основным отрядом и арьергардом тянулась длинная колонна верблюдов и волов, груженых боеприпасами и продовольствием. Последними шли несколько тысяч человек — бывшая прислуга гарнизона и сторонники англичан, которые — как правило, налегке — почли за благо присоединиться к колонне.

В последний момент произошло тревожное открытие: обещанный Акбаром эскорт, который, как предполагалось, ожидает выхода колонны, не появился. Не доставили и обещанные продовольствие и топливо. Поттинджер сразу же предложил Элфинстону изменить, пусть даже на последней стадии, свои планы и уйти под защиту Бала Хиссара. Но генерал не желал слышать ни о каком изменении маршрута, тем более о возвращении. Он только отправил в Джалалабад посыльного, чтобы обеспечить выдвижение английского гарнизона навстречу колонне. И вот в пронизывающую стужу холодного зимнего утра длинная вереница английских и индийских воинских частей, а также жен, детей, нянек, возниц, поваров, слуг и носильщиков — всего 16 000 человек — начали первый переход сквозь вьюгу.

* * *

Неделей позже вскоре после полудня часовые на стенах английского форта в Джалалабаде заметили вдалеке на равнине одинокого всадника, медленно приближавшегося к ним. Новости относительно капитуляции кабульского гарнизона уже достигли Джалалабада, вызывая большую тревогу, и уже несколько дней со все возрастающим беспокойством здесь ожидали прибытия авангарда. Переход обычно занимал не больше пяти дней. Часовые подняли тревогу, и множество людей поднялись на крепостную стену. Дюжина подозрительных труб уставилась на приближающегося всадника. Мгновением позже кто-то выкрикнул:

— Это европеец!

Он казался больным или раненым, поскольку все время клонился вперед, цепляясь за шею коня. Холодок пробежал по коже наблюдателей, ощутивших предвестие несчастья. «Одинокий всадник, — писал Кайе, — напоминал вестника смерти». Немедленно был выслан вооруженный патруль, чтобы встретить незнакомца и проводить в крепость — на равнине отмечалось появление враждебных афганских банд.

Всадник, несколько раз раненый в голову и руку, назвался доктором Уильямом Брайдоном, врачом, который служил у шаха Шуджаха, но ушел из Кабула с английским гарнизоном. То, что он рассказал, поистине ужасало. Как и предупреждали Мохан Лал и немногие дружественные англичанам афганцы, Акбар с самого начала стал на путь предательства. Как только арьергард оставил укрепленный лагерь, афганцы бросились к стенам и открыли огонь по англичанам из смертоносных джезелей, убив и ранив множество младших командиров и солдат. С этого момента преследование не прекращалось. Афганские всадники врываются в середину обозов, грабили, убивали и угоняли вьючных животных. Гибли безоружные и беспомощные люди, бывшая прислуга лагеря. Скоро снег стал темно-красным от крови, мертвые и умирающие усеивали путь колонны, ожесточая военных, которые пока что легко отгоняли афганцев. Отягощенные ненужным обозом и скованные присутствием перепуганного обслуживающего персонала, англичане за первый день смогли отойти от Кабула всего на пять миль, причем отставшие прибывали до позднего вечера.

Старшие офицеры и некоторые жены и дети европейцев спали в одной палатке, которая

избежала грабежа. Остальные, и доктор Брайдон в их числе, провели ночь на снегу. Некоторые разожгли костры, из-за отсутствия топлива жгли часть своих вещей. Брайдон завернулся в свои овчинный тулуп и смог поспать, крепко сжимая уздечку коня. Наутро оказалось, что множество солдат и слуг, выходцев со знойных равнин Индии, у которых не было теплой одежды, замерзли до смерти. Другие с ужасом обнаружили, что страшно обморозили ноги, которые, как говорил Брайдон, «походили на обугленные бревна». Они были обречены оставаться умирать на снегу. Поттинджер стал убеждать Элфинстона выдать пехотинцам кавалерийские попоны, чтобы сделать из них обмотки, как это каждый год, когда выпадает снег, делают афганцы. Но как и все прочие его предложения, это было отклонено — трагический и дорогостоящий результат соперничества, существовавшего между армейскими офицерами и политическими советниками.

Отступление продолжалось, перемешав в единую массу солдат и гражданских, англичан и индусов, пехоту и конницу, вьючных животных и орудия. Только одно занимало все умы — избежать ужасного холода, добраться до теплых и безопасных равнин за Хайбером. Весь день афганские снайперы продолжали вести огонь из укрытий, собирая изрядную пошлину из человеческих жизней. Произошло также несколько небольших перестрелок, в ходе которых афганцы сумели захватить пару горных (вьючных) пушек и вынудили англичан бросить еще два драгоценных орудия. Теперь у них оставались всего одна горная пушка и две более тяжелые лафетные. А реальная борьба едва началась...

На второй день около полудня неожиданно появился сам Акбар, оповестивший, что он прибыл, чтобы обеспечить их благополучное продвижение к Джалалабаду. Он возложил на англичан вину за их тяжелые потери, утверждая, что они оставили лагерь прежде, чем был готов его эскорт (хотя на самом деле время было согласовано обеими сторонами). Но за сопровождение он теперь потребовал дополнительных заложников, включая Поттинджера и еще двух политических чиновников. Он также приказал Элфинстону в тот день дальше не двигаться, объяснив, что сначала надо получить разрешение вождей племени Хард-Кабула, стерегущего дальнейший путь. Невероятно, но Элфинстон еще раз ему поверил и согласился стать лагерем, одолев за два чрезвычайно дорого обошедшихся дня всего десять миль. Он также принял требование Акбара дать троих заложников, и те должным образом отправились в афганский стан. В то время еще трудно было себе представить, что для них это самый замечательный исход. На следующий день, 8 января, нестройная колонна вступила в узкое, продуваемое ветром четырехмильное ущелье. Обещанного Акбаром эскорта не было и следа, но дальнейшая задержка грозила серьезными потерями от обморожения и голода. Акбар также обещал поставку провианта, но того тоже не было видно. Отсутствовали также свидетельства договоренности о безопасном проходе с теми, кто охранял ущелье. Вскоре для всех, кроме Элфинстона, стало очевидным, что Акбар убедил их остановиться, чтобы дать соплеменникам с их джезелями время занять удобные позиции на высоких, окружающих ущелье скалах.

«Тем утром мы миновали ущелье Хард-Кабул, где потеряли множество людей и имущества, — сделал доктор Брайдон мрачную запись в дневнике, восстановленном по памяти в Джалалабаде. — Высоты были заняты врагом, который непрерывно вел огонь по нашей колонне. Было много убитых... и еще больше раненых». К тому времени, как основная часть колонны достигла выхода из ущелья, а множество полуобмороженных еще тянулись по нему, туземцы совершили не меньше тринадцати вылазок, убивая отставших. В тот день в ущелье осталось приблизительно 3000 погибших, включая множество женщин и детей. Драгоценную одежду с их окоченевших трупов срывали и друзья, и враги. Сам Брайдон засвидетельствовать этого не мог, но другие утверждали, что видели в стане врага Акбара, причем он якобы призывал их на фарси (язык, известный многим английским офицерам) щадить англичан, а на пушту (языке соплеменников) — убивать их. Несмотря на эти и другие очевидные свидетельства его предательства, на следующий день, 9 января, Элфинстон решил еще раз ему довериться. На сей раз Акбар предложил взять под свою защиту жен и детей английских офицеров, обещая провести их в Джалалабад по более безопасной дороге. Предложил он взять и их оставшихся в живых мужей, равно как и множество раненых офицеров. И Элфинстон на это согласился. В сопровождении людей Акбара уехали девятнадцать человек — двое мужчин, восемь женщин и девять детей. Всех их видели в последний раз, в отличие от политических

советников, которые через несколько месяцев вернулись невредимыми.

Несмотря на выдачу женщин и детей, атаки на колонну вскоре возобновились. На следующий день Брайдон записал: «Это был ужасный марш — мы шли неведомо куда, ослепнув от сверкания снегов, под непрерывным огнем врага, и множество офицеров и солдат погибли». Среди погибших было не меньше трех врачей — товарищей Брайдона и по крайней мере семь других офицеров. «Холод и непрерывные атаки, — отмечает он, — сделали плохо одетые индийские отряды почти бессильными защититься от происходящих со всех сторон атак афганцев». К тому времени, когда спустились сумерки, по словам Брайдона, «из сипаев в живых осталась только горстка». Считают, что из всех британских и индийских воинских частей, которые вышли из Кабула всего пять дней назад, осталось в живых не более 750 человек, а из 12 000 вышедших с ними гражданских лиц погибло около двух третей.

Пока резня продолжалась, сам Акбар оставался вне поля зрения, однако сообщал, что делает все возможное, чтобы сдерживать местные племена. Это, сообщал он, дело непростое, поскольку даже собственные вожди их толком не контролируют. Возможно, в этом утверждении есть доля правды, но нет никаких реальных свидетельств, что он когда-либо пробовал заставить вождей сдерживать своих людей от нападения на отступающих. Удивительно, но даже в этих условиях Элфинстон все еще принимал торжественные гарантии, что Акбар делает все, что в его силах, чтобы их спасти. Двумя днями позже, 12 января, он еще раз предложил обеспечить безопасность прохода. К тому времени силы Элфинстона сократились менее чем до 200 военных плюс приблизительно 2000 следовавших из лагеря гражданских. Генерал чувствовал, что хоть кто-то может выжить только в случае заключения соглашения с Акбаром. Как следствие, он со своим заместителем и еще одним офицером поехал в лагерь Акбара. И вновь оказалось, что это обман. Даже Элфинстон понял, что Акбар при всем желании не способен их защитить. А когда генерал попросил позволения вернуться к отряду, Акбар отказался, таким образом добавив английского командующего ко все растущей компании заложников. Тем не менее Элфинстон сумел передать офицеру, который возвращался к отряду выживших, секретный приказ немедленно выступать.

Уже стемнело, и на этот раз англичане сумели оторваться от противника, хотя и ненадолго. Туземцы соорудили поперек узкого ущелья мощное заграждение, из-за которого стреляли по красным мундирам, заставляя отряд остановиться. Не ожидая, что англичане выступят ночью, они оставили заграждение без присмотра. Но когда солдаты попытались (голыми руками) разобрать преграду, афганцы поняли, что произошло, и атаковали их с тыла. «Замешательство было ужасным, — писал Брайдон, — всякой дисциплине пришел конец». Теперь каждый был сам по себе. В темноте Брайдон внезапно понял, что его окружили. Ускакать он не успел — его стащили с коня, а какой-то дикарь рубанул его длинным мечеподобным афганским ножом. Спасло чудо: в фуражке Брайдона оказался номер «Блэквудского журнала», который и принял на себя удар. Тем не менее клинок отхватил изрядный лоскут кожи. «Едва не потеряв сознание, — рассказывал Брайдон, — я все же смог подняться на колени». Увидев занесенный для следующего удара клинок, он ткнул кончиком своей сабли и отрубил противнику несколько пальцев. Тот бросил клинок и скрылся во тьме, а Брайдон остался — один и без коня.

Несмотря на серьезность ранения, доктор сумел вскарабкаться по частично разрушенной баррикаде, не привлекая внимания врагов, которые, видимо, устремились преследовать остальных. Спотыкаясь о груды трупов, он наткнулся на смертельно раненного кавалериста. Залитый кровью воин с простреленной грудью попросил Брайдона взять его пони, пока этого не сделал кто-то другой. Мгновением позже он упал замертво. Глубоко признательный неизвестному благодетелю, Брайдон оседлал пони и поспешил умчаться во тьму, разыскивая выживших товарищей.

* * *

Горстка офицеров и солдат, которые вырвались из ущелья, оставив позади себя множество мертвых и умирающих, теперь разделилась на две группы, конных и пеших. Первая группа в пятнадцать сабель, к которой примкнул Брайдон, решила двигаться вперед в надежде достичь

Джалалабада прежде, чем их догонят. Вторая, гораздо большая партия состояла из двадцати офицеров и сорока пяти нижних чинов, которые заняли лежащее на их пути селение Гандамак, менее чем в тридцати милях от Джалалабада. Они знали, что если продержатся еще один день, то доберутся до спасительного британского гарнизона. Но вскоре путь блокировали афганцы. Намного уступая в численности неприятелю, британские воины поняли, что шансы на спасение ничтожны. Располагая только двадцатью ружьями с двумя зарядами на каждый, они выстроились в каре и приготовились подороже продать свои жизни в последней отчаянной схватке.

Афганцы поначалу предложили договориться, настаивая, что перемирие наконец окончательно согласовано и что для обеспечения безопасности англичанам только следует сложить оружие. Когда же те отказались, подозревая очередную западню, афганцы попытались разоружить их силой. Вспыхнула рукопашная схватка. Истратив боеприпасы, англичане сражались штыками и саблями. Один офицер зарубил пятерых афганцев, прежде чем пал замертво. Только четыре человека были захвачены афганцами в плен, остальные — в большинстве воины 44-го пехотного полка — полегли в бою. В 1979 году, почти полтора века спустя, английский антрополог доктор Эндрю Зингер поднялся на вершину холма, где британцы приняли последний бой. Там, в мрачном и уединенном месте, под камнями, он нашел и четко идентифицировал кости тех благородных людей. Сельские жители рассказали ему, что в минувшие времена на это место иногда приходили и замирали в почтительном молчании путники из Британской Индии.

Тем временем в двенадцати милях к востоку, ничего не зная о судьбе своих товарищей, конный отряд спешил к Джалалабаду. В отряде помимо Брайдона было три капитана, три младших офицера, еще один доктор и полдюжины нижних чинов. В селении Фаттахабад, всего в пятнадцати милях от Джалалабада, им предложили продовольствие. Смертельно голодные, они согласились поесть и немного отдохнуть, пока готовят еду. Тем более селение казалось таким мирным, а война вроде осталась позади. Но так лишь казалось. Пока они отдыхали, был дан тайный знак тем, кто ждал за недалекими холмами. Англичане внезапно увидели множество вооруженных всадников, скачущих со всех сторон к селению. Когда они схватили оружие и бросились к лошадям, часть жителей селения набросились на них, а прочие открыли огонь по тем, кто успел вскочить в седло и пустился вскачь. Только пятерым, включая Брайдона, удалось вырваться из селения. Однако очень скоро преследователи-афганцы настигли всех, кроме Брайдона, который чудом сумел ускользнуть. Но и тут его испытания еще не закончились. На пятнадцатимильном пути до Джалалабада он трижды столкнулся с враждебными афганцами.

Первая группа, примерно два десятка всадников, швыряла в него камни и тыкала ножами. «С трудом я перевел пони в галоп, — писал он, — и, зажав зубами поводья, отмахивался саблей направо и налево, пока не прорвался. Ножами они меня достать не смогли, но пара камней в меня попала». Через несколько миль он столкнулся со второй группой, и в ней был афганец, вооруженный джезелью. Ткнув изможденного пони острием сабли, Брайдон вновь сумел заставить его перейти в галоп. Афганец с джезелью выстрелил с близкого расстояния. Пуля перебила клинок сабли и ранила пони в пах навывлет. К тому времени, когда афганец перезарядил ружье, Брайдон был уже недотягаем.

Наконец на равнине Брайдон заметил группу всадников. Уверившись, что это английский конный патруль из Джалалабада, он свернул в их сторону. Слишком поздно он понял, что это были афганцы. Увидев, как он резко отворачивает и пытается уйти, они послали одного вдогонку. Определив, что перед ним англичанин, афганец рубанул его саблей. Брайдон сумел отразить удар своим сломанным клинком. Афганец развернулся и бросился в новую атаку. «На сей раз, пытаясь опередить нападение, я запустил ему в голову обломком моей сабли», — писал Брайдон. Афганец увернулся и рубанул по левой руке доктора, в которой тот держал поводья. Почувствовав, как рука мгновенно онемела, доктор перехватил повод другой рукой. «Полагаю, мой противник решил, что я выхватил пистолет, — замечает Брайдон, — поскольку сразу обратился в бегство и умчался во весь опор».

Но пистолет, как с тревогой отметил Брайдон, выпал из кобуры, и теперь он остался безоружен. Рана в паху пони сильно кровоточила, и казалось маловероятным, что животное

долго продержится. Начали одолевать и собственные раны, усугубленные голодом и истощением. Впервые за восемь кошмарных дней доктора оставили силы. «Вся энергия казалось, меня покинула», — писал он. Брайдон опасался, что от полного измождения свалится с седла. В любой момент могли напасть афганцы, и доктор знал, что на сей раз он вряд ли выживет. По его собственному выражению — «Я нервничал и пугался собственной тени». Но до Джалалабада было ближе, чем он предполагал. Именно в тот момент зоркий часовой на валу заметил его в глубине равнины

Из 16 000 душ, которые оставили Кабул и тронулись в ужасный путь, доктор Брайдон оказался единственным, кто достиг безопасного убежища в Джалалабаде, и первым, кто в тот роковой тринадцатый день января 1842 года принес уstraшенной нации весть о бедствии, постигшем армию Элфинстона. Но, как мы увидим, он не был единственным уцелевшим из кабульского гарнизона. Помимо заложников, которых удерживал Акбар, множество сипаев и прочих индусов также избежали смерти, скрываясь в горных пещерах и подземельях. В течение последующих месяцев они добрались домой. Окончательно оправившийся от ран Брайдон стал объектом одной из самых знаменитых картин викторианской эпохи — «Все, что от армии осталось» леди Батлер. Он с сожалением отмечал, что благородный пони, также запечатленный на полотне, пал от ран. «Бедное животное, едва приведенное в конюшню, упало и больше не встало», — писал доктор.

Ни Брайдон, ни гарнизон не знали тогда о судьбе постигшей воинов 44-го пехотного полка у Гандамака. Много ночей подряд над Кабульскими воротами Джалалабада разводили большой костер. Пламя, за которым тщательно присматривали, своевременно подкладывая топливо и убирая золу, должно было указывать путь отставшим, которые попытаются пересечь открытую равнину и под покровом темноты добраться до города. Но никто так и не пришел...

21. Последние часы Конолли и Стоддарта

Ужасные новости, которые принес доктор Брайдон, получивший известность как Посыльный Смерти, через две недели дошли до лорда Окленда, уходящего с поста генерал-губернатора в Калькутте. Как отметила его сестра Эмили, удар разом состарил его на десять лет. Все сразу вдруг пошло не так. Только несколько недель назад сэр Уильям Макнагтен прислал из Кабула послание, уверяя, что все под надежным контролем. А теперь вся его политика в Центральной Азии лежала в руинах. Долгосрочная линия на создание в Афганистане дружественной власти с целью избавить Индию от угрозы российских вторжений привела вместо этого к одному из тяжелейших бедствий, когда-либо постигших английскую армию. Толпа примитивных дикарей-язычников, вооруженных самодельным оружием, погнала и перебила представителей величайшей военной мощи на Земле. Это был сокрушительный удар по английской гордости и престижу. Позор, перенесенный Санкт-Петербургом после неудачи по дороге в Хиву, был ничтожен по сравнению с этим. Окленд, которому в свое время для свержения Дост Мохаммеда даже не понадобилось использовать английские части, пребывал в полной растерянности: все это было «столь же необъяснимо, сколь и ужасно». А теперь, когда силы Акбара начали ломиться в ворота обоих оставшихся в Афганистане английских гарнизонов — Джалалабада и Кандагара, появились опасения, что воодушевленные победой воинственные афганцы, как не раз случалось в прошлом, ринутся в Северную Индию.

В Лондоне о катастрофе не знали еще неделю. Затем в «Таймс» появилось сообщение, набранное самым крупным шрифтом. «Мы с прискорбием вынуждены объявить, — гласило оно, — что к нам поступили экстренные сведения неимоверно бедственного и печального характера». В передовой статье несколькими днями позже содержался выпад против Санкт-Петербурга, «чье нарастающее влияние на местные племена ранее вынудило нас к вмешательству ... и чьи тайные агенты с величайшим тщанием изучают пути продвижения и проникновения в Британскую Индию». Там упорно утверждалось, что восстание было слишком хорошо организовано, чтобы его можно было счесть стихийным, и крайне подозрительно, что первым был убит сэр Александр Бернс, «самый жесткий и последовательный противник российских агентов». Другие были не столь уверены в российском вмешательстве. Но все, включая герцога Веллингтона, обвиняли генерала Элфинстона в том, что восстание не было

подавлено в зародыше, и лорда Окленда, который когда-то ввязался в столь безумную затею. «Оправдались наши наихудшие опасения относительно афганской экспедиции, против которой мы протестовали с самого начала», — высокомерно заявляла «Таймс».

Новое правительство тори во главе с сэром Робертом Пилем могло по крайней мере умыть руки — всю ответственность за трагедию однозначно возлагали на плечи правительства вигов под руководством Мельбурна, который в свое время одобрил план вторжения. Однако вся Британия требовала возмездия, и теперь перед властями стояла задача расследовать беспорядки и решить, как наказать афганцев за предательство. К счастью, ставленник тори, их давняя опора в Индии и трижды президент контрольного совета лорд Элленборо уже готов был заменить Окленда на посту генерал-губернатора, хотя узнал о катастрофе, только прибыв в Мадрас 21 февраля. Его инструкции предписывали в соответствии с новой политикой строгой экономии вывести английские гарнизоны из Афганистана. Но теперь он стоял перед совершенно непредвиденной ситуацией. Той же ночью, пока его судно шло в Калькутту, он написал Пилю, что предполагает восстановить честь и гордость Британии, преподав афганцам урок, который те не скоро позабудут.

Прибыв в столицу, Элленборо узнал, что его предшественник уже послал войска в Пешавар, чтобы как-то снизить натиск на гарнизоны Джалалабада и Кандагара и попытаться освободить английских заложников, которых удерживает Акбар. Новый генерал-губернатор принял руководство. 31 марта войска под командованием генерал-майора Джорджа Поллока, используя тактику афганцев, захватили Хайберский коридор, причем ценою всего только четырнадцати жизней англичан. Когда фланговые отряды Поллока захватили высоты, изумленные туземцы впервые оказались под обстрелом сверху. Через две недели под звуки шотландской песенки «Oh, but ye've bin lang a'coming» колонна отряда поддержки прибыла в Джалалабад. В те же дни способный британский командующий генерал сэр Уильям Нотт в ходе боевых действий вокруг Кандагара ликвидировал угрозу гарнизону со стороны афганцев. И он, и Поллок с нетерпением готовились к броску на Кабул, чтобы отомстить за унижительное поражение Элфинстона, не говоря уже о смерти Бернса, Макнагтена и бесчисленных военных и штатских, погибших на марше смерти.

Но именно в это время пыл столь агрессивного поначалу лорда Элленборо начал угасать. Тревожась за истощение и так уже почти исчерпанной индийской казны (а Лондон решительно отказался участвовать в расходах на карательную экспедицию), а возможно, опасаясь новой катастрофы, генерал-губернатор стал утверждать, что теперь руками Поллока и Нотта афганцам уже преподан достаточный урок. «Наконец мы одержали победу, — писал он Пилю, — и наша военная репутация восстановлена». Лорд приказал, чтобы оба генерала со своими отрядами вернулись в Индию, оставив заложников в руках Акбара. В конце концов англичане все еще удерживали Дост Мохаммеда, в то время как шах Шуджах (то ли на самом деле, то ли только в представлении Элленборо) из-за прочных стен Бала Хиссара, пусть даже только номинально, продолжал управлять Афганистаном.

Как только британские войска будут выведены из Афганистана, доказывал Элленборо, переговоры по освобождению заложников смогут начаться в более спокойной атмосфере. Он еще не знал, что невезучего Шуджаха нет больше в живых. Пока войска Поллока отвоевывали Хайберский коридор и путь к Джалалабаду, Шуджаха выманили из Бала Хиссара якобы для переговоров и вместо этого изрешетили пулями. Триумф Акбара, однако, оказался недолгим — среди вождей племен все больше ширились опасения относительно перспектив правления его самого или его отца. Как предсказывал Макнагтен, началась жестокая борьба за власть между сторонниками Акбара и его противниками.

Почти одновременно вспыхнул конфликт влиятельных группировок и в стане англичан. Приказ Элленборо Поллоку и Нотту покинуть Афганистан, так и не преподав должного урока дикарям-убийцам, был с тревогой и недоверием встречен и офицерами, и солдатами, которые требовали кровавого возмездия. Между двумя генералами и новым генерал-губернатором возник конфликт, а прочие старшие офицеры в Индии и дома разделились на два лагеря. Был найден целый ряд оправданий для отсрочки вывода обоих гарнизонов — погода, нехватка снаряжения, денег и так далее, в то время как давление на Элленборо с целью добиться изменения его позиции все нарастало. У лондонских «ястребов» был ценный союзник в лице

герцога Веллингтона, все еще являвшегося членом кабинета. «Не сочтите чрезмерной настоятельностью моего напоминания Вам, — предостерегал Элленборо, ветеран индийских кампаний, — о важности восстановления репутации на Востоке». Даже премьер-министр сэр Роберт Пиль, поначалу инспирировавший генерал-губернатора на чрезмерную осторожность, под давлением общественного мнения дрогнул и послал ему письмо, предлагая прибегнуть к более решительным мерам.

Чувствуя нарастающую изоляцию, Элленборо наконец нашел выход. Приходилось либо признать свою прежнюю неправоту, либо рисковать быть обвиненным в отказе от попытки освобождения заложников и спасения чести и репутации британской армии. Элленборо не стал отменять приказ об эвакуации из Афганистана, но сообщил Поллоку и Нотту, что те могут осуществлять вывод войск через Кабул, если сочтут это целесообразным в военном отношении. «Лорд Элленборо ничуть не изменил своих указаний, — отметил Кайе, — изменение проистекало от особенностей восприятия англоязычного текста»; и хотя Элленборо критиковали за то, что таким образом он перекладывал ответственность на плечи Поллока и Нотта, ни один из генералов не жаловался. Путь был открыт, началось состязание за прибытие первыми в Кабул, хотя солдатам Нотта предстоял намного более дальний марш из Кандагара — почти 300 миль против 100 для войск Поллока.

Двигаясь тем же маршрутом, каким семь месяцев назад злосчастные колонны Элфинстона пробивались из Кабула, отряды Поллока вскоре наткнулись на многочисленные свидетельства страданий и бедствий. Скелеты находили повсеместно. «Они сваливали тела в кучи по полсотни, а то и по сотне, — писал один офицер, — и колесами наших орудий сокрушали черепа бывших наших товарищей, и так почти на каждом шагу». Некоторые даже опознавали останки и имущество своих прежних друзей. Несмотря на распоряжение Элленборо проявлять сдержанность по отношению к местному населению, нараставшая ярость военных приводила к многочисленным случаям жестокости к тем, кто сопротивлялся их продвижению. Рассказывают, что в одном селении вырезали всех мужчин, достигших половой зрелости, женщин изнасиловали, некоторых убили. «Вопли и мольбы не помогали, — вспоминал один молодой офицер, — единственным ответом были суровые приговоры. Поднимались стволы ружей, шелкали курки, и те, кто сразу падал замертво, еще счастливо отделялись». Потрясенный увиденным, он написал, что часть их солдат ненамного лучше наемных убийц. Армейский священник, присутствовавший при взятии одного кишлака, откуда уже после капитуляции открыли огонь по англичанам, говорил, что немногие священнослужители становились свидетелями подобных сцен. Но при этом добавлял, что столь кошмарные события почти невозможно предотвратить «при подобных обстоятельствах» — как ни прискорбно, они обычны во всех войнах.

Состязание за право первыми войти в афганскую столицу выиграла, хотя совсем ненамного, солдаты Поллока. Добирались они впятеро дольше, чем в свое время доктор Брайдон. 15 сентября они подошли к Кабулу и обнаружили, что враги, включая самого Акбара, сбежали из города. Той ночью они разбили лагерь на ипподроме, построенном при Элфинстоне тремя годами ранее, и на следующее утро без единого выстрела вступили в Бала Хиссар. Через несколько минут над Кабулом вновь взмыл Юнион Джек. О событиях за которые они прибыли мстить, напоминало многое, включая почерневшие руины дома сэра Александра Бернса. «Это было печальное зрелище», — рассказывал офицер из отряда Нотта, добавляя, что «узкая улица, на которой он стоял, испещрена многочисленными оспинами ружейных пуль, которые, несомненно, свидетельствуют о ярости бушевавшей там схватки». Он и его спутники вернулись в лагерь «мало расположенными к любым разговорам... зато полностью захваченными горем и жаждой мести, что, собственно, и естественно после подобных сцен».

Шах Шуджах был мертв, следовательно, правителя в Кабуле теперь не было. Поллок, старший из двух командующих по званию, которого лорд Элленборо наделил политическими полномочиями, немедленно усадил на трон сына Шуджаха, Фаттаха, сделав его таким образом очередной британской марионеткой. Следующим по важности заданием Поллока стала попытка освобождения английских заложников, которых удерживал Акбар. Для этой важнейшей и опасной задачи был избран капитан (теперь сэр) Ричмонд Шекспир, мастерски продемонстрировавший свои способности к такой игре в Хиве двумя годами раньше. Хотя на

сей раз охрану обеспечивал мощный отряд кизилбашей — нерегулярной конницы, предоставленной заклятыми врагами Акбара — многие опасались, что капитан окажется еще одним заложником. Путь ведь лежал в провинцию Бамиан, где, по самым последним данным, находились вражеские отряды численностью до 12 000 человек. Шекспира предостережения не испугали: отправив вперед посыльных, которым поручили попытаться сообщить заложникам, что помощь уже в пути, он сам выступил в 150-мильный поход на северо-запад, в Бамиан, с отрядом в 600 вооруженных кизилбашей.

К тому времени отряд удерживаемых Акбаром английских пленников пополнился теми, кого захватили афганские племена. Теперь там было 22 офицера, включая Элдред Поттинджера, 37 низших чинов, 12 офицерских жен и 22 ребенка. Несколько месяцев их содержали в Кабуле в относительном комфорте и неплохо с ними обращались, но с продвижением отрядов Поллока и Нотта к столице всех вывезли в отдаленную глинобитную крепость возле Бамиана. В августе слуги сообщили им, что вскоре их перевезут далеко на север, в Бухару, куда не доберется никакая спасательная экспедиция, а если англичане займут Кабул и Акбару придется бежать, их продадут там в рабство туземцам. Осознав, что времени на раздумья нет, несколько офицеров во главе с Поттинджером с помощью изворотливого Мохан Лала попытались подкупить командира афганской охраны. Сначала тот колебался, но скоро в Бамиан стали поступать известия о том, что англичане быстро продвигаются к Кабулу и что Акбар готовится бежать. Тогда, проигнорировав указание последнего отправить заложников в Туркестан, охранник согласился освободить их за 20 000 рупий наличными и ежемесячную пенсию в 1000 рупий.

Заручившись таким образом его поддержкой, англичане фактически стали хозяевами крепости, в которой их содержали, и подготовили ее к обороне, чтобы продержаться до подхода спасательной экспедиции. От имени Соединенного Королевства они сместили афганского губернатора, подняли Юнион Джек, обложили налогами торговые караваны и установили дружественные отношения с вождями местных племен. Одновременно они планомерно готовились к противостоянию осаде. Поскольку многие английские военные слишком ослабели от ран и болезней, чтобы держать оружие, офицеры пообещали прежним своим охранникам (их было чуть больше 200) четырехкратное вознаграждение, если те останутся с ними до освобождения. Именно в этот момент пришло известие, что Кабул пал, Акбар сбежал и что к ним направляется капитан Шекспир с эскортом кизилбашей. Они сразу же покинули форт и отправились ему навстречу.

Через несколько часов пути дозорный обнаружил большую группу всадников, которые, свернув со своего пути, устремились к ним. На миг они испугались, что это могут быть люди Акбара, возвращающиеся, чтобы их схватить, но тут разглядели гарцевавшего впереди всадника в форме английского офицера. Это был сэр Ричмонд Шекспир. Он их тоже уже увидел и опознал. Произошла чрезвычайно волнующая встреча, многие из заложников не удержались от слез. На восемь месяцев изолированные от всяких вестей, они забросали Шекспира, вопросами. А от них капитан Шекспир узнал, что еще в апреле умер больной и сломленный произошедшим генерал Элфинстон, таким образом избавившись от позорной участи предстать за свой вклад в катастрофу перед судом общественности, если не трибуналом. Еще он узнал, что женщины-заложницы родили четверых младенцев и что жена одного сержанта сбежала с одним из своих похитителей.

Теперь, когда заложники оказались на свободе и направлялись в Кабул, у англичан осталась одна задача: сведение счетов. Поллок рассматривал вариант подрыва Бала Хиссара, возможно, главного символа Афганистана. Но те, кто остался лояльным к Британии, упростили не делать этого, поскольку тогда они останутся беззащитными. Потому он решил вместо этого снести большой крытый базар Кабула, известный по всей Центральной Азии, — тот самый, где девять месяцев назад висел расчлененный труп Макнагтека. Саперы Поллока при помощи взрывчатки с задачей справились, хотя на уничтожение столь массивного сооружения потребовалось целых два дня. Генерал отдал строгий приказ никому не причинять ущерба и не покушаться на имущество жителей старого города. Чтобы избежать грабежей, под охрану взяли основные ворота и районы, примыкающие к базару. Но то, что происходило, никак не отвечало дисциплинарным нормам. «Кричали, что Кабул брошен на разграбление», — писал майор

Генри Роулинсон, политический советник армии Нотта. Солдаты и даже прислуга лагеря устремились в город, грабя магазины и поджигая здания. Были разрушены дома, магазины и лавки виновных и невинных, включая дружественных кизилбашей, целые районы Кабула сровняли с землей. Среди тех, кто потерял все, что имел, оказались 500 индийских семейств, которым теперь пришлось просить разрешения вернуться домой в обозе английских войск. В триумфальном венке Поллока и Нотта это стало печальным эпизодом. Стало ясно, что англичанам пора уходить.

11 октября они спустились Юнион Джек, реявший над Бала Хиссаром, и на следующее утро авангард был уже далеко от Кабула. Англичане еще раз прошли по дороге скелетов, по крестному пути предыдущей зимы, ведущему к Хайберскому коридору, и направились домой. Британия, чья честь номинально была восстановлена, пришла к заключению, что афганскую политику временно — или надолго — следует оставить самим афганцам. Первая афганская война, как теперь называют историки эти события, наконец закончилась. И как бы лорд Элленборо ни старался устроить пышное, почти триумфальное празднование победы, Британия получила жесточайший урок. И никакое множество розданных медалей, воздвигнутых триумфальных арок, полковых фейерверков и других феерий не могло скрыть горечь и сарказм случившегося. Едва англичане покинули Афганистан, там снова началось кровопролитие. Сына шаха Шуджаха через три месяца свергли, и англичане безропотно позволили Дост Мохаммеду вернуться на трон, с которого свергли его такой ужасной ценою. Теперь никто не сомневался, что восстановить порядок в Афганистане способен только Дост.

Свершился полный круг событий.

* * *

Но даже после этого центральноазиатская трагедия для англичан еще не завершилась. Целый год афганские события доминировали в заголовках газет и в Индии, и дома. Все, особенно женщины и дети, искренне тревожились за судьбу заложников, и известия об их благополучном освобождении вызвали волну облегчения и радости целой нации. Но едва в Индии начались торжества, затеянные лордом Элленборо, британская миссия в Тегеране получила тревожные вести. Их принес молодой перс, когда-то завербованный направлявшимся в Бухару Артуром Конолли. Оказалось, что Конолли и Стоддарт, про бедственное положение которых из-за кабульской катастрофы все забыли, уже мертвы. Это случилось, рассказал перс, в июне, когда репутация Британии как силы, которой нужно опасаться, в Центральной Азии упала до предела. Не получив никакого ответа на личное послание королеве Виктории, эмир Бухары рассвирепел и, не опасаясь больше никакого возмездия, приказал схватить и бросить в темницу обоих англичан, наслаждавшихся недолгой свободой. Несколько дней спустя их вывели оттуда и со связанными руками доставили на большую площадь перед цитаделью, где возвышался дворец эмира. О том, что происходило дальше, перс — как он клятвенно заверял — услышал из уст самого палача.

Сначала под взорами безмолвной толпы английских офицеров заставили вырыть себе могилы. Затем приказали опуститься на колени и готовиться к смерти. Первым обезглавили полковника Стоддарта, который успел прокричать проклятия тирании эмира. Затем палач сообщил Конолли, что эмир готов сохранить ему жизнь, если он откажется от христианства и примет ислам. Зная, что насильственное обращение в мусульманство не спасло Стоддарта от заключения и казни, Конолли как набожный христианин ответил: «Полковник Стоддарт три года был мусульманином, и вы его убили. Я готов умереть, но не стану еще одним вероотступником». Тут он подставил шею палачу, и через миг его голова скатилась в пыль рядом с головой его друга.

Новость о зверском убийстве всколыхнула нацию, но за исключением варианта с отправкой через весь Афганистан карательной экспедиции, чтобы разделаться с мелким тираном, возможностей для возмездия практически не было. Несмотря на реальный риск вновь потерять лицо в Центральной Азии, правительство решило, что про все это неудачное дело лучше спокойно забыть. Однако возмущенные друзья казненных, обвинявшие в их гибели правительство, которое от них отказалось, не собирались смириться с таким исходом.

Некоторые даже полагали, что перс мог солгать и офицеры на самом деле еще живы. Эта идея вызвала бурные споры, и преподобный Джозеф Вульф из Ричмонда в Саррее, человек отважный, хотя и весьма эксцентричный, вызвался отправиться в Бухару, чтобы выяснить правду. К несчастью, рассказанная персом история во всем, кроме нескольких деталей, оказалась правдивой, а сам бесстрашный Вульф рад был, что подобру-поздорову унес ноги. По его словам, появление в полном каноническом облачении вызвало у непредсказуемого эмира «приступ неудержимого смеха». Детальный отчет о поездке отважного Вульфа, которая, строго говоря, не является частью Большой Игры, дан в его собственной книге «Рассказ о миссии в Бухару», изданной в 1845 году после его возвращения в Лондон.

Через двадцать лет к истории Конолли и Стоддарта добавилась пикантная деталь. В дом сестры Конолли в Лондоне пришел по почте небольшой пакет. В нем оказался затрепанный молитвенник, который был с братом во время плена, очевидно, принося им со Стоддартом утешение в дни долгих мучительных испытаний. На чистых страницах в конце книги и на полях остались мелкие карандашные заметки о деталях их злоключений. Последняя запись обрывалась на середине фразы. Молитвенник в конечном счете попал в руки русского из Санкт-Петербурга, который ухаживал за сестрой Конолли. К сожалению, впоследствии эта реликвия была утеряна.

Для Конолли и Стоддарта, так же как для Бернса и Макнагтена, Большая Игра была окончена. Все они пали жертвами наступательной политики, которую сами так нетерпеливо подстегивали и помогали реализовать. Через несколько месяцев в возрасте 32 лет скончался сраженный лихорадкой герой Герата и Кабула Элдред Поттинджер. Другим выбывшим многообещающим молодым участником игры стал лейтенант Джон Конолли, также офицер политической службы. Находившийся в заложниках у Акбара в Кабуле, он скончался от болезни, ничего не зная о судьбе боготворимого им брата Артура. Так, тесной чередой следуя друг за другом, шесть видных британских участников вышли из игры, чтобы присоединиться к Уильяму Муркрофту и своим российским противникам Грибоедову и Виткевичу в прибежище героев Большой Игры — Валгалле. И они не были последними.

Правда, некоторое время казалось, что и Британия, и Россия, наказанные за свои дорогостоящие авантюры в Центральной Азии, усвоили урок и впредь будут вести себя более осмотрительно. Последовал период разрядки, который, несмотря на взаимные опасения и подозрения, продлился целое десятилетие. Двум державам следовало бы использовать его для мирного сближения, но в конце концов оказалось, что в борьбе за господство в Центральной Азии это была просто короткая передышка.

22. Передышка

Первым протянул оливковую ветвь царь Николай. Это произошло во время его официального визита в Англию летом 1844 года. Королева Виктория, которой тогда исполнилось 25 лет, ожидала, что российский гость окажется разве что чуть воспитаннее дикаря, но осталась очарованной его поразительно симпатичной внешностью и изящными манерами. «Его профиль красив, — отметила она, — а таких больших и выразительных глаз я никогда прежде не видела». На переговорах с сэром Робертом Пилем и английским министром иностранных дел лордом Абердином император заверил, что желает только мира и не имеет никаких новых территориальных притязаний ни в Азии, ни тем более в Индии. В основном царь казался обеспокоенным будущим Оттоманской империи, «больного Европы», как он ее называл. Он утверждал, что весьма встревожен тем, что произойдет после ее неизбежного — в *чем* он был уверен — распада. Представлялось, однако, что его больше волнуют гарантии получения соответствующих частей этого пирога.

Хотя и Пиль, и Абердин были не столь убеждены в назревавшем крахе Оттоманской империи, они пообещали поддержать Николая в его желании избежать серьезного противостояния между основными европейскими центрами влияния, когда встанет вопрос о разделе частей рухнувшей империи. Ведь такое противостояние могло почти наверняка привести к войне. Обе стороны также согласились, что желательно максимально долго поддерживать трон султана. Николай вернулся домой, полагая, что добился от Британии

определенных обязательств по совместным действиям в случае кризиса в Турции. Но англичане вовсе не считали, что переговоры, сколь бы сердечными они ни были, накладывают на них безусловные обязательства, которые сохранялись бы даже в случае смены правительства. Разумеется, подобное недоразумение чрезвычайно дорого обойдется обеим сторонам.

Тем временем, воздерживаясь от любой вражды или угроз пока еще разделенным обширными пространствами пустынь и гор азиатским владениям друг друга, оба правительства приступают к укреплению существующих границ и покорению беспокойных соседей. Русские продвинули свою линию крепостей через дикую казахскую степь вплоть до берегов Сырдарьи, северного близнеца Оксуса. В 1853 году они продвинули укрепления от Аральского моря до Ак-Мечети, в 250 милях по реке в глубь Центральной Азии. Два небольших пароходика, необходимых для снабжения этих застав, перевезли разобранными на части по суше и собрали вновь на Аральском море. Англичане в этот период разрядки были даже более активны. В 1843 году, после унижительного поражения в Афганистане, они захватили Синд, «как уличный забияка, который получил оплеуху и ринулся домой, чтобы сорвать зло на собственной жене», писал один критик. Затем они провели две небольшие, но кровопролитные войны против пенджабских сикхов, после смерти Ранжит Сингха все более выходивших из повиновения, и в 1849 году окончательно присоединили эту большую и ценную территорию к ранее покоренным районам. Север штата Кашмир был отделен от Пенджаба и передан под управление наместника, назначаемого британским правительством. Эти перемены дали Британской Индии нового соседа в лице Дост Мохаммеда, которого вновь посадили на трон. Ему не забывали дружески напоминать о необходимости поддерживать хорошие отношения с теми, кто предоставлял ему убежище и защиту от происков врагов.

Таковыми были позиции этих правительств в Центральной Азии до 1853 года, до тех пор, когда столь пестуемая Николаем I разрядка внезапно не рухнула. Признаки нарастания напряжения наблюдались несколько лет. В 1848 году одновременно во множестве европейских столиц, включая Париж Берлин, Вену, Рим, Прагу и Будапешт, вспыхнули революции. «На всем пространстве континента идет борьба между теми кто правит, и теми, кем правят, между законом и беспорядком, между теми, кто все имеют, и теми, кто хотят иметь все», — написал новый министр иностранных дел лорд Пальмерстон. Николай, живший в чрезвычайном страхе перед революцией в России, сразу ужесточил меры в отношении немногих свобод, которые там существовали. В то же самое время он послал армию под командованием Паскевича в Венгрию, которая, по его мнению, являлась центром революционного движения и заговора против России. Восстание в Венгрии было подавлено, его лидеров схватили и казнили. Возможно, Николай и предотвратил распространение революции на Россию, но заработал повсеместную ненависть и враждебность либералов, а также звание «жандарм Европы». На послание королеве Виктории, в котором Николай I указывал, что только Англия и Россия были избавлены от смуты, и предлагал создать коалицию по борьбе с революционными проявлениями, ответа не последовало.

На десятом году англо-русского устного соглашения Оттоманская империя впала в коллапс. Первый конфликт — спор между Францией, Россией и Турцией по поводу опеки христианских святынь на земле обетованной — Британию никак не затрагивал. Но следующий кризис оказался гораздо серьезнее. Николай направил войска на Балканы, на подконтрольные Турции территории, якобы с целью защитить христианское население. Ультиматум Турции о выводе войск Николай игнорировал, и в очередной раз эти страны оказались в состоянии войны. Но на этот раз англичане и французы, твердо поставившие цель оградить Ближний Восток от проникновения России, вступили в союз с султаном. Царь Николай, веривший в свои особые отношения с Британией по поводу Турции, слишком поздно понял что недооценил сложность ситуации. Началась Крымская война, которой на деле никто не хотел и которой легко можно было избежать.

История этого кровавого конфликта слишком известна, чтобы пересказывать ее здесь. Столкновение огромных армий на поле битвы, слишком далеко от мрачных пустынь Центральной Азии и от попыток скрытного проникновения в Индию, — это совсем не часть Большой Игры. Но отголоски конфликта очень скоро ощутили все, кто отвечал за защиту Индии. Точно так же, как английские «ястребы» видели в войне возможность накрепко связать

русских на их кавказских базах и таким образом уменьшить потенциальную угрозу Индии, в России тоже были стратеги, которые полагали, что бросок на Индию поможет ускорить их победу в Крыму. Среди последних был преемник победителя в персидском конфликте графа Симонича генерал Дюамель, который разработал детальный план вторжения, имевшего целью вынудить Британию перебросить в Индию войска с Ближневосточного театра военных действий. Он указывал, что такое нападение не потребует слишком больших российских сил, если посулами военных трофеев и территориальных приобретений соблазнить присоединиться к атаке афганцев, а возможно, и сикхов. А когда британские полки ринутся на укрепление границ, «внутренний враг» — многочисленное коренное население Индии — справится с лишенными серьезной военной поддержки заморскими правителями.

Особыми новшествами план Дюамеля не отличался. После рассмотрения нескольких альтернативных маршрутов (все они гораздо раньше прорабатывались Киннейром и многими другими) он принял вариант форсирования Каспия с выходом к Ашхабаду, а затем сухопутного марша к Герату. Его он считал самым коротким и наименее изнурительным путем вторжения для войск, позволяющим избежать пересечения пустынь, гор и главных рек, а также столкновений с воинственными племенами, некоторые из которых (или даже все) постарались бы воспрепятствовать походу. Заключительный удар (его, по предположению Дюамеля, следовало нанести объединенными силами русских, афганцев и персов) планировался из района Кабула или Кандагара. Последний вариант генерал считал более предпочтительным, поскольку он позволял через Хайберский коридор выйти к Лахору и Дели, где многочисленное население могло бы поддержать «освободителей». Плану генерала Дюамеля никогда не было суждено пройти проверку практикой. Война складывалась для России все более драматически, и уже не было возможности выделить для такой авантюры серьезные военные силы. Но если бы ее и начали, шансы на успех представляются весьма незначительными. Очень маловероятно, чтобы два извечных противника, Персия и Афганистан, согласились оставить свои раздоры и присоединиться к третьей силе, не говоря уже о позволении российской армии маршировать по своим землям. В конце концов у них не было никаких причин доверять русским больше, чем англичанам. Впрочем, военные власти в Калькутте были уверены, что даже при таком союзе силы вторжения могли быть разгромлены. Но в одном Дюамель оказался прав. Очень скоро англичанам предстояло обнаружить «внутреннего врага».

Нереализованный генеральский план ничего не дал его собственной стране, но зато снабдил ценными политическими боеприпасами английских «ястребов», когда просочились сведения о нем и о другом, несколько видоизмененном плане. «Ястребы», конечно же, подняли крик, что Петербург, несмотря на постоянные опровержения, все же вынашивает планы проникновения в Индию. Обращает на себя внимание количество планов вторжения, становившихся в те годы известными в Британии. Это вполне могло быть вызвано сознательными акциями российского военного руководства — им эти «утечки» были выгодны, поскольку заставляли англичан держать в Индии большие, чем нужно, гарнизоны. В конце концов, не только англичане вели Большую Игру.

Но если ахиллесовой пятой англичан была Индия, у русских это был Кавказ, где местные мусульманские племена все еще продолжали отчаянно бороться против власти царя. Из-за Крымской войны российские силы на Кавказе пришлось существенно уменьшить. Это обстоятельство «ястребы» в Лондоне и Калькутте постарались использовать как козырь в британской игре. Предполагалось не только поставить имаму Шамилю и его последователям оружие, но и оказать прямую военную помощь. Как и во времена предоставлявших такую поддержку Уркуарта, Лонгуорта и Белла — но по возможности без возрождения ложных упований, — непокорные племена должны получать от Британии помощь. Шамиль даже обратился с посланием к королеве Виктории, хотя ответа так и не дождался. «Британский корпус, действующий в Грузии, — отмечал один английский комментатор, — при помощи Турции и Персии и при поддержке Шамиля с его выносливыми горцами, разумеется, отбросит русских с Кавказа». Другие видели Крымскую войну шансом для удара по российским крепостям, построенным по Сырдарье. Причем, как считали инициаторы, это вообще не требовало привлечения английских войск. Оружие и советы вождям разрозненных местных племен позволили бы организовать постоянные нападения на удаленные российские крепости в

казахских степях и, как выразился один из радетелей британских интересов, «оттеснить русских к границам, которые они занимали в начале столетия».

Однако точно так же, как Санкт-Петербург не принял плана Дюамеля, Лондон не дал хода этим и подобным антирусским планам, хотя и по другим причинам. Ужасы все еще свежей в памяти афганской трагедии породили острое нежелание вмешиваться снова в дела мусульманских государств Азии, даже по их собственному приглашению. Этот осторожный новый подход, известный как доктрина «умелого бездействия», стал острым и очевидным контрастом предшествующей агрессивной «наступательной политике», которая привела в Афганистане к столь плачевным результатам. Кроме того, французы начинали подозревать, что их втянули в конфликт в Крыму, чтобы устранить от дальнейшего соперничества с Британией на Востоке, и Лондон больше всего стремился избежать любых действий, способных подтвердить такие подозрения. К тому времени Крымская война для англичан и французов складывалась чрезвычайно успешно. В сентябре 1854 года они осадили крупнейшую военно-морскую твердыню России на Черном море — Севастополь. Предполагалось, что его захват и разрушение надолго гарантируют независимость Турции. Осада длилась 349 дней и потребовала огромных усилий и жертв с обеих сторон. Но поражение России и сдача Севастополя стали неизбежными. Царь Николай I, начавший войну нападением на Турцию, все глубже и глубже погружался в отчаяние. 2 марта 1855 он скончался в Зимнем дворце, из которого лично командовал российскими силами. Официальной причиной смерти назван грипп, но многие полагали, что он принял яд, не в силах перенести поражение своей любимой армии.

После сдачи Севастополя и угрозы Австрии присоединиться к коалиции против России новый царь, сын Николая Александр II, 1 февраля 1856 года согласился на перемирие. Через несколько недель для окончательного урегулирования восточного вопроса был созван Парижский конгресс. Основная цель победителей состояла в том, чтобы изгнать Россию с Ближнего Востока и наложить самые резкие санкции на побежденных в Черноморском регионе. Подлежали уничтожению все военные корабли, военно-морские базы и другие укрепления на черноморском побережье России. Это был сильнейший удар по российской мощи. В то же самое время порты Черного моря открывались для торговых судов всех стран — несколько запоздалая победа для Дэвида Уркварта, Джеймса Белла и других, вовлеченных в празднуемое ныне торжество дела «Виксен» двадцатилетней давности. Русские сдали устье Дуная, захваченные турецкие города Батум и Карс и занятые ими ранее северные балканские территории, а также отказывались от требований религиозного покровительства над живущими под властью султана христианами.

Конечно, «ястребам» и этого было мало, но на самом деле Британия достигла своих главных целей. Черное море теперь становилось действительно нейтральным, а целостность Турции гарантировалась ведущими европейскими державами. Амбиции России в Европе и на Ближнем Востоке были надолго блокированы, и прошло пятнадцать лет, прежде чем Санкт-Петербург объявил, что больше не считает себя связанным Парижскими соглашениями, и начал заново строить мощный Черноморский флот. Тем временем российские генералы, затаив негодование и обиды, самым серьезным образом взялись на Кавказе за войну против Шамиля и его приверженцев и на сей раз сокрушили их раз и навсегда. Но англичане, считавшие, что их собственные неприятности закончились, были весьма разочарованы. Внезапно в сводки новостей вернулся Афганистан — проблема, которая, казалось, отошла в прошлое.

* * *

В разгар Крымской войны персидский шах, который не питал большой любви ни к Британии, ни к России, не считал за труд искать союза с обеими сторонами. Он надеялся, что в обмен на поддержку Британия поможет ему вернуть захваченные Россией кавказские территории. Вместо этого англичане посоветовали ему сохранять строгий нейтралитет. Россия же, которой он очень боялся, стала оказывать на шаха давление с целью втянуть в войну на своей стороне и заставить напасть на Восточную Турцию. Проведав про это, правительство Британской Индии поспешило послать в Персидский залив в качестве предупреждения

военный корабль. Это сработало, и Персия всю войну оставалась нейтральной. Тем не менее интриги российского правительства продолжались. В надежде спровоцировать войну Британии с Персией Санкт-Петербург убеждал шаха в том, что пока англичане вовлечены в Крымскую войну, надо потребовать возвращения Герата, столь важного для защиты Индии. Наконец уговоры подействовали, шах уверился, что англичанам не до Герата. Правда, случилось это слишком поздно для русских — судьба войны в Крыму была уже решена.

25 октября 1856 года после весьма непродолжительной осады Герат сдался персидским войскам. Весть об этом целый месяц добиралась до Индии и застала англичан врасплох, хотя Дост Мохаммед предупреждал из Кабула, что Персия такую акцию планирует. Чтобы получить возможность отразить любое вторжение Персии в Афганистан, он просил оружия и помощи, но напрасно. Инструкции, полученные генерал-губернатором в Лондоне, предписывали во имя поддержания сердечных отношений с Кабулом любой ценой избегать вмешательства во внутренние дела страны. Со временем от этого тезиса отказались, но слишком поздно. Как бы там ни было, но чтобы Герат не стал плацдармом интриг против Индии или в конечном счете исходным пунктом для вторжения, Персию следовало оттуда вытеснить, и поскорее. Нельзя было забывать, что Россия давно заключила с Тегераном соглашение, по которому имела право открывать свои консульства в любых провинциях, подвластных шаху. Англичане могли выбрать любой из двух вариантов. Они могли с согласия Дост Мохаммеда провести свои войска через Афганистан и оттеснить иранцев к прежним границам или послать военно-морскую эскадру в залив и бомбардировать порты шаха, пока тот не поймет бессмысленность противостояния и не отведет войска.

Тогдашний генерал-губернатор лорд Каннинг весьма отрицательно относился к наступательной политике, «особенно для Индии, которая не способна найти деньги на ее оплату». Тем более он был не склонен посылать войска в Афганистан, даже вместе с армией Дост Мохаммеда. «Я полагаю, — писал он, — что британской армии не следует показываться в столь враждебной стране, где не столько тревожатся за судьбу Герата, сколько вспоминают 1838 год и все, что за ним последовало». Вот так и было решено послать в Персидский залив смешанную военно-морскую и армейскую экспедицию, ведь семнадцать лет назад, во время прошлой осады Герата персами, это дало неплохой результат. Состояние войны было объявлено правительством Индии. Формальное объявление войны Британией означало бы роспуск парламента и затем его новый созыв. Палмерстон, ставший к тому времени премьер-министром, знал, что возвращение к «дипломатии канонерок» окажется непопулярным даже среди его кабинета, особенно сразу после дорогостоящей войны с Россией. Действительно, когда новости относительно экспедиции достигли Англии, там во многих городах прошли антивоенные манифестации.

После непродолжительной, но интенсивной бомбардировки 10 декабря 1856 года англичанам сдался Бушир. Как только над городом взвился Юнион Джек, британские войска дали приветственный салют. Посчитав это сигналом к началу резни, защитники и часть жителей бросились бежать в пустыню. Однако особой враждебности к персам в экспедиционном корпусе не наблюдалось. Все понимали, что настоящие враги совсем другие и находятся в другом месте. Как сказал один английский стрелок своему офицеру, когда началась бомбардировка: «Это — хорошая оплеуха русским, сэр!» Но воинственность англичан не принесла немедленного эффекта, на который надеялся Палмерстон. Понадобились еще две атаки, прежде чем шах покорился неизбежности и согласился отойти от Герата, на сей раз отказавшись от всех притязаний на него. Для англичан в Индии это оказалось весьма своевременно, поскольку в тот момент страна стояла на грани внутренних распрей, поставивших под вопрос само существование британского режима.

* * *

Индийский мятеж вызревал уже очень давно, хотя лишь немногие предсказывали его возможность. Среди них оказался Эдред Поттинджер. Незадолго до смерти он написал другу: «Если правительство не предпримет некоторых решительных шагов, чтобы вернуть симпатии армии, я в самом деле полагаю, что одна-единственная искра может воспламенить сипаев на

мятеж». Однако большинство англичан в Индии были убеждены, что туземные солдаты, как выразился один офицер, «совершенно счастливые в своей армейской семье, простые и надежные, веселые и добродушные товарищи». Детали мятежа, который вспыхнул 10 мая 1857 года в Мирате, остаются вне рамок этого повествования. Подобно Крымской войне и экспедиции в Персидский залив, он не был частью Большой Игры, даже если некоторые «ястребы» подозревали участие в нем российских или персидских агентов. Кстати, ходили слухи, что в Персии похвалялись этим в открытую. Но русские, даже если не были в него непосредственно вовлечены, ничуть не побрезговали попытаться воспользоваться преимуществами ситуации.

Весной 1858 года российский агент Николай Хаников пересек Каспий и достиг Герата, намереваясь далее тайно пробраться в Кабул и сделать от имени своего правительства некие предложения Дост Мохаммеду. Это происходило в то время, когда афганский правитель только что заключил союз с Британией, к тому же он испытывал особое расположение к англичанам за то, что те изгнали персов из Афганистана, даже не ступив на его территорию. Он, несомненно, помнил также болезненные последствия, которые принесла ему двадцатью годами ранее благосклонность к капитану Виткевичу, предыдущему царскому эмиссару, посетившему Кабул. Знал он и о поражении русских от англичан и их союзников на крымских полях сражений, не говоря уже о неудачной попытке Санкт-Петербурга второй раз за восемнадцать лет призвать на помощь персидских друзей. Вряд ли Дост Мохаммед долго колебался, решая, кто из двух конкурентов сильнее и с кем по сей причине стоит сохранять хорошие отношения. Кроме того, он понимал, что русские вряд ли «подарят» ему желанный Герат, ведь это навсегда поссорило бы их с персами.

Ханикова отослали обратно — в Кабуле его даже не выслушали, несмотря на циркулировавшие в ту пору в афганской столице дикие слухи, что в Индии вырезали всех англичан. Учитывая сильный нажим, который оказывали на Дост Мохаммеда фанатики-мусульмане, требовавшие, чтобы Афганистан присоединился к восстанию против неверных, англичане имели серьезные основания испытывать глубокую благодарность к правителю, которого однажды сами свергли с трона. В ситуации борьбы за выживание с «внутренним врагом» вмешательство Афганистана могло оказаться роковым ударом в спину. Дост Мохаммед был вознагражден уже через несколько лет. Когда в 1863 году он собрался захватить провинцию Герат, никаких возражений со стороны Британии не последовало, хотя там предпочли бы, чтобы страна оставалась разделенной. Ведь под властью наверняка менее дружественного преемника стареющего Дост Мохаммеда объединенный Афганистан мог стать угрозой Индии. Зато всего через девять дней после победы старый воин умер счастливым от сознания, что порядок в королевстве и контроль над этой некогда утраченной провинцией восстановлены. Конечно, он не знал, что история с поразительной точностью повторится, что не пройдет и пятнадцати лет, как Англия и Афганистан вновь окажутся втянутыми в войну. Но до того еще многому суждено было случиться.

* * *

Подавление мятежа к весне 1858 года имело далеко идущие для Индии последствия. Решительная реформа системы управления означала конец Ост-Индской компании, два с половиной века оказывавшей громадное влияние на судьбы более чем 250 миллионов людей. Во время собственно восстания Индией все еще номинально управляли из штаба Вест-Индской компании на Лиденхолл-стрит в Лондоне, хотя вмешательство со стороны Даунинг-стрит и Уайтхолла все усиливалось и все более оживлялся обмен информацией между ними. В августе 1858 года, пытаясь разрешить глубокие противоречия, которые привели к вспышкам негодования и мятежу, британское правительство приняло Индийский акт, которым отменило полномочия компании и передало всю полноту власти Короне. В кабинете был создан новый пост премьер-министра Индии, а старый Контрольный совет во главе со всевластным президентом распущен. Вместо прежнего назначили Консультативный совет из пятнадцати членов. Восемь из них назначала королева, остальных назначала компания. В то же самое время генерал-губернатору дополнительно присваивалось звание вице-короля Индии, являвшегося

персональным представителем королевы.

Произошли радикальные перемены и в организации вооруженных сил Индии, превращавшихся в одну из самых крупных армий в мире. Важным фактором были меры по восстановлению доверия сипаев к офицерам и наоборот. Командные должности в армии компании долгое время занимали состарившиеся, отжившие свое офицеры (типичный случай — генерал Элфинстон), чьи командирские способности не вызывали доверия. Хуже того, при отступлении из Кабула многие офицеры спасались бегством, бросая своих людей на произвол судьбы и афганских головорезов. Характерно, что туземные полки, которые сражались в Афганистане, были среди первых, кто присоединился к мятежу. Теперь, когда Ост-Индская компания прекратила существование, в одночасье была расформирована и ее огромная армия. Европейские и туземные полки были переданы в состав заново сформированной Индийской армии, которая находилась в непосредственном подчинении Военного министерства в Лондоне. Вся артиллерия впредь оставалась под командованием европейцев.

В целом кошмарный опыт мятежа только усилил паранойю англичан по поводу российского вмешательства в индийские дела. Тем не менее «внутренний враг» был сокрушен и оставшаяся часть столетия Индия оставалась относительно спокойной. Но за пределами индийских границ ситуация была более разнообразной. Нанеся поражение русским в Крыму англичане надеялись не просто удержать их от проникновения на Ближний Восток, но и остановить их экспансию в Центральной Азии. Но реальный эффект оказался прямо противоположным.

КРИТИЧЕСКИЕ ГОДЫ

«Независимо от того, действительно недружественны или чисто фантастичны замыслы России насчет Индии, я считаю первейшей обязанностью британских государственных деятелей предупреждать любые враждебные поползновения, добиваться, чтобы наше собственное положение оставалось безопасным, а наши границы — неприступными, и бережно хранить это, без сомнения, самое благородное завоевание британского гения и самый драгоценный атрибут имперской короны».

Досточтимый Джордж Керзон, член парламента («Россия в Центральной Азии», 1889)

23. Большое российское наступление начинается

«Где однажды взвился имперский флаг, — указал царь Николай в своем декрете, — там он никогда не будет спущен». У его сына Александра не было причин думать иначе. Для тех, кто служил на азиатских границах России, вывод казался однозначным. Сначала водрузите двуглавого орла, а уже затем просите разрешения. О прежней осторожности забыли. Благожелательное отношение Санкт-Петербурга ко всевозможным территориальным захватам и приобретениям совпало с появлением новой агрессивной породы офицеров-пограничников. Неудивительно, что из-за поражения их родины в Крымской войне все они были англофобами. Именно они в середине девятнадцатого века присоединили к областям, уже пребывающим под властью Александра, новые обширные владения в Азии.

Одним из таких офицеров, к мнению которых царь прислушивался, был граф Николай Игнатьев. Блестящий и честолюбивый молодой политик стремился уладить все проблемы в отношениях его родины с Британией. По мере их постижения он становился законченным участником Большой Игры. Во время индийского мятежа он служил в Лондоне военным атташе и не раз пытался убедить правительство в Санкт-Петербурге воспользоваться ослаблением Британии и совершить вторжение в какой-нибудь другой район Азии. Умело скрывая свои антибританские настроения и пользуясь в лондонском свете известной популярностью, он умело дурачил Министерство иностранных дел. В конфиденциальном сообщении Форин офиса

его характеризовали как «умного и ловкого типа», и в это же время главный лондонский картограф информировал власти, что Игнатъев осторожно скупил все доступные карты британских портов и железных дорог.

К 26 годам он сделал стремительную карьеру и в 1858 году был избран Александром для выполнения секретной миссии в Центральной Азии. Его задачей было попытаться выяснить, насколько глубоко с точки зрения политики и экономики проникли в этот регион англичане, и подорвать влияние, которое те могли приобрести в Хиве и Бухаре. Царь был встревожен долетавшими до российских застав на Сырдарье слухами, что британские агенты проявляют в регионе все большую активность. Если предстояла схватка за выгодные рынки Центральной Азии, то Санкт-Петербург намеревался ее выиграть. Потому Игнатъеву были даны инструкции попытаться установить и с Хивой, и с Бухарой регулярные коммерческие связи и обеспечить режим благоприятствования и гарантии безопасности для российских купцов и их товаров. Еще ему даны были указания собрать как можно больше военных, политических и прочих сведений, включая оценку военных возможностей ханств. И, наконец, предписывалось выяснить все, что удастся, относительно возможностей судоходства по Оксусу, а также относительно маршрутов, ведущих в Афганистан, Персию и Северную Индию.

Миссия Игнатъева, насчитывающая почти сотню человек, включая казачий эскорт и проводников, прибыла в Хиву летом 1858 года. Хан согласился их принять; они вручили впечатляющие царские дары, включая орган. Вручение даров сопровождалось пояснением, что-де подарки слишком велики и тяжелы, чтобы их перевозить через пустыни, если есть возможность переправляться через Аральское море и подниматься по Оксусу, что предполагало получение Россией разрешения использовать данный маршрут в дальнейшем. Это была типичная уловка Большой Игры, заимствованная у англичан, которые подобным образом почти за тридцать лет до этого получили право на судоходство по Инду. Не было новшеством и подношение восточному властелину органа: британская Левантская компания сделала такой презент турецкому султану более чем два столетия назад. Хан, однако же, оказался не так прост. Он любезно приветствовал Игнатъева, вежливо благодарил, принимал дары, но наотрез отказался разрешить российским судам продолжить плавание дальше по Оксусу до Бухары. Впрочем, Игнатъев все-таки убедил хана открыть рынки для российских купцов, хотя был момент, когда все могло сорваться — это произошло, когда персидский раб попросил убежища на борту российского судна. В Бухару из Хивы Игнатъев отправлялся не с пустыми руками: не считая всего прочего, он вез множество ценных сведений, не говоря уже о хищных намерениях существенно урезать ханство, аннексировав его территории.

В Бухаре, где через шестнадцать лет после казни Конолли и Стоддарта все еще твердо восседал на троне жестокий и деспотичный эмир Насрулла, Игнатъеву рассчитывать на слишком многое не приходилось. Возраст отнюдь не смягчил нрав эмира. Когда незадолго до визита Игнатъева недовольство Насруллы вызвал командующий артиллерией эмирата, эмир лично зарубил его топором пополам. Впрочем, с Игнатъевым эмир постарался себя сдерживать. В то время как раз шла очередная война со старым противником — ханом соседнего Коканда, и Насрулла стремился не сделать ничего, что могло бы толкнуть русских поддержать его противника. Он пообещал освободить всех русских, находившихся в Бухаре в рабстве, и активно поощрять торговлю между двумя странами. Эмир даже предложил поделить с царем часть районов Хивинского ханства, если тамошний хан будет упорно препятствовать российскому судоходству по Аральскому морю и Оксусу. Наконец, он обещал не принимать каких-либо эмиссаров от англичан и даже договориться со своими афганскими соседями не пускать их через Оксус.

Игнатъев прекрасно понимал, что обещания эмира ничего не стоят и что Насрулла вовсе не собирался хоть что-то из них соблюдать, как только будет устранена кокандская угроза. Тем не менее в Бухаре, как и в Хиве, он со своими людьми собрал ценные сведения, которые впоследствии принесли немало пользы. В целом это была смелая экспедиция, чреватая трудностями и риском. Даже если не все ее цели были достигнуты, она помогла россиянам восстановить чувство собственного достоинства. В Санкт-Петербург Игнатъев вернулся знаменитым и удостоился высочайших похвал при дворе. В детальном отчете о миссии он предлагал немедленно аннексировать центральноазиатские ханства, пока этого не сделали

англичане. Пока царь с приближенными советниками все это тщательно анализировали, Игнатьеву поручили еще более важное задание, на сей раз на 3500 миль восточнее, в Китае. Чтобы ранг Игнатьева соответствовал новым полномочиям, его временно произвели в генеральский чин. Миссия, которую он с большим удовлетворением принял, давала ему, кроме прочего, шанс посостязаться в изворотливости и находчивости с англичанами.

Кризис возник в связи с опасениями Александра за его новоприобретенные и пока что плохо охраняемые владения на Дальнем Востоке. Сибирские войска отвоевали их для империи у Китая за три-четыре предыдущих года. Не желая допустить дальнейшего усиления Британии, как это произошло с захватом Индии, российское командование упорно и безостановочно продвигало войска на восток вдоль Амура, а затем на юг по Тихоокеанскому побережью к тому месту, что теперь называется Владивостоком. Китайский император в ту пору не имел сил для отпора русским — он был всецело поглощен восстанием тайпинов и борьбой с англичанами и французами, требовавшими концессий и прочих привилегий. Таким образом, русские с минимальными затратами смогли «облегчить» его империю почти на 400 000 квадратных миль. Но теперь они считали, что новым владениям угрожают англичане.

Здесь сложно обрисовать все детали сложившейся ситуации. Отметим только, что основой послужили итоги второй «опиумной» войны, так называемой «войны стрел», случившейся между Англией и Китаем в 1856 году. После своей победы англичане предъявили императору ряд требований, на которые он неохотно согласился. Они включали право европейских государств на создание в Пекине постоянных дипломатических представительств, открытие большего количества портов для внешней торговли и выплату Британии огромной контрибуции. Когда император попытался уклониться от их исполнения, в Китай в порядке предупреждения была направлена мощная англо-французская военная группировка с приказом, если возникнет необходимость, наступать на Пекин. Перспектива закрепления Британии в столице Маньчжурии вызвала у России опасение за безопасность ее дальневосточных областей. Так выглядела ситуация, когда Игнатьев весной 1859 года то на санях, то верхом отправился в далекий Пекин. Самая срочная его задача состояла в том, чтобы заставить китайского императора формально признать уступку России новых территорий и таким образом гарантировать их статус неотъемлемой части Российской империи. Это была классическая миссия Большой Игры, и Санкт-Петербург не мог бы поручить ее более искусному или находчивому игроку.

Прибыв в Запретный город, Игнатьев немедленно предложил императору, который подвергался сильному нажиму его европейских противников, свои услуги в качестве посредника на переговорах. Поначалу император их отклонил, опасаясь, что, несмотря на заверения в строгом нейтралитете, Игнатьев фактически состоит с англичанами и французами в союзе. На самом деле, как позднее выяснилось, Игнатьев вел двойную игру. Сначала он помогал европейцам, втихую снабжая их имевшимися в его распоряжении картами китайских позиций и сведениями о столичных интригах. В то же самое время он делал все возможное, чтобы помешать их соглашению с китайцами, для чего раздувал огонь разногласий и подталкивал их к наступлению на Пекин. Наконец, когда войска англичан и французов подошли к самым стенам города, он снова предложил китайской стороне услуги как посредник. К тому времени император сбежал из столицы, оставив руководить обороной своего брата. Для начала тот сжег дотла великолепный Летний дворец, расположенный в пяти милях от Пекина. Опасаясь полного разрушения города в случае вступления в него иностранных войск, защитники с благодарностью приняли предложение Игнатьева.

В преддверии столь жестокой в Северном Китае зимы англичане и французы спешили заключить соглашение, но не на тех условиях, на которые император согласился прежде, а на новых, которые он отверг. Игнатьев принялся осторожно отговаривать китайцев от поспешности. Он играл на опасениях императора, что чужеземные войска останутся в Китае, а такая идея и в самом деле существовала. Британский командующий лорд Элджин писал тогдашнему министру иностранных дел лорду Джону Расселлу: «Мы могли бы аннексировать Китайскую империю, если бы нам хватило глупости получить на руки вторую Индию». Так что англичане и французы в конце концов согласились на свои первоначальные условия и, подписав отдельные соглашения с китайцами, сразу собрались восвояси. Игнатьев убедил

императора, что он не только ускорил вывод иностранных войск, но и уговорил англичан сократить запрошенную ими контрибуцию. Затем он приступил к переговорам с побежденными китайцами от имени своего собственного правительства. Главным условием предлагаемого соглашения являлась формальная уступка России новых тихоокеанских территорий. Когда китайцы начинали колебаться в удовлетворении его требований, он имел обыкновение кратко и весьма внушительно пугать их якобы согласованной с ним задержкой вывода войск. 6 ноября 1860 года последние иностранные войска покинули Китай. Одиннадцатью днями позже, возможно, для того, чтобы ни Британия, ни Франция не заподозрили, что переговоры шли во время их присутствия и как бы с их участием, Россия в лице Игнатьева и Китай подписали Пекинский договор.

В свои двадцать с небольшим лет Игнатьев действовал с великолепной макиавеллиевской тонкостью и добился для России замечательного дипломатического триумфа. Во-первых, присоединение к огромной северной азиатской империи обширных территорий размерами с Францию и Германию, вместе взятыми, оформлялось юридически. Во-вторых, китайской стороне пришлось согласиться на открытие русских консульств в пребывавших под правлением Пекина Кашгаре в Восточном Туркестане и столице Монголии Урге.

Таким образом, они опережали своих конкурентов-англичан, которые так и не добились согласия на учреждение консульств. В результате российские торговцы и товары получали исключительный доступ на столь важные новые рынки. Можно понять, как был доволен Игнатьев, когда 22 ноября покинул Пекин и отправился в Санкт-Петербург. «Ни разу с 1815 года, — писал английский историк, — Россия не заключала столь выгодного соглашения, и, вероятно, никогда прежде такой подвиг не совершал столь молодой российский дипломат. Успехи 1860 года простирались весьма далеко, чтобы стереть досадные воспоминания о поражении в Крыму, тем более что они были достигнуты в замечательной манере переигрывания англичан».

* * *

Через шесть недель после отъезда из Пекина Игнатьев прибыл в Санкт-Петербург. Еще раз он пересек всю Азию, на сей раз в разгар зимы. Едва он успел сбросить и сжечь грязную одежду, по которой ползали вши и блохи, как его вызвали на доклад к царю в Зимний дворец. Там восхищенный Александр в знак выдающихся заслуг перед страной наградил его вожделенным орденом Св. Владимира. За ним также сохранили генеральский чин. Наконец, чтобы достойно использовать его непосредственное знание региона и населяющих его народов, его назначили главой недавно созданного Азиатского отдела Министерства иностранных дел. Так Игнатьев присоединился ко все растущему числу «ястребов» и англофобов, занимавших высокое положение в Санкт-Петербурге или на границах России. Среди них был энергичный военный министр граф Дмитрий Милютин, назначенный на этот пост в возрасте всего 34 лет. К ним относился и граф Николай Муравьев, действующий генерал-губернатор Восточной Сибири. Поначалу именно он захватил обширные тихоокеанские территории, которые теперь Игнатьев закрепил за империей на вечные времена. Третьим был князь Александр Барятинский, генерал-губернатор Кавказа, который рассматривал пресечение британского политического и коммерческого проникновения в Азию в качестве безотлагательной задачи. В 1859 году, используя новую стратегию, он вынудил наконец покориться имама Шамиля, положив таким образом конец длившемуся четыре десятилетия кровавому сопротивлению российскому правлению отдельных кавказских регионов. Теперь Кавказ представлялся ему мощным плацдармом, с которого царская армия могла «подобно лавине ринуться на Турцию, Персию и устремиться к Индии».

Эти настроения в наращивавшей свое могущество империи не ограничивались самыми высокими правительственными кругами. Большинство армейских офицеров в средних чинах одобряло наступательную политику в Азии и стремилось препятствовать британской игре. Армия, ставшая после проведенных Милутиным радикальных реформ по-настоящему передовой, после успехов на Дальнем Востоке особенно жаждала новых завоеваний, не говоря уже о стремлении стереть память о поражении в Крыму. Что же касается риска столкновения с

Британией, большинство военных полагало, что рано или поздно новая война с англичанами все равно неизбежна. Кроме того, российские купцы и фабриканты требовали выхода на рынки Центральной Азии и Китая и защиты своих караванов от казахских, киргизских и туркменских налетчиков. Наконец, «ястребы» наверху получили неожиданного союзника в лице Отто фон Бисмарка, который в то время *был* послом Пруссии в Санкт-Петербурге, а вскоре стал главой правительства своей страны и архитектором Германской империи. Полагая, что чем глубже Россия увязнет в Азии, тем меньшей угрозой она станет в Европе, он последовательно настраивал «ястребов» на то, что называл «великой цивилизаторской миссией».

Но часть приближенных царя убеждали его, что для натиска на подвластный Британии юг Центральной Азии время еще не пришло. Александру и дома хватало куда более острых проблем. Для преодоления серьезных недостатков общественного устройства, в значительной степени вскрытых Крымской войной, он провел ряд существенных либеральных реформ, нацеленных на модернизацию страны. Самым важным было освобождение в 1861 году приблизительно сорока миллионов рабов (крепостных. — *Ред.*) и распределение между ними земли, чему, конечно же, отчаянно противились многие землевладельцы. Одновременно Александр столкнулся со вторым восстанием в Польше, которое пришлось подавлять целых восемнадцать месяцев, вызвав большое осуждение в Европе. К тому же в окружении царя хватало высших сановников, выступавших против экспансии в Центральной Азии. Одним из них *был* министр финансов граф Михаил Ройтерн, который настоятельно предостерегал царя от любых новых крупных затрат до тех пор, пока страна не оправится от экономического краха, вызванного Крымской войной. Другим был князь Александр Горчаков, который в 1856 году сменил на посту министра иностранных дел Нессельроде. Ему пришлось решать нелегкую задачу оправдания подавления Польского восстания перед остальной Европой. Теперь он предупреждал Александра об особом внимании, с которым британские представители в Индии отслеживают любые продвижения российских войск к ее границам, что вынуждало Россию не рисковать и проявлять взвешенный подход.

Игнатьев и его союзники все-таки победили. Избавившись наконец от других проблем, Александр дал им уговорить себя начать наступление против коварных британцев в Центральной Азии. Опасения резкой реакции Британии на продвижение России Игнатьев отметал полностью. Он указывал, что после целой серии дорогостоящих войн с Афганистаном, Россией, Персией и Китаем — не говоря уже о кровавом восстании в Индии — Британия выказывает несомненные признаки перехода к пассивной политике и явно не стремится впутываться в дальнейшие конфликты. На решение царя повлияли и события в Америке, южные штаты которой долгое время были для России основным источником хлопка-сырца. В результате Гражданской войны в США поставки этого жизненно важного товара прекратились, болезненно ударив по всей Европе. Русским, однако, повезло больше других.

С недавних пор они узнали, что район Коканда в Центральной Азии, особенно плодородная Ферганская долина, прекрасно подходит для выращивания хлопка и обладает серьезным производственным потенциалом. Александр решил заполучить хлопководческие области Центральной Азии если не ради немедленной отдачи, то для того, чтобы его не опередил кто-то другой. «Кто-то» означало Британию

Поначалу бытовали надежды, что сердечные отношения и коммерческое сотрудничество с отдельными ханствами можно наладить посредством заключения союзов, избегая таким образом кровопролития, расходов и риска спровоцировать неблагоприятную реакцию Британии. Но Игнатьев, опираясь на собственный опыт недавней миссии в Хиву и Бухару на стаивал, что это просто наивно. По его словам, правители Центральной Азии ненадежны и совершенно не способны соблюдать какие бы то ни было соглашения. Завоевание предотвращающее проникновение Британии, оставалось, по его уверениям, единственным выходом. Эта точка зрения пользовавшаяся поддержкой графа Милютина, стала преобладающей. К концу 1863 года всякие надежды на возможность установления российского влияния путем мирных переговоров были утрачены. Русские были готовы к продвижению в Центральную Азию, хотя и постепенному.

Их первым ходом стала смычка летом 1864 года существовавших южных границ, которая закрыла в центре брешь шириной в 500 миль. Захват нескольких мелких городков и крепостей в

северных областях Кокандского ханства прошел без осложнений. Встревоженный агрессией, которая отняла у него города Чимкентского оазиса и часть Туркестана, хан немедленно отправил эмиссара в Индию — просить военной помощи у англичан. Однако те в соответствии с доктриной «умелого бездействия», которая теперь определяла британскую политику в Центральной Азии, ему вежливо отказали. Вся пограничная деятельность там теперь сводилась к топосъемке еще не исследованных и не нанесенных на карты зон и строительству стратегических дорог. Причем в суеверной надежде, что русские тоже проявят подобную сдержанность, она проводилась неподалеку от собственно индийских границ. Но чтобы убедить Санкт-Петербург, что англичане утратили интерес к Центральной Азии, требовалось нечто большее.

Теперь русские готовились к следующему шагу, несомненно, поощренному отказом англичан удовлетворить просьбу кокандского хана о помощи. Российский министр иностранных дел князь Горчаков, предупреждая протесты, которые наверняка последуют особенно от англичан после любых дальнейших продвижений в Центральную Азию, заранее подготовил официальное объяснение таких шагов, чтобы, как он надеялся, смягчить опасения и подозрения европейцев. Умело составленный документ весьма удачно снимал возражения, которые могли возникнуть у таких государств, как Англия, Франция, Голландия и даже Америка. В нем проводились прямые параллели между положением России по отношению к Центральной Азии и их собственным положением по отношению к обширным колониальным владениям. В декабре 1864 года меморандум Горчакова через послов царя был распространен по ведущим европейским государствам.

«Позиция России в Центральной Азии, — гласил этот документ, — является точно такой же, как у всех цивилизованных государств, которые вступили в контакт с поселениями полудиких кочевников, не обладающих никакой определенной социальной организацией. В таких случаях более цивилизованное государство, как правило, вынуждено в интересах безопасности своих границ и коммерческих отношений осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неуравновешенный характер делает их нежелательными соседями. В свою очередь, недавно умиротворенные регионы нуждаются в защите от грабежей племен, находящихся вне закона, и так далее. Вот почему российское правительство вынуждено было насаждать цивилизацию там, где варварский способ правления вызывает страдания народа, и оберегать свои границы от анархии и кровопролития. Такова судьба, — писал Горчаков, — любой страны, которая оказывалась в подобном положении». Британия и прочие колониальные державы были «неумолимо вынуждаемы не столько амбициями, сколько настоятельными потребностями к дальнейшему распространению» своих владений. Самая большая трудность, указывал он в заключение, — принять решение остановиться. Тем не менее, замкнув свою границу с Кокандом, Россия не собиралась продвигаться дальше.

«Мы будем признательны, — уверял Горчаков прочие державы, — если ведущие государства, у которых меньше нерешенных вопросов и выше организация, установят для нас с географической точностью пределы, на которых мы должны остановиться». Верил ли он этому на самом деле или просто стремился выиграть время для правительства, уже настроенного на покорение ханств, — вопрос, который все еще занимает ученых. Между прочим, Н.А. Халфин, советский историк этого периода, полагает, что это была преднамеренная дымовая завеса, предназначенная для обмана Британии. Разумеется, российские завоевания не остановились на обещанных Горчаковым рубежах. В ближайшие несколько месяцев они продвинулись еще дальше на юг. Большое российское наступление на Центральную Азию началось. И оно не остановилось, даже когда центральноазиатские ханства уже пали к ногам царя.

24. Лев Ташкента

В середине девятнадцатого века три враждующих ханства — Хива, Бухара и Коканд — правили обширным краем пустынь и гор величиной с половину Америки, который простирался от Каспийского моря на западе до Памира на востоке. Но помимо этих трех городов-государств там имелись и другие важные города. Одним был древний Самарканд, некогда столица Тамерлана, теперь часть Бухарского эмирата. Другим — Кашгар, отрезанный от прочих

высокими горами, тогда он управлялся Китаем. Наконец там был большой, окруженный стенами город Ташкент, когда-то независимый, но в то время принадлежавший Кокандскому ханству.

Ташкент с его садами, виноградниками, пастбищами и населением в 100 000 человек слыл самым богатым городом Центральной Азии. Своим процветанием он был обязан не только обилию природных ресурсов, но и энергии и предприимчивости своих торговцев и близости к России, с которой существовали давние торговые связи. Не было секретом, что ведущие торговые семейства были бы счастливы сменить кокандское правление с его непомерными поборами на правление российское. Но местное духовенство, которое также обладало значительным влиянием, искало спасения у эмира Бухары, правителя самого священного города в Центральной Азии. Получив такое предложение, эмир, разумеется, воспылил желанием оказать им покровительство, добавляя таким образом сей богатый приз к своим владениям. Весной 1865 года, когда он и его старый противник, хан Коканда, затеяли очередную войну, такая возможность представилась.

Но имелся еще один претендент — русские. Командующий Кокандской пограничной зоной генерал-майор Михаил Черняев не сомневался, что Ташкент с его обширным коммерческим и торговым потенциалом оказался в опасности. Черняев, который давно присматривался к Ташкенту, решил, пока оба правителя полностью заняты своей войной, захватить город прежде, чем до него доберется эмир Бухарский. Но царь и его советники в Санкт-Петербурге еще не были готовы к присоединению Ташкента. Частично это было связано с неуверенностью в спокойной реакции Британии, несмотря на гарантии Игнатьева, а частично с сомнениями, хватит ли у Черняева с его всего 1300 солдатами сил взять город, который защищают 30 000 воинов. Потому ему телеграфировали приказ воздержаться от наступления. Но генерал, небезосновательно подозревавший, что может содержать депеша, не стал ее читать и скрыл это даже от своего штаба. Он полагал, что если преуспеет в прибавлении столь драгоценного камня к короне царя, да еще с минимальными потерями и затратами, то неповиновение ему простится. Если бы так поступил британский генерал, он вызвал бы возмущение парламента и поплатился бы погонами, досталось бы и кабинету, и его непосредственному начальству. В России же карал или жаловал только один человек — сам царь. В случае успеха награда могла быть весьма значительна, так что Черняев решил, что игра стоит свеч. Имелась еще одна причина действовать именно так. Его непосредственный начальник, генерал-губернатор Оренбурга, планировал посетить пограничные области, и Черняев боялся, что тот лично возглавит наступление и лишит его шанса отличиться.

Заявив, что продвижение бухарских войск во владения Кокандского ханства представляет серьезную угрозу Ташкенту, он не оставил никаких альтернатив и в начале мая 1865 года выступил в поход. По пути он захватил небольшую крепость Ниязбек, лежавшую к югу от города, взяв таким образом под контроль реку, которая обеспечивала большинство потребностей города. Затем его инженеры повернули русло реки так, что теперь ее воды не достигали Ташкента. Дождавшись вызванного подкрепления, Черняев теперь располагал 1900 солдатами при 12 орудиях. Все они устремились к Ташкенту, которого достигли 8 мая, попутно разгромив отряд, посланный ханом Коканда на их перехват. Там генерал немедленно приступил к изучению системы обороны города и вступил в контакт с теми горожанами, кто проявлял дружелюбие к русским. Он надеялся, что последние смогут убедить остальную часть населения сдаться, открыть ворота «освободителям» и вынудить гарнизон кокандцев к сдаче. Но вскоре выяснилось, что незадолго до их прихода по приглашению сторонников эмира в город проник небольшой отряд офицеров и солдат из Бухары и присоединился к его защитникам. Выяснилось также, что перспектива российского правления пришлась по вкусу только небольшой части жителей.

Но отступать было уже некуда. Унизительность российского отступления отразилась бы на всей политике в Центральной Азии в течение грядущих лет. Черняев знал, что самому ему в таком случае придется предстать перед военным трибуналом и за неподчинение приказу, и за то, что навлек на армию такой позор. Сил для успешной осады города, окруженного высокой зубчатой стеной длиной приблизительно шестнадцать миль, у него было явно недостаточно. Шансы были невелики, но Черняев решился на штурм. В чрезвычайной ситуации, в которой он

оказался, было принято смелое решение все поставить на карту. Хотя защитники превосходили по числу его войска почти в пятнадцать раз, российский генерал знал их слабое место. Если до самого последнего момента держать в тайне время и точное место нападения, защитники, распределенные по многомильной стене, не сумеют вовремя сосредоточиться в зоне штурма. К тому же кроме существенного превосходства русских войск в вооружении, обученности и дисциплине, ворвавшись в город, они могли рассчитывать на сочувствующих и помощников из местных.

Первый удар Черняев нанес на рассвете 15 июня. Перед этим глубокой ночью, под покровом темноты, его люди ползком пробрались на исходные позиции. Главная штурмовая группа; которая несла длинные лестницы, подобралась к одним из ворот, где, как показала разведка, стена самая низкая и ее легче преодолеть. Колеса орудийных лафетов обернули войлоком, чтобы обеспечить бесшумное выдвижение на огневые позиции. Одновременно небольшой отряд подошел к другим городским воротам, в нескольких милях к востоку, готовый осуществить отвлекающий маневр и оттянуть на себя как можно больше защитников, пока главный штурмовой отряд не ворвется в крепость. Тогда они бы постарались присоединиться к товарищам в борьбе за цитадель.

В 2.30 утра добровольцы разгрузили лестницы, которые привезли на верблюдах, и перетаскили их вплотную к стенам около ворот, которые предстояло атаковать. Приближаясь к стенам, они наткнулись на спящего стражника; его присутствие вне стен указывало на существование тайного прохода, через который он выбирался наружу. Несколько чувствительных уколов остриями русских штыков — и пленник почел за благо показать его местонахождение. Умело замаскированный серым войлоком, точно соответствующим цвету стен, ход вел вверх к барбету, или платформе, возвышающейся над воротами. Это открытие стало чрезвычайной удачей для русских, которые уже слышали мощную орудийную канонаду со стороны дальних ворот. Вспомогательный отряд начал нападение, немедленно оттянув большинство защитников крепости к месту атаки.

Представилась возможность для наступления. Под прикрытием грохота бомбардировки русские стремительно пошли в атаку. Некоторые взобрались по потайному ходу, другие тихо вскарабкались по приставленным лестницам. Защитники были захвачены врасплох. В считанные минуты и без всяких потерь русские захватили ворота с внутренней стороны и заставили их открыть. Возглавляемая вооруженным одним крестом священником отцом Маловым, главная партия устремилась в город, сменяя пораженных защитников, пытавшихся занять оборону на баррикадах и парапетах. Тем временем капитан и 250 солдат пробивались вдоль стены в сторону вспомогательного отряда, чтобы попытаться помочь ему прорваться в город. Поначалу сопротивление было отчаянным, но очень скоро начала сказываться превосходящая огневая мощь и тактика закаленных отрядов Черняева. Несмотря на призывы бухарских офицеров, защитникам не хватало фанатизма, с которым русские привыкли сталкиваться на Кавказе. Так что чуть более чем через час второй отряд также оказался в городе, и цитадель окончательно перешла в руки русских. К полудню они овладели половиной города. Тем временем вне городских стен 39 казаков Черняева разгромили отряд в 5000 вражеских всадников, многие из которых утонули при бегстве через реку.

Краткое затишье в сражении наступило тогда, когда про-российски настроенные горожане попытались заключить перемирие. Но попытка успехом не увенчалась, и бои вспыхнули вновь, продолжаясь и ночью. До той поры Черняев воздерживался от использования артиллерии из опасения разрушить город и создать угрозу жизни и собственности дружественных к России жителей. Но после целого дня битвы люди его были крайне измотаны. Так что он приказал выдвинуть орудия и обстреливать вражеские позиции, давая таким образом возможность своим войскам передохнуть. Вскоре многие строения в лабиринте улиц вокруг российских позиций уже горели, создавая защитное кольцо огня и позволяя воинам урвать немного столь отчаянно необходимых им сна и отдыха.

На следующее утро жестокая битва вспыхнула снова, но к вечеру защитники, помимо прочего чрезвычайно удрученные тем, что их покинули бухарские советники, сочли дальнейшее сопротивление бессмысленным. К тому же городские старейшины поняли, что если они не хотят превратить Ташкент в груды щебня, надо сдаваться. Встретившись с Черняевым,

они обговорили условия капитуляции. На следующее утро генерал принял их от имени царя Александра, хотя и не был на то уполномочен. Старейшины преподнесли ему прекрасный бриллиант, а за выдающееся мастерство полководца, которое позволило русским захватить их город столь малыми силами, дали почетное прозвание «Лев Ташкента». Это была действительно удивительная победа. Российские потери составили всего двадцать пять убитых и восемьдесят девять раненых — ничтожная доля урона, который они причинили врагу.

Затем Черняев постарался завоевать расположение ташкентцев, особенно религиозных властей, стремлением к примирению и великодушием победителя. Он пришел в дом к главе мусульман Ташкента, поклонился в знак уважения и заверил, что вступил в город, не собираясь препятствовать старейшинам управлять делами города, как прежде, и не будет вмешиваться в религиозную жизнь. Зная о глубоком недовольстве населения налогами, наложенными кокандским ханом, он освободил всех от уплаты любых налогов в течение года — очень популярный, хотя и дорогостоящий ход. Он в одиночку разъезжал по улицам и базарам, говорил с простыми людьми и даже принимал пиалу чая от совершенно незнакомых лиц. Открытость и добросердечие самого Черняева и его солдат и их великодушие не могли не покорить многих из тех, кто прежде представлял русских чуть ли не людоедами. Это была замечательная политика, жаль, что последующие российские командующие в Центральной Азии не всегда ей следовали.

Назначив себя военным губернатором Ташкента, Черняев ожидал известий из Санкт-Петербурга относительно собственной судьбы. Там все высшее руководство, включая царя Александра, с изумлением перечитывало донесение о захвате города и умиротворении его жителей. В нем Черняев расхваливал доблесть своих войск, расточая особую хвалу целому ряду офицеров и солдат. Среди них был священник отец Малое, который пронес сквозь пламя сражений свой крест, а потом до конца жизни так и остался в Ташкенте. Черняев правильно предположил, что если имперский флаг взвился над Ташкентом, царь не пожелает видеть его спущенным. Поэтому он рекомендовал придать городу статус независимого ханства, но под российским покровительством.

Чтобы узнать, как оценена его отчаянная азартная игра, Черняеву долго ждать не пришлось. Царь назвал это «великолепным делом». Неповиновение было прощено, ведь оно окупилось успехом. С минимумом хлопот и потерь Черняев добился того, чего Александр жаждал сам, но боялся, что не сможет ничего добиться без использования куда больших сил. Царь немедленно представил Черняева к кресту св. Анны, отличившиеся офицеры тоже были достойно вознаграждены. Нижним чинам выплатили по два рубля каждому. Одновременно Санкт-Петербург набирался сил в предвидении британских протестов, которые казались неизбежными в свете недавнего меморандума князя Горчакова. Дабы опередить их, в опубликованном в Санкт-Петербургских газетах официальном извещении о победе Черняева занятие Ташкента объявлялось не более чем временным и настаивалось, что это было сделано исключительно для защиты Ташкента от захвата его Бухарой. Как только опасность исчезнет, будет восстановлена независимость Ташкента под управлением его собственного хана.

Британское правительство, как и ожидалось, отреагировало должным образом. Указывалось, что Ташкент расположен далеко от тех границ, которые князь Горчаков назвал в своем известном меморандуме южными пределами России. Кроме того, Лондон добавлял, что взятие Ташкента штурмом «вряд ли совместимо с выражаемым российским правительством намерением уважать независимость государств Центральной Азии». Но уже никто всерьез не ожидал ранее обещанного Санкт-Петербургом вывода войск из Ташкента. Этого и не случилось. Когда шумиха улеглась, объявили об учреждении нового, Туркестанского генерал-губернаторства. Ташкент становился его военным и административным штабом, а также официальной резиденцией генерал-губернатора. Санкт-Петербург не считал нужным оправдывать это ничем, кроме заявления, что ход этот вызван «военной целесообразностью». Граф Милютин написал: «Нам нет нужды просить прощения у министров Британской Короны за каждое наше свершение. Они отнюдь не торопятся совещаться с нами, когда завоевывают целые королевства, оккупируют иностранные города и острова. Мы же не просим, чтобы они оправдывались в своих действиях».

Выполнившего свое предназначение генерала Черняева, которого в Санкт-Петербурге считали человеком импульсивным и амбициозным, но недостаточно ответственным,

отозвали, и первым генерал-губернатором Туркестана назначили генерала Константина Кауфмана, ветерана Кавказской войны и личного друга Милютина. Исключительно способный и дальновидный военный, Кауфман получил чрезвычайные полномочия царя Александра. В конечном счете ему предназначалось стать и некоронованным королем Центральной Азии, и главным архитектором Российской империи в этом регионе. К тревоге «ястребов» в Лондоне и Калькутте реакция британского правительства на все происходящее, если не считать первоначального протеста, была удивительно вялой. Точно такой же оказалась реакция большинства прессы и общественности. «Тем, кто помнят русофобию 1838—1839 годов, — писал сэр Генри Роулинсон, ветеран предыдущей стадии Большой Игры, — безразличие британской публики к событиям, происходящим сейчас в Центральной Азии, может показаться одним из самых странных эпизодов современной истории». Но правда состояла в том, что русофобы слишком часто кричали «Волк! Волк!», чтобы на сей раз ожидать большой поддержки. Призрак устремляющихся с перевалов в Британскую Индию казаков, которым пугали почти полвека, так и не материализовался. И все же, как указывал Роулинсон в длинной (анонимной) статье в «Квотерли ревью» («Ежеквартальном обзоре») за июль 1865 года, взаиморасположение Британии и России в Азии со времен Вильсона, Киннейра, де Ласи Эванса и Макнила существенно изменилось. «Во-первых, — писал он, — захватив Синд и Пенджаб, мы сильно продвинули нашу собственную границу. Британская Индия расширила свое политическое влияние на север до Кашмира. В то же самое время русские укрепили свои позиции на Кавказе, после сокрушения имама Шамиля высвободили большие силы для развертывания в других местах и уже начали продвигаться в Туркестан». В дополнение к этому, отмечал Роулинсон, русские намного улучшили сообщение с Центральной Азией. Железная дорога теперь доходила от Санкт-Петербурга до Нижнего Новгорода на Волге, полностью судоходной до Каспийского моря, навигацию обеспечивали 300 пароходов. Во время войны они плюс дополнительно 50 судов непосредственно на Каспии могли быть использованы для перевозки войск и военных грузов в восточном направлении, к Афганистану и Индии.

Роулинсон, который покинул службу в индийском правительстве и вошел в парламент от консерваторов, далее рассмотрел причины апатии публики. Одна, очевидно, была связана с памятью об афганской катастрофе и намерением не позволить такому повториться. Другой было широко распространенное убеждение, что наступления России с грядущей аннексией Хивы, Бухары и Коканда все равно не предотвратить. Высказывалось мнение, что любая попытка Британии их остановить просто заставит русских двигаться быстрее. Некоторые «голуби» рассуждали, что лучше иметь соседями русских, чем дикие племена, не внушающие никакого доверия. Упорядоченная Центральная Азия, управляемая Санкт-Петербургом, принесет процветание региону и откроет новые рынки для британских товаров. Разумеется, Роулинсон этих представлений не разделял.

Против него и его товарищей-«ястребов» был и новый кабинет вигов, возглавляемый лордом Расселлом, которого энергично поддерживал вице-король сэр Джон Лоуренс, опытный ветеран службы на целом ряде границ, бывший губернатор Пенджаба. Лоуренс был убежден, что если бы русские попытались напасть на Индию через Афганистан, их войска постигла бы от рук фанатичных племен та же судьба, какая выпала ужасной зимой 1842 года англичанам. Опасение, что Санкт-Петербург может убедить афганцев позволить российским войскам пройти через их страну или тем более присоединиться к ним для нападения на Индию, он отклонил как весьма маловероятное. Лучший способ ограничить Россию, как он полагал, заключался в проведении жесткой дипломатии из Лондона. Ахиллесова пята России в том, что ее саму легче достать из Лондона, чем Калькутту из Санкт-Петербурга. Если царь Александр когда-либо продемонстрирует признаки наступления на Индию через Центральную Азию или Персию, немедленная отправка британского военного флота на Балтику вынудит его задуматься. Даже те, кто недавно нес ответственность за защиту Индии, включая самого Лоуренса, начали утрачивать боевой дух.

* * *

При взгляде назад становится очевидным, что с момента принятия генералом Кауфманом

нового поста генерал-губернатора Туркестана дни независимых ханств Центральной Азии были сочтены. Несмотря на все гарантии Горчакова, стало ясно, что их поглощение в той или иной форме является основной целью Российской империи. Мы уже отмечали, что для этого имелись три главные причины. Первая — опасения, что раньше туда проникнет Британия и монополизировать торговлю в регионе. Российские торговцы и производители давно положили глаз на неиспользованные рынки, а также на ресурсы Центральной Азии, особенно ее хлопок-сырец. Вторым стоял вопрос имперской гордости. Блокированная в Европе и на Ближнем Востоке, Россия стремилась исправить положение, демонстрируя свою военную мощь колониальными завоеваниями в Азии. В конце концов, то же самое другие европейские державы проделывали почти по всему свету. Наконец, учитывался и стратегический фактор. Если в случае конфликта с Англией ахиллесовой пятой России издавна считалась Балтика, то уже давно стало очевидно, что наиболее уязвимой точкой последней была Индия. Поэтому России целесообразно было завести базы в Центральной Азии, с границ которой можно было убедительно грозить военной мощью.

Не стоит повторять, что с тех пор каждый российский ход в Центральной Азии был частью великого проекта, тщательно продуманного в Санкт-Петербурге, с чем, кстати, вполне согласен советский историк Халфин. Да, действительно, прежде среди министров и советников царя имелись серьезные разногласия насчет желательности сохранения за Россией Ташкента. Но на местах, особенно у генерала Кауфмана, никаких подобных сомнений не было — он и его сторонники понимали, что обладание Ташкентом дает ключ к завоеванию Центральной Азии. Его захват российскими войсками эффективно вбил клин между территориями Бухары и Коканда, позволив заниматься ими по отдельности. После взятия Черняевым Ташкента и отказа англичан прийти ему на помощь хан Коканда заключил соглашение с русскими. Это защитило тыл Кауфмана и позволило ему сконцентрировать силы на завоевании Бухары. Оправдания вторжению в эмират долго искать не пришлось. Уже в апреле 1868 года до Ташкента дошли сведения, что войска Бухары сосредотачиваются в Самарканде и собираются пересечь границы владений эмира с целью вытеснить русских из Туркестана.

Кауфман немедленно выступил на Самарканд с отрядом всего лишь в 3500 солдат — все, что удалось собрать. Однако встретил он лишь весьма незначительное сопротивление разрозненных отрядов бухарских войск, командиры которых конфликтовали между собой, а при его подходе обратились в бегство. На следующее утро к Кауфману прибыла делегация горожан с сообщением, что все войска ушли и что город желает сдаться. Таким образом, 2 мая 1868 года Самарканд был поглощен Российской империей ценой потери двух убитых и тридцати одного раненого. Для России его падение имело особое значение. Именно отсюда почти 500 лет назад великий монгольский завоеватель Тамерлан начал роковое нашествие на Московию. Захват этого легендарного города с его великолепными архитектурными сокровищами, включая могилу самого Тамерлана, воспринимался как сведение древних счетов. Не меньшим было значение его падения в восприятии населения Центральной Азии: сокрушительный психологический эффект закреплял за Россией репутацию непобедимой державы.

Оставив в Самарканде небольшой гарнизон, Кауфман ринулся преследовать главные силы бухарских войск и настиг их в 100 милях от столицы эмира. Несмотря на огромное неравенство в численности, тактическое превосходство и высокая боеспособность войск Кауфмана за день обратили бухарцев в бегство. Но дальнейшее преследование оказалось невозможным — крупные силы бухарских войск, прежде не обнаруженные разведчиками, атаковали российский отряд, оставленный в Самарканде. Многие горожане поддержали нападавших, мотивируя это стремлением избежать разрушения города. Положение русских, которые отошли к цитадели, становилось час от часу все отчаяннее. Наконец, отказываясь сдаваться, они решили взорвать склад боеприпасов с собой вместе. Но решительные действия Кауфмана их спасли. Подоспев к Самарканду, он отбросил нападавших, хотя к тому времени защитники города потеряли 50 человек убитыми и почти 200 были ранены.

У трижды побежденного и весьма обоснованно опасавшегося за судьбу своей столицы эмира не оставалось иного выбора, кроме как принять суровые условия капитуляции, выдвинутые Кауфманом. Теперь он был низведен до положения простого царского вассала, а

его некогда мощная держава превращалась в российский протекторат. Кроме того, российским купцам гарантировали свободный проход через его владения и возможность назначать торговых представителей из местных. Кроме того, российские товары облагались пошлиной по льготным тарифам, что обеспечивало им преимущество по сравнению с импортом из Индии. Силой удалось достичь того, что десятью годами ранее Игнатъев так и не сумел получить путем переговоров, хотя сведения, с которыми он вернулся, оказали Кауфману неоценимую помощь. Наконец, в дополнение к обязательствам выплатить крупную компенсацию эмиру пришлось уступить русским имеющую ключевое значение долину Зерафшана, из которого Бухара получала воду, — таким образом они получали постоянную возможность удушения столицы. И наконец, эмир сохранял трон лишь при условии соблюдения всех пунктов соглашения. Хотя русские дали весьма неопределенные гарантии, что когда стабильность в регионе будет восстановлена, они вернут Самарканд эмиру, этого — точно так же, как и с Ташкентом, — никогда не случилось. Соответствующий статус этих городов оставался неизменным, пока не пришли к власти большевики, которые «освободили» Бухару и окончательно включили ее в состав СССР.

* * *

Только хан Хивы, отделенной непроходимой пустыней, все еще бросал вызов натиску царя. Кауфману в Ташкенте и Игнатъеву в Санкт-Петербурге стало ясно, что для присоединения Хивы к новой Центральноазиатской империи России в тех краях следует радикально улучшить коммуникации. Пока что войска прибывали в Туркестан только после длинного и трудного марша из Оренбурга, в то время как Хива, как показали предыдущие экспедиции, была еще более труднодоступна. Чтобы переправлять войска и снаряжение, нужен был прямой маршрут из европейской части России, а также лучшие пути сообщения в пределах Туркестана, чтобы удерживать владычество России в регионе. Наиболее очевидным способом связать Центральную Азию с европейской Россией было строительство порта на восточном берегу Каспия. Тогда войска можно будет отправлять вниз по Волге и далее через Каспий. Возможна также переброска войск из российских гарнизонов на Кавказе. И наконец, когда Хива будет побеждена и беспокойный Туркестан умиротворен, можно построить железную дорогу через пустыни к Бухаре, Самарканду, Ташкенту и Коканду.

Вот так и получилось, что зимой 1869 года, всего через восемнадцать месяцев после покорения Бухары, небольшой отряд российских войск вышел в море из Петровска на кавказской стороне Каспия и спустя несколько дней высадился в пустынном заливе на его восточном берегу. Место это было известно как Красноводск, считалось, что когда-то именно здесь Оксус впадал в Каспий. Вся операция была строго засекречена, поскольку задача русских состояла в том, чтобы построить там постоянную крепость, а Санкт-Петербург не желал, чтобы англичане раньше времени прослышали о новой затее. По этой причине командир отряда получил строгие инструкции избегать столкновений с туркменами, чтобы англичане ничего не узнали про них от туземных шпионов, которыми располагали среди местных племен. Тем не менее новости относительно высадки в Красноводске вскоре достигли ушей англичан. Это не могло не вызвать серьезной тревоги и в Лондоне, и в Калькутте.

До тех пор, все еще следуя политике «умелого бездействия», британское правительство ограничилось тем, что заявило Санкт-Петербургу протест по поводу начала продвижения в Центральной Азии, указывая, что оно происходит вопреки его собственным официальным заявлениям. Кроме того, в Лондоне с тревогой сознавали, что действия России в Центральной Азии на самом деле немногим отличаются от действий самой Британии, которая прибавила к своим индийским владениям Синд и Пенджаб и попыталась, хоть и неудачно, сделать то же самое в Афганистане, посадив на трон шаха Шуджаха. Слишком громкие возражения неизбежно вызвали бы обвинения в лицемерии. Однако строительство российской крепости на восточном берегу Каспия с размещением там военного гарнизона встревожило англичан куда сильнее, поскольку это расценивалось как непосредственная угроза Афганистану. Это не просто позволяло русским организовать экспедицию против Хивы и таким образом присоединить ее к уже покоренным областям Центральной Азии, но и опасно приближало их к

Герату, стратегическому ключу к Индии.

Некоторое время политики «наступательной школы», главным представителем которой был сэр Генри Роулинсон, убеждали британское правительство отказаться от политики «умелого бездействия». Роулинсон даже предложил сделать Афганистан квазипротекторатом Британии, чтобы воспрепятствовать захвату его Россией. Некоторые из тех, кто прежде поддерживал пассивную политику правительства, теперь стали подвергать сомнению ее разумность. Даже вице-король сэр Джон Лоуренс начал менять свою позицию. Он советовал: «Россию следует предупредить о недопустимости вмешательства в дела Афганистана или любого другого государства, граничащего с Индией». Кроме того, надо ясно дать понять Санкт-Петербургу, что «продвижение к Индии, переходящее некоторый рубеж, повлечет за собой войну с Британией во всех частях света». Сэр Лоуренс предложил разделить Центральную Азию на британскую и российскую сферы влияния, детали раздела следовало согласовать между правительствами.

Возможность для переговоров с русскими появилась уже вскоре, когда новый английский министр иностранных дел лорд Кларендон встретился в Гейдельберге с князем Горчаковым. Кларендон прямо спросил Горчакова, являются ли недавние азиатские завоевания России, которые простираются далее, нежели сам он писал в известном меморандуме, выполнением указаний царя Александра или же результатом превышения полномочий командующими на местах. Сколь бы ни был неприятен вопрос, на него следовало дать ответ. Горчаков возложил вину на военных, объясняя, что те таким образом надеялись отличиться. Англичане приняли эту школярскую уловку, так и не добившись правды. Одновременно Горчаков заверил Кларендона, что у его правительства нет намерения дальнейшего продвижения в Центральную Азию, и, конечно же, всякие виды на Индию исключались.

Англичане к тому времени получили достаточно подобных гарантий и обещаний и уже насмотрелись на их нарушения. Следуя совету Лоуренса о целесообразности установить предел дальнейшей российской экспансии, Кларендон предложил Горчакову согласовать на правительственном уровне размеры сфер влияния в Азии и наличие там постоянной нейтральной зоны между двумя расширяющимися империями. Русский немедленно заявил, что эту роль вполне может сыграть Афганистан, в котором его правительство ни в коей мере не заинтересовано. Последнее заявление, при условии если в него поверить, было для английской стороны желанной и долгожданной новостью, и Кларендон тут же заверил Горчакова, что его правительство точно так же не имеет там никаких территориальных притязаний. Какое-то время перспективы такого соглашения выглядели весьма многообещающими, между Лондоном и Санкт-Петербургом шли обсуждения и переписка. Но затем они оборвались на полпути в связи с разногласиями по поводу точного положения и фиксации на карте северных границ Афганистана, почти полностью проходивших по неразведанным регионам Памира. А именно в тех местах передовые российские военные посты были расположены ближе всего к Британской Индии. До той поры британские стратеги всегда исходили из предположения, что наиболее вероятные точки для начала российского вторжения в Индию — Хайберский проход и перевал Болан. Но теперь они столкнулись с неприятной реальностью: на севере, в неведомых районах, о которых фактически ничего не знали, имеется другой проход, через который казаки могли бы всего за день прорваться в Индию. За эти неприятные известия следовало благодарить двух британских исследователей, которым повезло вернуться живыми из крайне опасной экспедиции в Китайский Туркестан. И словно одной этой новости было мало, они еще с тревогой рассказали о плетущихся там российских интригах. Дипломатический процесс зашел в тупик, но Большая Игра, разумеется, продолжалась.

25. Шпионы вдоль Шелкового пути

В те времена Китайский Туркестан и на британских, и на русских картах изображался в виде обширного белого пятна с приблизительным обозначением местоположения городов и оазисов вроде Кашгара и Яркенда. Отрезанный от остальной Центральной Азии высокими горными цепями, а от Китая бескрайним пространством пустыни Такла-Макан, он оставался одним из наименее изведанных регионов земли. Несколько веков назад там проходил

процветающий Великий Шелковый путь, связывавший императорский Китай с далеким Римом и приносивший процветание оазисам. Но движение по нему давно прекратилось, и большинство оазисов поглотила пустыня. Регион погрузился во мрак фактического забвения.

Пустыня Такла-Макан, которая доминирует в регионе, всегда пользовалась у путешественников дурной славой. За долгие века печальная вереница торговцев, солдат и буддистских паломников оставила немало костей на пути между разбросанными оазисами. Известно, что здесь иногда без следа исчезали целые караваны. Неудивительно, что само название Такла-Макан на местном уйгурском диалекте означает «Пойдешь — не вернешься». В результате немногие европейцы сумели побывать в этом отдаленном регионе, где, впрочем, было совсем мало привлекательного.

Китайский Туркестан, или Синьцзян, как называется он сегодня, долго был частью Китайской империи. Однако влияние центральных властей всегда было тут незначительным, и мусульманское население имело гораздо меньше общего со своими правителями-маньчжурами, чем со своими «этническими кузенами» в Бухаре, Коканде и Хиве, расположенных по другую сторону Памира. В результате в начале 1860-х годов там вспыхнуло большое восстание мусульман против их повелителей. Китайские города были сожжены и разрушены до основания, а их жители перебиты. Восстание, начавшись на востоке, стремительно распространилось на запад, и вскоре весь Туркестан взялся за оружие. Именно в этот момент на сцену вышел примечательный мусульманский авантюрист по имени Якуб Бек, объявивший себя прямым потомком Тамерлана. Ветеран множества сражений с русскими, в которых он отличился храбростью (и охотно показывал пять шрамов от пуль), теперь состоял на службе бывшего мусульманского правителя Кашгара, живущего в изгнании в Коканде. Последний воспылил надеждой изгнать неверных китайцев и вернуть трон.

В январе 1865 Якуб Бек и его хозяин в сопровождении небольшого вооруженного отряда перевалили через горы и вступили в Кашгар, где приняли участие в кровавой сумятице различных группировок, боровшихся между собой за трон и все вместе против китайцев. За два года благодаря харизме вождя и позаимствованной у русских европейской военной тактике Якуб Бек сумел вырвать Кашгар и Яркенд и у Китая, и у местных конкурентов. Говорят, оба китайских губернатора предпочли мусульманскому плену самоубийство. Согласно одному красочному, но не слишком достоверному источнику, защитники Кашгара, прежде чем сдаться, съели своих жен и детей, а еще до того сожрали всех четвероногих в городе, включая кошек и крыс.

Затем Якуб Бек, безжалостно изгнав своего бывшего господина, объявил себя правителем Кашгарии — так теперь стала называться освобожденная область, столицей которой стал Кашгар. Оттуда он устремился на восток, захватывая все большую часть Китайского Туркестана. Вскоре его правление распространилось на Урумчи, Турфан и Гами — последний находился почти в 1000 миль от Кашгара. В дополнение к отрядам из Коканда его поддерживали наемники, завербованные в местных этнических группах и племенах, включая афганцев и даже нескольких китайцев, а также горстку дезертиров из индийской армии, ухитрившихся перебраться через горы. Вскоре мусульманское население с тревогой поняло, что изгнание Якуб Бекон китайцев принесло выгоду очень немногим, если таковые вообще были, — просто произошла замена одного дурного правителя другим. Наравне с побежденными китайцами они стали жертвами грабежей, резни и насилия, которые совершала его армия мародеров. А кроме того, каждый город, оазис и селение стали объектом террора и насилия тайной полиции Якуб Бека и сборщиков налогов.

Так выглядела обстановка на бывшей китайской территории, когда осенью 1868 года предприимчивый путешественник по имени Роберт Шоу пересек северную горную гряду с намерением стать первым англичанином, достигшим таинственных городов Кашгар и Яркенд. Не секрет, что немного ранее там побывал российский офицер родом из казахов, который под видом торговца собрал ценные военные и коммерческие сведения. Но это было еще до захвата власти Якуб Бекон, и Шоу был убежден, что теперь Кашгар предоставит предприимчивым британским торговцам большие коммерческие возможности. Шоу намеревался стать кадровым военным, поступил в Сандхерст от Мальборо. Однако еще с юности он страдал ревматическими болями, и постоянные проблемы со здоровьем в конце концов вынудили его отказаться от

надежд на карьеру военного. Но недостаток возможностей он с лихвой компенсировал предприимчивостью. В 20 лет он перебрался в Индию и занялся выращиванием чая в предгорьях Гималаев. В результате разговоров с местными торговцами, побывавшими в Китайском Туркестане, он пришел к убеждению, что теперь там появился большой неосвоенный рынок, особенно для индийского чая, поскольку поставки из Китая после завоевания региона Якуб Бекком прекратились.

Власти в Калькутте крайне неодобрительно относились ко всякого рода поездкам за пределы Индии. Британским офицерам и прочим должностным лицам они были запрещены. Урок Конолли и Стоддарта не забыли. Как выразился вице-король: «Если они погибнут, а мы не сможем отомстить за них, мы потеряем доверие к себе». Он также отмечал, что от таких деяний больше вреда, чем пользы, — впрочем, как было замечено, он делал исключение для агентов-индусов, выполняющих правительственные задания, ведь от них можно было легко откеститься. Роберт Шоу не был государственным служащим и поэтому не чувствовал себя связанным какими-то ограничениями. 20 сентября 1868 года, отправив вперед посыльного-туземца, чтобы сообщить пограничным чиновникам Якуб Бека о своем прибытии с дружественными намерениями, он отправился из Леха с караваном чая и других товаров.

Но Шоу не знал, что за ним последовал конкурент, также англичанин. Это был молодой отставной армейский офицер по имени Джордж Хейуорд, страстный путешественник и исследователь. Его экспедицию финансировало лондонское Королевское Географическое общество. Он также пользовался энергичной поддержкой сэра Генри Роулинсона, который вскоре стал президентом Общества. Официально Хейуорд должен был исследовать перевалы между Ладаком и Кашгаром, но, учитывая горячую личную заинтересованность в его поездке русофоба Роулинсона, можно предположить, что имелись и политические мотивы. В самом деле, в то время крайне трудно было провести разделительную линию между просто изысканиями и сбором разведанных. Безотносительно к истинным мотивам поездки Хейуорда оба англичанина скоро оказались безоговорочно вовлеченными в Большую Игру.

Шоу впервые узнал о присутствии конкурента, услышав, что англичанин, одетый как афганец, в открытую и быстро следует всего в паре дней пути за его собственным неторопливым караваном. Потрясенный новостью, Шоу торопливо направил незнакомцу записку, спрашивая, кто он такой, и убеждая повернуть обратно, чтобы не подвергать опасности перспективы его собственной экспедиции, в которую он вложил столько средств. Но Хейуорд, человек столь же целеустремленный, как сам Шоу, отказался. Конкуренты согласились только встретиться у походного костра Хейуорда, чтобы обсудить ситуацию. Фактически никакого соревнования быть не могло, принимая во внимание, что цель Шоу была преимущественно коммерческая, а Хейуорду предстояло заняться исследованиями и съемкой местности. Хейуорд не выразил особого желания принимать участие в гонке до Кашгара или Яркенда, которые собирался сделать базовыми для картографических вылазок в тогда все еще не исследованный Памир. Потому он согласился дать Шоу двухнедельный гандикап, пока он сам будет исследовать некоторые перевалы и речные ущелья в Каракоруме на индийской стороне границы.

Горькая встреча той холодной ночью оказалась последней на много месяцев, хотя временами они оказывались едва ли в миле друг от друга. Каждого весьма огорчало присутствие другого, и они вели себя так, будто никого рядом нет. А еще Шоу утешал себя мыслью, что скоро он окажется там, где не будет никакого Хейуорда. Ведь он был столь предусмотрителен, что заранее направил щедрые подарки пограничным чиновникам с намеком на то, что последуют еще большие, а Хейуорд, как он выяснил, ничем подобным не располагает и даже не известил о своем прибытии. Кроме того, нет никаких причин, которые побудили бы Якуб Бека удовлетворить желание Хейуорда проникнуть в его владения. Почти наверняка его завернут, если не арестуют.

В середине декабря Шоу прибыл в Яркенд, где встретил сердечный прием. Но двумя неделями позже, к его вящему неудовольствию, к нему присоединился Хейуорд. Шоу серьезно недооценил целеустремленность и изобретательность конкурента. Завершив изыскания в Каракоруме, Хейуорд миновал пограничников; уверяя их, что ведет часть каравана Шоу — тому якобы в последнюю минуту понадобилось взять кое-что еще — и торопится его догнать. В

Яркенде англичане старательно игнорировали друг друга, поселились отдельно, но постоянно следили за действиями визави. Со своей стороны власти осторожно следили за обоими и ожидали дальнейших инструкций из удаленного на сотню миль Кашгара. Предусмотрительность Шоу, не говоря уже о его щедрых подарках, наконец была вознаграждена: 3 января 1869 года ему официально сообщили, что Якуб Бек примет его в кашгарском дворце. Через восемь дней, оставив наступавшего на пятки конкурента сокрушаться в Яркенде, Шоу издалека увидел среди безлесной равнины высокие глинобитные стены столицы. Он стал первым англичанином, который на такое сподобился. Вдали на горизонте высились заснеженные вершины Памира, а на востоке тянулись бесконечные пески Такла-Макан. Скоро его встретил вооруженный эскорт, который провел караван через городские ворота в отведенный для них квартал. Было сказано, что Якуб Бек примет гостя на следующее утро.

В назначенный час, сопровождаемый тремя или четырьмя десятками слуг, несущими подарки, включая образцы самых последних моделей английского стрелкового оружия, он отправился во дворец для встречи с королем — так себя теперь именовал Якуб Бек. Пройдя через большую безмолвную толпу, которая выстроилась вдоль дороги, он прошел через ворота. Его провели через несколько больших внутренних дворов, в каждом из которых выстроились по ранжиру дворцовая охрана и прислуга, разодетые в блестящие разноцветные шелка. «Они замерли столь неподвижно, — отмечал Шоу той ночью в своем дневнике, — что казались частью архитектуры здания». Некоторые охранники держали не огнестрельное оружие, а луки и полные стрел колчаны. «Все это создавало любопытный эффект новизны, — писал он. — Замершие в торжественной неподвижности шеренги и буйство красок придавали этому многотысячному сборищу своеобразную нереальность». Наконец они с эскортом добрались до зала королевских приемов в сердце дворца. Там на ковре восседала одинокая фигура. Шоу сразу понял, что это грозный Якуб Бек, потомок Тамерлана, покоритель Китайского Туркестана.

«Я приблизился, — вспоминал Шоу, — и когда оказался в полушаге от его колен, он подал мне обе руки». Помня, какой ценой заплатил в Бухаре за ошибку по отношению к восточному этикету полковник Стодарт, Шоу полностью сосредоточился на оказываемых Якуб Беку знаках внимания. После рукопожатия в принятой в Центральной Азии манере Якуб Бек пригласил его сесть. Затем, чтобы помочь Шоу освоиться, Якуб Бек с улыбкой принялся расспрашивать его о поездке. Шоу посетовал на бедность своего фарси, но Якуб Бек уверил, что все прекрасно понимает. Упомянув, что его собственная страна трижды воевала с китайцами, англичанин поздравил Якуб Бека с победой над ними и восстановлением в Туркестане мусульманского правления. Затем правитель позволил гостю сесть поближе, и Шоу, предварительно произнеся все предписанные этикетом фразы, объяснил причину своего прибытия. Он сказал, что хочет открыть торговлю между их странами, особенно торговлю чаем, который составляет предмет его собственного бизнеса. Сам он, однако, не является представителем британского правительства и приносит извинения за скромность поднесенных даров. На самом же деле те были отобраны с величайшим тщанием. Размещенные на больших подносах, они являли собой великолепное зрелище, заставившее Якуб Бека широко раскрыть довольные глаза.

Предоставив хозяину вполне достаточное время для осмотра подарков, которые должны были подогреть его жажду регулярных поставок британских товаров, Шоу предложил более детальные переговоры отложить до следующей встречи. Якуб Бек охотно принял предложение. Когда же англичанин заметил, что в следующий раз в связи с несовершенством его фарси может понадобиться переводчик, хозяин ответил: «Между вами и мной третий не нужен. Дружба перевода не требует». С этим он крепко пожал Шоу руку и заявил: «Теперь отдохните и развлекайтесь. Воспринимайте этот дворец и все, что в нем есть, как ваше собственное достояние, а через два дня состоится наша новая беседа». И она будет намного длиннее, уверил он посетителя, и не окажется последней. Напоследок он вызвал сановника, который принес великолепные атласные одежды. Шоу тут же помогли в них облачиться.

Той ночью Шоу с удовлетворением отметил в дневнике: «Король принял меня очень любезно». После столь впечатляющего приема вполне можно простить, что он поверил, будто

добился расположения коварного Якуб Бека и обыграл русских, которые, как известно, до завоевания Китайского Туркестана его нынешним правителем активно развивали там торговлю. Шоу мысленно уже видел, как сбывается его мечта о чайных караванах, устремляющихся через перевалы. В самом деле, прежние торговые связи Кашгара с Китаем распались, и Якуб Бек весьма нуждался в новых друзьях и торговых партнерах. Не секрет, что его отношения с Санкт-Петербургом не сложились, поскольку, изгоняя китайцев, он заодно аннулировал и особые торговые концессии, полученные Игнатьевым для российских купцов согласно Пекинскому договору. К тому же в Кашгаре ходили упорные слухи, что русские выдвигают к границам войска и намерены отвоевать у нового правителя его владения. Мог ли Якуб Бек желать лучшего союзника, чем Великобритания которая побеждала в войнах и с Россией, и с Китаем?

Но дни проходили за днями, никаких вестей от Якуб Бека не было, и Шоу постепенно стал терять уверенность и все чаще задавался вопросом, что же творится на самом деле. Скоро дни обернулись неделями; Шоу уже уныло подумывал о судьбе Конолли и Стоддарта в Бухаре и спрашивал себя, не стал ли он заложником или каким-то привилегированным узником. Обращались с ним вежливо, обеспечивали всем, что ни попросишь, но выяснилось, что его перемещения весьма ограничены: пока что ему не позволяли покидать даже свой квартал, не говоря уже о выезде из Кашгара. Впрочем, он не тратил времени впустую. От многочисленных посетителей он старался получить как можно больше политических и прочих сведений относительно правления Якуб Бека. Он узнал например, что до его прибытия в Кашгаре практически ничего не знали об англичанах в Индии, не говоря уже об их мощи и влиянии в Азии. До сих пор полагали, что они были просто вассалами махараджи соседнего Кашмира, очень вероятно, что это было частью запущенной русскими дезинформации.

Еще он узнал о прибытии в город двух новых путешественников. Одним был его конкурент Джордж Хейуорд, который наконец получил разрешение посетить Кашгар — и нашел что просто сменил домашний арест в Яркенде на домашний арест в столице. Разумеется, Якуб Бек взял его под бдительный присмотр. Так же как с Шоу, с ним хорошо обращались, но стерегли день и ночь, возможно, потому, что в Яркенде Хейуорд совершил краткую нелегальную вылазку из своего квартала, причинив тамошним властям серьезные затруднения. Произошло это незадолго до того, как они с Шоу, используя доверенных курьеров, сумели вступить в контакт друг с другом и поддерживать нерегулярную, но секретную переписку.

Другим новоприбывшим был некто неизвестный. Первым свидетельством его присутствия стала полученная Шоу написанная по-английски записка, содержащая два довольно любопытных сообщения. Называя себя просто Мирза, неизвестный утверждал, что послан в Кашгар из Индии (кем — он умалчивал) и что провел тайное обследование региона. Он просил Шоу одолжить ему часы, объясняя, что его собственные поломались, а ему для окончательного завершения миссии нужно обязательно провести астрономические наблюдения. По той же самой причине ему надо было знать точную дату по европейскому календарю. Шоу не представлял, кто бы это мог быть, и опасался подосланных Якуб Бекком провокаторов. Так что он решил не вступать ни в какие отношения. «У меня есть серьезные сомнения в его подлинности», — отметил он в дневнике, добавляя, что если человек, у которого окажутся его часы, на чем-то попадет, это бросит опасное подозрение на него самого. Поэтому Шоу послал передать таинственному вновь прибывшему на словах, что у него, к сожалению, нет запасных часов. Таким образом, он избежал необходимости указывать незнакомцу хотя бы дату.

Но человек, которого Шоу не знал, существовал в действительности. Его полное имя было Мирза Шуджа, и он в точности исполнял свои обязанности. Индийский мусульманин на британской службе в Индии, в прошлом году он вышел из Кабула и в разгар зимы пересек Памир. Испытание было суровым, но Мирза, по счастью, остался жив и сумел выполнить задание, которое состояло в том, чтобы разведать маршрут из Афганистана в Кашгар. В Кашгаре, помимо того, что ему следовало ко всему присматриваться и прислушиваться, нужно было попытаться установить точное его местоположение по карте. Но этого нельзя было сделать без часов — инструмента, в тогдашнем Кашгаре совершенно недоступного. Поэтому он не мог поверить своей удаче, когда узнал, что в столицу Якуб Бека незадолго до него прибыл англичанин. Резкая отповедь Шоу могла быть воспринята как пощечина тем, кто рисковал

столь многим ради своих хозяев-англичан и кому в конечном счете суждено было отдать ради них свою жизнь. На самом деле Мирза Шуджа был не простым человеком, он принадлежал к элитной группе избранных и высокоученых индусов, известных как ученые мужи — пандиты.

* * *

Идея использования туземных исследователей для негласного обследования спорных или находящихся вне зон упорядоченного правления регионов за границами Индии возникла как следствие строгого запрета вице-короля рисковать там английскими офицерами. Из-за этого Служба Индии, которая обеспечивала власти картами всего субконтинента и прилегающих регионов, оказалась в большом затруднении, когда началось картографирование Северного Афганистана, Туркестана и Тибета. Вот тогда работавший на Службу молодой офицер, капитан королевских инженерных войск Томас Монтгомери, наткнулся на блестящее решение. Почему бы, спросил он начальство, нам не послать втайне произвести изыскания в этих запретных районах специально обученных туземных исследователей? Разоблачить их гораздо труднее, чем европейцев, как бы хорошо последние ни маскировались. Если же их все-таки обнаружат, это вызовет у властей меньше политических проблем, чем если на месте преступления за картографированием каких-то особо чувствительных и опасных районов поймают британских офицеров.

В свете намерений британского и индийского правительств в Центральной Азии ни во что не впутываться неудивительно, что смелый план Монтгомери одобрили и за несколько следующих лет за границу под покровом секретности отправили множество исследователей-индийцев, включая Мирзу Шуджа. Все они были горцами, тщательно отобранными за исключительный интеллект и изобретательность. Поскольку разоблачение или даже подозрение грозило немедленной смертью, само их существование и деятельность следовало по возможности хранить в тайне. Даже в стенах Службы Индии они были известны просто под номерами или условными кличками, криптонимами. В серовато-коричневом здании штаба Службы в Дехра Дан, в предгорьях Гималаев, их обучением занимался лично Монтгомери. Некоторые из разработанных им методов и специальное оборудование свидетельствовали о чрезвычайной изобретательности.

Сначала Монтгомери с помощью системы тренировок обучал своих людей поддерживать постоянный темп движения, который оставался неизменным вне зависимости от того, преодолевался ли подъем, крутой спуск или передвижение происходило по равнине. Затем он преподавал им способы точной, но осторожной фиксации числа мерных отрезков, пройденных за день. Это позволяло, не возбуждая подозрений, с замечательной точностью измерять огромные расстояния. Часто они путешествовали под видом буддистских паломников, которым регулярно дозволялось посетить святыне участки древнего Великого Шелкового пути. Каждый буддист нес четки из 108 бусинок, чтобы пересчитывать свои молитвы, а также маленькие деревянные и металлические молитвенные колеса, которые по пути вращал. Обе эти принадлежности Монтгомери модернизировал в своих интересах. Из четок он удалил восемь бусинок — не так много, чтобы это заметили, но осталось математически круглое и удобное число 100. После каждых ста шагов пандит как бы автоматически откладывал одну бусинку. Каждый полный кругооборот четок, таким образом, составлял 10 000 шагов.

Общую протяженность дневного марша, равно как и прочие осторожные наблюдения, следовало так или иначе скрытно от любопытных глаз зафиксировать. Вот здесь оказалось неоценимым молитвенное колесо с его медным цилиндром. В него вместо обычного рукописного свитка молитв помещали рулон чистой бумаги. Он служило как бы вахтенным журналом, который можно было легко вытащить, сняв верхушку цилиндра; некоторые из свитков все еще хранятся в Индийском государственном архиве. Оставалась проблема компаса — ученым мужам требовалось регулярно определять направления движения. Монтгомери сумел вмонтировать компас в крышку молитвенного барабана. Термометры, необходимые для вычисления высот, были упрятаны в верхней части паломнических посохов. Ртуть, необходимая для установки искусственного горизонта при снятии показаний секстана, хранилась в раковинах каури, и в нужное время ее наливали в молитвенный шар паломника.

Одежду ученых мужей дополняли потайные карманы, а дорожные сундуки, которые несли с собой большинство туземных путешественников, оборудовали двойным дном, в котором прятали секстан. Всю эту работу под наблюдением Монтгомери выполняли в мастерских Службы Индии в Дехра Дан.

Пандитов также старательно обучали искусству маскировки и использованию легенд прикрытия. В диких краях за границей их безопасность зависела только от того, насколько убедительно они могли сыграть роль дервиша, паломника или гималайского торговца. Их маскировка и прикрытия должны были выдержать испытание месяцев путешествия, часто в непосредственном контакте с подлинными паломниками и торговцами. Экспедиции некоторых из них продолжались по нескольку лет. Один пандит, «принеся большой объем положительных знаний по географии Азии, чем кто-либо другой в наши дни», стал первым азиатом, представленным к Золотой медали Королевского Географического общества. По крайней мере двое так и не вернулись, еще одного продали в рабство, хотя в конечном счете он смог бежать. В целом эти тайные поездки смогли обеспечить такое количество географических сведений, которых Монтгомери и его товарищами-картографами из Дехра Дан для заполнения многих оставшихся «белых пятен» на британских картах Центральной Азии хватило лет на двадцать.

Что заставило людей, подобных Мирзе Шуджа, ради своих имперских хозяев преодолевать такие трудности и чрезвычайные опасности, убедительно объяснить никогда не удавалось. Возможно, сказывалось вдохновенное лидерство Монтгомери, который так гордился их личными достижениями, словно полагал каждого из них своими детьми. А возможно, сыграло роль понимание своей принадлежности к элите, поскольку каждый знал, что он отобран из множества других именно для выполнения этой грандиозной задачи. Возможно также, что Монтгомери сумел передать им свое собственное патриотическое стремление заполнить «белые пятна» на карте Большой Игры раньше, чем это сделают русские. В предыдущей книге, «Нарушители на Крыше Мира», я описал некоторые из наиболее потрясающих подвигов пандитов-исследователей и повторяться не буду. Печально, что о самих этих людях известно очень немного — никто из них не оставил никаких мемуаров. Разве что в киплинговском шедевре «Ким» выведены типажи и характеры, которые так ясно восходят к таинственному миру капитана Монтгомери, что их можно воспринимать как некий литературный памятник.

* * *

Весной 1869 года в Кашгаре ни Шоу, ни Хейуорд не имели об этой затее ни малейшего представления. Таинственный индус Мирза, как стало им известно, был арестован и прикован к тяжкому бревну. К немалому смущению Шоу, Якуб Бек спросил у него, связаны ли они с индусом и есть ли у него вторые часы, с которыми он, как известно, прибыл. И он, и Хейуорд все больше и больше тревожились, уже почти три месяца со времени аудиенции Шоу не получая никаких сообщений от Якуб Бека. Хотя с обоими прилично обращались, на запросы, которые они направляли чиновникам, никакого удовлетворительного объяснения не давали. На самом деле для медлительности Якуб Бека была весьма серьезная причина — русские.

Да, Якуб Бек в прошлом боролся против них, но знал, что могущественный северный сосед представлял бесконечно большую угрозу его трону, чем Китай, с которым он справился без особых проблем. Он также знал, что войска русских сосредоточены на границе, в нескольких днях марша от Кашгара. В целом это было куда актуальнее, чем оба английских визитера, которых можно было преспокойно заставить подождать. Что касается самого Якуб Бека, то Санкт-Петербург пребывал в некотором затруднении. Мало того, что не доставляла удовольствия перспектива превращения Кашгара в центр сосредоточения антирусских настроений в Центральной Азии, но с помощью англичан мусульманский авантюрист мог бы даже попробовать затеять крестовый поход, направленный на изгнание русских с вновь приобретенных территорий. «Ястребам» не терпелось организовать вторжение в Кашгар и пока не поздно установить там постоянное российское правление. В Санкт-Петербурге также опасались упустить столь многообещающий новый рынок. Но царь и его министры руководствовались не только эмоциями, но и стремлением избегать неприятностей. Поход на

Кашгар мог бы разгневать и встревожить и Британию, и Китай (последний все еще считал этот район временно утраченной частью своей империи). Бедствия Крымской войны все еще не стерлись из памяти россиян, и царь Александр еще не чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы пойти на риск. Во почему *вместо* войск в Кашгар направили посланника, чтобы попробовать найти иное решение.

Важнейшие требования Санкт-Петербурга к Якуб Беку заключались в признании условий мирного договора, особенно в части торговых концессий, которых Игнатьев добился от Китая. Существенным было также стремление предотвратить его сближение с Британией. Со своей стороны Якуб Бек стремился добиться российского признания своего правления и гарантий безопасности границ. Однако Санкт-Петербург не торопился с формальным признанием его режима, так как это могло надолго испортить отношения с Пекином. Якуб Бек был по меньшей мере смертен, а Китай оставался вечным соседом. Шоу не знал, что, когда он еще только прибыл в Кашгар, переговоры уже шли. Вскоре российский посланник уехал домой, взяв с собой племянника Якуб Бека в качестве посла в Санкт-Петербург. Но Александр отказался его принимать, опасаясь, что это будет замечено Пекином и расценено как признание режима Якуб Бека. Поняв, что русские не намерены признавать его власть, Якуб Бек решил выразить свое неудовольствие таким способом, который вызвал бы у них максимум беспокойства и раздражения. Он обратился к тем, кого знал как их основных соперников в Центральной Азии — к англичанам.

Первым признаком этого стало приглашение на аудиенцию Роберта Шоу, понятия не имевшего о подтексте событий. «Сегодня, — занес он в дневник 5 апреля, — наконец появились новости, о которых стоит писать. Состоялась долгожданная и долгая повторная беседа с королем». Хотя Якуб Бек не предпринял ни малейшей попытки объяснить причины долгой задержки, он вел себя даже любезнее, чем в первый раз. Словно не слыша напоминания Шоу, что тот не представляет английское правительство, а предпринял путешествие в Кашгар по собственной инициативе, Якуб Бек сказал: «Я рассматриваю вас как брата. От чьего бы вы имени ни говорили, я прислушаюсь». Другое заявление выглядело еще более экстравагантно. «Королева Англии подобна солнцу, которое согревает все своим сиянием, — продекламировал он. — Я пребываю в холоде, но желаю, чтобы несколько лучей ее сияния упали на меня». Шоу, по словам Якуб Бека, — первый англичанин, которого он когда-либо встречал, но он много слышал от других об их могуществе и справедливости. «Ваше прибытие — большая честь для меня. Я рассчитываю, что вы поможете и мне, и вашей стране».

Завершив обмен любезностями, Якуб Бек перешел к делу. «Я думаю, не направить ли мне в вашу страну посла, — сообщил он. — Каково ваше мнение?» Шоу сказал, что, по его мнению, это превосходная идея. Тогда Якуб Бек объявил, что направит специального эмиссара с посланием к «лорду-сахибу», как он назвал вице-короля. Приветствуя это решение, Шоу предложил лично участвовать в организации поездки посланника, обещая всевозможное содействие. Затем, после нового обмена любезностями, Шоу отбыл, смея надеяться, что скоро получит возможность уехать домой. Но с учетом известного двуличия Якуб Бека он знал, что почувствует себя счастливым, только когда благополучно пересечет границу.

К тому же оставалась проблема Хейуорда. Во время аудиенции о нем не было сказано ни слова. Но учитывая стремление Якуб Бека к сближению с Британией, Шоу предположил, что Хейуорду также позволят вернуться домой, хотя, возможно, и не через Памир, на что надеялись его спонсоры из Королевского Географического общества. Но тут один из слуг Шоу принес «отвратительный слух о том... что меня отправляют обратно в Индию с посланником. А Хейуорд остается заложником для обеспечения безопасного возвращения последнего». Пришло и тревожное послание от самого Хейуорда. Он узнал о замысле Якуб Бека и попросил заступиться за него. Шоу изрядно ненавидел Хейуорда — в дневнике он называл его занозой, — но никак не мог бросить его на милость восточного деспота с сомнительной репутацией жестокого подлеца. Все еще ограниченный в передвижении рамками своего квартала, он сразу направил послание одному из высших чиновников Якуб Бека, с которым установил превосходные отношения. В послании содержалось предупреждение, что отправка посланника в Индию, чтобы добиться дружбы с Британией, будет пустой тратой времени и сил, «пока англичанина удерживают здесь против его воли». Шоу знал, что рискует, но риск

оправдался. На следующий день ему сообщили, что не только Хейуорд, но также и таинственный Мирза, которого Якуб Бек определенно считал с ним связанным, могут вернуться домой. Посланник проследует позже.

Шоу и Хейуорда некоторые уже считали погибшими, так что по возвращении они были встречены как герои. Несмотря на сравнительно строгий режим содержания, они сумели независимо друг от друга собрать огромное количество политической, коммерческой, военной и географической информации. За все это оба англичанина получили по Золотой медали Королевского Географического общества — высшей награде исследователей. Что же касается Мирзы Шуджа, то никаких особых наград или поздравлений он не получил. Хотя благодаря именно его личным стараниям Служба Индии смогла выпустить первую, пусть несколько упрощенную карту Северного Афганистана и Памира, его деятельность все еще оставалась засекреченной. Личность его можно было бы раскрыть только после того, как пандит совершил бы свою последнюю поездку. Но, к сожалению, до сего счастливого часа Мирза не дожил — его зарезали спящим во время другой миссии в Центральную Азию, на сей раз в Бухару.

И Шоу, и Хейуорд, которые старались пореже общаться, вернулись в Индию с убеждением, что русские намереваются вторгнуться в Кашгарию, низвергнуть Якуб Бека и присоединить королевство к своей Центрально-Азиатской империи. После чего только вопросом времени станет наступление на юг, в Северную Индию, через те же перевалы, которые преодолели британские путешественники на пути в Кашгар. Впрочем, Шоу еще надеялся переправлять через них свои караваны с чаем. До той поры крупные горные системы на севере Индии расценивались стратегами в Калькутте и Лондоне как непроходимые для современной армии, обремененной артиллерией и другим тяжелым снаряжением, которая вдобавок нуждается в регулярных поставках продовольствия и боеприпасов. Теперь Шоу и Хейуорд, пересекшие горы по двум разным маршрутам, это опровергли. Они сообщили, что по крайней мере один перевал — Чанг Ланг, находящийся северо-восточнее Леха, — позволяет агрессору скрытый выход в Ладах, а оттуда в Северную Индию. Хотя перепад высот составлял более 18 000 футов, и Шоу, и Хейуорд — а последний, как мы помним, отставной армейский офицер — полагали, что через него можно переправить и артиллерию.

Если бы сэр Джон Лоуренс все еще оставался вице-королем, их мнение не удостоилось бы ни малейшего официального внимания. Более того, им почти наверняка сделали бы строгий выговор за вмешательство в государственные дела, как произошло с Муркрофтом полвеком ранее. Но за время их отсутствия его сменил более молодой и более внимательный к чужому мнению вице-король. Новым руководителем Индии стал лорд Мейо, который не только посетил Россию, но даже написал двухтомное исследование страны. Поэтому неудивительно, что он прислушался к рассказам инициативных молодых путешественников о Якуб Беке и российских махинациях, происходящих за Памиром и Каракорумом.

Их предупреждения с чисто военной точки зрения не являлись бесспорными, хотя никто другой самостоятельно сей путь пока не преодолел. «Можно допустить, — писал некий полковник Генерального штаба, — что 10 000 всадников-киргизов преодолеют эту трудную дорогу... с тем и только с тем, что можно перевезти в седельных вьюках. Но что касается европейской армии с ее артиллерийскими повозками, грузом боеприпасов и амуниции, медицинским оборудованием и оснащением, со всеми неисчислимыми потребностями современной армии — это совсем другое дело. Путь проходит через край, который не в состоянии удовлетворить еще чьи-то потребности, кроме собственных». Но если Шоу с Хейуордом и не сумели убедить ответственных за оборону, что казаки вот-вот ринутся через северные проходы в Индию, они преуспели в развертывании широких дебатов об уязвимости региона для российского вторжения. И сделали даже больше — сумели заинтересовать нового вице-короля в дипломатической игре с Якуб Бекем. Ко времени прибытия в Индию специального посланника почва была уже подготовлена.

Лорд Мейо был убежден, что наилучшую оборону Индии обеспечат не наступательная политика или военные авантюры, а создание цепи дружественных Британии буферных государств вокруг ее протяженных и слабо охраняемых границ. Самым важным из них был, разумеется, Афганистан, которым теперь правил сын Дост Мохаммеда Шер Али, с которым

Калькутта поддерживала добросердечные отношения. У Мейо появлялся шанс добавить к цепи еще одно звено, установив дружественные отношения с Якуб Бекком. Если эти сильные правители станут союзниками Британии, Индии нечего будет бояться русских. В трудную минуту Мейо помог бы им оружием и деньгами, а возможно, даже военными советниками.

Он заявлял: с горсткой английских офицеров и существенными денежными вливаниями «я могу превратить Центральную Азию в раскаленную плиту, на которой попляшет наш друг российский медведь». Это весьма напоминало давний прожект Муркрофта, предложившего дивную стратегию обороны: английские офицеры, командуя местными нерегулярными формированиями, остановят российскую армию вторжения еще на перевалах, скатывая с вершин огромные валуны.

Лорд Мейо распорядился, чтобы небольшая британская дипломатическая миссия, тонко замаскированная под коммерческую, отправилась со специальным посланником Якуб Бека, возвращавшимся в Кашгар. Ее возглавил старший политический советник сэра Дуглас Форсайт. Его цель состояла в тщательном изучении позиции этого сильного мусульманского правителя, который, похоже, предпочел дружбу с Британией, а не с Россией, а также исследовать возможность организации регулярного караванного сообщения через Каракорум. Сэр Джон Лоуренс, опасаясь политических последствий, всегда выступал против любых таких инициатив. Но Мейо придерживался противоположного мнения, видя в торговле средство распространения с минимумом риска британского влияния в Центральной Азии. Он также полагал ее еще одним средством противостояния возрастающему в государствах за северными границами Индии влиянию русских с их явно менее качественными товарами. И при том его не ослепляли коммерческие перспективы, которые открывались с выходом на кашгарские рынки, где, согласно Роберту Шоу, до шестидесяти миллионов потенциальных клиентов, потребителей чая и тканей из хлопка, с нетерпением ожидали английские торговые караваны. Мейо предложил Роберту Шоу присоединиться к миссии Форсайта, и тот немедленно согласился. У одиночки Джорджа Хейурда были другие планы. Он снова готовился к рискованному походу в неизвестность. Его целью был Памир, удаленные районы которого, высокие пики и не нанесенные на карты перевалы совсем близко подходят к российским заставам. И на сей раз никто не станет его останавливать.

26. Ощущение холодного клинка у горла

Когда о намерениях Джорджа Хейурда узнали авторитетные лица, на него было оказано существенное давление с целью отговорить от экспедиции. Дело было не только в опасностях, с которыми неизбежно сталкиваются путешественники-европейцы в регионах, не ведающих законов, но и в чрезвычайной чувствительности региона в политическом плане. И происходило это в то время, когда азартно поддерживались аналогичные походы ученых мужей — пандитов. Но людей типа Хейурда неудержимо привлекали рискованные деяния. Как однажды в миг откровения написал он Роберту Шоу: «Должен признаться, что дикий мир Центральной Азии вызывает у меня ощущения, сходные с ощущением холодного клинка, приставленного к горлу». И это ни в коей мере не было бравадой. Как отмечали немногочисленные друзья, Хейурд с замечательным достоинством встречал опасности, многие из которых были по-настоящему смертельными. У него не было ни близких родственников, ни семьи, терять ему было особо нечего, а в случае успеха приобрести можно было немало. И следует отметить еще одно. Хейурд был первоклассным исследователем и наблюдателем высочайшего класса. Возвращаясь, он приносил многочисленные и очень ценные сведения.

Точно так же, как путешествие в Кашгар, экспедицию на Памир финансировало Королевское Географическое общество, президентом которого уже стал сэр Генри Роулинсон. Там многие воспринимали мероприятия в Центральной Азии как географический аспект Большой Игры. Ко в это время произошли события, заставившие некоторых настаивать на необходимости для Общества дистанцироваться от Хейурда. Враждебность махараджи Кашмира, чьи земли исследователь никак не мог миновать по пути на север, намного увеличила опасность экспедиции. Связано это было с обстоятельствами предыдущего визита Хейурда в один из районов во владениях махараджи, известный как Дардистан. Район населяли дарды —

свободолюбивый народ, постоянно воевавший с махараджей. Там Хейуорд услышал множество рассказов о зверствах, которые совершили кашмирские войска, когда за несколько лет до этого захватили дардистанскую провинцию Ясин. Некоторые подробности, например, такие: младенцев подбрасывали в воздух и перерубали на лету напополам, — Хейуорд записал и направил в редакцию калькуттской газеты «Пионер». Там их опубликовали полностью, причем за подписью Хейуорда, хотя тот категорически против этого возражал. Разумеется, экземпляр газеты вскоре оказался в руках махараджи, и это заметно сказалось на его отношении к сотрудничеству с англичанами, не говоря уже о неопишемом гнев на самого репортера, на которого он подал в суд.

Как бы ни был огорчен Хейуорд тем, что оказался впутанным в эту историю, британское правительство и Королевское Географическое общество были расстроены еще больше. Поэтому он направил в последнее официальное извещение об отказе от продолжительной экспедиции от этого Общества. «Махараджа гневно меня осуждает, — писал Хейуорд, — и, несомненно, будет тайно стремиться любым способом мне навредить». Хотя ему настоятельно советовали отложить или вообще отказаться от своего предприятия, тем не менее он без колебаний решил действовать, невзирая на значительно возросший риск. Факт общественного интереса к проблеме мог помешать правителю Кашмира в его коварных планах. Действительно, чтобы его не обвинили в каком-нибудь возможном происшествии с экспедиционной партией, он скорее прикажет защищать ее во время прохождения через его владения. Хейуорд, однако, пояснил, что экспедиция предпринимается полностью на его собственный страх и риск, и ее осуществление — его собственное решение. По его словам, через двадцать два дня он надеялся достичь Ясина и оттуда подняться на памирское высокогорье через перевал Даркот.

В самую последнюю минуту вице-король лорд Мейо попытался убедить его отказаться от своих намерений, предупреждая: «Если вы, несмотря на судебное преследование, все же решаетесь на экспедицию, должно быть ясно, что вы делаете это, беря на себя всю ответственность». Но Хейуорд однажды уже побывал в Кашгаре, бросив вызов бюрократическому аппарату, так что же могло остановить его на сей раз? В конце концов, он не был официальным должностным лицом и более не нес ответственности перед Королевским географическим обществом. Он был сам по себе. Так что летом 1870 года он в сопровождении пяти туземных слуг бесстрашно отправился на север через территории махараджи. Путешествие через его столицу Сринагар и маленький городок Гилгит на северной границе Кашмира, а также по землям Дардистана прошло без происшествий. Пересекая ничейные территории, разделяющие два враждующих народа, они рисковали вызвать подозрения у обоих. Тем не менее 13 июля они благополучно прибыли в Ясин, где их тепло приветствовал вождь местных дардов Мир Вали, которого Хейуорд знал по предыдущему визиту и считал своим другом.

Что на самом деле произошло в этом диком и пустынном месте, где человеческая жизнь там мало значила, никто никогда не узнает. Похоже, что за свое недолгое пребывание в Ясине Хейуорд поссорился с хозяином по поводу маршрута прохода через земли Дардистана в Памир. Мир Вали утверждал, что его собственный владыка, правитель Читрала, не давал разрешения на продолжение экспедиции до личной встречи с Хейуордом. Но Хейуорд, который и так уже задержался, возражал. Поездка в Читрал означала значительное отклонение на запад, да и насчет истинных намерений правителя у Хейуорда имелись подозрения. Произошла ссора, во время которой, как говорят, англичанин «публично изрыгал ругательства в адрес Мир Вали». Существует мнение, что конфликт был спровоцирован умышленно. Некоторые в качестве настоящей причины приводят то, что Хейуорд нес множество весьма привлекательных подарков, предназначенных для вождей тех регионов, которые предстояло пересекать. Согласно нескольким независимым свидетельствам, эти ценности привлекли жадные взоры Мир Вали, а возможно, и правителя Читрала, которые не пожелали смириться с тем, что дары ускользнут из их рук.

Наконец Мир Вали отказался от попыток отправить Хейуорда через Читрал и даже предоставил ему носильщиков-кули, чтобы провести партию до селения Даркот, в двадцати милях к северу, которое располагалось на последнем рубеже его земель. После внешне дружественного расставания с Мир Вали Хейуорд покинул Ясин и в полдень 17 июля прибыл в

Даркот, где и встал лагерем на соседнем склоне, на 9000 футов выше уровня моря. Хейуорд, который сослужил дардам немалую службу, предав гласности злодеяния Кашмира, не имел никаких причин подозревать предательство. Однако в тот же вечер он с удивлением узнал, что в Даркот неожиданно прибыл отряд воинов Мир Вали. Сельским жителям они сказали, что посланы проследить, чтобы англичанин на следующий день благополучно миновал перевал Даркот. Заметим, что они не сделали никаких попыток войти с ним в контакт. Хейуорд был этим озадачен, поскольку никого не ждал, да и Мир Вали при расставании ни о чем подобном не упомянул.

Тревогу вызывало и кое-что еще. Один из его доверенных слуг сознался, что незадолго перед выходом из Ясина Мир Вали пытался убедить его оставить англичанина. Хейуорд решил не пренебрегать возможной опасностью. Он бодрствовал всю ночь, чтобы оставаться наготове в случае предательства. «Той ночью, — сообщал позже сельский староста, — сахиб ничего не ел, только пил чай». Он сидел один и писал при свете свечи. На столе перед ним лежало ружье, заряженное и со взведенным курком. Писал он правой, а в левой руке держал пистолет. Но ночь прошла спокойно. В первом свете дня все казалось нормальным. В лагере — никакой суеты. Похоже, тревога оказалась напрасной. Хейуорд поднялся, затем выпил еще стакан чая и, утомленный долгой бессменной ночной вахтой, лег и заснул.

Этого момента люди Мир Вали и ждали. Один из них тихонько спустился в лагерь из близлежащего подлеска, где скрывался со своими сообщниками, и спросил ничего не подозревающего повара, спит ли его хозяин. Чтобы убедиться в этом, он заглянул в его палатку. Один из слуг Хейуорда, пуштун, застал его там и попытался задержать, но в это время подоспели остальные люди Мир Вали. Через несколько секунд все было кончено. Слуг Хейуорда и самого его связали, а ему еще и накинули на шею петлю. Схватиться за оружие он не успел. Крепко связанных пленников отвели в лес. Согласно показаниям старосты, основанных на рассказе непосредственных участников происшедшего, Хейуорд попытался спасти жизни слуг и свою. Сначала он предложил отдать все, что есть в багаже, включая ценные подарки, но ему сказали, что все заберут и так. Тогда он предложил приличное вознаграждение, которое его друзья заплатят за освобождение партии. Однако у разбойников было четкое задание, и никакой заинтересованности они не проявили.

Есть две различные версии того, что было дальше. Согласно одной, изложенной сельским старостой, с пальца Хейуорда сорвали кольцо, и жовак людей Мир Вали обнажил клинок. Поняв, что пришел смертный час, Хейуорд заявил, что перстень просит принять в качестве подарка. Секундой позже он был мертв, убит одним ударом сабли. Чтобы не оставлять свидетелей преступления, убили всех пятерых слуг. Затем убийцы поспешили к лагерю Хейуорда, где перерыли все в поисках его личных вещей и подарков, которые он вез. Выполнив свое задание, они вернулись в Ясин, отчитались перед хозяином и вручили ему ценности англичанина. По другой версии, Хейуорд попросил одного из убийц дать немного времени и выполнить последнюю предсмертную просьбу — позволить увидеть, как из-за гор восходит солнце. Если история верна, то люди Мир Вали позволили ему подняться на возвышенность. Там, со все еще крепко связанными руками, Хейуорд постоял в тишине, пока всходило солнце. Тогда он со словами «Я готов» вернулся к своим палачам.

Это в точности соответствовало викторианским идеалам героической смерти. Предательское убийство Хейуорда в одном из неизведанных уголков земли глубоко взволновало нацию, когда почти три месяца спустя весть, переданная по телеграфу из Индии, достигла Лондона. Удивительно, что ни один живописец не попытался увековечивать эту сцену, популярный поэт сэра Генри Ньюбел сделал это в стихах. Его поэма «Он пал, окруженный злодеями» заканчивается так:

Настал рассвет. На ноги сильные поднялся
Он и, лагерем разграбленным пройдя у края леса,
Пил, в окружении убийц, прохлады утренней
Томительную свежесть.

Свет по холмам Лашпура разливался,

Кроваво-красный снег вершин уж заливая
Великолепной белизной; и наконец
Все воссияли горы на Востоке,
Как будто золотое полукружье.

«О, жизнь прекрасна в совершенстве воплощенья
В земле и солнце,
Я, уходя, тебя хвалю и обожаю».

Взлетел клинок.

И голоса на перевале друг за другом
Пали в безмолвие холмов...

Сколь бы ни было велико возмущение викторианской Британии убийством Хейуорда, возможностей хоть что-то предпринять, за исключением посылки карательной экспедиции в эту опасную глушь, практически не было. Но делать это у вице-короля не было никакого желания. Трагедия даже слишком ясно доказала правоту позиции сэра Джона Лоуренса и его единомышленников — нельзя позволять европейцам, включая отважных добровольцев, затевать рискованные предприятия в районах, где невозможно даже отомстить за их смерть. Тем не менее немедленно были предприняты попытки выяснить точные обстоятельства убийства и разыскать тело Хейуорда с тем, чтобы его достойно похоронить. Но посылать туда следователей было слишком опасно; выяснение, лично ли Мир Вали ответствен за убийство или, как подозревали, кто-то стоял за его спиной, ничего бы не дало. И махараджа Кашмира, и правитель Читрала настаивали на своей непричастности, и против любого из них не было никаких улик.

Тело Хейуорда отыскивали по инициативе одного из его друзей, английского геолога Фредерика Дрю, который работал по найму у махараджи Кашмира. По соображениям личной безопасности он не мог сам посетить Ясин или Даркот, но зато поручил доверенному сипаю из Британской Индии попытаться выяснить все, что удастся, относительно смерти Хейуорда и попробовать найти и вернуть его останки. Находчивый солдат, серьезно рискуя жизнью, сумел откопать труп Хейуорда из-под наваленной на него груды камней и доставил его Дрю, который ожидал в Гилгите. Он также спас кое-что из вещей исследователя, включая книги, карты и бумаги, которые убийцы сочли бесполезными.

21 декабря Дрю сообщил Королевскому Географическому обществу, что похоронил лауреата их Золотой медали в Гилгите в саду возле крепости, и почетный караул дал над могилой троекратный залп. Позже был установлен надгробный камень с надписью: «В память о Дж. У. Хейуорде, золотом медалисте лондонского Королевского Географического общества, который был безжалостно убит 18 июля 1870 года в Даркоте во время экспедиции для исследования просторов Памира. Этот памятник поставлен благородному офицеру и выдающемуся путешественнику от имени Королевского Географического общества». Он по сей день остается на том месте, которое должно было стать христианским кладбищем Гилгита, хотя теперь, чтобы осмотреть его, надо взять ключ в соседней сапожной мастерской. Во время похорон Хейуорда неподалеку рос абрикос, но с тех пор, говорят, дерево перестало плодоносить. Сегодня там растет только плакучая ива.

Что касается предателя Мир Вали, то никакого наказания он так и не понес. Однако вскоре ему пришлось бежать из Ясина, поскольку правитель Читрала, используя как предлог гнев англичан из-за убийства Хейуорда, лишил его всех полномочий. Поначалу это расценили как наказание, но скоро стало очевидным, что реальной причиной стало стремление передать правление Ясином своему родственнику. Но кара за грехи Мир Вали все-таки настигла. Несколько лет он уходил от преследования и все же в конце концов принял от рук врагов насильственную и драматическую смерть — согласно одной из версий, рухнул в пропасть, сплетаясь в смертельном объятии с противником. Больше века спустя имя Хейуорда широко помнят во всем регионе. В Даркоте, сегодня едва ли менее глухом селении, чем в его времена,

сельские жители водили меня к печальному месту около небольшого ручья, где, по их словам, убили Хейуорда. Моим гидом случайно оказался прямой потомок Мир Вали. Британский путешественник полковник Реджинальд Шомберг, который проходил через Даркот в 1930-х годах, обнаружил, что пистолет Хейуорда, его телескоп и седло все еще хранятся в местных семьях. В начале 1950-х шесть топографических акварелей погибшего исследователя всплыли на бомбейском базаре и были впоследствии проданы на аукционе в Лондоне. Как они попали на рынок, навсегда останется тайной — подобно многому другому, касающемуся Джорджа Хейуорда.

* * *

Русские давно были обеспокоены действиями британских офицеров, исследователей и других путешественников в регионе, который, по их мнению, входил в их сферу влияния. Таким образом, поездки Шоу и Хейуорда (а возможно, и пандитов, о чьем существовании к тому времени, вероятно, уже знали) не остались вне внимания правившего в Ташкенте генерала Кауфмана. Но еще более встревожила его британская якобы торговая миссия под руководством сэра Дугласа Форсайта, которую лорд Мейо послал к Якуб Беку. Мусульманский лидер к тому времени проявил чрезвычайную враждебность к Санкт-Петербургу: он усиливал военные посты на их общей границе и запрещал въезд купцов с товарами из России. Кауфман понимал это так, будто Британия наконец отказалась от политики «умелого бездействия» и вознамерилась принять Кашгар под свою защиту и монополизировать торговлю с ним. На самом деле — хотя русские об этом еще не знали — англичане столкнулись с некоторыми проблемами. По прибытии в Яркенд миссия обнаружила, что Якуб Бек пребывает в восточной части своих владений, почти за тысячу миль оттуда, и скоро его назад не ждут. Возникло подозрение, что сделано это намеренно, из осторожности, чтобы приемом британской миссии не навлечь понапрасну гнев Санкт-Петербурга. Так было дело или нет, но ничего не оставалось, кроме как возвращаться в Индию с пустыми руками. Наряду с оставшимся не отомщенным убийством Хейуорда и его слуг эта осечка, преднамеренная или нет, становилась серьезным ударом по престижу Британии в Центральной Азии. Именно в этот момент Санкт-Петербург осуществил первый из серии решающих шагов, которые значительно усиливали его политическое и стратегическое положение в регионе. По инициативе графа Игнатьева, незадолго до того назначенного послом в Константинополь, Россия в одностороннем порядке отказывалась от унижительных пунктов по Черному морю, установленных Парижским договором после Крымской войны. Как указывалось ранее, они запрещали России строить и содержать на Черном море военные корабли и военно-морские базы. Новость вызвала в Лондоне переполох, поскольку цель запретов состояла в том, чтобы держать российский флот подальше от турецких проливов и Средиземноморья, гарантируя таким образом Британской империи безопасность жизненно важных путей сообщения с Индией. Однако, не получив полной поддержки от других главных европейских держав, англичане не могли предпринять ничего существенного, разве что за исключением подготовки к войне с Санкт-Петербургом, чего правительство нисколько не желало.

Следующее наступление России не заставило себя ждать и началось летом 1871 года, хотя из-за удаленности региона, где это случилось, весть о нем пришла в Англию только через три месяца. Мусульманская территория в долине Или, которая контролировала стратегически важные проходы в Южную Сибирь, в результате недавнего восстания освободилась от власти Китая и на время обрела независимость. Располагалась она к северо-востоку от Кашгара вдоль границ владений Якуб Бека и не была им захвачена. Но уверенность или по крайней мере опасение, что Якуб Бек собирается ее захватить, побудила генерала Кауфмана приказывать войскам принять все необходимые меры по предотвращению захвата мусульманским правителем территории у южных границ России. Справедливость требует признать, что тем самым перекрывался проход, по которому некогда ринулись на Россию орды монгольских завоевателей, — по своему значению проход расценивался российскими стратегами как аналог Хайберскому коридору. Однако это не было единственным значением долины Или. Геологи Кауфмана прекрасно знали о богатых залежах полезных ископаемых; одновременно долина

служила главной житницей всего пустынного региона — факт, который едва ли избежал внимания генералов. 24 июня русские войска вошли в долину Или и разгромили более чем вдвое превосходящие по численности силы, пытавшиеся их остановить. На следующий день, когда войска вступили в местную столицу Кульджу, российский командующий объявил, что край захвачен навсегда, хотя не был на то уполномочен. Позже Санкт-Петербург его поправил, объявив, что оккупация будет только временной.

После изгнания китайцев из Туркестана долина Или оказалась настолько удалена от ближайших китайских застав, что Пекин пребывал в полном неведении относительно российского вторжения, пока не был официально информирован об этом Санкт-Петербургом. Китайскому императору сообщили, что царские войска очистили долину Или от мятежников и будут удерживать ее до тех пор, пока он или кто-то другой не сможет защитить регион от Якуб Бека. Китайцев это не убедило, и они потребовали немедленного восстановления там своей власти. Санкт-Петербург отказался, в отношениях между двумя державами возникла серьезная напряженность. Не тревожась больше о возможной конфронтации с Пекином, русские решили возобновить с Якуб Бекем переговоры по прежним вопросам признания и торговли. Весной 1872 года они направили к кашгарскому двору высокопоставленного чиновника с инструкциями предложить Якуб Беку полное признание в обмен на открытие на особо благоприятных условиях его рынков для российских товаров — при одновременном ограничении доступа туда англичан. На сей раз переговоры оказались успешными или по крайней мере русские так полагали. Целью Якуб Бека было свести иностранное влияние в Кашгарии к минимуму. Лучшим способом достижения этого он считал стравливание соперничающих сторон. Едва только отбыл российский посланник, Якуб Бек направил специального эмиссара к англичанам в Индию, чтобы передать глубокое сожаление по поводу его вынужденного отсутствия год назад и пригласить в Кашгар для переговоров новую миссию. Встревоженный новостями насчет переговоров с русскими новый вице-король лорд Нортбрук (лорд Мейо был убит годом ранее) приглашение с благодарностью принял, и летом 1873 года через Каракорум проследовала вторая британская делегация. Она была гораздо больше предыдущей и состояла из политических и военных советников, торговых экспертов, инспекторов и других специалистов. Возглавлял ее все тот же сэр Дуглас Форсайт. Ему поручили добиться от Якуб Бека торговых льгот наподобие предоставленных русским, а также собрать как можно больше политических, стратегических, экономических и научных сведений об этом малоизвестном регионе. С эскортом пехоты и конницы Корпуса разведчиков, многочисленными переводчиками, секретарями, клерками и слугами делегация насчитывала 350 человек и 550 вьючных животных. После тридцати лет британской политики «умелого бездействия», раскритикованной «ястребами» как малодушное потакание России, в Центральной Азии ей наконец пришел конец.

Поначалу принятая Лондоном более жесткая линия, казалось, приносила желаемые результаты, на время успокоив опасения насчет дальнейшего российского продвижения к Индии. Как беспрецедентную уступку Санкт-Петербурга рассматривали урегулирование давних разногласий с Лондоном о местоположении северной границы Афганистана. Это касалось суверенитета обширных отдаленных областей Бадахшан и Вахан в верховьях Оксуса, где российские заставы ближе всего подходили к Британской Индии. Лондон постоянно утверждал, что они — неотъемлемая часть Восточного Афганистана, а Санкт-Петербург это оспаривал, указывая, что у эмира Бухары на них прав больше. Но в январе 1873 года русские внезапно и неожиданно для британской стороны отступили, признав, что эти области лежат в пределах Афганского эмирата. Кроме того, они вновь подтвердили, что сам Афганистан находится в пределах британской сферы влияния и вне их собственной. В свою очередь русские ожидали, что Британия воспрепятствует военным авантюрам афганских правителей вне северных границ или подстрекательству единоверцев к военным действиям в России. Англичане были в восторге, поверив, что им удалось достичь важной дипломатической победы, хотя формальный договор подписан не был — русские просто принимали это в принципе. В действительности же тогда граница была всего лишь неопределенной линией на еще более сомнительной карте. Относительно дикого памирского региона Восточного Афганистана никто толком ничего не знал — эту беду собирался исправить Джордж Хейуорд. Англичане даже не

догадывались, что уступки России по Бадахшану и Вахану были просто дымовой завесой для дальнейшего — и самого смелого из всех — броска вперед, который уже планировали в Санкт-Петербурге на самом высоком уровне.

За месяц до достижения соглашения по афганским границам на чрезвычайной сессии Государственного совета, где председательствовал сам царь Александр, решено было начать наконец всестороннюю подготовку экспедиции против Хивы. Секретные приготовления к ней шли уже многие месяцы, но соглашение по афганской границе, казалось, создало для такого хода идеальную ситуацию. Царь и его советники считали, что, пойдя навстречу желаниям Британии, они помешают Лондону возражать против захвата Хивы. До Британии дошли кое-какие слухи о российских приготовлениях, и от Санкт-Петербурга потребовали гарантий, что в Центральной Азии никакие новые завоевания не планируются. И их дали, закрывая глаза на тот факт, что тринадцатитысячная армия под командованием Кауфмана готовилась к броску на Хиву. Наконец, когда начало операции не признать уже было нельзя, Санкт-Петербург упорно утверждал, что никаких намерений захвата города навечно у него нет. Впрочем, британский министр иностранных дел был абсолютно уверен, что царь дал на этот счет «недвусмысленные распоряжения».

После двух предыдущих неудач в 1717 и 1839 годах на сей раз русские старались избежать любого риска. Они пересекли пустыню одновременно с трех сторон — из Ташкента, Оренбурга и Красноводска. Зная, какие огромные расстояния придется преодолеть атакующим, хан поначалу чувствовал себя в безопасности. Но когда войска Кауфмана, как никогда прежде, далеко продвинулись в его владения, он стал тревожиться все больше. В попытке задобрить наступающих он освободил двадцать одного российского раба и пленника — всех, кого удерживали в Хиве, — но ничего не добился. Наконец, когда передовые отряды русских подошли к столице на тринадцать миль, хан послал к Кауфману своего кузена, предлагая безоговорочно сдаться и навсегда подчиниться царю, если российский командующий согласится остановить войска. Кауфман ответил, что переговоры состоятся, только когда он войдет в город. Чтобы поторопить хана с решением, русские опробовали на глинобитных стенах столицы новейшие пушки германского производства. 28 мая 1873 года хан бежал, а на следующий день Кауфман триумфально вступил в Хиву.

Хотя, как и до этого в Ташкенте, Самарканде и Бухаре, русские победили всего-навсего плохо вооруженных и недисциплинированных туземцев, падение Хивы было представлено Санкт-Петербургу как громкая психологическая победа.

Мало того, что это помогало забыть унижения прошлых неудачных походов на Хиву и горькой памяти поражения в Крымской войне, это значительно поднимало во всей Центральной Азии военный престиж царя и возрастающую репутацию непобедимого русского оружия. Кроме того, обеспечивались контроль России над навигацией в низовьях Оксуса, со всеми сопутствующими коммерческими и стратегическими выгодами, и полное владение восточным берегом Каспия. Смыкался большой промежуток на южном азиатском фланге российской границы, и ликующие отряды Кауфмана оказывались в 500 милях от Герата, древних стратегических ворот Индии. Мрачные предчувствия Вильсона, Муркрофта, де Ласи Эванса и Киннейра через полвека стали казаться вполне оправданными. «С захватом Хивы, — предупреждал Министерство иностранных дел британский посол в Санкт-Петербурге, — русские заложили надежную базу, с которой могли угрожать независимости Персии и Афганистана и таким образом создать постоянную опасность для нашей Индийской империи».

Состоялся краткий обмен нотами между Лондоном и Санкт-Петербургом, последний вновь заверил британское правительство, что оккупация носит только временный характер. Но в ноябре «Таймс» опубликовала детали секретного соглашения, подписанного русскими и хивинцами, по которому хан становился вассалом царя, а его страна — российским протекторатом. Англичане поняли, что их еще раз обманули; Россия настаивала, что военная необходимость и изменившиеся обстоятельства заставляют отказаться от прежних намерений — оправдание, которое англичане слышали уже не раз. Российский министр иностранных дел князь Горчаков им даже выговаривал. «Лондонский кабинет, — напомнил он англичанам, — похоже, полагает, основываясь на факте наличия нескольких наших добровольных и дружеских сообщений о наших взглядах относительно Центральной Азии, особенно о нашем неизменном

стремлении не превращать завоевания или аннексии в постоянную политику, что мы связаны по отношению к ним какими-то однозначными обязательствами по этому поводу». Разумеется, особого эффекта это не возымело, однако по-прежнему слишком мало что — за исключением войны — можно было предпринять относительно этого или следующего хода русских.

Чтобы не испытывать чрезмерным перенапряжением британскую сдержанность, Горчаков все же изволил дать некоторые гарантии. «Его Императорское Величество, — объявил он, — не имеет никаких намерений распространять границы России за пределы, достигнутые в настоящее время в Центральной Азии, как со стороны Бухары, так и со стороны Красноводска». Он опустил упоминание о Коканде, чей правитель, начиная с падения Ташкента, был договором накрепко привязан к России. Летом 1875 года там произошло восстание против русских и их марионетки — хана. Это дало Кауфману желанную возможность взять этот неустойчивый и номинально все еще независимый регион под жесткий контроль. 22 августа его войска разбили главные силы мятежников, и через четыре дня он вступил в Коканд, над которым поднял российский имперский стяг. После ряда дальнейших сражений, в которых мятежники понесли тяжелые потери, были захвачены города Андижан и Ош. Вскоре после этого ханство объявили частью Центрально-Азиатской империи, и царь переименовал его в Ферганскую область. Александр, как гласило официальное заявление, «уступил пожеланиям жителей Коканда стать российскими подданными». Вот так и получилось, что русские всего за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов и установили поперек Центральной Азии защитный барьер, простирающийся от Кавказа на западе до Коканда и Кульджи на востоке.

Те, кто отвечал за оборону Индии, крайне встревожились. После присоединения Кокандского ханства к Российской империи закаленные в сражениях войска Кауфмана располагались в 200 милях от Кашгара. Захват его русскими казался вопросом времени, а вместе с Яркендом это давало им контроль над проходами в Ладак и Кашмир. Тогда кольцо вокруг северных границ Индии полностью смыкалось, позволяя русским нанести удар в южном направлении практически из любой точки или точек по их выбору. На их пути стояли только крупные горные цепи севера — высокогорный Памир и Каракорум. До недавнего времени считалось, что они непроходимы для современной армии с ее артиллерией и другим тяжелым оборудованием. Шоу и Хейуорд были первыми, кто попытался это опровергнуть, но эксперты их предупреждениям не вняли. Теперь подобные опасения относительно уязвимости северных проходов выражали люди, с чьим мнением не так просто было не посчитаться.

* * *

К тому времени в Индию вернулась делегация, возглавляемая сэром Дугласом Форсайтом, которого вице-король посылал ко двору Якуб Бека в Кашгар. На сей раз ей был оказан пышный прием, а многие обещания, данные мусульманским правителем, существенно превосходили обещания, полученные предыдущими российскими визитерами. Однако, несмотря на заверения в вечной дружбе между Кашгарией и Британией и на дивные видения нового большого торгового союза, ничего из этого не вышло. Обширные рынки для европейских товаров, в которые так верили и англичане, и русские, оказались иллюзией. Кроме того, скоро стало ясно, что Якуб Бек просто стравливал могучих соседей, используя их взаимную ревность, чтобы сохранить свои позиции. В конце концов, восточный правитель тоже мог включиться в Большую Игру. Но хотя миссия Форсайта не сумела добиться от коварного правителя ничего, кроме пустых обещаний, в одном она преуспела. Якуб Бек позволил подполковнику Томасу Гордону и двум другим офицерам с небольшим эскортом Индийского развед-корпуса возвратиться домой через Памир. Маршрут, который они избрали, почти в точности совпадал — только в противоположном направлении — с тем, которым рассчитывал пройти Хейуорд. Цель их, как и у Хейуорда, состояла в том, чтобы исследовать и нанести на карту маршруты возможного наступления от российской границы на юг, в Кашмир, и выяснить, может ли современная армия пройти там в Индию.

27. «Врач с Севера»

«Преодолевая снега, в которые пони порою проваливались по брюхо, часто пережидая жестокие бури, подполковник Гордон и его отряд тем не менее проехали 400 миль через Памир за три недели. В отличие от других сходящихся там крупных горных систем — Гинду-куша, Каракорума и Тянь-Шаня — Памир состоит из обширного плато, разделенного горами и широкими долинами. Племена, живущие в окрестных областях, называют его Бам-и-Дунья, или Крыша Мира. Здесь почти нет человеческих жилищ, нет деревьев и другой растительности. Экспедиция Гордона имела целью заполнить как можно больше „белых пятен“ на британских штабных картах этой малоизученной области, а также постараться ответить на некоторые жизненно важные стратегические вопросы. Сведения, с которыми весной 1874 года они возвратились домой, оказались весьма тревожными.

Если правильно выбрать время, то Памир вовсе не так уж непроходим для современной армии, даже обремененной артиллерией. В действительности очень немногое препятствовало бы тому, чтобы российские войска из новых гарнизонов в районе Коканда форсировали Оксус и устремились через горные проходы в Дардистан и Кашмир и оттуда в Северную Индию. Наиболее уязвимыми перевалами, как выяснилось, были Бархил и Ишхаман, примерно в сотне миль к северо-западу от Гилгита. Хотя они расположены почти на равном удалении от самых близких британских и российских застав, подходы к ним с севера гораздо легче, чем с юга. Гордон полагал, что если между двумя державами начнется состязание за их захват, русские почти наверняка победят. Большую часть года оба перевала можно преодолеть без особых проблем. Несколько лет назад один из местных правителей, по его словам, сумел провезти через них с севера даже орудия.

В отчете для руководства Гордон указал, что через перевал Бархил и через Читрал русские могут достичь индийской границы за тринадцать дневных переходов и примерно такое же время потребует путь через Ишхаман и Гилгит. Два этих перевала, по мнению и других офицеров, гораздо уязвимее, чем Чанг Ланг, который Хейуорд и Шоу выделили как возможный обходной путь в Индию для русских войск, если те оккупируют Кашгар. И это не учитывая громадный Каракорумский перевал, чью трудность путешественники испытали на себе. Гордон был уверен, что возможный захват русскими Кашгара менее опасен, чем уже случившаяся оккупация Ко-канда. Хотя в случае войны первый мог служить или важным центром снабжения пересекающих Памир сил вторжения, или, напротив, плацдармом, с которого англичане смогут нарушать их коммуникации. Таким образом, сохранение дружественных отношений с Якуб Бекем становилось жизненно важным для интересов Индии.

Кроме того, Гордон со спутниками сделали еще одно тревожное открытие. Они обнаружили, что Афганистан и Кашгария не граничат, а разделены крупным горным хребтом. Между ними зияет промежуток шириной в пятьдесят миль. Как только русские это выяснят, они заявят, что это владения Коканда, то есть их. Так, по словам сэра Дугласа Форсайта, они смогут вбить «узкий клин настоящей российской территории» между Восточным Афганистаном и Кашгарией и таким образом оказаться еще ближе к Северной Индии. Экспедиция Гордона наслушалась тревожащих рассказов о российских агентах и караванах, регулярно навещающих Афганистан, куда английским торговцам доступ был по-прежнему запрещен. Еще они узнали, что убийца Хейуорда Мир Вали при их приближении пустился в бегство, опасаясь, что англичане прибыли за ним.

В своем военном донесении Гордон настаивал на принятии немедленных мер по усилению английских позиций на южных подходах к перевалам Бархил и Ишхаман. Этого можно было добиться, построив дорогу из Кашмира на север. От Ишхамана можно будет контролировать Бархил. Официальная цель состояла бы в том, чтобы организовать коммерческое сообщение между Индией и отдаленным севером. «Это привлекло бы не только купцов из Восточного Туркестана, которые сейчас с таким трудом преодолевают Каракорум, — указывал Гордон, — но и купцов из Бадахшана, которые сейчас торгуют с Пешаваром через Кабул». Однако реальная цель состояла бы в том, чтобы позволить англичанам перебросить на север войска при первом же известии о российском вторжении через Оксус к Бархилу и Ишхаману.

Но как в столь пустынном регионе, часть которого расположена на высоте свыше 20 000

футов над уровнем моря, вовремя узнать, что началось вторжение российских войск? Кроме туземных торговцев или путешественников из Коканда, сообщающих об очевидных военных приготовлениях в тех краях, англичане вряд ли получают предупреждение, пока захватчик не приблизится вплотную. Одно из предложенных Форсайтом решений состояло в том, чтобы направить в Гилгит британского резидента. Англичанин, действуя под надежным прикрытием, будет собирать сведения из областей, «которые в настоящее время являются для нас нераскрытой книгой». Это можно сделать, сформировав регулярную сеть оплачиваемых туземных шпионов, как уже делалось в областях, где было слишком опасно или политически неблагоприятно рисковать европейцам. Его рекомендации были приняты, хотя не раньше, чем дальнейшая разведка перевалов Бархил и Ишхаман, осуществленная одним из отрядов Гордона, не только подтвердила первоначальные выводы, но и сообщила, что в летние месяцы там по всему маршруту для армии вторжения найдется вполне достаточно пастбищ.

Эти неприятные открытия побуждали Калькутту поощрить связанного с Британией соглашением махараджу Кашмира расширить политическое влияние на фактически контролируемые им северные территории, включая Читрал и Ясин, и таким образом позволить ему установить определенный контроль над перевалами Бархил и Ишхаман. Если бы понадобилось завоевать их по-настоящему, Британия готова была оказать ему материальную поддержку. В Калькутте и других местах были сомневающиеся в разумности подобного решения, сомнения опирались на неподтвержденные слухи, что *правитель* Кашмира тайно принимал российских агентов. Если бы это оказалось правдой, экспансия на север могла бы просто обернуться приходом русских ближе к границам Индии. Не ставя впрямую вопрос о лояльности махараджи, сэр Дуглас Форсайт предупредил вице-короля, что Британия серьезно рискует утратить доверие именно тех государств, которые она считает союзниками против российской экспансии. Во всех концах Центральной Азии, писал он, только и говорят, что «мощь России возрастает и будет расти и впредь, Британия ее боится и не станет выступать против ее экспансии или помогать тем, кто стремится избежать оккупации». В результате, продолжал он, некоторые правители начинают задаваться вопросом, а не пора ли переориентироваться на тех, кого в Азии признают «растущей мощью».

Точно так же, как Калькутту встревожило присутствие у памирских перевалов российских гарнизонов, Санкт-Петербург беспокоила военная и политическая активность Британии в тех областях, которые русские теперь считали входящими в их собственную сферу влияния. Это достаточно невинно началось с якобы независимых путешественников Шоу и Хейурда, но затем между Индией и Кашгарией одна за другой засновали английские дипломатические миссии. Они подрывали успехи России при дворе Якуб Бека, а английские военные инспекторы энергично картографировали памирские перевалы. Что задумали Лондон и Калькутта? Взаимное недоверие усилилось, отношения между Британией и Россией продолжали ухудшаться, и становилось ясным, что Афганистан оставался в фокусе Большой Игры, а Хайбер и Болан — наиболее вероятными маршрутами для армии вторжения, но возможностей выбора у российских генералов, если у них действительно были такие намерения, стало гораздо больше, чем думали раньше. Имперская шахматная доска значительно расширилась, и игра на ней становилась все напряженнее.

* * *

Весной 1874 года, после падения либерального правительства Гладстона, тори вернулись к власти, располагая серьезным большинством. Возглавил их Бенджамин Дизраэли, который истово верил в великое предназначение Британской империи и был рьяным сторонником энергичной внешней политики. Его убеждения полностью разделяла и королева Виктория. Он долго критиковал своих предшественников за то, что называл демонстрацией слабости перед русскими. Теперь он собирался исправить положение. Пришел черед, наступательной политики, и существенного охлаждения англо-русских отношений. Очередные впечатляющие достижения Санкт-Петербурга в Центральной Азии привели к тому, что Индия, естественно, оказалась в центре внимания Кабинета. Дизраэли и его новый государственный секретарь по делам Индии лорд Солсбери боялись не столько неизбежности российского нападения, сколько

попыток Санкт-Петербурга вопреки заверениям Горчакова от 1873 года заполучить некую точку опоры в Афганистане. В случае успеха это могло быть использовано для создания проблем англичанам в Индии или даже в качестве трамплина для сил вторжения. Потому Дизраэли озаботился учреждением постоянной британской миссии в Кабуле, а «ястребы» в его окружении добивались открытия представительств в Герате и Кандагаре.

Для осуществления своей новой политики премьер-министр решил назначить вице-королем лорда Литтона вместо ставленника либералов лорда Нортбрука. Тот ушел в отставку с резким осуждением решения правительства вмешаться во внутренние дела взрывоопасного Афганистана. Накануне возвращения домой Нортбрук предупредил Лондон, что отказ от политики «умелого бездействия» подвергает Британию риску «новой ненужной и дорогостоящей войны» с непредсказуемым соседом. Предупреждение его, однако, осталось незамеченным, и лорд Литтон, вооруженный детальными инструкциями относительно предписанной ему новой «наступательной политики», энергично взялся за дело. Одна из первых его акций объявляла королеву Викторию императрицей Индии — таким образом Дизраэли угождал властительнице и в то же время «на языке, который не допускает ошибок», подавал сигнал России, что британские обязательства по отношению к Индии постоянны и абсолютны. Другими словами: руки прочь.

Два других шага, сделанные в то время Британией, весьма усилили ее позиции в Индии. Одним шагом был проведенный в обстановке строгой секретности выкуп 40 процентов акций недавно открытого Суэцкого канала. Этот водный путь сократил дорогу морем между Британией и Индией примерно на 4500 миль, и Дизраэли стремился быть абсолютно уверенным, что жизненно важному маршруту для войск и товаров никогда не смогут угрожать вражеские силы. Прежде всего подразумевались русские в случае захвата ими Константинополя и турецких проливов. Выкуп контрольного пакета акций у правителя Египта, спасший того от банкротства, сделал Британию самым крупным акционером компании Суэцкого канала. Вторым крупным усовершенствованием коммуникаций с Индией стало открытие в 1870 году прямой подводной кабельной телеграфной связи с Лондоном. За пять лет до того была сооружена сухопутная телеграфная линия, но проходила она через Тегеран и была, таким образом, уязвима для вмешательства или уничтожения во время войны. Новый подводный кабель был уязвим гораздо меньше. «Пока Британия правит морями, телеграммы будут в безопасности от врагов, — объявляла „Таймс“. — Чтобы отыскать и поднять кабели, нужно не только знать их точное расположение, но и иметь специально оснащенное судно с надлежащим оборудованием и обученным экипажем, а также куда больше времени, чем будет на эту задачу отпущено. Кабельные линии пролегают вне крупных корабельных трасс, и никакое судно, занятое их поиском, не ускользнет от внимания». Открытие новой линии связи к тому же позволило Уайтхоллу осуществлять более плотный контроль за делами Индии. Теперь ответ на запрос приходил всего лишь через часы, а не через недели или даже месяцы, как прежде.

Инструкции, которые Дизраэли дал новому вице-королю лорду Литтону, предусматривали вовлечение в оборонительный союз с Британией не только Афганистана, но и соседнего Белуджистана. Там пролегал перевал Болан, ведущий из Афганистана в Индию. Белуджистан в то время раздирали внутренняя борьба, угрожавшая трону его правителя хана Келата. Обеспокоенная неустойчивостью в регионе и неспособностью хана управлять буйными племенами, Калькутта рассматривала возможности его устранения и замены кем-то более способным. Этому решительно противились британские политические советники на местах, которые считали, что такие действия принесут гораздо больше вреда, чем пользы. Вместо этого решено было позволить обладавшему замечательным влиянием на вождей белуджей капитану Роберту Сендмену попробовать воздействовать убеждением. Зимой 1875 года вооруженный одним револьвером Сендмен побывал в горах у восставших племен и смог уладить их конфликты с ханом. Следующей осенью в знак благодарности Калькутте за поддержку его трона (а также за щедрую ежегодную субсидию) хан согласился передать Британии в постоянную аренду и область, примыкающую к перевалу Болан, и близлежащий гарнизонный город Кветту.

Афганистан, как и следовало ожидать, занимал куда более жесткую позицию. Частично возникавшие проблемы являлись результатом предыдущей политики невмешательства в

афганские дела. Опасаясь русских больше, чем сами англичане, эмир Шер Али, сын Дост Мохаммеда, в 1873 году обратился к лорду Нортбруку с предложением заключить оборонительное соглашение против угрозы с севера. Выполняя инструкции правительства Гладстона, вице-король отверг это предложение, да еще и сделал выговор Шер Али по некоторым другим вопросам. Понятно, что эмир был возмущен отказом тех, кого считал друзьями. Вскоре в Индию стали поступать сообщения о его контактах с генералом Кауфманом в Ташкенте. Задание, данное Дизраэли Литтону, состояло в том, чтобы попробовать загладить ущерб, нанесенный действиями Нортбрука: предложить эмиру желанное соглашение, но с дополнительным условием принять в Кабуле или Герате постоянного британского представителя. Это делалось для того, чтобы пристально следить за активностью Кауфмана при королевском дворе, поскольку эмира теперь небезосновательно подозревали в связях с русскими и потому не вполне ему доверяли. Но, как предупреждали советники Литтона, не относившиеся к числу «ястребов», сама мысль о присутствии где-либо в Афганистане британских чиновников окажется совершенно недопустимой для эмира. Действительно, он не согласился даже на приезд в Кабул на переговоры британской миссии, аргументируя это тем, что у него тогда не будет никаких оснований отказывать в визите россиянам. Эмир настаивал, что переговоры должны проходить или на границе, или в Калькутте. Само собой разумеется, это не могло уменьшить растущее недоверие Литтона к Шер Али, не говоря уже о Санкт-Петербурге, чье пагубное влияние лорд видел за всем происходящим.

«Перспектива войны с Россией очень возбуждает, — написал он лорду Солсбери в сентябре 1876 года, — но как Индия отнесется к этому, меня несколько не тревожит. Если это случится, то лучше теперь, чем потом. В этой части мира мы вдвое сильнее России и располагаем гораздо лучшими базами для нападения и обороны». В случае войны, с удовольствием добавлял он, «вокруг северных границ Индии можно разлить огненное море, подстрекая ханства подняться против их российских хозяев». В устах человека, подобного Литтону, — либерального экс-дипломата с богемными наклонностями, больше интересующегося поэзией, чем политикой, — столь агрессивные слова могут показаться нехарактерными. Однако подобно большинству тогдашних интеллектуалов и людей, склонных к творчеству, он с детства ненавидел деспотичный российский режим. Теперь к этому добавились не только дурные предчувствия относительно намерений Санкт-Петербурга насчет Афганистана, но еще и твердая убежденность, что неизбежно прямое выяснение отношений с Россией, то ли в Центральной Азии — по Афганистану, то ли на Ближнем Востоке — по Константинополю.

Беспокойство по поводу российских амбиций усилилось недавней публикацией книги «Британия и Россия на Востоке», написанной ведущим британским знатоком предмета сэром Генри Роулинсоном, ставшим членом консультативного органа правительства — Совета по Индии. Хотя книга немного добавляла к тому, что он и другие авторы «передовой школы» говорили начиная со времен Вильсона, Макнейла и де Ласи Эванса, она серьезно повлияла на образ мыслей членов кабинета и тех, кто отвечал за безопасность Индии, включая нового вице-короля. Как всегда было с литературой Большой Игры, все решал выбор времени. Тогда хватало других книг и статей, подвергавших сомнению позицию Роулинсона и его школы, но по преимуществу русофобская пресса практически не уделяла им внимания. Роулинсон осуждал отвергавших его предупреждения как «опасных врагов», но будет несправедливо расценивать его и его союзников как буйнопомешанных. В действительности, например, лорд Солсбери, в то время сторонник «наступательной политики», вовсе не был поджигателем войны или паникером. «Много недоразумений проистекает от повсеместного использования мелкомасштабных карт, — когда-то сказал он взволнованному пэру. — Если бы благородный лорд использовал карту крупномасштабную, он нашел бы, что расстояние между Россией и Британской Индией не в палец с небольшим, а вполне достаточной величины». Не допуская ни на миг возможности успеха российского вторжения в Индию, он все же был весьма обеспокоен тем, что они могли бы подстрекать афганцев к одновременному выступлению, когда британские войска будут отчаянно необходимы в другом месте. Как выразился он позднее, «Россия может предложить афганцам грабить Индию. Мы же не можем предложить им ничего, потому что в Туркестане грабить нечего».

Пропаганда «ястребиных» воззрений в печати на сей раз не ограничивалась высказываниями сторонников британской «наступательной школы». Предупреждая о британских амбициях на Востоке, одна санкт-петербургская газета заявляла: «Они будут пытаться распространить свое влияние на Кашгар, Персию и все граничащие с нами центральноазиатские государства, и затем станут непосредственно угрожать нашим интересам в Азии... Нужно бдительно следить за ними и быстро принимать меры к отражению ударов, которые нам готовятся нанести». Подобное высказывание вполне могло быть сделано лондонской газетой в порядке предупреждения насчет российских планов. В самом деле, именно из санкт-петербургской прессы британское посольство получало большую часть сведений о происходящем в Центральной Азии, хотя и с изрядным запозданием.

В 1876 году, через год после выхода книги Роулинсона, в Калькутте был издан английский перевод двухтомного труда российского классика Большой Игры полковника М.А. Терентьева «Россия и Британия в борьбе за рынки Центральной Азии». Ярый англофоб кроме всего прочего обвинял англичан в тайной раздаче оружия туркменским племенам для боевых действий против России. Там же он утверждал, что сэр Джон Лоуренс, верный сторонник политики «умелого бездействия», был смещен с поста вице-короля Индии за недостаточное русофобство. Индийский мятеж, который Терентьев поддерживал, потерпел неудачу только потому, что индусам не хватало надлежащего плана и внешней поддержки. Они продолжают страдать от британского рабства и эксплуатации. «Уставшие до смерти аборигены, — вещал Терентьев, — ожидают теперь врача с Севера. С его помощью у них есть все шансы разжечь пожар, который охватит всю Индию и таким образом позволит сбросить британское ярмо». Русский полагал, что в случае подобного восстания англичане не смогут положиться на поддержку туземных частей, которые в Индии составляют основную часть их армии.

По поводу российского вторжения в Индию Терентьев заявлял, что, если империи начнут войну, «тогда мы, разумеется, воспользуемся преимуществом близости Индии к нашим нынешним позициям в Средней Азии». Он высоко оценил вероятность успеха такой экспедиции, особенно ввиду бурного недовольства местного населения результатами британского правления в Индии. Что касается множества естественных препятствий на пути армии вторжения, он не видел никаких непреодолимых проблем. Такая экспедиция считалась осуществимой еще во времена правления императора Павла I, более семидесяти лет назад; теперь же задача облегчалась драматическим сокращением дистанции до цели. Последний фактор не слишком повлиял на рассуждения полковника, возможно, потому, что силы вторжения, направленные в Индию в 1801 году полубезумным Павлом, так и не приступили к решительным действиям, а после убийства царя были отозваны и тем самым спасены.

Нужно сказать, что взгляды Терентьева относительно Большой Игры были полной противоположностью тому, что князь Горчаков пытался внушить британскому правительству. Отметим, что в России, где печатное слово жестко регулировалось цензурой, издание могло увидеть свет, только если мысли полковника были одобрены на высочайшем уровне. Весьма вероятно, что оно было предназначено только для внутреннего пользования, а не для глаз британцев. Это подтверждается другими примерами стратегии двойной политики России. Одна, исходящая из Санкт-Петербурга, была официальной и склонной к компромиссам. Другая, неофициальная и агрессивная, была в употреблении внутри страны, хотя при необходимости всегда могла быть дезавуирована. Книга Терентьева ясно отразила настроения русских. Она была особенно ценна именно потому, что мало кто знал, о чем на самом деле думает русский военный в Средней Азии, не говоря уже о том, что творилось в новых областях империи к северу от Амударьи. Один из британских офицеров, читавший работу Терентьева в русском подлиннике, весьма заинтересовался деталями. А их можно было уточнить только там, на месте.

28. Рейд капитана Барнаби в Хиву

«Капитан королевской конной гвардии Фредерик Густав Барнаби выделялся среди прочих офицеров. Во-первых, он был человеком потрясающей силы и стати. Ростом под метр девяносто, девяносто пяти килограммов веса, с грудной клеткой в метр пятнадцать в обхвате,

он считался самым сильным человеком в британской армии. Действительно, он был в состоянии унести под мышкой небольшого пони. Другим геркулесовым подвигом Барнаби была способность удержать горизонтально в вытянутой руке бильярдный кий, зажав его кончик средним и указательным пальцами. Но этот сын пастора не был просто горой мышц. Он знал множество языков, причем бегло по крайней мере семь, включая русский, турецкий и арабский. Наконец, он отличался неумемной жадной приключений, которая сочеталась с энергичным и цветистым стилем его сочинений. Немудрено, что два последних качества обеспечили ему контакт с Флит-стрит, так что позднее во время долгих ежегодных отпусков он не раз работал за границей в качестве специального корреспондента „Таймс“ и других изданий, а однажды предпринял путешествие по Нилу, чтобы взять в Хартуме интервью у генерала Гордона.

Именно во время одного из отпусков у Барнаби возникло желание посетить российскую Центральную Азию, которая, как тогда считали, была закрыта для британских официальных лиц и прочих путешественников. План его состоял в том, чтобы отправиться в Санкт-Петербург и обратиться за разрешением проследовать в Индию через Хиву, Мерв и Кабул непосредственно к военному министру графу Милютину.

Затея казалась безнадежной, ведь именно в то время англо-российские отношения были весьма далеки от сердечности. Но там, где был пусть самый небольшой, но шанс, Барнаби старался что-то предпринять. Получить разрешение на поездку от британского Министерства иностранных дел или от своего начальства он и не пытался — знал заранее, что ответ будет отрицательным.

И вот всего с 85 фунтами багажа 30 ноября 1875 года Барнаби отправился с вокзала «Виктория» ночным почтовым поездом в Санкт-Петербург. В российской столице друзья встретили его предупреждением, что официальные лица на его поездку никогда не согласятся. Ему говорили: «Они вообразят, что вы посланы правительством, чтобы взбунтовать хивинцев. Они никогда не поверят, что офицер за свой счет отправился в Хиву». Удивительно, но друзья оказались не правы: уже на следующий день он получил ответ на поданное Милютину прошение. Министр в основном одобрил его поездку. Он также сообщил, что официальные лица по пути его следования получают инструкции оказывать ему помощь, но что «имперское правительство предостерегает его относительно продления маршрута поездки за пределы российской территории», поскольку не в состоянии гарантировать безопасность в регионах, неподконтрольных его юрисдикции. Барнаби понял двусмысленность документа. Милютин подразумевал, что либо Барнаби не следует посещать Хиву, пусть только номинально, но все еще самостоятельную, и, конечно же, Мерв, который лишь подконтролен России; либо же отправиться туда исключительно на свой страх и риск. Учитывая обстоятельства, большинство людей сочли бы, что Милютин имел в виду первое. Барнаби решил предположить, что министр подразумевал последнее. Весьма странно, что министр вообще согласился на путешествие Барнаби по среднеазиатским территориям; скорее всего это означало, что он не хотел, чтобы официальные британские лица применяли подобные ограничения к русским, в те времена столь же свободно, как и ныне, путешествовавшим по Индии или другим районам империи.

Барнаби не был первым британским офицером, предпринявшим попытку достичь Мерва, который, как считали, мог вскоре стать очагом англо-российского конфликта, если бы Кауфман попытался его захватить. В предыдущем году, во время путешествия по Северо-Восточной Персии, офицер разведки индийской армии капитан Джордж Нейпир собрал немало стратегической и политической информации относительно вероятного развития событий, связанных с российскими силами, движущимися на Мерв из Красноводска, нового форпоста русских на восточном берегу Каспия. Несмотря на приглашение туркмен, обеспокоенных продвижением отрядов Кауфмана и стремящихся заручиться британским покровительством, посетить Мерв, Нейпир неохотно его отклонил, чтобы не воскрешать «чрезмерных надежд» среди местных племен. За пять месяцев до прибытия Барнаби в Санкт-Петербург другой британского офицер, полковник Чарльз Макгрегор, позднее ставший руководителем индийской военной разведки, собираясь посетить Мерв, достиг Герата. Но в последний момент он получил от своего начальства в Калькутте срочное указание прекратить дальнейшее путешествие. Возникло опасение, что посещение этого стратегически чувствительного оазиса британским офицером, да еще сотрудником разведки, может спровоцировать Кауфмана. Действительно, по

возвращении Макгрегору сделали выговор за то, что он зашел дальше, чем следовало, хотя он, подобно Нейпиру, сумел собрать немало ценной информации относительно этого малоизвестного региона.

Сам себе начальник, Барнаби был не тем человеком, чтобы пойти на поводу таких соображений. Проехав часть пути по железной дороге, а потом на перекладных, он добрался до Оренбурга перед самым Рождеством. По дороге он встретил возвращавшегося в Санкт-Петербург губернатора с супругой. «Помните, — сказал ему русский, — вам не давали „добро“ на путешествие в Индию или Персию. Лучше всего вам вернуться в европейскую Россию тем же путем, которым вы прибыли». Барнаби понял, что губернатор получил от Милютина соответствующие указания. Губернатор не старался скрыть свое недовольство его путешествием или помочь Барнаби советом. Было также ясно, что губернатора из Санкт-Петербурга предупредили, что британский офицер говорил по-русски — весьма необычное явление в те дни, хотя при общении Барнаби обращался к нему по-английски. Тем не менее губернатор не пытался помешать Барнаби добраться до Оренбурга, хотя вопрос, насколько далеко он мог продвигаться дальше, все еще висел в воздухе. Единственное, что хорошо знал капитан, — везде, где бы он ни был, русские установят за ним слежку и увидит он не больше, чем ему позволят. В Оренбурге он встретил сосланного туда русскими бывшего хана Коканда. Хан, похоже, наслаждался своим новым положением и недавно давал бал для гарнизонных офицеров и их жен. Еще капитан узнал, что Кауфман просил направить в Центральную Азию еще два полка, но для чего именно — неизвестно.

Наняв слугу-мусульманина и лошадей для перевозки багажа, капитан Барнаби преодолел препятствия, речь о которых пойдет позднее, и добрался до российского города-крепости Казала, расположенного в 600 милях на северном берегу Аральского моря. Оттуда он надеялся достичь Хивы и, наконец, перед походом в Афганистан Мерва. Зима 1876 года, по воспоминаниям, выдалась весьма суровой, и поездка на юг оказалась чрезвычайно тяжелой — приходилось постоянно преодолевать снежные бури и заносы. Как впоследствии писал Барнаби, ему просто посчастливилось не отморозить пальцы, когда он весьма неблагоразумно заснул с голыми руками. На его счастье, помогли встреченные дружески настроенные казаки — энергично размассировали ему руки с керосином, восстанавливая циркуляцию крови. «Еще бы чуть-чуть, — заметил один из них, — запросто потеряли бы обе руки». Нормальная работа пальцев восстановилась только через несколько недель.

В Казале российские офицеры встретили Барнаби радушно и по-товарищески. Одновременно его добродушно информировали, что с нетерпением ожидают будущего сражения с британцами за власть над Индией. «Мы будем по утрам стрелять друг в друга, — сказал русский, вручая Барнаби стакан водки, — и пить вместе, когда настанет перемирие». На следующее утро Барнаби прямо спросил местного командира, как лучше добраться до Хивы, лежавшей в 400 милях к югу, и получил безапелляционное указание: сначала отправиться в ближайший российский гарнизонный город Петроалександровск, где получить разрешение посетить ханство. Когда Барнаби спросил, что случится, если он направится прямо в Хиву, тот предупредил его: туркмены, кочующие по окрестной пустыне, чрезвычайно опасны, и хивинцы тоже. И продолжил, явно стремясь запугать Барнаби: «Хан, возможно, приказал бы палачу вырвать вам глаза».

Для защиты англичанина от грабителей-туркменов ему предложили небольшой эскорт казаков. Но Барнаби знал, что туземные племена были уже в значительной степени умиротворены войсками Кауфмана и что в целом они, как установил капитан Нейпир, неплохо относятся к британцам, надеясь на их помощь, если русские попытаются захватить Мерв. Барнаби уже узнал все, что нужно, и был настроен двинуться прямо на Хиву, а оттуда, если получится, попытаться через Бухару пробраться к Мерву. Поэтому он вежливо отказался от эскорта. Тогда ему навязали проводника, чьей задачей, очевидно, было гарантировать, что он не отклонится от маршрута до Петроалександровска. Этот человек, как выяснилось, служил проводником у российских войск, три года назад покоривших Хиву. Однако для такого целеустремленного и находчивого человека, как Барнаби, его присутствие не могло стать непреодолимой проблемой.

Как определил Барнаби, Хивы лучше всего достичь, повернув по дороге на

Петроалександровск в точке, расположенной за два дня пути до него. 12 января, наняв лошадей для себя, слуги и проводника и трех верблюдов, чтобы нести их багаж, включая юрту или туркменскую палатку, он оставил Казалу, якобы направляясь в российский гарнизонный город. «Хотя я нанял верблюдов только до Петроалександровска, — записал он впоследствии, — я не имел ни малейшего намерения туда идти, если этого удастся избежать». Он знал, что русский гарнизонный командир найдет дюжину причин, объясняя, почему невозможно идти на Хиву, не говоря уже о Бухаре или Мерве, и даже если согласится, то установит за ним самый строгий контроль. Для начала, чтобы переманить на свою сторону проводника-соглядатая, он пообещал ему 100 рублей в тот день, когда они достигнут через Хиву Бухары или Мерва. «Коротышка-татарин, — записал Барнаби, — прекрасно знал, что, если мы когда-либо появимся в Петроалександровске, у него останется лишь мизерный шанс на получение обещанной награды». Однако ничего подобного он проводнику не сказал.

Хива находилась в двух неделях пешего перехода по ту сторону ледяной пустыни. Свирепый ветер и мороз были настолько суровы, что вынудили Барнаби отказаться от темных очков, металлические дужки которых постоянно обмерзали, и стараться смотреть сквозь мех своей шапки, чтобы избежать снежной слепоты. Донимали воспоминания об ужасных страданиях, испытанных российскими отрядами из Оренбурга, пытавшимися в 1839 году достичь Хивы и из-за морозов повернувшими назад. Позже он узнал, что примерно тогда же, когда его собственная экспедиция находилась между Петроалександровском и Казалой, два невезучих казака замерзли по дороге насмерть. Казачья форма защищала от минусовых температур гораздо хуже, чем меха и овчины, которые носили он и его люди.

В конце концов Барнаби достиг той точки, где дороги на Петроалександровск и Хиву расходились. Здесь он попробовал, используя замеченную алчность, заставить проводника изменить маршрут. Барнаби знал, что шурин этого человека торговал лошадьми в селении неподалеку от Хивы. Поэтому он заявил, что, когда они доберутся до Петроалександровска, он намеревается купить свежих лошадей, поскольку их собственные окончательно выбились из сил. Проводник живо проглотил приманку, клянясь, что самых лучших лошадей можно найти лишь у известного лично ему торговца, который жил по дороге к Хиве. Зная, что проводник получил бы существенный барыш от любых совершенных им закупок, Барнаби заявил, что, пожалуй, для дальнейшей поездки понадобятся и новые верблюды. Сначала проводник настаивал, чтобы лошадей и верблюдов привели для осмотра Барнаби из селения, но не стал противиться предложению англичанина послать их в Петроалександровск. В конечном счете было решено обойти стороной российский гарнизон и направиться прямо в Хиву с непременным условием: Барнаби должен сначала получить разрешение хана посетить столицу. Мулла соседнего селения помог составить подходящее прошение, которое с посыльным отправили хану. В нем Барнаби объяснял, что он — британский офицер, путешествующий по здешним местам, желает посетить знаменитый город и выразить свое уважение прославленному правителю.

Днем позже, когда Барнаби со спутниками переправились на противоположный берег замерзшего Оксуса, в шестидесяти милях от столицы их встретили и приветствовали двое знатных хивинцев — посланников хана. Когда они вошли в Хиву, Барнаби обратил внимание на характерный силуэт виселицы. Его спутники сообщили, что на ней вешали осужденных воров. Казнили здесь просто: преступников резали огромным ножом, будто скот. О ханском палаче, о котором предупреждали в Казале, что он может взять себе на память глаза Барнаби, не было ни слуху ни духу. Все остатки опасений англичанина развеялись, когда его поселили в ханском гостевом дворце, роскошном здании, чье великолепное расположение и декоративный стиль напомнили ему о мавританской архитектуре Севильи. Уютные комнаты были щедро устланы прекрасными коврами. Несмотря на середину зимы, слуги принесли на подносах дыни, виноград и прочие роскошные плоды. Ему сообщили: хан приказал подавать ему все, что ни попросит.

На следующее утро Барнаби проинформировали, что хан примет его в полдень, и в назначенное время подали коня, чтобы ехать во дворец. Стража с кривыми турецкими саблями, одетая в длинные яркие разноцветные халаты или шелковые пальто, стояла у входа, в то время как возбужденная толпа хивинцев толпилась вдоль дороги, чтобы увидеть гигантскую фигуру

англичанина. Уже разнеслась молва, что он — эмиссар из Британской Индии, слухи о несметных богатствах которой давно достигли среднеазиатских ханств. Барнаби осторожно пытался убедить придворных, что он прибыл не как представитель своего правительства или властителя. Они же, в свою очередь, выразили удивление, что он сумел увильнуть от русских, сказав: «Они не слишком любят вас, англичан».

Хан сидел на персидском ковре, откинувшись на несколько подушек и грея ноги перед очагом с пылающим древесным углем. Он выглядел примерно лет на 28; мощное телосложение, угольно-черная борода и усы, окружающие огромный рот, заполненный неровными, но белыми зубами. К облегчению Барнаби, хан улыбался, и веселые искры светились в глазах. «Я был очень удивлен, — записал позднее Барнаби, — когда в конце концов после всего, что было написано в российских газетах о жестокости и всяческих несправедливостях, совершенных этим хивинским властелином, я нашел в нем такого отличного товарища». Хан приветствовал Барнаби, усадил рядом и, когда подали чай, выказал ему знаки внимания. Затем стал расспрашивать гостя про отношения между Британией и Россией и далеко ли расположены их территории.

С разрешения хана Барнаби нарисовал карту и указал расположение Индии, России и Британских островов. Хан был чрезвычайно поражен разницей размеров Британии и Индии, завоевателя и покоренного, а также обширностью территорий, подвластных царю. Чтобы проиллюстрировать свою мысль, хан показал, что нужны обе ладони, чтобы закрыть на карте Россию, и только одна, чтобы закрыть Индию. На это Барнаби ответил, что Британская империя настолько обширна, что над ней никогда не заходит солнце и что на его карте смогла уместиться только ее часть. Кроме того, сила нации зависит не только от размера ее территорий. Население Индии, например, в три раза больше, чем России. Кроме того, невзирая на весь ее очевидный размер и могущество, Россия уже была побеждена Британией в одной войне и, конечно, будет побита в любых последующих. Тем не менее, несмотря на свою мощь, Британия — миролюбивая держава, предпочитающая быть в сердечных отношениях с соседями.

После некоторого молчания хан решил обсудить вопрос намерений России в Центральной Азии. «Мы, мусульмане, имели обыкновение думать, что Британия наш друг, потому что она помогла султану, — сказал он Барнаби. — Но вы позволили русским взять Ташкент, победить меня и открываете им дорогу на Коканд». Он предвидит, что их следующим шагом будет захват Кашгара, Мерва и Герата. У них много солдат, но им мало платят. Индия, как он понял, очень богата. «Наступит день, когда вы будете вынуждены воевать, нравится это вашему правительству или нет». Хан хотел знать, придут ли британцы на помощь Кашгару, если русские на него нападут. Однако Барнаби объяснил, что не посвящен в тайны намерений его правительства, и лично он глубоко сожалеет, что русским позволили захватить территории хана, хотя это легко можно было предотвратить.

Несмотря на заявления Санкт-Петербурга, что все его войска отошли от Хивы и власть хана восстановлена, для Барнаби было очевидно, что это всего лишь обман. Хан находился под крепким российским сапогом. Ему, игнорируя запросы, не позволяли иметь собственную армию. Четырехтысячный русский гарнизон под командованием одного из самых способных военачальников пограничных территорий полковника Николая Иванова располагался в Петроалександровске, на дистанции атаки от столицы. Кроме того, хивинцы должны были платить царю солидную ежегодную дань. Проходя по дворцу мимо кабинета ханского казначея, Барнаби наблюдал процесс подсчета им серебряных монет и бумажных рублей.

Наконец хан низко поклонился — сигнал, что аудиенция окончена. Поблагодарив его за добрый прием и разрешение посетить Хиву, англичанин отправился назад по улицам города. Тем временем распространилась весть, что он был принят ханом благожелательно, — и все встречные на улицах, переулках и с крыш уважительно кланялись и ему, и его официальному эскорту. Хан повелел, чтобы Барнаби в столице показали все, что он пожелает увидеть, и на следующее утро капитан отправился на большую экскурсию. Среди всего прочего ему показали ханские сады, где росли яблони, груши и вишни, показали хранилища дынь и виноградные лозы и летний дворец, откуда хан правил и осуществлял правосудие в течение двух самых жарких месяцев в Хиве — июня и июля. Затем капитан посетил тюрьму. «Здесь, — записал

он, — я увидел двух заключенных, чьи ноги были закреплены в деревянных колодках, а тяжелые железные цепи опоясывали их шеи и тела». Их обвиняли в нападении на женщину, но они обвинение отрицали. Барнаби спросил, что происходит, когда человек не признает себя виновным в очевидном преступлении. «Ну, — сказали ему, — его бьют плетью, насыпают в рот соли и выставляют на жаркое солнце, пока он наконец не признается». Это признание напомнило о заявлениях Санкт-Петербурга, что он освобождает покоренные народы от варварских обычаев прошлого — основной его аргумент для их завоевания.

На следующее утро по возвращении с верблюжьего рынка Барнаби нашел в своих апартаментах двух незнакомцев с торжественными лицами. Один из них вручил ему письмо от полковника Иванова из Петроалександровска. Как оказалось, русские обнаружили, что англичанин ускользнул. Письмо сообщало, что в Петроалександровске его ожидает срочная телеграмма. Полковник не счел нужным передать ее с курьером, а предложил англичанину прибыть в Петроалександровск и забрать ее лично. Таким образом, Барнаби не имел никакой возможности установить, от кого таинственная телеграмма и насколько она важна. Известно было только, что телеграмма была получена в Ташкенте, где кончалась среднеазиатская телеграфная линия, и затем конной эстафетой доставлена за 900 миль через степи и пустыни. Несомненно, русские высоко оценивали важность ее содержания. Конечно, капитан мог все это игнорировать и поспешно двинуться на Бухару или Мерв. Однако он узнал, что полковник Иванов дал хану строгие распоряжения: если даже англичанин уже оставил Хиву, его следовало вернуть и доставить прямо в Петроалександровск. Выбора не оставалось, надо было отправляться с курьером, оставив надежду достичь Бухары и Мерва. Разочарованный, Барнаби понимал, что русские вряд ли еще раз позволят ему так легко проскользнуть сквозь их пальцы.

Прежде чем Барнаби оставил Хиву, хан предложил встретиться еще раз. Выразив сожаление, что визит гостя так прискорбно сокращен, он уверил Барнаби, что он и любой его подданный всегда будет приветствовать его в столице. «Он был весьма по-своему любезен, — отметил Барнаби, — и, когда я уходил, обменялся теплым рукопожатием». Той ночью они остановились в доме высокопоставленного хивинского придворного, которого во время российского наступления на Хиву посылали в Индию просить помощи у англичан. Несмотря на неудачу той миссии, придворный был в восторге от увиденного там и от дороги, по которой туда пришлось добираться. Вслед за ханом он предупредил Барнаби, что Индия стала для царя главной целью. На его взгляд, британские войска гораздо лучше российских. Однако последние превосходят количеством. Он заявил, что при вторжении в Индию русские могут позволить себе большие потери. А британцы, отразив нападение одних, на завтра вынуждены будут противостоять удвоенным силам. Когда Барнаби попробовал намекнуть, что русские не испытывают враждебности к британцам, придворный спросил: «Если они вас так любят, почему запрещают поставки сюда ваших товаров?» Индийские чай, например, просто превосходны, но пошлины так подняли, что никто не может себе их позволить.

Несмотря на то что он, несомненно, доставил российским военным в Туркестане много неудобств, если не сказать большего, приняли Барнаби в Петроалександровске удивительно сердечно, возможно, потому, что русские знали текст телеграммы. Действительно, содержание ее не могло не взволновать даже бесстрашного Барнаби. Главнокомандующий британской армией фельдмаршал герцог Кембридж приказывал ему немедленно вернуться в европейскую Россию.

— Не слишком хорошо, когда вас посылают на задание, а потом мешают его выполнить, — с плохо скрытым удовлетворением заметил полковник Иванов своему британскому гостю.

— Превратности войны, — ответил Барнаби. — Так или иначе, я повидал Хиву.

Русский захотел умалить даже это.

— Хива — это ничто, — сказал он.

Барнаби подозревал, что Санкт-Петербург, не предполагая, что в такую суровую зиму ему удастся достичь Хивы, не обращался к британскому Министерству иностранных дел с требованием отозвать его из Центральной Азии. Но правительство, где знали, что поездка предпринята по его личной инициативе, все же сочло целесообразным прислать ему приказ, чтобы русские поверили, будто он пребывает здесь официально, хотя это было категорически

опровергнуто палатой общин.

В течение своего краткого пребывания в Петроалександровске Барнаби увидел, что Иванов и его офицеры увлечены обсуждением будущей войны, и убедился, что военные действия с Британией становятся неизбежными. Как сказали русские, Мерв они могут взять в любое время, был бы только приказ из Петербурга. Настроение этих офицеров, отметил Барнаби, было таким же, как у всех, с кем он общался в Центральной Азии. «Очень жаль, но, похоже, у нас наметилось столкновение интересов, и хотя лично мы — друзья, вопрос о том, кто должен быть главным на Востоке, скоро придется решать силой оружия...» Как раз когда Барнаби был в Петроалександровске, ханский казначей Хивы прибыл с деньгами для русских. Капитан отметил, что он завтракал с Ивановом, доблестно сражаясь с ножом и вилкой и изображая из себя поклонника французского шампанского.

На планах дальнейших путешествий по Центральной Азии теперь был поставлен крест, и Барнаби стремился поскорее вернуться домой, чтобы начать обработку материалов своей поездки и изложить свои взгляды относительно российской угрозы Индии. Иванов получил от Кауфмана строжайшие указания вернуть неугомонного британского офицера, которому Санкт-Петербург позволил увидеть гораздо больше, чем надо, тем же путем, которым он прибыл. В это время из Петроалександровска в Казалу как раз собирались двое российских офицеров с отрядом казаков, и решено было, что Барнаби поедет с ними. Это вполне устраивало капитана, поскольку давало уникальную возможность непосредственно понаблюдать в суровых условиях отряды казаков на марше, получив таким образом новый материал для своей книги. Путь оказался чрезвычайно труден; вечерами казаки говорили, что погода не столь уж невыносима исключительно благодаря обращению за помощью к прихваченной с собой четырехгаллонной бочке водки. Дисциплина в отряде была суровой, с наказаниями за малейший проступок. Одного погонщика верблюда выпороли за то, что он слишком медленно надевал сбрую. Офицер, орудуя кнутом, заявил, что это еще не слишком жесткий, но достаточный для него урок. Тем не менее за девять дней, которые они провели вместе, пересекая великую снежную равнину, Барнаби составил высокое мнение о своих спутниках. «Казаки — прекрасные, крепко сложенные парни, в среднем приблизительно по семьдесят килограммов веса каждый», — записал он. К седлу они приторачивали груз в пятьдесят и более килограммов, включая двадцать фунтов зерна для своих лошадей и шесть фунтов сухарей для себя, которых хватало на четыре дня. Лошади также были явно крепкие. Его собственное рослое животное везло его 900 миль в ужасных условиях и ни разу не захромало и не заболело, несмотря на сто двадцать семь килограммов, которые несло всю дорогу. «И все же в Британии, — отметил Барнаби, — из-за скромного роста его бы воспринимали как пони для поло».

Во время недолгого пребывания Барнаби в Казале он услышал, что российские отряды численностью более 10 000 штыков двигались из Сибири к Ташкенту — как говорили, для подготовки к кампании против Якуб Бека в Кашгарии. По дороге севернее Оренбурга он столкнулся с командиром одной из этих частей. Тот проезжал в больших санях со всем своим семейством за много миль перед его отрядом. Он также слышал, что недавно в казачьей части возникли серьезные волнения, идет расследование и что многих главарей должны расстрелять.

Прибыв в Лондон в конце марта 1876 года, он немедленно приступил к работе над книгой. Барнаби стал объектом всеобщего любопытства, и даже сама королева Виктория пожелала услышать рассказ о его приключениях и выслушать его мнение относительно российской угрозы. Его принял также главнокомандующий герцог Кембридж, тот самый, кто ходатайствовал перед кабинетом министров о приказе насчет его возвращения из Центральной Азии. Впоследствии в письме министру обороны герцог написал: «Вчера я видел капитана Барнаби и имел с ним очень интересный разговор; более интересного разговора ни с кем не припомню. Он — замечательный парень, очень своеобразный, но весьма настойчив и решителен. Он многого добился, и самое удивительное — как он через все это прошел». Он настойчиво рекомендовал, чтобы госсекретарь прислушался к словам Барнаби и что Министерству иностранных дел и Совету по делам Индии следует поступить соответственно.

В том же году вышла в свет книга Барнаби под названием «Поездка в Хиву» — 487-страничный комментарий к его приключениям, включая объемистые приложения о

российских военных возможностях и вероятных действиях в Средней Азии. Ее сугубо антироссийский настрой уловил настроение момента, и книга стала бестселлером, выдержавшим за первые двенадцать месяцев одиннадцать переизданий. В то время как Министерство иностранных дел выражало сожаление по поводу вреда книги для англо-российских отношений, «ястребы» и обширная русофобская пресса восхищались её агрессивным шовинизмом. Внезапный успех книги и аванс в 2500 фунтов за следующую дали Барнаби возможность направить свою любознательность на достопримечательности Восточной Турции, громадного дикого региона, где царь и султан имели общую весьма сложную границу. Его целью было попытаться обнаружить, чем на самом деле заняты русские в этом малоизвестном углу поля битвы Большой Игры и насколько способны турки противостоять российскому прыжку на Константинополь из их кавказской цитадели. Отношения между этими двумя странами быстро ухудшались после серьезного конфликта из-за владений Турции на Балканах. Война казалась неизбежной, вовлечение в нее Британии — весьма вероятным.

Все началось летом 1875 года с восстания в отдаленной деревне против турецкого правления в Герцеговине — одном из балканских владений султана. Оттуда оно быстро распространилось на Боснию, Сербию, Черногорию и Болгарию. Было это спонтанным и непосредственным возмущением или результатом российской интриги, неизвестно. В мае 1876 года кризис усугубился, когда нерегулярные турецкие войска, известные как башибузуки, с безумным кровопролитием изрубили саблями 12 000 болгарских христиан. Эта резня неизбежно привела к почти всеобщему осуждению турок и серьезно приблизила вероятность войны между царем, полагавшим себя защитником всех христиан, живущих под гнетом Оттоманской империи, и ее султана. В Британии усилиями русофобов, туркофилов и почти всех без исключения вину возложили прежде всего на царя, которого обвиняли в разжигании беспорядков. Премьер-министр Дизраэли отмахивался от первых донесений о болгарской резне как от кухонных сплетен. С другой стороны, Гладстон потребовал вышвырнуть турок всех до единого «со всеми пожитками» с Балкан.

В наступающую на Востоке предгрозовую пору Барнаби намеревается в декабре 1876 года отправиться из Константинополя в путешествие по всей Турции. Его прибытие в столицу не осталось незамеченным российским послом — проницательным графом Игнатьевым, и когда Барнаби добрался до важного города-крепости Эрзерум в Восточной Турции, дружественный чиновник по секрету сообщил ему, что местный российский консул получил телеграмму с приказом в ближайшее время наблюдать за британским офицером. «Два месяца назад, — говорилось в ней, — некий капитан Барнаби отбыл из Константинополя в путешествие по Малой Азии. Он — заклятый враг России. Мы потеряли его след с момента его отъезда из Стамбула. Полагаем, что реальной целью его поездки может быть пересечение российской границы». Консулу приказывали определить местонахождение Барнаби и любой ценой предотвратить его проникновение на российскую территорию. Еще он должен был отыскать портрет Барнаби, имевшийся на всех пограничных постах России. Узнав достаточно, чтобы увериться в неготовности Турции к внезапному нападению, Барнаби прервал свою 1000-мильную поездку и на пароходе вдоль побережья Черного моря вернулся в Константинополь, откуда поспешил поездом вернуться в Лондон, чтобы начать работу над новой книгой, прежде чем события его настигнут. Книга «Верхом через Малую Азию» оказалась куда более антирусской, чем предыдущая. В апреле 1877 года, когда он еще над ней работал, до Лондона дошли вести, что русские объявили Турции войну и начали наступление на Константинополь через Балканы, одновременно вторгшись в Восточную Анатолию.

Написанная с типичным британским оптимизмом и пропитанная антирусскими настроениями, новая книга Барнаби — на этот раз о войне за Константинополь — произвела небывалый фурор, завоевала широкий круг читателей и выдержала семь переизданий. А ее автор якобы нейтральным наблюдателем отправился на передний край балканского конфликта, где стал неофициальным командиром турецкой бригады, сражавшейся против его недавних спутников — казаков. Однако, достигнув назначенной самому себе цели взбудоражить антирусские и протурецкие настроения у себя на родине, Барнаби тем самым оказался за пределами данного повествования.

«Если русские возьмут Константинополь, королева будет так оскорблена, что, наверное, сразу отречется от престола». Так писала королева Виктория лично Дизраэли, убеждая его быть смелее. Принцу Уэльскому она заявляла:

«Я не думаю, что обойдется без схватки с... этими отвратительными русскими... что состоятся какие-либо соглашения или что мы когда-либо станем друзьями! Они будут всегда нас ненавидеть, а мы никогда не сможем им доверять». Ее симпатии поддерживали массы, хотя лишь немногие имели ясное представление насчет того, где находятся Болгария или Герцеговина, не говоря уже о каком-либо понимании связанных с этим проблем. Но их настроение было прекрасно подытожено в словах джингоистской песенки, которая тогда делала в мюзик-холлах приличные сборы. Вот, например, в таких:

Мы не хотим сражаться,
 Но, родины сыны,
 Готовы в бой солдаты, готовы корабли,
 Не пожалеем денег, не пожалеем сил
 И русскому медведю дорогу преградим.
 Дух бриттов реет гордый,
 Константинополь, будь свободным!

Вопреки всем ожиданиям, российское наступление на столицу Оттоманской империи развивалось медленно. Целых пять месяцев этому способствовала доблестная и решительная защита турками их цитадели Плевна в Болгарии, которая стоила наступающим 35 000 жизней, а румынам, которых уговорили присоединиться к русским, свыше 5000. На востоке, несмотря на первые успехи, российские войска на Кавказе сталкивались с гораздо более жестоким сопротивлением, чем ожидал Санкт-Петербург. Не ожидали там и националистических восстаний мусульманских племен у себя за спиной. Однако наконец турецкое сопротивление было сломлено, и в феврале 1878 года российские армии стали у ворот Константинополя. Похоже, давняя мечта русских становилась былью... И тут в Дарданеллы вошел британский средиземноморский флот. Это было прямое предупреждение русским, указание на возможное дальнейшее развитие событий. Война теперь казалась неизбежной.

Тем временем, предугадав такую возможность, генерал Кауфман собрал в Туркестане тридцатитысячную армию, самую крупную из когда-либо развернутых в Средней Азии. Если бы началась война, он предполагал через Афганистан прорваться в Индию. Одновременно он послал в Кабул крупную военную делегацию во главе с генерал-майором Николаем Столетовым, чтобы заручиться афганским содействием против англичан. Кабул был идеальным трамплином для нападения, а Хайберское ущелье — лучшим местом для вторжения. Перед силами вторжения, состоящими из российских и афганских отрядов, шли бы прокладывающие путь секретные агенты. Их предполагалось снабдить золотом и другими стимулами. Кауфман был убежден, что индийский народ созрел для восстания и что едва станет известно о приближении большой русско-афганской армии освободителей, бочонок с порохом взорвется. Если бы план Кауфмана осуществился, совместный российско-афганский удар по Индии означал бы для британцев полный кошмар.

В конце концов, к огромному разочарованию «ястребов» с обеих сторон, царь Александр отступил перед угрозой новой войны с Британией. Российские армии стояли в двух днях пути от Константинополя, когда между русскими и турками было поспешно заключено перемирие. Болгария получала независимость от Оттоманской империи, а русские — обширные пространства Восточной Анатолии. Британия немедленно воспротивилась, опасаясь, что Болгария станет простым сателлитом Санкт-Петербурга и обеспечит русским прямой сухопутный маршрут к Средиземноморью. Как и угрожающее расположение их войск под Константинополем, это позволило бы им во время возможной войны угрожать Индии. Таким образом, несмотря на окончание военных действий между Россией и Турцией, угроза войны между Россией и Британией не уменьшилась. Несмотря на то что Британии удалось найти

общий язык по проблеме Болгарии с Австро-Венгрией, чтобы вынудить царя убрать русские войска из-под Константинополя, из Индии на Мальту был переброшен семитысячный британский корпус. В конце концов, однако, кризис удалось уладить, не прибегая к войне. В июле 1878 года на Берлинском конгрессе спорное соглашение было пересмотрено к удовлетворению всех главных стран, кроме России. Царь под сильным давлением согласился вывести свои войска в обмен на некоторые территориальные приобретения за счет турок. Султан, со своей стороны, вернул себе две трети потерянных в этой войне территорий. Британцы заняли Кипр, австрийцы приобрели Боснию и Герцеговину. Санкт-Петербург же только наблюдал, как плоды так дорого доставшейся победы расхищались другими европейскими странами, причем ключевую роль тут играла Британия.

Однако эта неудача не могла остаться полностью неотомщенной. Хотя после исчезновения опасности войны с Британией запланированное вторжение Кауфмана в Индию отменили, тем не менее он решил продолжить миссию в Кабул. Отчасти это вызывалось тем, что Кауфман видел в этом возможность доставить британцам крупные неприятности. А вместе с тем он получал возможность исследовать места вероятного вторжения — в случае, если когда-либо возникнет необходимость вернуться к прежнему плану. Вест о том, что российская миссия направляется к афганской столице, шпионы принесли в Индию в то время, когда Берлинский конгресс еще не закончился. Как полагают, эмир Шер Али попытался убедить русских повернуть обратно, но Кауфман заявил, что слишком поздно отзывать назад его людей и что он будет лично отвечать за их безопасность и за их сердечный прием. На запрос британцев относительно миссии российское Министерство иностранных дел опровергло информацию о ней, упорно утверждая, что такой визит даже не планируется. В очередной раз Санкт-Петербург клялся в одном, в то время как Ташкент делал совершенно другое.

Вице-король лорд Литтон к тому времени отлично знал правду и был взбешен очевидным двуличием Шер Али. Эмир, неоднократно отказывавшийся принимать британскую миссию для обсуждения отношений между двумя странами, теперь тайно приветствовал русских! Вице-король совершенно не учитывал степень давления русских на афганского правителя, пребывавшего в состоянии глубокой депрессии после смерти любимого сына. Кауфман предупредил, что, если эмир не согласится на договор о дружбе с русскими, они активно поддержат его племянника и претендента на трон Абдур Рахмана, жившего в то время в Самарканде под их защитой. Больше опасаясь нажима со стороны России, чем со стороны Британии, Шер Али был вынужден уступить. Выполнив свою задачу и оставив некоторых подчиненных для отработки деталей, генерал Столетов 24 августа отправился из Кабула в Ташкент. Перед отъездом он предостерег эмира от приема любых британских миссий, одновременно пообещав ему в случае необходимости поддержку тридцатитысячной русской армии.

В это время лорд Литтон с телеграфного одобрения Лондона решил направить миссию в Кабул, в случае необходимости применяя силу. Возглавлять ее был назначен генерал сэр Невилл Чемберлен, старый пограничник, известный превосходными личными отношениями с эмиром. Его должен был сопровождать старший политический советник майор Луи Каваньяри с эскортом в 250 солдат из Корпуса разведчиков — точно таким же количеством людей, как у генерала Столетова. 14 августа вице-король написал эмиру, сообщая о намерении направить в Кабул делегацию и испрашивая охранное свидетельство на путь от границы. Послание осталось без ответа. Тогда Чемберлен дал приказ двигаться ко входу в Хайберское ущелье. Оттуда майор Каваньяри с небольшим эскортом выехал вперед к ближайшему афганскому посту и попросил выдать разрешение на въезд в страну. Однако офицер — начальник поста — заявил, что получил приказ в случае необходимости препятствовать движению миссии даже силой оружия, и не будь Каваньяри ему старым другом, он бы уже открыл огонь по нему и его отряду как по нарушителям границы.

Возмущенный отказом эмира, лорд Литтон стал убеждать кабинет министров не тратить времени впустую и санкционировать немедленное объявление войны. Но в Лондоне решили, что сначала эмиру следует предъявить окончательный ультиматум. В нем эмира предупреждали, что, если до конца дня 20 ноября он не извинится в полной мере за свой неучтивый отказ от приема британской миссии, при том, что миссия российская была радушно

принята, против него немедленно начнутся военные действия. Неразбериху усилило российское Министерство иностранных дел, которое прежде отрицало всякие сведения о миссии Столетова. Теперь там придумали совершенно неудовлетворительное объяснение, упорно утверждая, что миссия Столетова — всего лишь визит вежливости, никоим образом не противоречащий прежним гарантиям по Афганистану, лежащему вне их сферы влияния. Это немного смягчило опасения Литтона, что русские в Афганистане их опередили и что Британию одурачили.

Ко времени истечения срока ультиматума 20 ноября никакого ответа от Шер Али получено не было. На следующий день три колонны британских войск начали наступление на Кабул. Через десять дней прибыло послание эмира, согласного на прибытие британской миссии, но оно не содержало извинений, требуемых вице-королем. Как бы там ни было, оно опоздало — вторая афганская война уже началась. Литтон настроен был преподать эмиру такой урок, который тот не скоро забудет, и в то же время совершенно ясно показать Санкт-Петербургу, что никаких конкурентов в Афганистане Британия не потерпит.

29. Кровавая баня в Бала Хиссаре

Едва только наспех собранная тридцатипяти тысячная британская армия в трех местах пересекла границу Афганистана, события стали развиваться с головокружительной быстротой. Первой задачей британцев был захват Хайберского ущелья, Джалалабада и Кандагара, и после нескольких коротких, но жестоких боев она была решена. При известии о британском вторжении эмир поспешил обратиться к генералу Кауфману, прося срочно прислать обещанных, как он полагал, 30 000 солдат. Но к его тревоге и огорчению, ему ответили, что это невозможно из-за зимы, и посоветовали вместо этого заключить с агрессорами перемирие. В то время как британцы укрепляли свои позиции в ожидании дальнейших распоряжений из Калькутты, доведенный до отчаяния эмир решил лично посетить Санкт-Петербург, чтобы обратиться с просьбой о помощи к царю, а заодно и к другим европейским державам. Но сначала он освободил своего старшего сына Якуб Хана, которого держал под домашним арестом, и назначил его регентом, поручив вести борьбу с англичанами. Затем в сопровождении последнего российского офицера из миссии генерала Столетова он отправился на север. Но, добравшись до российской границы, Шер Али отказался следовать указаниям Кауфмана; особенно тяжело он пережил необходимость подписать договор о дружбе, на чем настоял генерал. Впрочем, оказание помощи это не ускорило. Шер Али понял, что русские его предали, британцы наступали, а обратиться больше было не к кому. Дух и здоровье эмира надломились. Отказавшись от пищи и лекарств, в феврале 1879 года он умер в Балхе.

Через несколько дней британцы получили от Якуб Хана сообщение, что его отец «покинул свою брэнную оболочку и, следуя велению голоса Великого Судии, поспешил к Земле Божественного Милосердия». Воцарившись на троне, Якуб Хан, который долго выступал против отца, предложил обеим сторонам шанс пересмотреть ситуацию. Британцам скоро стало очевидно, что новый эмир не пользуется искренней поддержкой племенных вождей и потому стремится вести переговоры, от которых так непреклонно отказался его отец.

Выразив Якуб Хану соболезнования британского правительства по поводу кончины его отца, Каваньяри вслед за этим направил послание, содержавшее условия окончания войны и вывода британских войск из его королевства. Условия были довольно жесткими, включая передачу эмиром Лондону контроля над афганской внешней политикой, его согласие на размещение британских миссий в Кабуле и в других городах и уступку Британии некоторых территорий, примыкающих к индийской границе, включая Хайберское ущелье. Вторжение и так в общем было приостановлено, поскольку из-за жестокого сопротивления местных племен, суровой зимы, широкого распространения болезней и плохого транспорта британское командование считало дальнейшее продвижение слишком трудным. Но эмир знал, что с началом весны взятие англичанами Кабула при поддержке из Индии станет только вопросом времени. После долгого интенсивного торга он согласился на большинство британских требований. Взамен он получил гарантию защиты от русских, от столь же жадных соседей-персов и ежегодную субсидию в 60 000 фунтов стерлингов.

Соглашение было подписано эмиром в селении Гандамак, где за сорок лет до этого остатки злополучного кабульского гарнизона оказали афганцам последнее доблестное сопротивление. При этом Якуб Хан и его главнокомандующий прибыли довольно бестактно выряженными в российские мундиры. К возмущению большинства афганцев, 26 мая соглашение было подписано. По Гандамакскому соглашению Каваньяри, насколько известно, должен был отправиться в Кабул как первый британский резидент со времен убийства трагической зимой 1841 года сэра Александра Бернса и сэра Уильяма Макнагтена. Лорд Литтон был восхищен итогами кампании. Жесткие меры дали ожидаемые результаты, включая отъезд последних русских из Кабула и демонстрацию афганцам, чего стоили обещания Кауфмана. В Лондоне и Калькутте не скупилась на взаимные поздравления. Королева Виктория, которая весьма внимательно следила за центральноазиатскими и индийскими делами, была особенно довольна, что ей удалось так лихо обойти царя Александра. Каваньяри, сына одного из наполеоновских генералов и, возможно, одного из самых выдающихся офицеров-пограничников того времени, в награду за успешное ведение переговоров посвятили в рыцари, дав ему тем самым необходимый статус для новой тонкой роли при дворе Якуб Хана. Но не все были настолько уверены в соглашении, которое он заключил с пользующимися дурной славой вероломными афганцами. Некоторые чувствовали, что эмир слишком легко принял британские требования. Они помнили предательство, не говоря уже о бедствии, которым после подобных же российских интриг в Кабуле кончилось последнее вмешательство Индии в афганские дела. «Всех их перебьют», — заявил после известия о назначении Каваньяри бывший вице-король сэр Джон Лоуренс. Впрочем, на фоне общей эйфории подобные предупреждения прошли незамеченными.

В ночь перед отъездом сэра Луи Каваньяри в Кабул его пригласили на обед к кавалеру креста Виктории генералу сэру Фредерику Робертсу, который также получил дворянский титул за успешную кампанию, но питал серьезные сомнения относительно отправки миссии. Робертс намеревался предложить тост за Каваньяри и его небольшую команду, но не смог этого сделать из-за опасений за их безопасность. Он знал, что на следующий день они уезжают. «Мое сердце сжалось, — записал он впоследствии, — когда я сказал Каваньяри „до свидания“. Мы уже разошлись было на несколько ярдов, но тут вдруг повернули обратно, еще раз обменялись рукопожатием и расстались навсегда». Несмотря на тревогу друзей и коллег, Каваньяри был уверен, что сможет преодолеть любые возможные трудности. По собственной инициативе он ограничился скромным эскортом из пятидесяти пехотинцев и двадцати пяти кавалеристов — все из Корпуса разведчиков. Командовал ими лейтенант Уолтер Гамильтон, который получил Крест Виктории за недавнее сражение в Хайберском ущелье. Собственный штат Каваньяри состоял из двух европейцев, секретаря и врача из индийской армии.

Совершив нелегкий переход, миссия 24 июля 1879 года достигла афганской столицы. Хотя атмосфера была непростая, приняли их хорошо. Прозвучал артиллерийский салют, афганский военный оркестр предпринял попытку исполнить «Боже, храни Королеву», а самого Каваньяри провезли по столице верхом на слоне. Затем его самого и свиту проводили в резиденцию, которая была подготовлена для них в Бала Хиссаре, неподалеку от дворца эмира. Несколько недель все шло неплохо, но потом Каваньяри сообщили, что крупное афганское войсковое соединение, завершив службу в Герате, прибыло в Кабул. Солдаты, обозленные трехмесячной задержкой жалования, пришли, по слухам, в еще большее негодование, обнаружив присутствие в столице британской миссии. Афганские чиновники всерьез советовали Каваньяри и его людям не рисковать и не появляться вне стен Бала Хиссара, поскольку ожидалась беспорядки. 2 сентября сэр Луи послал сообщение, которое заканчивалось словами: «Все в порядке». Это была последняя весточка от миссии.

* * *

В то время как Калькутта с тревогой ждала дальнейших вестей из Кабула, Санкт-Петербург пытался восстановить свой авторитет в Центральной Азии, сильно подорванный поспешным отъездом из Афганистана русской миссии и неутешительными итогами недавней войны с Турцией. Результаты оказались разочаровывающими. Кашгар,

который довольно долго присматривался, внезапно вместе с остальной частью Синьцзяна вернулся под правление Китая. После многих лет промедления император наконец двинул войска против Якуб Бека и направил крупную армию на запад с приказом вернуть утраченные территории. Войскам, чье неторопливое продвижение было связано с посевом и сбором урожая собственных зерновых, понадобилось три года, чтобы достичь цели. Заслышав об их приближении, Якуб Бек поспешно собрал семнадцатитысячную армию и двинул ее на восток, навстречу китайцам. Но на сей раз более многочисленные войска противника его опередили. Армия была разгромлена, а самому ему пришлось бежать в Кашгар. Там в мае 1877 года, к облегчению его подданных, он умер. Одни говорили, что от страха, другие — что от яда. Как бы там ни было, к декабрю того же года Кашгар снова вернулся в руки императора, и теперь три мощные империи — Британия, Россия и Китай — нос к носу столкнулись в центре Памира. Область Или и ее главный город Кульджа остались за Россией. Русским, и особенно архитектору среднеазиатской империи царя Кауфману, следовало хорошенько запомнить беглеца, удравшего из Кашгара от их плена. Однако их внимание отвлекли дальнейшие осложнения. Во время недавней войны с Турцией планы Кауфмана относительно дальнейшей экспансии были временно заморожены, а его энергия была направлена на подготовку сил для вторжения в Индию. Операция не состоялась, и все же, по крайней мере, «ястребам» в Лондоне и Калькутте было очевидно, что российские амбиции в Центральной Азии все еще далеко не удовлетворены. Знаменательно, что, как заметил Барнаби, на самых последних картах их страны южную границу просто не изображали... Когда непосредственная угроза войны с Британией постепенно исчезла, стало очевидно, что планируются новые шаги. Осенью 1878 года российский офицер полковник Г. Л. Гродеков, тщательно изучая маршрут, проехал из Ташкента через Самарканд и Северный Афганистан в Герат. В Герате он обстоятельно обследовал городские укрепления и по возвращении доложил, что жители Герата стремятся под российскую руку. В то же самое время другие российские военные путешественники, исследователи и разведчики были заняты изучением пустыни Каракум и Памира. Дальневосточный полковник Николай Пржевальский, сопровождаемый эскортом казаков, пытался с севера достигнуть тибетской столицы Лхасы.

Такое возобновление российской активности вряд ли могло умиротворить тех, кто отвечал за оборону Индии. 9 сентября 1879 года Санкт-Петербург осуществил первое после аннексии Коканда (четыре года назад) наступление в Средней Азии. На сей раз русские атаковали крупную туркменскую крепость Геок-Тепе на южном краю пустыни Каракум, примерно на полпути между Каспийским морем и Мервом. Их цель состояла в том, чтобы захватить эту дикую ничейную область, укрепляя таким образом свой южный фланг от Красноводска до Мерва. В конечном счете вдоль него планировали построить железную дорогу, соединявшую Бухару, Самарканд и Ташкент. Но русские не предвидели ни сопротивления, которое оказали регулярной армии толпы плохо руководимых и необученных туземных племен, ни воинственности туркмен. Русские полагали, что артиллерийский обстрел огромной глинобитной крепости заставит ее сдаться. Но как только они проявили нетерпение, прекратили канонаду и, уверенные в скорой победе, бросили на штурм пехоту, туркмены, сражающиеся за свою жизнь, бросились на значительно уступающих числом русских и обратили их в бегство. С большим трудом русским удалось отбиться от преследования и отступить через пустыню к Красноводску. Это было самое тяжелое поражение русских в Средней Азии, начиная со злополучной Хивинской экспедиции 1717 года. Оно нанесло жестокий удар по российскому военному престижу и погубило карьеру командовавшего войсками генерала, который с позором возвратился в Санкт-Петербург. Однако дурные новости в том месяце были не только у русских — на четыре дня раньше британцы получили точно такой же сигнал тревоги.

* * *

Первым узнал о нем генерал сэра Фредерик Робертс в Симле. Рано утром 5 сентября его разбудила жена, сообщившая, что вокруг дома мечется посыльный со срочной телеграммой в поисках кого-нибудь, кто может за нее расписаться. Робертс разорвал конверт. Новости,

которые в нем содержались, ужасали. Туземный агент, посланный Каваньяри из Кабула, чуть живой добрался до границы и сообщил, что резиденцию атаковали три мятежных афганских полка. Когда курьер покидал Кабул, британцы еще держались. Ничего больше известно не было. Случилось то, чего боялся Роберте и о чем предупреждал Лоуренс. Сильно огорчив сообщением о телеграмме вице-короля, который так рьяно поддерживал отставку Каваньяри, Роберте телеграфировал на самый близкий к Кабулу пограничный пост и приказал, не жалея сил и денег, выяснить, что произошло в афганской столице.

Долго ждать не пришлось. В этот же вечер он узнал, что резиденцию штурмовали мятежники и что все, кто там был, после отчаянного, но безнадежного сопротивления были перебиты. В действительности несколько охранников, находившихся в момент атаки в другой части города, уцелели, и от них стали известны подробности, позволившие воссоздать картину последних часов миссии. Подстрекаемые муллами, недовольные солдаты направились к Бала Хиссару требовать от эмира свои деньги. Там они насмеялись над своими коллегами из кабульского гарнизона за их поражения от «неверных британцев» в ходе недавней кампании. Чтобы успокоить войска, эмир приказал выдать плату за один месяц, но этого оказалось недостаточно, чтобы их удовлетворить. Тогда кто-то предложил получить остальное с Каваньяри, который, как известно, хранил деньги в резиденции, расположенной всего в 250 ярдах. Когда тот отказался хоть что-нибудь дать, здание начали забрасывать камнями. Тех, кто попытался силой пробиться вперед, охрана встретила огнем. Поклявшись отомстить, рассвирепевшие афганцы кинулись к своим баракам и вернулись к резиденции с оружием. Такую осаду здание долго выдержать не могло. Это мало чем отличалось от почти аналогичной резни, жертвой которой сорок лет назад пал сэр Александр Бернс. Окруженная другими домами, с которых можно было вести огонь по ее защитникам почти в упор, резиденция представляла собой просто кучку огражденных забором одноэтажных зданий.

Эскорт под командой лейтенанта Гамильтона сумел сдерживать нападавших большую часть дня. Учитывая, что дворец эмира был совсем близко, там вряд ли могли не слышать стрельбу или шум. Кроме того, к эмиру были отправлены трое посыльных с просьбой о немедленной помощи. Первых двух убили, но третий добрался. И все же Якуб Хан не сделал никакой попытки ни вмешаться, ни полностью расплатиться со своими отрядами. До сих пор его роль в деле остается сомнительной. Для предположения, что он был не в силах управлять разъяренными войсками и боялся, что при попытке вмешательства те обратят свою ярость и против него, нет реальных доказательств. Тем временем схватка вокруг резиденции стала еще ожесточеннее. Сэр Луи Каваньяри, храбро возглавивший вылазку с целью отогнать нападавших и очистить пространство вокруг основного здания, был убит. Затем афганцы подвезли две небольшие полевые пушки и открыли из них яростный огонь. Гамильтон немедленно атаковал их и захватил обе пушки прежде, чем они смогли нанести серьезный ущерб. В этой вылазке был смертельно ранен врач миссии. Несмотря на несколько попыток, защитники не смогли под ураганным огнем перетащить пушки на позицию, откуда можно было бы вести огонь по нападавшим.

В течение нескольких часов лейтенант Гамильтон и те, кто остался в живых из семидесяти человек эскорта, продолжали сопротивление, хотя к тому времени несколько надворных построек уже горели. Наконец часть афганцев по лестницам сумела вскарабкаться на крышу главного здания резиденции, которое защитники готовились превратить в свой последний оплот. Вскоре после бешеной рукопашной и Гамильтон, и его компаньон-европеец, секретарь миссии, были убиты. Осталась только дюжина сипаев из Корпуса разведчиков, которые все еще продолжали сражаться. Афганцы предложили индусам сложить оружие и сдаться, заявляя, что не хотят причинять им вреда, что вся их ярость направлена против англичан. Игнорируя это предложение, индусы во главе с одним из своих офицеров бросились в последнюю отчаянную атаку и погибли все до единого. Как было установлено позднее, в течение двенадцатичасового сражения из числа нападавших погибло не менее 600 человек. «Летопись какой армии и какого полка может показать более яркий образец храбрости, чем то, что совершила эта маленькая группа разведчиков, — говорилось в официальном заключении следствия. — Своим подвигом они снискали вечную славу не только в полку, но и во всей британской армии». Надо сказать, что и прежде были индийские войсковые части, достойные Креста Виктории, но их не

представляли к награде. Теперь к длинному списку славных сражений на полковых знаменах разведчиков добавились эти два слова: «Резиденция, Кабул».

Через несколько часов после подтверждения известий о резне генерал Робертс с приказом о скорейшем марше на афганскую столицу был уже на пути к границе, чтобы принять командование поспешно собранными карательными силами. Одновременно другим частям было приказано вновь занять Джалалабад и Кандагар, которые только что вернули афганцам согласно заключенному в Гандамаке договору. Эмир тем временем поспешил отправить вице-королю депешу с глубочайшими сожалениями о случившемся. Узнав же о британском наступлении на столицу, он послал главу своего правительства, чтобы остановить Робертса и упросить его не продвигаться дальше, гарантируя, что лично покарает ответственных за нападение на миссию и смерть Каваньяри и его спутников. Но Робертс был убежден, что эмир просто пробовал протянуть до начала зимы и дать своим людям время организовать сопротивление. Поблагодарив эмира за предложение, Робертс ответил: «После недавнего происшествия великая британская нация не удовлетворится, если британская армия не войдет в Кабул и там не поможет Вашему Величеству назначить такие наказания, каковые столь ужасные и трусливые действия заслуживают. Потому наступление будет продолжаться, как приказано вице-королем, чтобы гарантировать личную безопасность Вашего Величества и помочь Вашему Величеству в восстановлении мира и порядка в столице».

В начале октября, преодолев некоторое сопротивление, Робертс достиг Кабула. Почти сразу же он посетил место, где погиб Каваньяри со своими людьми. «Стены резиденции, сплошь покрытые частыми пулевыми пробоинами, дали ясное представление о характере нападения и длительности сопротивления, — записал он. — Все этажи были залиты кровью, и среди тлеющих углей пожара мы нашли множество человеческих костей». Генерал приказал немедленно начать поиск останков жертв, но никаких других следов найти не удалось. Следующие действия решали две задачи следствия. Во-первых, надо было определить, сыграл ли эмир какую-нибудь роль в резне, а во-вторых, надо было установить ее главарей и основных участников. Вопрос о роли Якуб Хана окончательно решен не был, хотя эмира обвинили в том, что он был «преступно безразличен» к судьбе миссии. Тогда Якуб Хан объявил об отречении от престола, заявив, что предпочтет быть скромным газнокосильщиком в британском лагере, чем пытаться управлять Афганистаном. В конце концов ему назначили пенсию и отправили со всем семейством в изгнание в Индию.

Стремясь отдать убийц под суд, Роберте назначил награду за информацию, которая укажет на преступников. Это, конечно, послужило для некоторых поводом к сведению старых счетов. В результате на основании очень сомнительных доказательств было осуждено множество людей. Однако другие, вроде городского старшины Кабула, который с триумфом нес через город голову Каваньяри, были, несомненно, виновны. Всего на виселицы, установленные саперами Робертса внутри Бала Хиссара над тем местом, где безуспешно боролись за свои жизни Каваньяри и его товарищи, отправились около сотни афганцев. Утром дня казни большая толпа в грозном молчании смотрела вниз с окружающих стен и крыш, в то время как британские солдаты караулили осужденных с винтовками с примкнутыми штыками. «Перед развалинами резиденции, — записал офицер проводников, — длинная мрачная шеренга виселиц. Под ними со связанными руками и ногами и под усиленной охраной выстроилась шеренга приговоренных. Последовал сигнал, и на виселицах закачались те, кто еще недавно были людьми. Это — главари... которых повесили на месте их бесчестья».

По поводу жестоких методов Робертса на родине разгорелась горячая полемика, и он сам стал объектом повсеместной критики. Фактически он действовал столь беспощадно по указке лорда Литтона, который советовал перед его отъездом: «Есть некоторые вещи, которые вице-король может одобрить и защитить, когда они уже совершены, но которые генерал-губернатор в Совете приказать не может». Литтон даже рассматривал возможность сжечь Кабул дотла, хотя позже от этой идеи отказался. Среди первых критиков Робертса была газета «Таймс оф Индия», которая заявляла: «Достойно сожаления, что повесили многих невинных людей, в то время как относительно степени их вины решение он принимал единолично». Через четыре дня не менее уважаемая «Френд оф Индия» утверждала: «Мы боимся, что генерал Робертс нанес нации серьезный ущерб, уронив репутацию нашего

правосудия в глазах Европы». Другие газеты предупредили, что Роберте оказался, по словам одной из них, «сеятелем семян ненависти». Конечно, неприятности не заставили себя ждать. Наступившее Рождество не только серьезно угрожало британскому гарнизону в Кабуле, но и было зловещим напоминанием о том, что последовало в 1841 году за убийством сэра Александра Бернса.

Разгоряченные своей ненавистью к британцам, а возможно, и поощренные слухами, что 20-тысячные российские силы спешат оказать им помощь и поддержку, множество племен начало продвигаться к Кабулу с севера, юга и запада. Их возглавлял 90-летний мусульманский богослов, который объявил священную войну против неверных. Узнав об этой угрозе, Робертс решил опередить афганцев, рассеяв их прежде, чем они объединятся для нападения на Кабул. В отличие от старого генерала Элфинстона, чья профессиональная некомпетентность и промедление привели в 1842 году к катастрофе, Робертс был бравый вояка, действительно выдающихся способностей (как говорили, лучший со времен Веллингтона), который получил Крест Виктории за подавление индийского мятежа. Однако с самого начала он серьезно недооценил численность надвигающегося врага и в результате не сумел его разгромить или рассеять. К этому времени после ряда необъясненных взрывов в Бала Хиссаре, которые едва не уничтожили крепость, британский гарнизон численностью в 6500 человек был расквартирован в военных городках, которые Шер Али построил для своих собственных войск за пределами столицы. Там в декабре 1879 года британцы собрались с духом для отчаянной атаки на объединенные афганские войска, численность которых, как считают, достигала 100 000 вооруженных туземцев.

На сей раз, несмотря на реальное подавляющее превосходство афганцев в численности, Робертс имел много козырей. Мало того, что его отряды были отлично обучены и обстреляны, они были также вооружены самыми новейшими винтовками, заряжаемыми с казенной части, и двумя пулеметами Гатлинга, которые могли вести убийственный огонь по любому, кто приближался к британским позициям. Кроме того, у него была дюжина 9-фунтовых полевых пушек и восемь 7-фунтовых горных пушек, в то время как у афганцев никакой артиллерии не было. Кроме того, он имел достаточно боеприпасов, чтобы продержаться в течение четырех месяцев, и собрал достаточно продовольствия и топлива, чтобы пережить долгую афганскую зиму. Чтобы лишить врага преимущества, которое давала темнота, имелись эффективные осветительные артиллерийские снаряды. Наконец, благодаря одному из шпионов Робертс точно знал, когда и как афганцы собираются напасть. Так что рано утром 23 декабря весь британский гарнизон стоял, держа пальцы на спусковых крючках и всматриваясь во тьму окружающей равнины.

Внезапно за час до рассвета на британские позиции волна за волной с криками ринулись воины афганских племен во главе с готовыми на самоубийство мусульманскими фанатиками, известными как гхазис. Всего, по оценке Робертса, их было примерно 60 000. К изумлению афганцев, вспыхнули осветительные артиллерийские снаряды и осветили поле битвы, сделав белые одеяния и тюрбаны удобными целями для британской пехоты и стрелков. Но натиск был силен, и поначалу из-за явного перевеса в численности атакующие афганцы сумели подобраться опасно близко к стене периметра, но их отогнали прежде, чем они смогли прорваться. После четырех часов жестокой и безжалостной схватки, когда вокруг британских позиций скопились груды трупов афганцев, азарт атакующих начал спадать. Поняв, что надежды на победу потеряны, некоторые из вождей племен со своими воинами пустились наутек. Наконец, преследуемые разъяренной конницей Робертса, остатки сводной афганской армии повернули и отступили к холмам. К полудню сражение было закончено. Афганцы потеряли по крайней мере 3000 человек, британцы только 5.

Но хотя схватка за столицу была решительно выиграна, война все еще была далека от окончания. Пока британцы оставались в Афганистане, а страна была без руководства, любые надежды относительно восстановления мира оставались слишком отдаленными. Столь же отдаленными были надежды Британии использовать Афганистан как оплот против российского вторжения в Индию. Все, в чем преуспел Литтон, только восстановило против британцев каждого афганца. Но в тот самый момент, когда вице-король отчаянно пытался найти выход, появилось подходящее решение, хотя и с абсолютно неожиданной стороны.

Абдур Рахман, внук великого Дост Мохаммеда и племянник покойного Шер Али, уже двенадцать лет жил в изгнании в Самарканде под защитой генерала Кауфмана и на содержании царя. Афганистан ему пришлось оставить после того, как Шер Али захватил трон, законным наследником которого после смерти деда был Абдур Рахман. Уверенный, что «Шер Али у него более или менее в кармане» (и бумаги, найденные Робертсом в Кабуле, это подтверждали), Кауфман спокойно терпел такое положение дел. Но смерть Шер Али и новая агрессивная политика Британии в Афганистане все изменили. Вознамерившись опередить англичан и посадить на пустующий трон своего собственного кандидата, Кауфман теперь убеждал Абдур Рахмана немедленно вернуться домой и предъявить свои законные права. Так что в феврале 1880 года в сопровождении небольшой группы сторонников, вооруженных новейшими российскими винтовками (не говоря уже об обещаниях дальнейшей помощи, если потребуется), Абдур Рахман пересек Оксус в Северном Афганистане.

До Робертса в Кабуле вскоре долетела весть о его приближении, а затем пришли и сообщения, что северные племена быстро стекались под знамена направлявшегося на юг Рахмана. Внезапное появление на сцене нового претендента на трон требовало от Лондона и Калькутты быстрых решений. Начали срочно обсуждаться британские планы по поводу будущего Афганистана. Вопрос о постоянной дислокации оккупационной армии неминуемо означал огромные жертвы и затраты и был исключен. Решение состояло в том, что страну следовало разорить, затрудняя таким образом русским или любому другому потенциальному врагу управление ею. Но прежде следовало решить, кто должен править в Кабуле, если оттуда будет выведен британский гарнизон. Пока это не было решено, генералу Робертсу с его войсками, очевидно, придется остаться вместе со всеми прежними целями и намерениями в отношении захвата трона. Кауфман явно ставил на Абдур Рахмана, которого считал способным завоевать надежную поддержку масс и в конечном счете собрать достаточно сил, чтобы изгнать британцев. Это стало бы эффективным поворотом в судьбе Афганистана или, во всяком случае, поставило бы страну в зависимость от России. Примерно так рассуждал Кауфман.

На этот раз, однако, англичане проявили по отношению к Афганистану необычайную изворотливость. На первый взгляд Абдур Рахман был протеже России, чье требование отдать ему трон представляло серьезную угрозу защите Индии. Но куда вероятнее, рассуждали политики, что в глубине души Абдур Рахман деятель не прорусский, не антибританский, а проафганский. И если вместо противостояния его притязаниям на трон его пригласить, то таким образом можно переиграть Кауфмана. Из всего, что было известно про Абдур Рахмана, оказалось, что он единственный афганский лидер с достаточной харизмой и индивидуальностью, необходимыми чтобы управлять и объединять этот беспокойный народ. Кроме того, видя, как русские не раз обманывали его предшественников, несмотря на заманчивые обещания, он мог бы предпочесть в будущем обращаться за защитой или помощью к британцам. Поэтому было решено предложить трон Абдур Рахману. Прошли переговоры, и соглашение было достигнуто. В соответствии с ним англичане покидали Кабул, оставляя своим единственным представителем агента-мусульманина. Абдур Рахман обязался не поддерживать никаких отношений с любой иностранной державой, кроме Британии, которая, со своей стороны, обязалась не вмешиваться в дела на всей его территории. 22 июля 1880 года на специальном торжестве в местности к северу от Кабула 40-летний Абдур Рахман был публично объявлен эмиром, но отложил церемониальный въезд в свою столицу на более позднее время. Ему следовало показать твердость и умение править в роли надежного соседа англичан, а не их лакея.

Его собственное положение, однако, все еще оставалось небезопасным. Он управлял лишь окрестностями Кабула и некоторыми северными районами. На большей части остального Афганистана все еще продолжалась смута, и его восшествие на престол не было бесспорно признано. Кроме того, он не осмеливался выказывать дружественные чувства к англичанам, которые посадили его на трон, чтобы, подобно шаху Шуджаху, не быть обвиненным в несамостоятельности и в том, что держится у власти силой их штыков. «Я не мог выказать свою

дружбу публично, — писал он годы спустя, — потому что мои люди были невежественны и фанатичны. Если бы я выказал любую склонность к англичанам, мои люди назвали бы меня неверным, который „снюхался“ с неверными». Его козырной картой, однако, был факт ухода британцев, и он не стеснялся показать своим людям, что это происходило благодаря ему. На самом деле англичане сами, причем с немалым облегчением, передавали Абдур Рахману контроль над Кабулом. Кроме того, произошли два события, ускоривших необходимость быстрого отхода.

Одно из них — смена правительства в Британии. Тори в значительной степени из-за своей позиции в афганском кризисе потерпели полное фиаско, а к власти после шести лет пребывания в оппозиции вернулись либералы Гладстона. Лорд Литтон, которого вице-королем назначил Дизраэли, ушел, сопровождаемый уничижительной критикой Гладстона, и был заменен лордом Рипоном, бывшим лордом-президентом Совета Индии. Решение эвакуировать войска было принято как раз перед отставкой правительства тори, но либералы дали торжественное обещание полностью отказаться от «наступательной политики» Дизраэли. Гладстон верил в русскую угрозу Индии, которая на самом деле была преувеличена, несмотря на обличающие на первый взгляд доказательства махинаций Кауфмана, обнаруженные Робертсом в Кабуле. Но «наступательная политика», по убеждению Гладстона, просто спровоцирована русскими, которые паникуют ничуть не меньше. Он также отказался публиковать подробности секретной переписки Кауфмана с Шер Али или подписанного ими соглашения, чтобы не создавать лишних проблем в то время, когда англо-российские отношения временно стабилизировались. Когда годом позже их наконец опубликовали в газете тори «Стандарт», они уже утратили значительную часть своего воздействия.

Другой, гораздо более неотложной причиной отхода Робертса и его войск из Кабула было ужасное известие, пришедшее из Кандагара через шесть дней после того, как Абдур Рахмана провозгласили эмиром. Беспорядки начались в Герате, где правил Аюб Хан, кузен Абдур Рахмана и его конкурент в борьбе за трон. Объявленной целью Аюб Хана было преследование неверных, изгнание британцев из Афганистана, а затем захват у кузена трона. В конце июня 1880 года Аюб Хан в сопровождении 8-тысячной армии, пехоты и артиллерии, собирая по мере продвижения подкрепления, направляется к Кандагару, где стоял небольшой британский гарнизон. Когда известие о неожиданном походе достигло Кандагара, на запад был поспешно брошен отряд из 2500 британцев и индусов, чтобы эту армию остановить. Однако по скудным и противоречивым сведениям представление о реальных силах Аюб Хана было составлено неверное. Никто не знал о наличии у него современной артиллерии. Еще хуже было то, что местные афганские отряды, возможно, даже лояльные к Абдур Рахману, которые были посланы для помощи британским частям, стали переходить на сторону наступавшего врага, и численность армии Аюб Хана возросла по крайней мере до 20 000 человек. Столкновение произошло у крошечной грязной деревеньки Мейванд, на открытой равнине в сорока милях к западу от Кандагара. Командующий британскими силами бригадный генерал Джордж Берроуз имел приказ вступить в сражение с войсками Аюб Хана, только «если сочтет себя достаточно сильным для этого». Не зная сил врага, но уверенный, что британские части с помощью превосходящей тактики и лучшего оружия всегда способны разгромить гораздо большую афганскую армию, он решил атаковать. Когда генерал понял свою ошибку, оказалось слишком поздно. Результатом стало одно из самых позорных поражений, когда-либо понесенных британцами в Азии. Аюб Хан был талантливым военачальником, достаточно сведущим в современной войне. В отличие от Берроуза он был закален многочисленными сражениями и прекрасно использовал этот опыт. В частности, еще до начала боя поспешил занять господствующие высоты. Его артиллеристы были так хорошо обучены, что британцы впоследствии утверждали, будто среди канониров были русские.

Несмотря на стесненность в маневре, нехватку боеприпасов, численное превосходство противника, его хитрость и коварство, измученные жарой и жаждой британские и индийские войска тем не менее сражались великолепно. Часто схватка переходила врукопашную. Бородатые афганцы бросались на британские штыки; ряд атак пришлось отбивать камнями, поскольку кончались боеприпасы. Наконец бойцам был дан приказ под прикрытием темноты отступать к Кандагару. К тому времени, когда разрозненные остатки войск добрались до

Кандагара и сообщили гарнизону ужасные новости, Берроуз потерял почти тысячу своих солдат, правда, на равнине вокруг Мейванда осталось почти впятеро больше мертвых или умирающих врагов. Захоронив своих собственных мертвых и оставив трупы британцев стервятникам, Аюб Хан занялся сбором данных о Кандагаре. Гарнизон немедленно начал готовиться к осаде. Для начала, чтобы избежать риска предательства изнутри, был сделан решительный шаг — высланы из города все афганцы-мужчины, способные держать оружие. Всего приказали уйти более чем 12 000 человек, многим — под угрозой оружия трехтысячного гарнизона. Все силы гарнизона перевели в цитадель и приготовились противостоять осаде победившего и значительно превосходящего в силах врага.

В Индии первым узнал о катастрофе телеграфист в Симле, который получил срочный сигнал тревоги. Чуть позже поступили мрачные новости из Кандагара. «Полное поражение и разгром сил генерала Берроуза. Большие потери среди офицеров и рядовых». Окончательный список убитых еще не известен, добавлялось в сообщении, поскольку все еще возвращались мелкие группы уцелевших. Когда известие о поражении достигло Кабула, первые британские части уже начали отбывать в Индию. Эвакуацию немедленно приостановили. Со времени победы генерала Робертса гарнизон был значительно укреплен; решено было сразу же послать Робертса во главе десятитысячной армии с заданием уничтожить армию Аюб Хана и освободить Кандагар. Ожидалось, что на 300-мильный вынужденный марш понадобится месяц: ведь все запасы придется нести с собой, а маршрут проходил через суровую и враждебную территорию. Фактически этот переход стал одним из самых быстрых маршей в военной истории. Все силы, включая пехоту, конницу, артиллерию (снабженную осветительными снарядами), полевые госпитали, боеприпасы и даже отары овец, добрались до осажденного города за двадцать дней.

Услышав, что мстить за британское поражение направляется ужасный Робертс, Аюб Хан испугался и отошел с позиций возле Кандагара. Он даже послал Робертсу письмо, уверяя генерала, что в Мейванде британцы сами его вынудили их атаковать и что дело может быть решено полюбовно между ним и британцами, с которыми он якобы желал жить в дружбе. Но Робертс не принял его всерьез. За нескольких часов по прибытии в Кандагар он разведал новые афганские позиции на холмах к западу от города и на следующее утро их атаковал. На сей раз, как свидетельствовали цифры, силы обеих сторон были примерно равны, хотя афганцы обладали значительным превосходством в артиллерии. Вначале отряды Аюб Хана яростно сопротивлялись, ураганным огнем поливая британские позиции сверху. Скоро, однако, штыки 72-го шотландского полка и кривые тесаки 2-го полка гуркхских стрелков начали делать свое дело. Ко времени ланча вся афганская артиллерия перешла в руки Робертса. С темнотой сражение было прекращено. Британские потери составили всего 35 убитых, в то время как афганцы оставили на поле битвы более 600 трупов; многих взяли в плен, и очень многие обратились в бегство. Роберте, даже ослабленный болезнью, командовал всей операцией, сидя в седле, изредка прихлебывая шампанское, чтобы поддержать силы.

Благодаря двум блестящим победам Робертса британский военный престиж в Центральной Азии теперь был восстановлен. На троне в Кабуле сидел сильный и дружелюбный правитель. Выполнению решения правительства об эвакуации из Афганистана мешало только одно препятствие: спорный вопрос о Кандагаре. Поскольку дорога от Герата до перевала Болан была доступна для кавалерии, многие убеждали, что эвакуировать его не следует, потому как только британский гарнизон уйдет, там начнут орудовать российские агенты. Единого мнения не было даже среди военных, хотя все соглашались, что Кандагар должен быть немедленно занят снова, если русские захватят Герат. В конце концов правительство решило предложить Кандагар Абдур Рахману на том основании, что, чем меньше британцы будут вмешиваться в дела Афганистана, тем меньше там будет враждебности к ним; и у афганцев, которые лучше узнали британцев, будет больше оснований сопротивляться русским. Но Абдур Рахман медлил с принятием британского предложения, и в результате Кандагар захватил его кузен Аюб Хан, едва британцы успели его освободить. Впрочем, удержал он его ненадолго. Абдур Рахман повел на Кандагар свои войска и отнял у конкурента сначала его, а потом и Герат. Соперник бежал в Персию. Эти две победы сделали Абдур Рахмана хозяином фактически всего Афганистана.

Британцы успешно и полностью уничтожили российское влияние в Кабуле и наконец превратили Афганистан в разумно устойчивое и цельное буферное государство под дружественным управлением. Но почитать на лаврах слишком долго им не позволили. Лондон решительно отказался от «наступательной политики» в Центральной Азии, но вот Санкт-Петербург не смог. Через несколько недель последние британские отряды покинули Афганистан, а вот русские все наступали и наступали...

30. Последний оплот туркмен

Если бы утром 1 октября 1880 года кто-то пересекал пустыню в Центральной Персии к востоку от Исфахана, он мог бы случайно наткнуться на любопытное зрелище. В уединенном, Богом забытом месте европеец явно военного вида и выправки раздевался и напяливал на себя наряд армянского торговца лошадьми. На нем были такой же традиционный длинный стеганный халат и черная шапка из овчины, как и на двоих молча наблюдавших за ним спутниках. Они были одеты точно так же, с той лишь разницей, что это были подлинные армяне, в то время как он — британский офицер. Подполковник Чарльз Стюарт из 5-го пенджабского пехотного полка, вырядившись подобным образом, готовился отправиться на отдаленный участок северо-восточной границы Персии. Оттуда он собирался наблюдать за передвижениями российских войск в пустынных районах на севере Туркмении, где расположен большой оазис Мерв, с древних времен известный как «Королева мира».

За несколько месяцев до того в Индии получили сведения, указывавшие на вероятность крупной военной инициативы русских в районе к востоку от Каспийского моря — в Транскаспии (Закаспии. — *Ред.*), как называли его географы. Для англичан не было тайной, что в Красноводске готовились мощные силы под командованием выдающегося генерала Михаила Скобелева, одного из самых видных и ярких полководцев, прославившегося в ходе недавней войны с Турцией. Солдаты прозвали Скобелева «Белым генералом», потому что он неизменно выезжал на сражение в великолепном белом мундире и на белом боевом коне.

Еще он имел репутацию человека безжалостного и жестокого, за что заработал у туркмен прозвище «Старые кровавые глаза». В ходе войны отважный командир лично провел множество тайных рейдов в турецком тылу и даже тайно посещал Константинополь.

Присутствие Скобелева в этом стратегически чувствительном регионе стало причиной немалого беспокойства ответственных за оборону Индии: ведь именно он разработал генеральный план вторжения во время англо-русского кризиса 1878 года. Подобно любому другому русскому военному, Скобелев был горько разочарован, когда план отменили, и все еще мечтал изгнать англичан из Индии. Теперь с полного благословения царя он предлагал марш на восток. «Где же он остановится?» — спрашивали себя руководители британской обороны. Чтобы еще больше осложнить им задачу, маршрут движения сил Скобелева пролегал по одному из наиболее недоступных и наименее населенных мест на земле. Проходили дни, если не недели, прежде чем новости относительно продвижения русских достигали ближайшей британской заставы. Могло случиться так, как уже неоднократно случалось прежде, что первые известия об этом будут получены из санкт-петербургских газет... Напрашивалось решение послать британского офицера в те места, где капитан Нейпир некогда имел возможность убедиться, что туркмены дружески воспримут всех, кто выступает против русских. Однако после отказа от «наступательной политики» позиция Лондона переменялась. Любая британская активность в регионе могла бы дать русским повод, столь необходимый им для захвата Мерва. Провокации следовало избегать любой ценой.

Запрещения британским офицерам и политикам путешествовать в чувствительных регионах не были в Большой Игре новинкой; как реально можно было запретить частные инициативы таких смельчаков, как Муркрофт, Хейуорд, Шоу, Барнаби и других? Кроме напоминаний о возможном изъятии официального недовольства или предписания о высылке, как это было с Барнаби, реальных средств остановить их не было. Их действия при необходимости можно было официально дезавуировать, но сведения, которые они привозили из «свободной охоты» или других столь же тонко замаскированных предприятий, принимались военными, как правило, весьма доброжелательно. Был ли прямо или косвенно одобрен поход

подполковника Стюарта или, возможно, даже больше чем одобрен, в старых бумагах Лондонской Индийской библиотеки не говорится. Как признает сам Стюарт, отчасти *цель* его маскировки состояла в том, чтобы предупредить разоблачение британскими дипломатами в Тегеране; те сделали бы все, что в их силах, чтобы его остановить. Такова характерная картина бесконечной войны между Министерством иностранных дел, традиционно оппозиционным по отношению к «наступательной политике», и военными, заикленными на противостоянии «проискам» Санкт-Петербурга. Весьма похожий конфликт существовал между российским Министерством иностранных дел и царскими генералами, особенно «ястребами» из Ташкента и Тифлиса.

25 ноября Стюарт прибыл в отдаленный пограничный город Махомадабад, который должен был стать его наблюдательным постом. Персидскому губернатору он представился армянином из Калькутты, который прибыл закупить в этих местах знаменитых туркменских лошадей. Под прикрытием этой легенды он начал с осмотра и покупки коней на собственном конезаводе губернатора. Одновременно он приобретал друзей и завязывал знакомства на базаре, чтобы, не вызывая подозрения, узнавать от торговцев и прочих местных путешественников, которые прибывали и уходили почти ежедневно, о том, что происходило за границей. Но наблюдение за передвижениями генерала Скобелева в Южном Транскаспии не было единственной целью подполковника Стюарта. Когда он пробыл в Махомадабаде нескольких недель, то, к своему удивлению, узнал, что в город прибыл другой англичанин. Как оказалось, им был Эдмунд О'Донован, специальный корреспондент «Дейли Ньюс», безрассудный очевидец начала кампании против туркмен. Первоначально он намеревался сопровождать отряды Скобелева, но этому воспротивился сам генерал. Теперь он хотел добраться до туркменской цитадели Геок Тепе прежде, чем русские начнут ее штурм, который казался неизбежным. После месячной подготовки началось большое наступление войск Скобелева. О'Донован, задержавшийся с отъездом из-за чинимых персами препятствий и собственной болезни, вел в Махомадабаде переговоры со знакомыми туркменами насчет безопасности своей поездки в Геок-Тепе.

Хотя в течение последних трех недель Стюарт видел О'Донована почти ежедневно, он решил не раскрывать своего истинного лица. Его маскировка оказалась чрезвычайно убедительной — весьма проникательный О'Донован даже похвалил его прекрасный английский. На это Стюарт ответил весьма находчиво: «Калькуттские армяне получают очень хорошее образование». Только перед расставанием он все рассказал земляку, который отказывался верить, пока не увидел его паспорт. В последующем отчете О'Донована о его приключениях «Оазис Мерва: путешествия и приключения к востоку от Каспия» он всецело признает совершенство маскировки Стюарта. Наконец в январе 1881 года О'Донован получил приглашение посетить Геок-Тепе. Туркменские вожди, которые поначалу совершенно правильно думали, что он — простой корреспондент английской газеты, теперь склонились к мысли, что он — посланник британского правительства и может им помочь. О'Донован поспешил пересечь границу, надеясь добраться до Геок-Тепе раньше Скобелева. Но приглашение запоздало: русские уже окружили крепость и начали ее обстрел. Англичанин прибыл как раз вовремя, чтобы собственными глазами увидеть в бинокль с вершины близлежащего холма поспешное бегство охваченных паникой побежденных туркмен и услышать рассказы оставшихся в живых о безжалостной и мстительной резне, устроенной по приказу Скобелева. Российские войска не забыли оскорбительного для них предыдущего поражения от защитников Геок-Тепе.

Все это дало О'Доновану богатый материал для длинного и яркого репортажа о падении крепости в пустыне, который должен был вызвать в Европе большой шум. За массивными стенами Геок-Тепе находилось 10 000 туркмен, большая часть их конницы, а также почти 40 000 гражданских жителей. У Скобелева были 7000 пехоты, конница, 60 пушек и батареи ракет. Поначалу сопротивление было жестоким и решительным, русские оказались под яростным огнем с крепостных стен. Оборонительные сооружения были отлично укреплены; кроме того, со времени прошлой попытки русских штурмовать их дополнительно укрепили под руководством туркмен, изучивших русские крепости в Каспийском регионе. Хотя артиллерия и ракеты Скобелева производили внутри крепости кошмарное опустошение, они не смогли

серьезно повредить стены. Опасаясь, что, если осада затянется, к туркменам могут прибыть подкрепления, Скобелев принял радикальное решение. Он приказал саперам рыть подкоп под стену, которую предстояло подорвать и таким образом разрушить оборону. Чтобы ускорить работу, генерал каждый день у входа в туннель засекал время работы команд. Если рыли быстро, офицер, отвечающий за работу, награждался водкой и шампанским и получал поздравления. Если рыли слишком медленно, офицер получал взбучку перед своими подчиненными.

К 17 января, пока наверху продолжался жестокий бой, саперы незаметно подобрались к стенам на двадцать пять ярдов. Продвижение их стало замедляться из-за трудностей в снабжении землякопов воздухом, однако в конце концов туннель был готов. Две тонны взрывчатки были доставлены по нему добровольцами точно под стены. Мину подорвали около полудня 24 января, причем войска в полной готовности ждали команды на штурм. Одновременно на ту же часть стены обрушилась вся мощь артиллерии и ракетных батарей Скобелева. Результатом стал огромный взрыв, который поднял ввысь гигантский столб земли и щебня. Взрыв и огонь артиллерии пробили в стене брешь шириной почти пятьдесят ярдов, мгновенно уничтожив несколько сотен защитников. Русские штурмовые отряды тотчас ворвались в крепость; еще в нескольких местах, используя складные лестницы, поднесенные предыдущей ночью под покровом темноты, солдаты Скобелева вскарабкались на стены. Захват крепости сопровождался свирепой рукопашной схваткой. Не готовые к внезапному появлению русских внутри крепости и все еще ошеломленные силой взрыва, туркмены начали отступать. Вскоре это превратилось в безумное бегство: защитники бежали через пустыню, сопровождаемые тысячами испуганных мирных жителей, и всех их яростно преследовала конница Скобелева.

Именно тогда началась настоящая резня: победители мстили туркменам за свое предыдущее поражение. Никто не щадил ни маленьких детей, ни стариков. Всех беспощадно рубили российские сабли. Всего погибло, как считают, 8000 беглецов. Еще 6500 тел лежали непосредственно внутри крепости. «Все вокруг было завалено трупами, — с чувством сообщал позднее армянский переводчик своему британскому другу. — Я сам видел младенцев, заколотых штыками или порубленных на куски. Многих женщин перед смертью изнасиловали. В течение трех дней, — рассказывал он, — Скобелев позволял своим войскам, среди которых было много пьяных, насиловать, грабить и резать». В оправдание этого генерал впоследствии заявлял: «Я придерживаюсь того принципа, что продолжительность мира находится в прямой зависимости от резни, которую вы устраиваете врагу. Чем сильнее вы на них давите, тем дольше они сидят тихо». Это, утверждал он, куда более эффективный метод умиротворения неприятных соседей, чем традиционный британский, использованный Робертсом в Кабуле: публичное повешение главарей порождает только ненависть, а не страх. Конечно, туркмены, которые в течение почти двух столетий грабили российские караваны, нападали на их пограничные посты и обращали подданных царя в рабство, больше не должны были становиться источником неприятностей... Собственные потери Скобелева составили 268 убитых и 669 раненых. Среди погибших оказались генерал, два полковника, майор и десять младших офицеров. Сорок офицеров были ранены. Неофициальные источники считают, что потери Скобелева были больше, и утверждают, что русские всегда преуменьшали собственные потери и преувеличивали их у врага.

Что касается таинственного полковника Стюарта, то он поспешно покинул Махомадабад, свою резидентуру на границе, едва до него дошли известия о падении Геок-Тепе. Узнав новость первым, он поспешил передать ее в британскую миссию в Тегеране. Даже если его поездка на границу не была санкционирована, теперь он мог чувствовать себя совершенно спокойно: Министерству иностранных дел слишком поздно было что-либо предпринимать, когда он уже находился на пути домой. Действительно, в Тегеране он посетил британскую миссию, где информировал посла, которого прежде так старательно избегал. В опубликованных много лет спустя заметках о событиях той поры, озаглавленных «По Персии под чужой личиной», Стюарт чрезвычайно осмотрительно пишет о том, что он действительно пережил в этом взрывоопасном краю, путешествуя под видом армянского торговца лошадами. Архив миссии, находящийся в настоящее время в Лондонской Индийской библиотеке, не содержит дополнительных сведений

об этом. Несомненно лишь одно: его тайная и запрещенная (если это действительно было так) деятельность не повредила его карьере. Через несколько месяцев он вернулся на персидскую границу, на этот раз как сотрудник миссии, должность которого носила расплывчатое название «особый уполномоченный».

Победитель при Геок-Тепе генерал Скобелев оказался менее удачлив. В ответ на протест Европы по поводу резни невинных туркмен царь вынужден был снять его с должности и отправить в Минск — не такое уж захолустье, но боевому генералу делать там было нечего. Официально это было сделано для того, чтобы успокоить европейское общественное мнение. Однако, по утверждению некоторых, на самом деле это стало замаскированной отставкой. Санкт-Петербургу не нравилось, что Скобелев страдает манией величия и явно выказывает политические амбиции. Он, например, даже предложил канцлеру Германии Бисмарку, которого поносил как самого большого противника России, драться с ним перед их армиями на дуэли до смертельного исхода. Скобелева, который познал успех, определенно хотели поставить на место. Генерал, которому не было и сорока, потерял все шансы на дальнейший триумф, а ведь он только ради него и жил. Его стали преследовать кошмары о смерти в постели, а не на поле битвы. Через год после победы при Геок-Тепе его кошмар осуществился: генерал скончался от сердечного приступа, случившегося, как шептались, во время посещения московского борделя.

Захват Геок-Тепе сам по себе не вызвал неуместной тревоги ни в Лондоне, ни в Калькутте (кроме, конечно, русофобов). Эта крепость с глинобитными стенами ни для кого не представляла большого стратегического значения. Кроме того, ее захват не стал полной неожиданностью. Считалось, что «туркмены, которые сами были ответственны за превеликие человеческие страдания, получили по заслугам», хотя последующая резня их жен и дочерей была осуждена всеми как отвратительная и ненужная. Что действительно беспокоило британцев, так это вопрос: двинутся ли русские теперь на восток, к Мерву, откуда очень легко было осуществить бросок в Афганистан и занять Герат? Санкт-Петербург, еще не готовый к дальнейшей экспансии, прекрасно знал об этих британских опасениях и беспокоился, как бы Лондон не принял решения о превентивном ударе, о захвате Герата и, как требовали некоторые «ястребы», возможно, даже Мерва. Чтобы рассеять эти британские опасения, Санкт-Петербург дал ряд гарантий, что не имеет никаких дальнейших планов в Транскаспии и, конечно, никаких намерений расположиться в районе Мерва. «Мы не только не хотим идти туда, — объявил представитель царского министра иностранных дел Николай Гирс, — но и счастливы, что нет ничего, способного принудить нас туда пойти». К тому же в личном письме британскому послу лорду Дафферину царь Александр добавил свою собственную торжественную гарантию: сообщил, что дал указ об окончательном прекращении экспансии. Откуда англичанам было знать, что очень скоро Александр погибнет — будет взорван бомбой террориста, когда он будет возвращаться в Зимний дворец со смотра своих войск.

* * *

Надежды на то, что русские смогут наконец отказаться от своей экспансионистской политики в Центральной Азии, как это сделали британцы, окрепли после двух явно примирительных шагов, сделанных ими в это время. Один состоял в мирном урегулировании большей части прежде недемаркированной границы с Персией, простиравшейся от Каспийского моря до пункта далеко к востоку от Геок-Тепе, хотя восточнее граница все еще оставалась открытой. Здесь располагался Мерв, номинально принадлежащий Персии, но теперь оказавшийся в руках туркмен.

Другим российским шагом, по общему признанию, выполненным с большим нежеланием, был уход из Кульджи, к северо-востоку от Кашгара, ее возвращение под китайское правление. Кроме случая с продажей в 1867 году за 7 миллионов долларов Аляски Соединенным Штатам (после того, как Санкт-Петербург принял это решение, оправдывать его экономической выгодой стало трудновато), русские никогда и нигде не спускали свой флаг. Город Кульджа и его окрестности, как известно, были захвачены Россией десять лет назад, чтобы предотвратить (так по крайней мере в то время утверждал Санкт-Петербург) ее переход в руки Якуб Бека. Этому существовало известное оправдание, поскольку Кульджа, или Или, как называли ее

китайцы, контролировала важный стратегический путь, ведущий на север, в Россию. Теперь, когда Пекин сам отнял у Якуб Бека контроль над Синьцзяном, репутация Санкт-Петербурга пострадала из-за невыполнения им собственных прежних гарантий, в результате разгорелся долгий и ожесточенный дипломатический конфликт.

Наконец весной 1880 года китайцы стали угрожать вернуть Кульджу силой и направили для этого свою армию. Русские в тот момент не имели ни желания, ни возможностей затевать войну с Китаем и в соответствии со своей старой политикой максимального приобретения при минимальном риске уступили, заодно обвиняя британцев в том, что те стали причиной неожиданной воинственности Пекина. Согласно соглашению, которое Санкт-Петербург подписал на следующий год, русские согласились вернуть Кульджу при условии сохранения контроля над небольшой территорией к западу от города и получения от китайцев значительных компенсаций «оккупационных затрат» на охрану этой территории. Для русских отступление под угрозой азиатской силы было беспрецедентным. «Китай, — заявил лорд Дафферин, — заставил Россию сделать то, чего она никогда не сделала бы прежде, — извергнуть территорию, которую однажды поглотила».

Но если все это рассматривалось Гладстоном и его кабинетом как залог будущих добрых намерений Санкт-Петербурга в Центральной Азии, то скоро наступило протрезвление. Несмотря на торжественные обещания по отношению Мерва, вскоре в строжайшей тайне стали появляться планы его аннексии. Среди приглашенных на коронацию Александра III, вступившего на престол после убийства отца, оказалось множество туркменских старейшин из Мерва. Цель приглашения состояла в том, чтобы напомнить им о военной мощи России и убедить, что любое дальнейшее сопротивление бесполезно. Это сработало. Пораженные великолепием и пышностью события, зрелищем многочисленных войсковых соединений и артиллерии, туркмены вернулись домой, в свою последнюю цитадель Мерв, убежденные, что выступить против армий царя — безумие. В это же время туземные агенты распространяли по окрестным городам и селениям слухи, что англичане оставили Афганистан по приказу царя. Никто на земле, говорили они, даже королева Виктория, не смел игнорировать желаний царя. Любые надежды туркмен на приход англичан к ним на помощь напрасны.

Сея таким образом семена сомнения среди туркмен, русские затем решили послать в Мерв шпиона, чтобы попытаться изучить настроения на месте. Была надежда, что, все еще помня о Геок-Тепе, туркмены больше не станут сражаться, а безропотно покорятся, оказавшись лицом к лицу с российскими войсками. Но в том случае, если они все же решатся на сопротивление, тщательное изучение обороны Мерва будет очень кстати. Это весьма опасное предприятие в классической манере Большой Игры требовало от исполнителя исключительной храбрости. Однако под рукой оказалась идеальная кандидатура — лейтенант Алиханов.

* * *

В феврале 1882 года загруженный товарами туркменский караван приближался к Мерву с запада. Возглавлял его видный туземный торговец, тайно симпатизирующий русским. Полдюжины вооруженных всадников, все туркмены, сопровождали караван. Еще двое людей, оба с виду туземные торговцы, ехали немного в стороне. В действительности это были российские офицеры. Старшим из них был Алиханов, а компаньоном — молодой казачий есаул, который вызвался его сопровождать. Алиханов был мусульманином из аристократического кавказского рода, многократно отличался доблестью на полях сражений. Он дослужился до майора и состоял при штабе Великого князя Михаила, наместника Кавказа. Вспыльчивый, как многие кавказцы, он вызвал на дуэль и убил высокопоставленного чиновника. Суд чести разжаловал его в рядовые. Постепенно он искупил вину своей храбростью и умением и был снова произведен в лейтенанты. Алиханов знал, что в случае удачного выполнения этого задания ему почти наверняка вернут прежний чин.

Караван вступил в Мерв ночью, чтобы их с компаньоном не слишком рассматривали. В городе было много туркменских старейшин, уже благосклонных к влиянию русских и одобрявших присоединение Мерва к империи. Они были тайно предупреждены о прибытии Алиханова. Приветствовав его и его спутника-казака, они решили следующим утром объявить,

что два российских торговца прибыли в Мерв с намерением наладить регулярные поставки товаров на местные базары караванами из ближайшего российского поселения — Ашхабада. Разумеется, вариант был рискованный, но, как считал Алиханов, единственно возможный.

Весть об их присутствии в городе вызвала сенсацию, была срочно созвана встреча всех туркменских старейшин и знати. Алиханову со спутником было велено предстать перед ними в большой палатке совета. Именно здесь оказалась бесценная принадлежность Алиханова к мусульманству. Именно это привело к тому, что большинство туркменских старейшин приняли щедрые российские дары, привезенные специально для этой цели. И тогда Алиханов обратился к ним со страстной речью, красноречиво объяснив цель своего прибытия и испрашивая разрешения предложить свои товары городским торговцам.

Когда один из старейшин заявил, что предложения сначала должны обсудить между собой власти, Алиханов резко возразил.

— Вы хотите, чтобы мы вернулись домой? — презрительно спросил он. — Мы не так уж нуждаемся в деловых связях с вами и не можем тратить впустую время, мотаясь туда-сюда. Если сейчас мы уйдем, больше вы нас никогда не увидите.

Это была смелая стратегия, если не рискованная, но по реакции старейшин Алиханов увидел, что она сработала. Он вынудил их к обороне. Продолжая натиск, он спросил:

— Вы собираете совет каждый раз, когда прибывает караван, или поступаете так только ради русских?

Последовала длительная пауза. Потом один из вождей заговорил.

— Пустыня между Мервом и ближайшими российскими поселениями во власти совершенно неуправляемых бандитов, — сказал он. — Мы не хотим, чтобы что-нибудь случилось с торговцами великого российского царя.

Алиханов ответил, что вооруженные эскорты, сопровождающие российские караваны, дадут отпор любым разбойникам, у которых хватит глупости на них напасть. Все, что нужно Санкт-Петербургу, — это гарантия безопасности в самом Мерве. Аргументы туркмен на том и исчерпались. Заметив, что среди старейшин нет единства, Алиханов решил до конца использовать свое преимущество.

— Если нашей торговле помешают, — сказал он, — мы немедленно упакуем свои товары и уедем. И кто может знать, как новый царь, который в настоящее время к туркменам весьма расположен, отнесется к известию о подобном отказе? Он лично думает, что царь будет очень возмущен...

Это было уже слишком для старейшин, прекрасно помнивших разгром под Геок-Тепе. Последовало горячее обсуждение, после которого Алиханову сказали, что ему всегда рады и что он может продавать свои товары и, если пожелает, хоть навсегда остаться в Мерве.

— На все воля Аллаха, — рассмеялся Алиханов, боясь показаться неблагодарным. — Двух или трех дней будет достаточно, чтобы понять, хорошо ли пойдет торговля.

Они оставались в Мерве две недели — вполне достаточно, чтобы Алиханов и его товарищ-казак, прогуливаясь ежедневно рано утром, когда большинство туркмен еще спят, произвели осторожный осмотр оборонительных сооружений города. Наконец, когда караван отбыл домой, он двигался по другой дороге, не по той, которой прибыл, и ее тоже нанесли на карту.

Теперь Алиханову поручили подготовку к аннексии Мерва, желательной мирной. Он знал, что многие туркменские вожди все еще оставались крайне враждебными к России и яростно противились подчинению власти царя. Согласие на продажу российских товаров — это одно, капитуляция — совсем другое. Умело используя агентуру и личные контакты, установленные во время пребывания в Мерве, Алиханов продолжал интриговать против антироссийской фракции среди туркменских старейшин. Постепенно это подорвало их влияние. Наконец в феврале 1884 года Алиханов сообщил, что все готово. Момент складывался удачный: британское правительство тогда столкнулось с серьезными проблемами в Судане, где вспыхнула «священная война». Меньше всего сейчас Гладстона занимала борьба с Россией в Центральной Азии, и об этом в Санкт-Петербурге сразу догадались.

Первым шагом русских стал захват оазиса Теджент в восьмидесяти милях к западу от Мерва. Однажды он уже состоялся, но вскоре русские отошли сами, поэтому туркмены не

встревожились, узнав об этом. В конце концов со времени падения Геок-Тепе не было никаких оснований ожидать от русских неприятностей, если соблюдать осторожность, не нападать на их караваны и не давать ни малейшего повода для начала войны. Впервые они поняли, что что-то происходит не так, когда Алиханов, которого они считали российским торговцем, появился у городских ворот в мундире российской императорской армии и в сопровождении эскадрона казаков. С ним прибыло множество туркменских вождей и знати, которые уже покорились и принесли присягу на верность царю. Собрав всех старейшин города, Алиханов посоветовал им сразу сдаться. Он объяснил, что подразделение, в настоящее время занимающее Теджент, откуда он только что прибыл, — просто авангард большой, вооруженной мощной артиллерией российской армии, которая уже в пути. Если они согласятся стать подданными царя, уверял он, то вопрос о размещении в Мерве русского гарнизона ставиться не будет. Самое большее, сюда назначат губернатора, несколько его помощников и охрану. В противном случае все произойдет, как уже бывало прежде, например в Геок-Тепе... Кое-кто из туркмен настаивал на сопротивлении, но большинство к тому времени утратили всякое желание бороться. В других регионах племена уже покорились и помочь не могли, англичан несколько не интересовали их проблемы, а страх перед русскими был слишком велик. После мучительных дебатов прежде гордые туркмены — повелители Транскаспия — согласились сдать свою столицу и подчиниться власти Санкт-Петербурга.

Телеграфируя новости царю Александру III, губернатор Транскаспия сообщал:

«Имею честь доложить Вашему Величеству, что ханы четырех племен мервских туркмен, каждое в 2 тысячи шатров, сегодня официально принесли присягу на верность Вашему Величеству. Они сделали это, — добавлял он, — сознавая неспособность управлять самим и в убеждении, что только мощная власть Вашего Величества может обеспечить Мерву порядок и процветание».

Вскоре войсковая колонна из Теджента вошла в Мерв и заняла главную крепость. Благодаря смелой и не слишком щепетильной дипломатии Алиханова российская победа была совершенно бескровной и почти ничего не стоила. По личному распоряжению царя Алиханову немедленно вернули чин майора, награды, отнятые у него трибуналом, вновь засияли на его мундире. Вскоре Алиханов получил чин полковника, а со временем стал губернатором города, который фактически своими руками преподнес царю и родине.

На следующий день после того, как об успехе доложили Александру, то есть 15 февраля, новость относительно падения Мерва британскому послу почти что мимоходом сообщил Николай Гирс, ставший к тому времени министром иностранных дел. Британцы прекрасно понимали, что Санкт-Петербург, несмотря на его неоднократные заверения, обманул их по всем статьям. Еще раз русские поставили на либералов Гладстона, не идущих дальше общепринятых протестов даже перед лицом совершившегося факта. Нельзя сказать, что новость застала чрезвычайно занятое грандиозным кризисом в Судане британское правительство совсем уж врасплох. Еще год назад министр иностранных дел лорд Гренвилл извещал королеву Викторию, что русские «продвигаются и прощупывают пути к границе Афганистана». Всего за месяц до сдачи Мерва высокопоставленный чиновник Министерства иностранных дел предупредил, что восстание в Судане «идет на пользу русским, поскольку это на руку любому врагу нашей страны».

Капитуляция Мерва стала для русофобов почти таким же триумфом, как и для самих русских, поскольку точно соответствовала их прогнозу. Генерал Робертс, вскоре ставший главнокомандующим индийской армией, оценил действия России как «самый важный шаг, когда-либо совершенный Россией на ее пути к Индии». «Недолго осталось ждать того момента, — предупредил он „ястребов“, — когда казаки будут купать своих лошадей в водах Инда». Даже правительство вынуждено было признать, что захват Россией Мерва представляет большую угрозу Индии, чем прежние аннексии Бухары, Хивы и Коканда. Если между покоренными ханствами и границами Индии лежали обширные горные хребты и пустыни, то на пути марша к Инду из Мерва через Герат и Кандагар не было никаких препятствий. Кроме того, теперь, когда были сокрушены племена Транскаспия, ничто не могло помешать царским армиям на Кавказе и в Туркестане действовать против Индии совместно, под единым командованием. Чтобы добавить британцам забот, русские начали строить железную дорогу в

восточном направлении — через Транскаспий к Мерву. Она надежно связывала гарнизонные города и оазисы Средней Азии; понятно, что после постройки ее можно было бы использовать для переброски войск в район афганской границы.

Терпению и доверчивости британского правительства пришел конец. Оно еще раз напомнило Санкт-Петербургу о нарушенных обещаниях и ложных гарантиях, которые предшествовали аннексии Мерва. В длинном меморандуме Министерство иностранных дел обвиняло русских в циничном игнорировании торжественных и многократных гарантий царя и его министров. Опустив вопрос о нарушенных обещаниях, русские ответили, что аннексия Мерва не была задумана заранее, и упорно утверждали, что произошло это по требованию самих туркмен, которые пожелали, во-первых, покончить с состоянием анархии, а во-вторых, наслаждаться благами цивилизации. Получив желаемое, Санкт-Петербург теперь позволил себе изобразить обеспокоенность по острому вопросу. Чтобы предотвратить возможность возникновения такой проблемы в будущем, он предложил встретиться в дружеской обстановке и договориться о постоянной границе между Северным Афганистаном и центральноазиатскими владениями России. Проигнорировав предупреждения, что русским доверять нельзя, кабинет решил, что любое урегулирование с Санкт-Петербургом лучше, чем ничего, и приветствовал это предложение. Как только договор будет официально согласован, любое нарушение границы со стороны России расценится как враждебный акт против Афганистана. Поскольку по соглашению с Абдур Рахманом Британия несла ответственность за внешнюю политику Афганистана, такой шаг будет эквивалентен враждебным действиям и против нее. Теперь русские — по крайней мере в этом был убежден кабинет — дважды хорошо подумают, прежде чем предпринять что-либо в отношении Герата.

После длительной официальной переписки со множеством скользких вопросов наконец решили, что представители обеих стран, известные как Совместная Афганская Пограничная Комиссия, 13 октября 1884 года встретятся в оазисе Саракс, расположенном в отдаленной и пустынной области к юго-западу от Мерва, где соприкасаются Афганистан, Персия и Транскаспий. Их задача состояла в том, чтобы по-научному и навсегда промаркировать границу, заменяя таким образом старый договор 1873 года, по которому линию границы просто провели по картам, и к тому же весьма приблизительно. Казалось, русские не слишком спешили начинать работу. Последовал ряд задержек, включая явно тактическую болезнь их главного специального уполномоченного генерала Зеленого. Затем настала мрачная центральноазиатская зима, воспрепятствовав — по крайней мере, по утверждениям русских, — генералу со свитой добраться до места раньше весны. Главный британский специальный уполномоченный генерал сэр Питер Ламсден умудрился прибыть на встречу вовремя и обнаружил, что там продолжается серьезная российская военная активность. Сразу стало ясно, как на самом деле обстоят дела. Что бы там ни решали в Санкт-Петербурге, русские военные были решительно настроены еще до начала работы комиссии отодвинуть свою южную границу с Афганистаном как можно ближе к Герату. Они верили, что с либералами у власти и в условиях, когда британские войска глубоко увязли в Судане, Лондон не захочет начать войну из-за ничтожных, ничего не стоящих территорий в пустыне на задворках Азии.

Но на этот раз русские быстро обнаружили, что недооценили противника.

31. На грани войны

Аннексия Россией Мерва и обманный маневр, позволивший ее осуществить, до предела возмутили британскую прессу. Новое поколение Вильсонов, Урквартов и Роулинсонов схватилось за перья. Предупреждение генерала Ламсдена, что русские снова пойдут в наступление, вскоре подтвердило сообщение британского военного атташе в Санкт-Петербурге о том, что царские генералы планируют под каким-нибудь предлогом захватить Герат — весной «или как только большая часть наших сил окажется связанной в Египте и Судане». В это время пришли известия, что генерал Гордон до смерти забит толпой фанатиков в двух шагах от резиденции в Хартуме. Это привело нацию в воинственное настроение. 1885 году суждено было стать одинаково урожайным и для «ястребов», убежденных, что их час пробил, и для литературы Большой Игры.

Из нового поколения комментаторов «наступательной школы» наиболее плодовитым был, вероятно, Чарльз Марвин, автор нескольких работ о российской угрозе, включая «Российское наступление на Индию» и «Русские в Мерве и Герате и их силы вторжения в Индию». Еще одна — «Разведывая Среднюю Азию» — подробно рассказывала о секретных миссиях и поездках российских офицеров в регионы, окружающие Британскую Индию. Марвин был корреспондентом лондонской газеты «Глоб» в Санкт-Петербурге и имел преимущество перед своими конкурентами благодаря хорошему знанию русского языка и личному знакомству со многими влиятельными царскими генералами. Литератор с простой и убедительной манерой изложения, он опубликовал в газетах множество статей о намерениях России относительно Средней Азии и о том, как лучше им противодействовать.

Впервые Марвин привлек внимание публики, не говоря уже о властях, в мае 1878 года, когда прославился в связи с утечкой информации из Уайтхолла. Это произошло во время Берлинского конгресса после русско-турецкой войны 1877 года, когда Марвин работал по совместительству в Министерстве иностранных дел и одновременно сотрудничал с «Глобом». Обнаружив, что правительство намеревалось замолчать подробности соглашений, заключенных между Британией и Россией, и не публиковать их в «Таймс», он решил передать материалы своей газете. Результатом стала мировая сенсация, хотя первоначальное сообщение правительство поспешило опровергнуть. Однако на следующий день «Глоб» опубликовал текст соглашений. Впоследствии Марвина как наиболее очевидного подозреваемого арестовали и обвинили в «хищении сверхсекретного документа». Когда обыск в его доме не выявил каких-либо подтверждающих это улик, его оправдали. Суд постановил, что, поступив подобным образом, он не нарушил никаких законов — на тот момент документ не являлся официальным секретным актом. Впоследствии выяснилось, что Марвин выучил полный текст и воспроизвел его по памяти. История эта отнюдь не повредила Марвину — через пять лет, еще в неполных тридцать, он стал наиболее читаемым из всех, кто в то время писал об англо-русских проблемах.

В примечательном для всех, кто интересовался российской угрозой, 1885 году Марвин издал не менее трех книг на эту тему. Одна была посвящена угрозе для Индии от новой Транскаспийской железной дороги. Другая — «Русские на пороге Герата» — была написана и издана в течение одной недели (показывая, что в «моментальной» книге нет ничего необычного). Подобно другим работам Марвина, она оказалась бестселлером, 65 тысяч экземпляров сразу разошлись. Вообще говоря, позиция Марвина непосредственно противостояла действиям нескольких британских правительств, особенно либеральных, создающих проблему своей бесхребетной и нерешительной политикой по отношению к Санкт-Петербургу. По поводу нынешней администрации Марвин говорил: «Кабинет г. Гладстона известен склонностью к уступкам, и Россия, прекрасно это знающая, ищет любой способ их заполучить». Другими появившимися в том году работами на тему Большой Игры стали книги Деметриуса Боулгера «Среднеазиатские вопросы», полковника Дж. Б. Мейлисона «Русско-афганский вопрос и вторжение в Индию» и Х. Сазерленда Эдвардса «Русские проекты против Индии» — если назвать только три. Кроме них выходили неисчислимые брошюры, статьи, обзоры и письма редактору тех или иных комментаторов, главным образом из числа русофобов.

Возможно, лучшим из известных авторов публикаций о российской опасности после Чарльза Марвина *был* не англичанин, а венгерский англофил-востоковед по имени Арминиус Вамбери, который отстаивал интересы Британии. За двадцать лет до описываемого времени, чтобы доказать мысль о том, что венгры произошли из Центральной Азии, он переоделся под нищего дервиша и предпринял долгую и смелую поездку по этому региону. Блестящий лингвист, уже говоривший по-арабски и по-турецки, он быстро осваивал местные языки, что позволило ему, оставаясь неразоблаченным, посетить Хиву, Самарканд и Бухару. В то время все они еще оставались независимыми, но, вернувшись в Будапешт, Вамбери уверял, что очень скоро они будут захвачены Россией. Увидев, что соотечественников мало интересуют проблемы Центральной Азии, Вамбери обратил свои взоры на Британию, надеясь, что там учтут его предупреждения, особенно насчет Индии. Когда в 1864 году он прибыл в Лондон, то обнаружил, что вести о его замечательных подвигах в Средней Азии шли впереди, и он

немедленно стал знаменитостью. Отпрыск бедной еврейской семьи был поражен тем, как все его принимали, включая принца Уэльского, Пальмерстона и Дизраэли. Хотя каждый хотел услышать о его приключениях в роли дервиша, в главном Вамбери потерпел неудачу. Тогда, с уходом сэра Генри Роулинсона, наступательная политика была не в почете, и Вамбери не смог убедить никого, кроме «ястребов», принять его предупреждения всерьез.

Вернувшись в Будапешт, где он стал в университете профессором турецкого, арабского и персидского языков, Вамбери принялся бомбардировать «Таймс» и прочие британские газеты письмами, в которых убеждал правительство занять более жесткую позицию по отношению к русским. И тут одно за другим пали среднеазиатские ханства, как никогда раньше приближая русских к конечной цели их экспансии — к Индии. Когда после падения Мерва не появилось никаких признаков того, что российское наступление остановилось, Вамбери ощутил, что его час пробил. Весной 1885 года он направился в Лондон с намерением изложить свои взгляды относительно амбиций Санкт-Петербурга по отношению к Индии. Он вновь стал популярен, но на сей раз его предупреждения звучали на многолюдных митингах, которые прошли по всей стране. Он получил так много приглашений, что вынужден был от большинства из них отказаться. Некий поклонник отдал в его распоряжение на время пребывания в Лондоне роскошную квартиру с поваром, слугами и винным погребом. Не единожды во время поездок доброжелатели, подписывавшиеся просто «поклонник» или «благодарный англичанин», запикивали в его вагон корзины дорогих деликатесов. После трех изнурительных, но триумфальных недель, за которые он повидал многих выдающихся людей того времени, Вамбери вернулся в Будапешт, чтобы работать над книгой под названием «Будущая борьба за Индию». Написанная за двадцать дней, книга содержала мало из того, что не было сказано им прежде. Но на сей раз и настроение, и момент были подходящими. Книга с привлекательной ярко-желтой обложкой быстро присоединилась к списку бестселлеров года вместе с самой последней работой Чарльза Марвина.

Большинство книг, наспех написанных после падения Мерва, ограничивались простой полемикой. Направленные на то, чтобы привлечь внимание публики к растущей русской угрозе, они основывались на аргументах и стратегическом мышлении, выработанных еще Киннейром, де Ласи Эвансом, Макнейлом и другими. По общему признанию, начиная с той поры русские все время продвигались к границе Индии. Однако никто из нового поколения аналитиков не имел ни малейшего личного опыта или знания военных аспектов ситуации. Даже Вамбери, некогда побывавший в этих местах, ничего не знал о современной стратегии или тактике. Полковник Мейлисон действительно служил в индийской армии, но после многих лет нестроевой службы долго пребывал в отставке и закончил свою карьеру опекуном молодого магараджи Майсура.

Лишь один аналитик действительно знал, о чем говорил, но экземпляров его книги — истинной энциклопедии Большой Игры — нельзя было достать ни за какие деньги. Ее автор, генерал-майор сэр Чарльз Макгрегор, обладал уникальными познаниями для того, чтобы исследовать российскую угрозу Индии во всех ее аспектах. Как генерал-квартирмейстер индийской армии, он был также главой ее недавно организованного разведывательного департамента. Мало того, что он был ветераном многочисленных кампаний на границе, он еще и много путешествовал по Афганистану и Северо-Восточной Персии, даже посещая Саракс. Ясно, что по работе он имел доступ к самым последним относящимся к Индии разведывательным данным, как военным, так и политическим. Если говорить о серьезном исследовании российской опасности, то сделал это именно Макгрегор, а не Марвин или Вамбери.

До назначения Макгрегора сбор военных сведений велся от случая к случаю и мало походил на хорошо организованную и эффективную российскую систему. Новый разведывательный отдел, основанный в Симле, был намного ближе к сфере российской деятельности, чем Калькутта, состоял сначала всего из пяти офицеров (два из которых были заняты только частично) и нескольких доверенных туземных клерков и картографов. Основной работой был сбор и оценка информации о дислокации и численности российских войск в Центральной Азии и их потенциальной угрозе Индии в случае войны. Они же занимались переводом на английский соответствующих русских книг, статей и других материалов.

Политические сведения по-прежнему собирали офицеры-пограничники, которые отправляли их в тыл, в политический департамент — настоящее Министерство иностранных дел индийского правительства, где они числились на службе. За сбор топографических данных, которые имели военное значение, отвечала Служба Индии, расположенная в Дехра Дан. Эта организация, которая недавно наняла туземных агентов — пандитов для сбора географической информации в чувствительных районах, имела задачу картографировать весь субконтинент, как в пределах, так и вне границ Индии, и хранить эти новейшие карты. Военные, политические и топографические сведения пополнялись также инициативными молодыми офицерами и другими путешественниками, в основном неофициальными. Но вопреки картине, нарисованной Редьярдом Киплингем в «Киме», в то время в Индии не существовало никакого организованного сбора сведений или координации подобных действий. В отношениях между тремя существующими службами процветали конкуренция и ревность.

Роль Макгрегора как руководителя военной разведки была лишь одной из его обязанностей генерал-квартирмейстера, но он, будучи, подобно большинству прочих генералов, горячим сторонником «наступательной школы», исполнял ее с особым рвением. Уехав в Лондон летом 1882 года, он посвятил немало времени исследованиям в недрах отдела разведки военного министерства, прочесывая тамошние досье в поисках полезных для его собственного отдела данных. Однако, вернувшись в Индию, он вскоре столкнулся с обструкцией и недовольством как политического департамента, большинство работников которого в то время разделяли политику «искусного бездействия», так и некоторых членов Совета Индии. Макгрегор был убежден, что от русских следует ожидать неприятностей, и решил встряхнуть своих политических и гражданских коллег, разрушить их самодовольное спокойствие, продемонстрировав им, как легко начать нападение на Индию. Летом 1883 года он приступил к сбору материалов для конфиденциального руководства, которое должно было называться «Оборона Индии».

Чтобы собрать материалы, ему понадобился почти год. В дополнение к его собственным разведанным о российских возможностях и дислокации их сил он смог привлечь соображения большинства высокопоставленных чиновников и лучших стратегических умов индийской армии. Многие из консультантов были его личными друзьями, включая генерала Робертса, под командой которого во время второй афганской войны он командовал колонной. У них он искал обоснованный ответ на вопрос, сколько времени понадобится двадцатитысячной русской армии, чтобы в случае наступления достичь Герата, и сколько для этого потребуется равной по численности британской армии. Аналогичной оценке подверглись и другие ключевые точки на границах Индии, с которых могло начаться вторжение. Наконец в июне 1884 года его сообщения и рекомендации объемом более 100 000 слов, с обширными приложениями, таблицами и большой картой Средней Азии, были готовы к печати.

Макгрегор предупредил, что если русские решат напасть на Индию, то, скорее всего, сделают это из пяти различных точек одновременно. Это был призрак, которого никто прежде не тревожил. Одна колонна шла бы на Герат, другая — на Бамиан, третья — на Кабул, четвертая — на Читрал и пятая — на Гилгит. Тщательные вычисления показывали, что таким образом русские могли расположить вдоль северных границ Индии до 95 000 регулярных войск и оттуда в нужный момент хлынуть в Индию. Макгрегор доказывал, что индийская армия ни количественно, ни качественно не в состоянии противостоять такому нападению. Он заявлял, что «заставить Россию понять безнадежность вторжения» могут только определенные действия, предпринятые британским и индийским правительствами. Убеждал, что индийскую армию следует увеличить настолько, чтобы она имела возможность отразить подобную угрозу. И еще предложил Британии немедленно занять Герат, чтобы знать о любом российском передвижении в том направлении, а также вернуться в Кандагар. Он предупредил, что задержка может стоить слишком дорого. Если за это время Герат попадет в руки русских, то вооруженные силы Индии придется наращивать куда больше. Если же падет и Кандагар, потребуется еще более значительное увеличение армии. Заодно он потребовал безотлагательно проложить в пределах приграничных областей стратегические шоссейные и железные дороги, указывая, что русские выкладываются, приближая сеть своих железных дорог к Афганистану.

Вспоминая «достижения» Санкт-Петербурга по части нарушения гарантий, Макгрегор

отвергал любые надежды на то, что когда-либо с русскими можно будет прийти к соглашению. Единственный способ ограничить их аппетиты, считал он, заключался в оказании на них давления, предпочтительно в союзе с Германией, Австрией и Турцией. В части «бесплатных советов», данных с позиций военного, генерал явно далеко выходил за пределы своих полномочий и нарушал границы областей, признанных монополией государственных деятелей и дипломатов, куда вход солдатам строго запрещен. Но Макгрегор на этом не остановился, а закончил трактат словами настолько провокационными, что даже его коллеги-«ястребы», должно быть, перечитывали их, чтобы удостовериться, что правильно поняли.

«Я торжественно заявляю о моем убеждении, — писал он, — что реальное урегулирование англо-русского вопроса невозможно до тех пор, пока Россию не вытеснят с Кавказа и из Туркестана». (Выделение — Макгрегора.)

Документ со словом «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО» красным шрифтом на титульном листе был официально предназначен только для членов Совета Индии и высших правительственных и военных руководителей. Однако по распоряжению автора несколько экземпляров в Лондоне разослали тщательно отобранным политическим деятелям и редакторам. Макгрегор был убежден, что Большую Игру сначала надо выиграть в Вестминстере, чтобы получить какие-то шансы на победу в Азии, и стремился подтолкнуть правительство к энергичному, пусть даже запоздалому действию. Но он понимал, что многие материалы могут иметь серьезное значение для российских стратегов, и внушил адресатам необходимость соблюдать секретность. В то же самое время он убеждал их использовать свое влияние, чтобы заставить правительство действовать, пока еще было не поздно. Результаты генеральской акции не заставили себя ждать.

Кабинет Гладстона, уже переживший изрядную встряску в связи с событиями в Судане и искренне тревожившийся за Герат, расценил поступок Макгрегора как скандальную попытку посягательства на свою власть. Между Уайтхоллом и Калькуттой запорхали гневные телеграммы с обвинениями и оправданиями. Правительство Индии нажало на Симлу, и по распоряжению вице-короля дальнейшую рассылку копий документа поспешно приостановили. Из других мест копии отозвали. Макгрегору официально сделали выговор. Большинство высокопоставленных чиновников в Индии соглашались с его заключениями, но не разделяли его методов. Тем не менее стало широко известно, что лица, занимающие аналогичные должности в российской императорской армии, теперь открыто похвалялись будущим покорением Индии — вопреки тому, что говорил Санкт-Петербург. И едва давление ослабло, как русские вновь двинулись вперед. Это привело Англию и Россию на грань войны и, без сомнения, вызвало мрачное удовлетворение Макгрегора, Марвина, Вамбери и других, давно все это предсказавших.

Горячей точкой стал отдаленный, малоизвестный оазис Панджшех, находившийся на полпути между Мервом и Гератом. Его названию вскоре суждено было стать нарицательным. Англичане, равно как и афганцы, всегда расценивали его как собственность Афганистана. Но с некоторых пор, после аннексии Мерва, на него положили глаз русские. В ходе переписки по поводу назначения англо-русской пограничной комиссии Санкт-Петербург бросил вызов притязаниям Афганистана на Панджшех, упорно утверждая, что оазис принадлежит России на том основании, что она владеет Мервом.

Лондон этому энергично сопротивлялся, поскольку Панджшех занимал стратегические высоты на подходе к Герату, что четко объясняло острый интерес к нему Санкт-Петербурга. Кроме того, главный британский специальный уполномоченный генерал Ламсден обнаружил скрытые перемещения российских войск. Зимой 1884/85 года он находился в близлежащем Сараксе и вскоре понял, что русские не намерены посылать своего представителя на переговоры, пока не вырвут Панджшех у афганцев. Казалось маловероятным, что они предпримут такую попытку до прихода весны, когда растает снег и крупные воинские соединения смогут захватить высоты, обеспечив успех операции. Все это Ламсден сообщил руководству в Лондоне, и Гладстон с коллегами по кабинету встревожились еще больше.

Русским, сознававшим огромный риск своего предприятия, приходилось соблюдать осторожность. Ведь в Санкт-Петербурге знали, что Британия — пусть даже в несколько расплывчатых выражениях — обязалась помочь Абдур Рахману, если когда-либо тот подвергнется нападению северного соседа. Но не знали, как далеко готовы пойти англичане в

выполнении своих обязательств. Стоило ли рисковать возможностью полномасштабного конфликта из-за отдаленного оазиса, который к тому же им даже не принадлежал и о котором мало кто в Англии вообще когда-либо слышал? Учитывая силу Гладстона и пылающий Судан, это казалось неправдоподобным. И даже если бы англичане решили вмешаться, их войскам понадобились бы недели, если не месяцы, чтобы попасть на место. Тем не менее русские продвигались украдкой, применив свою старую тактику «кошачьих шагов» — тщательно отслеживая реакцию Британии на каждое передвижение и одновременно как ни в чем ни бывало продолжая переговоры с Лондоном через Афганскую пограничную комиссию.

Однако теперь англичане точно знали, что происходит. В Индии два армейских корпуса, один — под командой генерала Робертса, были готовы в случае необходимости пересечь Афганистан, чтобы защитить Герат. В то же самое время три военных инженера присоединились к команде генерала Ламсдена, которую отправили в Герат, чтобы изучить его укрепления и решить, как лучше оборонять город. Другие офицеры его штаба принялись за работу по картографированию маршрута российской армии на случай ее вторжения. Генерал Макгрегор поделился с Робертсом своими наблюдениями, что наконец появились обнадеживающие признаки того, что «наше жалкое правительство» начало прислушиваться к их настойчивым предупреждениям. Тем временем Афганистан, отчасти благодаря британской подсказке, послал в Панджшех войска для усиления его защиты. Когда про это узнал российский командующий генерал Комаров, он пришел в ярость. Заявив, что оазис принадлежит России, он приказал им немедленно удалиться. Афганский командующий отказался. Комаров сразу же обратился к Ламсдену, требуя, чтобы тот велел афганским отрядам убираться. Ламсден отказался это делать.

Полный решимости не допустить, чтобы Панджшех ускользнул из его рук, Комаров решил сменить тактику. 13 марта под нажимом Британии Санкт-Петербург дал клятвенную гарантию, что его войска не станут атаковать Панджшех, если афганцы воздержатся от военных действий. Через три дня министр иностранных дел Николай Гирс это повторил и добавил, что такое обязательство было дано с полного одобрения царя. Ранее сама королева Виктория телеграфировала Александру о своем желании предотвратить «бедствие» войны. Теперь у Комарова оставался только один путь, чтобы оправдать захват Панджшеха. Афганцы должны были выглядеть агрессорами. И именно его выбрал коварный Алиханов, который уже стал губернатором Мерва. По слухам, достигшим лагеря Ламсдена, он, переодетый туркменом, тайно посетил Панджшех и изучил его укрепления. Затем поручил Комарову с оперативной группой спровоцировать защитников на первый выстрел. Зная, что афганцы горды и вспыльчивы, Алиханов написал личное письмо их командующему в чрезвычайно резких и оскорбительных выражениях. Помимо всего прочего, тот обвинялся в трусости, что заведомо должно было привести в дикую ярость афганца, для которого сражение — естественный образ жизни. Ламсден предупреждал того о возможных провокациях русских, убеждал не реагировать на них, объясняя, что в этом случае англичане ничем помочь не смогут. Афганцам, несмотря на интенсивные провокации, удавалось сдерживать свой нрав и палец на спусковом крючке.

Все это время, несмотря на повторные обещания Санкт-Петербурга, войска Комарова постепенно окружали Панджшех. К 25 марта они находились на дистанции меньше мили от его защитников. Взявшись спровоцировать афганцев на открытие огня, Комаров теперь предъявил их командующему ультиматум: либо через пять дней тот отводит войска, либо русские сами их выгонят, ибо Панджшех, по утверждению генерала, являлся законной вотчиной царя. До той поры Ламсден внимательно контролировал события и сообщал обо всем в Лондон. Но, сделав все, что было в его силах для предотвращения столкновения, теперь решил передвинуть свой лагерь подальше, чтобы не оказаться втянутым в сражение. В результате о том, что произошло, известно лишь по российским отчетам.

31 марта, когда срок ультиматума генерала Комарова истек, а афганцы не подавали никаких признаков отхода, он приказал своим частям перейти в наступление, но первыми огня не открывать. В результате, как посчитал Алиханов, первыми открыли огонь афганцы, ранив лошадь одного из его казаков. Все случилось так, как он и рассчитывал. «Кровь пролилась», — заявил он и отдал приказ своим войскам открыть огонь по афганской коннице, которая была сосредоточена в пределах видимости. Конница не выдержала убийственного огня и в

беспорядке бежала. Но афганская пехота сражалась храбро. Алиханов позднее рассказывал, что пока русские постепенно овладевали их позициями, две роты почти полегли на месте. Впоследствии они тоже бежали, оставив более 800 трупов, причем многие утонули, в поисках спасения пытаясь одолеть разлившуюся реку. Потери Комарова составляли только 40 человек погибших и раненых.

Новости о том, что русские захватили Панджшех, добрались до Лондона через неделю. Они были встречены со смесью ярости и тревоги, и даже правительство признало, что сложилась «чрезвычайно опасная» ситуация. Большинство наблюдателей, включая иностранных дипломатов в Лондоне, предполагали, что война между двумя огромными державами теперь неизбежна. Гладстон, которого Гирс, не говоря уже о самом царе, выставил дураком, осудил резню афганцев как акт ничем не спровоцированной агрессии и обвинил русских в захвате территории, которая, бесспорно, принадлежала Афганистану. Он заявил в палате общин, что ситуация серьезная, но не безнадежная. Хотя на фондовой бирже наметились кое-какие признаки приближающейся паники, от взволнованных парламентариев обеих партий он получил кредит в 11 миллионов фунтов — самую крупную сумму со времен Крымской войны. Министерством иностранных дел были подготовлены официальные заявления относительно начала военных действий. Королевский флот был переведен в состояние боевой готовности и получил инструкции наблюдать за передвижениями всех российских военных кораблей. На Дальнем Востоке флоту было приказано занять Порт Гамильтон в Корее, с тем чтобы тот можно было использовать как плацдарм для проведения операций против крупной российской военно-морской базы во Владивостоке и других объектов в северной части Тихого океана. Рассматривалась возможность нанесения удара по русским на Кавказе, предпочтительнее при поддержке Турции.

Чтобы царь и его министры не сомневались в твердости намерений правительства, британский посол в Санкт-Петербурге получил инструкции предупредить Гирса, что любое дальнейшее продвижение на Герат однозначно будет подразумевать войну. В случае, если и это не остановит русских, вице-король подготовился отправить двадцатипяти тысячное войско в Кветту, где им предстояло ждать согласия эмира Абдур Рахмана на поход к Герату. В Тегеране шах Персии, изрядно встревоженный агрессивными действиями России в непосредственной близости от его собственной границы с Афганистаном, убеждал Британию захватить Герат прежде, чем это сделает Санкт-Петербург, заявляя при этом, что в случае войны между могущественными соседями намерен строго соблюдать нейтралитет.

Отголоски кризиса прокатились по всему миру. В Америке, где от новостей содрогнулся Уолл-стрит, только и разговоров было что о раздоре между двумя гигантскими империями. В обычно трезвой «Нью-Йорк Таймс» появилась статья под громадным заголовком «АНГЛИЯ И РОССИЯ СРАЖАЮТСЯ». Статья начиналась словами: «Это — война». И так бы все и вышло, если бы один человек не сохранил здравый рассудок, когда все прочие его утратили.

32. Железнодорожная гонка на восток

В то время, как все мировые газеты и государственные деятели предсказывали, что две крупнейшие на свете державы вот-вот сцепятся из-за отдаленного среднеазиатского селения, правитель, которому оно принадлежало, временно не занимал престол в связи с государственным визитом в Индию. Скорее всего, это устраивало русских, которые боялись, что Абдур Рахман и его британские хозяева плетут против них интриги. Так что то, что он сейчас вдали от своего королевства, ускорило аннексию Панджшеха. Санкт-Петербург беспокоила еще и перспектива, что британцы с благословения эмира займут Герат. Точно так же, как их собственная аннексия Мерва, а теперь и Панджшеха создавала угрозу Индии, мощное британское военное присутствие в Герате аналогичным образом угрожало бы новым центральноазиатским владениям России. Мог воскреснуть призрак объединения британских и афганских сил с целью освобождения мусульманских ханств от российского правления. Тем не менее, занимая Панджшех, царские генералы знали, что если дело дойдет до борьбы за Герат, они наверняка будут там первыми.

Новости о том, что Панджшех пал и афганский гарнизон перебит, сообщил Абдур

Рахману министр иностранных дел индийского правительства сэр Мортимер Даренд: так уж вышло, что он был сыном Генри Даренда — младшего офицера, взорвавшего во время первой афганской войны ворота Газни. Никто не мог предсказать заранее, как вспыльчивый и безжалостный эмир воспримет дурную весть. Полагали, что он, скорее всего, потребует смыть оскорбление российской кровью и в соответствии с англо-афганским соглашением потребует британской помощи. Если это произойдет, то трудно придумать, как избежать войны, — ведь пока что Британия не была готова отказаться от своего буферного государства, доставшегося с таким трудом и такой дорожной ценой, и впредь полагаться лишь на милость России.

«Мы получили известия во время обеда, — сообщил Даренд, — и я решил сразу сообщить о гибели его людей». К облегчению и удивлению Даренда, эмир воспринял весть весьма спокойно, без той эмоциональной реакции, которую она вызвала в Британии, Индии и в других местах. «Он попросил меня не беспокоиться, — записал Даренда. — Сказав, что потеря двухсот или двух тысяч человек — это мелочи». Что же касается смерти их командующего, то «это даже меньше, чем ничто». Лорд Дафферин, прежний британский посол в России, недавно ставший вице-королем Индии, позднее заметил: «Несмотря на случайность пребывания эмира в моем лагере в Равалпинди и тот удачный факт, что принц обладал большими способностями, опытом, знаниями и спокойной рассудительностью, единичный инцидент в Панджшехе в условиях напряженных отношений, которые существовали тогда между нами и Россией, сам по себе мог оказаться поводом для длительной и ужасной войны».

Настоящая же правда состояла в том, что эмир не имел ни малейшего желания видеть свою страну еще раз превращенной в поле битвы, на этот раз между двумя своими конфликтующими соседями. Некоторые авторитеты даже сомневались, слышал ли он когда-либо до тех пор что-либо о Панджшехе. Тем не менее его сдержанность во многом помогла разрядить взрывоопасную ситуацию. И все равно несколько следующих недель, ежедневно ожидая вспышки войны, британские газеты требовали преподать урок русским, а газеты Санкт-Петербурга и Москвы настойчиво домогались от своего правительства аннексии Герата и предостерегали Британию держаться подальше. Но помимо позиции Абдур Рахмана были и другие сдерживающие факторы, которые оказывали негласное влияние на ситуацию.

Фактически ни одна из стран не была заинтересована в начале войны из-за Панджшеха, хотя с Гератом дело обстояло иначе. Кроме того, на этот раз русским уже стало очевидно, что если они продвинутся еще дальше, то британцы, даже при условии пребывания у власти либералов, готовы будут сражаться. Весь период кризиса действовала «горячая линия» между британским министром иностранных дел лордом Гренвиллем и Гирсом. Постепенно спокойствие восстановилось. Было согласовано, что Панджшех останется нейтральным до тех пор, пока его будущее не будет решено тремя заинтересованными странами, а до тех пор российские войска отойдут на небольшое расстояние от селения; переговоры относительно границы следовало начать как можно скорее. По мере постепенного угасания непосредственной угрозы войны и королевский флот, и британские войска в Индии возвращались на исходные позиции.

Работа совместной Афганской пограничной комиссии из-за многочисленных разногласий затянулась до лета 1887 года, когда наконец были окончательно подписаны протоколы, касающиеся всех поселений, за исключением расположенных в восточной части границы. При этом русские сохранили за собой Панджшех, который «разменяли» с Абдур Рахманом, уступив афганской стороне находящийся западнее стратегический перевал, который ему и его британским советникам хотелось взять под свой контроль. В очередной раз русские показали себя мастерами совершившегося факта и получили примерно то, что и хотели (даже если их генералы были недовольны ограничениями, связанными с фиксированной границей). Очень приблизительно новая граница прошла по первоначальной линии, согласованной в 1873 году, если не считать изгиба на юг в районе Панджшеха, который серьезно приблизился к Герату. Войну удалось предотвратить. Кроме того, англичане решительно дали понять русским, что любое дальнейшее продвижение к Герату будет расценено как объявление войны. При всем этом многие комментаторы были далеко не убеждены, что что-либо сможет надолго остановить продвижение русских. Тем не менее история доказала их неправоту. Прошло почти столетие, прежде чем русские войска и танки зимой 1979 года пересекли Оксус и вошли в Афганистан.

Но дальше к востоку, в районе Памира, границу еще нужно было устанавливать. Это касалось той пустынной области, где сегодня проходит граница между Афганистаном и Пакистаном: теперь на ней сосредоточились интересы участников Большой Игры, которые, в свою очередь, в течение последующих десяти лет подталкивали Британию и Россию к военным и политическим демаршам друг против друга. Но на самом деле события уже развивались не по прежним схемам, что неизбежно повлияло на дальнейшие изменения в правилах игры. В ходе панджшехского кризиса, в зависимости от точки зрения, деятельность правительства Гладстона характеризовалась и как «совершенное искусство управлять государством», и как «прискорбная нерешительность», и даже как «постыдная капитуляция» — так выразился один комментатор. Многие из британских избирателей, очевидно, придерживались последнего суждения, тем более что это произошло вскоре после гибели в Хартуме Гордона, ответственность за которую полностью возлагали на правительство. В результате в августе 1886 года к власти вернулся кабинет тори, теперь под началом лорда Солсбери, человека, весьма озабоченного обороной Индии.

* * *

В значительной степени именно благодаря отважным путешественникам, таким, как Джордж Хейуорд и Роберт Шоу, британцы наконец осознали уязвимость перевалов, пересекающих Памир, Гиндукуш и Каракорум на севере Индии. Но несмотря на их отчеты об изысканиях и путешествиях и на краткую разведку, предпринятую в 1874 году отрядом под руководством сэра Дугласа Форсайта, в военном отношении о далеком севере Индии, регионе, где она граничила с Афганистаном и Китаем, известно было очень немного. А в это время русские исследователи, все те же военные, уже были заняты составлением карт и изысканиями на этой обширной безлюдной земле, расположенной намного южнее Оксуса. Сообщалось, что по крайней мере один русский генерал разрабатывал планы вторжения в Кашмир через Памир. Желая исправить это упущение, летом 1885 года отряд британских военных исследователей был послан в этот район для изучения и картографирования широкой полосы территории, простирающейся от Читрала на запад, к Хунзе, и дальше на восток. Одна из неотложных задач состояла в том, чтобы исследовать перевалы, ведущие на север к верховьям Оксуса, и окончательно дать ответ на мучительный вопрос: представляют ли они реальную угрозу для обороны Индии? Руководил отрядом полковник Уильям Локхарт, весьма уважаемый офицер из отдела разведки Макгрегора, которому позднее было суждено стать главнокомандующим индийскими вооруженными силами. Его сопровождали еще три офицера, пять местных топографов и военный эскорт. За остаток того года и несколько первых месяцев следующего им предстояло нанести на карту 12 000 квадратных миль ранее не изученной территории по ту сторону северной границы Индии. В написанном по возвращении объемистом отчете Локхарт доказывал, что существовавшие прежде опасения в отношении данного региона, и в частности перевала Бархил, были преувеличены, хотя вспомогательная российская атака по эту сторону Памира все-таки возможна — для поддержки полномасштабного вторжения, осуществляемого через Хайбер и Болан. Памирские перевалы каждую зиму засыпаны снегом; летом многочисленные реки превращаются в бушующие потоки, так что этот район уязвим только в течение короткой весны и осени. Но и тогда, если планируется задействовать крупные силы, включая артиллерию и другое тяжелое оборудование, и доставлять припасы, вначале следует построить военную дорогу. По мнению Локхарта, более подходящей стратегией является использование четырех небольших высококомобильных подразделений.

Предварительное обследование Локхартом ведущих на север перевалов заставило предположить, что такие силы, вероятнее всего, придут через Читрал. В регионе, где полностью отсутствуют шоссе и железные дороги, потребуется некоторое время, чтобы британские войска могли добраться до места, а затем адаптироваться к местным условиям, чтобы сражаться не хуже туземных воинов Читрала. С полного одобрения вице-короля Локхарт подписал оборонительное соглашение с правителем Читрала Аман-аль-Мулюком, которого когда-то подозревали в соучастии в убийстве Хейуорда. В обмен на щедрую субсидию плюс гарантии, что трон навсегда останется за его семейством, правитель обязался заставить своих

воинственных соплеменников держать оборону против продвигающихся российских сил, пока не подоспеют британские войска.

Эта рекогносцировка Локхарта была не единственной поездкой на передовую, санкционированной в то время лордом Дафферином. Как только либеральное правительство пало, табу на отправку офицеров и политиков в миссии, расположенные по ту сторону индийской границы, были сняты. Особенно тревожился вице-король за Синьцзян, где появились русские, значительно опередившие британцев. Согласно Санкт-Петербургскому соглашению, которое оставляло Кульджу (Или) за Китаем, последний согласился на открытие русского консульства в Кашгаре. На этот пост Санкт-Петербург выбрал грозного типа по имени Николай Петровский. Воинственный англофоб, Петровский поклялся любой ценой не допустить ни коммерческого, ни политического проникновения в Синьцзян англичан. За три года исключительно благодаря силе своего характера он сделался фактическим правителем Кашгара, наводил страх на запуганных китайских чиновников и терроризировал мусульманское население. Китайцы, прекрасно осознающие, что ближайшие российские гарнизоны стоят у самой границы, пребывали в состоянии постоянного беспокойства по поводу возможной аннексии Санкт-Петербургом, чем российский консул не брезговал им угрожать. В деловых отношениях с ним китайцы были чрезвычайно осторожны, чтобы ничем его не оскорбить и не дать русским никаких оснований для аннексии Кашгара. Могущество Петровского серьезно увеличивал тот факт, что там не было никакого британского представителя. Поле боя оставалось за ним, и он твердо намеревался это положение сохранить.

Лорд Дафферин был настроен прекратить монополию Петровского в Кашгаре прежде, чем она распространится на весь Синьцзян. Для начала вице-король хотел получить для индийских торговцев равные с их российскими конкурентами права. Хотя рынок был гораздо менее емким, чем когда-то предполагали, он существовал и был завален дешевыми, но дрянными российскими товарами, которым не было альтернативы. Дафферин также хотел разместить там постоянного индийского правительственного чиновника. Видимой функцией чиновника была бы охрана интересов живущих в Синьцзяне граждан Британской Индии, в основном индусских ростовщиков и членов их семей. Реальной же функцией резидента стало бы пристальное наблюдение за Петровским, предоставление отчетов относительно его и любых российских действий в регионе. Сейчас это неофициально проделывал инициативный молодой шотландский коммерсант Эндрю Далглиш, регулярно разъезжавший между Лехом и Кашгаром. Вице-король хотел поставить дело на более прочную основу.

Человеком, избранным Дафферином для попытки обеспечить Британии равные с Россией права в Кашгаре, стал опытный политический советник и среднеазиатский путешественник с оригинальным именем Ней Елиас. Он работал в качестве представителя индийского правительства в Лехе, где уже шесть лет собирал политические и другие сведения у путешественников, прибывающих из всех уголков Средней Азии, особенно из Кашгара и Яркенда. Далглиш был одним из его основных и самых надежных источников. Вице-король попросил британскую дипломатическую миссию в Пекине получить для Елиаса дипломатическую аккредитацию и сделать так, чтобы в Кашгаре его принял старший китайский представитель для обсуждения вопросов британского представительства и прав торговли. К чрезвычайному раздражению Дафферина, китайцы на запрос ответили отказом, утверждая, что объем торговли между Индией и Синьцзяном слишком мал, чтобы оправдать специальные переговоры или какие-то соглашения. Тем не менее они согласились выдать Елиасу паспорт, хотя тот не давал ему никакого дипломатического статуса. Было два возможных объяснения этого отказа. Во-первых, Пекин все еще с горечью вспоминал британские попытки заключить союз с Якуб Бекем во времена его правления в Синьцзяне. Во-вторых, коварный Петровский с обычным сочетанием угроз и взяток интенсивно давил на китайцев, чтобы не допустить приезда Елиаса.

Несмотря на это препятствие, вице-король приказал, чтобы Елиас даже без дипломатической аккредитации отправился на место, лично выяснил состояние коммуникаций через Каракорум и установил, какую угрозу они могли бы представлять Британской Индии. Но не успел еще Елиас покинуть Лех, как из Кашгара поступила вторая порция дурных вестей. Китайские власти потребовали отъезда Далглиша на том основании, что у него нет визы.

Раньше они не только закрывали на это глаза, но и всегда приветствовали Далглиша. По мнению Эндрю, за этим изгнанием стояли происки российского консула. Это было плохим предзнаменованием для собственных перспектив Елиаса. Наконец он выехал, но добрался только до Яркенда. Встречал его там почетный караул, но Елиас обнаружил, что старший китайский представитель — амбан — относится к нему откровенно враждебно. Когда же ему, несмотря на выданный китайской стороной паспорт, не разрешили посетить Кашгар, Елиас понял, что надежды на переговоры, столь ожидаемые вице-королем, напрасны. Заодно он узнал и о третьей возможной причине отказа китайцев от переговоров. В прежние времена они бы приветствовали британское присутствие в Кашгаре, чтобы противостоять чрезмерному влиянию Петровского. Но теперь, получив болезненный опыт постоянного общения с задиристым жителем Запада, они решили, что еще один окажется точно таким же, и не желали нести двойное бремя.

Хотя миссия оказалась прерванной, Елиас не собирался возвращаться из Яркенда с пустыми руками, не воспользовавшись возможностью самому проверить различные политические и военные аспекты сведений, которые прежде зачастую поступали из сомнительных источников на базарах Ладака. Вице-король надеялся, что в случае российского вторжения в Синьцзян или даже в Восточный Памир между Британией и Китаем возможны некоторые виды военного сотрудничества для противостояния агрессии. Предполагалось, например, что офицеров индийской армии можно использовать в качестве советников или даже командиров китайских частей. Первый же взгляд на почетный караул у въезда в Яркенд вместе с последующими наблюдениями показал Елиасу безнадежность этой затеи. Плохо вооруженные, плохо обученные и недисциплинированные вояки сутулились, болтали, шутили, ели фрукты и громко обсуждали вид и поведение «чужеземного дьявола». «И эти люди, — с раздражением отметил Елиас в своем дневнике, — просят нас объединиться с ними против русских. О, Боги!»

Но Елиасу были поставлены и другие задачи. Вице-король надеялся, что на обратном пути в Индию он сможет проехать через Восточный Памир и верховья Оксуса, включая регионы, которые не исследовала и не описала экспедиция Локхарта. Китайцы, имевшие определенный интерес к этой заброшенной области, где сходились территории России, Афганистана и Кашмира, никаких возражений не выдвигали. В дополнение к изучению этих ранее неизведанных (кроме как русскими) пространств Елиаса попросили разузнать все возможное о признанных там на местном уровне границах — русских ли, китайских ли, афганских или просто племенных. Наконец, он должен был исследовать спорный промежуток неразграниченных и пока еще не востребованных земель, расположенных между восточной частью Афганистана и западной частью Синьцзяна. Первым об их существовании сообщил сэр Дуглас Форсайт после своей миссии ко двору Якуб Бека: последующая разведка была там предпринята двенадцать лет назад. Руководители обороны Индии надеялись, что русские не появятся там раньше, чем будут приняты меры безопасности.

На выполнение всех задач, многие из которых пришлось решать в разгар зимы, ушло семнадцать месяцев. За это время, преодолевая болезнь, Елиас проехал 3000 миль и исследовал не менее сорока перевалов. Его мнение совпало с мнением Локхарта: русские вряд ли осуществят полномасштабное вторжение через регион, не способный прокормить большую армию. Иное дело — политическое проникновение, и в нем он видел главную угрозу возможных успехов русских в этом далеком северном регионе. Что же касается уязвимого промежутка между афганской и китайской границей, Елиас рекомендовал убедить эти страны соединить границы, превращая, таким образом, любые российские вторжения в их нарушения. В этом Елиас и Локхарт были полностью солидарны. Однако в вопросе о том, как лучше всего удержать русских подальше от Читрала, солдат и политик кардинально разошлись. Правителя Читрала, с которым Локхарт только что подписал соглашение, Елиас считал совершенно ненадежным типом. На него нельзя было полагаться, особенно если его станут уговаривать русские. «Никакие гарантии, данные подобными безответственными дикарями, ничего не стоят», — предупредил Елиас. Единственный способ предотвратить подкуп нового британского союзника русскими, считал он, — это крепкие гарнизоны на южной границе Читрала, чтобы угроза с тыла была большей, чем с фронта. Такие различия во мнениях между

недолюбливающимися друг друга военными и политиками не были новостью для вице-короля, опытного участника Большой Игры. Куда больше, чем проблема Читрала, беспокоила руководителей обороны Индии Транскаспийская железная дорога. Русские инженеры словно по тревоге продвигали на восток магистраль, явно способную перевозить войска и артиллерию.

* * *

Работы на этой линии начались в 1880 году по приказу генерала Скобелева, когда тот готовился к наступлению на Геок-Тепе. Сначала он смотрел на нее как на средство доставки от каспийского порта Красноводск через пустыни боеприпасов и снаряжения. Предполагалось построить легкую узкоколейку, по которой тяжелые грузы можно буксировать хоть механической тягой, хоть верблюдами и которую можно наращивать по мере продвижения войск. Однако вскоре приняли решение строить более престижную стационарную железную дорогу. Сто миль стандартной железнодорожной колеи из европейской России перевезли через Каспий. Для укладки сформировали специальный железнодорожный батальон под командованием генерала. Скобелев оказался расторопнее железнодорожных строителей и штурмовал Геок-Тепе, не дожидаясь их. А железная дорога продвигалась по мере усмирения туземных племен и достигла Мерва только через год после его капитуляции перед Алихановым. Угроза войны с Британией за Панджшех привела к формированию второго железнодорожного батальона и быстрому росту темпов строительства. К середине 1888 года она достигла Бухары и Самарканда, и началась работа на заключительном участке маршрута, ведущего к Ташкенту.

Среди первых, кто забил тревогу по поводу новой российской железной дороги и ее стратегической угрозы для Индии, был Чарльз Марвин. В 1882 году, когда дорога еще не слишком продвинулась на восток и задолго до панджшехского кризиса, он предупредил относительно угрозы, которую представляет постройка русскими железной дороги, особенно если русские захватят Герат и существенно укрепятся там, продлив дорогу до него. На это, утверждал он, российским военным инженерам и саперам понадобится всего несколько месяцев. С тех пор вопрос об угрозе Герату стал неременным для всех приверженцев афганского пограничного урегулирования. На случай военных действий (пусть в неопределенном будущем) российская железная дорога была значительно ближе к Герату, чем самая близкая британская. А несколькими годами позже, вскоре после смерти Марвина, русские еще сократили промежуток, продлив сеть железных дорог на юг, значительно далее Панджшеха.

Бросающуюся в глаза слабость индийских приграничных коммуникаций, особенно шоссейных и железных дорог, теперь осознали и в Калькутте, и в Лондоне. Генерал Робертс заявил, что русскому «железнодорожному окружению» Северной Индии и Афганистана должна противостоять соответствующая строительная программа в пределах индийских границ. Главнокомандующий провел тщательную рекогносцировку на местах и решил, что средства вечно напряженного бюджета обороны Индии лучше потратить на обеспечение возможности переброски войск к угрожаемому сектору границы, а не на строительство фортов и укреплений, которые, возможно, никогда не придется защищать. «Нам нужны и шоссейные, и железные дороги, — писал он в секретном рапорте вице-королю. — Их не построить тотчас же, но каждая рупия, потраченная на них теперь, вернется к нам в будущем в десятикратном размере... Нет лучшего способа приобщения к цивилизации, чем строительство шоссейных и железных дорог. Возможно, некоторые из тех, что предстоит проложить, никогда не будут востребованы для военных целей, но окажут громадную помощь гражданским властям и администрации страны». В дальнейшем, если Абдур Рахман поддастся на уговоры и согласится, Роберте предполагал продлить железную дорогу в Афганистан, с ветками на Джалалабад и Кандагар, и разместить там британские войска. Без этого, как полагал Роберте, русские постепенно займут весь Афганистан, поглощая его кусочек за кусочком, как получилось с Панджшехом. И когда не станет Абдур Рахмана, Санкт-Петербург, вероятно, усилит натиск, добиваясь новых преимуществ.

Но даже необходимость продления железной дороги до афганской границы приходилось доказывать с большим трудом: не всякий член Совета Индии *был* убежден в необходимости

таких крупных расходов. Так что, несмотря на непрерывное давление военных, и через несколько лет в пограничье действовало меньше пятидесяти миль железнодорожных путей, хотя сеть шоссе существенно улучшилась. Интенсивное расширение сети железных и шоссежных дорог, а также телеграфа, которые Робертс считал жизненно важными для обороны Индии, требовало настоящей поддержки на самом верху. Попросту говоря, нужен был человек, убежденный в реальности долговременной российской угрозы, но еще и обладающий как властью, так и решимостью смести все препятствия и возражения. Личность, определяющая действия правительства. Человек, которому судьбой суждено было все это исполнить, путешествовал тем временем с постоянной скоростью пятнадцать миль в час по российской Центральной Азии, по той самой железной дороге, которая вызывала столько тревоги у Робертса и других военачальников.

* * *

Достопочтенный Джордж Натаниель Керзон, молодой и честолюбивый тори-заднескамеечник двадцати девяти лет от роду, летом 1888 года отправился в Среднюю Азию, чтобы лично посмотреть, как там действуют русские, и попробовать понять их намерения относительно Британской Индии, вице-королем которой он решил когда-нибудь непременно стать. Отворотясь от светской жизни Лондона, этот холостяк-аристократ сел в поезд и проехал через Европу в Санкт-Петербург. Затем — в Москву, чьи политические настроения счел нужным для начала оценить, прежде чем направиться на юг страны, на Кавказ. В Баку Керзон сел на старый колесный пароход, бывший воинский транспорт «Князь Баратынский», и переправился через Каспий в Красноводск. Именно там началась по-настоящему его личная разведка Средней Азии — региона, который стал его пожизненной страстью. Керзон отправился на восток через пустыни по новой российской железной дороге, эксплуатация которой его так интересовала. Его конечной целью был Ташкент, нервный центр всех российских военных операций в Средней Азии, но маршрут пролегал через Геок-Тепе Ашхабад, Мерв, Бухару и Самарканд. Сначала почти 300 миль колея проходила параллельно и близко к персидской границе. Железная дорога, обладающая высокой пропускной способностью для доставки войск и артиллерии, заметил позже Керзон, представляла для шаха «дамоклов меч постоянно висящий над его головой». Дальше к востоку где рельсы повернули к северу от Мерва в сторону Бухары она служила подобным же напоминанием о российском военном присутствии вблизи Афганистана и Британской Индии.

Поездка до Самарканда, где к тому времени заканчивалась колея, обычно продолжалась трое суток. Но Керзон не единожды прерывал 900-мильную поездку, сходил, осматривал все, что надо, и садился на следующий поезд. По ходу путешествия он заполнял блокноты тем, что узнавал вблизи самой железной дороги и в населенных оазисах вдоль маршрута. Когда речь заходила об оценке подвижного состава другими словами, о возможностях железной дороги по доставке войск и снаряжения, русские предпочитали отмалчиваться. Трудно было что-то узнать сверх того, что удавалось увидеть собственными глазами. «Получить точную статистику... от русского, — жаловался Керзон, — не легче чем выжать сок из камня». Местные власти отлично знали кто он такой, и, конечно же, порекомендовали железнодорожному начальству и кое-кому еще не распускать язык. Тем не менее Керзон смог собрать достаточный материал и о работе Транскаспийской (Закаспийской. — *Ред.*) железной дороги, и о ее стратегическом значении для Британской Индии, и написать комментарий на 478 страницах, изданный под названием «Россия в Центральной Азии и англо-русский вопрос».

Судя по записям, первая остановка произошла в Геок-Тепе, где восемью годами раньше солдаты Скобелева взрывом расчистили путь в громадную туркменскую цитадель а затем перебили множество убегающих жителей. Когда поезд приблизился к бесплодному месту среди пустыни, Керзон увидел разрушенную крепость — глиняные стены периметром почти в три мили, исклеванные пулями и снарядами. Увидел огромный пролом, проделанный миной скобелевских саперов, через который шла на штурм пехота. Поезд на станции Геок-Тепе достаточно долго стоял всего в шестидесяти ярдах от призрачной крепости, так что Керзон смог изучить детали. «Возле пустынного сооружения все еще можно заметить кости верблюдов, а

иногда и людей, — записал он. — Говорят, еще долго после нападения невозможно было ехать по равнине *без* того, чтобы копыта лошадей на каждом шагу не сокрушали человеческие черепа». В отдалении он мог видеть холмы, которые служили наблюдательным пунктом Эдмунда О'Донована из «Дейли Ньюс», свидетеля бегства через равнину побежденных туркмен.

Древний Мерв, когда-то известный во всей Центральной Азии как «Королева мира», обманул его надежды, утратив все следы своего прежнего величия. Четыре года российской оккупации лишили его всякой романтики и превратили в заурядный маленький гарнизонный городок с магазинами, торгующими дешевыми российскими товарами, и клубом с танцами раз в неделю. Некогда буйные и грозные туркмены были окончательно приручены. Керзон видел многих бывших врагов России в мундирах царской армии — и солдат, и офицеров. «Ничто не оставило большего впечатления завершенности завоеваний России, — записал он, — чем зрелище этих людей, только восемь лет назад ожесточенных и решительных врагов России на поле боя, а теперь носящих форму ее армии, делающих карьеру на царской службе и пересекающих Европу, чтобы приветствовать Большого Белого Царя как своего властелина».

Из Мерва поезд целый день тащился среди сурового безлюдья пустыни Каракум — «самой мрачной пустыни из всех виденных» — и въехал на большой деревянный мост через Оксус. Даже сегодня немногие иностранцы бросают взгляд на эту реку — по столь отдаленной местности пролегает ее русло. Керзон блеснул литературным мастерством, записав:

«В лунном свете мерцала перед нами широкая грудь могучей реки, которая с ледников Памира катится 1500 миль вниз к Аральскому морю». Возможно, в ту минуту его посетили некие героические и возвышенные видения — нечто наподобие истории из поэмы «Сухраб и Рустам», в которой повествуется о легендарном персидском воине, который по ужасной ошибке на берегах Оксуса убивает собственного сына. Поезд медленно двигался по скрипучей конструкции, затратив целых пятнадцать минут, чтобы достичь противоположной стороны. Керзон оторвался от размышлений и записал в блокноте, что мост опирался на более чем 3000 деревянных свай, был 2000 ярдов длиной и что потребовалось 103 дня, чтобы его построить. Как ожидалось, скоро его должен был заменить постоянный железный мост стоимостью в 2 миллиона фунтов.

И Бухара, и Самарканд совершенно превзошли все ожидания Керзона. Кроме русских, мало кто видел эти легендарные города Шелкового пути, все еще благоухающие романтикой и тайной. Керзон посвятил немало страниц своей книги описанию их великолепных мечетей, мавзолеев и других прославленных памятников. В Бухаре, где он остался на несколько дней, его как почетного гостя разместили в здании, которое русские официально называли своим посольством. Санкт-Петербург все еще поддерживал видимость того, что эмир является независимым правителем, а не вассалом царя. В самом городе сохранялось незначительное российское присутствие — посол, небольшой эскорт и штат. Однако, чтобы напоминать эмиру о его положении, на расстоянии всего лишь десяти миль размещался российский гарнизон. Якобы для защиты железной дороги.

Именно в Бухаре на большой площади перед Ковчегом, как называлась тамошняя цитадель, почти полвека назад жестоко казнили Конолли и Стоддарта. «Где-то среди этой груды зданий, — записал Керзон, — находилась ужасная яма, или яма-клоповник, в которую были сброшены Стоддарт и Конолли». Он был уверен, что ее уже давно засыпали, но когда попытался войти в Ковчег, чтобы увидеть это самому, толпа местных жителей преградила путь и жестами приказала ему убираться прочь. Исходя из рассказов, которые он слышал о заключенных, содержащихся в подземельях Ковчеха, «прикованных друг к другу железными воротниками... так, что нельзя было ни стоять, ни поворачиваться, ни передвигаться», Керзон заподозрил, что яма, кишущая паразитами, все еще использовалась по назначению. В «святом городе» применялись и другие варварские методы наказания. К примеру, там находился известный Минарет Смерти. С его вершины регулярно сбрасывали преступников, включая убийц, воров и фальшивомонетчиков, которые разбивались насмерть. «Экзекуции, — сообщал Керзон, — назначали на базарный день, когда примыкающие к площади улицы и сама площадь, на которой высится башня, переполнены людьми. Глашатай громко объявляет о вине осужденного человека и о возмездии, которое его ожидает со стороны владыки. Затем

преступника швыряют с самой вершины, и, покувыркавшись в воздухе, он разбивается в лепешку на твердом грунте у подножия башни». Приноравливаясь к эмиру и религиозным авторитетам, русские старались как можно меньше вмешиваться в народные обычаи и традиции, хотя рабство было уничтожено. Формальная же аннексия эмирата означала бы бесполезные расходы и неприятности. На практике, как имел возможность убедиться Керзон, «Россия может делать в Бухаре все, что пожелает».

В Самарканде, где тогда заканчивалась железная дорога, он не встретил таких проявлений «независимости», хотя русские неоднократно заявляли о своем намерении вернуть город и его плодородные земли эмиру Бухары, у которого их отобрали. «Не стоит и говорить, — писал Керзон, — что никогда не было ни малейшего намерения выполнять такие обязательства». Только российский дипломат, добавлял он сардонически, мог взять на себя такое обязательство, и только британский мог ему поверить. Среди символов, наводящих на мысль о долговременной российской оккупации, была большая и претенциозная губернаторская резиденция, окруженная собственным парком, новая православная церковь и тщательно распланированный европейский квартал, расположенный в удобном отдалении от шума и нищеты старого города.

Освобождаясь от неотложных дел, Керзон проводил немало времени, блуждая среди бесконечных архитектурных сокровищ Самарканда, чьи великолепные синие изразцы, увы, уже тогда быстро приходили в негодность и крошились. Подобно сегодняшним туристам, он в благоговении созерцал величественный Регистан, пристально разглядывал строения, которые относятся к самым прекрасным образцам архитектуры Центральной Азии, да и не только ее. Керзон считал ее даже в тогдашнем заброшенном состоянии «самой замечательной общественной площадью в мире», а сам Самарканд он описал как «чудо Азиатского континента». Он упрекал русских, которые ничего не делали, чтобы сохранить его прекрасные памятники для будущих поколений (некоторые из них, к счастью, сейчас приведены в порядок). Из Самарканда, используя специфически русское средство передвижения — гужевой тарантас, за тридцать мучительных часов Керзон добрался до Ташкента. Но дискомфорт вскоре был позабыт среди благ цивилизации официальной губернаторской резиденции, где его принимал генерал-губернатор — преемник грозного Кауфмана, который уже шесть лет как умер и был похоронен в Ташкенте.

Керзон теперь находился в самом сердце обширной Центрально-Азиатской империи царя — уникальная позиция для того, чтобы попытаться понять намерения России в отношении Индии. Во время пребывания в Ташкенте, который, по его наблюдениям, был превращен в один огромный укрепленный лагерь, где управляли исключительно военные, он использовал любую возможность выяснить взгляды высокопоставленных чиновников, включая его хозяина, на долгосрочные цели России в Азии. Он не был удивлен, обнаружив их явную агрессивность, особенно по отношению к Британии, и понимал, что этому не следовало придавать слишком большого значения. «Там, где военные — правящий класс, — заметил он, — и где продвижение по службе происходит медленно, неизбежно становится желанной война как единственно доступный путь отличиться». Ташкент, напомнил он своим читателям, долго служил убежищем для «пошатнувшихся репутаций и разрушенных состояний, возможность восстановления которых была связана исключительно с полем битвы». Незадолго до его прибытия гарнизон наполнился многообещающими слухами о надвигающемся вторжении в Афганистан. На границе такие мечты помогали людям сохранять здравый рассудок...

Керзон вернулся в Лондон тем же маршрутом, которым прибыл, и сразу засел за книгу. Он был вынужден признать, что российское правление принесло мусульманским народам Средней Азии немалые выгоды, а новая железная дорога будет способствовать ускорению экономического развития региона. Но наличие Транскаспийской магистрали драматично изменило стратегическое равновесие в регионе. Прежде продвигающиеся к Индии российские армии сталкивались с почти неразрешимой задачей перемещения крупных войсковых соединений, артиллерии и другого тяжелого оборудования на колоссальные расстояния и по кошмарной местности. Когда строительство заключительного 200-мильного отрезка железной дороги, связывающего Самарканд и Ташкент, завершится, это позволит Санкт-Петербургу быстро сконцентрировать на персидских или афганских границах стотысячную армию. Войска

могут быть переброшены из столь отдаленных мест, как Кавказ и Сибирь. Керзон был убежден, что истинное значение железной дороги в Британии серьезно недооценивали. «Эта железная дорога, — писал он другу, — делает их необыкновенно сильными. И они думают о ее применении в деле».

Он не верил, что неудержимое наступление русских в Центральной Азии было частью некоего грандиозного проекта или (как некоторые все еще думали) завершением выполнения завещания Петра Великого. «При отсутствии каких-либо физических препятствий, — писал он, — и во враждебном окружении... вся логика дипломатии сводится к пониманию альтернативы: победа или поражение. Россия была просто вынуждена продвигаться вперед, как Земля — вращаться вокруг Солнца». Первоначальный мотив продвижения России в направлении Индии существовал и в то время, когда еще отсутствовала всякая перспектива вторжения. Керзон соглашался, что многочисленные разработанные царскими генералами планы показывали: «В течение целого столетия в намерения российских государственных деятелей входила возможность добраться до Индии через Центральную Азию». Он пришел к выводу, что хотя ни российские государственные деятели, ни генералы не планировали завоевание Индии, «они очень серьезно рассматривают вопрос о проникновении в Индию, причем с конкретной целью, о чем многие из них достаточно искренне признаются». Их реальная цель — не Калькутта, а Константинополь. «Ради сохранения возможности использования колоний в Азии Британия пойдет на любые уступки в Европе. Вот вкратце итог и сущность российской политики», — заявил Керзон.

Об этом говорили и прежде. Значимость данного заявления связана с тем, что сделано оно было человеком, который за десять лет сумел реализовать свои амбиции, став в 39 лет вице-королем Индии, а затем достиг еще больших высот. Но во времена, названные Керзоном «Центрально-азиатской игрой», эта стремительная карьера не была уникальной. В том же месяце, в котором проходило путешествие Керзона, из секретной разведки в Синьцзяне вернулся молодой офицер индийской армии, чьи успехи вскоре станут волновать целое поколение англичан...

33. Там, где сходятся три империи

Обладатель того, что Керзон позднее назвал «духом, вышколенным пограничьем», лейтенант 1-го гвардейского полка королевских драгун Френсис Янгхасбенд, казалось, обладал всеми достоинствами, которые требовались от романтических героев тех времен. Действительно, он мог бы служить моделью для таких героев, как Джон Бухеа, Ричард Ханней и Санди Арбатнот. Человек, который без посторонней помощи, находясь в пустынных местах, самостоятельно выступил против угрозы Британской империи. Родился он в семье военного, в Мюррее, на холмах вблизи северо-западной границы. В 1882 году в возрасте 19 лет он поступил на службу и был направлен в полк, тогда стоявший в Индии. Уже в начале карьеры командиры разглядели в нем способности к разведывательной работе, и к двадцати годам он осуществил множество успешных разведывательных операций как на границе, так и по ту ее сторону. Похоже, склонность к подобным занятиям была у него в крови: он был племянником давнего участника Большой Игры Роберта Шоу, чьей карьере с детства мечтал подражать. В конечном счете ему было суждено превзойти своего героя. К 28 годам он станет ветераном Игры, пользующимся доверием высокопоставленных лиц, с которыми вряд ли случалось вступать в контакт его подчиненным. Его секретная работа открыла ему доступ к последним разведанным, касающимся реакции Индии на продвижение русских на дальнем севере; предметом его гордости было знание наизусть труда генерала Макгрегора «Оборона Индии», являвшегося библией сторонников «наступательной школы».

Большое азиатское путешествие, из которого Янгхасбенд с трудом вернулся в то самое время, когда Керзон неспешно путешествовал по железной дороге, представляло собой 1200-мильный маршрут, пересекающий Китай с востока на запад, маршрут, который никогда прежде европейцы не совершали. Получилось это почти случайно. Весной 1877 года, возвращаясь после путешествия через Маньчжурию (а в действительности после сбора развединформации), на обратном пути он оказался в Пекине одновременно с полковником

Марком Беллом, вице-консулом и своим непосредственным начальником. Белл собирался самостоятельно отправиться в длительную поездку через Китай. Целью поездки было установить, смогут ли маньчжурские правители противостоять российскому вторжению. Янгхасбенд сразу спросил полковника, нельзя ли сопровождать его в путешествии. Белл отказался, заявив, что это станет пустой тратой времени. Гораздо лучше вернуться в Индию через территорию Китая, но другим маршрутом. Это не будет дублированием, а даст возможность получить более полную картину военных возможностей страны. А после возвращения Янгхасбенд сможет представить отдельный доклад с собственными результатами и выводами.

Предложение было заманчивым, и повторять его Янгхасбенду дважды не пришлось. Белл телеграфировал в Индию, запросил согласие на поездку Янгхасбенда. Получив «добро» от самого вице-короля, молодой офицер 4 апреля 1887 года отбыл из Пекина, начав первую часть своего долгого маршрута на запад, через пустыни и горы Китая. На это понадобилось семь месяцев, с драматическим зимним штурмом в конце путешествия неизведанного тогда перевала Музтаг и покорением Каракорума — огромное достижение для человека, плохо подготовленного для восхождений и не располагавшего альпинистским опытом. Привезенная им ценнейшая информация привела в восхищение его руководство. Формально цель поездки считалась географической. По возвращении в Индию главнокомандующий генерал Робертс предоставил Френсису трехмесячный отпуск для поездки в Лондон. Там в августе он прочитал лекции по научным результатам своей поездки в Королевском Географическом обществе и в 24 года стал самым молодым его членом за всю историю, а вскоре был отмечен вождеденной почетной золотой медалью. В отличие от сверстников — младших офицеров, с которыми высокопоставленные чиновники общались с плохо скрываемым презрением, Френсис Янгхасбенд уже был принят теми, кто имел статус элитного участника Большой Игры.

Несколько следующих лет он был по горло завален работой. Царские генералы начали проявлять тревожный интерес к безлюдному высокогорью, где соприкасались Гиндукуш, Памир, Каракорум и Гималаи и три гигантские империи — Англия, Россия и Китай. Российские военные топографы и землепроходцы вроде полковника Николая Пржевальского, исследовали все новые, большей частью еще неизвестные места в верховьях Оксуса и даже Северный Тибет. В 1888 году некий российский исследователь проник далеко на юг и достиг отдаленного, окруженного горами княжества Хунза, которое, по мнению британцев, находилось в сфере их влияния и России не принадлежало. На следующий год другой российский исследователь, грозный капитан Громбчевский, дерзнул побывать в Хунзе в сопровождении эскорта из шести казаков. Как сообщали, он был сердечно принят местным правителем и пообещал возвратиться на следующий год с кое-какими интересными предложениями из Санкт-Петербурга. Британским офицерам — пограничникам и их хозяевам в Калькутте показалось, что после долгого периода сдержанности начался новый этап российской экспансии.

Как впоследствии стало известно, три путешественника, которых все считали русскими, пересекли очень опасный перевал Бархил и после изнурительной поездки прибыли в Читрал. Правители, уже находившиеся на британском содержании, схватили этих людей и под охраной доставили в Симлу, где их допросил лично вице-король лорд Дафферин. Ко всеобщему облегчению, они оказались не русскими, а французами во главе с известным исследователем Габриэлем Бонвилем. Их рассказ о перенесенных несчастьях, включая потерю лошадей и поклажи, был выслушан британцами с известным удовлетворением. Французы совершали переход весной, когда перевалы наиболее опасны, поэтому они едва уцелели, но точно такие же трудности и столь же «теплый прием» подстерегали и российские войска. И все же англичан все больше начинала беспокоить перспектива российского политического проникновения в регион — особенно в лице офицеров вроде Громбчевского, которые хотели и могли установить дружественные отношения с правителями маленьких северных государств, лежавших на пути продвижения их армий. Киплинг использовал эту тему в классической шпионской истории — своем романе «Ким», в которой царские агенты под видом охотников стремятся проникнуть в высокогорье и подкупить «пять королевств севера». Джон Бухем использовал ее в романе «Нерешительный», малоизвестном теперь произведении о Большой Игре, написанном годом

ранее, в 1901 году. В нем герой в полном одиночестве умирает под прикрытием большого валуна в районе Хунзы, защищая огнем своей винтовки секретный проход, который обнаружили и через который пытались прорваться русские.

В реальной жизни в ответ на российские действия на плохо охраняемом далеком севере вице-король предпринял множество спешных шагов, чтобы противостоять любой угрозе проникновения или другого вмешательства — по крайней мере, пока между Россией, Афганистаном и Китаем не будут согласованы памирские границы. В Гилгит, лежавший в северной части владений кашмирского махараджи, он направил опытного политического советника. Им был полковник Элджернон Даренд, чей брат, сэр Мортимер Даренд, был министром иностранных дел в правительстве Индии. Из Гилгита — безопасного и удобного наблюдательного пункта — ему предстояло следить за любыми российскими передвижениями на севере и одновременно стараться завязать хорошие отношения с местными правителями. В это же время вице-король объявил о создании новой двадцатитысячной армии, которая формировалась из подданных индийских принцев, владеющих частными войсками. Она стала известна как Корпус имперской службы и предназначалась прежде всего для защиты индийских границ. Чуть позже главнокомандующий генерал Робертс лично посетил Кашмир и дал махарадже рекомендации по усилению и модернизации его вооруженных сил. Существовала надежда, что армия махараджи сможет удерживать русских до тех пор, пока не подойдет помощь в лице Корпуса имперской службы или подразделений индийской армии.

В числе самых срочных была проблема капитана Громбчевского. Было известно, что он скрывается где-то на Памире и планирует вскоре вернуться в Хунзу, чтобы возобновить прошлогоднее знакомство с его правителем. И это не было единственной неприятностью, связанной с Хунзой. В течение ряда лет, используя известный только им проход, бандиты из Хунзы грабили караваны, пробиравшиеся по пустынным тропам через горы между Лехом и Яркендом. Мало того, что это мешало продвижению британских товаров, гораздо больше тревожило руководителей защиты Индии само существование некоего тайного прохода. И если из Хунзы этим путем могут пробираться вооруженные бандиты, то смогут и русские. В Калькутте решили, что неизвестный проход должен быть непременно обнаружен. Но кто же мог сделать это лучше, чем лейтенант, впрочем, с недавних пор уже капитан, Френсис Янгхасбенд? «Игра началась», — удовлетворенно отметил в Гилгите полковник Даренд.

* * *

Летом 1889 года Янгхасбенд получил из штаба отдела разведки в Симле телеграмму с приказом, подписанную лично министром иностранных дел сэром Мортимером Дарендом. Френсис только что отверг предложение посетить Лхасу, в которой, как стало известно, российские военные исследователи, выдающие себя за яркендских торговцев, изучали местные достопримечательности и проводили рекогносцировку. Одной из причин отказа стало известие, что на дороге к Яркенду зверски зарубили путешественника-одиночку, предприимчивого шотландского торговца Эндрю Далглиша. Маршрут поездки проходил мимо места, где погиб Далглиш. Янгхасбенда сопровождал эскорт из шести гуркхских стрелков и взвод кашмирских солдат из Леха. Кроме поисков неизвестного прохода, которым пользовались бандиты из Хунзы, капитан должен был посетить столицу и предупредить ее правителя, что британское правительство больше не может допустить утеснения невинных торговцев, по большей части подданных индийской империи, перевозящих британские товары, а кроме того, предостеречь правителя от контактов с русскими.

8 августа 1889 года Янгхасбенд со своим отрядом покинул Лех и взял курс на север через перевал Каракорум к отдаленному селению Шахидула. Здесь, на высоте 4500 метров, жили торговцы, которые водили караваны по маршруту Лех — Яркенд и пострадали от бандитов. От них Янгхасбенд надеялся узнать о местонахождении неизвестного прохода — таинственного Шимшала, ведущего на запад в Хунзу. Перед поездкой в Хунзу для встречи с правителем капитан планировал блокировать проход, выставив заслон своих кашмирских солдат. Через пятнадцать дней после отъезда из Леха Янгхасбенд со своей командой добрался до селения — сурового места с обветшалым фортом и несколькими кочевыми шатрами, в которых жили торговцы-караванщики. От их главы Янгхасбенд узнал, что обращения к китайским властям о защите от Хунзы остались без ответа. Ясно, что Пекин не горел желанием поощрять торговлю

между Индией и Синьцзяном, в особенности торговлю чаем, так как это противоречило интересам его собственных торговцев. Номинально селение располагалось на китайской территории, но староста предложил принять его под юрисдикцию британского правительства, если это обеспечит им защиту. Объяснив, что он не уполномочен принять такое предложение, Янгхасбенд тем не менее обещал передать его вице-королю. А для защиты, сказал он, решено разместить у тайного прохода взвод хорошо вооруженных кашмирских солдат, что поможет обуздать бандитов. И наконец, у него есть приказ отправиться в Хунзу и передать правителю княжества предупреждение о серьезных последствиях продолжения набегов.

Жители селения рассказали, что проход Шимшал контролирует крепость, в настоящее время захваченная бандитами. Находящийся в Гилгите полковник Даренд в соответствии с инструкцией из Калькутты уведомил махараджу Кашмира, официального союзника и друга Британии, что в соответствии с соглашением Янгхасбенд уже в пути к Хунзе. Но капитан, предупрежденный, что бандиты захватили крепость, пока не трогался с места. Впрочем, похоже, другого пути в Хунзу не было, и Янгхасбенд решил отправиться к крепости и посмотреть, какой прием там приготовлен для него и гуркхских стрелков. Деревенский староста помог отыскать узкий, крутой проход, в самом деле едва различимый среди хаоса скал. «Более подходящего места для логова разбойников не придумаешь», — записал Янгхасбенд, присовокупив свои наблюдения о том, что кроме сельских жителей, они уже сорок один день ни одной живой души не встречали. Внезапно высоко вверху они увидели логово бандитов. Крепость эффектно взгромоздилась на вершину почти отвесного утеса; староста сказал, что она известна как Ворота в Хунзу. Оставив часть гуркхских стрелков, чтобы те могли при надобности прикрыть *огнем их* отход, *капитан и* еще двое, вместе с переводчиком, пересекли все еще замерзшую реку на дне ущелья и начали подниматься по извивавшейся серпантинном тропе, кончавшейся крутым утесом. Это был смелый поступок, но Янгхасбенд знал цену, по которой в Центральной Азии платят за смелость.

Поднявшись на вершину, они с удивлением обнаружили, что ворота крепости открыты настежь. На мгновение показалось, что там никого нет. Но это была просто старая уловка Хунзы. Как только Янгхасбенд и два гуркхских стрелка осторожно приблизились к воротам, их внезапно захлопнули изнутри. «В доли секунды, — записал Янгхасбенд, — всю стену заполнили люди чрезвычайно дикого вида, которые громко кричали и целились из мушкетов с расстояния всего пятидесяти футов». На миг он испугался, что бандиты откроют огонь. Однако, хотя крик продолжался, люди на стене не стреляли. Янгхасбенд закричал, пытаясь перекрыть шум: «Би Адам! Би Адам!» — «Один человек! Один человек!» — и поднял вверх палец, показывая, что кто-то должен выйти для переговоров.

После паузы ворота открылись, вышли двое и направились туда, где ожидали Янгхасбенд и его люди. Капитан объяснил, что направляется в Хунзу для встречи с их правителем. Представители бандитов вернулись в крепость, чтобы передать это своим вожакам, и вскоре Янгхасбенда со спутниками пригласили внутрь. Шаг за ворота мог оказаться для британского офицера последним в жизни: какой-то человек внезапно шагнул вперед и схватил его за портупею. Действие представлялось враждебным, и гуркхские стрелки, хотя и были в меньшинстве, вскинули винтовки, готовые дорого продать жизнь капитана и свою. Их командир, как позднее узнал Янгхасбенд, предупредил, что если они позволят причинить капитану любой вред, то могут не возвращаться, как запятнавшие честь полка. К счастью, однако, это оказалось несколько причудливой шуткой, хотя и чрезвычайно рискованной. Человек, который схватился за портупею, зашелся от смеха, и вскоре все, включая Янгхасбенда, к нему присоединились. Оказывается, горцы просто хотели проверить храбрость англичанина и посмотреть, как он будет реагировать. Кроме того, скоро выяснилось, что они ожидали его прибытия, но не получили точных распоряжений насчет того, как его принять. Лед настороженности был сломан, и вскоре обе стороны расселись вокруг огромного костра, разожженного во внутреннем дворе крепости. «А когда коротышка-гуркх достал немного табака, — вспоминал впоследствии Янгхасбенд, — и с обычной для гуркхов улыбкой предложил его хозяевам, те были просто покорены».

Янгхасбенд начал подозревать, что бандиты фактически действовали не по собственной воле, а по приказу правителя. «На их долю выпадал весь риск и опасность, — записал он, — в

то время как правителю доставалась вся прибыль. Они совершали набеги по приказу и головою поплатились бы за отказ». Поэтому он объяснил, что правительство недоволено, что купцов, среди которых были и его подданные, везущие товары из Индии, грабили, убивали или продавали в рабство. И его послали обсудить с их правителем возможность прекращения набегов. Люди внимательно его слушали, но потом нервно заметили, что вопрос прекращения набегов они обсуждать не могут, что, казалось, подтверждало подозрения Янгхасбенда.

На следующий день, сопровождаемый семью новыми друзьями из Хунзы Янгхасбенд с гуркхскими стрелками двинулись по высокогорному проходу, чьи тайны так стремилась исследовать и описать Калькутта. Они не прошли и восьми миль, как встретили посланного правителем эмиссара Сафдара Али. Тот доставил приветственное послание, сообщавшее Янгхасбенду, что он волен путешествовать по всему княжеству. Когда же он увидит все, что хочет, правитель надеется, что Янгхасбенд посетит столицу как его официальный гость. Янгхасбенд вручил эмиссару для передачи правителю подарки, включая прекрасную кашмирскую шаль, вместе с посланием, в котором выражалась искренняя благодарность за щедрое предложение гостеприимства. Последнее, добавлял Янгхасбенд, он с удовольствием примет, как только чуть больше познакомится со знаменитым княжеством. А сейчас он не только хочет исследовать проход Шимшал, но попытается обнаружить, есть ли поблизости еще какие-то проходы, через которые могли бы проникнуть в Хунзу российские войска или агенты.

Вскоре прибыл второй посыльный, на сей раз доставивший почту прямо из Индии. Это было срочное послание от руководителей Янгхасбенда в Симле, предупреждающее его, что российский агент Громбчевский снова в регионе и направляется на юг к Ладаку. Янгхасбенду рекомендовали внимательно следить за всеми передвижениями русского. Через несколько дней явился третий посыльный, на этот раз принесший послание лично от капитана Громбчевского.

Русский, узнав о его пребывании в этих местах, сердечно пригласил своего английского конкурента отобедать в его лагере. Янгхасбенд не нуждался в долгих уговорах и на следующее утро отправился туда, где русский разбил свои палатки.

«Как только я приехал, — записал он позже, — высокий, прекрасно выглядящий бородатый человек в российской военной форме вышел меня встретить». Громбчевский, у которого был эскорт из семи казаков, тепло приветствовал своего гостя, и той же ночью, после того, как британский офицер разбил поблизости свой собственный лагерь, они вместе отобедали. «Обед был очень плотным, — сообщил Янгхасбенд, — и русские от души накачали меня водкой». Поскольку последняя текла рекой и еды все время подбавляли, Громбчевский все более искренне говорил о соперничестве между двумя их нациями в Азии. Он сказал Янгхасбенду, что российская армия, как офицеры, так и рядовые, ни о чем больше не думали, только о предстоящем походе на Индию. Для подтверждения он подзвал казаков и спросил их, хотели бы они наступать на Индию. Казаки с воодушевлением поклялись, что ни о чем большем и не мечтают. Это намного превосходило то, о чем сообщали Барнаби, Керзон и другие после возвращения из азиатских областей России.

Янгхасбенд обратил внимание, что на карте Громбчевского изображение беспокойного памирского «окна» было окаймлено красным — очевидное подтверждение факта, что русские знали о существовании безлюдных земель, где соприкасались Россия, Китай, Афганистан и Британская Индия. Британцы, настаивал Громбчевский, вызвали российскую враждебность по отношению к себе в Азии, потому что упорно вмешивались в события на Черном море и балканском регионе, пытаясь мешать тому, что Санкт-Петербург считал там своими законными интересами. Когда Россия нападет на Индию — а Громбчевский думает, что это только вопрос времени, — в поход отправится не ограниченный контингент, как, похоже, полагают британские стратеги, а что-нибудь тысяч 400 войск. Янгхасбенд знал, что британские эксперты, включая Макгрегора, полагали, что в подобной местности можно развернуть максимум 100 тысяч. И поинтересовался у Громбчевского, как же снабжать столь многочисленную армию, если, оставив позади железную дорогу, они одолеют горные преграды, защищающие Северную Индию? Тот ответил, что неприхотливый российский солдат идет, куда приказано, и не слишком беспокоится о транспорте и снабжении. Он смотрит на командира как на отца родного, и если в конце изнурительного дневного марша или сражения не находит ни воды, ни продовольствия, то обходится без них. Тянет бодро, пока не упадет...

Затем они заспорили об Афганистане, форпосте защиты Индии, стране, которая непременно будет затронута, если вспыхнет война за Индию. Англичанам, заявил Громбчевский, давно нужно было в интересах обеспечения собственной безопасности аннексировать его вместе с прочими мелкими княжествами региона. Методика использования субсидий и соглашений, утверждал он, не дает никаких гарантий против предательства. Эмир Абдур Рахман, по его словам, никогда не был англичанам настоящим другом. В случае войны обещание доли индийских сокровищ перевесит все, и он кинется в объятия русских, среди которых долго жил до восшествия на трон. Кроме того, если помощь окажется рядом, туземные общины Индии поднимутся против британских угнетателей. Но этот фактор, указал Янгхасбенд, обоюдоострый, а что если британцы натравят афганцев и прочих против среднеазиатских территорий России с призом в виде легендарных сокровищ Бухары и Самарканда? Обширные владения царя к востоку от Каспия очень уязвимы, а самые слабые точки Индии хорошо укреплены. И такая полемика под водку и блины продолжалась далеко за полночь. Проходила она, возможно, эмоциональнее, чем в академических кругах, но зато с отменным чувством юмора. Это был незабываемый вечер: впервые поглощенные Большой Игрой соперники сидели на границе лицом к лицу и вели открытый спор. И было это не в последний раз.

Через два дня, разделив поровну содержимое припасенной Янгхасбендом бутылки бренди, офицеры приготовились отправиться каждый в свою сторону. На прощание гуркхские стрелки приветствовали российского офицера, взяв «на караул». „Русский, — сообщил Янгхасбенд, — был ошеломлен точностью их движений по сравнению с казаками, как один крепкими ребятами, но совсем без регулярной выучки. Русский капитан поздравил гуркхов с отличной выправкой, а малорослый гуркхский хавильдар, или сержант, драматическим шепотом попросил Янгхасбенда обязательно втолковать высоченному Громбчевскому, что большинство гуркхских стрелков гораздо выше их“. Русский был немало удивлен, когда Янгхасбенд рассказал ему про столь бесхитростную попытку его обмануть. Приказав своим казакам: „Шашки наголо!“ — их эквивалент взятия „на караул“, Громбчевский сказал Янгхасбенду сердечное „прощай!“, высказав надежду, что однажды они встретятся снова: если будет мир — в Санкт-Петербурге, если война — на границе. „Он добавил, — вспоминал Янгхасбенд, — что в любом случае я могу рассчитывать на теплый прием“.

В то время как его британский соперник продолжал исследовать регион перед встречей с правителем Хунзы, Громбчевский со своими казаками двинулся на юг к Ладаку и Кашмиру. Он надеялся получить от британского резидента, который ведал подобными вопросами, разрешение там перезимовать. Янгхасбенд предупредил, что британцы никогда не позволят войти в Ладак российскому офицеру в полной форме и конвою из семи вооруженных казаков. Хотя он не объяснял детально, но так и было, тем паче применительно к офицеру, известному своим участием в политической игре. Однако это не остановило Громбчевского, который сам привык выбирать свой путь. Ожидая в Шахидуле ответа британцев, русский решил с пользой провести время, двинувшись на восток и исследуя отдаленный Ладак — Тибетский пограничный район. Но незнание опасностей зимы на такой высоте подвело его, и разведка могла закончиться катастрофой. Отряд потерял всех своих лошадей и поклажу, а обмороженные и голодные казаки так ослабели, что не могли нести винтовки. Им посчастливилось вернуться в Шахидулу живыми, но, как говорили, даже через несколько месяцев Громбчевский все еще ходил на костылях.

Сам Громбчевский обвинял в своих неудачах англичан, не дававших ему разрешения войти в Ладак. Но в инциденте присутствует элемент тайны. Похоже, в этой без пяти минут трагедии отчасти виноват Янгхасбенд. В написанном позднее конфиденциальном примечании он сообщил, что втайне сговорился с новыми «друзьями» в Шахидуле направить русских на опасный путь, подстрекая их на рискованную поездку. Возможно, он не до конца осознал всю опасность, хотя искренне признал, что намеревался «вызывать опасные проблемы и потерю партии». Весьма показательно, что в последующих отчетах о его встречах с Громбчевским он об этом эпизоде не упоминает. А тот показывает, что Большая Игра отнюдь не всегда была столь джентльменским делом, как иногда изображают.

Много лет спустя после российской революции Янгхасбенд с удивлением получил

пришедшее как гром среди ясного неба письмо от своего старого соперника. К нему прилагалась книга, которую тот написал о своих приключениях в Центральной Азии. При старом режиме, сообщал он Янгхасбенду, он дослужился до генерал-лейтенанта и получил множество наград и высокие назначения. Но в 1917 году большевики отобрали все имущество и бросили его в тюрьму в Сибири. Благодаря японцам он сумел выйти на свободу и бежать в Польшу, куда еще раньше перебралась его семья. Контраст между судьбами двух этих мужчин вряд ли мог быть более разительным. Янгхасбэнд в расцвете славы был возведен в рыцарское звание, стал президентом Королевского Географического общества и осыпан наградами и почестями. Громбчевский сильно нуждался, остался одинок и стал настолько плох, что не мог встать с постели. Вскоре Янгхасбэнд узнал, что человек, которого когда-то в глубине души опасались руководители обороны Индии, скончался. Однако в то время, о котором идет речь, Громбчевский все еще считался на границе крупной фигурой.

* * *

После отъезда русского соперника и завершения собственного обследования региона Янгхасбэнд перевалил через горы для встречи в Хунзе с правителем Сафдаром Али. Это была необычайно тонкая и ответственная задача для молодого офицера, к которому, впрочем, с исключительным уважением относилось его начальство в Калькутте и Симле. Когда капитан подходил к селению Гулмит, где ожидал его правитель, был произведен салют из тринадцати пушек (придворный заблаговременно предупредил Янгхасбенда, чтобы тот не испугался); все это сопровождалось оглушительным грохотом церемониальных барабанов. В центре селения, через которое теперь стремительно несутся по Каракорумскому шоссе к Кашгару туристские автобусы, был установлен большой шатер — давний подарок британского правительства. Когда Янгхасбэнд, облаченный в алую полную парадную форму гвардейского драгуна, приблизился к шатру, навстречу вышел Сафдар Али. Янгхасбэнд знал, что этот человек в борьбе за трон убил и своего отца, и мать, и бросил двоих соперников в пропасть. Именно он был ответствен за кровавые нападения на караваны. И теперь — самый тяжкий грех в глазах Калькутты — на самом пороге Индии он начал заигрывать с русскими.

Внутри шатра около трона молчаливыми рядами сидели на корточках высокопоставленные сановники Хунзы, с острейшим интересом уставившиеся на вновь прибывшего. Янгхасбэнд сразу заметил, что кроме трона никакого другого сиденья не было. Предполагалось, что он с почтением встанет на колени у ног Сафдара. Пока обе стороны еще стояли, Янгхасбэнд, сохраняя учтивость, спешно послал одного из своих гуркхских стрелков, теперь одетого в шикарное зеленое обмундирование, принести из лагеря его стул. Когда поручение было исполнено, стул поставили рядом с троном правителя. Янгхасбэнд с самого начала хотел дать понять, что он здесь — представитель самого могущественного властелина на земле и ожидает соответствующего приема.

Вскоре Янгхасбэнд обнаружил, что и в самом деле основной проблемой в переговорах с Сафдаром Али было неверное его представление о собственной значимости. «Он полагал, — сообщал Янгхасбэнд, — что повелительница Индии, царь России и император Китая были вождями соседних племен». Когда посланники типа Громбчевского добирались до его резиденции, Сафдар Али считал, что они ищут его дружбы. Фактически в этом была доля истины. Но Янгхасбэнд хотел поставить правителя на место, хотя сознавал, что может тем самым подтолкнуть его в объятия русских.

Для начала Янгхасбэнд довел до сведения Сафдара Али, что британское правительство в курсе его секретных делишек с Громбчевским. Если бы Янгхасбэнд знал, как далеко это зашло, он бы выбрал выражения пожестче. Чуть позже до полковника Даренда в Гилгите дошли слухи, что Сафдар Али пообещал Громбчевскому разрешить русским устроить в Хунзе военную заставу и обучать его войска, хотя подтверждения этим слухам не нашлось. Впрочем, препятствовать подобным интригам — задача скорее самого Даренда, чем Янгхасбенда. А Янгхасбэнд прежде всего должен был попытаться прекратить набеги на караваны, чтобы можно было расширить торговлю с Синьцзяном. Сафдар Али легко признал, что набеги совершались по его приказу. «Это княжество, — сказал он, — как гость, должно быть, лично убедился,

только камни и лед, пастбищ или возделанной земли совсем немного. Набеги — единственный источник дохода. Если англичане требуют их прекратить, они должны дать компенсацию в виде субсидий, иначе люди будут голодать». Единственной слабостью этого аргумента, по наблюдениям Янгхасбенда, являлось то, что Сафдар Али большую часть доходов от набегов забирал для себя лично, и то же самое произойдет с любой субсидией.

Янгхасбенд сказал, что британское правительство никогда не согласится субсидировать прекращение грабежей караванов. «Я сказал, что королева не привыкла платить шантажистам, — записал Янгхасбенд, — и что я оставил солдат для защиты торгового пути, так что теперь получить доход с набегов не удастся». К удивлению Янгхасбенда, Сафдар Али затрясся от смеха, искренне поздравляя своего гостя. Стремясь показать властителю Хунзы, насколько беспомощны его вооруженные мушкетами воины против хорошо обученной современной европейской пехоты, Янгхасбенд продемонстрировал огневую мощь своих гуркхских стрелков. Он приказал им дать залп через ущелье по скале с расстояния в 700 ярдов (хотя не раньше, чем по требованию Сафдара Али того не окружил кордон телохранителей). Когда все были готовы, Янгхасбенд дал приказ стрелять. Шесть гуркхских стрелков, сомкнувшись в ряд, дали по скале залп. «Это, — отметил Янгхасбенд, — вызвало настоящую сенсацию».

Но не оказало ожидаемого впечатления на Сафдара Али. С удовольствием приняв новую игру, правитель заявил, что стрелять в камень скучно. Выбрав на роль утеса человека он попросил, чтобы Янгхасбенд приказал гуркхским стрелкам стрелять в него. Янгхасбенд рассмеялся, но объяснил, что не может этого сделать, поскольку стрелки почти наверняка человека убьют. «Но какое это имеет значение? — заявил правитель. — В конце концов он принадлежит мне». Это только подтверждало сложившееся у Янгхасбенда весьма неблагоприятное мнение относительно Сафдара Али. «Я понял что

этот невоспитанный грубиян, — записал он впоследствии

недостойн править столь прекрасным народом, как люди Хунзы». Вскоре Янгхасбенд был им сыт по горло, а Сафдар Али становился все более высокомерным и капризным. Затягивать пребывание в княжестве не следовало — надвигалась зима, единственный проход могло засыпать снегом, и тогда партия оказалась бы на всю зиму в Хунзе как в ловушке. 23 ноября, едва Янгхасбенд обсудил условия договора с Сафдаром Али, британская команда отбыла в Гилгит. Похоже, Сафдар Али, убежденный Громбчевским, что пользуется российской защитой, чувствовал себя в безопасности и предельно ужесточал свои требования. Если так, он не первый азиатский правитель, который излишне доверился эмиссару царя.

Янгхасбенд со своим отрядом вернулся в Индию незадолго до Рождества 1889 года. За неполных пять месяцев они преодолели семнадцать перевалов, включая два ранее неизвестных, и определили, что некоторые из них, включая Шимшал, легко доступны для прохода подготовленных разведывательных партий и людей, подобных Громбчевскому. Следовало отметить и гуркхских стрелков, которые заслужили признательности и восхищения. Сержант и капрал по его рекомендации были представлены к более высоким званиям, остальные получили материальное вознаграждение. «Слезы были в их глазах, — записал он, — когда мы попрощались». Затем он уселся за детальный конфиденциальный отчет о результатах своей поездки. В нем он утверждал, что не видит альтернативы военным действиям против своенравного Сафдара Али, чтобы помешать ему пригласить в Хунзу русских. Важным был вопрос о том, как закрыть памирское «окно» шириной в пятьдесят миль, через которое в прошлом году в Хунзу с севера вошел Громбчевский. В настоящее время мало что могло помешать русским водрузить там свой флаг и провозгласить его своим. Но если бы границы Афганистана и китайской Центральной Азии соприкасались, ликвидируя таким образом это пространство безлюдной земли, опасность эту можно было бы предупредить. Янгхасбенд вызвался исследовать памирское «окно», а затем попробовать решить проблему с высшими китайскими чиновниками в Кашгаре. К его удовольствию, предложение встретило одобрение Калькутты, все более и более озабоченной защитой северных провинций. Летом 1890 года он вновь уехал на границу. Там ему предстояло пробыть больше года. Но началось все с конфронтации с русскими, которая чуть было не привела к войне в Центральной Азии. На сей раз Янгхасбенда сопровождал Джордж Макартни, говорящий по-китайски молодой коллега из

политического департамента. Ему было 24 года, на два меньше, чем Янгхасбенду. Со временем он тоже стал легендой Большой Игры. Два следующих месяца они вместе странствовали по всему памирскому региону, заполняя белые пятна на британских картах и пытаясь установить, под чью юрисдикцию — Афганистана или Китая — попадали некоторые проживавшие там небольшие племена. Очень часто в этих неприветливых местах просто не ступала нога ни афганца, ни китайца, и туземцы ни от кого не зависели. Время от времени, даже осенью, там было настолько холодно, что в палатках вода замерзала в чашках. Длительное пребывание в высокогорье привело к тому, что сегодня называют горной болезнью — боли во всем теле, постоянная физическая слабость и утомляемость. Янгхасбенд отметил, что не позавидуешь российским войскам, посланным надолго оккупировать этот регион. И добавлял, что наверняка их будет преследовать искушение в поисках более сносного климата перебраться на юг. В ноябре, когда дальнейшая работа на Памире стала невозможной, они с Макартни спустились в Кашгар. Отношения между Лондоном и Пекином к тому времени за пять лет, прошедших после злополучной миссии Нея Елиаса, серьезно улучшились, так что китайцы согласились разрешить офицерам перезимовать в Кашгаре и даже обеспечили их резиденцией. Известная как Чайни Баг, или Китайский Сад, она в конечном счете стала британским консульством, а в заключительные годы англо-русской борьбы — важным наблюдательным постом. А для Джорджа Макартни на последующие двадцать шесть лет она стала настоящим домом. Но если китайцы и хотели забыть британский флирт с Якуб Бекем и радушно принимали англичан, то был в Кашгаре человек, который рассматривал их визит с предельным подозрением. Этим человеком был российский консул Николай Петровский, который в течение восьми лет успешно разводил британцев и Синьцзян.

Если Петровский и испытывал враждебность к двум вновь прибывшим, то был достаточно осторожен, чтобы это скрыть. Главной его заботой было выяснить, кто они и что обсуждали с китайскими должностными лицами. Они встречались, Петровский развлекал их, и не раз, очевидно, в тщетной надежде разговорить. Навязывал экспансивные дискуссии о ролях их собственных правительств в Азии. «В той глуши, где никого другого не было, он составлял достаточно приятную компанию, — писал о нем Янгхасбенд. — Но он — тот самый тип российского дипломатического агента, с которым мы и боремся». Петровский шокировал Янгхасбенда полным отсутствием рефлексии, искренне признавая, что лжет всякий раз, когда это выгодно, и полагая, что британцы поступают точно так же. По ходу дела Янгхасбенд и Макартни обнаружили, что Петровский исключительно информирован не только о Синьцзяне, но и о Британской Индии. Очевидно, его шпионская сеть широко раскинулась по всему региону.

В задание Янгхасбенда входила попытка убедить китайцев обозначить свои территориальные претензии, послать отряды на Памир и занять регион без четко обозначенных границ, но строго к западу от их застав. Таким образом оказалась бы заполненной часть ничейных территорий. Поначалу переговоры пошли так успешно, что капитан счел возможным сообщить руководству, что «окно» очень скоро будет закрыто и русские не смогут продвинуться на Памир «без того, чтобы их действия не расценивались как акт открытой агрессии». Он, естественно, надеялся сохранить свои переговоры с китайцами в тайне, но не учел фактора личности Петровского. Янгхасбенд смог обставить своего российского противника на памирских перевалах, но здесь, на своей территории, Петровский был хозяином положения. Позже он хвастался, что все, что происходило между Янгхасбендом и китайским губернатором Таотаем, немедленно докладывалось ему. Это через много лет подтвердил советский историк этого периода Н. А. Халфин, который утверждал, что Петровский быстро обнаружил присутствие англичан и, разумеется, поставил об этом в известность Санкт-Петербург. Последующие события это, несомненно, подтверждают.

В июле 1891 года, когда Янгхасбенд и Макартни все еще находились в Кашгаре, в Лондон стали поступать сообщения, что русские планируют послать войска на Памир для его аннексии, Сведения были решительно опровергнуты российским министром иностранных дел, который назвал их абсолютно ложными. Однако уже через неделю он признал, что на Памир направлены войска «для наблюдения и предоставления отчетов о том, чем заняты в этом регионе китайцы и афганцы». Вскоре слухи о перемещениях русских подразделений дошли до

Янгхасбенда и Макартни. Хотя они абсолютно не доверяли Петровскому, но даже не подозревали, на что он способен за их спинами. Янгхасбенд сразу отправился на Памир, стремясь выяснить правду. Макартни остался в Кашгаре — наблюдать за событиями и в не меньшей степени присматривать за Петровским. Но, как теперь известно, было уже слишком поздно. Янгхасбенд быстро выяснил, что слухи очень даже правдивы. Русские добрались туда прежде, чем там оказались войска, которые обещали послать китайцы. Воинское соединение из 400 казаков вошло с севера на территорию памирского «окна» с приказом завладеть им от имени царя.

13 августа в пустынной долине высоко в горах Памира Янгхасбенд лицом к лицу столкнулся с захватчиками.

34. Детонатор в горах Памира

«Когда я выглянул из палатки, — писал впоследствии Френсис Янгхасбенд, — то увидел примерно двадцать казаков с шестью офицерами, которые везли с собой российский флаг». Помимо вновь прибывших и его собственного небольшого отряда в этом безлюдном месте, расположенном в 150 милях к югу от российской границы и известном местным кочевникам как Бозай-и-Гумбез, никого не было. До того, как им заинтересовались англичане, оно принадлежало Афганистану. Янгхасбенд сразу же послал одного из сопровождавших туда, где в полумиле от него русские разбили свой лагерь, и пригласил офицеров на завтрак. Те, не раздумывая, приняли приглашение, поскольку явно хотели узнать цель его прибытия сюда. Вскоре несколько офицеров во главе с усталым полковником Меновым, кавалером ордена Св. Георгия (самый близкий российский эквивалент Креста Виктории), подъехали верхом к скромному лагерю Янгхасбенда.

Встреча была дружественная, даже праздничная. У англичанина не было водки, чтобы угостить гостей, только привезенное из Кашгара российское вино. После завтрака Янгхасбенд сказал полковнику Ионову, что слышал о намерениях русских аннексировать весь памирский регион. Объяснив, что не хочет вызвать беспочвенной тревоги в Калькутте и Лондоне, пересказывая обычные местные слухи, он спросил Ионова, соответствует ли это действительности. Ответ русского был предельно ясен. «Он взял карту, — рассказывал Янгхасбенд, — и показал мне отмеченную зеленым обширную область, которая протянулась вплоть до нашего индийского водораздела». Она захватывала многие территории, бесспорно, принадлежащие Китаю или Афганистану. Теперь же все это считалось достоянием царя. Старательно избегая дискуссии, Янгхасбенд просто заметил Ионову, что русские «слишком широко раскрыли рот». На что полковник рассмеялся и добавил, что это лишь «только начало». Русские пробыли в лагере Янгхасбенда не больше часа и уехали, извинившись, что им следует заняться обустройством своего лагеря. Однако перед отъездом полковник Ионов пригласил Янгхасбенда пожаловать к ним на обед.

Состоялся радушный прием, во время которого семь офицеров расселись на корточках вокруг скатерти, постеленной в центре одной из невысоких русских палаток. Янгхасбенд с удовлетворением отметил, что его собственная палатка, с кроватью, столом и стулом, была гораздо больше и удобнее, чем у соперников, но признал, что русские не скупилась, когда дело касалось еды. «Последовал обед, — писал он, — который своим великолепием удивил меня не меньше, чем устройство моего лагеря удивило русских». Были супы и тушеное мясо, «приготовленные так, как это никогда не удастся местным индийским слугам», с приправами, соусами и свежими овощами. Последнее было для Янгхасбенда невероятной роскошью — ведь они находились на самом севере Пакистана. Помимо неизбежной водки, были различные вина, сопровождаемые бренди.

Янгхасбенд вскоре понял, почему его хозяева были в таком хорошем настроении. Вдобавок к притязаниям царя на весь памирский регион как раз сейчас они «вернулись из рейда на территорию Читрала, по ту сторону индийского водораздела», легко туда проникли и, оставив там часть людей для картографии, сами благополучно вернулись назад. Этот регион руководители обороны Индии расценивали как расположенный непосредственно в сфере их влияния. Ионов даже удивился, что у англичан, учитывая стратегическую важность для них

Индии, нет ни единого представителя в Читрале, и, похоже, они вполне удовлетворены соглашением с его правителем. Русский показал гостю на карте, что они прошли через важнейший перевал Даркот и осмотрели с высоты долину Ясин, которая вела прямо к Гилгиту. Янгхасбенд знал, что уже этого будет достаточно, чтобы у британских генералов кровь застыла в жилах. Но это было еще не все, что Янгхасбенду вскоре предстояло обнаружить.

Встреча закончилась в полночь после тостов в честь королевы Виктории и царя Александра. Российские офицеры, включая полковника Ионов, проводили молодого британского капитана назад, в его лагерь. Там после обмена приветствиями и изъявлений дружбы они расстались. Рано утром русские снялись со стоянки и направились на север, где соединились с основными силами и доложили о встрече в столь пустынном месте с офицером британской разведки. Сам же Янгхасбенд остался, чего не знали русские, ждать скорой встречи здесь, в Бозай-и-Гумбезе, с коллегой. Им был лейтенант Девисон, предприимчивый младший офицер из Лейнстерса, которого Янгхасбенд встретил в Кашгаре и привлек к сотрудничеству, поручив ему наблюдать за продвижением русских дальше к западу. Несколько дней назад капитан срочно отправил Девисона на ближайшую британскую заставу в Гилгит, чтобы сообщить начальству в Индии о российском рейде.

На четвертую ночь Янгхасбенд с удивлением услышал вдалеке цокот множества копыт. Выглянув из палатки, он увидел в ярком лунном свете строй примерно из тридцати казаков. Наскоро набросив одежду, он послал одного из своих людей выяснить, что привело казаков сюда. Вскоре посыльный вернулся и сказал, что с ним срочно хочет поговорить полковник Ионов. Янгхасбенд пригласил полковника вместе с адъютантом в свою палатку. Русский сказал, что у него есть неприятное известие, которое сообщает заранее: получен приказ выпроводить британского офицера из района, который стал теперь российской территорией. «Но я не на российской территории», — возразил Янгхасбенд и добавил, что Бозай-и-Гумбез принадлежит Афганистану. «Вы можете сколько угодно считать, что это афганская территория, — мрачно буркнул Ионов, — но мы считаем ее русской».

«Что, если я откажусь подчиниться?», — спросил Янгхасбенд. «Тогда мы будем вынуждены удалить вас силой», — ответил явно огорченный Ионов. «Ладно, у вас тридцать казаков, а я — один, — сказал ему англичанин, — так что я вынужден подчиниться». Затем он выразил самый категорический протест и пообещал немедленно сообщить о произволе своему правительству, которое и решит совершенно точно, какие следует предпринять шаги.

Полковник поблагодарил Янгхасбенда за то, что он облегчил выполнение его неприятной задачи, и выразил глубокое личное сожаление по поводу необходимости выполнить приказ, особенно ввиду сердечных отношений, которые между ними установились. Янгхасбенд заверил русского, что претензии не лично к нему, а к тем, кто дал этот незаконный приказ, и спросил, не желает ли Ионов с адъютантом после дальней дороги поесть. Он с удовольствием даст повару команду приготовить небольшой ужин. Донельзя растроганный, российский полковник схватил Янгхасбенда в медвежьи объятия, эмоционально выражая благодарность за то, как англичанин реагировал на неприятность. «Самое неприятное для офицера, — объявил Ионов, — поступать по отношению к другому офицеру так, как больше подобает полицейскому». И добавил, что надеется встретиться еще раз с англичанином, который избавил их обоих от деликатных затруднений, до его отъезда.

Подчеркивая свое высокое мнение о Янгхасбенде, Ионов предложил англичанину, если тот желает, уйти за границу самостоятельно, без сопровождения. Единственное условие: уйти через китайскую, а не через индийскую границу. Так строго-настрого приказало российское командование. Они квалифицировали Янгхасбенда как нарушителя. Кроме того он не должен проходить некоторыми перевалами. Причина этих требований была не совсем ясна, хотя, возможно, все делалось для того, чтобы как можно дольше задержать распространение информации относительно российских шагов не говоря уже о его собственном изгнании. Может быть, тут был элемент мести за предыдущий британский отказ на просьбу капитана Громбчевского о зимовке в Ладаке. А возможно, русские подозревали о роли Янгхасбенда в бедствии, которое того постигло. Британский офицер был уверен, что сможет найти перевалы, неизвестные русским и потому отсутствующие в их списке, и взял на себя обязательство соблюдать их условия, даже подписал об этом официальное заявление.

Русские, с благодарностью принявшие предложение Янгхасбенда о совместной трапезе, не задержались надолго, не иначе из-за несколько щекотливого положения. Следующим утром, когда Янгхасбэнд уже собирался отправиться на китайскую границу, Ионов приехал в его лагерь, чтобы вновь поблагодарить за деликатное отношение к ситуации и в качестве прощального подарка преподнести олений окорок. Но если начальство полковника надеялось задержать новости насчет изгнания Янгхасбенда, заставив его возвращаться окольным путем, ему предстояло пережить разочарование. За час до прощания с русскими британский офицер поспешно отправил в Гилгит гонца с детальным рапортом как о случившемся, так и о самых последних шагах Санкт-Петербурга на Крыше Мира. Теперь он ехал на восток, к китайской границе, предполагая найти путь через один из перевалов, отсутствовавших в списке полковника Иопова. Он не спешил и задержался на китайской границе к северу от Хунзы, надеясь встретиться с лейтенантом Девисоном, а тем временем контролировать *любые* новые российские шаги. Это была Большая Игра, увлекавшая ее участников, и 28-летний Янгхасбэнд был одним из них.

Прошло несколько дней, и появился Девисон. «Вдали, — записал Янгхасбэнд, — я увидел приближающегося всадника в фуражке и высоких русских сапогах и сначала подумал, что какой-то русский собрался удостоить меня своим посещением. Это, однако, оказался Девисон. С ним обошлись еще более бесцеремонно, чем со мной: его препроводили обратно в Туркестан». Там его лично допросил российский губернатор. Затем лейтенанта проводили к китайской границе и отпустили. Однако его арест и задержка послужили одной полезной цели. Захваченного Девисона везли на север по маршруту, которым прежде не ходил ни один британский офицер или исследователь. Вскоре офицеры двинулись назад к Гилгиту через перевал, о существовании которого им рассказали благожелательно настроенные пастухи. В последний раз друзья оказались вместе: во время следующей разведки Девисон умер от брюшного тифа. Он был, записал впоследствии Янгхасбэнд, офицером необычайной храбрости и решительности, со всеми задатками великого исследователя.

К тому времени новости относительно инцидента достигли Лондона, и Уайтхолл приложил невероятные усилия, чтобы его замалчивать, пока правительство решало, как лучше всего реагировать на это новое продвижение русских. Вскоре, однако, слухи через Индию проникли на Флит-стрит; в «Таймс» даже появилось сообщение, что Янгхасбэнд убит в столкновении с захватчиками. Его сразу же опровергли, но публикация подробностей о произволе русских по отношению к британским офицерам на афганской территории не позволяла сохранять спокойствие. Пресса, парламент и публика были рассержены, взметнулся еще один виток антироссийской эмоциональной лихорадки. Лорд Росбери, либеральный пэр, который вскоре станет министром иностранных дел, пошел еще дальше, назвав Бозай-и-Гумбез, бесплодную долину, где Янгхасбенда перехватили русские, Гибралтаром Гиндукуша. В Индии главнокомандующий генерал Робертс сказал Янгхасбэнду, что, по его мнению, настал момент нанести по русским удар. «Мы готовы, — сказал он, — а они — нет», и приказал мобилизовать войска на случай, если российский захват Памира приведет к войне.

Другие «ястребы» также готовы были ввязаться в драку. «Русские безнаказанно нарушили все соглашения, — писал специальный корреспондент „Таймс“ Е.Ф. Кнайт, путешествовавший по Кашмиру и Ладаку. — Вступление их войск на территорию Читрала, государства, находящегося под нашей защитой и субсидируемого индийским правительством, — преднамеренный шаг, который надо рассматривать как равнозначный объявлению войны». Если британцы игнорируют подобные вторжения в государства, которым даны гарантии от иностранной агрессии, предупредил он, то «аборигены не смогут не перестать в нас верить». Они решат, что Россия куда более могучая сила, «которой мы боимся сопротивляться». Поэтому они неизбежно повернутся к русским. «Мы должны, — заканчивал он, — ожидать против нас интриг, если не более открытой враждебности, как закономерного результата нашей апатии». Его предчувствия, похоже, подтверждали секретные сведения из Читрала. Сообщалось, что изгнание из Афганистана Янгхасбенда серьезно подорвало британский престиж среди аборигенов, они утрачивают доверие к Британии, что в точности отвечает российским интересам. Подобные сомнения, как мы уже видели, были и в отношении правителя Хунзы Сафдара Али, чьи личные симпатии, как известно, были отданы

Санкт-Петербургу.

Решительный протест по поводу агрессивных шагов России на Памире был выражен в распоряжениях лорда Солсбери британскому послу в Санкт-Петербурге, прямолинейному сэру Роберту Мориеру. Он не только отверг все претензии России на Памир, но и потребовал извиниться за незаконное изгнание оттуда Янгхасбенда и Девисона. Посол предупредил, что, если это не будет сделано немедленно, «вопрос примет очень серьезные международные масштабы». Неожиданный накал британской ноты вместе с информацией, что подразделение индийской армии в Кветте уже приведено в полную боевую готовность, напугали царя и его министров. В тот момент страна переживала сложный период. Множество губерний России были охвачены голодом и серьезными политическими волнениями, и, следовательно, экономика была не в состоянии выдержать полномасштабный конфликт с Британией. Поэтому Санкт-Петербург нехотя решил отступить. К негодованию военных, он отозвал войска и, по сути, дезавуировал требование захвата Памира, ожидающего урегулирования границ на постоянной основе. Вина за весь инцидент была возложена на несчастного полковника Ионова, которого обвинили в превышении полномочий, выразившемся в объявлении об аннексии Памира и высылке Янгхасбенда. Только позднее стало известно, что в порядке компенсации за роль козла отпущения царь Александр лично подарил ему золотой перстень и втихую назначил на генеральскую должность. Тем не менее Британия добилась извинений, и по крайней мере временно на Памире не стало российских войск.

Русские военные считали, что англичане сами повинны в кризисе. Их решение по отношению к Памиру, утверждали они, было навязано британским правительством, решившим сокрушить центральноазиатскую империю России. Как доказательство они цитировали книгу сторонника «жесткого» курса генерала Макгрегора «Оборона Индии», по общему мнению, секретную, экземпляр которой каким-то образом попал к ним в руки и был переведен на русский. Совсем недавно, в 1987 году, российский ученый ухватился за давно забытую работу Макгрегора, чтобы доказать то, что он называет «старыми мечтами британских стратегов». Леонид Митрохин в книге «Провал трех миссий» цитирует высказывание Макгрегора, что Британия должна «расчленить Российское государство на части, которые долго не смогут представлять для нас опасность». На самом же деле, если обратиться к оригинальному тексту Макгрегора, становится очевидным, что он пропагандировал такую акцию только в случае русского нападения на Индию, а это Митрохин и его царские предшественники нашли выгодным проигнорировать. Возможно, это даже было опущено в санкт-петербургском переводе.

Определенный рост решимости официальных действий британского правительства и нежелание Санкт-Петербурга идти на военный конфликт, заставившее русских на сей раз отступить, успокаивали. Но вторжение Ионова и его казаков в места, лежавшие в нескольких часах марша от Читрала и Гилгита, вызвало у руководителей обороны Индии настоящий переполох. Русские военные воспринимали отступление не более чем временную превратность. Вскоре в бесконечной игре «кошачий шаг» снова началось проникновение на юг, на Памир и Восточный Гиндукуш. В Калькутте Памир считали вероятным путем вторжения в Индию, и присутствие там вражеских агентов или небольших воинских подразделений, как выразился один комментатор, могло принести «далеко идущий вред в случае войны между двумя странами». Ответ, писал Кнайт из «Таймс», состоит в том, «чтобы заблокировать дверь с нашей стороны». Именно это британцы теперь намеревались сделать, причем начиная с Хунзы, которая была признана самой уязвимой из маленьких северных государств. С того момента, когда Англия перешла в наступление, судьба Сафдара Али была предрешена.

Вице-королю не требовались особые оправдания акции по его низвержению с трона. В течение многих месяцев Сафдар Али творил беззакония с очевидной уверенностью, что русские, если понадобится, придут ему на помощь. После ухода кашмирского отряда Янгхасбенда с непригодного для зимовки перевала Шимшал Сафдар Али возобновил набеги на караваны на маршруте Лех — Яркенд, не говоря уже о налетах на соседние селения. У него даже хватило неблагоразумия захватить и продать в рабство подданного Кашмира, жителя селения, без сомнения, находящегося в пределах Кашмира. Англичан, которые попытались умерить его выходки, он громогласно объявил своими врагами, а русских и китайцев —

друзьями. Как раз незадолго до появления весной 1891 года Ионова на Памире к северу от Хунзы полковник Даренд в Гилгите узнал, что Сафдар Али планирует осуществить давно вынашиваемый им захват кашмирской крепости в Чалте. Приказав обрубить веревочные мосты со стороны Хунзы и укрепив кашмирский гарнизон в Чалте, Даренд воспрепятствовал этому, хотя было ясно, что рано или поздно Сафдар Али сделает новую попытку, возможно, даже с российской помощью. Беспокоило и то, что Сафдар Али сумел убедить правителя маленького соседнего государства Нагар присоединиться к его силам против назойливых британцев и их кашмирских союзников.

В ноябре 1891 года в Гилгите под началом полковника из команды Даренда скрытно было собрано для похода на север, против Хунзы и Нагара, небольшое количество гуркхских стрелков и солдат кашмирского Корпуса имперской службы. Как раз в это время кашмирцы захватили шпиона Хунзы, которого Сафдар Али послал разведать численность британских войск в Кашмире. Допрошенный шпион выдал остроумный секретный план неожиданного нападения на гарнизон в Чалте. Отряд воинов из Хунзы, навьюченных грузом, чтобы выглядеть похожими на кули из Гилгита (кого они очень напоминали), но со спрятанным под одеждой оружием, попросит в крепости приюта на ночь. Там они напали бы на ничего не подозревающих защитников и, заставив отвлечься, позволили бы скрытым поблизости отрядам Сафдара Али ворваться следом.

Стало ясно, что пришло самое время решительных действий. Силы, собранные по приказу Даренда, состояли из почти 1000 гуркхов и кашмирцев в регулярных войсках и нескольких сотен пуштунов в дорожных отрядах. Их сопровождала батарея горной артиллерии, семь инженеров и шестнадцать британских офицеров. Путь был так труден, что понадобилось больше недели, чтобы достичь передовой базы для операций в Хунзе и Нагаре — крепости Чалт в двадцати милях к северу от Гилгита. Здесь Даренд получил эксцентричное послание от Сафдара Али, который к тому времени узнал о британском наступлении на его границы. Объявив, что Чалт «драгоценнее для нас, чем завязка халата нашей жены», он потребовал, чтобы крепость передали ему. А кроме того, предупредил Даренда, что если британцы войдут в Хунзу, то сражаться будут с тремя державами — «Хунзой, Россией и Китаем». Он утверждал, что «мужественные русские» обещали прибыть к нему на помощь против «женственных британцев». Завершало послание извещение о приказе: если полковник с войском осмелится войти в Хунзу, голову Даренда принесут к правителю на большом блюде. В то же самое время Джордж Макартни в Кашгаре узнал, что Сафдар Али направил посланников к российскому консулу Петровскому, напоминая об обещанной Громбчевским помощи. Такие же просьбы насчет оружия и денег были направлены и китайскому губернатору.

1 декабря британские войска пересекли реку Хунза по построенному инженерами Даренда импровизированному мосту и двинулись в восточном направлении к горной столице Сафдара Али Хунзе (ныне Балтит). Продвижение было медленным, колоннам приходилось то подниматься, то спускаться по крутым склонам непрерывной череды глубоких ущелий. На вершинах вражеские снайперы поджидали в сангарсах, или скальных укреплениях, каждое из которых предстояло взять, чтобы получить возможность безопасно продолжать наступление. Однако первым серьезным препятствием на пути была огромная каменная крепость в Нилте, принадлежащая правителю Нагара. Массивные стены и крошечные бойницы, характерные для многих азиатских твердынь, делали ее неприступной. Огонь семифунтовых горных пушек не произвел видимого эффекта. Гуркхские стрелки не могли поразить защитников, стреляющих из узких щелей-амбразур. Ко всем прочим трудностям начало заедать единственный имевшийся в отряде пулемет. Сам Даренд был ранен и вынужден передать командование. Но перед началом штурма он отдал важнейшее распоряжение: взорвать главные ворота крепости. Осуществили это саперы во главе с капитаном Фентоном Ольмером. Это было чрезвычайно опасное предприятие, очень похожее на подрыв ворот Газни, совершенный за шестьдесят лет до того отцом Даренда. «То, что произошло, — записал сопровождавший экспедицию Е.Ф. Кнайт, — долго будут помнить как одну из наиболее блистательных акций индийских войск».

Прикрываемые яростным огнем всего отряда, предназначенным отогнать защитников от амбразур, капитан Ольмер, его пуштуны и два младших офицера без потерь достигли стены крепости. Чуть позади них расположились 100 гуркхских стрелков, готовых ворваться внутрь в

тот момент, когда ворота рухнут. Приблизившись, младшие офицеры и Ольмер разрядили револьверы в нижние амбразуры, и капитан с ординарцем подтащили взрывчатку к основанию главных ворот, проскочив через зону сильного огня. У ворот они заложили пироксилиновые шашки, тщательно завалив их камнями, чтобы сконцентрировать эффект взрыва. Наконец они подожгли запал и поспешно отбежали вдоль стены на безопасное расстояние, ожидая взрыва. Но детонатор не сработал.

В тот момент Ольмера сильно ударило по ноге — выстрел был с такого близкого расстояния, что штанину и ногу обожгло порохом. Раненный, он пополз назад к воротам, чтобы попытаться снова поджечь запал. Подрезав шнур, он чиркнул спичкой и после нескольких попыток сумел снова его зажечь. Защитники, поняв, что он делает, обрушили на него сверху град тяжелых камней, один из которых раздробил руку капитана. Но Ольмер пополз назад вдоль стены, ожидая взрыва, и на этот раз запал не подвел. «Мы услышали мощный взрыв, перекрывающий выстрелы пушек и мушкетов, и увидели клубы дыма, поднимающиеся высоко в воздух», — записал Кнайт. Еще не улеглось огромное облако пыли и щебня, а гуркхские стрелки во главе с раненым Ольмером и двумя младшими офицерами ворвались через пролом в крепость, где завязалась жестокая рукопашная. Штурмующие оказались в значительном меньшинстве, хотя из-за дыма и суматохи после взрыва основные силы не сразу поняли, что гуркхи уже внутри, и продолжали вести яростный огонь со стен и амбразур. Понимая, что передовой отряд вырежут, если остальные задержатся, один из младших офицеров лейтенант Бойсридж под двойным огнем — и своих, и противника — кинулся, рискуя собой, к разрушенным воротам, вызывая подмогу. Его действия спасли положение, через миг остальные силы уже ворвались в крепость.

Кнайт хорошо видел происходящее. При звуке взрыва он вскарабкался на вершину скалы, откуда заполненная дымом внутренность крепости «была как на ладони». Он подробно рассказывал в своей книге «Там, где встречаются три империи»: «В узких улочках видны были мелькающие люди, едва различимые от пыли и дыма; но через мгновение мы поняли, что сражение идет уже в пределах крепости». Правда то, что было ясно журналисту, еще не понимало большинство осаждающих. Но вот раздались радостные крики, и со своего наблюдательного пункта они увидели, что основная часть войска вливается через ворота, вынуждая защитников прыгать со стен или выскакать из крепости через известные только им узкие секретные проходы. «И тогда только мы перевели дух, будто завершили длинное восхождение».

За взятие неприступного Нилта пришлось заплатить жизнями шестерых англичан против восьмидесяти или более мертвых врагов. Немного позднее Кнайт столкнулся с Ольмером. Залитого кровью капитана поддерживал кто-то из его людей. Репортер «Таймс» нашел его «веселым, как всегда», несмотря на то, что капитан был вторично ранен уже внутри крепости. «Когда он бросался в пролом, — записал Кнайт, — то, должно быть, знал, что идет на почти верную смерть», хотя его храбрость произвела глубокое впечатление на обе стороны. Дружественный британцам вождь одного из местных племен, ставший свидетелем штурма ворот, заявил Кнайту впоследствии: «Это борьба гигантов, а не людей». Примерно так же отреагировали и лондонские власти, и капитан Ольмер и лейтенант Бойсридж были позднее представлены к Кресту Виктории. Несмотря на неожиданную потерю Нилта, враг продолжил сопротивление англичанам на всем пути к столице Хунзы. В середине декабря путь наступающих войск блокировало препятствие посерьезнее даже, чем крепость в Нилте.

На сей раз врагом был превращен в цитадель целый склон горы, возвышающейся над долиной, по которой проходила единственная дорога. Он возвышался на 360 метров, и в многочисленных сангарах притаились примерно 4000 стрелков. Попытка пройти по долине под обстрелом с высоты невидимыми врагами была близка к самоубийству. Тщательная разведка не смогла обнаружить подходов, позволяющих скрытно приблизиться к вражеским позициям. Как и в Нилте, потребовалось нечто радикальное, ведь отказаться от кампании и отступить было абсолютно невозможно. Решение пришло с неожиданной стороны. Однажды ночью, серьезно рискуя жизнью, кашмирский сипай и квалифицированный альпинист скрытно взобрался по отвесной скальной стене к вражеским позициям. Вернувшись, он рассказал доверенным офицерам, что некоторое количество гуркхов и других опытных альпинистов сможет по этому

маршруту добраться до врага. Скала практически вертикальна, сообщил он, так что защитникам трудно будет и увидеть отряд, и стрелять по нему. Скалу тщательно изучили в бинокли, после чего решено было осуществить этот смелый план — при условии, что ему нет альтернативы.

Даже в самом британском лагере требовалось соблюдение строжайшей тайны: командиры обоснованно полагали, что часть местных носильщиков шпионят на врага. Был распущен слух о предстоящем отступлении, а 200 пуштунам, которых использовали преимущественно на дорожных работах и не привлекали к операциям, приказали начать упаковываться. Тем временем штурм был намечен в ночь на 19 декабря. Возглавлять группу восходителей поручили лейтенанту Джону Меннерсу Смиту, 27-летнему квалифицированному альпинисту, который был прикомандирован к войскам от политического департамента. О рискованной миссии, которую им предстояло вскоре предпринять, проинформировали только сопровождающих его специально подобранных пятьдесят гуркхов и пятьдесят кашмирцев. В ночь нападения, еще до восхода луны, лучшие стрелки из отрядов охранения были, насколько возможно, бесшумно выдвинуты на сравнительно выгодные позиции на небольших возвышенностях в 500 ярдах от вражеских позиций. Там же под покровом темноты расположили две семифунтовые горные пушки. Группа восходителей бесшумно пересекла долину и вышла к мертвой точке у основания отвесной скалы, на которую предстояло подняться. По счастливому совпадению, враг выбрал эту ночь для какого-то из очередных своих праздников. Шум гулянья надежно заглушал звуки действий отряда.

Как только рассвело, стрелки и пушки открыли через долину яростный огонь по вражеским сангарам. Обстрел сконцентрировали на позициях, ниже которых, скорее всего, располагались альпинисты. В тот момент, когда они с риском будут карабкаться по скале, цепляясь за крошечные уступы, нельзя было позволить врагу обнаружить их приближение, иначе у Меннерса Смита и его 100 бойцов осталось бы слишком мало шансов. Через тридцать минут после начала обстрела группа восходителей начала свой длинный и опасный подъем. «С нашего склона горы, — записал Кнайт, — мы видели небольшой ручеек людей, который изгибался, поворачивая то вправо, то влево, то даже немного опускаясь, обходя какое-то непреодолимое препятствие, и снова, уже в другом месте, устремлялся вверх». Они были, добавлял он, очень похожи на «цепочку муравьев, прокладывающих путь по неровной стене». Впереди он мог разглядеть только Меннерса Смита, «по-кошачьи ловко и энергично» карабкавшегося впереди своих людей. Но на высоте 800 футов над долиной встретилось серьезное препятствие. Меннерс Смит остановился. «Для него, — записал Кнайт, — и еще больше для нас, которые могли видеть ситуацию в целом, стало очевидно, что обрыв над ним абсолютно неприступен». Маршрут был выбран неправильно. Не оставалось ничего иного, как возвращаться назад. Два часа были потрачены впустую. Удивительно, но враг их еще не обнаружил.

Меннерс Смит вскоре установил, где они пошли не тем путем, и минутой позже, невидимый защитникам, дал знать на другую сторону долины, что собирается сделать новую попытку. Затаив дыхание, Кнайт и остальная часть войск наблюдали, как отряд еще раз медленно начал свой путь наверх. На сей раз, приняв вправо, альпинисты продвигались без остановок. Всем, кто смотрел с другого края долины, казалось, что прошла вечность, пока Меннерс Смит и горстка лучших альпинистов не подошли к самым близким сангарам на шестьдесят ярдов. Именно в этот момент была поднята тревога, и начался ад крошечный.

Кто-то из сочувствующих защитникам увидел, что происходило на той стороне долины, и предупреждающе закричал. Враги поняли опасность и, преодолевая лавину огня, выскочили из ближайших сангаров и обрушили на отряд восходителей град тяжелых камней. Несколько людей попали под удары и получили серьезные ранения, хотя, как ни удивительно, никого не смело в пропасть. К счастью, большинство альпинистов прошли самые опасные места, и валуны без вреда пролетали над их головами. Теперь Меннерс Смит шел в связке с другим младшим офицером из отряда восходителей. «Эти офицеры, — записал Кнайт, — превосходно вели своих людей, наблюдая за их возможностями, хладнокровно прокладывая им путь между камнепадами, и фут за футом неуклонно приближались к вершине. И вот мы увидели, как лейтенант Меннерс Смит делает стремительный бросок вперед, к первому сангару, карабкается, обходит его справа и достигает ровной площадки рядом с ним». Секундой позже поднимаются

первые гуркхи и кашмирцы, их кривые ножи и штыки сверкают в свете зимнего солнца. И вот, сгруппировавшись в небольшие отряды, они начали перебегать от сангара к сангару, врываются в них с тыла и уничтожают их обитателей. Сначала защитники пытались отважно сражаться, но когда поняли, что сопротивление хорошо обученным воинам бесполезно, по одному и по двое принялись отступать с позиций. Скоро это превратилось в паническое бегство. Многим уйти не удалось — либо напоролась на группу восходителей, либо угодили под огонь стрелков и канониров. Склон горы усыпали убитые и раненые...

Падение второй цитадели и осознание, что ни русские, ни китайцы не пришли на помощь, оказали на врага сильное воздействие. Все, кто должен был оборонять последние 20 миль дороги в столицу, сдались или разбежались по домам. За большой вклад в победу лейтенант Меннерс Смит был третьим за трехнедельную кампанию представлен к Кресту Виктории. Множество сипаев получили индийский орден «За заслуги», самую высокую в то время награду за храбрость, доступную туземным войскам. А в большом дворце, возвышавшемся над столицей, Сафдар Али поспешно паковал свои сокровища, готовясь к бегству. Он уже понял, что обещания Громбчевского оказались пустословием. Когда британский авангард, чье продвижение замедлялось гористым ландшафтом, приблизился к столице, правитель бежал на север, на пути бегства поджигая деревню за деревней. Победители, по словам Кнайта, ожидали захватить дворец, «полный добычи из сотен разграбленных караванов». Но их ждало разочарование. В сопровождении жен, детей и части оставшихся лояльными к нему придворных он прихватил почти все ценное с собой, нагрузив, как говорят, спины 400 кули. При тщательном обыске дворца был обнаружен скрытый за ложной стеной секретный арсенал (винтовки российского производства). Во дворце оказались еще и российские товары для дома, включая самовары, печатные издания и портрет царя Александра III. Среди массы корреспонденции (часть которой оказалась нераспечатанной) были российские и китайские правительственные послания, нашли и переписку между Янгхасбендом и Гилгитом, которую агенты Сафдара Али прервали во время памирского кризиса 1891 года.

Опасаясь, как бы Сафдар Али не попытался восстановить власть над Хунзой или еще как-то навредить, англичане спешно отправили конный отряд, надеясь перехватить беглеца прежде, чем он пересечет границу с Китаем или с Россией. Но где-то на занесенных снегом перевалах, чьи тайны Сафдар Али знал лучше своих преследователей, он сумел обмануть их и выйти в Синьцзян, о чем сообщил Макартни китайский губернатор Кашгара. Водрузив на трон более сговорчивого брата Сафдара Али, британцы должны были решить, что делать теперь: остаться или уходить. Опасаясь, что отход может быть расценен скорее как слабость, чем великодушие, они решили остаться. В распоряжении постоянного политического советника, назначенного в помощь новому правителю, оставался небольшой гарнизон Корпуса имперской службы. Заодно это делало невозможными нежелательные вторжения вроде визитов Громбчевского и Ионова. Таким образом, Хунза и Нагар (там пожилому правителю позволили остаться на троне) стали частью Британской Индии. «Они захлопнули дверь у нас перед носом», — услышав новости, с негодованием воскликнул российский министр иностранных дел Гирс.

На этот раз англичане оказались первыми. Но удовлетворение или спокойствие духа, испытанное от усмирения Хунзы, было недолгим. Уже в другом месте, на самом севере Памира, русские снова продвигались вперед. Стало ясно, что военные восстановили свое влияние на Министерство иностранных дел. Полковник Ионов, еще недавно вызванный «на ковер» в Санкт-Петербург, как сообщали, снова возвращался на Памир. Летом 1893 года русские войска дважды столкнулись с афганскими и потребовали себе взорванную китайскую крепость на спорной территории. Хотя на сей раз русские избежали конфронтации с англичанами, и у Даренда в Гилгите, и у Макартни в Кашгаре один факт не вызывал сомнений. Независимо от последствий и прежде, чем британцы смогут подготовить ответный ход, русские планируют занять Памир. Более того, ни от афганцев, ни от китайцев, чье желание сопротивляться русскому вторжению рассеялось как дым, серьезной поддержки ожидать было нельзя.

Забеспокоился даже Гладстон, вернувшийся в Лондоне к власти. «Вопросы сейчас достигли такой переломной точки, — предупреждал лорд Росбери, его министр иностранных

дел и будущий преемник, — что правительство Ее Величества не может оставаться пассивным». Решение Гладстона состояло в том, чтобы вынудить Санкт-Петербург согласиться на совместную пограничную комиссию — идея, которую русские, по их утверждению, приветствовали. Однако, как предупредил Росбери, военные, несомненно, пробовали задержать любое урегулирование вопроса о границе, пока не получат все, чего хотели. Другими словами, это был новый бесконечный Панджшех. Его предупреждение подтверждалось сообщением, что русские вновь заняли Бозай-и-Гумбез, детонатор предыдущего памирского кризиса. Но это было еще не все. Серьезные проблемы возникли в Читрале, а его многие стратеги считали более уязвимым для российского проникновения, чем Хунза. После смерти престарелого правителя в стране вспыхнула борьба за трон между многочисленными членами правящего семейства. За три года в Читрале последовательно сменилось пять правителей.

В прежние времена британцев удовлетворяло соглашение с Читралом, исключаяющее въезд казаков или других нежелательных лиц. Со смертью же Аман-аль-Мулюка не стало абсолютно никакой уверенности, что соглашение выживет. Это зависело от того, кто из его шестнадцати сыновей выйдет на первое место. А пока идет смута, как полагали некоторые, существует серьезный риск, что вакуум заполнят казаки. «Сейчас, когда на Памире существует пост русских, — предупреждал Даренд из Гилгита, — Читрал в анархии — сосед слишком опасный для нас, и слишком соблазнительное поле для российских интриг и вмешательств, которые нам придется терпеть». Действительно, у британцев были причины для беспокойства. Говоря о военной магистрали, которая уже строится и пройдет на юг через Памир, и безопасности имперского российского флага, который будет поднят над Памиром и Гиндукушским перевалом, газета «Свет» потребовала, чтобы Читрал был взят под «защиту» царя. Резко противореча тому, что говорило Министерство иностранных дел, это, несомненно, отражало настроения каждого офицера и рядового российской армии и, весьма вероятно, самого военного министра.

Согласно советскому историку этого периода Н.А. Халфину, министры и советники царя спорили насчет того, какие действия надо предпринять в памирском регионе. По его утверждению, их искренне встревожили действия британских политиков вроде Даренда и Янгхасбенда и аннексия Хунзы и Нагара. Но когда к власти в Британии вернулось либеральное правительство, обстановка несколько разрядилась. «Ястребы» во главе с военным министром убеждали царя занять агрессивную позицию, но «голуби» во главе с Гирсом убедили отдать приоритет дипломатическим решениям. Серьезные внутренние проблемы России (голод стоил половины миллиона жизней) исключали вопрос о любой конфронтации. И зачем сейчас ссориться с Британией из-за территорий, вовсе не стоящих войны? Англичане, конечно, ничего этого не знали. Они просто изучали агрессивный тон российских передовых статей, сопоставляли его с официальными документами Санкт-Петербурга, вспоминали многочисленные случаи, когда русские говорили одно, а делали другое, и едва ли можно их обвинить в излишней обеспокоенности.

Тем временем в самом Читрале борьба за трон продолжалась, становясь на каждом повороте все более кровавее. Сначала британцы оставались нейтральными, надеясь предоставить покровительство возможному победителю. Но очень скоро они сами оказались в гуще событий. А уход на этот раз оказался куда труднее.

35. Наперегонки в Читрал

Даже сегодня Читрал — место отдаленное и захолустное. В окружающих его обширных пустынных долинах только и услышишь, что меланхоличный орлиный клекот, гул случайного джипа и бесконечный отдаленный грохот потоков, стекающих с ледников и мчащихся по крутым ущельям. Но в дни Большой Игры до слуха путешественника иногда долетал более злоебный звук — лязг передернутого затвора. В этих краях непрощенных гостей не жаловали, и европейцы предпочитали сюда не соваться, разве что по специальному приглашению и в сопровождении надежного эскорта.

Но приход сюда означает лишь начало приключений. От Гилгита на восток ведет 200-мильная узкая тропа с крутыми, доступными только джипам подъемами. Машина ползет

на пониженной передаче, то и дело зависая над головокружительными обрывами в несколько сот футов глубиной. Даже этот маршрут часто становится непроходимым, когда какой-нибудь участок тропы сползает в пропасть или сверху обрушивается осыпь. Награда, впрочем, велика — едва ли не самые величественные в мире горные пейзажи. Зимой дорога, если ее можно так назвать, закрыта, если вы не располагаете навыками преодоления глубоких снегов, которые преграждают путь к расположенному на высоте 12 000 футов перевалу Шандур, самой высокой точке на пути. Не считая воздушного, в Читрал есть еще только один путь — с юга, через Сват, по дороге, строительство которой обошлось в 500 жизней. Зимой иногда телеграфные столбы заносит снегом так, что до проводов остается не более фута. Но каким бы путем ни прибывал путешественник, он сразу поймет, что достиг конечного пункта. Над излучиной реки возвышается большая крепость Читрал, когда-то дворец его повелителей, в котором произошли многие из описанных в этой главе событий.

Когда в августе 1892 года умер Аман-аль-Мулюк, первым из наследников трон захватил его сын Афзул, который случайно оказался в то время в Читрале. Афзул немедленно принялся истреблять своих многочисленных сводных братьев, устраняя опасность переворота. Но основным соперником и самым законным наследником трона был его старший брат Низам, который в то время находился далеко — охотился в Ясине. Афзул с большим отрядом отправился на охоту за Низамом. Но Низам оказался проворнее и сбежал в Гилгит, где попросил убежища у англичан. Убежище было предоставлено, а британские власти, не вмешиваясь, ожидали результатов борьбы. В этот момент в бой вступил третий соперник — Шер, брат покойного правителя, который долго жил в изгнании в Кабуле. Шера поддерживали афганцы, весьма заинтересованные делами соседнего Читрала. Поощряемый Абдур Рахманом, который стремился посадить на трон своего человека, Шер с горсткой сторонников тайно пробрался в столицу. Там хитрой уловкой он выманил Афзула к воротам дворца-крепости и убил его. Жители Читрала присягнули на верность новому претенденту на трон, но правление Шера долго не продлилось.

Когда весть о смерти младшего брата достигла Гилгита, Низам немедленно выступил в поход, намереваясь вырвать у дяди неотъемлемое право на власть в Читрале. Теперь он пользовался поддержкой англичан, которые к тому времени решили предпочесть его Шеру или кому-либо еще. По мере продвижения на запад к нему присоединилось множество читральцев, включая отряд в 1200 штыков, высланный против него Шером. За время недолгого правления последнего они уже узнали цену его экстравагантным обещаниям домов, земли, богатства и красивых жен для всех. Видя безнадежность перспективы спасения трона, Шер сбежал назад в Афганистан. Войдя в столицу, торжествующий Низам немедленно объявил себя законным преемником отца. Его правление было официально признано англичанами, которые рады были видеть своего человека на троне и восстановленную в Читрале стабильность. Еще одна дверь, ведущая в Индию, захлопывалась перед носом русских.

Облегчение, которое испытала Калькутта, оказалось недолгим. Не прошло и года, как Читрал вновь был ввергнут в смуту. На сей раз жертвой пал Низам: сводный брат Амир, которому не исполнилось еще двадцати, собственноручно убил его во время прогулки. Следует сказать, что Низам фактически сам хотел поступить с Амиром таким же способом, распространенным в прежние времена, но англичане его отговорили. Несдержанный Амир теперь объявил себя новым властителем Читрала — четвертым за два с небольшим года. На роль эту он совершенно не годился. Амир сразу же потребовал от политического советника лейтенанта Гордона, который был приставлен к Низаму, обеспечить свое немедленное признание Калькуттой. Зная, что убийцу Низама признавать властителем не станут, Гордон тянул время, заявляя, что столь важные решения вправе принимать лишь вице-король и что он ожидает ответа. Одновременно он предупредил Гилгит: когда Амир поймет, что в отместку за братоубийство признания не получить, нужно ждать серьезных неприятностей. Действительно, вскоре поползли слухи, что Амир уже ищет союзников против англичан.

К счастью, обратился он вовсе не к русским, а к южному соседу, Умра Хану, правителю смежной области, называемой ныне Сват. Вскоре в Гилгит пришла весть, что предполагаемый новый союзник Амира готовится выступить в Читрал с армией в 3000 горцев-пуштунов. Но сам Умра Хан, по слухам, затевал поход не ради помощи Амиру, а для присоединения Читрала к

своему собственному княжеству. Так ли это было на самом деле, неважно. Важно то, что дверь в Северную Индию вновь оказалась опасно приоткрыта и русские при желании могли воспользоваться моментом. Так полагали англичане. В ближайшем британском опорном пункте Гилгите старшим офицером был теперь майор Джордж Робертсон, бывший армейский врач и поклонник политики Даренда. Понимая, что и лейтенант Гордон, и стабильность этого стратегически важного государства находятся в серьезной опасности, Робертсон немедленно выступил в Читрале с отрядом в 400 штыков — все, что он смог собрать. Но и этого хватило, чтобы войти в столицу, согнать с трона безответственного Амира и временно заменить его самым младшим братом, интеллигентным мальчиком 12 лет. В то же самое время Робертсон направил строгое предупреждение Умра Хану, приказывая повернуть войска назад. Срок устанавливался до 1 апреля 1895 года — следовательно, на четыре недели, после чего мощный британский карательный отряд из Пешавара выбьет его из Читрала и из собственного королевства. Робертсон уведомлял, что карательный отряд на случай, если понадобится операция, уже отобилизован.

Именно в этот момент ситуация для Робертсона и его людей резко ухудшилась. В борьбу весьма неожиданно вступил возвращающийся из Афганистана Шер. Дело усложнялось тем, что они с Умра Ханом сговорились о взаимодействии. Предполагалось совместными усилиями изгнать англичан из Читрала, Шер захватит трон, а Умра Хан получит часть территории на юге — предмет его давних вожделений. Собирался ли каждый из них сдержать данное другому слово — вопрос иной, но их объединенные армии представляли для маленького отряда Робертсона в Читрале серьезную угрозу. Сознывая опасность, Робертсон перевел свой отряд в крепость — лучшее место для противостояния осаде. Подготовка к обороне потребовала некоторых конструктивных переделок крепости, а главное, постоянного присутствия воинского соединения в королевском дворце который служил не только цитаделью, но и казначейством, и гаремом, и собственно дворцом. Пребывание в нем десятков офицеров-европейцев и сотен солдат кашмирских и сикхских подразделений было воспринято читральцами как оскорбление. Робертсон поначалу пользовался поддержкой и симпатией большинства жителей Читрала, вовсе не питавших любви к Умра Хану и его воинственным пуштунам и нисколько не стремившихся стать его подданными. Но реквизируя для военных нужд королевский дворец, Робертсон утратил их расположение.

Боевые действия начались 3 марта, когда в крепости получили известие, что к Читралу приближается Шер с крупным отрядом своих сторонников. Робертсон плохо представлял, какими силами располагает Шер и каковы его намерения, и не произвел необходимую разведку. Начиная политический советник, но не профессиональный солдат, Робертсон поручил это капитану Колину Кемпбеллу, непосредственно командовавшему гарнизоном. Кемпбелл организовал вылазку небольшим отрядом; как оказалось, он серьезно недооценил силы наступавшего противника. Произошло жестокое сражение, и отряд кашмирцев, которым он командовал, понес тяжелейшие потери, отступил в крепость. Сам Кемпбелл был тяжело ранен. Еще одного офицера вынес с поля боя под яростным огнем молодой армейский врач (награжденный позднее Крестом Виктории). Смертельно раненный офицер, к сожалению, вскоре умер. Всего вылазка обошлась британцам в двадцать три убитых и тридцать три раненых. Достаточно дорогой и деморализующий способ составить представление о силах врага.

И это было еще не все. Робертсон не знал, что небольшой отряд кашмирских войск во главе с двумя британскими офицерами, который вез из Гилгита очень необходимые осажденным боеприпасы, был перехвачен читральцами. Потеряв нескольких человек, отряд сумел прорваться и обрести временное укрытие за стенами большого каменного строения. Несколько дней они выдерживали там осаду. Затем прибыл парламентар под белым флагом и заявил, что послан Шером с приказом прекратить огонь. Он сказал британским офицерам, что после боев с отрядом Робертсона в Читрале восстановлены дружественные отношения и Шер гарантировал им безопасность прохода. Перемирие было согласовано. Старший из офицеров встретился с вражеским командиром; и тот, и другие высокопоставленные читральцы торжественно заверили его в подлинности предложения.

Показывая свою искренность, читральцы даже стали снабжать осажденный отряд весьма

необходимым продовольствием и водой. Не имея возможности убедиться в истинности предложенного перемирия, офицеры, выбор у которых был весьма невелик, поверили читральцам.

Далее последовало типичное для Центральной Азии предательство. Читральский командир объявил, что перемирие будет отпраздновано их национальной игрой, конным поло, на поле перед британскими позициями. Офицеров пригласили присутствовать на игре в качестве почетных гостей. Во избежание недоразумений, которые мог вызвать отказ, они согласились, но тщательно выбрали места: так, чтобы все время оставаться на виду у своих солдат — необходимая подстраховка на случай какого-нибудь инцидента. Во время игры никаких неприятностей не произошло. Но как только она закончилась, группа читральцев как по заказу пустилась в пляс. На несколько кратких секунд танцоры оказались между обоими офицерами и прикрывающими их стрелками, временно перекрыв линию огня. Все было спланировано очень четко. Офицеров схватили и быстро связали по рукам и ногам. Увидев, что произошло, солдаты открыли огонь, но было уже слишком поздно. Прикрываясь пленниками, читральцы быстро приблизились и, преодолев каменную стенку, бросились на солдат. Кашмирцы, оставшиеся без командиров, были быстро смяты, многие были убиты. Не хватило времени уничтожить боеприпасы, предназначенные для Робертсона, и теперь они оказались в руках врага. В будущем это причинило англичанам немало проблем.

Ситуация ухудшалась и в самом Читрале. Робертсон и его люди оказались осажденными превосходящими силами неприятеля, вооруженного современными винтовками, хотя, к счастью, не располагающего артиллерией. В дополнение к пяти британским офицерам и почти четырем сотням солдат туземной армии в крепости находилось более 100 небоеспособных людей — служащих, клерков и несколько читральцев, сохраняющих верность юному правителю. Все нуждались в довольствии, а запасов могло хватить чуть больше чем на месяц; вскоре пришлось урезать порции наполовину. Не хватало боеприпасов: всего по 300 патронов на человека. Крепость, представлявшая квадрат со стороной в восемьдесят ярдов, располагалась на самом берегу реки Читрал — так что с водой проблемы не было. Стены, сложенные из массивных каменных блоков, имели двадцать пять футов высоты и восемь футов толщины. По углам высились квадратные башни, на двадцать футов выше стен. Пятая башня, предназначенная для защиты водозабора, выдвигалась к реке, так что до обреза воды оставалось не более двадцати шагов.

Такой были сильные стороны крепости. Но имелось и множество серьезных слабостей. Дворец окружали высокие деревья, и снайперы, укрываясь в густых кронах, могли легко простреливать внутренний двор. Люди на противоположных стенах также оказывались под обстрелом с тыла, и для защиты их от пуль устроили заграждение из ящиков с землей и толстых деревянных дверей. Множество глинобитных построек у стен крепости снижали эффективность огня защитников, обеспечивая укрытие атакующим. И крепость строили, естественно, без учета дальнбойности современных винтовок, а торчащие из реки скалы давали возможность разместиться там снайперам. Еще одной слабостью крепости было множество древесины, использованной в постройке, что делало ее чрезвычайно уязвимой к поджогу. Пришлось организовать пожарные патрули из числа небоеспособных и приготовить бурдюки с водой. Поднятию боевого духа и демонстративным вызовом врагу призван был служить Юнион Джек, сшитый из лоскутьев и поднятый на одной из башен. Под покровом ночи тайные гонцы отправились на ближайшие британские посты с вестью о тяжелом положении гарнизона.

Решительного штурма весь первый месяц не было — враг ограничивался только непрерывным огнем из укрытий, который обошелся англичанам в несколько убитых и раненых. Однажды была даже предпринята попытка мирных переговоров. Но Шер потребовал, чтобы англичане под данную им гарантию безопасного прохода покинули Читрал. Соглашаться на это при подобном неравенстве сил было безумием, но Робертсон всячески затягивал переговоры, давая как можно больше времени направленным на выручку войскам. Кроме того, он распространил дезинформацию, преднамеренно дав врагу возможность узнать, что защитники хорошо обеспечены боеприпасами, но серьезно нуждаются в продовольствии. Таким образом он надеялся убедить Шера и Умра Хана, который к тому времени присоединился к осаде Читрала, что крепость может скоро пасть. Но как только враги поняли тактику Робертсона, они

немедленно прекратили переговоры и предприняли несколько решительных атак на крепость, включая попытки поджога. Все их успешно отбили защитники, но каждый раз стрелковые укрытия читральцев, так называемые сангары, оказывались все ближе и ближе к стенам. К 5 апреля они захватили старую беседку на расстоянии всего пятидесяти ярдов, а на следующий день бревенчатый сангар был сооружен всего в сорока ярдах от главных ворот.

Затем произошла наиболее серьезная атака на крепость. 7 апреля состоялась диверсионная вылазка якобы с целью захвата водозабора у реки, сопровождаемая усилением снайперского огня с вершин деревьев. В это время небольшая группа врагов просочилась в мертвую зону у дальней стены, неся с собою зажигательные материалы. Место и время были выбраны удачно: дул сильный ветер, и огонь быстро перекинулся на крепость. Через несколько минут пламя охватило балки юго-восточной башни. Робертсон понял, что, если пожар немедленно не погасить, часть оборонительной стены рухнет, сделав невозможным дальнейшее сопротивление настолько превосходящему по численности противнику. И все, кого можно было мобилизовать, возглавляемые лично Робертсоном, бросились на борьбу с пламенем. Интенсивный обстрел вывел из строя 11 человек (двое убитых и 9 тяжелораненых), включая самого Робертсона, раненного снайпером в плечо, но огонь за пять часов удалось потушить.

Следующая попытка едва не стала роковой. В последующие четыре ночи защитники слышали звуки кутежа, исходящие из беседки, занятой теперь врагом. Громкий бой барабанов и какофонию труб прерывали оскорбительные выкрики в адрес защитников крепости. Шум повторялся из ночи в ночь, и наконец британцы поняли, что происходит на самом деле — так враги заглушали звуки, доносящиеся из подкопа, который рыли к ближайшему участку стены. Осаждающие стороны нашли должное применение взрывчатке, захваченной у англичан вместе с боеприпасами. Ночью один из часовых доложил, что расслышал из-под земли слабые удары заступов. Офицеры сразу не смогли что-либо услышать, но наутро уже не было никаких сомнений. Подкоп был уже не дальше двенадцати футов от стены. Обычный способ борьбы, сооружение контрмины, запоздал — читральский туннель слишком приблизился. И нельзя было терять ни минуты: как только враги поймут, что подкоп обнаружен, они немедленно взорвут шахту. Оставалось только одно: немедленно штурмовать беседку и разрушить туннель.

В вылазке участвовали сорок сикхов и шестьдесят кашмирцев во главе с младшим офицером-англичанином. В четыре часа пополудни восточные ворота крепости стремительно и тихо распахнулись, и ударный отряд ринулся прямо на беседку. Враг был захвачен врасплох, погибли только двое из атаковавших. За несколько секунд беседка была захвачена, и около тридцати читральцев бежали от британских штыков. Часть отряда заняла позиции и приготовилась к отражению вероятной контратаки, а офицер и остальные начали поспешно искать вход в туннель. Он оказался за оградой сада, и не меньше двадцати читральцев выбирались из него, жмурясь от дневного света. Всех, кроме двоих, закололи штыками сикхи. Двоих по приказу офицера оставили в живых — в крепости их ждал допрос. Оставленную врагом взрывчатку использовали, чтобы разрушить туннель. Взрывной волной офицера сбило с ног, пострадали также бороды и тюрбаны нескольких сикхов.

Теперь предстояла наиболее опасная часть операции — отступление в крепость под убийственным вражеским огнем. Удивительно, что, несмотря на плотный огонь неприятеля, прорыв обошелся практически без потерь — сыграла свою роль и скорость перебежки, и огневая поддержка со стен крепости. Вся вылазка была оплачена ценою жизни восьми англичан, а спасла, несомненно, намного больше, возможно, весь гарнизон. Как только смельчаки вбежали в ворота, Робертсон, который наблюдал за операцией с одной из башен, поспешил их поздравить. «Сикхов, — записал он впоследствии, — все еще переполняло бурное волнение, они наперебой рассказывали, сколько врагов перебили, и показывали свои запятнанные кровью штыки и обожженные лица». Он отметил, что они походили на «толпу религиозных фанатиков в экстазе». К тому времени гарнизон находился в осаде уже сорок семь дней. Словами не передать, что им пришлось пережить, не теряя надежды, что хоть один из гонцов да прорвался. Продовольствие, боеприпасы и боевой дух неуклонно таяли. Множество винтовок, изначально далеко не новых, окончательно вышли из строя. Робертсон и офицеры знали, что, если подмога не подоспеет, вскоре придется или сдаться, или погибнуть. Однако в тот день, когда удалось разрушить подкоп, блеснул луч надежды. Допрос взятых «языков»

принес известие, что на дороге из Гилгита идут какие-то бои. Все задавали себе один и тот же вопрос: означает ли это приближение помощи? Ответ не заставил себя ждать.

* * *

Защитники крепости еще не знали, что в это время два отряда англичан наступали на Читрал с юга и с востока. Когда весть о тяжелом положении гарнизона достигла Индии, там неторопливо шли приготовления к экспедиции в Сват и Читрал. О грозящей Робертсону большой и непосредственной опасности и не думали. Кроме того, полагали, что враг принял ультиматум и до 1 апреля отступит. Весть о том, что Робертсон с небольшим отрядом находится в осаде, а конвой с боеприпасами из Гилгита перехвачен, причем двое офицеров оказались в руках Шера, немедленно сменила благодушие на нечто подобное панике. Мысль о горстке британских офицеров и солдат лояльных туземных войск, выдерживающей осаду несметных вражеских полчищ в отдаленной и живописной крепости и обреченных на гибель, вызвала страшные аналогии с недавней трагедией в Судане. «Грядет новый Хартум», — объявляла газета «Грефик». Те, чья память оказалась немного получше, вспоминали Бернса, Макнагтена, Каваньяри, Конолли, Стоддарта и прочих, ставших жертвами восточного коварства за пределами Индии. Опасаясь, что основная спасательная экспедиция может прибыть слишком поздно, как случилось в Хартуме, руководство решило немедленно отправить из Гилгита отряд поменьше.

Там, в Гилгите, тем временем нарастали опасения, что неприятности могут распространиться к востоку от Читрала. Без существенного ослабления собственной системы обороны и гарнизонной службы выделили 400 сикхских пионеров. Эти здоровяки, которым обычно поручали дорожное строительство, были также искусными бойцами, которые уже не раз превосходно показали себя в боях. Кроме того, ими командовал чрезвычайно способный и опытный пограничник полковник Джеймс Келли. К ним присоединились сорок кашмирских саперов с двумя горными пушками — недопустимо мало для столь сложного и ответственного предприятия. Положение спасло неожиданное предложение бывших противников Британии, 900 бойцов нерегулярных воинских формирований из Хунзы и Нагара. «Роскошные парни, — отмечал один из офицеров Келли. — Выносливые, прирожденные альпинисты, не ведающие усталости». Предложение было с благодарностью принято. Всех их перевооружили современными винтовками. Чтобы по ошибке не принять кого-то из этих одетых по местному обыкновению бойцов за врагов, каждый получил полоску красной ткани, которую повязывали вокруг шапок. Сто человек из их числа были причислены непосредственно к отряду Келли, а остальных развернули в передовые дозоры для обеспечения продвижения основных частей, охраны проходов и перевалов.

Времени на подготовку отряда и составление планов у Келли не было. Приказ следовало исполнять немедленно: каждый день, возможно, каждый час увеличивал опасность того, что Робертсон и его люди разделят судьбу генерала Гордона. Предстоял напряженный 200-мильный марш, часто через глубокие снега, по едва ли не самому сложному ландшафту в мире. Идти предстояло по местам, где любой встречный мог оказаться врагом, а у каждой караванной тропы, в каждом ущелье и на каждом перевале подстерегали вражеские снайперы. Сводный отряд Келли (для уменьшения нагрузки они даже не взяли с собой палатки) выступил из Гилгита 23 марта. Неделей позже основной отряд в 15 000 штыков под командованием генерал-майора сэра Роберта Лоу вышел из Пешавара на север. Гонка за Читрал началась.

Капитан Френсис Янгхасбенд, который некоторое время служил в Читрале политическим советником, отправился с экспедицией Лоу в качестве специального корреспондента «Таймс». Правительство с неохотой (поскольку он в то время официально ушел из армии), но все-таки на это согласилось. В отличие от многих Янгхасбенд не разделял предположений, что за читральским кризисом стоят русские, но расценил подготовку и отправку экспедиции как репетицию сокрушительного противостояния возможным покушениям России на северные границы Индии. Отряд Лоу состоял из трех бригад пехоты, двух эскадронов конницы, четырех батарей горных пушек и целого ряда вспомогательных подразделений. Многие считали, что он излишне велик и недостаточно управляем для решения задачи, в которой скорость марша

важнее огневой мощи. Но с самого начала был взят высокий темп продвижения, а вскоре пришлось штурмовать несколько хорошо укрепленных вражеских позиций. 3 апреля отряд Лоу взял штурмом расположенный на высоте 3500 футов перевал Малаканд, ведущий в Сват. Перевал удерживали 12 000 воинов-пуштунов Умра Хана. Маневр, предпринятый нападавшими, — параллельное наступление двумя колоннами с последующим резким изменением направления главного удара на запад — внес смятение в стан пуштунов. Они свирепо и храбро сражались, но в атаку шли лучшие полки британской пехоты, включая королевских стрелков и гордонских горцев. Наконец пуштуны обратились в бегство, оставив на поле боя множество убитых и раненых. Британские потери составили всего семьдесят убитых и раненых.

Через два дня эскадрон конницы Корпуса разведчиков атаковал в чистом поле двухтысячный вражеский отряд, многих уничтожил, остальных обратил в бегство — с минимальными потерями в своих рядах. 13 апреля пехотный батальон Корпуса разведчиков столкнулся с еще большими силами неприятеля. В бою было убито более 600 пуштунов. Собственные потери составили всего дюжину бойцов. К сожалению, среди убитых оказался их полковник, который получил пулю в живот, когда шел в полный рост в атаку на сомкнутые ряды неприятеля. Моральный дух сторонников Умра Хана стремительно падал. Через четыре дня они попытались занять позиции в его цитадели, дворце в Мунде. Однако приближение войск, обладающих столь подавляющим преимуществом в боевой мощи, заставило их бежать в горы. В крепости офицеры Лоу помимо прочего обнаружили среди писем проспект некоей шотландской фирмы, обосновавшейся в Бомбее, в котором Умра Хану, по словам Янгхасбенда, предлагался «роскошный выбор оружия и боеприпасов, от пулеметов Максима за 3700 рупий до револьверов за 34 рупии». Фактически ничего поставлено не было, потому что офицеры довели это до властей и фирму выдворили из Индии.

Самое печальное, что все еще не было никаких вестей относительно осажденного в Читрале гарнизона. Все понимали, что Робертсона со всем отрядом уже может не быть в живых. Не было вестей и о продвижении отряда полковника Келли. Однако после захвата Мунды единственной преградой между победоносными отрядами Лоу и их целью оставался 10 000-футовый заснеженный перевал Ловарай — южные ворота в Читрал. Как только они его преодолеют, начнется только состязание со временем, ну, быть может, еще немного с отрядом Келли, продвигающимся с востока. Поскольку взоры всей нации были с тревогой прикованы к Лоу и его войскам, они стремились оказаться в Читрале первыми.

* * *

Все это время Келли и его люди пробивали путь через горы. Сначала они не столкнулись ни с каким противодействием читральцев, не предполагавших, что кто-то может попытаться пройти здесь в такое время года. 30 марта колонна на высоте 10 000 футов пересекла край снегов, и продвигаться стало заметно труднее. Днем, защищая глаза от снежной слепоты с помощью темных стеклышек, они медленно карабкались вверх, преодолевая тяжелые снежные заносы. Ночью, не имея палаток, спали под открытым небом. Этого не выдержали кули, которых наняли для переноски припасов, и в первую же ночь в снегах они сбежали, прихватив груженых пони. Правда, их удалось вернуть силой, и с тех пор за кули внимательно присматривали. Все еще не было никаких признаков приближения врага.

Через два дневных перехода отряд ожидало первое реальное испытание — 12 000-футовый перевал Шандур. Все знали, что перетащить через засыпанный тяжелыми снегами перевал горные пушки совершенно невозможно. И первая попытка оказалась неудачной: истощенные мулы сорвались со склона, и в опасности оказались и сами пушки, и боеприпасы. Два мула заскользили вместе с жизненно важным грузом, а затем покатались по 100-футовому склону и свалились в глубокий снег. С людьми дело обстояло ненамного проще. У всех была обветрена кожа, некоторые страдали от обморожения, а идти приходилось сквозь снега, которые местами доходили до подмышек. Если бы читральцы охраняли перевал, то могли бы спокойно перебить весь отряд. Через два дня, 3 апреля, была предпринята новая попытка. На сей раз Келли разделил колонну на несколько партий. Сначала на заснеженный перевал

поднялись 200 выносливых сикхских пионеров. Их заданием была подготовка пути для пушек. Назавтра те предполагалось перевезти на самодельных санях, сколоченных инженерами Келли. Поздно ночью после тревожного двенадцатичасового ожидания пришла весть, что сикхи прошли. Помимо чрезвычайной трудности подъема следовало учесть, что силы, пусть временно, разделены по обе стороны перевала и потому чрезвычайно уязвимы. Откладывать было нельзя. Рано поутру начали медленную и опасную операцию по транспортировке горных пушек. Время от времени приходилось снимать их с саней и перетаскивать на руках по пояс в снегу. Но к сумеркам все было сделано.

Это был замечательный подвиг, отмеченный огромной выдержкой солдат и прекрасным командованием. Далось это не даром: за следующий день врачи отряда Келли выявили более пятидесяти пяти случаев снежной слепоты и обморожения. Как ни удивительно, никаких признаков врага по-прежнему не было, и через два дня перевал Шандур одолела и оставшаяся часть отряда. Только шестьдесят миль отделяло их от Читрала, но теперь пришлось сражаться за каждый дюйм пути: на следующий день враг узнал вдруг об их присутствии. До той поры читральцы сосредоточили все силы на осаде, затем — на противостоянии угрозе, связанной с продвижением войск Лоу. Горные пушки Келли внесли более чем заметный вклад в сражение и 13 апреля сбили врага с двух основных позиций на подходе к Читралу. Через пять дней, все еще ничего не зная о судьбе осажденного гарнизона, отряд Келли находился всего в двух суточных переходах от столицы, и все указывало на то, что враг обратился в бегство.

* * *

Тем временем дела в крепости, куда еще не долетели новости о приближении спасательной экспедиции, обстояли хуже некуда. Среди солдат многие были больны или ранены, офицеры вынуждены были есть лошадей, чтобы как-то поддержать силы. Никуда нельзя было деться от ужасного зловония, испускаемого полуразложившимися останками животных и нечистотами нескольких сотен обитателей крепости. И внезапно все кончилось. Впервые Робертсон узнал о разгроме врага ночью 18 апреля, когда часовые доложили, что какой-то человек подполз к стене и что-то прокричал, хотя никто не разобрал ни слова. Человек отступил в темноту, очевидно, опасаясь, что в него выстрелят. Но немного погодя он вернулся, и дозорные на стенах расслышали его слова. «По всей крепости разнеслась весть, что осаждавшие сбежали», — записал Робертсон в отчете об их испытаниях. Но предпринимать какие-то действия ночью Робертсон не стал, с большой долей вероятности предполагая, что это лишь уловка врага.

На следующее утро он выслал хорошо вооруженный отряд, чтобы выяснить правду. Вскоре подтвердилось, что враг действительно исчез по неизвестным причинам. Немедленно было направлено сообщение Келли, и той же ночью получен ответ: полковник надеялся достичь Читрала на следующий день. Даже после того, как его колонны преодолели перевал Шандур, читральцы оставались в убеждении, что такие незначительные силы не смогут выбить их из собственных твердынь, которые они считали неприступными. Кроме того, Умра Хан обещал послать Шеру еще 2000 своих пуштунов, чтобы начать последний штурм крепости, но обещания не выполнил, войска оказались отчаянно необходимы на юге. Тогда Шер с остатком сподвижников сбежал. Осада, которая продолжалась полтора месяца и стоила жизни сорока одному защитнику, закончилась.

Когда 20 апреля отряд Келли прибыл в Читрал, Робертсон и его люди напоминали ходячие скелеты. Колонна из Гилгита выиграла гонку. Авангард генерала Лоу все еще сражался за перевал Ловарай. Никто не сомневался, что в бегстве врага главная заслуга принадлежала выдающемуся прорыву Келли и его блестящих бойцов через горы, который вынудил читральцев отказаться от продолжения борьбы. Когда весть о спасении гарнизона достигла Лондона, подвиг Келли газетчики воспели как «один из самых замечательных маршей в истории» — вывод, с которым нельзя не согласиться. С юга первыми добрались до Читрала только неделей позже далеко ушедшие вперед от основных сил корреспондент «Таймс» капитан Янгхасбенд и его друг майор Родерик Оуэн, который представлял «Пионер» из Лакхнау. Они даже не пытались получить у Лоу разрешения самостоятельно ехать через враждебную территорию, зная заранее, что получат отказ. Вечером они отобедали с Робертсоном и Келли и распили драгоценную последнюю бутылку бренди в доме, который в

дни Аман-аль-Муллюка служил резиденцией Янгхасбенда, а затем дал приют штабу Шера. Британские офицеры высоко оценили фанатическую храбрость врага, особенно пуштунов. Но настоящими героями, по единодушному мнению, были силачи из сикхских пионеров, люди низшей касты, которые на службе у Роберт-сона и Келли сражались, проявляя редкостную силу духа и профессионализм. Чем хуже становились условия в крепости, чем страшнее становился огонь врага, тем отчаяннее сикхи рвались в бой. Именно они, писал позже Янгхасбенд, в действительности спасли гарнизон.

Вскоре до Читрала дошло известие, что Умра Хан также покинул поле боя. Загрузив одиннадцать мулов сокровищами своего дворца, он благополучно добрался до Афганистана, оказавшись вне пределов досягаемости преследователей. Перед этим он освободил двух британских офицеров, захваченных после матча в поло и переданных ему Шером. С офицерами обращались неплохо, и Умра Хан даже извинился перед ними за способ, которым их пленили. «Умра Хан, — по наблюдению Робертсона, — вел себя как джентльмен». Кроме того, он оказался более удачлив, чем его читральский союзник Шер, который через десять дней бежал из столицы. Шер имел несчастье оказаться в руках у одного из своих противников, который морил его голодом, пока не передал в руки англичан вместе с полутора тысячами его сторонников. Шера отправили в изгнание в Индию, где он с ожесточением отозвался об Умра Хане: «Видеть его больше не хочу. Нарушил все наши договоренности и сбежал, как трусливая лиса». Несомненно, Умра Хан, сидевший в своем убежище в Афганистане, мог бы то же самое сказать о нем.

Британия пребывала в эйфории от новостей из Читрала, поскольку опасалась самого худшего. Майор медицинской службы Робертсон вернулся признанным политиком и восторженной королевой Викторией был посвящен в рыцари. Келли готовился к тому же, но вместо этого был назначен адъютантом королевы и получил орден Бани. Хотя рыцарства, которое он, как многие полагали, заслужил, Келли не получил, но остался в памяти солдат той армии обозников, с которыми совершал прославленный форсированный марш через горы. Капитан медицинской службы Генри Витчерч, вынесший с поля боя умирающего офицера после неудачной разведки в начале осады, удостоился Креста Виктории. Кроме того, еще одиннадцать отличившихся англичан были награждены орденом «За выдающуюся службу». Наконец, орденов и наград были удостоены многие отличившиеся туземные офицеры и рядовые. Все, кто принял участие в деле, получили дополнительное жалование за шесть месяцев и трехмесячный отпуск. Возможно, все это в самом деле было лишь «незначительной осадой», как скромно обозначил в подзаголовке своего отчета о ней Робертсон, но со временем выяснилось, что среди тех, кто принял в ней участие, — будущий фельдмаршал, по крайней мере девять будущих генералов и множество рыцарей. С точки зрения карьеры Читрал оказался явно подходящим украшением их послужного списка.

Теперь возник острый вопрос: что делать с Читралом? Будет ли он аннексирован, подобно Хунзе, или восстановлен независимым под властью дружественного Британии правителя? Эта проблема стала предметом горячих дебатов в военных и политических кругах, и сторонники «наступательной школы» неизбежно вступили в конфликт с теми, кто одобрял «умелое бездействие». Хунзу заняли, чтобы защитить ее от российского вторжения, не поступить ли так же и с Читралом? Но как раз за прошедшие месяцы условия в памирском регионе резко изменились. Почти незаметно на фоне драматической осады Лондон заключил с Санкт-Петербургом договор, который окончательно установил границу между российской Центральной Азией и Восточным Афганистаном. Памирское «окно», так долго волновавшее британских стратегов, наконец закрылось. С согласия Абдур Рахмана узкий коридор земли, который раньше никому не принадлежал и простирался в восточном направлении до китайской границы, стал теперь афганской суверенной территорией. Не превышая в некоторых местах и десяти миль в ширину — минимальное расстояние между Британией и Россией в Центральной Азии, — этот коридор гарантировал, что их границы нигде не соприкоснутся. По общему признанию, он гарантировал русским постоянную власть над большей частью памирского региона. Англичане знали, что, если Санкт-Петербург решит захватить остальную часть этого региона, они будут фактически бессильны это предотвратить. Но, по крайней мере с британской точки зрения, теперь существовала официально признанная граница, за пределы

которой Санкт-Петербург продвигаться не мог — за исключением, конечно, боевых действий в случае войны.

Это урегулирование, естественно, имело тесную связь с вопросом о Читрале. «Наступательная школа» утверждала, что, раз новые границы подпустили русских еще ближе к перевалам, ведущим к Читралу и Северной Индии, надо держаться за территорию крепче, чем когда-либо. Индийское правительство также присоединилось к этой точке зрения, сообщив Лондону, что предлагает разместить в Читрале постоянный гарнизон и проложить к нему стратегическую дорогу от Пешавара через перевал Малаканд. Единственный дополнительный путь для переброски войск на случай кризиса из Индии в Читрал проходил через Гилгит, но даже поздней весной, как обнаружил Келли, этот проход все еще заваливало снегами, и действовала только дорога из Индии до Гилгита. Однако, несмотря на эти аргументы в поддержку сдерживания, либеральный кабинет лорда Росбери уже принял решение, вызванное прежде всего нежеланием снова угодить с Читралом в затруднительное положение. Правительство метрополии аннулировало решение Калькутты, и теперь в Читрале не должно было остаться ни войск, ни политических советников. Среди причин, объяснявших такой шаг, называли чрезмерность затрат на содержание гарнизона, а также на строительство и защиту дороги, которая проходила бы через двести миль враждебной территории, контролируемой пуштунами. Более того, Лондон утверждал, что такая дорога может стать обоюдоострым оружием и использоваться равно как защитниками, так и захватчиками.

Но менее чем через два месяца постановление было неожиданно отменено: либералы утратили власть, и на Даунинг-стрит вновь вернулся лорд Солсбери. И что еще важнее для Индии — помощником министра иностранных дел был назначен Керзон. Он-то и сумел убедить премьер-министра в необходимости «спасти» Читрал, предупредив о вероятности его захвата русскими в случае ухода Британии. Кроме того, настаивал Керзон, уход англичан будет расценен пограничными племенами как признак слабости, особенно в свете памирских приобретений русских. Мятежи и межплеменные свары, уже начавшиеся в некоторых северных районах, только усилятся, если уйти из Читрала, — у туземцев наверняка появится уверенность, что англичан можно изгнать. Аргументы Керзона взяли верх, и Читрал было решено сохранить. Там разместили постоянный гарнизон, состоящий из двух батальонов индийской пехоты, горных батарей и саперов, а еще два батальона охраняли перевал Малаканд и другие важные точки по дороге на север.

«Ястребы» одержали победу, и позднее выяснилось, что они были правы, требуя сохранить Читрал. Весной 1898 года на позициях на Памире один из офицеров 60-го пехотного полка — капитан Ральф Коббольд узнал от соседа, русского офицера-пограничника, что у них есть приказ немедленно захватить Читрал в случае эвакуации британцев. Были разработаны «очень подробные планы» в расчете на такую возможность, и русский офицер тайно посетил Читрал, чтобы изучить систему обороны и маршруты подхода. Информатор Коббольда добавил, что планы захвата Читрала «постоянно обсуждаются за обеденным столом у губернатора Ферганы», а другие русские офицеры говорили, что рассматривают настоящую границу с Афганистаном как «чисто временное соглашение» и «ни в коем случае не постоянное». Коббольда очень впечатлило то, как хорошо русские информированы о режиме и обустройстве на британской и афганской сторонах границы. Он объяснял это «интенсивной системой шпионажа, которую ведет российское правительство вдоль границ Индии», и добавлял: «Доверенные люди инкогнито постоянно снуют между русской границей, Кабулом и Читралом, собирая и передавая всевозможную информацию, касающуюся вопросов безопасности». Русские офицеры, которых он встречал, «все ждут войны с большим нетерпением», — сообщал он.

Как уже отмечалось раньше, служившие на границе русские офицеры часто вели разговоры о войне. Это было одним из способов поддерживать моральный дух. Разработка же планов нападения и сбор разведанных — просто часть рутинной работы штабных офицеров в большинстве армий. Более того, позволяя каким-то сведениям достичь ушей британцев, они успешно вынуждали их держать в Индии больше войск, чем требовалось на самом деле. Это было частью Большой Игры. Русские получили все, что хотели. Они не только сохранили обширное южное пограничье, но и оказались бы в выгодном положении, если бы дело дошло

до войны с Британией. После вековой экспансии царская империя в Средней Азии наконец достигла своих пределов. Но англичане, которых в прошлом так часто водили за нос, были в этом еще далеко не убеждены. В Большой Игре еще предстояло провести последний раунд. В который раз Игра опять сдвинулась на восток — теперь на Тибет, таинственную землю, долгое время закрытую для иностранцев и защищенную от любопытных взоров самыми высокими горами на свете.

36. Начало конца

Англичане еще не осознали, что мысли нового царя Николая занимали сейчас куда более грандиозные видения, чем аннексия Читрала или даже завоевание Индии. Под влиянием своего министра финансов графа Витте он мечтал открыть для России весь Дальний Восток с его обширными ресурсами и рынками, прежде чем те достанутся другим хищникам. Таким образом, тот стал бы его Индией, а Россия существенно увеличила бы свою экономическую и военную мощь. Витте знал, как подогреть мечты своего суверена о золотом будущем России. «От берегов Тихого океана и высот Гималаев, — заявлял он, — Россия будет доминировать не только над делами Азии, но и Европы тоже». И хотя его главный проект значительно увеличил бы ресурсы России, это не влекло за собой никакого риска, тем паче прямой угрозы войны — так он, по крайней мере, думал. Пытаться вырвать Индию у британцев — одно, а заморозить ее торговлю — совсем другое.

План Витте предполагал строительство самой большой в мире железной дороги. Она должна была протянуться на 4500 миль через Россию, от Москвы на западе до Владивостока и Порт-Артура на востоке. И работа уже началась одновременно с обоих концов будущей магистрали, хотя ее завершения не ждали еще по крайней мере лет двенадцать. Витте высчитал, что по окончании строительства магистраль будет способна перевозить товары и сырье из Европы до Тихого океана и обратно вдвое быстрее, чем морским путем. Таким образом, рассуждал он, это привлекло бы не только российские, но и зарубежные торговые перевозки, тем самым серьезно угрожая конкуренцией морским маршрутам — артериям британской экономики. Но было еще и нечто гораздо большее. Железная дорога дала бы возможность России эксплуатировать огромные, но все еще неиспользованные ресурсы неприветливых и пустынных районов Сибири, через которые она пройдет. Жителей перенаселенных районов европейской России можно было бы перевезти по железной дороге на работу и ее строительство на востоке, а также на заселение новых городов, которые вдоль нее возникнут. Ее роль могла оказаться решающей и во время войны, поскольку по рельсам без риска вмешательства флотов Британии или любой другой страны можно со скоростью 15 миль в час гнать войска и боеприпасы в восточном направлении, к Дальневосточному театру военных действий.

Но не только этим Витте соблазнял впечатлительного Николая, расписывая картины будущего. В 1893 году, за год до вступления Николая на престол, проницательный санкт-петербургский буддистский лама, бурят-монгол по имени Петр Бадмаев, представил Александру III честолюбивый план привести под российскую руку часть китайской империи, включая Тибет и Монголию. Это можно было сделать, уверял он Александра, без риска войны и сравнительно недорогой ценой, разжигая массовые восстания против уже ослабленных и всеми нелюбимых маньчжур. Для этого он предложил основать под своим руководством торговую компанию, чья истинная цель будет состоять в том, чтобы подстрекать тамошние народы выступить против иностранных правителей. Впрочем, Александр план отверг, сказав: «Это так фантастично... что трудно поверить в возможность успеха». Но графа Витте это не остановило: после смерти Александра он использовал план для пробуждения экспансионистских мечтаний у Николая. И, похоже, в этом преуспел. Была основана компания Бадмаева с начальным капиталом в два миллиона рублей, а Николай высказал своему военному министру генералу Куропаткину пожелание прибавить к российским владениям Тибет. Примерно в это время в Калькутту стало поступать все больше донесений о тайных российских агентах, обычно бурят-монгольских подданных царя Николая, путешествующих между Санкт-Петербургом и Лхасой. Все они, по-видимому, были связаны с таинственным

Бадмаевым.

Совпадение это или нет, неважно. Значение махинаций Бадмаева на Тибете оттеснило на второй план события в Монголии. Там, в Монголии, в другом районе Дальнего Востока, главные европейские державы были заняты схваткой за обломки умирающей Маньчжурской империи, а заодно и всего, что попадет под руку. Первыми в наступление двинулись немцы, стартовавшие в колониальной игре последними, — они опасались, что другие страны монополизировать рынки и ресурсы всего мира. Для начала они постарались заполучить где-нибудь на северном побережье Китая военно-морскую базу и станцию загрузки углем для своего нового дальневосточного флота. Убийство китайскими бандитами в ноябре 1897 года двух немецких миссионеров дало им для этого предлог. Карательные войска, посланные кайзером Вильгельмом, захватили окрестности Кяочоу, известного впоследствии как Циндао, на который, кстати, к тому времени уже положили глаз русские. У Пекина не оставалось выбора, и он предоставил Германии в аренду на 99 лет и базу, и соответствующие угледобывающие и железнодорожные концессии. В ходе последующих столкновений выгодные концессии заполучили Англия и Франция, а Россия, изображая из себя защитника Китая, получила незамерзающую военно-морскую базу Порт-Артур и прилегающие внутренние районы. Несколько позже Россия добилась еще одной важнейшей стратегической уступки — согласия связать железной дорогой Порт-Артур с наполовину законченной Транссибирской магистралью. Соединенные Штаты также ввязались в дальневосточную схватку, приобретя в 1898 году Гавайи, Уэйк, Гуам и Филиппины, на овладение которыми претендовали также Россия, Германия и Япония.

Пока все это происходило на периферии Большой Игры, в самой Индии произошло событие, оказавшее большое влияние на саму Игру. Вице-королем Индии был назначен отъявленный русофоб Джордж Керзон. Успевший к 39 годам получить звание пэра, он достиг тем самым воплощения своей детской мечты. Само собой разумеется, «ястребы» пришли в восторг: взгляды Керзона по поводу российской угрозы Индии были прекрасно известны. Он был убежден, что конечная цель устремлений Санкт-Петербурга, к которой русские двигались шаг за шагом, — господство во всей Азии. Это был безжалостный процесс, которому следовало противостоять на каждой стадии. «Если Россия имеет право на эти амбиции, — писал Керзон, — то Британия имеет еще большее право, нет, она просто обязана защищать свои приобретения и противостоять даже незначительным вторжениям, которые являются только частью большого плана». Он был уверен, что остановить российский паровой каток можно только твердым противостоянием. «Я не считаю, — объявлял он, — что неодолимая судьба влечет Россию к Персидскому заливу, Кабулу или Константинополю. К югу от определенной линии в Азии ее будущее в большей степени зависит от наших, а не от ее собственных действий». Едва ли надо говорить, что его назначение вице-королем встревожило Санкт-Петербург.

Персию, особенно район Персидского залива, Керзон рассматривал как область, особенно уязвимую для дальнейшего российского проникновения. Санкт-Петербург уже стал проявлять интерес к приобретению там порта и даже к постройке для шаха железной дороги от Исфахана до побережья. «Мы обеспокоены, — писал Керзон в апреле 1899 года министру по делам Индии лорду Гамильтону, — тем, что к необходимости защиты Индии от российского сухопутного нападения добавляется угроза нападения морского». Он убеждал кабинет: надо дать совершенно ясно понять и Санкт-Петербургу, и Тегерану, что Англия не потерпит никакого — кроме ее собственного — иностранного влияния в Южной Персии. Проявляли интерес к Персидскому заливу не только русские — вызов британскому превосходству там начинали бросать и Германия, и Франция. Кабинет, однако, не проявлял чрезмерной озабоченности, что побудило Керзона написать Гамильтону: «Надеюсь, лорда Солсбери все же можно убедить пошевелить мизинцем, чтобы сохранить Персию... Мы медленно — нет, я думаю, что надо уже говорить стремительно, — движемся к полному исчезновению нашего влияния в этой стране». Волновал Керзона и Афганистан, несмотря на давнишнее британское соглашение с Абдур Рахманом и урегулирование северной границы с Россией. Причина заключалась в том, что в Калькутту начали поступать сведения о том, что российские чиновники в Транскаспии, в частности губернаторы Ашхабада и Мерва, пытались — наверняка

с ведома Санкт-Петербурга — связываться с эмиром напрямую, а не через Министерство иностранных дел в Лондоне. В конкретном случае Абдур Рахман русским отказал, и кризис был предотвращен. В то же время центр Большой Игры переместился в Тибет. В Индии стало известно, что дважды за двенадцать месяцев эмиссар далай-ламы посетил Санкт-Петербург, где был тепло принят царем. Русские всегда утверждали, что приезды и передвижения этого эмиссара — бурят-монгола по имени Агон Дорджиев — вызваны только религиозными причинами, без какого-то политического подтекста. Действительно, нельзя отрицать, что среди подданных царя, в частности бурят Южной Сибири, было немало буддистов тибетской школы. Что же может быть естественнее, чем духовные контакты между христианином — главой многоконфессионального государства — и буддистом? Но Керзон полагал, что не все так просто. Он был уверен, что Дорджиев — далеко не просто монах-буддист, и от имени царя Николая он действует против британских интересов в Азии. Когда подтвердилось, что Дорджиев — близкий друг Петра Бадмаева, который стал теперь советником царя по тибетским делам, подозрения Керзона окрепли. Вся правда, скорее всего, так никогда и не станет известна, хотя большинство ученых нынче полагают, что опасения англичан были в значительной степени необоснованными: Николаю досаждало слишком много его собственных проблем, чтобы думать о Тибете. Однако респектабельный немецкий путешественник и знаток Средней Азии Вильгельм Фильчнер утверждал, что между 1900 и 1902 годами Санкт-Петербург использовал любые средства, чтобы склонить Тибет к союзу с Россией. В книге «Буря над Азией: из жизни секретного дипломатического агента» (издание 1924 года) Фильчнер подробно описал действия бурят-монгола по имени Церемпил, человека даже более таинственного, чем Бадмаев или Дорджиев, с которыми, оказывается, он был тесно связан. Среди прочего Фильчнер утверждает, что Церемпила активно использовал «индийский отдел» российского генерального штаба для организации поставок оружия в Тибет. Если Церемпил, который, как считают, действовал под разными именами и личинами, существовал на самом деле, то он сумел остаться неразоблаченным британскими разведывательными службами — упоминания о нем в архивах того времени отсутствуют.

Возможно, скорее поведение самих тибетцев, чем русских, убедило нового вице-короля, что между Лхасой и Санкт-Петербургом происходит нечто закулисное. Дважды он писал далай-ламе, поднимая вопрос о торговле и прочих делах, но каждый раз письмо возвращалось нераспечатанным. Похоже, тибетский богоравный властитель в самом деле был в превосходных отношениях с русскими, так начинали утверждать даже санкт-петербургские газеты. Керзон искренне переживал, что за его спиной готовится некое секретное соглашение, да еще и оскорблен был тем пренебрежением, которое выказал если не к его персоне, то к его посту «политический миф» — так называл он далай-ламу. К началу 1903 года он пришел к убеждению, что единственным способом узнать правду о российских действиях и перевести британские отношения с Тибетом на твердую и надлежащую основу будет посылка в Лхасу специальной миссии, даже если индийскому правительству придется применить силу.

Керзон понимал, что правительство метрополии, которое только что выпуталось из унижительной и непопулярной войны с бурами, откажется предпринимать какие-либо серьезные действия на дальних задворках Российской империи. Но в апреле ему удалось получить санкцию кабинета на отправку для начала переговоров сопровождаемой эскортом небольшой миссии в Хамба Джонг, в самое сердце Тибета. Выбирая кандидатуру политического советника, который возглавит миссию, Керзон остановился на ветеране Большой Игры майоре Френсисе Янгхасбенде, который теперь в сорок лет занимал полковничью должность. Майор с огромным удовольствием принял предложение. Однако тибетцы не впустили миссию, отказались вести переговоры — разве что на британской стороне границы — и вернулись в свою крепость, или джонг. После нескольких месяцев бесплодных попыток миссию пришлось отозвать в Индию, не добившись ничего, кроме существенной потери престижа.

Уязвленный повторным отказом мелких соседей, вице-король убедил Лондон согласиться на новую попытку. На сей раз миссию сопровождал военный эскорт из 1000 солдат, что позволяло без риска продвинуться в Тибет гораздо глубже. Керзон верил, что подобная демонстрация силы непременно заставит тибетцев покориться. Однако было настрого

приказано не заходить дальше крупной крепости в Джангдзе, на полпути до Лхасы. Одновременно и Санкт-Петербург, и Пекин — последний номинально оставался правителем Тибета — были официально уведомлены относительно намерений британской акции. Русские немедленно заявили решительный протест. Но Лондон твердо указал, что эта единовременная акция никоим образом не сопоставима с российской практикой постоянных аннексий обширных областей Центральной Азии. Миссию снова воз

главил полковник Янгхасбенд, конвоем из гуркхов и сикхов командовал бригадный генерал. Отряд, возглавляемый знаменосцем-сипаем, державшим Юнион Джек, преодолел перевалы и 12 декабря 1903 года вступил в Тибет. Позади, в снегах, за ними двигалась колонна из 10 000 кули, 7000 мулов и 4000 яков, тащивших багаж экспедиции, включая шампанское для офицеров. Так началось последнее наступление Большой Игры и, как впоследствии оказалось, один из наиболее спорных эпизодов в британской истории. В это время русские, достигшие вершины своего азиатского могущества, оказались на пороге целого ряда бедствий. Два из них послужили началом конца англо-русского противостояния в Азии.

* * *

Пока миссия Янгхасбенда двигалась на север к Джангдзе, в других регионах Азии, особенно в Китае, много чего произошло. Летом 1900 года в Китае началось «восстание боксеров», захватившее врасплох европейские державы. Оно стало выражением крайней ненависти китайцев к «чужеземным дьяволам», которые, пользуясь слабостью их страны, вынуждали открывать по договору их порты для внешней торговли и получали множество коммерческих и дипломатических привилегий. Восстание началось в Тяньцзине с резни христианских миссионеров и линчевания французского консула и было наконец подавлено лишь с помощью объединенных войск шести держав, которые заняли (и разграбили) Пекин. В Маньчжурии восстание привело к далеко идущим последствиям. Там русские всерьез опасались за безопасность своей недавно построенной железной дороги, поскольку, помимо всего прочего, мятежники были убеждены, что прокладка железных дорог разрушила естественную гармонию природы и человека и, следовательно, повинна в недавней засухе и наводнении. Для защиты своей крупнейшей зарубежной инвестиции Санкт-Петербург приказал перебросить в Маньчжурию 170-тысячную армию. Эта едва ли не самая крупная концентрация военной силы в Азии всерьез встревожила другие имеющие там свои интересы страны, особенно Японию.

В ходе длительных переговоров, которые проходили после разгрома «восстания боксеров», на Санкт-Петербург было оказано серьезное давление, чтобы теперь, когда опасность исчезла, заставить его вывести войска. Русские, конечно, сильно возражали, но в конце концов согласились сделать это в три этапа. В полном соответствии с договоренностями первый этап эвакуации был выполнен в срок. Но затем и граф Витте, и множество других «умеренных» чиновников были отстранены от власти теми приближенными царя Николая, которые одобряли более агрессивную внешнюю политику. «Россия была создана не дипломатией, а штыками, — объявил новый министр внутренних дел, — и мы должны решать разногласия с Китаем и Японией со штыками, а не с перьями в руках». Становилось очевидным, что русские, как не раз и прежде случалось в Азии, намеревались остаться на захваченных позициях. Для британцев это было просто еще одно нарушенное Санкт-Петербургом обещание, но для японцев оно оказалось последней каплей.

В течение многих месяцев японцы с нарастающим беспокойством наблюдали, как растет российское военное и военно-морское присутствие на Дальнем Востоке, которое начинало все ощутимее угрожать их интересам. С особой тревогой в Токио отметили неустанное проникновение русских в Корею, что приближало опасность к самым берегам Японии. Кроме того, японцы знали, что время работает против них. Как только Транссибирская железная дорога будет закончена, русские получат возможность в случае войны быстро доставлять большое количество войск, тяжелой артиллерии и других военных материалов из Европы. После долгих колебаний японское высшее руководство принимает решение сделать то, на что Британия, возможно, проявляя мудрость, никогда не рискнула в Центральной Азии. Было решено встретить российскую угрозу в лоб. 8 февраля 1904 года японцы без предупреждения

нанесли удар. Их целью была крупная российская военно-морская база в Порт-Артуре. Началась русско-японская война.

Новость о ее неожиданном начале в миссии Янгхасбенда узнали, когда приближались к маленькому кишлаку Гуру, лежавшему на полпути к Джангдзе, в пятидесяти милях от нее. Не пролив еще ни капли крови тибетцев, Янгхасбэнд с конвоем успешно преодолели три главных препятствия — 14 000-футовый перевал Джелап, защитную стену, которую тибетцы построили поперек дороги, и крепость в Фари, которая стоит на высоте 15 000 футов и считается самой высокогорной в мире. Все преграды пали без борьбы. Но в этот момент настроение тибетцев начало меняться: в Гуру прибыла из столицы Лхасы группа воинов-монахов с приказом остановить наступление англичан. Их сопровождали 1500 воинов, вооруженных фитильными ружьями и священными амулетами, у каждого был оттиск личной печати далай-ламы. Амулет сей, как обещали священнослужители, сделает их неуязвимыми для пуль.

Командующий конвоем Янгхасбенда бригадный генерал Джеймс Макдональд быстро перестроил своих гуркхов и сикхов, полностью окружив тибетцев. Затем офицер разведки, переводчик миссии капитан Фредерик О'Коннор отправился к ним с предложением сложить оружие. Но тибетский командир предложение игнорировал, пробурчав себе под нос что-то непонятное. Тогда Макдональд отдал приказ разоружить тибетцев в случае необходимости силой, и выделенные для этого сипаи начали отбирать мушкеты, преодолевая явное нежелание подчиняться. Это переполнило чашу терпения тибетского командира. Выхватив револьвер, он размозил челюсть ближайшему сипаю, одновременно скомандовав своим солдатам: «К бою!» Тибетцы бросились на конвой и были расстреляны хорошо обученными гуркхами и сикхами. Меньше чем за четыре минуты средневековая армия рассыпалась под убийственным огнем современного оружия, и почти 700 плохо вооруженных и оборванных тибетцев остались лежать на поле брани мертвыми или умирающими.

«Это был ужасное и неприятное дело», — писал Янгхасбэнд, выражая чувства всех офицеров и солдат. Как глава миссии, он не принимал никакого участия в расстреле и надеялся на другую, бескровную победу. Непонятно, почему Макдональд не приказал немедленно прекратить огонь, когда увидел, что творится. Стрельба продолжалась, а тибетцы, возможно, просто не понимая, что происходит, медленно отходили в долину. Возможно, Макдональд пытался остановить смертоубийство, но не был услышан за пулеметными очередями, ружейной трескотней и криками. Вот что написал один из младших офицеров, командовавших пулеметным взводом, в письме родителям: «Надеюсь, мне никогда больше не придется стрелять в отступающих людей». Когда известие о расстреле дошло до Лондона, оно не могло не вызвать возмущения среди либералов, даже с учетом сведений о том, что врачи миссии, выбиваясь из сил, старались спасти как можно больше раненых тибетцев. Последние же демонстрировали замечательный стоицизм, хотя многие из них были ужасно искалечены. Некий бедолага, потерявший обе ноги, жалобно шутил с хирургами: «В следующий раз мне придется стать героем, ведь убежать я больше не смогу». «Раненым трудно было понять, — отметил Янгхасбэнд, — почему в один день мы стараемся лишить их жизни, а на другой стараемся ее спасти». Они ожидали, что их сразу же расстреляют...

Но сопротивление тибетцев отнюдь не шло на убыль, напротив, по мере британского продвижения к Джангдзе оно становилось все ожесточеннее. Продолжали расти и потери тибетцев. В живописном ущелье Красного Идола, за двадцать миль от Джангдзе, обеспечивая безопасный проход миссии через дефиле, пришлось перебить больше 200 человек. Возможно, самым высокогорным сражением стала жестокая схватка за перевал Каро (16 000 футов), в котором погибло 400 тибетцев. Британские потери составили только 5 убитых и 13 раненых. В Лондоне полагали, что неожиданное (или, согласно версии немецкого путешественника Фильчнера, организованное таинственным Церемпиллом) сопротивление тибетцев ставит под сомнение переговоры с Янгхасбэндом в Джангдзе. Поэтому Янгхасбэнд получил приказ предупредить тибетцев, что, если те немедленно не согласятся на переговоры, англичане будут наступать прямо на Лхасу. Стратеги сочли, что угроза вступления чужеземцев в священную столицу непременно приведет тибетцев за стол переговоров. Но срок ультиматума истек, а их не было и следа. Через десять дней, 5 июля 1904 года, был дан приказ выступить на Лхасу. Всех офицеров взволновала перспектива войти в самый недоступный город на свете, а внезапное

начало войны между Россией и Японией рассеяло любые опасения относительно возможности ответных действий Санкт-Петербурга.

Однако путь дальнейшему наступлению преграждала крупная крепость Джангдзе, возвышавшаяся на крутой голой скале высоко над городом. Ее предстояло штурмовать. Генерал Макдональд приказал начать штурм в четыре утра. После того как интенсивным огнем артиллерии были разрушены стены, штурмовая группа во главе с лейтенантом Джоном Грантом в темноте поползла вперед и начала опасный подъем к пролому. Однако вскоре тибетцы их обнаружили и обрушили град огромных валунов. Грант с револьвером в руке почти добрался до пролома, но был сражен сильным ударом камня в спину. Несмотря на рану, юный офицер гуркхов предпринял новую попытку. На сей раз, видный снизу всем британским войскам, он бесстрашно ринулся в адские врата. С несколькими не отстающими от него гуркхами он ворвался в крепость, перебив множество защитников. Мгновением позже в проем ринулись остальные бойцы штурмовой группы. Началась жестокая схватка за считавшуюся неприступной тибетскую цитадель. Бой продолжался до позднего вечера, когда сопротивление тибетцев было наконец сломлено. В крепости осталось более 300 убитых и раненых защитников, которые сражались до последнего. Остальные сбежали через известные только им тайные подземелья или через стены по веревкам. Британские потери составляли только 4 убитых и 30 раненых. Грант — единственный из участников тибетского похода, кто позднее был представлен к Кресту Виктории.

Когда весть о падении Джангдзе достигла Лхасы, она вызвала чрезвычайную тревогу. Древнее поверье гласило: если крепость попадет в руки захватчиков, страна обречена. И вот это произошло... Преодолев последний рубеж обороны тибетцев, англичане вышли на берег широкой и быстрой реки Цангпо, остававшейся единственным препятствием между ними и Лхасой. Переправа с использованием брезентовых лодок продолжалась целых пять дней, офицер и два гуркха утонули. Но дорога к тибетской столице, столь долго скрытой от внешнего мира, была открыта. Через два дня, 2 августа 1904 года, англичане впервые увидели священный город с соседней вершины. Оборотясь в седле к своему офицеру разведки, Янгхасбенд сказал просто: «Ну, О'Коннор, вот наконец и она». Пятнадцать лет назад он, юный младший офицер, под видом торговца из Яркенда мечтал проникнуть в Лхасу, но начальство отвергло эту идею как слишком рискованную. Сюда пробовали добраться многие европейские путешественники, но все поворачивали обратно. На следующий день с небольшим эскортом и при полных дипломатических регалиях Янгхасбенд въехал в священный город...

37. Эндшпиль

Тем временем война на Востоке складывалась для русских хуже некуда. Когда семь месяцев назад японцы напали на Порт-Артур, это стало для русских полной неожиданностью, но лишь немногие полагали, что у японцев есть шансы одолеть устрашающую мощь армии царя Николая. В дополнение к мощному Тихоокеанскому флоту у России была регулярная армия численностью в миллион штыков, за спиной которой стояло вдвое большее число резервистов, а у Японии было всего 270 000 регулярных войск и 530 000 резервистов. Поэтому русские были уверены, что смогут быстро сокрушить азиатских выскочек — «желтых макак», как они называли японцев. В конце концов Россия располагала огромным опытом войны в Азии, и там никто не сумел противостоять ее мощи.

Напав на крупную российскую военно-морскую базу в Порт-Артуре, японцы явно надеялись уничтожить весь их флот (как это они через тридцать семь лет проделали с американским Тихоокеанским флотом в Пирл-Харборе). Но в результате десять их эсминцев сумели повредить лишь три стоявших на рейде броненосца, хотя один серьезно. Во время второй атаки несколько часов спустя были повреждены три крейсера и броненосец, а у побережья Кореи затоплены четвертый крейсер и канонерская лодка. Несмотря на сильный огонь российских береговых батарей, японские военные корабли под командованием блестящего адмирала Того получили лишь отдельные незначительные повреждения. И хотя им не удалось потопить российский Тихоокеанский флот, они серьезно подорвали его боевой дух. На следующий день оба правительства объявили друг другу войну. Конфликт длился

восемнадцать месяцев и косвенным образом способствовал падению российской монархии тринадцать лет спустя.

Последующие события тоже не сулили русским ничего хорошего. Сначала они потеряли своего главнокомандующего и флагманский броненосец, который наткнулся на мину, поставленную японцами на подступах к Порт-Артуру. Вскоре русские оказались фактически запертыми в хорошо укрепленной военно-морской базе, а японцы благодаря лучшей тактике и умелому командованию флотом стали хозяевами моря. На суше японцы тоже быстро стали брать верх, нанеся русским целую серию поражений, хотя иногда победы доставались им ценой тяжелых потерь. В мае войска русских потерпели поражение на реке Ялу, а в следующем месяце японцы заняли торговый порт Дальний, расположенный всего в двадцати милях от Порт-Артура. Санкт-Петербург предпринял отчаянную попытку освободить осажденный Порт-Артур, послав на российский Дальний Восток, через полмира, эскадру российского Балтийского флота.

Именно во время этого легендарного похода российские военные корабли оказались вовлеченными в сложный международный инцидент, который разогрел русофобию в Британии до уровня лихорадки и едва не привел к войне между этими двумя державами. В результате ошибок разведки, нервозности и неопытности в тумане на Северном море российские моряки открыли огонь по флотилии рыболовных траулеров, приняв их, как бы невероятным это ни показалось, за японские миноносцы. В панике российские военные корабли обстреляли даже друг друга. Затем, убежденные, что успешно отразили японское нападение, они продолжили путь. В итоге, пока Лондон выражал решительный протест Санкт-Петербургу по поводу того, что впоследствии стало известно как инцидент при Доггер банке, четыре британских крейсера следовали по Бискайскому заливу по пятам за российской эскадрой, а крупные британские военно-морские силы поспешно готовились к возможным боевым действиям. На Трафальгарской площади и возле Даунинг-стрит прошли антирусские демонстрации, а когда граф Бенкендорф выходил из посольства, его освистали. В итоге раздражение британцев было утихомирено униженным извинением царя Николая и обещанием щедрой компенсации, и войну удалось предотвратить. Таково было зловещее начало крупномасштабной российской экспедиции, предпринятой для снятия блокады и спасения Порт-Артура.

К этому времени на суше началось жестокое сражение за военно-морскую базу. Первая атака японцев была отбита с тяжкими потерями. За ней последовали еще две, которые также были отражены. Но постепенно японские войска окружили позиции русских. Японцы использовали саперов для прокладки туннелей под защитными сооружениями и наблюдателей на аэростатах, чтобы определить слабые места обороны. Захват господствующей над Порт-Артуром высоты позволил японцам обрушить на защитников крепости убийственный огонь артиллерии. Когда потери убитыми и ранеными составили почти половину численности гарнизона и надежда на то, что помощь подоспеет вовремя, стала совсем ничтожной, боевой дух русских рядовых и сержантов упал до предела. Хотя многие офицеры все еще хотели сражаться до победного конца, комендант, опасаясь мятежа, начал с японским командующим переговоры о капитуляции. 2 января 1905 года после осады, продолжавшейся 154 дня, Порт-Артур пал. Перед этим комендант послал последнее донесение царю Николаю. «Ваше Величество, простите! — говорилось в нем. — Мы сделали все, что было в человеческих силах. Судите нас, но будьте милосердны».

Поражение от «желтых макак» и утрата крупной восточной цитадели стали страшным ударом по российскому престижу во всем мире, а особенно в Азии. Однако это было только началом унижения Санкт-Петербурга перед Японией. 18 февраля началась самая большая и кровавая битва этой войны. Она велась за хорошо укрепленный железнодорожный узел Мукден, который сегодня называется Шеньян, расположенный в 250 милях к северу от Порт-Артура.

Российские военные эксперты считали его оборонительные сооружения фактически неуязвимыми. Хотя численность войск с обеих сторон была примерно одинаковой — около 300 000, японцы обладали значительным преимуществом. Во-первых, их войска только что одержали блестящую победу. Несмотря на очень тяжелые потери, они были весьма решительно настроены победить русских, против которых фанатически храбро бились в ближнем бою,

штыками и гранатами. Никто не подвергал сомнению храбрость и отвагу российских войск, несмотря на их недавнее поражение. Исход битвы предопределило превосходство японских командиров. После одного из самых длительных и жестоких сражений современности, длившегося чуть меньше месяца, Мукден был взят японцами, хотя большей части российского гарнизона удалось прорваться на север. В этом, как считали, наиболее кровопролитном сражении за всю историю империи россияне потеряли 27 000 человек только убитыми. Но и на этом унижение не кончилось: на сей раз очередь была за флотом.

Новости о падении Порт-Артура и Мукдена дошли до эскадры российского Балтийского флота во время стоянки на Мадагаскаре, необходимой остановки в столь длительном плавании на восток. Капитуляция отодвинула на второй план главную цель экспедиции. Тем не менее было решено ее продолжить, чтобы отвоевать у японцев господство на море и таким образом предотвратить возможность закрепления их сил на материке. Тайно сопровождаемая с этого момента японскими агентами, армада в середине мая вошла наконец в зону военных действий. Там уставших русских уже подстерегал адмирал Того. Утром 26 мая два флота встретились в Цусимском проливе, который отделяет Японию от Кореи. Для русских результат битвы оказался катастрофическим. В течение нескольких часов они потерпели одно из самых сокрушительных поражений в истории военно-морского флота, потеряв восемь броненосцев, четыре крейсера, пять минных заградителей и три транспортных судна. Еще четыре броненосца были вынуждены сдаться, а три крейсера, которые искали убежища в нейтральных портах, были интернированы вместе с их командами. Погибло почти 5000 русских моряков. Японцы потеряли только 3 миноносца и 110 человек. Это была поразительная победа. Унижение Санкт-Петербурга было полным, и мечты царя Николая о создании на Востоке новой великой империи окончательно рухнули.

Война закончилась. Россия с ее огромным военным потенциалом оказалась далеко не победителем. Но желания продолжать эту чрезвычайно непопулярную войну больше не было. Экономические трудности, непрерывный ряд поражений на море и на суше и общее разочарование в деспотичном правлении царя Николая породили в стране повсеместные политические и социальные волнения. Правительство нуждалось во всех своих войсках, чтобы подавить набирающий силу революционный поток, угрожающий самому трону. Прекратить военные действия на Дальнем Востоке стремился не только Санкт-Петербург. Несмотря на свои яркие победы, Япония знала, что не сможет выиграть затяжную войну против российского колосса с его неистощимыми людскими ресурсами. Война уже вызвала критическое напряжение ресурсов, которые были далеко не бесконечны.

Поэтому оба правительства были рады, когда Соединенные Штаты предложили им свои посреднические услуги. В результате 5 сентября 1905 года в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир, между двумя воюющими державами был подписан мирный договор. Это привело к фактическому концу политики экспансии, проводимой царской Россией в Азии. Согласно условиям договора, обе страны согласились уйти из Маньчжурии, которая оставалась под китайским правлением. Порт-Артур и непосредственно прилегающие к нему территории, включая контроль за построенной русскими железной дорогой, передавались Японии. Было заявлено, что Корея будет независимой, хотя и останется в сфере японского влияния. В свою очередь, Япония согласилась существенно сократить свои огромные первоначальные требования компенсаций от России. За исключением южной половины острова Сахалин, который отошел к Японии, русским не пришлось отказаться ни от одной из их суверенных территорий. Но Санкт-Петербург потерял практически все, что приобрел в этом регионе за последние десять лет благодаря энергичным военным и дипломатическим усилиям. Кроме того, война навсегда развеяла миф о превосходстве белого человека над азиатами.

Но если Япония остановила последнее продвижение России в Азию, то тибетцы явно потерпели неудачу в попытке остановить в своей стране Британию. Летом 1904 года призванный из запаса полковник Френсис Янгхасбенд во главе небольшой армии отправился в Лхасу, не встретив никакого сопротивления. Однако если он и вице-король лорд Керзон ожидали обнаружить там вызывающие доказательства предосудительных российских интриг, то их ждало разочарование. Там не только не оказалось ни арсенала российского оружия, ни политического советника, ни обученных офицеров, но не было и никаких признаков наличия

договора о дружбе между царем Николаем и далай-ламой. Появлялись свидетельства, что Николай, возможно, через Дорджиева все же давал далай-ламе некое обещание прийти ему на помощь в случае, если британцы когда-либо посягнут на Тибет. Так официально утверждал старший чиновник Министерства иностранных дел Китая в разговоре с британским послом в Пекине, а позднее о том же говорилось в мемуарах, изданных после революции бывшим царским дипломатом. Но если Николай действительно дал такое обещание, то, вероятнее всего, сделал это, полагая, что Британия никогда не вторгнется в Тибет и, следовательно, ему не придется его выполнять.

Наиболее неотложной заботой Янгхасбенда был вопрос, что делать дальше. Он проделал весь этот путь не только для того, чтобы отыскать доказательства российских происков, но и чтобы заставить тибетцев пойти на политические и коммерческие уступки. И тут возникла неожиданная проблема. Как известно, только далай-лама мог вести переговоры от имени своей страны, а его нигде не могли найти. При подходе британцев он исчез из своего дворца Потала, откуда управлял Тибетом, и ходили слухи, что в то время он находился на пути в Монголию. Янгхасбэнд рассматривал возможность преследования, но среди тибетцев не нашлось никого, кто выдал бы чужакам тайну пути отступления богоравного владыки. Ситуацию случайно и до некоторой степени неожиданно спасли китайцы, которые все еще признавали (хотя не более чем номинально) за Британией верховную власть в Тибете. Пекин, подобно Санкт-Петербургу, решительно возражал против намерений британцев проникнуть в Тибет. Однако китайцы не хотели сами вытеснить британцев, но позаботились о том, чтобы не дать им никакого предложения остаться. Поэтому они формально сместили с престола далай-ламу, покинувшего свой пост в то время, когда в нем остро нуждался народ, и назначили правителем страны подходящего пожилого регента. Переговоры относительно ухода англичан из Тибета были, таким образом, продолжены.

В книге «Нарушители на Крыше Мира» я уже писал, что последовало после насильственного открытия Тибета, и потому не буду здесь подробно на этом останавливаться. Достаточно сказать, что британская миссия 23 сентября отбыла домой, выполнив поставленную перед ней задачу, как понимал ее Янгхасбэнд. Однако отчасти из-за поражения России на Дальнем Востоке, которое показало, что колосс стоит на глиняных ногах, за время отсутствия Янгхасбенда настроение в Британии начало меняться. Старые страхи перед Россией стали угасать перед лицом нового призрака — агрессивно-экспансионистской Германии. Амбиции Германии в Азии стали принимать настолько угрожающий характер, что некоторые политики уже начали рассматривать Россию как потенциального союзника против этой новой силы. Любой ценой нужно было избегать всего, что могло подтолкнуть Санкт-Петербург в сторону Германии. Следовательно, из страха перед встревоженной Россией большая часть выгоды, которую Янгхасбенду с трудом удалось выжать из тибетцев, включая исключительное право доступа в Лхасу для британских должностных лиц, в значительной степени потеряла ценность. Кроме того, Янгхасбэнд получил публичное порицание за превышение власти. Как отнеслись тибетцы к столь удивительным превращениям, история не зафиксировала.

В декабре 1905 года либералы отстранили тори от власти. Новый кабинет, возглавляемый сэром Генри Кемпбелл-Беннерменом, искренне стремился окончательно достичь долговременного соглашения с русскими. Вскоре после прихода к власти новый министр иностранных дел сэр Эдвард Грей начал запускать в сторону Санкт-Петербурга пробные шары насчет улаживания давних разногласий двух стран в Азии. Но предстояло еще преодолеть десятилетия взаимной подозрительности. Британское правительство и власти Индии, находившиеся под мощным давлением «ястребов», крайне подозрительно относились к любым российским предложениям; Санкт-Петербург находился под аналогичным влиянием своих англофобов, особенно военных. Действительно, после разгрома на Дальнем Востоке в некоторых российских кругах вспыхнули бурные дебаты насчет вторжения в Индию, чтобы попытаться стереть позор поражения. Многие, кстати, были убеждены, что англичане подстрекали японцев напасть на них. Главным препятствием, беспокоившим британское общественное мнение, был деспотичный характер правления Николая. Отношения несколько смягчились, когда вскоре после революции 1905 года царь созвал первый парламент России, Думу, но ухудшились вновь, когда Первая Дума вскоре была распущена. Но все же оба

правительства стремились раз и навсегда уладить азиатский вопрос, который за эти годы поглотил столько их энергии и ресурсов. Несколько месяцев продолжались утомительные переговоры. Вопрос касался исключительно урегулирования всех спорных проблем в отношении трех стран — Тибета, Афганистана и Персии. Все эти страны являлись важнейшими для обороны Индии. В августе 1907 года после многократных разногласий и задержек сэр Эдвард Грей и российский министр иностранных дел граф Александр Извольский пришли наконец к соглашению.

Большая Игра покатила к своему концу. Соглашение было направлено не только на то, чтобы решить постоянные региональные противоречия между двумя странами, но и на то, чтобы сдерживать экспансию Германии в восточном направлении (хотя про это в нем не было ни малейшего упоминания). В то же самое время Санкт-Петербург предупреждал, чтобы в будущем Британия больше не препятствовала его желанию установить контроль над турецкими проливами. Имелось в виду опять-таки противостояние немецкому присутствию в проливах, которого Британия теперь боялась больше всего.

31 августа в Санкт-Петербурге в условиях строжайшей секретности историческое англо-русское соглашение было подписано графом Извольским и британским послом сэром Артуром Никольсоном. В отношении Тибета обе страны согласились воздерживаться от любого вмешательства в его внутренние дела, не искать никаких концессии для железных и шоссейных дорог, шахт или линий телеграфа, не посылать туда никаких представителей, а вести дела с Лхасой только через верховные власти Китая. Русские формально признали, что Афганистан находится в сфере британского влияния. Они заверяли, что не станут посылать туда никаких агентов, а все политические сношения с Кабулом будут вести через Лондон, хотя вольны будут там торговать. Со своей стороны англичане гарантировали неизменность политического статуса Афганистана. Кроме того, признавая обоснованность беспокойства Санкт-Петербурга, что Британия и Афганистан выступят совместно против царского правления в Центральной Азии, англичане торжественно обещали, во-первых, что подобного никогда не произойдет, а во-вторых, что они будут сдерживать Кабул от любого проявления враждебности.

Соглашение относительно Персии было гораздо сложнее. В то время, как обе стороны заверяли, что уважают ее независимость и позволят третьим странам свободно там торговать, они согласились разделить ее на две сферы влияния нейтральной зоной. России достался север и центр, включая Тегеран, Тебриз и Исфахан, Англии же оставался юг, включая жизненно важный проход в Персидский залив. Как выразился сэр Эдвард Грей: «На бумаге это была равноценная сделка. Часть Персии, прилегающая к Индии, защищена от российского проникновения. Часть Персии, доступная России, защищена от британского проникновения». Тем не менее он убеждал, что для Британии сделка выгоднее. «Практически, — писал он, — мы не уступили ничего. Мы не собирались проводить в Персии наступательную политику. Но британское продвижение в Персии так же точно угрожало России, как российское продвижение в Персии могло стать угрозой Индии». Не удивительно, добавлял он, что графу Извольскому трудно было убеждать российских генералов, «сдающих» так много, «в то время как мы уступили то, что имело небольшое или вообще не имело для нас никакого практического значения».

Но не каждый в Британии видел в новом соглашении смысл. «Ястребы», подобно их российским противникам, осудили его как распродажу. Их главой был врожденный русофоб лорд Керзон, который после отставки с поста вице-короля вернулся в Лондон продолжать бороться с кабинетом. Доведенный до кипения уже тем, как правительство кастрировало с трудом завоеванное соглашение Янгхасбенда с тибетцами, он осуждал соглашение: «Оно отдает все, за что мы боролись годами, и выбрасывает это оптом, поистине цинично в своем безрассудстве... усилия и жертвы целого столетия, и ничего или почти ничего взамен». Российская часть Персии, утверждал он, была слишком большой и включала все главные города, в то время как доля Англии была маленькой и экономически бесполезной. Что касается соглашения по Афганистану, то Англия не получила ничего, а уж тибетские статьи соглашения расценивались как равносильные «абсолютной капитуляции». В своих суждениях он был солидарен с другим заядлым русофобом, теперь уже семидесятишестилетним ветераном Арминиусом Вамбери. Из Будапешта тот написал в британское Министерство иностранных

дел, платившее ему небольшую пенсию за услуги короне: «Мне все это не нравится. Вы заплатили слишком высокую цену за временный мир, за такой, какой есть, и унижение не увеличит британский престиж в Азии. Вы проявили излишнюю осторожность перед лицом ослабленного, больного противника, хотя Британия в этом не нуждалась».

Не менее возмущены ситуацией были сами персы и афганцы, когда узнали, что их разделили между Лондоном и Санкт-Петербургом таким бесчестным способом, с ними даже не проконсультировавшись. Совершенно неизвестно, что чувствовали тибетцы, поскольку после ухода Янгхасбенда в Лхасе не было никого, чтобы это зафиксировать. Но независимо от позиции его критиков англо-российское соглашение 1907 года наконец направило Большую Игру к финалу. Две конкурирующие империи достигли наконец пределов своей экспансии. В Индии и Британии сохранялись вялые подозрения по поводу российских намерений, особенно в отношении Персии, на которую Санкт-Петербург продолжал оказывать нажим. Однако для руководства Индии не было достаточных оснований воспринять это как серьезную угрозу. Наконец-то российский жупел был отправлен в отставку. Потребовалась большая часть столетия, понадобились жертвы многих храбрецов с обеих сторон, но в конечном счете дипломаты все решили.

Так ли это? В августе 1914 года, когда англичане и русские сражались как союзники и в Европе, и в Азии, казалось, что так. Все оставшиеся подозрения были быстро забыты, когда два старых соперника объединили силы, чтобы изгнать немцев и турок со своих азиатских территорий и сфер влияния. Впервые сипай и казак не поглядывали друг на друга с подозрением и опаской через горы и пустыни в самом центре Азии, а сражались плечом к плечу. Их общая цель состояла в том, чтобы выбить новых соперников с Кавказа, из Персии и Афганистана — взрывоопасных регионов, от которых зависела безопасность и Британской Индии, и центральноазиатских владений царя. Но для самого Николая время было исчерпано. Невыносимое напряжение, вызванное войной, легло на его народ и на российскую экономику и дало его собственным «внутренним врагам» долгожданный шанс. В октябре 1917 года российская революция вызвала коллапс всего восточного фронта — от Балтики до Кавказа. Большевики сразу порвали все договоры, заключенные их предшественниками. Англороссийское соглашение, на которое с такой надеждой делала ставку Британия, стало вдруг ничего не стоящей бумажкой. Вроде бы уже завершенная Большая Игра была обречена начаться снова, в новом облике и с новой энергией, поскольку пламенный марксист Ленин поклялся увидеть Восток в огне. Однако это — другая история, о которой я уже рассказывал в другой книге...

* * *

Прошло более восьмидесяти лет с тех пор, как закончилась имперская борьба между Санкт-Петербургом и Лондоном. На обширной арене былого соперничества произошли важные перемены. Как показывают нынешние заголовки, политические перемены продолжаются, но они слишком запутанны и изменчивы, чтобы на них задерживаться. Изменением, которое удивило бы участников Большой Игры, стала открытость запретных регионов для иностранцев. Теперь сравнительно просто добраться до Читрала, где над речной излучиной все еще нависает серая каменная крепость, и до Хунзы, где Меннерс Смит заработал свой Крест Виктории, штурмуя вертикальную скалу. Бухару, где под площадью перед цитаделью захоронены Конолли и Стодарт, можно посетить благодаря «Интуристу», так же как и Хиву, Самарканд и Ташкент, хотя последний после землетрясения был в значительной степени отстроен заново. Когда пишутся эти строки, китайцы также позволяют туристам посещать Кашгар, Яркенд и Лхасу, хотя как долго это продлится, никто не знает.

Некоторые регионы, когда-то доступные, теперь закрыты, подобно усыпанному скелетами перевалу Каракорум. Некогда основной путь через горы из Северной Индии в Китай теперь заменила Каракорумская магистраль. Где-нибудь на древнем перевале стоит одинокий памятник Эндрю Далглишу, жестоко зарубленному там в 1888 году. Давно его никто не видел — последний караван прошел тем путем в 1949 году. Молодого шотландца нашли на этом месте убитым, хотя похоронен он не там, а позади бунгало британского специального

уполномоченного в Лехе. Места вечного покоя некоторых известнейших участников Большой Игры, особенно Муркрофта, Бернса, Макнагтена и Каваньяри, неизвестны, но могилы других все еще можно посетить. Генерал Кауфман, архитектор российского завоевания Центральной Азии, похоронен возле старого кафедрального собора в Ташкенте. Джордж Хейуорд — на малопосещаемом европейском кладбище в Гилгите. Френсис Янгхасбенд лежит на маленьком дорсетском кладбище в Литчет Минстере.

Люди их типа, участники Игры с обеих сторон, мало сомневались в том, что делали. Для них это было время высшего имперского доверия, безоглядного патриотизма и непоколебимой веры в превосходство христианской цивилизации над всем *остальным*. Оглядываясь в прошлое, современные историки могут спросить: а была ли реальной российской угроза Индии? Реальной — при столь огромных препятствиях, которые предстояло преодолеть силам вторжения? Но для Бернса и Поттинджера, Барнаби и Роулинсона она казалась достаточно реальной и постоянной. И история Индии, казалось, подтверждала их опасения. Как с плохо скрытым злорадством указывал один российский генерал, из двадцати одного вторжения в Индию, предпринятого за века с севера и запада, восемнадцать оказались успешными. Разве были какие-то основания думать, что мощнейшая российская армия слабее любой другой? Люди, подобные Кауфману и Скобелеву, Алиханову и Громбчевскому, в равной степени боялись, что, если они умерят российские притязания на среднеазиатские ханства, англичане в конечном счете присоединят эмираты к своей Индийской империи.

Что касается самих индусов, то, обсуждая все эти расклады, с ними никто не консультировался. Вот только в борьбе империй прежде всего проливали свою кровь они, равно как их соседи-мусульмане. На самом деле они хотели, чтобы их оставили в покое, чего и добились в 1947 году, когда англичане уложили свои вещички и отбыли восвояси. Народам Центральной Азии с завоевателями повезло меньше. Уже больше столетия обширная Российская империя служит там памятником царским героям Большой Игры. Сколько это продлится ввиду угрожающих Советскому Союзу серьезных потрясений, предсказать невозможно.

У британских героев Большой Игры нет даже и такого сомнительного мемориала. Карты отражают сущую малость их усилий и жертв. Сегодня они живут только в непрочитанных мемуарах, случается, в названии мест да еще в недостоверных рассказах и воспоминаниях о давно забытых приключениях...

Лондон, январь 1990 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература, связанная с Большой Игрой во всех ее бесчисленных аспектах, весьма обширна. Нижеприведенный, далеко не исчерпывающий список названий включает те работы, которые в процессе изысканий и написания книги показались мне наиболее ценными. Многие из этих книг давно уже не переиздавались, и найти их можно только в специализированных библиотеках или за очень большие деньги. Хотя афганская война, Крымская война, восточный вопрос, англо-русские отношения, русско-японская война и неотделимы от Большой Игры, но они представляют собой самостоятельные темы со специально посвященной им литературой. Здесь я перечислил только те книги, которые счел наиболее полезными. Ради краткости я также исключил сообщения и статьи современных газет, на которые ссылался, хотя обычно это указывается в тексте. По той же причине и поскольку вряд ли они заинтересуют основных читателей, я не привожу номера документов из политических и секретных фондов, хранящихся теперь в архиве Лондонской Индийской библиотеки. Кроме особо отмеченных случаев, все нижеперечисленные книги изданы в Лондоне.

BIBLIOGRAPHY

The literature of the Great Game, in all its many aspects, is *vast*. The following list of titles, although far from exhaustive, includes those works which I found most valuable while researching and writing this book. Many of the books are long out of print, and can only be obtained from specialist libraries — or at great expense. The Afghan wars, the Crimean War, the Eastern Question, Anglo-Russian relations and the Russo-Japanese War, although inseparable from the Great Game, are major subjects on their own, with substantial literatures devoted to them. I have therefore listed only those works which I found most useful. Also, for the sake of brevity, I have omitted reports and articles from contemporary newspapers from which I have quoted, although these are usually identified in the text. For the same reason, and because they are unlikely to interest the general reader, I have not listed the file numbers where I have drawn on the Political and Secret files of the day, now in the India Office Library and Records. Except where otherwise indicated, all the works below were published in London.

- Abbott, Capt. James, *Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and St Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva*. 1843.
- Adam, Mme, *Le General Skobelev*. Paris, 1886.
- Addy, Premen, *Tibet on the Imperial Chessboard*. Calcutta, 1984.
- Adye, Gen. Sir John, *Indian Frontier Policy*. 1897.
- Alder, Dr Garry, *British India's Northern Frontier, 1865 — 1895*. 1963.
- Beyond Bokhara. The Life of William Moorcroft*. 1985.
- Alder, L., and Dalby, R., *The Dervish of Windsor Castle. The Life of Arminius Vambery*. 1979.
- Alexander, Michael, *The True Blue. The Life and Adventures of Colonel Fred Burnaby, 1842—1885*. 1957.
- Ali, Mahfuz, *The Truth about Russia and England. From a Native's Point of View*. Lucknow, 1886.
- Allen, W. E. D., and Muratoff, P., *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828 — 1921*. Cambridge, 1953.
- Anderson, M. S., *Britain's Discovery of Russia, 1553 — 1815*. 1958.
- The Eastern Question, 1774—1923*. 1966.
- Andrew, C., and Noakes, J., *Intelligence and International Relations, 1900—1945*. Exeter, 1987.
- Andrew, Sir William, *Euphrates Valley Route to India, in connection with the Central Asian and Egyptian Questions*. 1882.
- 'An Indian Army Officer', *Russia's March towards India*. 2 vols. 1894.
- 'An Old Indian', *Russia Versus India. Or observations on the present political relations of England with the East*. 1838.
- Anon., *Invasions of India from Central Asia*. 1879.
- Anon., *Notes on the Relations of British India with Some of the Countries West of the Indus*. 1839.
- Anon., *Russia's Next Move Towards India*. 1885.
- Anon., *The Dardanelles for England. The True Solution of the Eastern Question*. 1876.
- Argyle, Duke of, *The Eastern Question*. 2 vols. 1879.
- Armstrong, T. (ed.), *Yermak's Campaign in Siberia*. 1975.
- 'Arthur Vincent', *The Defence of India*. 1922.
- Baddeley, John F., *The Russian Conquest of the Caucasus*. 1908.
- Baker, J'. N. L., *A History of Geographical Discovery and Exploration*. 1931.
- Baker, Col. Valentine, *Clouds in the East. Travels and Adventures on the Perso-Turkoman Frontier*. 1876.
- Barr, Lt. W., *Journal of a March from Delhi to Peshawur and from thence to Cabul with the Mission of Lieut.-Colonel Sir C.M. Wade*. 1844.
- Bartlett, E. A., *Shall England Keep India?* 1886.
- Barton, Sir W., *India's North-West Frontier*. 1939.
- Baskakov, V. (trans.), *A History of Afghanistan*. Moscow, 1985.

- Baxter, W. E., *England and Russia in Asia*. 1885.
- Becker, S., *Russia's Protectorates in Central Asia. Bokhara and Khiva, 1865—1924*. Cambridge, Mass., 1968.
- Bell, Maj. Evans, *The Oxus and the Indus*. 1869. Bell, James S., *Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839*. 2 vols. 1840.
- Bell, Col. M. S., *Afghanistan as a Theatre of Operations and as a Defence to India*. Calcutta, 1885.
- Bellew, Surg.-Maj. H.W., *Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857*. 1862.
- From the Indus to the Tigris, a Journey through the Countries of Balochistan, Afghanistan, Khorassan and Iran in 1872*. 1873.
- Kashmir and Kashgar. A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashgar in 1873—1874*. 1875. Benyon, Lt. W. G. L., *With Kelly to Chitral*. 1896. Beresford, Col. C.E., 'Russian Railways towards India', *Proceedings of the Central Asian Society*. 1906. Blanch, Lesley, *The Sabres of Paradise*. 1960. Blood, Gen. Sir Bindon, *Four Score Years and Ten*. 1933. Bonvalot, Gabriel, *Through the Heart of Asia. Over the Pamirs to India*. 2 vols. 1889.
- Boulger, Demetrius, *England and Russia in Central Asia*. 2 vols. 1879.
- Central Asian Portraits*. 1880.
- Central Asian Questions. Essays on Afghanistan, China and Central Asia*. 1885. Bower, Capt. Hamilton, *Diary of a Journey Across Tibet*. Calcutta, 1893.
- Bremner, Robert, *Excursions in the Interior of Russia, including Sketches of the Character and Policy of the Emperor Nicholas*. 2 vols. 1839.
- Bruce, R. I., *The Forward Policy and its Results*. 1900. Buchan, John, *The Half-Hearted*. 1900.
- Buckland, C. E., *Dictionary of Indian Biography*. 1906. Burnaby, Capt. Frederick, *A Ride to Khiva. Travels and Adventures in Central Asia*. 1876.
- On Horseback through Asia Minor*. 2 vols. 1877. Burnes, Sir Alexander, *Travels into Bokhara*. 3 vols. 1834. *Cabool. Being a Personal Narrative of a Journey to, and Residence in, that City in the Years 1836, 7 and 8*. 1842. Burslem, Capt. R., *A Peep into Toorkistan*. 1846.
- Cameron, Lt.-Col. G. P., *Personal Adventures and Excursions in Georgia, Circassia and Russia*. 2 vols. 1845.
- Campbell, Sir George, *The Afghan Frontier*. 1879.
- Caroe, Sir Olaf, *The Pathans, 550 BC—AD 1957*. 1958.
- Cazelet, E., *England's Policy in the East. Our Relations with Russia*. 1876.
- Chakravarty, S., *From Khyber to Oxus. A Study of Imperial Expansion*. Delhi, 1976.
- Chavda, V. K., *India, Britain, Russia. A Study in British Opinion, 1838—1878*. Delhi, 1967.
- Chirol, Sir Valentine, *The Middle Eastern Question, or Some Problems of Indian Defence*. 1903.
- Chohan, A. S., *The digit Agency, 1877—1935*. Delhi, n.d. (1980s).
- Churchill, R. P., *The Anglo-Russian Convention of 1907*. Cedar Rapids, USA, 1939.
- Clayton, G. D., *Britain and the Eastern Question. Misso-longhi to Gallipoli*. 1971.
- Cobbold, Ralph, *Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs*. 1900.
- Coen, T. C., *The Indian Political Service*. 1971.
- Collen, Lt.-Gen. Sir E., *The Defence of India*. 1906.
- Colquhoun, A. R., *Russia Against India*. 1906.
- Colquhoun, Capt. J., *Essay on the Formation of an Intelligence Department for India*. 1874.
- Conolly, Lt. Arthur, *Journey to the North of India, Overland from England, Through Russia, Persia and Affghauni-staun*. 2 vols. 1834.
- Cory, Col. A., *Shadows of Coming Events*. 1876.
- Costin, W. C., *Great Britain and China, 1833 —1860*. Oxford, 1937.
- Cotton, Sir S., *The Central Asian Question*. Dublin, 1878.
- Curzon, Hon. George N., *Russia in Central Asia*. 1889. *Persia and the Persian Question*. 2 vols. 1892. *The Pamirs and the Source of the Oxus*. 1896. *Frontiers*. Oxford, 1907.
- Custine, Marquis de, *Journey For Our Time. Russia in 1839*. 1953.
- Dabbs, Jack, *History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan*. The Hague, 1963.
- Dacosta, J., *A Scientific Frontier*. 1891,

- Dallin, D., *The Rise of Russia in Asia*. New Haven, USA, 1949.
- David, Maj. C., *Is A Russian Invasion of India Feasible?* 1877.
- Davies, C. C., *The Problem of the North-West Frontier, 1890 — 1908. With a Survey of Policy since 1849*. Cambridge, 1932.
- Davis, H. W. C., *The Great Game in Asia, 1800—1844*. Raleigh Lecture, 1926.
- Dekhnewala, A., *The Great Russian Invasion of India*. 1879. *Dictionary of National Biography*. Oxford, 1921.
- Dilke, Sir C, and Wilkinson, W., *Imperial Defence*. 1892.
- Dobson, G., *Russia's Railway Advance into Central Asia*. 1890.
- Durand, Col. Algernon, *The Making of a Frontier. Five Years' Experience and Adventures in Gilgit, Hunza, Nagar, Chi-tral and the Eastern Hindu Kush*. 1899.
- Durand, Sir Henry, *The First Afghan War*. 1879.
- Edwardes, Maj. Herbert, *A Year on the Punjab Frontier, in 1848—1849*. 2 vols. 1851.
- Edwardes, Michael, *Playing the Great Game. A Victorian Cold War*. 1975.
- Edwards, H. S., *Russian Projects against India, from Czar Peter to General Skobelev*. 1885.
- Ellenborough, Lord, *Political Diary, 1828—1830*. 2 vols. 1881.
- Elliott, Maj.-Gen./ G., *The Frontier, 1839—1847*. 1968.
- English, Barbara, *John Company's Last War*. 1971.
- Entner, M.L., *Russo-Persian Commercial Relations, 1828 — 1914*. Gainesville, USA, 1965.
- Evans, Col. George de Lacy, *On the Designs of Russia*. 1828. *On the Practicability of an Invasion of British India*. 1829.
- Eyre, Lt. Vincent, *The Military Operations at Cabul, which ended in the Retreat and Destruction of the British Army, January 1842*. 1843.
- Fairley, Jean, *The Lion River: The Indus*. 1975.
- Faris, Selim, *The Decline of British Prestige in the East*. 1887.
- Fisher, A. W., *The Russian Annexation of the Crimea, 1772—1728*. Cambridge, 1970.
- Fleming, Peter, *Bayonets to Lhasa. The British Invasion of Tibet in 1904*. 1961.
- Forsyth, Sir Douglas, *Report of a Mission to Yarkand in 1873*. Calcutta, 1875.
- Forsyth, E. (ed.), *Autobiography and Reminiscences of Sir Douglas Forsyth*. 1887.
- Fraser-Tytler, Sir W. K., *Afghanistan. A Study of Political Developments in Central Asia*. 1950.
- Frechtling, L. E., 'Anglo-Russian Rivalry in Eastern Tur-kistan, 1863—1881', *Journal of the Royal Central Asian Society*. Vol. XXVI. 1939.
- Fredericks, P. G., *The Sepoy and the Cossack*. 1972.
- Geyer, Dietrich, *Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860 — 1914*. Leamington Spa, 1987.
- Gillard, David, *The Struggle for Asia, 1828—1914*. 1977.
- Gleason, J.H., *The Genesis of Russophobia in Great Britain*. Cambridge, USA, 1950.
- Glover, M., *A Very Slippery Fellow. The Life of Sir Robert Wilson, 1777-1849*. Oxford, 1977.
- Colder, F. A., *Russian Expansion on the Pacific, 1641 — 1850*. Cleveland, USA, 1914.
- Goldsmid, Col. Sir F., *Central Asia and its Question*. 1873. *Eastern Persia*. 2 vols. 1876.
- Gopal, S., *British Policy in India, 1858—1905*. Cambridge, 1965.
- Gordon, T. E., *The Roof of the World*. Edinburgh, 1876. *A Varied Life*. 1906.
- Grant Duff, M.E., *The Eastern Question*. Edinburgh, 1876.
- Greaves, R. L., *Persia and the Defence of India, 1884 — 1892*. 1959.
- Green, Col. Sir H., *The Defence of the North-West Frontier of India, with Reference to the Advance of Russia in Central Asia*. 1873.
- Grover, Capt. John, *An Appeal to the British Nation on Behalf of Colonel Stoddart and. Captain Conolly, Now in Captivity in Bokhara*. 1843.
- The Bokhara Victims*. 1845.
- The Ameer of Bokhara and Lord Aberdeen*. 1845.
- Habberton, W., 'Anglo-Russian Relations concerning Afghanistan, 1837—1907', *Illinois Studies in the Social Sciences*. Vol.21. 1937.
- Hall, L., *A Brief Guide to Sources for the Study of Afghanistan in the India Office Records*.

1981.

Hanna, Col. H. B., *Can Russia Invade India?* 1895.

India's Scientific Frontier. Where is it? What is it? Backwards or Forwards? n.d. (1895).
The Second Afghan War, 1878—1879—1880. 3 vols. 1899—1910. Harris, J., *Much Sounding of Bugles. The Siege of Chitral, 1895.* 1975.

Harrison, J. A., *The Founding of the Russian Empire in Asia and America.* Miami, USA, 1971.

Havelock, Capt. H., *Narrative of the War in Afghanistan.* 1840. Haxthausen, Baron A. von, *The Tribes of the Caucasus. With an Account of Schamyl and the Murids.* 1855.

Hayward, George, 'Journey from Leh to Yarkand and Kashgar'. Read Dec. 13, 1869. *Journal of the RGS.* 1871.

'Letters from Mr G. W. Hayward on his Explorations in Gilgit and Yassin'. Read Nov. 15, 1870. *Journal of the RGS.* 1872. Heathcote, T. A., *The Afghan Wars, 1839—1919.* 1980. Hellwald, F. von, *The Russians in Central Asia.* 1874. Henze, P. B., 'Fire and Sword in the Caucasus. The 19th century resistance of the North Caucasian Mountaineers', *Central Asian Survey.* Oxford, 1983.

Heumann, Capt., *Les Russes et les Anglais dans L'Asie Cen-trale.* Paris, 1885.

Holdich, Sir Thomas, *The Indian Borderland, 1880—1900.* 1901.

The Gates of India. 1910. Holdsworth, M., *Turkestan in the 19th Century. A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva.* Oxford, 1959.

Hopkirk, Peter, *Trespassers on the Roof of the World. The Race for Lhasa.* 1982.

Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. 1984. Hoskins, H. L., *British Routes to India.* New York, 1928. Hsu, I. C. Y., *The Hi Crisis.* Oxford, 1965. Hue, F., *Les Russes et les Anglais dans L'Afghanistan.* Paris, 1885.

Hunt, Capt. G. H., *Outram and Havelock's Persian Campaign.* 1858.

Hutchinson, A. H., *The Next Battlefield.* 1871. Hutton, J., *Central Asia: From the Aryan to the Cossack.* 1875. Ingle, H.N., *Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836—1844.* Berkeley, USA, 1976.

Ingram, Edward, *The Beginning of the Great Game in Asia, 1828—1834.* Oxford, 1979.

Commitment to Empire. Prophecies of the Great Game in Asia, 1797—1800. Oxford, 1981. *In Defence of British India. Great Britain in the Middle East, 1775—1842.* 1984. James, Lionel, *With the Chitral Relief Force.* Calcutta, 1895. Jelavich, B., *A Century of Russian Foreign Policy, 1814 — 1914.* Philadelphia, USA, 1964.

Jerningham, H.E., *Russia's Warnings. Collected from Official Papers.* 1885.

Kalmykow, A. D., *Memoirs of a Russian Diplomat. Outposts of the Empire, 1893—1917.* New Haven, USA, 1971.

Kaye, Sir John, *History of the War in Afghanistan.* 2 vols. 1851. (Revised in 3 vols., 1874.)

Life and Correspondence of Major-General Sir John Malcolm. 2 vols. 1856. *Lives of Indian Officers.* 2 vols. 1867. Kazemzadeh, F., *Russia and Britain in Persia, 1864 —1914.* New Haven, USA, 1968.

Keay, John, *When Men and Mountains Meet.* 1977.

The Gilgit Game. 1979. Kelly, J. B., *Britain and the Persian Gulf, 1795—1880.* Oxford, 1968.

Kessler, M.M., *Ivan Viktorovich Vitkevich, 1806 —1839. A Tsarist Agent in Central Asia.* Washington, USA, 1960.

Khalfin, N. A., *Russia's Policy in Central Asia, 1857 —1863.* (Condensed and translated from the 1960 Moscow edn.) 1964.

Khanikoff, M., *Bokhara, its Amir and its People.* (From the Russian.) 1845.

Khiva. *A Narrative of the Russian Military Expedition to Khiva under General Perofski in 1839.* (From the Russian.) Calcutta, 1867.

Kinneir, J.M., *Geographical Memoir of the Persian Empire.* 1813.

Journey through Asia Minor, Armenia and Koordistan in 1813—1814. 1818. Kipling, Rudyard, *Kim.* 1901. Knight, E. F., *Where Three Empires Meet.* 1894. Kostenko, Capt. L. F., *Description of the Journey of a Russian Mission to Bokhara in 1870.* (From the Russian.) Secret and Political Department, India Office, n.d. Krausse, A., *Russia in Asia.* 1899.

Kuropatkin, Col. A.N., *Kashgaria. Historical and Geographical Sketch of the Country, its Military Strength, Industries and Trade.* (From the Russian.) Calcutta, 1882.

- Les Confins Anglo-Russes dans L'Asie Centrale.* (From the Russian.) Paris, 1885.
- Lai, Mohan, *Journal of a Tour through the Panjab, Afghanistan, Turkestan, Khorasan and Part of Persia.* Calcutta, 1834. *Life of the Amir Dost Muhammed Khan of Kabul.* 2 vols. 1846. Lamb, A., *Britain and Chinese Central Asia. The Road to Lhasa, 1767—1905.* 1960.
- 'Late Resident at Bhagulpore', *The Dangers of British India from French Invasion.* 1808.
- Lawrence, Sir George, *Forty-three Years in India.* 1874. Lobonov-Rostovsky, Prince A., *Russia and Asia.* New York, 1933.
- Lockhart, Col. William, *Confidential Report of the Gilgit Mission, 1885—1886.* 1889.
- Longworth, J. A., *A Year Among the Circassians.* 2 vols. 1840.
- Lunt, James, *Bokhara Burnes.* 1969.
- MacGregor, Col. C.M., *Narrative of a Journey through the Provinces of Khorassan and on the N. W. Frontier of Afghanistan in 1875.* 2 vols. 1879.
- Wanderings in Baluchistan.* 1882. (Gen. Sir Charles), *The Defence of India.* Simla, 1884.
- MacGregor, Lady (ed.), *The Life and Opinions of Major-General Sir Charles MacGregor.* 2 vols. Edinburgh, 1888.
- MacKenzie, D., *The Lion of Tashkent. The Career of General M. G. Cherniaev.* Athens, USA, 1974.
- Maclean, Sir Fitzroy, *Eastern Approaches.* 1949.
- A Person from England.* 1958.
- To Caucasus. The End of All the Earth.* 1976. McNeal R. H., *Tsar and Cossack, 1855—1914.* Oxford, 1987. McNeill, Sir John (anon.), *Progress and Present Position of Russia in the East.* 1836.
- Macrory, Sir Patrick, *Signal Catastrophe. The Retreat from Kabul, 1842.* 1956.
- Malcolm, Sir John, *History of Persia from the Most Early Period to the Present Day.* 2 vols. 1815.
- (anon.), *Sketches of Persia from the Journals of a Traveller in the East.* 2 vols. 1827. Malleon, Col. G.B., *History of Afghanistan.* 1878.
- Herat: The Granary and Garden of Central Asia.* 1880.
- The Russo-Afghan Question and the Invasion of India.* 1885. Malozemoff, A., *Russian Far Eastern Policy, 1881 —1904.* Berkeley, USA, 1958.
- Marriott, J. A. R., *The Eastern Question.* 1917.
- Anglo-Russian Relations, 1689—1943.* 1944. Marvin, Charles, *The Eye-Witnesses' Account of the Disastrous Russian Campaign against the Akhal Tekke Turkomans.* 1880.
- Merv, the Queen of the World, and the Scourge of the Man-Stealing Turkomans.* 1881.
- The Russian Advance towards India.* 1882.
- The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India.* 1883.
- The Russian Railway to Herat and India.* 1883.
- The Russian Annexation of Merv.* 1884.
- Reconnoitring Central Asia.* 1884.
- The Region of Eternal Fire. An Account of a Journey to the Petroleum Region of the Caspian in 1883.* 1884.
- The Railway Race to Herat.* 1885.
- The Russians at the Gates of Herat.* 1885.
- (trans, and ed.), *Colonel Grodekoff's Ride from Samarkand to Herat.* 1880.
- Mason, Philip, *A Matter of Honour. An Account of the Indian Army.* 1974.
- Masson, Charles, *Narrative of Various Journeys in Balochi-stan, Afghanistan and the Panjab, including a Residence in those Countries.* 3 vols. 1842.
- Narrative of a Journey to Kalat.* 1843.
- Masters, John, *The Lotus and the Wind.* 1953.
- Maxwell, Col. Leigh, *My God — Maiwand! Operations of the South Afghanistan Field Force, 1878—1880.* 1979.
- Mayer, S.R., *Afghanistan. Its Political and Military History ... and an Appendix on the Prospects of a Russian Invasion of India.* 1879.
- Mehra, P., *The Younghusband Expedition. An Interpretation.* 1968.

- Menon, K. S., *The 'Russian Bogey' and British Aggression in India and Beyond*. Calcutta, 1957.
- Meyendorff, Baron, *Voyage d'Orenbourg a Boukhara fait en 1820*. Paris, 1826.
- Michell, Robert (trans.), *A Narrative of the Russian Military Expedition to Khiva, conducted by Prince Alexander Bekovitch Cherkasski in 1717*. 1873.
- Miller, C, *Khyber. British India's North-West Frontier*. 1977.
- Monteith, Lt.-Gen. W., *Kars and Erzeroum, with the Campaigns of Prince Paskiewitch in 1823 and 1829, and an Account of the Conquests of Russia Beyond the Caucasus*. 1856.
- Moorcroft, William, and Trebeck, G., *Travels in the Himalayan Provinces of Hindoostan and the Punjab*. 2 vols. 1841.
- Morgan, Gerald, *Ney Elias. Explorer and Envoy Extraordinary*. 1971.
- Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810—1895*. 1981.
- Morrell, J. R., *Russia and England. Their Strength and Weakness*. New York, 1854.
- Morris, James, *Pax Britannica*. (Trilogy.) 1968,1973,1978.
- Morrison, J. L., *From Alexander Burnes to Frederick Roberts. A Survey of Imperial Frontier History. Raleigh Lecture*, 1936.
- Moser, L., *The Caucasus and its People, with a Brief History of their Wars, and a Sketch of the Achievements of the Renowned Chief Schamyl*. 1856.
- Muraviev, Nikolai, *Journey to Khiva through the Turkoman Country, 1819—1820*. Calcutta, 1871.
- Napier, Capt. G. C, *Collection of Journals and Reports received from Captain the Hon. G. C. Napier, Bengal Staff Corps, on Special Duty in Persia*. 1876.
- Nazem, Hossein, *Russia and Great Britain in Iran, 1900 — 1914*. Teheran, 1975.
- Nemirovitch-Dantchenko, V. I., *Personal Reminiscences of General Skobelleff*. (From the Russian.) 1884.
- Nevill, Capt. H.L., *Campaigns on the North-West Frontier*. 1912.
- North, Lt.-Col. R., *The Literature of the North-West Frontier. A Select Bibliography. Peshawar*. 1945.
- O'Connor, Sir Frederick, *On the Frontier and Beyond*. 1931.
- O'Donovan, Edmond, *The Merv Oasis. Travels and Adventures East of the Caspian, 1879—1880—1881*. 2 vols. 1882.
- 'O.K.' (Mme Olga Novikoff), *Russia and England, from 1876—1880*. 1880.
- Pahlen, Count K. K., *Mission to Turkestan, 1908—1909*. 1964.
- Parliamentary Papers, 'Russian Agents in Persia and Afgha-' nistan'. Vol. 40.1839.
- Pasley, R., '*Send Malcolm!*' *The Life of Major-General Sir John Malcolm, 1769—1833*. 1982.
- Piassetsky, P., *Russian Travellers in Mongolia and China*. 2 vols. (From the Russian.) 1884.
- Pierce, R.A., *Russian Central Asia, 1867—1917*. Berkeley, USA, 1960.
- Popowski, J., *The Rival Powers in Central Asia*. 1893.
- Pottinger, G., *The Afghan Connection. The Extraordinary Adventures of Major Eldred Pottinger*. Edinburgh, 1983.
- Pottinger, Lt. Henry, *Travels in Beloochistan and Sinde*. 1816.
- Prejevalsky, Lt.-Col. Nikolai, *Mongolia, the Tangut Country and the Solitudes of Northern Tibet*. 2 vols. (From the Russian.) 1876.
- From Kulja across the Tian Shan to Lob Nor*. (From the Russian.) 1879.
- Prioux, A., *Les Russes dans L'Asie Centrale*. Paris, 1886.
- Quested, R. K. I., *The Expansion of Russia in East Asia, 1857—1860*. Kuala Lumpur, 1968.
- Rahman, Abdur, *The Life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan*. 2 vols. 1900.
- Ramazani, R. K., *The Foreign Policy of Iran, 1500—1941* Charlottesville, USA, 1966.
- Ravenstein, E. G., *The Russians on the Amur*. 1861. Rawlinson, Sir Henry, *England and Russia in the East*. 1875. Rawlinson, Canon G., *A Memoir of Sir Henry Rawlinson*. 1898. Rayfield, Donald, *The Dream of Lhasa. The Life of Nikolay Przhevalsky, 1839—1888, Explorer of Central Asia*. 1976.
- Roberts, Field Marshal Lord, *Is An Invasion of India Possible? Confidential Report*. Madras, 1883.
- Forty-One Years in India*. 2 vols. 1897. Roberts, P. E., *History of British India. Under the Company and the Crown*. 1921.

- Robertson, Sir George, *Confidential Report on a Journey to Kafirstan*. 1894.
- Chitral. *The Story of a Minor Siege*. 1898. Robinson, G., *David Urquhart. Some Chapters in the Life of a Victorian Knight-Errant of Justice and Liberty*. Oxford, 1920. Robson, B., *The Road to Kabul. The Second Afghan War 1878—1881*. 1986.
- Rodenbough, Brig. T. F. (US Army), *Afghanistan and the Anglo-Russian Dispute*. New York, 1885.
- Romanovski, M., *Notes on the Central Asiatic Question*. (From the Russian.) Calcutta, 1870.
- Russell, R., *India's Danger and England's Duty*. 1885. *Russian Missions into the Interior of Asia*. 1. *Nazaroff's Expedition to Kokand*. 2. *Eversmann and Jakovlew's Account of Buchara*. 3. *Captain Muraviev's Embassy to Turkomania and Chiva*. 1823.
- Sale, Lady, *Journal of the Disasters in Afghanistan*. 1843. Schofield, Victoria, *Every Rock, Every Hill. The Plain Tale of the North-West Frontier and Afghanistan*. 1984.
- Schuyler, Eugene, *Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bokhara and Kuldja*. 2 vols. 1876.
- Seaver, George, *Francis Younghusband. Explorer and Mystic*. 1952.
- Seton-Watson, Hugh, *The Decline of Imperial Russia 1855-1914*. 1952.
- The Russian Empire, 1801—1917*. Oxford, 1967.
- Seton-Watson, R. W., Disraeli, *Gladstone and the Eastern Question*. 1935.
- Shakespear, Sir Richmond, 'A Personal Narrative of a Journey from Herat to Orenburg, on the Caspian, in 1840', *Blackwood's Magazine*. June 1842.
- Shaw, Robert, *Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar*. 1871.
- Showers, Maj.-Gen. C.L., *The Central Asian Question, and the Massacre of the Cabul Embassy*. 1879.
- The Cossack at the Gate of India*. 1885.
- Shukla, R. L., *Britain, India and the Turkish Empire, 1853-1882*. Delhi, 1973.
- Sidebottom, J. K., *The Overland Mail. A Postal Historical Study of the Mail Route to India*. 1948.
- Simond, C., *L 'Afghanistan. Les Russes aux portes de L'Inde*. Paris, 1855.
- Singer, Andre, *Lords of the Khyber*. 1984.
- Skobeleff, Gen. M. D., *The Siege and Assault of Dengehil Te-pe*. (From the Russian.) 1881.
- Skrine, C. P., and Nightingale, P., *Macartney at Kashgar. New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinki-ang, 1890—1918*. 1973.
- Skrine, F. H., and Ross, E. D., *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates*. 1899.
- Spiers, E. M., *Radical General. Sir George de Lacy Evans, 1787—1870*. Manchester, 1983.
- 'Stepniak', *The Russian Storm-Cloud. Russia in Her Relations to Neighbouring Countries*. 1886.
- Stewart, Col. Charles, *Through Persia in Disguise*. 1911.
- Stuart, Lt.-Col., *Journal of a Residence in Northern Persia and the Adjacent Provinces of Turkey*. 1854.
- Stumm, H., *Russia's Advance Eastward*. (From the German.) 1874.
- Russia in Central Asia*. (From the German.) 1885.
- Swinson, A., *The North-West Frontier, 1939—1947*. 1967.
- Sykes, Sir P. M., *A History of Afghanistan*. 1 vols. 1940.
- Terentiev, M. A., *Russia and England in Central Asia*. (From the Russian.) Calcutta, 1876.
- Thomson, H. C., *The Chitral Campaign*. 1895.
- Thorburn, S. S., *Asiatic Neighbours*. Edinburgh, 1894. Tikhvinsky, S. L. (ed.), *Chapters from the History of Russo-Chinese Relations, 17th to 19th centuries*. (From the Russian.) Moscow, 1985.
- Trench, Capt. F., *The Russo-Indian Question, Historically, Strategically and Politically Considered*. 1869.
- Tynianov, Y., *Death and Diplomacy in Persia*. (From the Russian.) 1938.
- Urquhart, David, *Turkey and its Resources*. 1833. *England, France, Russia and Turkey*. 1834. *England and Russia*. 1835. *The Spirit of the East*. 2 vols. 1839. *Diplomatic Transactions in Central Asia*. 1839. *The Progress of Russia in the West, North and South*. 1853. Valikhanov, Capt. C (et al.), *The Russians in Central Asia*. (From the Russian.) 1865.

- Vambery, Arminius, *Travels in Central Asia*. 2 vols. 1864. *Sketches of Central Asia*. 1868. *Central Asia and the Anglo-Russian Frontier Question*. 1874.
- Arminius Vambery, *His Life and Struggles*. 2 vols. 1883. *The Coming Struggle for India*. 1885.
- 'Vladimir', *Russia on the Pacific, and the Siberian Railway*. 1899.
- Warburton, Sir Robert (anon.), *The Russian Warning*. Privately printed. Peshawar, 1892.
- Waters, Brig.-Gen. W., '*Secret and Confidential*'. *The Experiences of a Military Attache*. 1926.
- Weil, M., *L'Expedition de Khiva*. Paris, 1874. Westmacott, Capt. G.E., *Indian Commerce and Russian Intrigue*. 1838.
- Wheeler, Col. Geoffrey (trans.), 'British Policy in Central Asia in the Early Nineteenth Century. The Mission of Richmond Shakespear'. Translation and review by G. Wheeler of article by N. I. Khalfin on 'British Expansion in Central Asia' in *Istoriya SSSR. Central Asian Review*. Vol. VI, No. 4.1958.
- Whitteridge, Sir Gordon, *Charles Masson of Afghanistan. War-minster*, 1986.
- Wilson, Sir Robert, *A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817*. 1817.
- Wisely, G. A., *Table of Distances in Russia, Central Asia and India*. 1885.
- Wood, Maj. H., *The Shores of Lake Aral*. 1876.
- Wood, Lt.J., *A Journey to the Source of the River Oxus*. 1841.
- Worms, Baron H. de., *England's Policy in the East*. 1877.
- Wright, Sir Denis, *The English Amongst the Persians. During the Qajar Period, 1787—1921*. 1977.
- Yapp, Malcolm, *Strategies of British India. Britain, Iran and Afghanistan*. Oxford, 1980.
- Yate, Lt. A. C., *England and Russia Face to Face in Asia. Travels with the Afghan Boundary Commission*. Edinburgh, 1887.
- Yate, Maj. C. E., *Northern Afghanistan*. Edinburgh, 1888.
- Youngusband, Col. Sir Francis, *Confidential Report of a Mission to the Northern Frontier of Kashmir in 1889*. Calcutta, 1890.
- The Heart of a Continent*. 1896. *India and Tibet*. 1910. *Wonders of the Himalaya*. 1924. *The Light of Experience*. 1927.
- Youngusband, G.J. and F.E., *The Relief of Chitral*. 1895.
- Zimmerman, Lt. C., *Khiva. Memoir on the Countries about the Caspian and Aral Seas*. (From the German.) 1840.